This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

K26
095
878
v.1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

58/2-26
4.8
1го КАДЕТСКАГО КОРПУСА БИБЛИОТЕКА

ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ и КАРТИНЫ

ТОМЪ I.

Очерки и картины

ПОВОЛЖЬЯ.

А. Овсянниковъ.

NOTE TO THE READER

The paper in this volume is brittle or the inner margins are extremely narrow.

We have bound or rebound the volume utilizing the best means possible.

PLEASE HANDLE WITH CARE

GENERAL BOOKBINDING CO., CHESTERLAND, OHIO

оспектъ, д. № 35.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 2 Марта 1878 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Предметомъ этой книги служитъ обозрѣніе природы, этнографіи, промышленной и торговой дѣятельности верхняго, средняго и нижняго Поволжья, 9-ти поволжскихъ губерній. Рѣка Волга, протекающая по этимъ губерніямъ, является въ настоящее время самою могучею жизненною артеріею и не только для однѣхъ поволжскихъ губерній, но и для всего русскаго народа, для всей территоріи Имперіи. Если принять во вниманіе, что на Волжско-Маріинскомъ торговомъ пути ежегодно движется 300 милл. пуд. грузовъ цѣнностью на 200 милл. руб. сер., если принять въ соображеніе, что на берегу той же Волги коренится Нижегородская ярмарка съ оборотами болѣе 170 милл. р. с., то знакомство съ Поволжьемъ составляетъ предметъ первостепенной важности и пріобрѣтаетъ громадное значеніе въ жизни каждаго русскаго. Вотъ почему авторъ исходнымъ пунктомъ своего труда и избралъ обозрѣніе девяти поволжскихъ губерній. И въ самомъ дѣлѣ среднее и нижнее Поволжье стало теперь истиннымъ средоточіемъ производительной дѣятельности русскаго народа, житницею не только Россіи, но и западныхъ государствъ, нуждающихся въ нашемъ хлѣбѣ. Волга-матушка носитъ на себѣ сотни пароходовъ, баржъ и судовъ всякихъ размѣровъ и наименованій, она кормитъ половину Россіи своимъ хлѣбомъ, она даетъ возможность заработка для сотенъ тысячъ народа, она протянула къ себѣ десятки линій желѣзныхъ дорогъ, она вызываетъ къ новой дѣятельности богатѣйшіе русскіе города, начиная отъ Рыбинска и Ярославля и окончивая Саратовомъ

и Самарою, она же, наконецъ, привлекла на свои плодоносныя поля сотни тысячъ трудолюбивыхъ нѣмецкихъ колонистовъ. До послѣдняго времени Волга была единственнымъ хорошимъ путемъ въ Россіи для передвиженія хлѣбныхъ грузовъ. Очень долгое время эти грузы перевозились по ней силою человѣка и силой вѣтра; бурлакъ съ лямкой на плечѣ былъ долго главной силой, перетаскивавшей всѣ волжскіе грузы; нагнувшись впередъ, переступая медленнымъ шагомъ, часто по-поясъ въ водѣ, онъ совершалъ свои путины по берегамъ Волги втеченіе сотенъ лѣтъ, и пѣснь его, подобная стону, оглашала Россію съ востока на западъ... Только въ 1843 г. стали быстро размножаться пароходы, они окончательно вытѣснили всѣ патріархальные способы перевозки грузовъ, и въ настоящее время уже полтысячи пароходовъ, и 1500 деревянныхъ судовъ всевозможныхъ наименованій плаваетъ по Волгѣ преимущественно между городами Астраханью и Рыбинскомъ.

Скажу теперь о цѣляхъ и характеристическихъ особенностяхъ труда моего. „Картины и очерки Поволжья" обнимаютъ собою только однѣ выдающіяся стороны народной жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, они предназначаются какъ учебное пособіе при преподаваніи отечественной географіи. Умѣстно ли ихъ появленіе, существуетъ ли настоятельная необходимость въ такихъ пособіяхъ, въ практикѣ географическаго преподаванія, предоставляю судить другимъ.

Долгомъ при этомъ считаю указать на характеристическія особенности моей книги.

1. Всѣ свѣдѣнія и статистическія данныя отличаются у меня современностью. Статистическія данныя мною тщательно провѣрены и почти исключительно ограничиваются 70-ми годами.

2. Вся книга распадается на 3 главные отдѣла: a) Природа, b) Этнографія, c) Промышленность. Каждому частному отдѣлу предпосылается общій очеркъ.

3. Этнографическіе очерки составлены по наиболѣе компетентнымъ авторамъ; такъ напр. о черемисахъ — главнымъ образомъ по статьѣ извѣстнаго профессора Знаменскаго и др., о колонизаціи сѣверо-восточной Руси—по статьѣ проф. Ешевскаго;

о калмыкахъ—по Трудамъ Кумо-Манычской экспедиціи и по книгѣ главнаго попечителя калмыцкаго народа, генералъ-маіора Костенкова, и другихъ.

4. Всѣ свѣдѣнія, касающіяся промышленности, почерпнуты мною изъ Трудовъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, а также и Центральнаго Статистическаго Комитета. Статьи объ астраханскомъ и каспійскомъ рыболовствѣ заимствованы изъ извѣстныхъ трудовъ г. Шульца, въ завѣдываніи котораго находятся эти рыболовные промыслы, изъ трудовъ экспедиціи Н. Я. Данилевскаго и пр.

5. Все, касающееся кустарной промышленности, наиболѣе характеризующее народную жизнь, взято мною изъ источниковъ, заслуживающихъ наиболѣе довѣрія. Такъ я пользовался трудами проф. Лабзина (о Павловѣ и Ворсмѣ), Трудами Нижегородскаго Стат. Комитета, а также Астраханскаго и Костромскаго. Во многомъ я пользовался также указаніями извѣстной книги: Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности кн. А. Мещерскаго и К. Модзолевскаго.

6. Всѣ свѣдѣнія, касающіяся торговаго значенія Волжско-Маріинскаго пути, преимущественно почерпнуты мною изъ извѣстныхъ трудовъ Ф. Борковскаго, а также изъ Казанскаго Биржеваго Листка и Рыбинскаго.

7. Все, что касается сельскаго хозяйства, преимущественно было мною взято изъ извѣстныхъ трудовъ проф. Янсона и изъ доклада Высочайше учрежденной Коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, а также изъ Трудовъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, преимущественно Нижегородскаго и Костромскаго, журн. Сельское хозяйство и Журн. Им. Вольн. Экон. Общ., изъ Сборниковъ матеріаловъ для статистики Тверской губ., составленныхъ по порученію Тверскаго Губернскаго Земскаго Собранія и пр.

8. Орографія и гидрографія Поволжья занимаютъ у меня второстепенное мѣсто. На эти стороны съ достаточною полнотою обращаютъ вниманіе и руководства по географіи Россіи.

9. Наибольшую цѣну я придаю въ моемъ трудѣ отдѣлу этнографіи и кустарной промышленности, которыя состав-

ляютъ самую слабую сторону всѣхъ общепринятыхъ руководствъ, ограничивающихся только сухимъ перечнемъ народностей, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи,—и однимъ только простымъ указаніемъ промышленныхъ пунктовъ и центровъ.

10. Фабрично-заводская промышленность займетъ совершенно самостоятельное мѣсто въ концѣ моего труда, въ видѣ отдѣльнаго очерка. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы дробить одинъ и тотъ же отдѣлъ ея между разными губерніями и тѣмъ значительно ослабить цѣлость представленія о ней.

Весь мой трудъ, во всемъ его объемѣ, я предполагаю расположить по бассейнамъ рѣкъ. Спору нѣтъ, что такая группировка матеріала не выдерживаетъ строго научной критики, но въ методическомъ отношеніи зато весьма облегчаетъ изученіе предмета, а это немаловажно. Въ концѣ книги прилагается перечень источниковъ и пособій, которыми я пользовался при составленіи ея.

На сколько я удовлетворилъ, выпуская въ свѣтъ эту книгу, требованіямъ русской школы, судить предоставляю безпристрастной критикѣ.

А. Овсянниковъ.

С.-Петербургъ
26 Февраля
1878 г.

ИСТОЧНИКИ и ПОСОБІЯ

для

ИЗУЧЕНІЯ ПОВОЛЖЬЯ.

I. Сельское хозяйство и промышленность.

1. Докладъ Высочайше учрежденной Коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Спб. 1873 г.

2. Очерки Казанскаго хозяйства. Журн. Сельское хозяйство и лѣсоводство. 1874 г. стр. 115 и 116, Н. А. Надежина.

3. О состояніи сельскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Саратовской губерніи. Саратовскій Справочный Листокъ. 1874 г. №№ 53, 54 и пр.

4. Южная часть Новоузенскаго у. Самар. губ. Самарскія Губернскія Вѣдомости. 1872 г. №№ 95, 96 и 97. А. Гончарова.

5. Матеріалы для изученія хлѣбной производительности и хлѣбной торговли Нижегородской губерніи. А. Гацискаго. Нижегород. Статист. Сборникъ, 5-й т.

6. Матеріалы для статистики Костромской губ. Изданіе Костр. Губер. Статист. Комитета.

7. Сборникъ матеріаловъ для статистики Тверской губ., сост. по порученію Твер. Губернск. Земск. Собранія вып. 1, 2 и 3-й (1874—1878).

8. Земледѣліе Костромской губ. Матеріалы для статистики Костр. губ. 1875 г. (стр. 1–14).

9. О воздѣлываніи льна въ Ярославской губ. Е. Лобановъ. Русское сельское хозяйство. 1872 г. т. XII, № 6, стр. 179.

10. Современное экономическое положеніе Поволжья. Дм. Мордовцева. Журн. Дѣло за 1873 г. №№ 5, 6.

11. Главнѣйшія хлѣбныя пристани на р. Волгѣ. Казан. Бирж. Листокъ 1873 г. № 22.

12. Очерки Тверской губ. Н. Красницкаго Спб. 1874 г.

13. Ткачество льняныхъ издѣлій въ Костромской губ. Правительственный Вѣстникъ. 1873 г. № 228.

14. Статистическія свѣдѣнія о рыбной промышленности по Волгѣ съ придаточной ея системой отъ города Камышина до моря Каспійскаго. Астрахань. 1874 г. (Д. Соколова).

15. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Янсона. Спб. 1877.

16. Матеріалы къ описанію Саратовской губ. Изд. Губ. Статистич. Комитетомъ подъ ред. Н. Воскобойникова. Саратовъ. 1875 г. Вып. 1-й.

17. Двадцатипятилѣтіе Самары, какъ губернскаго города. П. Алабинъ. Самара 1877 г.

18. Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи кн. В. Мещерскаго (пом. предварительно въ Русскомъ Инвалидѣ 1867 г.).

19. Географическо-Статистическій Словарь Россійской Имперіи. Сост. подъ ред. П. Семенова, т. I, II, III, IV и 2 вып. V-го (съ 1863 по 1875 г.).

20. Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, сост. и изд. Центр. Стат. Комитетомъ.

21. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. собр. офицерами Генеральн. Штаба. Казанская губ. сост. М. Лаптевъ. Спб. 1861 г.

22. Ветлужскій край въ промышленномъ отношеніи. Костромскія Губ. Вѣд. 1871 г. № 46.

23. Ветлуга. Нижегород. Губ. Вѣд. 1863 г. №№ 31—38.

24. Заволжская часть Макарьевскаго у. Нижегородской губ. Гр. Н. С. Толстаго. Москва. 1857 г.

25. Нижегородскій Сборникъ, изд. Нижегород. Губ. Стат. Комит. подъ ред. А. Гацискаго, т. I—V 1867—1877.

26. Село Лысково. А. Гацискаго. См. Сборникъ въ память перваго русскаго статист. съѣзда подъ ред. А. Сементовскаго. 1870 г.

27. Очерки сельскаго хозяйства въ Нижегородскомъ Поволжьѣ. А. Гацискаго. Камско-Волжская газета. 1872 г. № 63.

28. Село Павлово Нижегород. губ. Н. Зерновъ. Кіевскій Телеграфъ за 1873 г. № 74.

29. Значеніе Рыбинска въ отношеніи транзита. См. Изслѣдованіе хлѣбной торговли въ Верхневолжскихъ губерніяхъ. Т. II. стр. 683.

30. Рыбныя ватаги въ Астрахани въ промышленномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ. См. Архивъ Судебной Медиц. 1871 г. № 2.

31. Состояніе хлѣбопашества въ Костромской губерніи. См. Труды Экспедиціи, снаряженной Имп. Вольн. Эконом. Общ. и Имп. Географич. Общ. для изслѣдованія хлѣбной торговли и производства въ Россіи. Т. I. 1870. Стр. 560.

32. Объ уменьшеніи количества красной рыбы въ бассейнѣ рѣки Волги. О. Гриммъ. См. Труды Имп. Вольн. Эконом. Общ. за 1870. Т. II. Вып. 5 и 6. Стр. 419—431, 526—536.

33. Вліяніе Волги и желѣзныхъ дорогъ на С.-П.-Бургскій хлѣбный рынокъ. Сынъ Отеч. за 1869 г. № 49.

34. Статистическое и хозяйственное описаніе Астрах. губерніи. И. Г. Черкасова 1859..

35. Изслѣд. о состояніи рыболовства въ Россіи. Н. Я. Данилевскаго. Изд. Минист. Госуд. Имущ. VIII томовъ, 1863—1871 гг.

36. Село Павлово Н. Овсянниковъ. См. Нижегор. губ. Вѣд. 1863 г.

37. Павлово и Ворсма. А. Смирнова. Москва 1864 г.

38. Изслѣдованіе промышленности ножевой, замочной и др. металлическихъ издѣлій въ Горбатовскомъ у. Нижегородской губ. Н. Лабзина. Спб. 1870 г.

39. Статистическое изслѣдованіе настоящаго судоходства и торговли по Волгѣ и ея притокамъ между Рыбинскомъ и Астраханью. И. Борковскаго. Спб. 1870 г.

40. Пути и способы перевозки грузовъ съ низовыхъ пристаней р. Волги къ С.-Петербургу. Спб. 1868 г. И. Борковскаго.

41. Торговое движеніе по волжско-маріинскому пути. Спб. 1874 г. И. Борковскаго.

42. Село Великое. Яросл. Губ. Вѣд. 1868 г. №№ 15, 16, 17.

43. Элтонскій соляной промыселъ. Гавриловъ. Рус. Вѣст. 1869 г. № 9.

44. Астраханскія соляныя озера. См. Современное состояніе химическихъ заводскихъ производствъ. И. Кирѣевскаго, т. I. Спб. 1874 г.

45. О самосадочной соли и соляныхъ озерахъ Каспійскаго и Азовскаго бассейновъ. А. Федченко. 1870 г. См. Извѣстія Императ. Общ. Любителей Естествознанія.

46. Озеро Элтонъ. См. Сарат. Коммерч. листокъ за 1868 г. № 8.

47. Районъ с. Кимры. См. Статист. Временникъ Рос. Имперіи, вып. 3. 1872 г. стр. 167. Нижегород. Сборникъ Гацискаго, т. II, стр. 421. Памятная книжка Тверской губ. 1865 г. стр. 28. Историч. и статистич. очерки Тверской губ. вып. I сост. В. П. 1875 г. изд. Тверск. Земск. Управы.

48. Бой тюленей на Каспійскомъ морѣ. Записки для чтенія за 1868 г. Февраль и Мартъ.

49. О состояніи селеній крестьянъ собственниковъ въ Саратовской губерніи за 1870 г. См. Памятн. Книжку Саратовской губ. за 1872 г.

50. Варнавинскій уѣздъ Костромск. губерніи См. Труды Имп. Вольно-Эконом. Общ. за 1868 г., Т. 2. Вып. 6.

51. Верещагинъ Н. О скотоводствѣ и хозяйствѣ крестьянина Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи. См. Труды Имп. Вольн. Эконом. Общества за 1868 г. Вып. 3.

52. Промыслы кустарные и отхожіе въ Казанской губ. См. Труды Имп. Географ. Общества за 1875 Т. XI. Вып. IV.

53. Дашкевичъ-Чайковскій М. Э. Очеркъ Яросл. губ. въ

лѣсномъ отношеніи. См. Труды Яросл. Губерн. Статист. Комитета за 1871 г.

54. Труды Экспедиціи для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи. Т. I и Т. II. 1870 и 1872 г.

55. Взглядъ на Каспійскіе рыбные и тюленьи промыслы. А. Шульцъ. См. Астрах. Губ. Вѣдом. 1874 г. №№ 11, 15, 19, 24, 29 и пр., а также въ Трудахъ Астрах. Губер. Комитета.

56. Виноградники и винодѣліе въ Астраханской губ. См. Астр. Справочн. Листокъ, 1871, № 41-й.

57. Астраханскіе виноградные сады. См. Нижегород. Справ. Листокъ 1866 г. № 12 Н. Овсянниковъ.

58. Ив. Бабстъ: Отъ Твери до Астрахани. См. Жур. землевѣдѣнія и путешествій. Т. I, изд. Н. Фролова.

59. М. И. Семевскій. Отъ Твери до Астрахани. Отеч. Записки. 1861 г. т. 139, 141, 143 и 145.

60. О торговлѣ на Нижегородской ярмаркѣ. Н. Овсянникова. Нижній-Новгородъ. 1867 г.

61. Очерки Нижегородской ярмарки В. П. Безобразова. Москва 1865 г.

62. Раевскій: Торговые пункты въ Саратовской губерніи. 1870 г. вып. 1 и 2-й.

63. Еженедѣльникъ (газета) 1874 г. № 48. Промыслы Поволжья.

64. Характеристика поволжскаго населенія. Сарат. Губерн. Вѣд. 1859 г. Дм. Мордовцева. №№ 7—10.

65. Рыбныя ватаги въ Астрахани. См. Архивъ Судеб. Медицины. 1871. № 2.

66. Сводъ матеріаловъ кустарной промышленности въ Россіи. Сост. кн. А. Мещерскимъ и К. Модзалевскимъ. Спб. 1874 г.

67. Письма о Путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи отъ С.-Петербурга до Крыма. Москва. 1864 г. (сост. И. Бабстомъ и Побѣдоносцевымъ).

68. О сельскихъ техническихъ производствахъ въ Саратовскихъ колоніяхъ. См. Труды Имп. Вольно-Экономич. Общества № 4. 1873 г.

69. Производство сарпинки въ Саратовскихъ колоніяхъ См. Труды Имп. Вольн. Экон. Общ. за 1874. Т. 2.

70. Деруновъ С. Обработка льна въ Пошехонск. уѣздѣ. См. Труды Имп. Вольно-Экон. Общ. 1874. Т. 2 № 2.

71. Садоводство въ Астраханск. и Красноярскомъ уѣздахъ. Рихтеръ.

72. Афонасьевъ Н.: Нижегородское Ветлужье. См. Вѣстн. Имп Русск. Географ. Общ. 1858. 23.

73. Верховцевъ А. Сельско-хозяйственная промышленность и производство въ Европ. Россіи. См. Труды Имп. Вольно-Эконом. Общества 1870. 5 и 6 к.

74. Земледѣліе, скотоводство и промышленность въ Самарской губерніи. См. Памятн. Книжку Самарск. губерн. за 1874 г.

75. В. Бландовъ: О крупномъ рогатомъ скотѣ въ Яросл. губерніи. См. Труды Вольн. Экон. Общ. 1873. Т. I. № 1.

76. Кустарная промышленность. П. Пудовикова. См. Труды И. В. Э. Общества. Т. III, вып. 1-й. 1874 г.

77. Караванныя ярмарки, г. Лаишева. См. Казан. Губ. Вѣдом. 1874 г. № 46.

78. Очерки г. Торжка. Н. Р—въ. См. Памятную книжку Тверской губ. 1865.

79. Замѣтки объ Астраханской губ. И. Корнилова См. Вѣстникъ И. Географич. Общества за 1859 г. № 9.

80. Нижегородская ярмарка (бытовой очеркъ). С. Максимова. См. „Лѣсная глушь". Спб. 1871 г.

81. Село Павлово. См. Московскія Вѣдом. 1872 года №№ 180—201.

82. Сарепта. См. „Востокъ" (Ежедн. газета). 1866 г. № 1 и 12.

83. Экономическій бытъ крестьянъ Казанской губерніи. См. Труды Казанск. Губерн. Статист. Комитета. Выпуски I и II.

84. Поволжское лѣсоводство. См. Промышленный Вѣстникъ за 1874 № 114. О лѣсахъ въ Ярославской губерніи. Ярославскія Губ. Вѣд. за 1871 № 41, въ Саратовской: Саратовскія Губерн. Вѣдомости за 1871 № 88.

85. Труды Астраханск. Губерн. Статистич. Комитета. V выпусковъ.

II. Природа и этнографія Поволжья.

1. Волга и Днѣпръ. Параллель между ними. Ст. Н. Д. Могилевскія Губ. Вѣд. 1864 г. № 45.

2. Жегулевскія горы. См. Нижегор. Справ. Листокъ. за 1866 г. № 12. Н. Овсянникова.

3. Жегулевскія горы. См. Жур. Бесѣда 1872 г. №№ 11 и 12.

4. Измѣненіе уровня Волги и Каспійскаго моря и вліяніе вырубки лѣсовъ. См. Извѣстія И. Геогр. Общ. т. VII.

5. О вліяніи лѣсовъ на климатъ. А. Воейкова. См. „Голосъ“ 1878 г. № 112.

6. О температурѣ воздуха въ Россійской Имперіи. Вильда, Директора Главной Физической Обсерваторіи Спб. 1878.

7. Полякова И. С. „Объ изслѣдованіяхъ въ верьховьяхъ Волги“. См. Извѣст. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1874 г. Т. X.

8. О причинахъ обмелѣнія Волги. Журн. Главнаго Управленія Пут. Сообщ. за 1861, № 3.

9. Берега Волги и ея русло. „Волга“ 1862 №№ 10—42.

10. Краткій очеркъ исторіи судоходства и пароходства по Волгѣ. Волга. 1863 № 45.

11. Устья Волги. См. Жур. Минист. Пут. Сообщ. 1872 г. т. XX.

12. О климатѣ Россіи К. Веселовскаго.

13. О климатѣ г. Казани. И. Смирнова. См. Памятн. книжку. Казан. губ. 1863 г.

14. О климатѣ Самары др. Укке. Памятн. книжка Самар. губ. 1863.

15. Очеркъ климата города Ярославля. См. Труды Яросл. Губ. Стат. Комитета. 1868. Вып. 4.

16 Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ, кочующихъ въ Астрах. степи. Сост. главный попечитель калмыцкаго народа г.-маіоръ Костенковъ. Спб. 1870 г.

17. О распространеніи христіанства у калмыковъ. К. Костенковъ. Спб. 1869 г.

18. Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанск. губ. Сост. полк. А. Риттихъ. Казань. 1870 г.

19. Калмыцк. степь Астр. губ. по изслѣдованіямъ Кумоманычской экспедиціи. Спб. 1868 г.

20. Наши колоніи. А. Кляуса. 1869. Спб.

21. Колонизація сѣв.-восточной Руси. С. Ешевскаго. Жур. Вѣст. Европы 1866 г. мартъ.

22. Нѣмцы на Поволжьѣ. См. Русскій міръ 1872 года №№ 292—296.

23. Горные черемисы Казанскаго края. Знаменскаго. Вѣст. Европы 1867 г. т. IV.

24. Волжскіе татары. Жур. Современникъ. 1860 г. № 7. О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи. Е. Малова. Его же: Статистич. свѣдѣнія о крещеныхъ татарахъ.

25. Племенной составъ населенія Казанской губ. и религіи, имъ исповѣдуемыя. См. Казан. Губ. Вѣдом. 1870 г. №№ 93—98.

26. Чуваши. Жур. Нива. 1871 г. №№ 31, 33.

27 Изслѣдован. объ инородцахъ Казан. губ. В. Сбоева. Казань 1856 г.

28. Писемскій А. Калмыки. Журн. Биб. для чт. 1860. стр. 158.

29. Писемскій А. Татары. Биб. для чт. 1858. 152.

30 Писемскій А. Астрах. Армяне. Библ. для чтенія. 1858. 151.

31. Губаревъ К. Киргизская степь. „Современникъ“ за 1864 г. VI.

32. Лядовъ В. Этнографическіе очерки Казанской губерніи. „Разсвѣтъ“. 1860, VII.

33. Обычаи горныхъ черемисъ. Л. Износкова.

34. Калмыцкая степь Астрахан. губерн. См. Землѣдельческая газета за 1868. № 33.

35. Поѣздка въ степь Астр. калмыковъ. Н. Навроцкаго. Семейные вечера. 1867. I.

36. Племенное распредѣленіе населенія Казанской губерніи

по уѣздамъ. См. Изв. Имп. Русскаго Географ. Общ. 1875 Вып. IV. Стр. 294.

37. Русскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ. Лѣтописи Русской литературы Т. IV.

38. Казанскіе Татары. А. Марлинскаго. Сѣверн. Пчела № 21; 1868.

39. Нѣсколько словъ о народномъ образованіи въ низовьяхъ Волги. А. Самойлова. Самарск. Вѣстникъ I к. 1860.

40. Характеристика Поволжскаго края. Д. Мордовцева. Сарат. Губ. Вѣд. № 10. 1859 г.

41. Краткое описаніе занятій, одежды и различныхъ обычаевъ села Кременокъ, Симбирск. губ. Симб. Губ. Вѣд. за 1860 г. № 45.

42. О менонитскихъ поселеніяхъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самар. губ. См. Сам. Губ. Вѣд. за 1859 г. № 42.

43. Краткое описаніе занятій, образа жизни, игръ села Тушны Симбир. губ. См. Симб. Губ. Вѣд. 1860 № 46.

44. Записки А. Фуксъ о Чувашахъ и Черемисахъ Каз. губерніи. Казань. 1840 г.

45. Киргизы. Ф. Лазеревскій. Русскій Дневникъ 1859 г. (газета).

46. Нѣмецкіе колонисты Самар. губ. П. Тредьякова. Самар. Губ. Вѣд. 1871 г. №№ 1—4.

47. Колонія Кеппенталь. А. Гончарова. № 100. Самар. Губ. Вѣд. 1872 г.

48. Крестьянская сватьба въ Пошехонскомъ уѣздѣ Яросл. губ. См. Труды Ярос. Губ. Стат. Комит. 1868 г. вып. 5-й.

49. Хороводныя гулянья въ Пошехон. у. Ярос. губ. С. Дерунова № 23. Ярос. Губ. Вѣд. 1870 г.

50. Масленница въ Пошехон. у. Ярос. губ. № 13. Яросл. Губ. Вѣд. 1870.

51. Святочныя гаданья въ деревняхъ. Яросл. Губ. Вѣд. № 2. ст. В. Л—ъ.

52. Очерки быта калмыковъ. П. Небольсинъ. Спб. 1852 г.

53. Очерки мордвы. П. И. Мельникова. Русс. Вѣст. 1867 г. книг. 6, 9, 10.

54. Поэтическія и суевѣрныя воззрѣнія народа въ Пошехонскомъ у. Яросл. губ. С. Дерунова. См. Яросл. Губ. Вѣдом. 1870 г. №№ 42 и 45.

55. Сарепта и бытъ нѣмецкихъ колонистовъ на берегахъ Волги. Н. Овсянникова. См. Нижег. Справ. Лист. 1866 г. № 27.

56. Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края. Сост. В. Варенцовымъ. Спб. 1862 г.

57. Рѣка Керженецъ. А. Потѣхина. Жур. Современникъ. 1859 г. кн. 2-я.

58. Инородческое населеніе прежняго Казанск. царства въ Новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель въ это время. Проф. Н. А. Фирсова. Казань 1869 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе . . . . . 1—6

I. Природа Поволжья.

1. Значеніе Волги 1
2. Волга и Днѣпръ 3
3. Устья Волги 5
4. Приволжскія равнины 14
5. Климатъ Поволжскихъ губерній 17
6. Природа Киргизской степи 21
7. Измѣненія уровня Волги и Каспійскаго моря и вліяніе вырубки лѣсовъ 24
8. Вліяніе снѣговой поверхности на климатъ Россіи 27

II. Этнографія Поволжья.

1. Особенности колонизаціи сѣверовосточной Руси 31
2. Племенной составъ населенія Казанской губерніи 40
3. Горные черемисы Казанскаго края 43
4. Чуваши 56
5. Астраханскіе калмыки 65
6. Киргизы 68
   a) Киргизскія степи . . . . . —
   b) Увеселенія Киргизовъ 72
   c) Похороны 75

стр.
7. Казанскіе татары 79
8. Германскіе колонисты въ поволжскихъ губерніяхъ. 86
a) Общій обзоръ иностранной колонизаціи. . . . . —
b) Нѣмецкіе колонисты Самарской губерніи. 88
c) Колонія Сарепта 96
d) Колонія Кеппенталь 100
e) Техническія производства въ саратовскихъ колоніяхъ. 104
9. Поэтическія и суевѣрныя воззрѣнія народа въ Ярославской губерніи 106
10. Святочныя гаданья въ деревняхъ 116
11. Масленница. 118
12. Хороводныя гулянья въ Пошехонскомъ уѣздѣ 119
13. Крестьянская свадьба въ Ярославской губерніи. 122
14. Бытъ населенія Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи 145
15. Экономическій бытъ Вольскаго крестьянства 151
16. Характеристика Ярославскаго крестьянина 158

III. Сельское хозяйство и промышленность Поволжья.

1. Сельское хозяйство въ поволжскихъ губерніяхъ вообще . . . 163
2. Южная часть Новоузенскаго уѣзда Самарской губерніи . . . 176
3. Кустарная промышленность. 182
a) Сапожный промыселъ въ Тверской губерніи. Районъ с. Кимры. . 189
b) Торжокъ 192
c) Село Великое 194
d) Павлово и Ворсма 199
4. Ветлужскій край 207
a) Промышленность Костромскаго Ветлужья 209
b) Нижегородское Ветлужье. 212
5. Производство льна и льняныхъ издѣлій (общій очеркъ) . . . 220
6. Льноводство и ткачество льняныхъ издѣлій (въ Костромской губерніи). 223
7. Рыболовный промыселъ поволжскихъ крестьянъ 225
a) Ловъ красной рыбы въ Саратовской губерніи 233

стр.
8. Село Лысково 240
9. Рыбные промыслы бассейна Каспійскаго моря 243
10. Тюленій промыселъ близъ устьевъ Волги и въ Каспійскомъ морѣ 264
11. Виноградники и винодѣліе въ Астраханской губерніи 270
12. О соляныхъ промыслахъ въ Россіи 273
a) Общій очеркъ . . . . . —
b) Элтонъ 278
13. Торговое движеніе по Волжско-Маріинскому пути. Значеніе Рыбинска какъ хлѣбнаго рынка 290
14. Нижегородская ярмарка (статистическій очеркъ) 295
15. Нижегородская ярмарка (бытовая картина). 307

Приложеніе.

Почему у нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ или на югъ, правый берегъ высокъ, а лѣвый низменъ (Законъ К. Бэра).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано:				Слѣдуетъ читать:
Стран.		Строка.		
10	снизу	3	присоблена	приспособлена
12	сверху	12	или	ими
„	снизу	3	нѣть	нѣтъ
16	снизу	18	безчеисленные	безчисленные
„	снизу	17	непероставала	непереставала
18	сверху	24	съ нообработанной	съ необработанной
39	сверху	13	мѣстожительства	мѣстожительство
63	сверху	13	въ фанатическую	въ фантастическую
65	снизу	20	Зайсангяи	Зайсанги
76	снизу	15	его	ему
78	снизу	13	веселось	веселость
84	снизу	11	въ ней	къ ней
95	сверху	1	надобостямъ	надобностямъ
151	снизу	13	г. Шиханы	с. Шиханы
175	сверху	17	калмыцкія	калмыцкія
177	сверху	16	замѣчателеное вліяніе	значительное вліяніе
178	снизу	7	пастухи	пастуху
199	сверху	12	стало	стали
201	снизу	16	неконецъ	наконецъ
204	сверху	17	національный	національной
207	сверху	13	съ именимъ	съ именемъ
230	сверху	18	и лугомъ	и луговъ
244	снизу	15	довально	довольно
254	сверху	13	такіе	также
259	сверху	10	кородку	колодку
292	снизу	12	устройству	устройства
292	снизу	13	припадлежитъ Петра	принадлежитъ Петру
300	снизу	12	на длинныхъ рядахъ	на длинныхъ шестахъ

I. Природа Поволжья.

1. Значеніе Волги.

Рѣчная область Волги занимаетъ безспорно самое важное мѣсто между всѣми рѣчными областями Европы. Все даетъ ей на это полное право: громадность, обиліе водъ, разнообразіе ея природы, вліяніе на историческое развитіе народовъ и, наконецъ, богатство историческихъ явленій, ей одной принадлежащихъ. За исключеніемъ Малоазійскаго полуострова, Волга была постоянно главнымъ и почти единственнымъ посредникомъ, соединявшимъ Европейскій западъ съ Азіятскимъ востокомъ.

Вдаваясь своими источниками глубоко во внутрь восточныхъ равнинъ, захватывая большую часть изъ нихъ своими притоками, Волга тянется между двумя великими рубежами Европы и Азіи, Ураломъ и Кавказомъ, въ юго-восточномъ направленіи, прямо въ центръ Азіятскаго материка, куда она вдается своимъ низовьемъ и своею дельтою. Эта послѣдняя характеристическая черта Волги даетъ ей совершенно исключительное положеніе между рѣчными системами Стараго свѣта и объясняетъ наиболѣе великое значеніе Волги въ историческихъ судьбахъ народовъ, населявшихъ ея берега.

Начинаясь близь Балтійскаго моря, рѣчная долина Волги поворачиваетъ отсюда прямо къ континентальному углубленію восточнаго полушарія, которое лежитъ, правда, въ центрѣ Азіи, но касается еще Европы и которое Гумбольдтъ такъ поразительно вѣрно назвалъ кратеромъ Стараго свѣта (pays cratère de l'Aral et du Sihoun). Низовья Волги лежатъ уже въ области Азіятскихъ степей, на большой военной дорогѣ народовъ, шедшихъ чрезъ Уральскія ворота къ прибрежнымъ странамъ Понта, въ той области, гдѣ они всегда, на нѣкоторое время, останавливались прежде, нежели подвигались далѣе на западъ. Впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ дикія орды врывались отсюда вверхъ по Волгѣ, въ центръ нашихъ равнинъ, угрожая Европѣ варварствомъ и порабоще-

ніемъ. Такое міровое положеніе Волги, такая двойственность ея природы, были причиной, что ея рѣчная область не имѣла почти никогда этнографическаго единства, составляющаго характеристическую черту Рейна, черту, отсутствіе которой много вредитъ Дунаю, третьей великой рѣчной системѣ Европы, и переходной формѣ отъ ея востока къ ея западу.

Еще болѣе вліянія имѣла Волга на торговые пути между Востокомъ, Сѣверомъ и Западомъ. Торговцы и промышленчики знакомятъ насъ впервые съ ея рѣчною системою. Если берега Волги стонали впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ подъ варварскимъ игомъ, то зато здѣсь же основывали себѣ жилища самыя замѣчательныя промышленныя племена, которымъ исторія обязана древнѣйшими сношеніями между Сѣверомъ и Югомъ, Западомъ и Востокомъ и притомъ въ ту эпоху, когда еще не было никакихъ слѣдовъ, никакихъ зачатковъ благоустроенной государственной жизни на всемъ пространствѣ, занимаемомъ великими восточными равнинами Европы. На среднихъ частяхъ Волги, на ея низовьяхъ, существовали съ незапамятныхъ временъ богатыя складочныя мѣста для торговли, или великолѣпныя столицы, свидѣтельствующія о томъ, что здѣсь сидѣли промышленныя, торговыя племена, могущественные туземные властители или смѣлые пришельцы завоеватели. Такъ процвѣтали на среднихъ частяхъ Волги—Болгары, потомъ Казань и наконецъ Нижній-Новогородъ, а на ея низовьяхъ—Атель, Сарай и Астрахань.

Долгое время была Волга рѣкой Азіятско- Европейской, покуда по ней двигались орды кочевниковъ, да восточные купцы изъ Азіи во внутрь теперешней Россіи; не далѣе какъ столѣтіе, только со времени великаго преобразователя Россіи, стала она рѣкой истинно Европейской и получила значеніе иное, болѣе высокое,—служить проводницей образованности и цивилизаціи въ центръ Азіи. По Волгѣ Петръ выслалъ въ Азію первое Европейское войско; при немъ она понесла на своихъ струяхъ въ Каспійское море флотъ, построенный изъ Уральскаго лѣсу, и съ этого-то времени Волга стала не только главнымъ источникомъ богатства, кормилицей Государства Россійскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединительницей двухъ горныхъ системъ, лежащихъ на восточныхъ границахъ Европы, Урала и Кавказа, обладаніе которыми единственно только и можетъ упрочить наше владычество въ Азіи и открыть туда дорогу намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и цивилизаціи. Уже размѣрами своими Волга принадлежитъ къ самымъ величавымъ явленіямъ природы Европейской. Прямое разстояніе ея источниковъ отъ устья простирается на 225 геогр. миль; длина же ея теченія со всѣми извилинами и изгибами—на 3,480 в., тогда какъ длина теченія Рейна имѣетъ не болѣе 1225 в.; Дуная—2660 в. Такой длинѣ соотвѣтствуетъ и величина поверхности, занимаемой ея рѣчной областью. Рѣчная область Рейна заключаетъ въ себѣ 3660 кв. м., Дунаю подвластно пространство въ 14000 кв. м.; поверхность же Волжской водной сѣти захватываетъ пространство слиш-

комъ въ 30,000 кв. м., превосходящее въ три раза поверхность Германіи. Такими обширными размѣрами рѣчной области Волги легко объясняется ея полноводность. Она принимаетъ со всѣхъ сторонъ множество притоковъ и собираетъ весь богатый запасъ воды, накопляющійся въ источникахъ, разсѣянныхъ по великимъ восточнымъ равнинамъ, на протяженіи 1400 в. въ длину, отъ запада къ востоку, и на столько же въ ширину, отъ сѣвера къ югу, между бассейнами Иртыша и Оби, Печоры, Сѣверной Двины, Невы, Западной Двины, Днѣпра, Дона и Урала. Но что всего замѣчательнѣе—Волга несетъ, въ низовьяхъ своихъ, этотъ богатый запасъ воды по узкой рѣчной трубѣ, среди пустынь и степей, прямо въ жерло Каспійскаго моря. Волга протекаетъ девять губерній, принадлежащихъ къ лучшимъ, самымъ населеннымъ и плодороднымъ частямъ Россіи. Длина Волги, огромное пространство, занимаемое ея рѣчною областью, различные градусы широты, между которыми несетъ свои струи великая рѣка, условливаютъ чрезвычайно разнообразныя и многоразличныя явленія въ формахъ ея природы. Если житель Осташковскаго уѣзда, на источникахъ Волги, съ трудомъ можетъ прокормиться на своей неблагодарной почвѣ; если онъ заботливо закрываетъ на зиму соломой свои немногія яблони калѣки, дабы защитить ихъ отъ жестокихъ морозовъ, то зато Саратовецъ совсѣмъ не знаетъ, что такое удобреніе почвы и получаетъ безъ труда обильную жатву съ благословенныхъ полей своихъ, а въ Астраханской губерніи воздухъ наполняется благоуханіемъ миндальныхъ деревъ, въ ней растутъ шелковичныя деревья и висятъ на лозахъ тяжелыя грозди винограда.

Всѣ губерніи по среднимъ и нижнимъ частямъ Волги могутъ считаться житницей восточной Европы; прекрасные луга, богатыя нивы, плодовитые сады, превосходнѣйшіе дубовые и липовые лѣса смѣняютъ безпрестанно другъ друга, а по Волгѣ цвѣтетъ судоходство, торговля, и берега ея усѣяны богатыми селами и торговыми городами, которые служатъ станціями для обширной торговли между морями, омывающими съ четырехъ сторонъ великія равнины восточной Европы.

2. Волга и Днѣпръ.

Физическія и экономическія параллели между ними.

Одинаковыя причины производятъ и одинаковыя явленія.

Волга и Днѣпръ точно такъ же, какъ двѣ Двины и Ловать съ Волховымъ, вытекаютъ изъ Московской выпуклости (Валдайской возвышенности), съ которой Москва, при посредствѣ этихъ пяти бассейновъ, какъ возжами управляла, сохраняла и распространяла обширную европейскую территорію свою.

Волга и Днѣпръ послѣ изгибовъ верховьевъ своихъ, гдѣ они направляются въ разныя стороны, одна къ востоку, другая къ западу,

принимаютъ съ среднихъ теченій параллельное направленіе прямо на полдень и вливаются въ моря подъ одной широтой. Такимъ образомъ Волга и Днѣпръ протекаютъ по губерніямъ, одинаковымъ по климатическимъ и почвеннымъ свойствамъ и по естественнымъ произведеніямъ, по нечерноземнымъ землямъ средней Россіи (Смоленская, Могилевская, Тверская, Ярославская, Костромская), по черноземнымъ губерніямъ Малороссіи и по хлѣбнымъ житницамъ Россіи (Самарской и Саратовской губерніи) и, наконецъ, по солончакамъ Астраханскаго и Малороссійскаго края. Начинаясь въ полосѣ ржи и льна, рябины, клюквы и брусники (подъ 58° с. ш.), обѣ рѣки оканчиваются въ полосѣ фруктовъ, винограда и тутовыхъ деревьевъ.

Сходство ихъ еще разительнѣе становится, если будемъ сравнивать притоки, пристани и важнѣйшіе рынки той и другой рѣки.

Въ верховьяхъ Волги стоитъ Тверь, на Днѣпрѣ—Смоленскъ; за Тверью на Волгѣ важнѣйшая хлѣбная пристань Рыбинскъ, за Смоленскомъ важнѣйшая пристань на Днѣпрѣ—Шкловъ; тамъ Ярославль, здѣсь Могилевъ.

За Ярославлемъ, ниже Костромы, у Юрьевца, съ лѣвой наружной стороны Волги, впадаетъ въ нее обширная р. Унжа, соединяющая землю Вятскую съ Волгой; въ Днѣпръ съ наружной же правой стороны впадаетъ такая же обширная р. Березина, далѣе, съ внутренней правой стороны въ Волгу впадаетъ Ока и образуетъ при Нижнемъ-Новгородѣ обширнѣйшую для всей внутренней стороны пристань; въ Днѣпръ тоже съ внутренней лѣвой стороны отъ великороссійскихъ губерній впадаетъ р. Сожь, которая при Лойвѣ образуетъ тоже пристань, но до настоящаго времени Лойвъ *), какъ имѣніе частнаго лица, почти совсѣмъ не имѣлъ торговли и представляетъ собою мѣстечко весьма незначительное. Еще ниже на Волгѣ мы встрѣчаемъ съ наружной стороны Каму, связывающую съ Волгой всю Пермскую страну и земли приуральскія, а на Днѣпрѣ Припеть, протекающую почти изъ подъ Варшавы. На Волгѣ Саратовъ, на Днѣпрѣ—Кіевъ,—подъ одной широтой (какой?); тамъ Астрахань, здѣсь Херсонъ и Одесса.

Но при всемъ видимомъ сходствѣ, Волга и Днѣпръ имѣютъ громадную разницу между собою. Волга соединяетъ Россію съ Азіею, Днѣпръ—съ Европой. Волга во всѣхъ отношеніяхъ больше Днѣпра и бассейнъ волжскій вчетверо больше днѣпровскаго. Длина Волги, напр. 3.480 вер., а длина Днѣпра—только половина этого пространства—1720 в., равная только длинѣ притока Волги, р. Камы, и почти такую длину имѣетъ другой ея притокъ, Ока, 1.400 в., но болѣе важный въ современной торговлѣ. При протяженіи вдвое больше въ

*) Лойвъ, мѣстечко въ Минской губ. Рѣчицкаго у., имѣетъ до 2000 жит, здѣсь находится пристань, съ которой отпускается клади слишкомъ на 22.000 руб., преимущественно лѣсу и лѣсныхъ издѣлій и хлѣбъ.

длину и ширину, пространство рѣчной области Волги (30.000 кв. м.) почти въ три раза больше днѣпровскаго бассейна (11.500 кв. м.). Волжскій бассейнъ, при своей обширности, представляетъ пространство Европейской Россіи вмѣстѣ съ тѣмъ самое населенное (на берегахъ Волги 39 городовъ, 6 посадовъ и болѣе 1000 селеній). Днѣпровскій же бассейнъ плотно населенъ въ нижнемъ своемъ теченіи, ниже Припети, съ 51° с. ш. Промышленное населеніе волжскаго бассейна предпріимчиво и сравнительно болѣе зажиточно, днѣпровскаго же бассейна—раззорено и загнано (Бѣлоруссія), лѣниво и недѣятельно вслѣдствіе самыхъ климатическихъ условій; на Днѣпрѣ опасные пороги (всѣхъ значительныхъ пороговъ на Днѣпрѣ 10, самый опасный изъ нихъ Ненасытицкій. Пороги представляютъ рѣшительное препятствіе для судоходства. Сплавъ судовъ и плотовъ черезъ пороги возможенъ только въ самую высокую воду). Такихъ пороговъ на Волгѣ нѣтъ. Отъ этой разности въ качествѣ фарватеровъ обѣихъ рѣкъ происходитъ различіе и въ торговомъ движеніи по этимъ рѣкамъ. Отъ Кіева до Могилева и Шклова идутъ суда отъ 2—7.500 пуд.; по Волгѣ же расшивы, мокшаны, суряки, коломенки, гусянки и др. парусныя суда поднимаютъ отъ 7—50.000 пудъ и болѣе, не говоря уже про паровыя суда, напр. кабестаны, могущіе везти до 500.000 п. груза на цѣлой вереницѣ судовъ за собой. Среднимъ числомъ съ поволжскихъ пристаней отправляется въ годъ до 300.000.000 пудъ товаровъ болѣе чѣмъ на 250.000.000 р. По днѣпровскимъ же пристанямъ разгрузка и нагрузка составляетъ едва $^1/_{10}$ часть цѣнности волжскихъ грузовъ.

По такимъ экономическимъ причинамъ, обусловливающимъ большее удобство для труда и промышленности, великорусское населеніе всегда селилось охотнѣе въ Поволжьѣ, чѣмъ въ Поднѣпровьѣ.

3. Устья Волги, астраханскій край, его промышленное и торговое значеніе.

На всемъ пространствѣ ниже Астрахани Волга отдѣляетъ отъ себя рукава, дробящіеся въ свою очередь на мелкіе протоки, которые умножаются по мѣрѣ приближенія къ морю до того, что наконецъ составляется цѣлый лабиринтъ рукавовъ и протоковъ, числомъ до 200. Такимъ образомъ Волга, подобно всѣмъ большимъ рѣкамъ, образуетъ, при своемъ впаденіи, обширную дельту, состоящую изъ множества болотистыхъ островов. Дельта эта начинается собственно верстъ за 50 выше Астрахани чрезъ отдѣленіе съ лѣвой стороны Бузана, широкой, но мѣстами очень мелкой рѣки, которая по общему направленію на юго-востокъ впадаетъ въ море. Далѣе Волга отдѣляетъ отъ себя и выше и ниже Астрахани еще нѣсколько рукавовъ и протоковъ (Балду, Тизань, Чаганъ и Бахтеміръ и др.), изъ которыхъ главнѣйшій

называется Бахтеміръ; онъ занимаетъ въ волжской дельтѣ самое крайнее положеніе. Ни одинъ изъ этихъ протоковъ не доходитъ до моря, не раздѣлившись на нѣсколько новыхъ, не слившись съ какимъ нибудь другимъ и не принявъ новаго названія.

Хотя бахтеміровскій рукавъ занимаетъ въ волжской дельтѣ самое крайнее положеніе, но волжскія воды не ограничиваются съ этой стороны бахтеміровскимъ русломъ, а разливаются еще на значительныя мѣстности къ востоку, разрѣзывая мѣстность эту безчисленнымъ множествомъ заливовъ, которые соединяются между собою маленькими протоками, образуя цѣлую сѣть островов, разбросанныхъ вдоль морскаго берега, до самаго берега р. Кумы или до границы Астраханской губерніи.

Далѣе, за этою сѣтью островов и заливовъ, расположены соляныя озера и за ними растилается на огромномъ протяженіи обширная степь, заключающая до 7 милл, дес., предоставленныхъ пользованію калмыковъ. Калмыки, составляющіе главную рабочую силу Астраханскаго края, находятся въ состояніи кочевомъ, не выказывая особаго расположенія къ осѣдлости. Главную отрасль ихъ хозяйства составляетъ скотоводство. Огромныя степныя пространства представляютъ питательный кормъ скоту, а лѣсные займища и камыши близь озеръ служатъ убѣжищемъ отъ непогоды; но, при отсутствіи проточной воды, степь эта неудобна для поселенія и правильнаго хозяйства.

Въ зимнее время, по причинѣ сильной стужи, калмыки перекочевываютъ къ волжскимъ притокамъ въ такъ называемыя мочаги между волжскими заливами, гдѣ морозы слабѣе, чѣмъ во внутренности степи. Вообще климатъ въ прибрежьяхъ Волги нездоровъ отъ вліянія частыхъ и быстрыхъ перемѣнъ, которыя здѣсь вообще въ полной зависимости отъ дующихъ безпрестанно вѣтровъ, изъ коихъ сѣверо-восточный производитъ въ немъ рѣзкія перемѣны.

Вѣтеръ отъ Кавказскихъ горъ приноситъ погоду сырую, а восточный—ясную и тихую и, соотвѣтственно этому, барометръ при первомъ изъ нихъ подымается, при второмъ—падаетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что только благодаря вѣтрамъ жители предохраняются отъ распространенія опасныхъ болѣзней, могущихъ произойти отъ вреднаго вліянія болотныхъ испареній, отъ окружающихъ безчисленныхъ морскихъ и рѣчныхъ заливовъ. Съ половины іюня до половины іюля продолжаются самыя сильныя жары, доходящія до 35° и болѣе (по Р.°), воздухъ дѣлается раскаленнымъ и удушливымъ, и вѣтеръ не производитъ никакого освѣженія. Къ вечеру вѣтеръ стихаетъ и знойный день смѣняется не менѣе душною ночью. Самымъ лучшимъ временемъ года безспорно можно считать осенніе мѣсяцы, сентябрь и октябрь, когда воздухъ перестаетъ быть удушливымъ, сухимъ, освѣжаясь иногда дождями, которые лѣтомъ здѣсь чрезвычайно рѣдки.

Вообще здѣшнія зимы безснѣжны, морозы обыкновенно доходятъ

до—20° и болѣе, но постоянные сильные и пронзительные вѣтры дѣлаютъ холодъ чрезвычайно ощутительнымъ.

Берега р. Волги и ея притоковъ ниже Астрахани чрезвычайно однообразны. Скудная растительность тянется по нимъ узкою, прерывистою полосою. Строеваго лѣсу совсѣмъ нѣтъ; ветливыя деревья, маленькія, тонкія, кривыя употребляются только на рыболовные снаряды.

По мѣрѣ приближенія къ морю, этотъ мелкій лѣсъ и луга, затопляемые высокою водою, замѣняются камышомъ, который разростается все шире и шире и наконецъ идетъ вдоль морского берега широкими островами.

Однообразная низменность нарушается кой-гдѣ незначительными уступами или спусками и нѣкоторыми возвышеніями, которыя стоятъ одиноко, подобно искусственнымъ курганамъ, не оказывая никакого вліянія ни на климатъ, ни на распредѣленіе водъ.

Таяніе снѣговъ и весенніе разливы, возвышающіе горизонтъ воды въ Нижнемъ Новгородѣ до 50 футовъ, возвышаютъ его противъ Астрахани только на 12 футъ, а въ 70 верстахъ ниже Астрахани почти не производятъ въ немъ никакого измѣненія. Напротивъ того, господствующіе здѣсь вѣтры: сѣверо-западный и юго-восточный, выгоняютъ воду или изъ рѣки въ море (сѣв. запад.) и понижаютъ рѣчной уровень до 3 фут. ниже ординара, или же нагоняютъ воду съ моря въ рѣку (юго-восточный) и поднимаютъ рѣчной уровень до 4 футъ выше ординара. Какъ тотъ, такъ и другой вѣтеръ дѣйствуетъ большею частью періодически, напр. въ весенніе мѣсяцы S. O., втеченіе же осеннихъ мѣсяцевъ съ половины сентября дуетъ, преимущественно передъ другими вѣтрами, N. W.

Вскрытіе и замерзаніе Волги сопровождаются здѣсь особенными отличительными явленіями, а именно, послѣ вскрытія волжскихъ рукавовъ, весенній ледъ иногда долго остается на устьяхъ и на взморьѣ, переносясь съ мѣста на мѣсто и заграждая свободный выходъ судамъ въ море; точно также позднею осенью нерѣдко приносятся восточнымъ вѣтромъ ледяныя глыбы изъ устьевъ р. Эмбы въ то время, когда волжскіе рукава не покрывались еще льдомъ. Замѣтимъ при этомъ, что среднее время вскрытія Волги, выведенное изъ 39 наблюденій, есть 13-ое марта и замерзанія—4-ое Декабря, слѣдовательно средній судоходный періодъ продолжается 282 дня.

Въ 1854 г. и въ 1859 Волга противъ Астрахани вовсе не замерзала.

Горизонтъ воды Каспійскаго моря не подверженъ правильному періодическому колебанію; въ немъ нѣтъ общаго прилива и отлива, но тѣмъ не менѣе поверхность его, въ особенности вблизи сѣверной и южной оконечностей моря, то повышается, то понижается весьма значительно, смотря по направленію и силѣ вѣтровъ. При продолжительныхъ, сильныхъ N W вѣтрахъ вода выгоняется изъ сѣверной и

въ особенности изъ сѣверо-восточной полосы моря. Въ это время обнажаются необозримыя подводныя косы и отмели и мелѣютъ розсыпи. Въ это же время на южной оконечности моря вода идетъ на прибыль. Здѣсь этотъ вѣтеръ нагонный, между тѣмъ какъ въ Астрахани онъ называется выгоннымъ. Совершенно противоположное явленіе производитъ юго-восточный вѣтеръ; горизонтъ воды въ устьяхъ Волги повышается, замедляется въ нихъ теченіе, и вода на сто и болѣе верстъ идетъ на прибыль, между тѣмъ какъ въ южной части моря онъ падаетъ. Съ другой стороны уровень Каспійскаго моря находится въ зависимости отъ уровня рѣкъ, въ него впадающихъ, также отъ продолжительности дождей и количества снѣговъ, выпавшихъ на горахъ, окружающихъ Каспій. Около Апшеронскаго полуострова море имѣетъ двоякія пониженія и возвышенія, а именно, ежегодно съ начала весны до средины лѣта море постоянно поднимается отъ 1—2 футъ противъ зимняго уровня и потомъ опять съ такою постепенностью падаетъ до прежняго состоянія.

Водяной путь изъ Астрахани составляетъ крайнее звѣно въ длинной цѣпи сообщеній Европы съ Азіей. Каспійское море, лежащее на рубежѣ этихъ сооообщеній, получило важное значеніе для транзитной торговли съ древнѣйшихъ временъ. Индѣйскія богатства, перевозимыя сухопутно до Оксуса (Аму-Дарьи), шли по этой рѣкѣ до Каспійскаго моря, откуда поднимались вверхъ по теченію Куры, затѣмъ по Ріону, древнему Фазису, сплавлялись въ Черное море. Такимъ способомъ, на гребныхъ судахъ, производилась всемірная торговля, пока не былъ открытъ путь въ Индію мимо мыса Доброй Надежды. Въ настоящее время каспійскія мореходныя купеческія суда стоятъ еще на довольно низкой степени совершенства, сравнительно съ судостроеніемъ Балтійскаго и Чернаго морей. Какъ въ древности на гребныхъ судахъ плавали, придерживаясь берега, такъ почти и нынѣ купеческія мореходныя суда не рискуютъ пускаться въ открытое море по причинѣ недостатковъ своей постройки, почему развитіе правильнаго судостроенія и мореходныхъ знаній принесло бы большую пользу для торговли астраханскаго края. До настоящаго же времени то и другое находится въ самомъ первобытномъ состояніи. Шкипера или лоцманы большею частью люди совершенно незнающіе теоретической стороны дѣла и только едва едва знакомые съ нимъ практически. Плаваніе совершается безъ всякихъ картъ, по одному, кое-какъ сдѣланному компасу, при попутномъ только вѣтрѣ; а въ противномъ случаѣ, суда, не рѣшаясь перемѣнить курсъ, становятся на якорь и ждутъ счастливой перемѣны. Такой способъ плаванія, употребляемый каспійскими лоцманами, требуетъ значительнаго времени, и путь отъ Астрахани до Мешедессера (отдаленнаго персидскаго порта) совершается въ два и болѣе мѣсяцевъ. Суда, употребляемыя для торговли, конструкціей своей вполнѣ соотвѣтствуютъ невѣжеству лоцмановъ или (по мѣстному: музуровъ,) управля-

ющихъ. Суда эти извѣстны подъ именемъ: шкоутовъ, бакинокъ, разшивъ и кусовыхъ.

Шкоуты строятся въ Астрахани на частныхъ верфяхъ, по лекаламъ, составленнымъ тому лѣтъ 50 назадъ. Корпусъ шкоутовъ дѣлается довольно крѣпко, а для сохраненія отъ гніенія нагружаютъ шкоуты въ первый же разъ соленой рыбой, чтобы дерево пропитывалось рыбьимъ жиромъ.

Плоское дно, закругленный форштевень, подбористая (съ крутыми боками) носовая часть, широкая высокоподнятая корма и ширина, равная $^1/_3$ длины, вотъ общій видъ всѣхъ каспійскихъ шкоутовъ. Шкоуты поднимаютъ до 16 т. пудъ груза, сидятъ въ грузу до 6 футъ, почему могутъ проходить рѣчныя розсыпи и, слѣдовательно, не требуютъ въ большей части случаевъ перегрузки. Бакинками называются суда небольшія, до 60 ф. длины, которыя строятъ въ Баку туземные мастера, но большею частью изъ старыхъ шкоутовъ, отъ которыхъ они отличаются только величиною. Разшивы, это совершенно плоскодонныя одномачтовыя суда, назначаемыя для плаванія въ сѣверной части Каспійскаго моря. Строители разшивъ, хозяева и шкипера преимущественно астраханскіе татары.

Наиболѣе распространенный родъ судовъ, употребляемыхъ для торговли въ Каспійскомъ морѣ, это кусовыя лодки. Плаваніе въ Каспійскомъ морѣ сопровождается большими опасностями, которыя повторяются тѣмъ чаще отъ неопытности и невѣжества лоцмановъ. Всего опаснѣе мели, которыя въ сѣверной части Каспійскаго моря очень часты. Судно, попавшее на мель, бьетъ валами, руль выскакиваетъ и въ нѣсколько часовъ судно наполняется водою. Быстро налетающіе порывы вѣтра, повторяются какъ на возморьѣ, такъ и въ волжскихъ рукавахъ. Дѣйствіе этихъ неожиданныхъ порывовъ случается при выходѣ судна изъ рѣки въ море, когда судно идетъ однимъ вѣтромъ и когда вдругъ оно встрѣчаетъ совершенно другой вѣтеръ, дующій въ морѣ. Этотъ послѣдній сильно ударяетъ въ развернутый парусъ судна и опрокидываетъ его. Конечно, подобные случаи бываютъ съ малонагруженными, небольшими судами. Такіе порывы особенно чувствительны въ самомъ морѣ, во время сильнаго волненія, когда кусовая попадаетъ въ промежутокъ между высокими валами, вѣтеръ стихаетъ, парусъ падаетъ, но быстро поднявшись на гребень вала, она вновь подвергается всей ярости вѣтра.

Вообще въ устьяхъ Волги часто повторяются быстро налетающіе шквалы, мгновенно опрокидывающіе лодку, если не успѣютъ отдать шкотъ, т. е. отпустить канатъ отъ паруса. Особенно страшны въ морѣ вихри или тифоны и противъ которыхъ единственное спасеніе состоитъ въ стрѣльбѣ въ нихъ изъ орудій, картечью или ядромъ для разсѣянія вихря.

Главный промыселъ, составляющій богатство здѣшняго края, зав-

лючается въ рыболовствѣ. Большинство жителей губерніи и астраханскаго уѣзда занимаются этимъ промысломъ, доставляющимъ большія выгоды и только незначительной части населенія достается несравненно менѣе выгодный трудъ, состоящій въ добываніи и разработкѣ соли и другой, сопряженный съ нѣкоторыми опасностями, тюленій промыселъ. Скотоводствомъ почти не занимаются жители волжскихъ береговъ, а земледѣлія здѣсь рѣшительно не существуетъ, по причинѣ совершеннаго безплодія почвы, покрытой солончаками и пропитанной солью. Рыбная ловля составляла здѣсь съ древнѣйшихъ временъ источникъ промысла и торговли, но развитію ея долгое время препятствовала малая населенность края, не обезпеченнаго отъ татарскихъ набѣговъ, и только при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который содѣйствовалъ заселенію и защитѣ края, торговляпо лучила нѣкоторое движеніе. Недостатокъ рабочихъ силъ побудилъ правительство и частныхъ владѣльцевъ къ принудительному переселенію сюда крестьянъ изъ внутреннихъ губерній Россіи; но мѣра эта, однако, была недостаточною для удовлетворенія настоятельной потребности въ рабочихъ. Калмыки же неохотно нанимались къ рыболовству и только послѣ 1798 г., когда чрезвычайная гибель скота лишила ихъ средствъ къ существованію, они поневолѣ обратились къ этому занятію; а теперь можно сказать приблизительно, что рыболовствомъ занимается изъ нихъ болѣе 10,000 человѣкъ. Нѣтъ ни одной рыболовной ватаги, ни одной лодки, ни одного морского судна, гдѣ бы не было рабочихъ силъ калмыковъ; ихъ охотно берутъ на всѣ работы, благодаря необыкновенной ихъ неутомимости, неприхотливости и привычкѣ къ лишеніямъ.

Для рыболовства употребляются кромѣ кусовыхъ лодокъ, о которыхъ было уже говорено, реюшки, эмбенскія лодки и бударки, которыя и называются поэтому ловецкими судами. Реюшки работаютъ на ватагахъ и учугахъ, собираютъ рыбу по берегамъ моря и доставляютъ ее къ разнымъ мѣстамъ, съ которыхъ она отправляется вверхъ по Волгѣ. Длина реюшки отъ 5—8 саж. по килю; конструкція килевая, носъ прямой, значительно возвышающійся надъ кормою, а средняя часть представляетъ форму дуги (полукруга), безъ палубы. Она называется также косоулею, отъ косого ея паруса, который позволяетъ ей идти при боковыхъ вѣтрахъ, а при сильномъ вѣтрѣ она до такой степени идетъ бокомъ, что черпаетъ бортами воду. Въ случаѣ противнаго вѣтра, реюшка лавируетъ или, какъ говорятъ, рѣетъ. Она поднимаетъ отъ 500 до 2,000 п. клади и отличается отъ кусовой въ особенности тѣмъ, что имѣетъ два косыхъ паруса, дѣйствующихъ на 2 мачтахъ.

Эмбенская лодка имѣетъ длину до $2^1/_2$ саж., а въ ширину до 1 саж. Самая большая изъ нихъ поднимаетъ до 700 п.; а малая до 200, присоблена и для гребли.

Какъ реюшка, такъ и эмбенскія лодки служатъ вспомогательными судами при кусовыхъ. При реюшкахъ употребляются еще и бударки,

длинныя и узкія лодки, чрезвычайно легкія на ходу. Большая кусовая лодка имѣетъ при себѣ до 4 эмбенскихъ лодокъ, реюшка же— отъ 2—3 бударокъ. Эти послѣднія лодки употребляются сверхъ того и въ рѣкахъ, сами по себѣ. Такъ какъ бударка довольно узка, то гребцы въ ней не сидятъ рядомъ, а каждый гребетъ разомъ двумя веслами. Рыболовство производится круглый годъ, зимою подъ льдомъ, и рыба въ это время, преимущественно мелкая, судакъ, отсылается въ верховые города, въ особенности въ Саратовъ, по санному пути; почему состояніе зимней температуры имѣетъ для торговли большое значеніе. Извощики пріѣзжаютъ сюда обыкновенно за рыбнымъ товаромъ или торговцы, продавшіе здѣсь хлѣбъ, покупаютъ рыбу, нанимая здѣшнихъ извощиковъ. За доставку въ Саратовъ за каждый пудъ рыбы платится отъ 85—90 к.; за судакъ платятъ по 50 к. за пудъ. Случается такъ, что ко времени отправки рыбы настаетъ оттепель, санный путь дѣлается неудобнымъ, и ловцы и пріѣзжіе за рыбою извощики терпятъ большіе убытки.

Большая часть солянаго богатства края находится въ самосадочномъ видѣ. Единственное, (впрочемъ, богатое) мѣсторожденіе каменной соли представляетъ гора Чапчачи.

Обыкновенно соляныя озера неглубоки, отъ 1—2 аршинъ, наполняются водою отъ тающихъ снѣговъ и дождей. Вода эта пропитывается солью, которая въ началѣ теплыхъ дней начинаетъ осаждаться изъ рапы (воды, пропитанной солью) чрезъ испареніе воды и ложится на дно озера до тѣхъ поръ, пока вся вода испарится и образуется пластъ соли отъ 2—5 вершковъ толщиною. Такой процессъ образованія соли называется садкою. Къ исходу іюля оканчивается садка соли, и ее начинаютъ ломать до октября желѣзными пешнями, приподнимая лопатами и разбивая молотками на мелкіе куски для удобства перевозки въ мѣшкахъ, изъ которыхъ высыпается для просушки. По высушкѣ соли, ее отвозятъ къ пристани, гдѣ она складывается въ большіе призматическіе бугры, отъ одного до двухъ тысячъ пудъ въ каждомъ.

Соляныя озера расположены по нагорной правой сторонѣ Волги, въ разстояніи отъ 30—60 верстъ отъ берега. Главнѣйшія изъ нихъ суть: дорминскія, бешкулинскія, башмачаговскія, басинскія, докуруковскія и курочкинскія. Разработка и продажа соли находится въ частныхъ рукахъ, подъ надзоромъ акцизнаго управленія, которое наблюдаетъ какъ за правильностію въ распредѣленіи озеръ, подлежащихъ разработкѣ (во избѣжаніе истощенія солянаго запаса), такъ и за сборомъ акциза, при продажѣ соли. Количество разработываемой соли, какъ осадочной, такъ и каменной, простирается ежегодно до 4 милл. пуд., изъ которыхъ $1^1/_2$ милл. вывозится для продажи вверхъ по Волгѣ, другіе $1^1/_2$ милл. продаются на мѣстѣ для посола рыбы и, наконецъ, до 1 милл. остается не проданной или не вывезенной съ мѣста

ломки. Добываніе одного пуда соли съ отвозкою его и складкою въ бугры обходится отъ 4—6 к. Акцизъ берется за пудъ 38 к.

Въ концѣ февраля мѣсяца промышленники отправляются на бой тюленя, выходя въ море на малыхъ, узкихъ лодкахъ, бударкахъ и лавируя между ледяными глыбами. Промыселъ этотъ представляетъ множество опасностей, такъ какъ тюленьщики рискуютъ быть затертыми льдомъ или опрокинутыми движеніемъ ледяныхъ массъ.

Кромѣ описанныхъ промысловъ: рыбнаго, солянаго и тюленьяго, на которые обращены всѣ силы края, юртовскіе татары, живущіе въ предмѣстьяхъ Астрахани, занимаются огородничествомъ, а въ деревняхъ—разведеніемъ арбузовъ и дынь; для чего, при сухости почвы, или употребляется особый способъ ирригаціи, состоящій въ подъемѣ воды изъ рѣкъ помощію водоподъемныхъ колесъ, съ бадьями (по мѣстному: чигирей) и проведеніемъ ея посредствомъ канавокъ на мѣста, предназначенныя къ посѣву каждаго наступающаго года. Затѣмъ, разведеніемъ винограда, составляющаго почти единственную цѣль садоводства, занимается остальная часть небольшого населенія низовьевъ Волги. Нельзя, однакожъ, сказать, чтобы описанными здѣсь отраслями промышленности исчерпывалась вся производительность астраханскаго края. Далеко нѣтъ; но къ несчастію рутина и какая-та неподвижность составляютъ отличительныя качества здѣшняго населенія, а при этихъ условіяхъ весьма медленно подвигается впередъ желаемое развитіе края, представляющаго непочатый уголъ во многихъ отношеніяхъ. Стоитъ только припомнить, что, напримѣръ, разведеніе винограда здѣсь считали совершенною невозможностью цѣлые 60 лѣтъ, до 1613 года и все таки честь перваго опыта принадлежитъ иностранцу. Академикъ Бэръ, въ бытность свою здѣсь въ 1853 г., обратившій свое вниманіе на всѣ отрасли здѣшняго хозяйства, говоритъ между прочимъ, что на рыбныхъ промыслахъ изъ бѣшенки (особый родъ мелкой рыбы) съ давняго времени вытапливался одинъ жиръ, между тѣмъ какъ рыба эта принадлежитъ къ породѣ сельдей и при болѣе тщательныхъ опытахъ можетъ сдѣлаться предметомъ хорошаго сбыта.

Далѣе, онъ предлагаетъ разведеніе здѣсь ивоваго лѣса, который, по его мнѣнію, весьма справедливому, принялся бы легко и быстро. Посадивъ нѣсколько тысячъ черенковъ ивы, говоритъ онъ, можно всю нижнюю часть волжской дельты обратить въ лѣсъ.

Недостатокъ дровъ вознаграждается обиліемъ камыша, который идетъ на топливо какъ у кочевыхъ племенъ, такъ и у осѣдлаго населенія и даже замѣняетъ дрова на кирпичныхъ заводахъ. Изъ камыша же дѣлаются плетни, изгороди и загоны для скота. Курныхъ избъ здѣсь вовсе нѣтъ, а переселенцы изъ Малороссіи ввели и сюда чистенькія, уютныя мазанки. Большая часть татарскихъ построекъ дѣлается безъ крышъ; а дворы огораживаются камышемъ. Городскіе же

деревянные дома строятся преимущественно изъ барочнаго лѣса, изъ разобранныхъ судовъ, которыя сплавляются сюда съ грузомъ сверху.

Вообще астраханскій край весьма бѣденъ строительными матеріалами; камень бутовой и булыжникъ привозится сюда изъ Дубовки и изъ Царицына и обходится въ настоящее время до 25 р. куб. саж. Хворостъ, употреблявшійся на фашины для новаго фарватера и на устройство тюфяковъ для укрѣпленія волжскаго берега, противъ города Астрахани, стоитъ до 5 р. за сажень.

Изъ всѣхъ портовъ Каспійскаго моря наилучшій есть Бакинскій. Географическое положеніе Баку, находящагося на самомъ берегѣ обширной бухты, закрытой съ моря островами, дѣлаетъ его чрезвычайно удобнымъ для морской стоянки. Сюда идутъ всѣ русскіе товары нижегородской ярмарки, какъ для бакинской губерніи, такъ и для Тифлиса, также всѣ произведенія Персіи, въ которыхъ нуждается закавказскій край, а именно: сорочинское пшено, сухіе фрукты, грубыя бумажныя ткани, лимоны, апельсины, гранаты и даже дрова для города. Изъ Баку вывозится въ Персію и въ Россію нефть и шафранъ. Второе мѣсто по значительности торговли занимаетъ на Каспійскомъ морѣ Дербентъ, по близкому сосѣдству своему съ богатымъ кубинскимъ уѣздомъ, откуда вывозится марена, грецкіе орѣхи и сухіе фрукты; но нагрузка и выгрузка товаровъ сопряжена здѣсь съ большою опасностью по причинѣ совершенной открытости дербентскаго рейда. Съ устройствомъ мола въ Дербентѣ, городъ этотъ занялъ бы, въ отношеніи къ вывозной торговлѣ, первое мѣсто на Каспійскомъ морѣ.

Въ настоящее время общество Кавказъ и Меркурій содержитъ сообщеніе со всѣми портами Каспійскаго моря, какъ персидскими, такъ и кавказскими и съ пристанями серебряковской и шандруковской противъ города Кизляра, гдѣ учрежденъ складъ провіанта для кавказскихъ войскъ. Общество имѣетъ срочныя поссажирскія движенія, почтовыя и по перевозкѣ грузовъ. Для этихъ цѣлей и въ особенности для перевозки грузовъ, общество имѣетъ 12 морскихъ паровыхъ судовъ, 5 рѣчныхъ мелко сидящихъ пароходовъ, 9 парусныхъ шкунъ, 86 баржъ и шаландъ.

Въ 1867 г. обществомъ перевезено $1^1/_2$ милл. пуд. груза и выручено чистаго дохода, собственно по дѣйствію въ Каспійскомъ морѣ, 210.000 руб.

Изъ этого числа $^1/_2$ мил. пуд. вывезено персидскаго хлопка изъ Баку, Ленкорани, Асторы, Энзили, Мешедессеры и Астрабада, до 150000 пуд. марены изъ Дербента, Петровска, Баку и Ленкорани, до 140000 пуд. на 1,200,000 руб., провіанта изъ Астрахани на Кавказъ до 230,000 пуд. и фруктовъ изъ Персіи 120,000 п. Благодаря значительнымъ привилегіямъ и пособіямъ, получаемымъ отъ правительства, общество усиливаетъ съ каждымъ годомъ свои средства и

развиваетъ свою дѣятельность. Въ настоящее время оно принимаетъ на себя страхованіе грузовъ, цѣнность которыхъ составляли въ 1867 г. болѣе 1.000,000 рублей.

4. Приволжскія равнины.

Плодородныя приволжскія равнины составляютъ естественное продолженіе южно-русскихъ и средне-азіатскихъ степей. Часть приволжской равнины между рр. Камой и Бѣлой и Общимъ Сыртомъ составляетъ обширный долъ. Это лучшая часть приволжскаго края, и поверхность ея покрыта толстымъ слоемъ чернозема. Все это пространство имѣетъ вполнѣ ровный, равнинный характеръ и только вблизи Урала разнообразится возвышеніями, составляющими отрасли южнаго Урала.

Равнинный характеръ преобладаетъ, впрочемъ, не только между низовьями рр. Камы и Бѣлой, но и во всей обширной полосѣ приволжскихъ равнинъ. Уже въ Казанской губерніи, за р. Камою, явно замѣчается переходъ отъ людности и оживленія великороссійскихъ губерній къ степной глади и однообразію. Даже на большихъ проѣзжихъ дорогахъ рѣдко встрѣчаются здѣсь деревни и поселки; еще рѣже можно встрѣтить города. Такъ, на большой почтовой дорогѣ изъ Казани въ Оренбургъ, на пространствѣ 179 в., Бугульма есть единственный городъ послѣ богатаго и промышленнаго Чистополя. Степная дорога также скучна и пустынна; рѣдко попадаются обозы, еще рѣже—проѣзжіе. Мѣстность оживляютъ только многочисленныя стада овецъ и табуны лошадей, которые пасутся косяками по степи, почти безъ всякаго надзора.

Собственно приволжскія равнины начинаются отъ Самарской луки и тянутся на югъ, до истока рр. Большого и Малаго Узеней, а на востокъ до границъ Оренбургской губерніи. Приволжскія равнины были въ старину любимымъ притономъ кочевниковъ, долго тревожившихъ южные и юговосточные предѣлы Россіи. Тутъ остановились Татары послѣ своего губительнаго вторженія въ Русь. Эти широкія, неоглядныя равнины были свидѣтельницами униженія русскихъ князей, являвшихся въ орду бить челомъ хану и нерѣдко слагавшихъ свою голову въ татарскихъ улусахъ.

Травянистыя безграничныя приволжскія равнины до нельзя утомительны по своему однообразію. Здѣсь иногда на пространствѣ 300 или 400 верстъ не встрѣчается ни одного засѣяннаго поля, потому что хлѣбъ сѣется здѣсь большею частью вдали отъ большой дороги. Только бакчи занимаютъ пространства иногда по нѣскольку десятинъ. Бакча—мѣсто среди степей, гдѣ сѣютъ арбузы, дыни, тыквы, подсолнечникъ, морковь, горчицу, макъ. Въ урожайный годъ вся бакча бываетъ какъ градомъ усѣяна арбузами, дынями и тыквами. Но если

бакча пріятно привлекаетъ взоръ своею роскошною и свѣжею растительностью, зато вся окрестная степь кругомъ бакчи въ знойное время года поражаетъ своимъ изнеможенным опаленнымъ видомъ. Изъ разсохшейся земли поднимается только репейникъ, вышиною въ человѣческій ростъ, полынь, да вѣчно зеленый молочай. Часто впродолженіе всего лѣта на иныя полосы не выпадаетъ и капли дождя съ весны до осени. Зато въ другіе годы дождь льетъ ливмя, неудержимыми потоками, уноситъ въ балки сметанные стоги сѣна, размываетъ бакчи и покосы, валитъ хаты... Иногда надъ степью проносится ураганъ, который все рветъ, валитъ и разрушаетъ.

Обширныя приволжскія равнины имѣютъ вполнѣ континентальный климатъ; если лѣто здѣсь знойное и сухое, то зима иногда наоборотъ бываетъ нестерпимо—холодная, такъ что морозы доходятъ до 30° и болѣе. Небо зимою почти постоянно облачно; сильные снѣжные вихри или бураны, бушующіе по необъятной степной глади, сплошь заносятъ снѣгомъ не только овраги, но и цѣлыя селенія. Особенно губительны бураны для проѣзжихъ, сбившихся съ пути во время непогоды. Тогда одно спасеніе—лечь на снѣгъ, укрыться, чѣмъ только можно и, подъ грудою нанесеннаго снѣга, выждать конца бурана. Блуждать на удачу во время снѣжной вьюги совершенно безполезно, потому что иногда невозможно бываетъ видѣть предметы въ нѣсколькихъ шагахъ. При началѣ бурана снѣгъ сбивается въ большіе, глубокіе сугробы. Съ усиленіемъ вѣтра снѣгъ подымается выше, попрачаетъ солнце, и тогда уже ничего не видно, кромѣ густой, непроницаемой массы снѣга, которая крутится такъ, что нельзя открыть глазъ. Люди и звѣри дѣлаются какими-то шальными, теряютъ дорогу, блуждаютъ по цѣлымъ часамъ и погибаютъ отъ стужи и изнеможенія.

Скотъ и лошади, при началѣ бурана, становятся головами противъ вѣтра, чтобъ онъ не поднималъ волосъ и чтобы менѣе зябнуть; но если буранъ усиливается, то они бѣгутъ и часто падаютъ въ пропасти, убиваясь до смерти.

Несравненно болѣе печальный и однообразный видъ представляетъ приволжская степь, простирающаяся по западной сторонѣ великой рѣки. Почва состоитъ здѣсь изъ желтоватой глины безъ камней и пропитана различными солями. Ямы, озера съ соленой водой и множество морскихъ, даже неокаменѣлыхъ, раковинъ въ землѣ и на поверхности свидѣтельствуютъ, что когда-то была эта страна дномъ морскимъ.

Рѣдко представляетъ собой степь совершенную равнину; она, напротивъ, холмиста, и небольшія возвышенности смѣняются безпрестанно покатостями, а чрезъ это весьма съуживается горизонтъ и не имѣетъ нигдѣ болѣе семи верстъ въ поперечникѣ. Растительность здѣсь въ высшей степени бѣдна и состоитъ преимущественно изъ низко растущихъ полынныхъ травъ; попадаются кое-гдѣ пучки травы, которые,

впрочемъ, нигдѣ не покрываютъ вполнѣ поверхности, такъ какъ полынь и трава растутъ отдѣльными клочками, промежъ которыхъ проглядываетъ чахлая и тощая земля. Въ низкихъ мѣстахъ по степи встрѣчаешь иногда много травы, но это по большей части растеніе соляное, годное въ пищу однимъ только верблюдамъ. Кое-гдѣ, однако, весною покрывается степь пестрымъ ковромъ изъ тюльпановъ, касатиковъ и другихъ луковичныхъ растеній, но это украшеніе держится недолго; палящіе лучи солнца, не умѣряемые здѣсь ни деревьями, ни горами, отсутствіе дождя, составляющаго въ степи величайшую рѣдкость, подавляютъ всякую растительную жизнь. Дѣйствительно, въ южныхъ частяхъ степи термометръ по цѣлымъ недѣлямъ не спускается ниже 30° Р. и ни одно облачко не показывается на небѣ. Сколько томителенъ здѣсь жаръ лѣтомъ, столь же суровъ зимній холодъ, и 30° Р. ниже нуля—явленіе весьма обыкновенное. Къ числу феноменовъ, свойственныхъ этимъ степямъ, принадлежатъ переносные призраки, бывающіе обыкновенно въ теплое время года. Солнечные лучи, отбрасываемые нагрѣтою поверхностью степи и преломляющіеся въ скудныхъ парахъ сухой земли производятъ этотъ оптическій призракъ, вслѣдствіе котораго всѣ предметы, лежащіе внѣ предѣловъ горизонта, являются какъ бы на краю его и, притомъ, будто они стоятъ на водѣ и носятся по воздуху. Чѣмъ ближе къ нимъ подходишь, тѣмъ они все ниже спускаются, наконецъ пропадаетъ и полоса воды, на которой предметъ повидимому стоялъ, и тогда уже послѣдній является въ настоящемъ своемъ видѣ, только на гораздо дальнѣйшемъ разстояніи и не столь огромныхъ размѣровъ, какъ его призракъ.

Какъ ни печальна, какъ ни пустынна и страшна эта степь, но безчисленные памятники всякаго рода свидѣтельствуютъ, что она не переставала быть временнымъ мѣстопребываніемъ кочующихъ ордъ варваровъ.

Повсюду, гдѣ есть удобныя пастбища по Волгѣ, Ахтубѣ, Сарлѣ, Кумѣ и Манычу, вездѣ тамъ усѣяна поверхность курганами, нерѣдко съ каменными истуканами и остатками древнихъ капищъ.

Рѣзкіе переходы отъ холода къ жару, недостатокъ воды, однообразное и негостепріимное качество почвы, наконецъ, многія постороннія и весьма вредныя внѣшнія условія—все это должно было придать степной растительности характеръ весьма бѣдный и печальный. Немногіе виды растеній, способные переносить неблагопріятное вліяніе здѣшней природы, покрываютъ блеклую траву. Нѣтъ ни деревца, ни красующагося зелеными листьями своими кусточка, на которыхъ можно было бы глазу остановиться; жесткая трава, нерѣдко въ ростъ человѣка, замѣняетъ здѣсь лѣса. Словно волшебнымъ мановеніемъ вызванная весною, растительность идетъ быстрыми шагами впередъ, въ нѣсколько недѣль проходитъ различныя ступени своего возраста. Въ началѣ Апрѣля, съ первыми теплыми днями, появляются первые вѣстники весны: тюль-

панъ, птицемлечникъ и касатикъ; но уже въ половинѣ Мая, особенно въ сухіе годы, степь походитъ на печальное пепелище, по которому кружатся и разносятся вѣтромъ умершіе стебли сочныхъ растеній. Съ Августа наступаетъ новая весна для соляныхъ растеній, которыя заканчиваютъ свою жизнь весьма поздно, нерѣдко въ началѣ Ноября. Гдѣ степь песчана, тамъ растенія отличаются совершенно отъ другихъ, свойственныхъ глинистой и соляной части здѣшнихъ степей, которую можно считать, безспорно, самой печальной, пустынной и обнаженной страной Россіи.

5. Климатъ поволжскихъ губерній.

По опредѣленію знаменитаго ученаго А. Гумбольдта, слово климатъ-понятіе или имя собирательное. Оно означаетъ всѣ перемѣны въ атмосферѣ, какія только можетъ замѣтить человѣкъ посредствомъ своихъ внѣшнихъ чувствъ, именно: *температуру, влажность, измѣненія барометра,* (тяжесть, плотность), покойное состояніе воздуха или дѣйствіе различныхъ вѣтровъ, чистоту его или смѣшеніе съ разными вредными испареніями (міазмы), напряженіе электричества, наконецъ степень прозрачности или ясности неба, которая не только имѣетъ вліяніе на растительность, но и производитъ извѣстное настроеніе духа. Всѣ эти перемѣны не вездѣ происходятъ въ одинаковой мѣрѣ, оттого атмосфера и получаетъ различный, мѣстный характеръ, который и называется климатомъ въ обширномъ смыслѣ. Между исчисленными Гумбольдтомъ перемѣнами атмосферы главныя три: температура, влажность и вѣтры, потому что для общаго опредѣленія климата какой нибудь страны обыкновенно довольствуются средними выводами изъ многолѣтнихъ наблюденій надъ этими тремя атмосферными явленіями.

На температуру Поволжья, какъ и всякаго мѣста, имѣютъ вліяніе: его географическое положеніе, высота надъ уровнемъ моря и разстояніе отъ моря. Кромѣ этихъ постоянныхъ причинъ есть множество причинъ перемѣнныхъ: различныя высоты солнца надъ горизонтомъ, дожди, вѣтры, вскрытія рѣкъ и пр. Кромѣ температуры на климатъ поволжскихъ губерній большое вліяніе имѣетъ: продолжительность стоянія полой воды, ея высота, стоячія озера, болота и лѣса, (гдѣ?) Однако знаніе одной средней годовой температуры еще не достаточно даже для поверхностнаго ознакомленія съ климатомъ. Чтобы ближе освоиться съ климатомъ, его вліяніемъ на здоровье жителей, на мѣстную растительность, *нужно знать, какъ распредѣляется температура по временамъ года, по мѣсяцамъ и суткамъ* въ тѣ мѣсяцы, когда температура быстро измѣняется или въ своемъ измѣненіи представляетъ уклоненіе отъ правильнаго пути. Знаніе одной только средней годовой температуры даетъ возможность предполагать, на сколько возможно раз-

витіе органической жизни; изъ знанія же распредѣленія температуры по мѣсяцамъ мы можемъ составить понятіе о характерѣ самой жизни.

Есть много мѣстъ на земной поверхности, въ которыхъ среднія годовыя температуры по зимнимъ и лѣтнимъ мѣсяцамъ до того различны, что въ одномъ мѣстѣ можетъ рости виноградъ, а въ другомъ едва дозрѣваютъ яблоки. Это особенно ясно видно при сравненіи мѣстъ съ климатами характеровъ континентальнаго и морскаго. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ климатъ континентальный, разность между среднею годовою и крайними температурами весьма велика—то лѣто жарко, а зима сурова; тогда какъ въ мѣстѣ, имѣющемъ климатъ морской, эта разность весьма мала. Необходимость знанія крайнихъ температуръ для знакомства съ климатомъ мѣста видна изъ слѣдующаго примѣра. Свинемюнде, городъ на берегу Балтійскаго моря и Одесса, на берегу Чернаго, имѣютъ почти одинаковыя среднія годовыя температуры, но климаты ихъ весьма различны. *)

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію климата поволжскихъ губерній, мы увидимъ, что климатъ ихъ крайне разнообразенъ, да и какъ не быть этому разнообразію, если принять во вниманіе то обстоятельство, что губернія Тверская, первая изъ поволжскихъ, лежитъ подъ 58° 52 с.ш., тогда какъ южные предѣлы Астраханской губерніи находятся почти подъ 45° с. ш. Мало этого, въ верхнихъ поволжскихъ губерніяхъ еще и до сихъ поръ тянутся огромные дремучіе лѣса съ волками, медвѣдями, лосями и другими дикими звѣрями, съ громадными болотами и обширными озерами, съ необработанной почвой, тогда какъ въ губерніяхъ нижняго Поволжья степныя и безлѣсныя мѣстности являются преобладающими, и если въ первыхъ, благодаря болотамъ, лѣсамъ и вообще географическому положенію, климатъ отличается большею суровостью и влажностью, то во вторыхъ климатъ болѣе теплъ, сухъ и носитъ на себѣ отпечатокъ материковаго континентальнаго климата. Такъ вообще замѣчено, что въ низовыхъ губерніяхъ, Симбирской, Самарской, Саратовской, а также и Астраханской, происходятъ рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду. Весна напр. въ Саратовской губерніи бываетъ кратковременна, вдругъ смѣняется жарами, достигающими 30° Р. въ тѣни; наступаетъ продолжительная засуха, и если выпадаетъ дождь, то всегда сопровождается грозою, которая нерѣдко бываетъ съ градомъ. Осень умѣренная, но дожди не производятъ такого ненастья, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Имперіи. Зимою бываютъ жестокіе морозы, особенно въ губерніи Самарской, ихъ сопровождаютъ сильные бураны и мятели; особенную суровость придаютъ здѣшнимъ зимамъ восточные вѣтры: они-то и производятъ мятели и бураны. Снѣга выпадаетъ довольно, но за Царицынымъ случается, что

*) Среднюю годовую температуру мы выводимъ обыкновенно слѣдующимъ способомъ: складываемъ всѣ мѣсячныя температуры и дѣлимъ на число мѣсяцевъ 12; полученный результатъ и есть средняя годовая температура.

снѣга не бываетъ вовсе. Весна составляетъ лучшее время года. Наибольшею континентальностью климата изъ низовыхъ поволжскихъ губерній отличается губернія Астраханская, климатъ ея имѣетъ сходство съ климатомъ средней Азіи. Средняя годовая температура низовыхъ поволжскихъ губерній отъ +4° (Самарская и Саратовская губ.) и до 7° (Астраханская), чѣмъ онѣ отличаются отъ губерній верхняго Поволжья, средняя температура которыхъ +2°. Наиболѣе суровыя зимы изъ поволжскихъ губерній въ губерніи Казанской; въ ней въ Январѣ мѣсяцѣ въ иные года морозы достигаютъ до 37° Р. и средняя температура Января—11, тогда какъ въ губерніяхъ Тверской, Ярославской, Нижегородской—9°. Вообще казанская зима можетъ сравняться съ сибирскою или служить къ ней переходомъ.

Какъ вся средняя Россія, такъ въ частности ни одна поволжская губернія не избавлена отъ весеннихъ и осеннихъ утренниковъ. Утренниками называютъ небольшіе морозы (пониженіе температуры ниже 0°) при средней суточной температурѣ выше 0°. Утренники имѣютъ гибельное вліяніе на сады и огороды, такъ какъ они бываютъ послѣ нѣсколькихъ теплыхъ дней и ночей, когда начала проявляться уже растительность. Если послѣ утренниковъ простоитъ нѣсколько дней сряду ясная погода, то всѣ растенія принимаютъ болѣзненный видъ, а нѣкоторыя совсѣмъ умираютъ. Утренники поздніе весной и ранніе осенью производятъ гораздо больше вреда для народа, чѣмъ сильные морозы, потому что очень часто единственно отъ нихъ зависитъ неурожай хлѣбовъ. Утренники мало вредятъ тому растенію, которое уже нѣсколько окрѣпло, но они бьютъ наповалъ только что взошедшую рожь, когда еще она въ краскѣ, т. е. ту, которая не успѣла взойти въ августѣ или сентябрѣ. Не одно Поволжье и не одна Россія обречены на утренники; они случаются и въ южныхъ частяхъ Европы, и въ тропическихъ частяхъ Африки, Аравіи и пр. Тамъ они бываютъ еще рѣзче, еще гибельнѣе. Въ Аравіи, вслѣдъ за днемъ, въ который температура достигаетъ 30°, слѣдуютъ ночи съ изморозями, утренниками; точно тоже происходитъ и въ южной Европѣ. Прохладные вечера бываютъ тамъ не только весной или осенью, но впродолженіе всего лѣта; причины холода южныхъ ночей—ихъ продолжительность и ясное небо. Наука даетъ такое объясненіе этому явленію: земля, вращаясь въ пустомъ, холодномъ пространствѣ, постоянно испускаетъ свою теплоту; днемъ это испусканіе незамѣтно, потому что оно въ это время съ избыткомъ вознаграждается теплотою солнца, но ночью, лучеиспусканіе теплоты очень велико, особенно если земля не одѣта облаками, т. е. если небо ясно. Вотъ почему ночи теплыхъ странъ довольно прохладны, вотъ почему и у насъ въ Казани и въ другихъ мѣстахъ Поволжья повторяются изъ года въ годъ губительные весенніе и осенніе утренники.

Послѣ общихъ замѣчаній относительно климата Поволжья, мы пе-

реходимъ теперь къ обозрѣнію климата въ частности каждой изъ девяти поволжскихъ губерній. Начнемъ съ Тверской.

Тверская губернія лежитъ между 58° 52′ и 55°54′. Эта губернія, по своему географическому положенію, отличается материковымъ климатомъ, умѣряемымъ нѣсколько въ сѣверныхъ лѣсистыхъ уѣздахъ влажностью озеръ и болотъ. Въ особенности весна отличается влажностью, а осень — постоянными туманами. Средняя годовая температура + 4,25°. По мѣсяцамъ и временамъ года температура выражается слѣдующими данными: холоднѣйшій мѣсяцъ январь — 9,28, теплѣйшій іюль+15,73; средняя температура лѣта+14,53; зимы—5,65. Сильныя жары въ іюлѣ доходятъ до+30°, а морозы въ январѣ—до 25°. Рѣки вскрываются преимущественно въ первой четверти апрѣля, а замерзаютъ въ первыхъ числахъ ноября.

Губернія Ярославская. Средняя годовая температура въ ней+2,58. средняя температура лѣта+14, зимы—8,67; холоднѣйшій мѣсяцъ январь—9,97; теплѣйшій іюль+15,25.

Вообще климатъ Ярославской губерніи отличается непостоянствомъ, и изъ временъ года—въ особенности весна, которая то очень тепла, то холодна, и температура ея значительно колеблется изо дня въ день, что главнымъ образомъ зависитъ отъ непостоянства весеннихъ вѣтровъ. Зато лѣто имѣетъ ровную умѣренную температуру безъ рѣзкихъ переходовъ.

Губернія Костромская. Средняя годовая температура + 2,54, зимы '—8, лѣта + 14,46. Огромное пространство дремучихъ лѣсовъ и обширныя болотистыя пространства, идущія по лѣвой сторонѣ Волги, преимущественно въ уѣздахъ: Ветлужскомъ, Варнавинскомъ, Макарьевскомъ и Кологривскомъ увеличиваютъ суровость и сырость климата этой губерніи.

Губернія Нижегородская. Климатъ губерніи вообще умѣренный, хотя, отъ большого скопленія водъ, дающихъ испаренія и отъ лѣсовъ, удерживающихъ влажность, онъ болѣе подходитъ къ сѣверному климату, какъ и въ Костромской губерніи. Средняя годовая температура + 3,04, зимы—8,60, лѣта + 14; холоднѣйшаго мѣсяца, января,—9, теплѣйшаго, іюля, + 15. Въ заволжской части климатъ суровѣе и влажнѣе нагорной части, а сырость воздуха на луговой сторонѣ служитъ причиною лихорадокъ и ревматическихъ болѣзней.

Губернія Казанская. Самый городъ Казань лежитъ подъ 55°47 с. ш. и подъ 66°47′ в. д. Температура по временамъ года распредѣляется такимъ образомъ: вообще средняя годовая температура+2,12, зимы—10,40, лѣта+14,34, весны + 3,34, осени + 1.31. Замѣчено, что лѣто въ Казани по средней температурѣ точно такое же, какъ въ Берлинѣ, Іенѣ, Страсбургѣ, Парижѣ, Базелѣ и о. Св. Елены, тогда какъ по средней температурѣ зимы Казань близка къ слѣдущимъ городамъ: Архангельску, Великому—Устюгу, Вяткѣ, Уральску. Такимъ образомъ выходитъ, что Ка-

зань по своему лѣту можетъ стать на ряду съ теплыми городами Европы, а по зимѣ она близка уже къ городамъ холоднаго пояса. Самые продолжительные сильные морозы бываютъ рождественскіе, за ними крещенскіе, затѣмъ стрѣтенскіе, значительно, впрочемъ, слабѣе первыхъ двухъ. Волга у Казани вскрывается среднимъ числомъ 10 апрѣля. Среднее количество выпадающей влаги дождемъ и снѣгомъ 12 русскихъ дюймовъ. Число дождливыхъ дней (или снѣжныхъ) весною 10, лѣтомъ 29, осенью 24, зимою (снѣжныхъ) 24. Въ средней сложности зима въ Казани продолжается $4\frac{1}{2}$, мѣсяца, лѣто $5\frac{1}{2}$ весна—не болѣе мѣсяца. Среднимъ числомъ количество грозъ въ Казани бываетъ 8, болѣе всего въ іюнѣ и въ іюлѣ.

Симбирская губернія. Она пользуется умѣреннымъ климатомъ, хотя климатъ ея много суровѣе климата западныхъ губерній, лежащихъ въ однѣхъ съ нею параллеляхъ. Средняя температура года + 3, лѣтомъ жары доходятъ до 37°, зимою морозы—до 35°.

Губернія Самарская. Климатъ губерніи континентальный. Средняя годовая температура + 4: по временамъ года: зимы —7, лѣта + 15; холоднѣйшій мѣсяцъ январь —8, теплѣйшій іюль +17. Въ южной половинѣ губерніи, на открытой площади, бываютъ сильныя жары при бездождіи, а зимою жестокіе морозы, бураны и мятели. Весна составляетъ самое лучшее время года.

Губернія Саратовская. Средняя годовая температура + 4; холоднѣйшаго мѣсяца, января, — 8, теплѣйшаго, іюля, + 18, зимы — 7, лѣта + 17.

Губернія Астраханская. Климатъ безусловно континентальный. Средняя годовая температура +7, температура теплѣйшаго мѣсяца, іюля, +20, холоднѣйшаго, января, —5.

6) Картина природы Киргизской степи.

Климатъ Киргизской степи отличается рѣзкими крайностями: палящимъ зноемъ среди лѣта и сильными морозами съ мятелями зимою. Втеченіе года бываютъ два періода, во время которыхъ эти крайности сглаживаются, температура бываетъ умѣреннѣе, и вообще легче живется въ голой и однообразной мѣстности, но періоды эти—начала весны и осени, непродолжительны: всего же чаще живымъ существамъ приходится подвергаться всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ здѣшняго края и притомъ въ сильной степени, по недостаточности средствъ умѣрять и смягчать суровости естественной среды.

Къ половинѣ или концу февраля уже появляются первые предвѣстники весны: сѣверный и сѣверо-восточный вѣтры перестаютъ разметывать снѣгъ; солнце начинаетъ бросать мало по малу нѣсколько привѣтливо-теплыхъ лучей на землю; на возвышенныхъ мѣстахъ показываются проталины. Впрочемъ, случается, что и въ концѣ февраля и даже въ началѣ марта снова появляются продолжительные холодные сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, приносящіе съ собою снѣговыя тучи. Большею же частью начало марта характеризуется только сильными вѣтрами, дующими въ одномъ направленіи по двѣ недѣли сряду и болѣе. Направленіе вѣтровъ въ мартѣ—сѣверное, сѣверо—западное и сѣверо-восточное. Юго-

западный и юговосточный вѣтры дуютъ рѣдко, но зато, съ появленіемъ ихъ, небесный сводъ, часто пасмурный и туманный въ мартѣ, вдругъ проясняется. Проглянувшее солнце быстро сгоняетъ рыхлый, смѣшанный съ пескомъ, снѣгъ, тонкимъ слоемъ покрывающій землю. Въ срединѣ или къ концу марта вскрываются отъ льда степныя рѣки, именно-оба Узеня; что же касается рѣкъ Паники, Горькой, Бельлургунды, то время ихъ вскрытія довольно неопредѣленно во 1-хъ потому, что нерѣдко, впродолженіе лѣта, вода въ нихъ совсѣмъ высыхаетъ, а морозы выжимаютъ изъ руслъ послѣдніе остатки влаги, особенно послѣ сухой осени; а во 2-хъ потому, что снѣгъ, лежащій по оврагамъ, не обдуваемый теплыми вѣтрами и защищенный отъ лучей солнца, держится долѣе, чѣмъ на открытыхъ мѣстахъ. Къ концу марта снѣгъ совершенно стаиваетъ; небо безоблачно, воздухъ нагрѣтъ до + 14° и 15°Р и оглашается щебетаніемъ птицъ, степь начинаетъ быстро оживать. Апрѣль въ здѣшнихъ мѣстахъ есть наиблагодатнѣйшій весенній мѣсяцъ: температура стоитъ умѣренная (18°, 20° и 25°Р), изрѣдка перепадаютъ дожди теплые, благотворно дѣйствующіе на почву. Грозы здѣсь рѣдки, составляютъ какъ бы исключеніе; тучи идутъ высоко, раскаты грома слышатся глухо, слабо и представляются простому наблюдателю приходящими со стороны. Послѣ здѣшнихъ грозъ не чувствуется той легкости и чистоты въ воздухѣ, какая замѣчается послѣ грозъ въ мѣстахъ лѣсистыхъ, обильныхъ водами и возвышенностями.

Въ апрѣлѣ оживаетъ растительность: камышъ начинаетъ пускать молодые, зеленые отпрыски, взамѣнъ желтыхъ, сухихъ и щедушныхъ прошлогоднихъ порослей, тальникъ становится пахучимъ, развертывая почки; степь, на сколько для нея возможно, зеленѣетъ и пестрѣетъ первыми весенними цвѣтами; цвѣтутъ тюльпаны, птицемлечники и многія ирныя. И втеченіе апрѣля степь не оставляютъ вѣтры; но такъ какъ почва въ это время еще достаточно влажна и верхній слой ея еще не успѣлъ обратиться въ пыль, то въ воздухѣ неощутительно присутствіе миріадъ песчинокъ и тонкой пронзительной пыли солончаковъ, наполняющей воздухъ въ вѣтренную погоду втеченіе цѣлаго лѣта.

Такъ, съ небольшимъ повышеніемъ температуры, продолжается до половины мая. Вѣтры, къ этому времени, дуютъ нерѣдко безъ перемежки недѣли по двѣ, становясь все жарче и жарче; присутствіе пыли и песка становится ощутительнѣе; дожди перепадаютъ рѣдко, а то и вовсе ихъ не бываетъ. Въ половинѣ мая жары доходятъ до+35,36° и 38°R, отчего растенія начинаютъ блекнуть. Но вотъ и лѣто. Это для человѣка самое тяжелое время года по трудности защититься отъ жары. Температура идетъ crescendo и къ началу іюля доходитъ до + 45°,46°R. Вѣтры, нерѣдкіе лѣтомъ (въ особенности въ направленіи отъ Ю.-З. и Ю.) представляютъ движущуюся массу раскаленнаго, сухаго воздуха, въ смѣси съ пескомъ и ѣдкою солончаковою пылью. Небесный сводъ, голубой и безоблачный, тяготѣетъ надъ омертвѣлою степью, какъ раскаленный куполъ. Тощая земля пышетъ жаромъ и трескается, скудная растительность давно сожжена; ночи душны и мало прохлаждаютъ раскаленную атмосферу. Большихъ дождей не бываетъ иногда по мѣсяцу; а мимолетно бѣгущая тучка, какъ бы нехотя оросивъ часть степи, не въ силахъ напоить жаждущей и всюду просоленной почвы. Грозы и въ это время не часты и хотя иногда бываютъ довольно сильны, однако, по большей части не сопровождаются дождемъ. Въ это время, т. е. въ срединѣ лѣта, къ числу самыхъ обыкновенныхъ атмосферическихъ явленій принадлежатъ огненные метеоры, видимые днемъ, а особенно по ночамъ. Они представляются, или в видѣ падающихъ звѣздъ, или летящихъ сверху внизъ, а также косвенно ракетъ ярко голубоватаго свѣта. Потухая на медленномъ полетѣ, они порою оставляютъ по себѣ слѣдъ, въ видѣ легкой иглистой полоски.

Другое замѣчательное явленіе—ураганы, въ которые здѣсь легко обращается каждый вѣтеръ, при встрѣчѣ съ другимъ токомъ воздуха. Здѣшніе ураганы, но-

дымая густыя облака пыли и песка, нерѣдко сносятъ съ мѣста или ломаютъ кибитки киргизовъ, загоняютъ въ соляныя топи скотъ или же разгоняютъ столь далеко по степи, что владѣльцы лишаются возможности собрать его вновь. Замѣчательно, что во время подобныхъ урагановъ, сквозь цѣлыя облака крутящейся пыли, удается видѣть небо, ясное и безоблачное. Ураганы или сопровождаются дождемъ или являются безъ него; въ послѣднемъ случаѣ масса горячаго воздуха идетъ извилистыми, перерывчатыми полосами, такъ что даже мѣста, лежащія по направленію вѣтра, не всѣ подвергаются опустошенію. Скотъ, во время урагана, принимаетъ разныя мѣры, чтобъ устоять противъ напора воздуха; такъ, овцы дружно скучиваются головами вмѣстѣ и образовываютъ возможно тѣсный кружокъ; лошади становятся головами противъ вѣтра, склоняютъ и напрягаютъ шею и твердо упираются передними конечностями въ землю; тоже дѣлаютъ рогатый скотъ и верблюды. Передъ наступленіемъ урагана, животныя становятся безпокойны и какъ бы обираются съ силами для отраженія приближающейся непогоды. Въ 1857 г., въ маѣ, подобный ураганъ, съ сильнымъ дождемъ, захватилъ недалеко отъ Ставки гурты скота, закупленные на весенней ярмаркѣ и пригнанные для продажи. Скотъ разогнало во всѣ стороны; большая часть его погибла въ разливахъ рѣчекъ и въ соляныхъ грязяхъ, другая же часть не могла быть найдена хозяевами. Весенніе ураганы, при упорномъ сѣверномъ холодномъ вѣтрѣ съ сильнымъ и продолжительнымъ дождемъ, особенно гибельны для верблюдовъ, которые весною, вслѣдствіе линянія, бываютъ совсѣмъ лишены шерсти. Отъ совокупнаго неблагопріятнаго дѣйствія стужи и сырости, дѣятельность обнаженной и чувствительной кожи парализуется, и животныя издыхаютъ менѣе, чѣмъ чрезъ сутки. Разумѣется, подобные ураганы не каждогодно посѣщаютъ орду, но, являясь и рѣдкимъ гостемъ, они тѣмъ не менѣе оставляютъ по себѣ память на долго.

Къ числу лѣтнихъ атмосферическо—оптическихъ явленій здѣшней мѣстности относятся миражи (марево, по выраженію б. ч. оренбургскихъ жителей). По однообразію степныхъ пейзажей миражи въ ордѣ не очень интересны: большею частію на горизонтѣ рисуются полосы, похожія на воду, за ними или надъ ними видны холмы, курганы, кустарники и т. п.

Наступаетъ августъ, и жары видимо спадаютъ. Довольно длинныя ночи прохлаждаютъ воздухъ и способствуютъ осажденію паровъ изъ атмосферы; дожди перепадаютъ сравнительно часто и иногда сопровождаются грозами; степная растительность, выжженная лучами лѣтняго солнца, оживаетъ снова. Въ сентябрѣ ночи довольно холодны, порою дуютъ очень суровые вѣтры, дожди и ясная погода смѣняются взаимно. Въ октябрѣ дни ясны, и нерѣдки утренники, при которыхъ растенія покрываются инеемъ. Въ ноябрѣ обыкновенно стоитъ погода ясная, нерѣдко морозная, иней густо облекаетъ поверхность степи и не вполнѣ растаиваетъ даже днемъ. Въ половинѣ ноября рѣки покрываются льдомъ. Въ декабрѣ бываютъ сильные морозы и нерѣдко вѣтры; къ концу его или въ срединѣ выпадаетъ снѣгъ. Иногда же бываетъ, что земля не покрывается снѣгомъ до января. Январь самый лютый изъ зимнихъ мѣсяцевъ: морозы доходятъ до 30° R. и болѣе. Сильные вѣтры (въ особенности отъ сѣвера) дуютъ почти постоянно и нерѣдко сопровождаются вьюгами или даже буранами. Бураны—это снѣжныя бури: вѣтеръ мететъ снѣгъ съ земли и поднимаетъ его вверхъ. Крутящіяся снѣжинки, вмѣстѣ съ холоднымъ, сухимъ степнымъ пескомъ, подъ конецъ скучиваются въ воздухѣ до того, что почти совершенно застилаютъ дневной свѣтъ, подобно самому густому туману. Затѣмъ, вѣтеръ, дотолѣ дувшій постоянно въ одномъ направленіи, начинаетъ быстро мѣнять свое направленіе и переходитъ въ настоящій ураганъ: массы снѣга валятся сверху, подымаются снизу и, перемѣшавшись съ пескомъ, вьются клубами, столбами, заступаютъ

путь стѣною и отнимаютъ почти всякую возможность различать ближайшіе, даже самые знакомые предметы.

Не встрѣчая преградъ, буранъ не рѣдко бушуетъ по цѣлымъ суткамъ. Истощенныя собственнымъ противодѣйствіемъ напору вѣтра, холоду, раздражающему дѣйствію на кожу песчинокъ и снѣга, животныя изнемогаютъ и отдаются на волю страшной мятели, безсознательно несутся по направленію вѣтра или насильно уносятся имъ и вязнутъ въ сугробахъ, безъ всякой возможности выбраться изъ нихъ. Оставаясь въ сугробахъ неподвижными, животныя способствуютъ новымъ около нихъ и на нихъ наметамъ снѣга, подъ толстыми слоями котораго и замерзаютъ.

Въ январѣ 1859 г. одинъ или два подобныхъ бурана были причиною гибели множества скота. Немало погибло и людей; между прочимъ былъ такой случай.

Въ одной изъ прикаспійскихъ котловинъ зимовало киргизское семейство: скотъ пасся постоянно на волѣ, по близости кибитки. Однажды, въ первыхъ числахъ января, съ утра поднялся сильный вѣтеръ, который, постепенно усиливаясь, неожиданно превратился къ вечеру въ сильный буранъ, поднявшій цѣлыя горы снѣга. Съ наступленіемъ сумерокъ всѣ взрослые, мужчины и женщины, вскочили на лошадей и отправились къ стаду, чтобы поспѣшно принять мѣры къ спасанію его отъ опасности. Въ кибиткѣ остались лишь дѣти 8—10 лѣтъ, кажется трое.

Дѣти сидѣли около огня, пылавшаго посрединѣ кибитки и поддерживали горѣніе, подкладывая кизякъ, котораго запасъ находился тутъ же. Злѣе и злѣе бушевалъ буранъ; наступила ночь. Вдругъ вѣтеръ сорвалъ, гдѣ-то сбоку, войлокъ съ кибитки, и въ отверстіе началъ врываться снѣгъ все болѣе и болѣе. Дѣти ближе и ближе жались къ огню, плотно кутаясь въ бывшее на нихъ платье. Между тѣмъ запасъ топлива въ кибиткѣ истощился, такъ что бѣдняжки нѣкоторое время согрѣвались только пепломъ; но наконецъ и онъ остылъ. Дѣти, тѣсно скучившись, свернулись и заснули.

Киргизы, отправившіеся спасать отъ бурана скотъ, не спасли его: животныхъ разогналъ неистовый вѣтеръ; сами хозяева сбились съ пути и долго бродили по степи. Къ утру буранъ унялся, и киргизы, полузамершіе и усталые, добрались до своей кибитки. Жилище свое нашли они полуразрушеннымъ отъ бурана, а дѣтей замерзшими.

7. Измѣненіе уровня Волги и Каспійскаго моря и вліяніе вырубки лѣсовъ.

Въ настоящее время неопровержимыми данными дознано, что начало полноводья Волги у Астрахани наступаетъ гораздо ранѣе, чѣмъ прежде, такъ что въ началѣ 40-хъ годовъ между вскрытіемъ и первымъ возвышеніемъ воды проходило до 42 дней, а теперь всего 24. Высшая вода также теперь является ранѣе прежняго, но разница тутъ меньше. Продолжительность половодья стала гораздо больше прежняго, такъ что возвышеніе воды теперь начинается ранѣе, а кончается позже, чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ. Наконецъ дознано, что высота воды теперь болѣе прежняго, но колебанія при этомъ велики. Каждому, кто бывалъ весною въ деревнѣ, извѣстно, что снѣгъ таетъ гораздо скорѣе въ открытыхъ мѣстахъ, на полѣ и въ степи, чѣмъ въ лѣсу. Въ без-

лѣсныхъ мѣстахъ давно уже началась ѣзда на колесахъ, когда въ лѣсу еще хорошая санная дорога. Слѣдовательно, въ лѣсистыхъ мѣстахъ снѣгъ таетъ тише и половодье наступаетъ позже, чѣмъ въ степныхъ. Разница иногда очень велика и въ недружную весну доходитъ до мѣсяца. Въ Астрахани вода прежде прибывала понемногу, теперь она прибываетъ скоро; это именно и должно было произойти вслѣдствіе значительнаго истребленія лѣсовъ въ большей части бассейна Волги. Но защищаемый деревьями, снѣгъ скоро таетъ, и вода, не задерживаясь листьями и корнями, сбѣгаетъ въ рѣки и достигаетъ Каспійскаго моря.

Всего позже таетъ снѣгъ на притокахъ Камы, на отрогахъ Уральскихъ горъ. Вода, сбѣгающая оттуда, даетъ послѣдній толчекъ водамъ Волги, которыя тогда достигаютъ высшаго уровня, да кромѣ того въ Пермской и Вятской губерніяхъ вырубка лѣсовъ далеко не достигла такихъ размѣровъ, какъ по средней Волгѣ и особенно въ сѣверныхъ уѣздахъ этихъ губерній.

Положеніе, что половодье въ настоящее время продолжается долѣе, на первый взглядъ кажется страннымъ. Казалось бы, что съ уменьшеніемъ лѣсовъ и воды въ Волгѣ соберется менѣе, тѣмъ болѣе, что жалобы на засуху постоянно слышатся отъ хозяевъ Приволжья. Совершенно справедливо, что съ вырубкой лѣсовъ посѣвы и травы терпятъ отъ засухи, но несправедливо, чтобы въ нижнемъ теченіи большой рѣки собиралось менѣе воды. Вотъ почему: корни, мхи, опавшіе листья, болота задерживаютъ множество воды и сохраняютъ ее для окружающей мѣстности. Листья деревьевъ постоянно испаряютъ воду, а эта вода получается изъ почвы черезъ корни. Вслѣдствіе этого воздухъ въ лѣсистой мѣстности влажнѣе, и, кромѣ того, вѣтеръ, ослабляясь при проходѣ черезъ лѣса, менѣе изсушаетъ почву и растенія, чѣмъ въ степи.

Въ Средней Россіи, а особенно въ Приволжскихъ и Новороссійскихъ степяхъ, дожди выпадаютъ въ видѣ ливней, съ грозой и часто съ градомъ. Вода быстро стекаетъ съ полей, образуя овраги и балки и производитъ губительные паводки. Черезъ нѣсколько дней земля опять суха. Куда же дѣлась вода, которая быстро поднялась и также быстро сбыла въ какой нибудь рѣчкѣ Приволжья? Она сбѣжала далѣе и наконецъ достигла Астрахани. Тутъ, правда, не произошло наводненія, потому что ливень ограничивался небольшимъ пространствомъ.

Часто, чуть ли не ежедневно, то тамъ, то тутъ падаютъ такіе ливни, и вода скоро стекаетъ въ Волгу, такъ что тамъ вода не приходитъ къ низкому уровню до Октября.

Прежде было иначе. По мѣрѣ того какъ испарялась влага отъ таянія снѣговъ, *лѣсная почва жадно задерживала воду* отъ каждаго лѣтняго ливня и только излишней давала стекать въ Волгу. Въ верхней Волгѣ и мелкихъ притокахъ уровень воды поддерживался посто-

яннѣе, влажная почва постепенно отдавала свой избытокъ рѣкамъ, *а по вырубкѣ лѣсовъ воды въ рѣкахъ бываетъ то слишкомъ много, то слишкомъ мало.*

Изъ многочисленныхъ наблюденій дознано, что количество выпадающаго дождя не измѣнилось и теперь въ степяхъ бываютъ благодатные сырые годы; *съ истребленіемъ лѣсовъ измѣнилось только количество воды, задерживаемое на пользу окружающей мѣстности и увеличилась вслѣдствіе того сухость воздуха.*

Впрочемъ, нужно замѣтить, что иные уже слишкомъ преувеличивали благодѣтельныя послѣдствія лѣсовъ и писали проекты о томъ, какъ съ посадкой лѣсовъ наши степи обратятся чуть ли не въ земной рай. При этомъ не обращали вниманія на то, что есть же основательныя причины того, что иныя мѣста были покрыты лѣсами, другія безлѣсны съ самыхъ давнихъ историческихъ временъ.

Новороссійскій край былъ степью при Геродотѣ. Причина безлѣсья —недостатокъ влаги. Чѣмъ теплѣе климатъ страны, тѣмъ болѣе растенія нуждаются въ водѣ, а между тѣмъ мы видимъ, что на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря выпадаетъ менѣе дождя, чѣмъ въ Петербургѣ; ясно, что въ одномъ мѣстѣ климатъ благопріятенъ для лѣсовъ, въ другомъ—нѣтъ. Кромѣ того, еще въ Петербургѣ и средней Россіи каждый годъ въ длинную зиму накопляется много снѣга, который таетъ весной и глубоко впитывается въ землю. На югѣ зима коротка и часто безснѣжна, и дождь выпадаетъ въ видѣ ливней, преимущественно лѣтомъ.

Разведеніе деревьевъ затруднительно даже въ мѣстахъ, гдѣ есть кругомъ лѣса. Дерево требуетъ большого количества влаги въ почвѣ. Въ лѣсу перегной, опавшіе листья и т. д. способствуютъ сохраненію этой влаги, и деревья кромѣ того затѣняютъ другъ друга и уменьшаютъ испаренія съ поверхности листьевъ. Такую обстановку нельзя съ разу создать для отдѣльнаго дерева или для вновь посаженнаго лѣса. Она постепенно образуется, и если мѣсто было хорошо выбрано, или климатъ достаточно влаженъ, то деревья принимаются, иначе они погибаютъ или требуютъ искуственнаго орошенія.

Подобные факты часто можно встрѣтить въ Поволжьѣ, напр. въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи. Несмотря на сухость воздуха, на черноземѣ хорошо растутъ дубъ и липа, а на пескѣ сосна, но попытки развести сады и рощи на новыхъ мѣстахъ часто оканчиваются неудачей, потому что на новыхъ мѣстахъ нѣтъ тѣхъ условій, которыя помогаютъ деревьямъ.

8. Вліяніе снѣговой поверхности на климатъ Россіи.

Защита земли отъ холода. Сырость воздуха. Температура. Примѣненіе къ изученію бурь. Вліяніе лѣсовъ на равность слоевъ снѣга. Запаздываніе весны. Огромная поверхность Европейской Россіи и Сибири каждую зиму покрывается снѣгомъ, и вліяніе этого явленія можно прослѣдить въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Первое, наиболѣе замѣтное и обратившее на себя наибольшее вниманіе—защита земли отъ зимняго холода. Причина этого явленія та, что снѣгъ одинъ изъ самыхъ дурныхъ проводниковъ тепла. Земля промерзла бы у насъ на огромную глубину, если-бы не было подобной защиты. Извѣстно, что озимые посѣвы при нашей холодной зимѣ возможны только тамъ, гдѣ снѣгъ ложится ровнымъ слоемъ. Въ степяхъ юго-восточной Россіи, гдѣ, при сухости климата и сильныхъ вѣтрахъ, снѣга часто бываетъ недостаточно, всѣ попытки къ введенію озимыхъ посѣвовъ оканчивались неудачно.

Изъ того, что поверхность снѣга защищаетъ землю и находящіяся на ней растенія отъ холоду, вытекаетъ, что при снѣгѣ и другихъ, способствующихъ тому, явленіяхъ, какъ-то: ясномъ небѣ, воздухъ долженъ быть холоднѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ нѣтъ снѣга, такъ какъ дурной проводникъ, мѣшая сообщенію холоднаго воздуха съ болѣе теплой почвой, долженъ усилить степень холода въ нижнихъ слояхъ воздуха. Это противорѣчитъ общепринятому мнѣнію въ Россіи, будто бы безъ снѣга холодъ бываетъ сильнѣе. Это мнѣніе происходитъ въ 1-хъ оттого, что первые холода осенью чувствительнѣе, чѣмъ зимой, когда человѣкъ достаточно привыкнетъ къ нимъ, а затѣмъ и оттого, что при холодномъ вѣтрѣ и отсутствіи снѣга воздухъ бываетъ особенно сухъ и рѣзокъ.

Въ западной и южной Европѣ, гдѣ земля обыкновенно не покрывается снѣгомъ, это явленіе общеизвѣстно, и тамъ всегда ожидаютъ большихъ холодовъ, когда выпалъ снѣгъ. Такъ напр. холода въ декабрѣ 1860 г. въ Великобританіи наступили тотчасъ послѣ обильнаго снѣга.

Такъ какъ поверхность снѣга постоянно испаряется, то воздухъ въ нашихъ странахъ зимою постоянно влаженъ, т. е. весьма мало удаленъ отъ точки насыщенія. Оттого происходятъ весьма частые осадки зимою не смотря на то, что абсолютное количество паровъ въ это время мало. Вліяніе снѣговой поверхности въ этомъ отношеніи такъ велико, что положеніе Европейской Россіи зимою можно сравнить съ тѣмъ, что происходитъ на кораблѣ посреди океана или въ небольшомъ поселеніи, окруженномъ болотами. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, значительная сухость воздуха можетъ быть только тогда, когда дуетъ сильный холодный вѣтеръ, который, проходя быстро по поверхности снѣга или воды, не успѣваетъ насытиться парами.

Если же вѣтеръ, хотя и холодный, довольно слабъ, то воздухъ на

можетъ быть сухимъ. Это и бываетъ у насъ зимою, такъ какъ теплые югозападные и западные вѣтры обыкновенно сильны, а сѣверо-восточные и восточные, напротивъ, очень слабы. Это слѣдствіе очень важно для опредѣленія количества паровъ въ воздухѣ.

Извѣстно, что всѣ психометрическія наблюденія при низкихъ температурахъ крайне ненадежны, и ниже — 19° Р. и совсѣмъ не производятся. Однако, принимая во вниманіе, что при испареніи снѣга воздухъ всегда влаженъ, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что относительная сырость зимой почти никогда не бываетъ менѣе 80%.

Въ послѣднее время, при большихъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ изученіи бурь, количество паровъ въ воздухѣ пріобрѣло особенное значеніе.

Извѣстно, что бури, идущія съ запада, изъ Исландіи, вдоль береговъ Норвегіи, къ сѣверной Европейской Россіи, сохраняютъ свое движеніе съ запада на востокъ только тамъ, гдѣ находятъ достаточное количество водяныхъ паровъ, такъ что для предсказанія вѣроятнаго пути бури необходимо знать температуру и количество паровъ въ мѣстахъ, находящихся къ востоку отъ ея центра. Значительные холода и малое абсолютное количество паровъ въ Сибири производятъ то явленіе, что бури принимаютъ одно или другое направленіе, а именно иныя, впрочемъ довольно рѣдкія, проходятъ черезъ Европейскую Россію по направленію отъ С З. къ Ю В., т. е. избѣгаютъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ это время наибольшій холодъ и наибольшее давленіе, а самый частный случай тотъ, что онѣ проходятъ отъ сѣвера Норвегіи вдоль нашего Мурманскаго берега, по направленію къ Новой Землѣ, т. е. тамъ, гдѣ проходитъ Гольфштремъ. Извѣстно, что въ это время материкъ значительно холоднѣе моря, по которому проходитъ теплое теченіе. Хотя мы не имѣемъ никакихъ наблюденій зимы вдоль сѣвернаго берега Новой Земли и къ В. оттуда, однако, собирая данныя, извлеченныя изъ наблюденій Западной Сибири, можно сказать, что обыкновенно бываетъ такъ. Весною и осенью, когда азіатскій материкъ значительно теплѣе чѣмъ зимою, воздухъ уже не такъ плотенъ, и иныя бури принимаютъ болѣе восточное направленіе и, можетъ быть, даже проходятъ по всей Сибири отъ запада къ востоку. Это видно, между прочимъ, изъ барометрической таблицы Красноярска. Здѣсь уже въ мартѣ и апрѣлѣ барометръ иногда опускается очень низко, гораздо ниже, чѣмъ въ холодные зимніе мѣсяцы, особенно въ Январѣ. Но въ это время, какъ извѣстно, количество паровъ въ воздухѣ этихъ странъ уже значительно. Въ Красноярскѣ, въ концѣ марта, термометръ иногда подымается до 10° и выше, а такъ какъ при большомъ количествѣ снѣга въ окружающей мѣстности воздухъ постоянно влаженъ, то бури могутъ принимать подобное направленіе. Затѣмъ, вліянію снѣговой поверхности въ Россіи мы должны приписать то явленіе, что вездѣ у насъ зимою термометръ подымается незначительно выше 0°, причемъ мы не видимъ никакого различія между Европейской Россіей и Запад-

ной Сибирью, не смотря на то, что средняя температура зимы въ послѣдней гораздо ниже. Такъ въ Барнаулѣ, при средней температурѣ зимы около 18° Ц., часто бываетъ оттепель. Напр. въ февралѣ 1855 г. три дня сряду было болѣе 4°. Въ Декабрѣ 1852 г. доходило до 3,8°. Такія высокія температуры чрезвычайно рѣдки и въ Европейской Россіи и рѣдки именно потому, что теплые вѣтры, проходя по обширной равнинѣ, покрытой снѣгомъ, тратятъ значительное количество своей теплоты на таяніе этого снѣга.

Въ этомъ отношеніи Барнаулъ находится въ другихъ обстоятельствахъ. Къ Ю З. отъ него находятся Киргизскія степи, гдѣ, вслѣдствіе чрезмѣрной сухости воздуха, снѣгъ рѣдко ложится, такъ что жители этихъ странъ никогда не заготовляютъ зимняго корма для своего скота, а оставляютъ его всю зиму на подножномъ корму. Теплый вѣтеръ, проходя по подобной поверхности, можетъ доходить до высокихъ широтъ, мало измѣняя свою температуру. Это и служитъ объясненіемъ значительной измѣнчивости климата Западной Сибири. Имѣя къ В. метеорологическій полюсъ, т. е. мѣсто наибольшаго холода на земномъ шарѣ въ зимніе мѣсяцы, а къ Ю З. безснѣжную равнину Киргизскихъ степей, по которой вѣтеръ доходитъ, мало измѣняясь въ своихъ свойствахъ, Западная Сибирь постоянно переходитъ изъ одной крайности въ другую. Морозы тамъ иногда мало уступаютъ якутскимъ; затѣмъ вдругъ наступаетъ оттепель, какъ въ южной Европейской Россіи.

Не смотря на важность снѣговой поверхности для климата всѣхъ окружающихъ странъ, это явленіе еще недостаточно изслѣдовано до такой степени, что мнѣ нигдѣ не встрѣчалось печатнаго указанія на фактъ, бросающійся въ глаза всякому, кто путешествовалъ зимою по Россіи. Этотъ фактъ—вліяніе лѣсовъ на сохраненіе снѣга. При существованіи лѣсовъ снѣгъ ложится ровнымъ слоемъ, не сдувается вѣтромъ съ высокихъ и открытыхъ мѣстъ и не насыпается въ овраги и лощины, такъ что можно сказать, что только въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ поверхность снѣга имѣетъ всѣ свои благодѣтельныя послѣдствія. Напротивъ, въ степи иныя мѣста совершенно оголяются, другія заносятся до такой степени, что бываетъ трудно проникнуть въ жилища.

Между тѣмъ мы не имѣемъ никакихъ сколько-нибудь точныхъ наблюденій о времени паденія снѣга и установленія саннаго пути.

Какъ часто бываетъ, то, что мы имѣемъ постоянно передъ глазами, не смотря на свою важность, ускользаетъ отъ нашего вниманія, между тѣмъ какъ рѣдкія явленія постоянно замѣчаются.

При важности этого явленія и легкости наблюденія его, намъ слѣдовало бы во всякую данную минуту знать, гдѣ именно лежитъ снѣгъ и гдѣ его нѣтъ. Въ этомъ случаѣ система наблюденій, установленная Метеорологическою Коммиссіею Географическаго Общества, для грозъ и водныхъ осадковъ, могла бы примѣняться и къ этому явленію.

Всякому, особенно живущему въ деревнѣ, очень нетрудно записать,

реходимъ теперь къ обозрѣнію климата въ частности каждой изъ девяти поволжскихъ губерній. Начнемъ съ Тверской.

Тверская губернія лежитъ между 58° 52′ и 55°54′. Эта губернія, по своему географическому положенію, отличается материковымъ климатомъ, умѣряемымъ нѣсколько въ сѣверныхъ лѣсистыхъ уѣздахъ влажностью озеръ и болотъ. Въ особенности весна отличается влажностью, а осень — постоянными туманами. Средняя годовая температура + 4,25°. По мѣсяцамъ и временамъ года температура выражается слѣдующими данными: холоднѣйшій мѣсяцъ январь — 9,28, теплѣйшій іюль+15,73; средняя температура лѣта+14,53; зимы—5,65. Сильныя жары въ іюлѣ доходятъ до+30°, а морозы въ январѣ—до 25°. Рѣки вскрываются преимущественно въ первой четверти апрѣля, а замерзаютъ въ первыхъ числахъ ноября.

Губернія Ярославская. Средняя годовая температура въ ней+2,58. средняя температура лѣта+14, зимы—8,67; холоднѣйшій мѣсяцъ январь—9,97; теплѣйшій іюль+15,25.

Вообще климатъ Ярославской губерніи отличается непостоянствомъ, и изъ временъ года—въ особенности весна, которая то очень тепла, то холодна, и температура ея значительно колеблется изо дня въ день, что главнымъ образомъ зависитъ отъ непостоянства весеннихъ вѣтровъ. Зато лѣто имѣетъ ровную умѣренную температуру безъ рѣзкихъ переходовъ.

Губернія Костромская. Средняя годовая температура + 2,54, зимы '—8, лѣта + 14,46. Огромное пространство дремучихъ лѣсовъ и обширныя болотистыя пространства, идущія по лѣвой сторонѣ Волги, преимущественно въ уѣздахъ: Ветлужскомъ, Варнавинскомъ, Макарьевскомъ и Кологривскомъ увеличиваютъ суровость и сырость климата этой губерніи.

Губернія Нижегородская. Климатъ губерніи вообще умѣренный, хотя, отъ большого скопленія водъ, дающихъ испаренія и отъ лѣсовъ, удерживающихъ влажность, онъ болѣе подходитъ къ сѣверному климату, какъ и въ Костромской губерніи. Средняя годовая температура + 3,04, зимы—8,60, лѣта + 14; холоднѣйшаго мѣсяца, января,—9, теплѣйшаго, іюля, + 15. Въ заволжской части климатъ суровѣе и влажнѣе нагорной части, а сырость воздуха на луговой сторонѣ служитъ причиною лихорадокъ и ревматическихъ болѣзней.

Губернія Казанская. Самый городъ Казань лежитъ подъ 55°47 с. ш. и подъ 66°47′ в. д. Температура по временамъ года распредѣляется такимъ образомъ: вообще средняя годовая температура+2,12, зимы—10,40, лѣта+14,34, весны + 3,34, осени + 1.31. Замѣчено, что лѣто въ Казани по средней температурѣ точно такое же, какъ въ Берлинѣ, Іенѣ, Страсбургѣ, Парижѣ, Базелѣ и о. Св. Елены, тогда какъ по средней температурѣ зимы Казань близка къ слѣдущимъ городамъ: Архангельску, Великому—Устюгу, Вяткѣ, Уральску. Такимъ образомъ выходитъ, что Ка-

зань по своему лѣту можетъ стать на ряду съ теплыми городами Европы, а по зимѣ она близка уже къ городамъ холоднаго пояса. Самые продолжительные сильные морозы бываютъ рождественскіе, за ними крещенскіе, затѣмъ стрѣтенскіе, значительно, впрочемъ, слабѣе первыхъ двухъ. Волга у Казани вскрывается среднимъ числомъ 10 апрѣля. Среднее количество выпадающей влаги дождемъ и снѣгомъ 12 русскихъ дюймовъ. Число дождливыхъ дней (или снѣжныхъ) весною 10, лѣтомъ 29, осенью 24, зимою (снѣжныхъ) 24. Въ средней сложности зима въ Казани продолжается $4^1/_2$, мѣсяца, лѣто $5^1/_2$ весна—не болѣе мѣсяца. Среднимъ числомъ количество грозъ въ Казани бываетъ 8, болѣе всего въ іюнѣ и въ іюлѣ.

Симбирская губернія. Она пользуется умѣреннымъ климатомъ, хотя климатъ ея много суровѣе климата западныхъ губерній, лежащихъ въ однѣхъ съ нею параллеляхъ. Средняя температура года + 3, лѣтомъ жары доходятъ до 37°, зимою морозы—до 35°.

Губернія Самарская. Климатъ губерніи континентальный. Средняя годовая температура + 4: по временамъ года: зимы — 7, лѣта + 15; холоднѣйшій мѣсяцъ январь — 8, теплѣйшій іюль + 17. Въ южной половинѣ губерніи, на открытой площади, бываютъ сильныя жары при бездождіи, а зимою жестокіе морозы, бураны и мятели. Весна составляетъ самое лучшее время года.

Губернія Саратовская. Средняя годовая температура + 4; холоднѣйшаго мѣсяца, января, — 8, теплѣйшаго, іюля, + 18, зимы — 7, лѣта + 17.

Губернія Астраханская. Климатъ безусловно континентальный. Средняя годовая температура + 7, температура теплѣйшаго мѣсяца, іюля, + 20, холоднѣйшаго, января, — 5.

6) Картина природы Киргизской степи.

Климатъ Киргизской степи отличается рѣзкими крайностями: палящимъ зноемъ среди лѣта и сильными морозами съ мятелями зимою. Втеченіе года бываютъ два періода, во время которыхъ эти крайности сглаживаются, температура бываетъ умѣреннѣе, и вообще легче живется въ голой и однообразной мѣстности, но періоды эти—начала весны и осени, непродолжительны: всего же чаще живымъ существамъ приходится подвергаться всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ здѣшняго края и притомъ въ сильной степени, по недостаточности средствъ умѣрять и смягчать суровости естественной среды.

Къ половинѣ или концу февраля уже появляются первые предвѣстники весны: сѣверный и сѣверо-восточный вѣтры перестаютъ разметывать снѣгъ; солнце начинаетъ бросать мало по малу нѣсколько привѣтливо-теплыхъ лучей на землю; на возвышенныхъ мѣстахъ показываются проталины. Впрочемъ, случается, что и въ концѣ февраля и даже въ началѣ марта снова появляются продолжительные холодные сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, приносящіе съ собою снѣговыя тучи. Большею же частью начало марта характеризуется только сильными вѣтрами, дующими въ одномъ направленіи по двѣ недѣли сряду и болѣе. Направленіе вѣтровъ въ мартѣ—сѣверное, сѣверо—западное и сѣверо-восточное. Юго-

западный и юговосточный вѣтры дуютъ рѣдко, но зато, съ появленіемъ ихъ, небесный сводъ, часто пасмурный и туманный въ мартѣ, вдругъ проясняется. Проглянувшее солнце быстро сгоняетъ рыхлый, смѣшанный съ пескомъ, снѣгъ, тонкимъ слоемъ покрывающій землю. Въ срединѣ или къ концу марта вскрываются отъ льда степныя рѣки, именно-оба Узеня; что же касается рѣкъ Паники, Горькой, Бельдургунды, то время ихъ вскрытія довольно неопредѣленно во 1-хъ потому, что нерѣдко, впродолженіе лѣта, вода въ нихъ совсѣмъ высыхаетъ, а морозы выжимаютъ изъ руслъ послѣдніе остатки влаги, особенно послѣ сухой осени; а во 2-хъ потому, что снѣгъ, лежащій по оврагамъ, не обдуваемый теплыми вѣтрами и защищенный отъ лучей солнца, держится долѣе, чѣмъ на открытыхъ мѣстахъ. Къ концу марта снѣгъ совершенно стаиваетъ; небо безоблачно, воздухъ нагрѣтъ до + 14° и 15°Р и оглашается щебетаніемъ птицъ, степь начинаетъ быстро оживать. Апрѣль въ здѣшнихъ мѣстахъ есть наиблагодатнѣйшій весенній мѣсяцъ: температура стоитъ умѣренная (18°, 20° и 25°Р), изрѣдка перепадаютъ дожди теплые, благотворно дѣйствующіе на почву. Грозы здѣсь рѣдки, составляютъ какъ бы исключеніе; тучи идутъ высоко, раскаты грома слышатся глухо, слабо и представляются простому наблюдателю приходящими со стороны. Послѣ здѣшнихъ грозъ не чувствуется той легкости и чистоты въ воздухѣ, какая замѣчается послѣ грозъ въ мѣстахъ лѣсистыхъ, обильныхъ водами и возвышенностями.

Въ апрѣлѣ оживаетъ растительность: камышъ начинаетъ пускать молодые, зеленые отпрыски, взамѣнъ желтыхъ, сухихъ и щедушныхъ прошлогоднихъ порослей, тальникъ становится пахучимъ, развертывая почки; степь, на сколько для нея возможно, зеленѣетъ и пестрѣетъ первыми весенними цвѣтами; цвѣтутъ тюльпаны, птицемлечники и многія ирныя. И втеченіе апрѣля степь не оставляютъ вѣтры; но такъ какъ почва въ это время еще достаточно влажна и верхній слой ея еще не успѣлъ обратиться въ пыль, то въ воздухѣ неощутительно присутствіе миріадъ песчинокъ и тонкой пронзительной пыли солончаковъ, наполняющей воздухъ въ вѣтренную погоду втеченіе цѣлаго лѣта.

Такъ, съ небольшимъ повышеніемъ температуры, продолжается до половины мая. Вѣтры, къ этому времени, дуютъ нерѣдко безъ перемежки недѣли по двѣ, становясь все жарче и жарче; присутствіе пыли и песка становится ощутительнѣе; дожди перепадаютъ рѣдко, а то и вовсе ихъ не бываетъ. Въ половинѣ мая жары доходятъ до+35,36° и 38°R, отчего растенія начинаютъ блекнуть. Но вотъ и лѣто. Это для человѣка самое тяжелое время года по трудности защититься отъ жары. Температура идетъ crescendo и къ началу іюля доходитъ до + 45°,46°R. Вѣтры, нерѣдкіе лѣтомъ (въ особенности въ направленіи отъ Ю.-З. и Ю.) представляютъ движущуюся массу раскаленнаго, сухаго воздуха, въ смѣси съ пескомъ и ѣдкою солончаковою пылью. Небесный сводъ, голубой и безоблачный, тяготѣетъ надъ омертвѣлою степью, какъ раскаленный куполъ. Тощая земля пышетъ жаромъ и трескается, скудная растительность давно сожжена; ночи душны и мало прохлаждаютъ раскаленную атмосферу. Большихъ дождей не бываетъ иногда по мѣсяцу; а мимолетно бѣгущая тучка, какъ бы нехотя оросивъ часть степи, не въ силахъ напоить жаждущей и всюду просоленной почвы. Грозы и въ это время не часты и хотя иногда бываютъ довольно сильны, однако, по большей части не сопровождаются дождемъ. Въ это время, т. е. въ срединѣ лѣта, къ числу самыхъ обыкновенныхъ атмосферическихъ явленій принадлежатъ огненные метеоры, видимые днемъ, а особенно по ночамъ. Они представляются, или в видѣ падающихъ звѣздъ, или летящихъ сверху внизъ, а также косвенно ракетъ ярко голубоватаго свѣта. Потухая на медленномъ полетѣ, они порою оставляютъ по себѣ слѣдъ, въ видѣ легкой иглистой полоски.

Другое замѣчательное явленіе—ураганы, въ которые здѣсь легко обращается каждый вѣтеръ, при встрѣчѣ съ другимъ токомъ воздуха. Здѣшніе ураганы, по-

дымая густыя облака пыли и песка, нерѣдко сносятъ съ мѣста или ломаютъ кибитки киргизовъ, загоняютъ въ соляныя топи скотъ или же разгоняютъ столь далеко по степи, что владѣльцы лишаются возможности собрать его вновь. Замѣчательно, что во время подобныхъ урагановъ, сквозь цѣлыя облака крутящейся пыли, удается видѣть небо, ясное и безоблачное. Ураганы или сопровождаются дождемъ или являются безъ него; въ послѣднемъ случаѣ масса горячаго воздуха идетъ извилистыми, перерывчатыми полосами, такъ что даже мѣста, лежащія по направленію вѣтра, не всѣ подвергаются опустошенію. Скотъ, во время урагана, принимаетъ разныя мѣры, чтобъ устоять противъ напора воздуха; такъ, овцы дружно скучиваются головами вмѣстѣ и образовываютъ возможно тѣсный кружокъ; лошади становятся головами противъ вѣтра, склоняютъ и напрягаютъ шею и твердо упираются передними конечностями въ землю; тоже дѣлаютъ рогатый скотъ и верблюды. Передъ наступленіемъ урагана, животныя становятся безпокойны и какъ бы обираются съ силами для отраженія приближающейся непогоды. Въ 1857 г., въ маѣ, подобный ураганъ, съ сильнымъ дождемъ, захватилъ недалеко отъ Ставки гурты скота, закупленные на весенней ярмаркѣ и пригнанные для продажи. Скотъ разогнало во всѣ стороны; большая часть его погибла въ разливахъ рѣчекъ и въ соляныхъ грязяхъ, другая же часть не могла быть найдена хозяевами. Весенніе ураганы, при упорномъ сѣверномъ холодномъ вѣтрѣ съ сильнымъ и продолжительнымъ дождемъ, особенно гибельны для верблюдовъ, которые весною, вслѣдствіе линянія, бываютъ совсѣмъ лишены шерсти. Отъ совокупнаго неблагопріятнаго дѣйствія стужи и сырости, дѣятельность обнаженной и чувствительной кожи парализуется, и животныя издыхаютъ менѣе, чѣмъ чрезъ сутки. Разумѣется, подобные ураганы не каждогодно посѣщаютъ орду, но, являясь и рѣдкимъ гостемъ, они тѣмъ не менѣе оставляютъ по себѣ память на долго.

Къ числу лѣтнихъ атмосферическо—оптическихъ явленій здѣшней мѣстности относятся миражи (марево, по выраженію б. ч. оренбургскихъ жителей). По однообразію степныхъ пейзажей миражи въ ордѣ не очень интересны: большею частію на горизонтѣ рисуются полосы, похожія на воду, за ними или надъ ними видны холмы, курганы, кустарники и т. п.

Наступаетъ августъ, и жары видимо спадаютъ. Довольно длинныя ночи прохлаждаютъ воздухъ и способствуютъ осажденію паровъ изъ атмосферы; дожди перепадаютъ сравнительно часто и иногда сопровождаются грозами; степная растительность, выжженная лучами лѣтняго солнца, оживаетъ снова. Въ сентябрѣ ночи довольно холодны, порою дуютъ очень суровые вѣтры, дожди и ясная погода смѣняются взаимно. Въ октябрѣ дни ясны, и нерѣдки утренники, при которыхъ растенія покрываются инеемъ. Въ ноябрѣ обыкновенно стоитъ погода ясная, нерѣдко морозная, иней густо облекаетъ поверхность степи и не вполнѣ растаиваетъ даже днемъ. Въ половинѣ ноября рѣки покрываются льдомъ. Въ декабрѣ бываютъ сильные морозы и нерѣдко вѣтры; къ концу его или въ срединѣ выпадаетъ снѣгъ. Иногда же бываетъ, что земля не покрывается снѣгомъ до января. Январь самый лютый изъ зимнихъ мѣсяцевъ: морозы доходятъ до 30° R. и болѣе. Сильные вѣтры (въ особенности отъ сѣвера) дуютъ почти постоянно и нерѣдко сопровождаются вьюгами или даже буранами. Бураны—это снѣжныя бури: вѣтеръ мететъ снѣгъ съ земли и поднимаетъ его вверхъ. Крутящіяся снѣжинки, вмѣстѣ съ холоднымъ, сухимъ степнымъ пескомъ, подъ конецъ скучиваются въ воздухѣ до того, что почти совершенно застилаютъ дневной свѣтъ, подобно самому густому туману. Затѣмъ, вѣтеръ, дотолѣ дувшій постоянно въ одномъ направленіи, начинаетъ быстро мѣнять свое направленіе и переходитъ въ настоящій ураганъ: массы снѣга валятся сверху, подымаются снизу и, перемѣшавшись съ пескомъ, вьются клубами, столбами, заступаютъ

путь стѣною и отнимаютъ почти всякую возможность различать ближайшіе, даже самые знакомые предметы.

Не встрѣчая преградъ, буранъ не рѣдко бушуетъ по цѣлымъ суткамъ. Истощенныя собственнымъ противодѣйствіемъ напору вѣтра, холоду, раздражающему дѣйствію на кожу песчинокъ и снѣга, животныя изнемогаютъ и отдаются на волю страшной мятели, безсознательно несутся по направленію вѣтра или насильно уносятся имъ и вязнутъ въ сугробахъ, безъ всякой возможности выбраться изъ нихъ. Оставаясь въ сугробахъ неподвижными, животныя способствуютъ новымъ около нихъ и на нихъ наметамъ снѣга, подъ толстыми слоями котораго и замерзаютъ.

Въ январѣ 1859 г. одинъ или два подобныхъ бурана были причиною гибели множества скота. Немало погибло и людей; между прочимъ былъ такой случай.

Въ одной изъ прикаспійскихъ котловинъ зимовало киргизское семейство: скотъ пасся постоянно на волѣ, по близости кибитки. Однажды, въ первыхъ числахъ января, съ утра поднялся сильный вѣтеръ, который, постепенно усиливаясь, неожиданно превратился къ вечеру въ сильный буранъ, поднявшій цѣлыя горы снѣга. Съ наступленіемъ сумерокъ всѣ взрослые, мужчины и женщины, вскочили на лошадей и отправились къ стаду, чтобы поспѣшно принять мѣры къ спасенію его отъ опасности. Въ кибиткѣ остались лишь дѣти 8—10 лѣтъ, кажется трое.

Дѣти сидѣли около огня, пылавшаго посрединѣ кибитки и поддерживали горѣніе, подкладывая кизякъ, котораго запасъ находился тутъ же. Злѣе и злѣе бушевалъ буранъ; наступила ночь. Вдругъ вѣтеръ сорвалъ, гдѣ-то сбоку, войлокъ съ кибитки, и въ отверстіе началъ врываться снѣгъ все болѣе и болѣе. Дѣти ближе и ближе жались къ огню, плотно кутаясь въ бывшее на нихъ платье. Между тѣмъ запасъ топлива въ кибиткѣ истощился, такъ что бѣдняжки нѣкоторое время согрѣвались только пепломъ; но наконецъ и онъ остылъ. Дѣти, тѣсно скучившись, свернулись и заснули.

Киргизы, отправившіеся спасать отъ бурана скотъ, не спасли его: животныхъ разогналъ неистовый вѣтеръ; сами хозяева сбились съ пути и долго бродили по степи. Къ утру буранъ унялся, и киргизы, полузамершіе и усталые, добрались до своей кибитки. Жилище свое нашли они полуразрушеннымъ отъ бурана, а дѣтей замерзшими.

7. Измѣненіе уровня Волги и Каспійскаго моря и вліяніе вырубки лѣсовъ.

Въ настоящее время неопровержимыми данными дознано, что начало полноводья Волги у Астрахани наступаетъ гораздо ранѣе, чѣмъ прежде, такъ что въ началѣ 40-хъ годовъ между вскрытіемъ и первымъ возвышеніемъ воды проходило до 42 дней, а теперь всего 24. Высшая вода также теперь является ранѣе прежняго, но разница тутъ меньше. Продолжительность половодья стала гораздо больше прежняго, такъ что возвышеніе воды теперь начинается ранѣе, а кончается позже, чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ. Наконецъ дознано, что высота воды теперь болѣе прежняго, но колебанія при этомъ велики. Каждому, кто бывалъ весною въ деревнѣ, извѣстно, что снѣгъ таетъ гораздо скорѣе въ открытыхъ мѣстахъ, на полѣ и въ степи, чѣмъ въ лѣсу. Въ без-

лѣсныхъ мѣстахъ давно уже началась ѣзда на колесахъ, когда въ лѣсу еще хорошая санная дорога. Слѣдовательно, въ лѣсистыхъ мѣстахъ снѣгъ таетъ тише и половодье наступаетъ позже, чѣмъ въ степныхъ. Разница иногда очень велика и въ недружную весну доходитъ до мѣсяца. Въ Астрахани вода прежде прибывала понемногу, теперь она прибываетъ скоро; это именно и должно было произойти вслѣдствіе значительнаго истребленія лѣсовъ въ большей части бассейна Волги. Но защищаемый деревьями, снѣгъ скоро таетъ, и вода, не задерживаясь листьями и корнями, сбѣгаетъ въ рѣки и достигаетъ Каспійскаго моря.

Всего позже таетъ снѣгъ на притокахъ Камы, на отрогахъ Уральскихъ горъ. Вода, сбѣгающая оттуда, даетъ послѣдній толчекъ водамъ Волги, которыя тогда достигаютъ высшаго уровня, да кромѣ того въ Пермской и Вятской губерніяхъ вырубка лѣсовъ далеко не достигла такихъ размѣровъ, какъ по средней Волгѣ и особенно въ сѣверныхъ уѣздахъ этихъ губерній.

Положеніе, что половодье въ настоящее время продолжается долѣе, на первый взглядъ кажется страннымъ. Казалось бы, что съ уменьшеніемъ лѣсовъ и воды въ Волгѣ соберется менѣе, тѣмъ болѣе, что жалобы на засуху постоянно слышатся отъ хозяевъ Приволжья. Совершенно справедливо, что съ вырубкой лѣсовъ посѣвы и травы терпятъ отъ засухи, но несправедливо, чтобы въ нижнемъ теченіи большой рѣки собиралось менѣе воды. Вотъ почему: корни, мхи, опавшіе листья, болота задерживаютъ множество воды и сохраняютъ ее для окружающей мѣстности. Листья деревьевъ постоянно испаряютъ воду, а эта вода получается изъ почвы черезъ корни. Вслѣдствіе этого воздухъ въ лѣсистой мѣстности влажнѣе, и, кромѣ того, вѣтеръ, ослабляясь при проходѣ черезъ лѣса, менѣе изсушаетъ почву и растенія, чѣмъ въ степи.

Въ Средней Россіи, а особенно въ Приволжскихъ и Новороссійскихъ степяхъ, дожди выпадаютъ въ видѣ ливней, съ грозой и часто съ градомъ. Вода быстро стекаетъ съ полей, образуя овраги и балки и производитъ губительные паводки. Черезъ нѣсколько дней земля опять суха. Куда же дѣлась вода, которая быстро поднялась и также быстро сбыла въ какой нибудь рѣчкѣ Приволжья? Она сбѣжала далѣе и наконецъ достигла Астрахани. Тутъ, правда, не произошло наводненія, потому что ливень ограничивался небольшимъ пространствомъ.

Часто, чуть ли не ежедневно, то тамъ, то тутъ падаютъ такіе ливни, и вода скоро стекаетъ въ Волгу, такъ что тамъ вода не приходитъ къ низкому уровню до Октября.

Прежде было иначе. По мѣрѣ того какъ испарялась влага отъ таянія снѣговъ, *лѣсная почва жадно задерживала воду* отъ каждаго лѣтняго ливня и только излишней давала стекать въ Волгу. Въ верхней Волгѣ и мелкихъ притокахъ уровень воды поддерживался посто-

яннѣе, влажная почва постепенно отдавала свой избытокъ рѣкамъ, *а по вырубкѣ лѣсовъ воды въ рѣкахъ бываетъ то слишкомъ много, то слишкомъ мало.*

Изъ многочисленныхъ наблюденій дознано, что количество выпадающаго дождя не измѣнилось и теперь въ степяхъ бываютъ благодатные сырые годы; *съ истребленіемъ лѣсовъ измѣнилось только количество воды, задерживаемое на пользу окружающей мѣстности и увеличилась вслѣдствіе того сухость воздуха.*

Впрочемъ, нужно замѣтить, что иные уже слишкомъ преувеличивали благодѣтельныя послѣдствія лѣсовъ и писали проекты о томъ, какъ съ посадкой лѣсовъ наши степи обратятся чуть ли не въ земной рай. При этомъ не обращали вниманія на то, что есть же основательныя причины того, что иныя мѣста были покрыты лѣсами, другія безлѣсны съ самыхъ давнихъ историческихъ временъ.

Новороссійскій край былъ степью при Геродотѣ. Причина безлѣсья —недостатокъ влаги. Чѣмъ теплѣе климатъ страны, тѣмъ болѣе растенія нуждаются въ водѣ, а между тѣмъ мы видимъ, что на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря выпадаетъ менѣе дождя, чѣмъ въ Петербургѣ; ясно, что въ одномъ мѣстѣ климатъ благопріятенъ для лѣсовъ, въ другомъ—нѣтъ. Кромѣ того, еще въ Петербургѣ и средней Россіи каждый годъ въ длинную зиму накопляется много снѣга, который таетъ весной и глубоко впитывается въ землю. На югѣ зима коротка и часто безснѣжна, и дождь выпадаетъ въ видѣ ливней, преимущественно лѣтомъ.

Разведеніе деревьевъ затруднительно даже въ мѣстахъ, гдѣ есть кругомъ лѣса. Дерево требуетъ большого количества влаги въ почвѣ. Въ лѣсу перегной, онавшіе листья и т. д. способствуютъ сохраненію этой влаги, и деревья кромѣ того затѣняютъ другъ друга и уменьшаютъ испаренія съ поверхности листьевъ. Такую обстановку нельзя съ разу создать для отдѣльнаго дерева или для вновь посаженнаго лѣса. Она постепенно образуется, и если мѣсто было хорошо выбрано, или климатъ достаточно влаженъ, то деревья принимаются, иначе они погибаютъ или требуютъ искуственнаго орошенія.

Подобные факты часто можно встрѣтить въ Поволжьѣ, напр. въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи. Несмотря на сухость воздуха, на черноземѣ хорошо растутъ дубъ и липа, а на пескѣ сосна, но попытки развести сады и рощи на новыхъ мѣстахъ часто оканчиваются неудачей, потому что на новыхъ мѣстахъ нѣтъ тѣхъ условій, которыя помогаютъ деревьямъ.

8. Вліяніе снѣговой поверхности на климатъ Россіи.

Защита земли отъ холода. Сырость воздуха. Температура. Примѣненіе къ изученію бурь. Вліяніе лѣсовъ на равность слоевъ снѣга. Запаздываніе весны. Огромная поверхность Европейской Россіи и Сибири каждую зиму покрывается снѣгомъ, и вліяніе этого явленія можно прослѣдить въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Первое, наиболѣе замѣтное и обратившее на себя наибольшее вниманіе—защита земли отъ зимняго холода. Причина этого явленія та, что снѣгъ одинъ изъ самыхъ дурныхъ проводниковъ тепла. Земля промерзла бы у насъ на огромную глубину, если-бы не было подобной защиты. Извѣстно, что озимые посѣвы при нашей холодной зимѣ возможны только тамъ, гдѣ снѣгъ ложится ровнымъ слоемъ. Въ степяхъ юго-восточной Россіи, гдѣ, при сухости климата и сильныхъ вѣтрахъ, снѣга часто бываетъ недостаточно, всѣ попытки къ введенію озимыхъ посѣвовъ оканчивались неудачно.

Изъ того, что поверхность снѣга защищаетъ землю и находящіяся на ней растенія отъ холоду, вытекаетъ, что при снѣгѣ и другихъ, способствующихъ тому, явленіяхъ, какъ-то: ясномъ небѣ, воздухъ долженъ быть холоднѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ нѣтъ снѣга, такъ какъ дурной проводникъ, мѣшая сообщенію холоднаго воздуха съ болѣе теплой почвой, долженъ усилить степень холода въ нижнихъ слояхъ воздуха. Это противорѣчитъ общепринятому мнѣнію въ Россіи, будто бы безъ снѣга холодъ бываетъ сильнѣе. Это мнѣніе происходитъ въ 1-хъ оттого, что первые холода осенью чувствительнѣе, чѣмъ зимой, когда человѣкъ достаточно привыкнетъ къ нимъ, а затѣмъ и оттого, что при холодномъ вѣтрѣ и отсутствіи снѣга воздухъ бываетъ особенно сухъ и рѣзокъ.

Въ западной и южной Европѣ, гдѣ земля обыкновенно не покрывается снѣгомъ, это явленіе общеизвѣстно, и тамъ всегда ожидаютъ большихъ холодовъ, когда выпалъ снѣгъ. Такъ напр. холода въ декабрѣ 1860 г. въ Великобританіи наступили тотчасъ послѣ обильнаго снѣга.

Такъ какъ поверхность снѣга постоянно испаряется, то воздухъ въ нашихъ странахъ зимою постоянно влаженъ, т. е. весьма мало удаленъ отъ точки насыщенія. Оттого происходятъ весьма частые осадки зимою не смотря на то, что абсолютное количество паровъ въ это время мало. Вліяніе снѣговой поверхности въ этомъ отношеніи такъ велико, что положеніе Европейской Россіи зимою можно сравнить съ тѣмъ, что происходитъ на кораблѣ посреди океана или въ небольшомъ поселеніи, окруженномъ болотами. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, значительная сухость воздуха можетъ быть только тогда, когда дуетъ сильный холодный вѣтеръ, который, проходя быстро по поверхности снѣга или воды, не успѣваетъ насытиться парами.

Если же вѣтеръ, хотя и холодный, довольно слабъ, то воздухъ на

можетъ быть сухимъ. Это и бываетъ у насъ зимою, такъ какъ теплые югозападные и западные вѣтры обыкновенно сильны, а сѣверовосточные и восточные, напротивъ, очень слабы. Это слѣдствіе очень важно для опредѣленія количества паровъ въ воздухѣ.

Извѣстно, что всѣ психометрическія наблюденія при низкихъ температурахъ крайне ненадежны, и ниже—19° Р. и совсѣмъ не производятся. Однако, принимая во вниманіе, что при испареніи снѣга воздухъ всегда влаженъ, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что относительная сырость зимой почти никогда не бываетъ менѣе 80%.

Въ послѣднее время, при большихъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ изученіи бурь, количество паровъ въ воздухѣ пріобрѣло особенное значеніе.

Извѣстно, что бури, идущія съ запада, изъ Исландіи, вдоль береговъ Норвегіи, къ сѣверной Европейской Россіи, сохраняютъ свое движеніе съ запада на востокъ только тамъ, гдѣ находятъ достаточное количество водяныхъ паровъ, такъ что для предсказанія вѣроятнаго пути бури необходимо знать температуру и количество паровъ въ мѣстахъ, находящихся къ востоку отъ ея центра. Значительные холода и малое абсолютное количество паровъ въ Сибири производятъ то явленіе, что бури принимаютъ одно или другое направленіе, а именно иныя, впрочемъ довольно рѣдкія, проходятъ черезъ Европейскую Россію по направленію отъ С З. къ Ю В., т. е. избѣгаютъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ это время наибольшій холодъ и наибольшее давленіе, а самый частный случай тотъ, что онѣ проходятъ отъ сѣвера Норвегіи вдоль нашего Мурманскаго берега, по направленію къ Новой Землѣ, т. е. тамъ, гдѣ проходитъ Гольфштремъ. Извѣстно, что въ это время материкъ значительно холоднѣе моря, по которому проходитъ теплое теченіе. Хотя мы не имѣемъ никакихъ наблюденій зимы вдоль сѣвернаго берега Новой Земли и къ В. оттуда, однако, собирая данныя, извлеченныя изъ наблюденій Западной Сибири, можно сказать, что обыкновенно бываетъ такъ. Весною и осенью, когда азіатскій материкъ значительно теплѣе чѣмъ зимою, воздухъ уже не такъ плотенъ, и иныя бури принимаютъ болѣе восточное направленіе и, можетъ быть, даже проходятъ по всей Сибири отъ запада къ востоку. Это видно, между прочимъ, изъ барометрической таблицы Красноярска. Здѣсь уже въ мартѣ и апрѣлѣ барометръ иногда опускается очень низко, гораздо ниже, чѣмъ въ холодные зимніе мѣсяцы, особенно въ Январѣ. Но въ это время, какъ извѣстно, количество паровъ въ воздухѣ этихъ странъ уже значительно. Въ Красноярскѣ, въ концѣ марта, термометръ иногда подымается до 10° и выше, а такъ какъ при большомъ количествѣ снѣга въ окружающей мѣстности воздухъ постоянно влаженъ, то бури могутъ принимать подобное направленіе. Затѣмъ, вліянію снѣговой поверхности въ Россіи мы должны приписать то явленіе, что вездѣ у насъ зимою термометръ подымается незначительно выше 0°, причемъ мы не видимъ никакого различія между Европейской Россіей и Запад-

ной Сибирью, не смотря на то, что средняя температура зимы въ послѣдней гораздо ниже. Такъ въ Барнаулѣ, при средней температурѣ зимы около 18° Ц., часто бываетъ оттепель. Напр. въ февралѣ 1855 г. три дня сряду было болѣе 4°. Въ Декабрѣ 1852 г. доходило до 3,8°. Такія высокія температуры чрезвычайно рѣдки и въ Европейской Россіи и рѣдки именно потому, что теплые вѣтры, проходя по обширной равнинѣ, покрытой снѣгомъ, тратятъ значительное количество своей теплоты на таяніе этого снѣга.

Въ этомъ отношеніи Барнаулъ находится въ другихъ обстоятельствахъ. Къ Ю З. отъ него находятся Киргизскія степи, гдѣ, вслѣдствіе чрезмѣрной сухости воздуха, снѣгъ рѣдко ложится, такъ что жители этихъ странъ никогда не заготовляютъ зимняго корма для своего скота, а оставляютъ его всю зиму на подножномъ корму. Теплый вѣтеръ, проходя по подобной поверхности, можетъ доходить до высокихъ широтъ, мало измѣняя свою температуру. Это и служитъ объясненіемъ значительной измѣнчивости климата Западной Сибири. Имѣя къ В. метеорологическій полюсъ, т. е. мѣсто наибольшаго холода на земномъ шарѣ въ зимніе мѣсяцы, а къ Ю З. безснѣжную равнину Киргизскихъ степей, по которой вѣтеръ доходитъ, мало измѣняясь въ своихъ свойствахъ, Западная Сибирь постоянно переходитъ изъ одной крайности въ другую. Морозы тамъ иногда мало уступаютъ якутскимъ; затѣмъ вдругъ наступаетъ оттепель, какъ въ южной Европейской Россіи.

Не смотря на важность снѣговой поверхности для климата всѣхъ окружающихъ странъ, это явленіе еще недостаточно изслѣдовано до такой степени, что мнѣ нигдѣ не встрѣчалось печатнаго указанія на фактъ, бросающійся въ глаза всякому, кто путешествовалъ зимою по Россіи. Этотъ фактъ—вліяніе лѣсовъ на сохраненіе снѣга. При существованіи лѣсовъ снѣгъ ложится ровнымъ слоемъ, не сдувается вѣтромъ съ высокихъ и открытыхъ мѣстъ и не насыпается въ овраги и лощины, такъ что можно сказать, что только въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ поверхность снѣга имѣетъ всѣ свои благодѣтельныя послѣдствія. Напротивъ, въ степи иныя мѣста совершенно оголяются, другія заносятся до такой степени, что бываетъ трудно проникнуть въ жилища.

Между тѣмъ мы не имѣемъ никакихъ сколько-нибудь точныхъ наблюденій о времени паденія снѣга и установленія саннаго пути.

Какъ часто бываетъ, то, что мы имѣемъ постоянно передъ глазами, не смотря на свою важность, ускользаетъ отъ нашего вниманія, между тѣмъ какъ рѣдкія явленія постоянно замѣчаются.

При важности этого явленія и легкости наблюденія его, намъ слѣдовало бы во всякую данную минуту знать, гдѣ именно лежитъ снѣгъ и гдѣ его нѣтъ. Въ этомъ случаѣ система наблюденій, установленная Метеорологическою Коммиссіею Географическаго Общества, для грозъ и водныхъ осадковъ, могла бы примѣняться и къ этому явленію.

Всякому, особенно живущему въ деревнѣ, очень нетрудно записать,

когда именно выпалъ снѣгъ, гдѣ онъ легъ ровнымъ слоемъ, когда установился санный путь и когда онъ сталъ исчезать, наконецъ, замѣтить мѣстныя особенности, какъ напр. дольшее лежаніе снѣга въ лѣсахъ и лощинахъ, чѣмъ на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ. Такія данныя послужили бы важнымъ дополненіемъ къ тому, что мы знаемъ о климатѣ Россіи. Имѣя подобныя данныя за долгое время, можно было бы судить о томъ, насколько измѣнился климатъ съ истребленіемъ лѣсовъ. Скорое таяніе снѣга весною есть первое слѣдствіе вырубки лѣсовъ, и уже теперь существуютъ факты, доказывающіе, что въ настоящее время снѣгъ исчезаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ прежде.

Часто бываетъ, что на дорогахъ, въ открытыхъ мѣстахъ, совершенно нѣтъ снѣгу въ концѣ Марта, а въ лѣсу еще въ половинѣ Апрѣля существуетъ порядочный санный путь.

Вслѣдствіе ранняго таянія снѣга влажность воздуха весною, когда она наиболѣе нужна для растеній, уменьшается, такъ что дѣйствительно можно согласиться съ тѣми, которые видятъ въ истребленіи лѣсовъ причину частыхъ засухъ, но именно только въ смыслѣ сухости воздуха, такъ какъ нигдѣ въ Россіи не замѣчено, чтобъ теперь выпадало менѣе воды, чѣмъ прежде. Нѣсколько дождей, какъ бы они сильны ни были, не могутъ имѣть особенно большаго вліянія на растенія, въ особенности если влага въ почвѣ не удерживается лѣсомъ. Она быстро стекаетъ, производя губительныя наводненія и скоро достигаетъ нижняго теченія большихъ рѣкъ.

Для нашего сѣвернаго климата наиболѣе важна влажность, происходящая отъ таянія снѣга, именно потому, что она является въ то время, когда наиболѣе нужна растеніямъ, т. е. съ пробужденіемъ растительной жизни, между тѣмъ какъ лѣтніе дожди неправильны и по своей кратковременности часто приносятъ весьма мало пользы.

II. Этнографія Поволжья.

1. Характеристическія особенности колонизаціи Сѣверовосточной Руси.

На громадной равнинѣ сѣверо-восточной Европы сталкивались и перемѣшивались представители самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Здѣсь не было географическихъ преградъ къ ихъ смѣшенію, не было условій для замкнутаго, изолированнаго существованія, тѣхъ условій, которыми, напримѣръ, объясняется на Кавказѣ вѣковое сожительство на весьма тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ, различныхъ по происхожденію, племенъ въ ихъ первобытной чистотѣ, со всѣми особенностями языка и быта. Равнинность способствовала здѣсь слитію, объединенію. Вопросъ былъ только въ томъ, подъ вліяніемъ какой народности совершится это объединеніе. Племя славянское встрѣчалось здѣсь и съ огромнымъ племенемъ *финскимъ*, почти сплошною массою занимавшимъ весь сѣверъ и сѣверо-востокъ этой равнины, и съ племенемъ монгольскаго и тюркскаго происхожденія. Можно прослѣдить исторически распространеніе славянъ русской народности на сѣверо-востокѣ европейской Россіи, поглощеніе этой народностью другихъ народностей, *а это распространеніе русскаго племени на счетъ другихъ народностей имѣетъ всемірное историческое значеніе.* Въ немъ заключается не одно количественное увеличеніе русскаго племени, не одно приращеніе его матеріальной силы, а побѣда Европейской цивилизаціи надъ Востокомъ. Каждое финское или монгольское племя, распустившееся, такъ сказать, въ русской народности, поглощенное ею, представляетъ пріобрѣтеніе для всей великой семьи народовъ европейскихъ, которымъ ввѣренъ Провидѣніемъ двойной свѣточъ христіанства и образованія и которымъ предназначено идти во главѣ развитія человѣчества. Принимая въ себя чужія племена, претворяя ихъ въ свою плоть и кровь, русское племя клало на нихъ неизгладимую печать европеиз-

ма, открывало для нихъ возможность участія въ историческомъ движеніи народовъ европейскихъ. Въ этомъ отношеніи, Русь была тѣмъ же передовымъ бойцемъ за Европу противъ Азіи, какимъ была она, принявъ на себя первые удары страшнаго монгольскаго нашествія, грозившаго снести съ лица земли только что образовавшіяся и еще не окрѣпшія начала европейской гражданственности. Русское племя сдержало войны азіятскихъ кочевниковъ, заставило ихъ отхлынуть назадъ и пошло вслѣдъ за отливомъ, намѣчая мечемъ и плугомъ границы Европы отъ Азіи, распространяя предѣлы территоріи на счетъ Востока.

Русское племя не отличалось исключительностью и нетерпимостью. Его распространеніе не уничтожало тѣхъ племенъ, которыя встрѣчались ему на пути. Племена финскія, на счетъ которыхъ особенно распространялась русская народность, не исчезали съ лица земли, не вымирали, приходя съ нею въ соприкосновеніе, какъ гибнутъ племена Сѣверной Америки при столкновеніи съ англо-саксонскою расою, отъ которого гибнутъ туземцы Океаніи вслѣдствіе поселенія между ними европейцевъ. Чужеземцы не обращались въ рабовъ, не причислялись къ существамъ низшей породы, не истреблялись мечемъ и огнемъ; на памяти исторіи нѣтъ истребительныхъ стремленій русскаго племени. Процессъ сліянія совершался путемъ *мирнымъ, естественнымъ*. На чисто-славянской основѣ ложатся обрусѣвшія племена финскаго и азіятскаго происхожденія, принявшія съ христіанствомъ и русскій языкъ и русскіе нравы. Тамъ, гдѣ русская народность соприкасалась съ народностью, уже рѣзко обозначенною, крѣпкою народностью, она и тамъ не пыталось насильственно сломать это упорное сопротивленіе. Лучшимъ доказательствомъ служатъ татарскія поселенія въ губерніяхъ Рязанской, Костромской, Виленской, Гродненской и Минской и т. д., сохранившія до сихъ поръ и свою вѣру и свои обычаи, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ облегаютъ ихъ сплошныя массы русскаго населенія. Чѣмъ дальше идемъ мыслью въ древнюю исторію русскаго племени, тѣмъ менѣе встрѣчаемъ слѣдовъ замкнутости, непріязненнаго воззрѣнія на племена чуждыя. Исключительность, недовѣрчивость къ иноземцамъ, сознаніе своей рѣзкой противуположности, выработались уже путемъ историческимъ, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Притомъ же это недовѣрчивое воззрѣніе на чужеземцевъ и теперь обращено болѣе къ западу, нежели къ востоку, болѣе вслѣдствіе религіозной, чѣмъ племенной нетерпимости. И теперь нѣмецъ, принявшій православіе, становится въ глазахъ народа русскимъ. Этою легкостью воспринимания въ себя чуждыхъ элементовъ, способностью вбирать ихъ въ себя, перерабатывая все это въ свою собственную народность, какъ нельзя лучше объясняется быстрое размноженіе русскаго племени, легкое его распространеніе по необъятому пространству отъ Балтійскаго моря до Восточнаго океана; объясняется также и то, что русское племя не есть чистое племя, а вслѣдствіе соединенія различныхъ народностей, подъ усло-

віемъ преобладанія народности славянской; что въ племени русскомъ преобладающая стихія есть стихія славянская, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Съ самаго начала русской исторіи, среди постоянной борьбы съ Востокомъ, наши предки неизмѣнно сохраняли всѣ основные признаки европейскаго происхожденія, не утратили ни одной его существенной черты. Въ этой-то крѣпости храненія европейскаго типа, среди безпрерывнаго смѣшенія съ племенами азіятскаго происхожденія, и состоитъ величайшая заслуга русскаго народа; поэтому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азіи и становился несомнѣнной побѣдой европейской гражданственности. Чуждыя племена вливались въ народность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности славянской и европейской. Другой вопросъ, видоизмѣнялся ли первоначальный славянскій типъ русскаго народа отъ воспринятія имъ чуждыхъ элементовъ или остался во всей чистотѣ? Не подверглось ли русское племя нѣкоторому воздѣйствію со стороны подчинившихся ему низшихъ народностей? Приведемъ нѣкоторыя соображенія. Населенія губерній Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской, считаются безспорно лучшими представителями чисто-великорусскаго племени. Между тѣмъ на этой мѣстности, по единогласному свидѣтельству древнѣйшихъ русскихъ же источниковъ, жили нѣкогда *племена финскія*, оставившія слѣды своего пребыванія въ мѣстныхъ названіяхъ урочищъ, рѣкъ и селеній. Въ русскихъ мѣстностяхъ, въ народныхъ преданіяхъ нѣтъ и слѣдовъ воспоминаній о нѣкогда бывшей борьбѣ финскихъ туземцевъ съ славянскими насельниками, а еще менѣе о вытѣсненіи туземцевъ далѣе къ сѣверу и востоку или о ихъ истребленіи.

Притомъ, вытѣсненіе могло совершиться только въ такомъ случаѣ, если бы славянскіе насельники двинулись большою сплошною массою въ это пространство, гоня предъ собою туземныхъ обитателей края. Такое движеніе не могло пройти незамѣченнымъ, остаться безъ рѣзкаго слѣда въ народной памяти, если не въ лѣтописяхъ. И такъ, туземное населеніе этихъ 4-хъ губерній не могло быть вытѣснено, еще менѣе истреблено. Чѣмъ же объяснить его исчезновеніе? *Очевидно, ничѣмъ другимъ, какъ обрусѣніемъ туземцевъ, слитіемъ ихъ съ славянскими поселенцами въ одинъ народъ, а въ этомъ случаѣ нельзя не предполагать ихъ участія въ образованіи народнаго типа, существующаго теперь въ этихъ губерніяхъ.*

II.

Обращаемъ теперь наше вниманіе на разселеніе русскаго племени въ Восточной Руси, преимущественно на р. р. *Волгѣ и Камѣ*. На этомъ обширномъ пространствѣ поселеніе русскихъ уже совершилось на памяти исторіи. Его можно прослѣдить и по лѣтописямъ, и

по народнымъ преданіямъ, и по воспоминаніямъ, наконецъ, самого народа. Кромѣ того, здѣсь до сихъ поръ еще сохранились въ большей или меньшей чистотѣ остатки туземнаго населенія и притомъ на разныхъ степеняхъ сближенія ихъ съ русскимъ племенемъ. Въ то время какъ одни инородческія племена живутъ еще густыми массами, въ которыя мало проникла русская колонизація, другія подверглись уже вліянію русской народности, будучи со всѣхъ сторонъ охвачены русскими поселеніями; третьи, наконецъ, представляютъ собою малочисленные остатки нѣкогда славныхъ племенъ, остающіеся какъ бы затѣмъ, чтобы служить доказательствомъ ихъ существованія.

Сѣверовосточная часть Россіи *занята преимущественно племенами финскаго, монгольскаго и татарскаго происхожденія.*

Финское или чудское племя мало чѣмъ заявило свое право на имя народа историческаго. Въ лѣтописяхъ другихъ народовъ встрѣчаются рѣдкія о немъ упоминанія. Трудно и опредѣлить крайніе предѣлы, до которыхъ простиралось нѣкогда финское племя. Сѣверная полоса европейской Россіи была, безъ всякаго сомнѣнія, занята финскимъ племенемъ, которое отдѣлялось отъ береговъ Ледовитаго океана скитальческими родами лопарей и самоѣдовъ. На югъ оно простиралось далѣе, чѣмъ можно судить по существующимъ теперь остаткамъ. Она принадлежала уже по лѣтописнымъ извѣстіямъ къ міру финскому, но едва ли была крайнимъ предѣломъ финскаго племени по направленію къ юго-западу. По крайней мѣрѣ финскія названія мѣстностей встрѣчаются даже на правомъ берегу Днѣпра. Если дальше шло финское племя къ юговостоку, то здѣсь еще труднѣе обозначить даже приблизительные его предѣлы. Чудскія могилы по Уралу и Алтаю доказываютъ существованіе тамъ племени промышленнаго; чеканныя вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, остатки древнихъ камней, говорятъ о работахъ, къ которымъ неспособны племена, живущія теперь въ этихъ мѣстахъ. Въ Саянскихъ горахъ до сихъ поръ живутъ малыя финскія племена, окруженныя племенами монгольскими и турецкими. Въ 1807 году въ двухъ семьяхъ Нуринскаго уѣзда въ Закавказьѣ оказалось малочисленное племя, называющее себя *удины*, и по изысканіямъ филологовъ языкъ ихъ оказался сходнымъ съ языкомъ мордвы и вотяковъ. Фактъ необыкновенно замѣчательный! Густыми массами занимали финскія племена сѣверовостокъ европейской Россіи. Они никогда не составляли прочнаго государственнаго организма. Единственное племя, которое опередило другихъ въ политическомъ развитіи—это *волжскіе болгары* и буртасы. *) Здѣсь были города съ болѣе или менѣе осѣдлымъ

*) Впрочемъ происхожденіе болгаръ наука еще не выяснила въ точности. Извѣстный профессоръ г. Березинъ полагаетъ, что въ настоящее время еще нельзя опредѣлить, къ какому племени принадлежатъ болгары см. IV т., стр. 102. Русск. Энцикл. Словарь и его же «*Болгаръ на Волгѣ*». Казань 1853 г.

населеніемъ, здѣсь была центральная власть, по крайней-мѣрѣ у болгаръ, здѣсь была торговля и т. п. Принятіе этими племенами исламизма еще болѣе сплотило начало гражданственности, приведя въ частныя сношенія съ калифатомъ Багдадскимъ.

Юговосточная часть европейской Россіи была занята кочевыми племенами монгольскаго и турецкаго происхожденія. Съ тѣхъ поръ какъ запомнитъ исторія, на обширномъ степномъ пространствѣ отъ Каспійскаго до Чернаго морей, по нижнимъ частямъ Волги, Дона, Днѣпра и Днѣстра смѣнялась одна орда кочевниковъ другою. (Гунны, авары, хазары, печенѣги, половцы и наконецъ татары). Ни одинъ изъ этихъ народовъ не создалъ для себя сколько нибудь правильнаго государственнаго устройства, за исключеніемъ хазаръ. Всѣ до конца остались вѣрными основному характеру азіятскихъ кочевниковъ. Въ памяти осѣдлаго европейскаго населенія всѣ они являются съ одинаковыми чертами. Воображеніе народное дало всѣмъ имъ одинаковое происхожденіе, всѣхъ ихъ олицетворяло въ созданіяхъ народной фантазіи въ томъ же образѣ враждебной, темной и губительной силы.

Только съ появленіемъ варяжской дружины начинается первое освобожденіе славянскаго племени, его распространеніе на сѣверъ и на югъ. Дружина дала племенамъ славянскимъ первое условіе преобладанія, силу, происходящую изъ соединенія. Первые князья силою оружія впервые соединили племена, жившія разрозненно, сдержали степныхъ варваровъ и мечемъ намѣтили границы государственной территоріи. Скоро является и другое условіе, давшее еще большій перевѣсъ племенамъ славянскимъ—*христіанство*. Быстрое его распространеніе на сѣверъ было слѣдствіемъ появленія этой же дружины.

Одновременное появленіе на берегахъ Днѣпра варяжской дружины и христіанства вывело славянъ на новый путь. Но куда они обратили свое наступательное шествіе? Первое движеніе варяжской дружины было на Византію. Но дружинѣ не сломить было Византійскую Имперію, хотя бы во главѣ ея стояли такіе люди, какъ Святославъ. На юго-западъ? Но тамъ были государства Польское и Венгерское, крѣпкія въ своемъ политическомъ составѣ и притомъ опиравшіяся на католическую Германію. Оставался выходъ, просторъ и свобода къ сѣверу и сѣверо-востоку, и вотъ началась колонизація области верхней Волги, заселеніе земли Ростовской и Суздальской. Здѣсь при обширности области и малонаселенности нашлись мѣста для русскихъ поселенцевъ. Сюда и обратился первый притокъ русскаго населенія. Заселеніе области, строеніе городовъ было одною изъ первыхъ заботъ русскихъ князей. Всѣми силами князья стараются привлекать сюда населеніе. Въ первой четверти XIII в. въ княжествѣ Суздальскомъ считалось уже 20 городовъ. Здѣсь сбиралось русское населеніе, смѣшалось съ финскими туземцами, подчинившимися съ принятіемъ христіанства сильному вліянію русской народности. Поселеніе русскаго племе-

ни въ Ростовской землѣ среди *мери* и другихъ финскихъ племенъ шло путемъ мирнымъ. Оружіемъ открывалась дорога русской колонизаціи внизъ по теченію Волги и то, впрочемъ, строеніе Костромы, Юрьевца—Поволжскаго и даже Н. Новгорода, городовъ, поставленныхъ на главныхъ изгибахъ рѣки и при впаденіи въ нее значительныхъ притоковъ, обошлись безъ особенныхъ усилій. Въ землю Ростовскую шли поселенцы изъ южныхъ княжествъ, на Сѣв. Двину, на Вятку, на Каму и ихъ притоки шли промышленники изъ Новгорода Великаго. Какъ образовались новгородскія поселенія, всего лучше даетъ понятіе разсказъ Хлыновской лѣтописи объ основаніи Хлынова при Вяткѣ (1170 г.)

Татарское нашествіе, остановивъ распространеніе русскаго племени на востокѣ внизъ по теченію Волги изъ области Ростовской, содѣйствовало заселенію сѣверо-восточныхъ лѣсовъ, куда не достигли Татарскіе набѣги. Здѣсь же, въ лѣсахъ сѣверовосточной части европейской Россіи искали убѣжище и люди благочестивые, глубоко пораженные униженьемъ Руси христіанской языческими отходцами изъ Азіи.

Замѣтимъ особенность русскихъ поселеній: какимъ бы путемъ ни возникали поселенія, первымъ дѣломъ было строеніе церквей и монастырей. Распространеніе христіанства всегда шло рука объ руку съ распространеніемъ русскаго племени. Монастырь и острожекъ—вотъ два постоянные центра, около которыхъ начинаетъ собираться мирное, осѣдлое населеніе на сѣверо-востокѣ. Проповѣдь Евангелія приготовляла побѣду русскаго владычества, христіанскій подвижникъ являлся прежде самыхъ первыхъ поселенцевъ. Значеніе монастырей въ великомъ дѣлѣ распространенія русской народности и гражданственности должно быть оцѣнено по заслугамъ. Къ благочестивому пустыннику, поселившемуся гдѣ—нибудь въ пустынѣ (въ пещерѣ) или даже, какъ знаемъ о св. Павлѣ Комельскомъ въ дуплѣ большого дерева, начинала сходиться братія: являлась потребность храма для отправленія богослуженія, потребность обезпечить пустынножителей, и старцы слали къ великому князю просьбу о разрѣшеніи имъ строить монастырь на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу пашни пахать и созывать братію. Монастырь становился центромъ небольшого земледѣльческаго поселенія. Въ стѣнахъ его находили защиту и отдыхъ торговцы и промышленники; въ посадѣ, пріютившемся подъ его стѣнами, открывался торгъ. Вклады *по душѣ* увеличивали земельное владѣніе иноковъ. Монастырь становился вотчинникомъ и сзывалъ со всей Руси охотниковъ селиться на его земляхъ. Въ житіяхъ русскихъ святыхъ можно найти и лучшія указанія на первыя трудности поселенія среди чуждыхъ племенъ, на борьбу съ природой, на исторію первыхъ колонистовъ, на состояніе страны въ эпоху ихъ поселеній. Припомню разсказъ о дѣятельности иноковъ соловецкаго монастыря. Проповѣдь Св. Стефана Пермскаго, распространеніе имъ евангельскаго ученія между зырянами и пермяками, быть можетъ, не менѣе новгородскихъ походовъ, содѣйствовали легкому по-

селенію здѣсь русскаго племени. Мы знаемъ, что присоединеніе великой Перміи къ міру христіанскому совершилось за долго до окончательнаго присоединенія ея къ областямъ русскимъ. Зыряне и Пермяки скоро узнаютъ евангельскую истину и тѣмъ самымъ дѣлаютъ огромный шагъ къ сліянію съ племенемъ русскимъ. Области Вятки и верхней Камы покрываются сплошнымъ русскимъ и значительно обрусѣвшимъ христіанскимъ населеніемъ. Гораздо съ большими трудностями сопряжено было распространеніе славянскаго племени *по среднему теченію Волги.* Здѣсь инородческія племена подчинялись верховной власти казанскаго хана. Зависимость отъ Казани тѣснѣе сплотила ихъ, давая имъ возможность дѣйствовать соединенными силами. Съ другой стороны, могущественно дѣйствовало *вліяніе исламизма.* Принимая ученіе Магомета, туземцы финской расы, подчинялись вліянію татарскаго племени, теряли свои народныя особенности, сливались съ нимъ въ одинъ народъ, или образовывали смѣшанныя племена подъ преобладаніемъ однако же татарскаго типа, языка и нравовъ. И до сихъ поръ еще по среднему теченію Волги, въ губерніяхъ Казанской, южной части Вятской, Пензенской, Симбирской и къ востоку Оренбургской живутъ эти племена (черемисы, чуваши, мордва, татары, башкиры, мещеряки) въ большей или меньшей чистотѣ отъ русской примѣси.

И теперь еще русское населеніе идетъ только по берегу средняго теченія Волги, мало проникая въ глубь земли, да и то больше въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, среди мордвы, которая легче другихъ племенъ уступаетъ себя чуждой народности и отличается большою способностью сливаться въ одинъ народъ съ русскимъ, принимая русскій языкъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Сама мордва не безъ сильнаго сопротивленія приняла христіанство, и русская церковь хранитъ память о Михаилѣ, архіепископѣ рязанскомъ, мученическою смертію погибшемъ въ 1655 году среди мордвы, которую желалъ обратить ревностный святитель. Казанская мордва обращена также преимущественно въ XVII вѣкѣ трудами иноковъ Селижарова монастыря. Русскія лѣтописи исполнены извѣстій о набѣгахъ мордвы на Нижегородскія владѣнія, о сильныхъ возстаніяхъ луговой и горной черемисы, уже признавшей власть русскихъ царей. Правительству нужно было рядомъ укрѣпленій обезопасить свои владѣнія и сдерживать непокорныхъ бунтовщиковъ и уже при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, къ ряду укрѣпленныхъ городовъ, которыми еще прежде обозначалось наступательное движеніе русскаго племени по теченію Волги, присоединились новыя крѣпости, построенныя съ особенною цѣлью, сдерживать черемису. Это были Цивильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на р. Кокшарѣ и др.

можетъ быть сухимъ. Это и бываетъ у насъ зимою, такъ какъ теплые югозападные и западные вѣтры обыкновенно сильны, а сѣверовосточные и восточные, напротивъ, очень слабы. Это слѣдствіе очень важно для опредѣленія количества паровъ въ воздухѣ.

Извѣстно, что всѣ психометрическія наблюденія при низкихъ температурахъ крайне ненадежны, и ниже —19° Р. и совсѣмъ не производятся. Однако, принимая во вниманіе, что при испареніи снѣга воздухъ всегда влаженъ, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что относительная сырость зимой почти никогда не бываетъ менѣе 80%.

Въ послѣднее время, при большихъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ изученіи бурь, количество паровъ въ воздухѣ пріобрѣло особенное значеніе.

Извѣстно, что бури, идущія съ запада, изъ Исландіи, вдоль береговъ Норвегіи, къ сѣверной Европейской Россіи, сохраняютъ свое движеніе съ запада на востокъ только тамъ, гдѣ находятъ достаточное количество водяныхъ паровъ, такъ что для предсказанія вѣроятнаго пути бури необходимо знать температуру и количество паровъ въ мѣстахъ, находящихся къ востоку отъ ея центра. Значительные холода и малое абсолютное количество паровъ въ Сибири производятъ то явленіе, что бури принимаютъ одно или другое направленіе, а именно иныя, впрочемъ довольно рѣдкія, проходятъ черезъ Европейскую Россію по направленію отъ С З. къ Ю В., т. е. избѣгаютъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ это время наибольшій холодъ и наибольшее давленіе, а самый частный случай тотъ, что онѣ проходятъ отъ сѣвера Норвегіи вдоль нашего Мурманскаго берега, по направленію къ Новой Землѣ, т. е. тамъ, гдѣ проходитъ Гольфштремъ. Извѣстно, что въ это время материкъ значительно холоднѣе моря, по которому проходитъ теплое теченіе. Хотя мы не имѣемъ никакихъ наблюденій зимы вдоль сѣвернаго берега Новой Земли и къ В. оттуда, однако, собирая данныя, извлеченныя изъ наблюденій Западной Сибири, можно сказать, что обыкновенно бываетъ такъ. Весною и осенью, когда азіатскій материкъ значительно теплѣе чѣмъ зимою, воздухъ уже не такъ плотенъ, и иныя бури принимаютъ болѣе восточное направленіе и, можетъ быть, даже проходятъ по всей Сибири отъ запада къ востоку. Это видно, между прочимъ, изъ барометрической таблицы Красноярска. Здѣсь уже въ мартѣ и апрѣлѣ барометръ иногда опускается очень низко, гораздо ниже, чѣмъ въ холодные зимніе мѣсяцы, особенно въ Январѣ. Но въ это время, какъ извѣстно, количество паровъ въ воздухѣ этихъ странъ уже значительно. Въ Красноярскѣ, въ концѣ марта, термометръ иногда подымается до 10° и выше, а такъ какъ при большомъ количествѣ снѣга въ окружающей мѣстности воздухъ постоянно влаженъ, то бури могутъ принимать подобное направленіе. Затѣмъ, вліянію снѣговой поверхности въ Россіи мы должны приписать то явленіе, что вездѣ у насъ зимою термометръ подымается незначительно выше 0°, причемъ мы не видимъ никакого различія между Европейской Россіей и Запад-

ной Сибирью, не смотря на то, что средняя температура зимы въ послѣдней гораздо ниже. Такъ въ Барнаулѣ, при средней температурѣ зимы около 18° Ц., часто бываетъ оттепель. Напр. въ февралѣ 1855 г. три дня сряду было болѣе 4°. Въ Декабрѣ 1852 г. доходило до 3,8°. Такія высокія температуры чрезвычайно рѣдки и въ Европейской Россіи и рѣдки именно потому, что теплые вѣтры, проходя по обширной равнинѣ, покрытой снѣгомъ, тратятъ значительное количество своей теплоты на таяніе этого снѣга.

Въ этомъ отношеніи Барнаулъ находится въ другихъ обстоятельствахъ. Къ Ю З. отъ него находятся Киргизскія степи, гдѣ, вслѣдствіе чрезмѣрной сухости воздуха, снѣгъ рѣдко ложится, такъ что жители этихъ странъ никогда не заготовляютъ зимняго корма для своего скота, а оставляютъ его всю зиму на подножномъ корму. Теплый вѣтеръ, проходя по подобной поверхности, можетъ доходить до высокихъ широтъ, мало измѣняя свою температуру. Это и служитъ объясненіемъ значительной измѣнчивости климата Западной Сибири. Имѣя къ В. метеорологическій полюсъ, т. е. мѣсто наибольшаго холода на земномъ шарѣ въ зимніе мѣсяцы, а къ Ю З. безснѣжную равнину Киргизскихъ степей, по которой вѣтеръ доходитъ, мало измѣняясь въ своихъ свойствахъ, Западная Сибирь постоянно переходитъ изъ одной крайности въ другую. Морозы тамъ иногда мало уступаютъ якутскимъ; затѣмъ вдругъ наступаетъ оттепель, какъ въ южной Европейской Россіи.

Не смотря на важность снѣговой поверхности для климата всѣхъ окружающихъ странъ, это явленіе еще недостаточно изслѣдовано до такой степени, что мнѣ нигдѣ не встрѣчалось печатнаго указанія на фактъ, бросающійся въ глаза всякому, кто путешествовалъ зимою по Россіи. Этотъ фактъ—вліяніе лѣсовъ на сохраненіе снѣга. При существованіи лѣсовъ снѣгъ ложится ровнымъ слоемъ, не сдувается вѣтромъ съ высокихъ и открытыхъ мѣстъ и не насыпается въ овраги и лощины, такъ что можно сказать, что только въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ поверхность снѣга имѣетъ всѣ свои благодѣтельныя послѣдствія. Напротивъ, въ степи иныя мѣста совершенно оголяются, другія заносятся до такой степени, что бываетъ трудно проникнуть въ жилища.

Между тѣмъ мы не имѣемъ никакихъ сколько-нибудь точныхъ наблюденій о времени паденія снѣга и установленія саннаго пути.

Какъ часто бываетъ, то, что мы имѣемъ постоянно передъ глазами, не смотря на свою важность, ускользаетъ отъ нашего вниманія, между тѣмъ какъ рѣдкія явленія постоянно замѣчаются.

При важности этого явленія и легкости наблюденія его, намъ слѣдовало бы во всякую данную минуту знать, гдѣ именно лежитъ снѣгъ и гдѣ его нѣтъ. Въ этомъ случаѣ система наблюденій, установленная Метеорологическою Коммиссіею Географическаго Общества, для грозъ и водныхъ осадковъ, могла бы примѣняться и къ этому явленію.

Всякому, особенно живущему въ деревнѣ, очень нетрудно записать,

когда именно выпалъ снѣгъ, гдѣ онъ легъ ровнымъ слоемъ, когда установился санный путь и когда онъ сталъ исчезать, наконецъ, замѣтить мѣстныя особенности, какъ напр. дольшее лежаніе снѣга въ лѣсахъ и лощинахъ, чѣмъ на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ. Такія данныя послужили бы важнымъ дополненіемъ къ тому, что мы знаемъ о климатѣ Россіи. Имѣя подобныя данныя за долгое время, можно было бы судить о томъ, насколько измѣнился климатъ съ истребленіемъ лѣсовъ. Скорое таяніе снѣга весною есть первое слѣдствіе вырубки лѣсовъ, и уже теперь существуютъ факты, доказывающіе, что въ настоящее время снѣгъ исчезаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ прежде.

Часто бываетъ, что на дорогахъ, въ открытыхъ мѣстахъ, совершенно нѣтъ снѣгу въ концѣ Марта, а въ лѣсу еще въ половинѣ Апрѣля существуетъ порядочный санный путь.

Вслѣдствіе ранняго таянія снѣга влажность воздуха весною, когда она наиболѣе нужна для растеній, уменьшается, такъ что дѣйствительно можно согласиться съ тѣми, которые видятъ въ истребленіи лѣсовъ причину частыхъ засухъ, но именно только въ смыслѣ сухости воздуха, такъ какъ нигдѣ въ Россіи не замѣчено, чтобъ теперь выпадало менѣе воды, чѣмъ прежде. Нѣсколько дождей, какъ бы они сильны ни были, не могутъ имѣть особенно большаго вліянія на растенія, въ особенности если влага въ почвѣ не удерживается лѣсомъ. Она быстро стекаетъ, производя губительныя наводненія и скоро достигаетъ нижняго теченія большихъ рѣкъ.

Для нашего сѣвернаго климата наиболѣе важна влажность, происходящая отъ таянія снѣга, именно потому, что она является въ то время, когда наиболѣе нужна растеніямъ, т. е. съ пробужденіемъ растительной жизни, между тѣмъ какъ лѣтніе дожди неправильны и по своей кратковременности часто приносятъ весьма мало пользы.

II. Этнографія Поволжья.

1. Характеристическія особенности колонизаціи Сѣверовосточной Руси.

На громадной равнинѣ сѣверо-восточной Европы сталкивались и перемѣшивались представители самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Здѣсь не было географическихъ преградъ къ ихъ смѣшенію, не было условій для замкнутаго, изолированнаго существованія, тѣхъ условій, которыми, напримѣръ, объясняется на Кавказѣ вѣковое сожительство на весьма тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ, различныхъ по происхожденію, племенъ въ ихъ первобытной чистотѣ, со всѣми особенностями языка и быта. Равнинность способствовала здѣсь слитію, объединенію. Вопросъ былъ только въ томъ, подъ вліяніемъ какой народности совершится это объединеніе. Племя славянское встрѣчалось здѣсь и съ огромнымъ племенемъ *финскимъ*, почти сплошною массою занимавшимъ весь сѣверъ и сѣверо-востокъ этой равнины, и съ племенемъ монгольскаго и тюркскаго происхожденія. Можно прослѣдить исторически распространеніе славянъ русской народности на сѣверо-востокѣ европейской Россіи, поглощеніе этой народностью другихъ народностей, *а это распространеніе русскаго племени на счетъ другихъ народностей имѣетъ всемірное историческое значеніе.* Въ немъ заключается не одно количественное увеличеніе русскаго племени, не одно приращеніе его матеріальной силы, а побѣда Европейской цивилизаціи надъ Востокомъ. Каждое финское или монгольское племя, распустившееся, такъ сказать, въ русской народности, поглощенное ею, представляетъ пріобрѣтеніе для всей великой семьи народовъ европейскихъ, которымъ ввѣренъ Провидѣніемъ двойной свѣточъ христіанства и образованія и которымъ предназначено идти во главѣ развитія человѣчества. Принимая въ себя чужія племена, претворяя ихъ въ свою плоть и кровь, русское племя клало на нихъ неизгладимую печать европеиз-

ма, открывало для нихъ возможность участія въ историческомъ движеніи народовъ европейскихъ. Въ этомъ отношеніи, Русь была тѣмъ же передовымъ бойцемъ за Европу противъ Азіи, какимъ была она, принявъ на себя первые удары страшнаго монгольскаго нашествія, грозившаго снести съ лица земли только что образовавшіяся и еще не окрѣпшія начала европейской гражданственности. Русское племя сдержало войны азіятскихъ кочевниковъ, заставило ихъ отхлынуть назадъ и пошло вслѣдъ за отливомъ, намѣчая мечемъ и плугомъ границы Европы отъ Азіи, распространяя предѣлы территоріи на счетъ Востока.

Русское племя не отличалось исключительностью и нетерпимостью. Его распространеніе не уничтожало тѣхъ племенъ, которыя встрѣчались ему на пути. Племена финскія, на счетъ которыхъ особенно распространялась русская народность, не исчезали съ лица земли, не вымирали, приходя съ нею въ соприкосновеніе, какъ гибнутъ племена Сѣверной Америки при столкновеніи съ англо-саксонскою расою, отъ котораго гибнутъ туземцы Океаніи вслѣдствіе поселенія между ними европейцевъ. Чужеземцы не обращались въ рабовъ, не причислялись къ существамъ низшей породы, не истреблялись мечемъ и огнемъ; на памяти исторіи нѣтъ истребительныхъ стремленій русскаго племени. Процессъ сліянія совершался путемъ *мирнымъ, естественнымъ*. На чисто-славянской основѣ ложатся обрусѣвшія племена финскаго и азіятскаго происхожденія, принявшія съ христіанствомъ и русскій языкъ и русскіе нравы. Тамъ, гдѣ русская народность соприкасалась съ народностью, уже рѣзко обозначенною, крѣпкою народностью, она и тамъ не пыталось насильственно сломать это упорное сопротивленіе. Лучшимъ доказательствомъ служатъ татарскія поселенія въ губерніяхъ Рязанской, Костромской, Виленской, Гродненской и Минской и т. д., сохранившія до сихъ поръ и свою вѣру и свои обычаи, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ облегаютъ ихъ сплошныя массы русскаго населенія. Чѣмъ дальше идемъ мыслью въ древнюю исторію русскаго племени, тѣмъ менѣе встрѣчаемъ слѣдовъ замкнутости, непріязненнаго воззрѣнія на племена чуждыя. Исключительность, недовѣрчивость къ иноземцамъ, сознаніе своей рѣзкой противуположности, выработались уже путемъ историческимъ, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Притомъ же это недовѣрчивое воззрѣніе на чужеземцевъ и теперь обращено болѣе къ западу, нежели къ востоку, болѣе вслѣдствіе религіозной, чѣмъ племенной нетерпимости. И теперь нѣмецъ, принявшій православіе, становится въ глазахъ народа русскимъ. Этою легкостью воспринимания въ себя чуждыхъ элементовъ, способностью вбирать ихъ въ себя, перерабатывая все это въ свою собственную народность, какъ нельзя лучше объясняется быстрое размноженіе русскаго племени, легкое его распространеніе по необъятому пространству отъ Балтійскаго моря до Восточнаго океана; объясняется также и то, что русское племя не есть чистое племя, а вслѣдствіе соединенія различныхъ народностей, подъ усло-

віемъ преобладанія народности славянской; что въ племени русскомъ преобладающая стихія есть стихія славянская, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Съ самаго начала русской исторіи, среди постоянной борьбы съ Востокомъ, наши предки неизмѣнно сохраняли всѣ основные признаки европейскаго происхожденія, не утратили ни одной его существенной черты. Въ этой-то крѣпости храненія европейскаго типа, среди безпрерывнаго смѣшенія съ племенами азіятскаго происхожденія, и состоитъ величайшая заслуга русскаго народа; поэтому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азіи и становился несомнѣнной побѣдой европейской гражданственности. Чуждыя племена вливались въ народность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности славянской и европейской. Другой вопросъ, видоизмѣнялся ли первоначальный славянскій типъ русскаго народа отъ воспринятія имъ чуждыхъ элементовъ или остался во всей чистотѣ? Не подверглось ли русское племя нѣкоторому воздѣйствію со стороны подчинившихся ему низшихъ народностей? Приведемъ нѣкоторыя соображенія. Населенія губерній Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской, считаются безспорно лучшими представителями чисто-великорусскаго племени. Между тѣмъ на этой мѣстности, по единогласному свидѣтельству древнѣйшихъ русскихъ же источниковъ, жили нѣкогда *племена финскія*, оставившія слѣды своего пребыванія въ мѣстныхъ названіяхъ урочищъ, рѣкъ и селеній. Въ русскихъ мѣстностяхъ, въ народныхъ преданіяхъ нѣтъ и слѣдовъ воспоминаній о нѣкогда бывшей борьбѣ финскихъ туземцевъ съ славянскими насельниками, а еще менѣе о вытѣсненіи туземцевъ далѣе къ сѣверу и востоку или о ихъ истребленіи.

Притомъ, вытѣсненіе могло совершиться только въ такомъ случаѣ, если бы славянскіе насельники двинулись большою сплошною массою въ это пространство, гоня предъ собою туземныхъ обитателей края. Такое движеніе не могло пройти незамѣченнымъ, остаться безъ рѣзкаго слѣда въ народной памяти, если не въ лѣтописяхъ. И такъ, туземное населеніе этихъ 4-хъ губерній не могло быть вытѣснено, еще менѣе истреблено. Чѣмъ же объяснить его исчезновеніе? *Очевидно, ничѣмъ другимъ, какъ обрусѣніемъ туземцевъ, слитіемъ ихъ съ славянскими поселенцами въ одинъ народъ, а въ этомъ случаѣ нельзя не предполагать ихъ участія въ образованіи народнаго типа, существующаго теперь въ этихъ губерніяхъ.*

II.

Обращаемъ теперь наше вниманіе на разселеніе русскаго племени въ Восточной Руси, преимущественно на р. р. *Волгѣ и Камѣ*. На этомъ обширномъ пространствѣ поселеніе русскихъ уже совершилось на памяти исторіи. Его можно прослѣдить и по лѣтописямъ, и

по народнымъ преданіямъ, и по воспоминаніямъ, наконецъ, самого народа. Кромѣ того, здѣсь до сихъ поръ еще сохранились въ большей или меньшей чистотѣ остатки туземнаго населенія и притомъ на разныхъ степеняхъ сближенія ихъ съ русскимъ племенемъ. Въ то время какъ одни инородческія племена живутъ еще густыми массами, въ которыя мало проникла русская колонизація, другія подверглись уже вліянію русской народности, будучи со всѣхъ сторонъ охвачены русскими поселеніями; третьи, наконецъ, представляютъ собою малочисленные остатки нѣкогда славныхъ племенъ, остающіеся какъ бы затѣмъ, чтобы служить доказательствомъ ихъ существованія.

Сѣверовосточная часть Россіи *занята преимущественно племенами финскаго, монгольскаго и татарскаго происхожденія.*

Финское или чудское племя мало чѣмъ заявило свое право на имя народа историческаго. Въ лѣтописяхъ другихъ народовъ встрѣчаются рѣдкія о немъ упоминанія. Трудно и опредѣлить крайніе предѣлы, до которыхъ простиралось нѣкогда финское племя. Сѣверная полоса европейской Россіи была, безъ всякаго сомнѣнія, занята финскимъ племенемъ, которое отдѣлялось отъ береговъ Ледовитаго океана скитальческими родами лопарей и самоѣдовъ. На югѣ оно простиралось далѣе, чѣмъ можно судить по существующимъ теперь остаткамъ. Она принадлежала уже по лѣтописнымъ извѣстіямъ къ міру финскому, но едва ли была крайнимъ предѣломъ финскаго племени по направленію къ юго-западу. По крайней мѣрѣ финскія названія мѣстностей встрѣчаются даже на правомъ берегу Днѣпра. Если дальше шло финское племя къ юговостоку, то здѣсь еще труднѣе обозначить даже приблизительные его предѣлы. Чудскія могилы по Уралу и Алтаю доказываютъ существованіе тамъ племени промышленнаго; чеканныя вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, остатки древнихъ камней, говорятъ о работахъ, къ которымъ неспособны племена, живущія теперь въ этихъ мѣстахъ. Въ Саянскихъ горахъ до сихъ поръ живутъ малыя финскія племена, окруженныя племенами монгольскими и турецкими. Въ 1807 году въ двухъ семьяхъ Нуринскаго уѣзда въ Закавказьѣ оказалось малочисленное племя, называющее себя *удины*, и по изысканіямъ филологовъ языкъ ихъ оказался сходнымъ съ языкомъ мордвы и вотяковъ. Фактъ необыкновенно замѣчательный! Густыми массами занимали финскія племена сѣверовостокъ европейской Россіи. Они никогда не составляли прочнаго государственнаго организма. Единственное племя, которое опередило другихъ въ политическомъ развитіи—это *волжскіе болгары* и буртасы. *) Здѣсь были города съ болѣе или менѣе осѣдлымъ

*) Впрочемъ происхожденіе болгаръ наука еще не выяснила въ точности. Извѣстный профессоръ г. Березинъ полагаетъ, что въ настоящее время еще нельзя опредѣлить, къ какому племени принадлежатъ болгары см. IV т., стр. 102. Русск. Энцикл. Словарь и его же «*Болгаръ на Волгѣ*». Казань 1853 г.

населеніемъ, здѣсь была центральная власть, по крайней-мѣрѣ у болгаръ, здѣсь была торговля и т. п. Принятіе этими племенами исламизма еще болѣе сплотило начало гражданственности, приведя въ частныя сношенія съ калифатомъ Багдадскимъ.

Юговосточная часть европейской Россіи была занята кочевыми племенами монгольскаго и турецкаго происхожденія. Съ тѣхъ поръ какъ запомнитъ исторія, на обширномъ степномъ пространствѣ отъ Каспійскаго до Чернаго морей, по нижнимъ частямъ Волги, Дона, Днѣпра и Днѣстра смѣнялась одна орда кочевниковъ другою. (Гунны, авары, хазары, печенѣги, половцы и наконецъ татары). Ни одинъ изъ этихъ народовъ не создалъ для себя сколько нибудь правильнаго государственнаго устройства, за исключеніемъ хазаръ. Всѣ до конца остались вѣрными основному характеру азіятскихъ кочевниковъ. Въ памяти осѣдлаго европейскаго населенія всѣ они являются съ одинаковыми чертами. Воображеніе народное дало всѣмъ имъ одинаковое происхожденіе, всѣхъ ихъ олицетворяло въ созданіяхъ народной фантазіи въ томъ же образѣ враждебной, темной и губительной силы.

Только съ появленіемъ варяжской дружины начинается первое освобожденіе славянскаго племени, его распространеніе на сѣверъ и на югъ. Дружина дала племенамъ славянскимъ первое условіе преобладанія, силу, происходящую изъ соединенія. Первые князья силою оружія впервые соединили племена, жившія разрозненно, сдержали степныхъ варваровъ и мечемъ намѣтили границы государственной территоріи. Скоро является и другое условіе, давшее еще большій перевѣсъ племенамъ славянскимъ—*христіанство*. Быстрое его распространеніе на сѣверъ было слѣдствіемъ появленія этой же дружины.

Одновременное появленіе на берегахъ Днѣпра варяжской дружины и христіанства вывело славянъ на новый путь. Но куда они обратили свое наступательное шествіе? Первое движеніе варяжской дружины было на Византію. Но дружинѣ не сломить было Византійскую Имперію, хотя бы во главѣ ея стояли такіе люди, какъ Святославъ. На юго-западъ? Но тамъ были государства Польское и Венгерское, крѣпкія въ своемъ политическомъ составѣ и притомъ опиравшіяся на католическую Германію. Оставался выходъ, просторъ и свобода къ сѣверу и сѣверо-востоку, и вотъ началась колонизація области верхней Волги, заселеніе земли Ростовской и Суздальской. Здѣсь при обширности области и малонаселенности нашлись мѣста для русскихъ поселенцевъ. Сюда и обратился первый притокъ русскаго населенія. Заселеніе области, строеніе городовъ было одною изъ первыхъ заботъ русскихъ князей. Всѣми силами князья стараются привлекать сюда населеніе. Въ первой четверти XIII в. въ княжествѣ Суздальскомъ считалось уже 20 городовъ. Здѣсь сбиралось русское населеніе, смѣшалось съ финскими туземцами, подчинившимися съ принятіемъ христіанства сильному вліянію русской народности. Поселеніе русскаго плема-

ни въ Ростовской землѣ среди *мери* и другихъ финскихъ племенъ шло путемъ мирнымъ. Оружіемъ открывалась дорога русской колонизаціи внизъ по теченію Волги и то, впрочемъ, строеніе Костромы, Юрьевца—Поволжскаго и даже Н. Новгорода, городовъ, поставленныхъ на главныхъ изгибахъ рѣки и при впаденіи въ нее значительныхъ притоковъ, обошлись безъ особенныхъ усилій. Въ землю Ростовскую шли поселенцы изъ южныхъ княжествъ, на Сѣв. Двину, на Вятку, на Каму и ихъ притоки шли промышленники изъ Новгорода Великаго. Какъ образовались новгородскія поселенія, всего лучше даетъ понятіе разсказъ Хлыновской лѣтописи объ основаніи Хлынова при Вяткѣ (1170 г.)

Татарское нашествіе, остановивъ распространеніе русскаго племени на востокѣ внизъ по теченію Волги изъ области Ростовской, содѣйствовало заселенію сѣверо-восточныхъ лѣсовъ, куда не достигли Татарскіе набѣги. Здѣсь же, въ лѣсахъ сѣверовосточной части европейской Россіи искали убѣжище и люди благочестивые, глубоко пораженные униженьемъ Руси христіанской языческими отходцами изъ Азіи.

Замѣтимъ особенность русскихъ поселеній: какимъ бы путемъ ни возникали поселенія, первымъ дѣломъ было строеніе церквей и монастырей. Распространеніе христіанства всегда шло рука объ руку съ распространеніемъ русскаго племени. Монастырь и острожекъ—вотъ два постоянные центра, около которыхъ начинаетъ собираться мирное, осѣдлое населеніе на сѣверо-востокѣ. Проповѣдь Евангелія приготовляла побѣду русскаго владычества, христіанскій подвижникъ являлся прежде самыхъ первыхъ поселенцевъ. Значеніе монастырей въ великомъ дѣлѣ распространенія русской народности и гражданственности должно быть оцѣнено по заслугамъ. Къ благочестивому пустыннику, поселившемуся гдѣ—нибудь въ пустынѣ (въ пещерѣ) или даже, какъ знаемъ о св. Павлѣ Комельскомъ въ дуплѣ большого дерева, начинала сходиться братія: являлась потребность храма для отправленія богослуженія, потребность обезнечить пустынножителей, и старцы слали къ великому князю просьбу о разрѣшеніи имъ строить монастырь на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу пашни пахать и созывать братію. Монастырь становился центромъ небольшого земледѣльческаго поселенія. Въ стѣнахъ его находили защиту и отдыхъ торговцы и промышленники; въ посадѣ, пріютившемся подъ его стѣнами, открывался торгъ. Вклады *по душѣ* увеличивали земельное владѣніе иноковъ. Монастырь становился вотчинникомъ и сзывалъ со всей Руси охотниковъ селиться на его земляхъ. Въ житіяхъ русскихъ святыхъ можно найти и лучшія указанія на первыя трудности поселенія среди чуждыхъ племенъ, на борьбу съ природой, на исторію первыхъ колонистовъ, на состояніе страны въ эпоху ихъ поселеній. Припомню разсказъ о дѣятельности иноковъ соловецкаго монастыря. Проповѣдь Св. Стефана Пермскаго, распространеніе имъ евангельскаго ученія между зырянами и пермяками, быть можетъ, не менѣе новгородскихъ походовъ, содѣйствовали легкому по-

селенію здѣсь русскаго племени. Мы знаемъ, что присоединеніе великой Перміи къ міру христіанскому совершилось за долго до окончательнаго присоединенія ея къ областямъ русскимъ. Зыряне и Пермяки скоро узнаютъ евангельскую истину и тѣмъ самымъ дѣлаютъ огромный шагъ къ сліянію съ племенемъ русскимъ. Области Вятки и верхней Камы покрываются сплошнымъ русскимъ и значительно обрусѣвшимъ христіанскимъ населеніемъ. Гораздо съ большими трудностями сопряжено было распространеніе славянскаго племени *по среднему теченію Волги.* Здѣсь инородческія племена подчинялись верховной власти казанскаго хана. Зависимость отъ Казани тѣснѣе сплотила ихъ, давая имъ возможность дѣйствовать соединенными силами. Съ другой стороны, могущественно дѣйствовало *вліяніе исламизма.* Принимая ученіе Магомета, туземцы финской расы, подчинялись вліянію татарскаго племени, теряли свои народныя особенности, сливались съ нимъ въ одинъ народъ, или образовывали смѣшанныя племена подъ преобладаніемъ однако же татарскаго типа, языка и нравовъ. И до сихъ поръ еще по среднему теченію Волги, въ губерніяхъ Казанской, южной части Вятской, Пензенской, Симбирской и къ востоку Оренбургской живутъ эти племена (черемисы, чуваши, мордва, татары, башкиры, мещеряки) въ большей или меньшей чистотѣ отъ русской примѣси.

И теперь еще русское населеніе идетъ только по берегу средняго теченія Волги, мало проникая въ глубь земли, да и то больше въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, среди мордвы, которая легче другихъ племенъ уступаетъ себя чуждой народности и отличается большою способностью сливаться въ одинъ народъ съ русскимъ, принимая русскій языкъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Сама мордва не безъ сильнаго сопротивленія приняла христіанство, и русская церковь хранитъ память о Михаилѣ, архіепископѣ рязанскомъ, мученическою смертію погибшемъ въ 1655 году среди мордвы, которую желалъ обратить ревностный святитель. Казанская мордва обращена также преимущественно въ XVII вѣкѣ трудами иноковъ Селижарова монастыря. Русскія лѣтописи исполнены извѣстій о набѣгахъ мордвы на Нижегородскія владѣнія, о сильныхъ возстаніяхъ луговой и горной черемисы, уже признавшей власть русскихъ царей. Правительству нужно было рядомъ укрѣпленій обезопасить свои владѣнія и сдерживать непокорныхъ бунтовщиковъ и уже при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, къ ряду укрѣпленныхъ городовъ, которыми еще прежде обозначалось наступательное движеніе русскаго племени по теченію Волги, присоединились новыя крѣпости, построенныя съ особенною цѣлью, сдерживать черемису. Это были Цивильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на р. Кокшарѣ и др.

III.

Вторая половина XVII и все XVIII столѣтіе особенно замѣчательны въ исторіи поселенія русскихъ колонистовъ въ Восточной Россіи, въ разныхъ областяхъ Камы и Волги. Съ одной стороны мы видимъ огромный приливъ такъ называемыхъ славянскихъ бѣглецовъ изъ внутреннихъ областей; съ другой, дѣятельныя мѣры правительства для заселенія и обезопасенія края. Много было причинъ, условливающихъ большое количество добровольныхъ выходцевъ; главнѣйшихъ было два: *великій расколъ*, обнаружившійся въ русской церкви и *прикрѣпленіе* къ землѣ до тѣхъ поръ подвижного крестьянскаго сословія. Извѣстна исторія раскола: привязанность къ мертвой буквѣ, къ одной обрядовой внѣшности, привела къ окончательному отторженію отъ православной церкви значительной части сельскаго городскаго населенія. Преслѣдуемые правительствомъ, раскольники уходили преимущественно въ лѣса сѣверо-восточной Россіи и даже въ Польшу и Турцію. Такъ они поселились въ Нижегородской губерніи по рѣкѣ Керженцу, въ Саратовской губерніи на Иргизѣ, наконецъ перебрались и въ Сибирь. Бѣгство раскольниковъ должно было значительно увеличивать число русскихъ поселенцевъ въ В. Россіи, но еще болѣе росло это число вслѣдствіе притона бѣглецовъ иного рода. Подвижность была издавна въ характерѣ русскаго населенія, *разбрестись розно* ничего не значило даже для земледѣльческаго населенія. На окраинахъ Россіи издавна скоплялись толпы бѣглецовъ всякаго рода. Изъ нихъ-то образовалось Донское Запорожское казачество. Съ того времени, когда московское правительство почувствовало необходимость ограничить крестьянскіе переходы, стремленіе земледѣльческаго населенія на окраины Россіи сдѣлалось еще сильнѣе. Кромѣ прикрѣпленія крестьянъ увеличеніе числа бѣглецовъ обусловливалось также введеніемъ рекрутскихъ наборовъ, самоуправствомъ разныхъ временщиковъ, въ родѣ Бирона, а также слабостію центральной власти отъ смерти Петра Великаго до Елизаветы Петровны.

Во всѣ стороны шли толпы русскихъ бѣглецовъ, шли они въ Польшу, въ Швецію, въ Остзейскія губерніи и иногда уходили цѣлыми деревнями, пробиваясь отъ пограничной стражи дубьемъ, рогатинами и пр. На этихъ поселенцевъ въ восточномъ краѣ, по Волгѣ и Камѣ, мы и должны обратить особенное вниманіе. Почти все русское населеніе Астраханской губерніи, за исключеніемъ купечества, привлекаемаго торговлею, состояло изъ бѣглецовъ, бѣжавшихъ изъ внутренней Россіи. Когда правительство въ 1745 году произвело ревизію въ Астрахани, то многіе обыватели объявили о себѣ, что они не знаютъ своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родились. Мало того, изъ Астрахани бѣжали даже въ Персію, въ Азіятскую Турцію и вездѣ оставались

неизмѣнно вѣрными религіи отцевъ. Небольшая русская колонія въ Малой Азіи, недалеко отъ Бруссы, со всѣхъ сторонъ охваченная магометанскимъ населеніемъ, оставленная безъ церкви и священника, тѣмъ не менѣе не отреклась отъ вѣры, вынесенной ею съ родины. Астрахань была обѣтованной землей для искавшихъ вольности; о ней ходили въ народѣ самые отрадные слухи. За Волгой устроены были землянки и поселившіеся здѣсь бѣглецы объявляли, что будутъ принимать къ себѣ всякихъ прихожихъ людей. Здѣсь, слѣдовательно, начинало образовываться такое же правильное общество для облегченія бѣгства, какъ и въ слободахъ Черниговскихъ. Огромное количество всякаго рода бѣглецовъ было также въ Оренбургскомъ краѣ, и правительство, несмотря на все свое желаніе вернуть ихъ на прежнее мѣстожительства, должно было согласиться на ихъ новое поселеніе. Но далеко не всѣ бѣглецы обращались въ мирныхъ хлѣбопашцевъ. Въ теченіи всего XVIII столѣтія по всему Поволжью и въ Прикамскомъ краѣ свирѣпствовали страшныя разбойничьи шайки. Вооруженные артиллеріею, разбойники дѣлали открытыя нападенія на купеческіе караваны, брали съ нихъ насильственныя подати, вступая въ открытыя сраженія съ военными командами, посылаемыми для ихъ поимки.

Давнею заботою правительства было съ одной стороны—сколь возможное усиленіе земледѣльческихъ поселеній въ Поволжьѣ, съ другой—обезонасеніе ихъ рядомъ военныхъ укрѣпленій. Мѣры относительно того и другаго идутъ параллельно: усилить земледѣльческое населеніе можно было или водвореніемъ русскихъ колонистовъ, или обращеніемъ къ христіанству и земледѣлію инородцевъ. Заботы о томъ и о другомъ мы видимъ со времени покоренія Казани.

Поселеніе обращенныхъ въ христіанство отдѣльными колоніями, заботливое отдѣленіе ихъ отъ магометанъ и язычниковъ, началось еще при Іоаннѣ Грозномъ, но особенную ревность въ этомъ отношеніи показала императрица Елизавета Петровна. Населеніе края русскимъ племенемъ производилось чрезъ раздачу земель церквамъ и монастырямъ, которые поселяли на нихъ поселенцевъ изъ внутренней Россіи, но преимущественно чрезъ испомѣщеніе землями людей служивыхъ. Послѣднимъ достигалась двойная цѣль: и заселялся край русскими, и защищался отъ племенъ инородческихъ. Большая дасть дворянскихъ фамилій Поволжскаго края происходитъ отъ этихъ служивыхъ людей.

Особенно заселеніе Поволжья производилось при государяхъ изъ дома Романовыхъ: они строили города и пригороды, ставили крѣпостцы для защиты заволжскихъ и закамскихъ жителей отъ набѣговъ калмыковъ, киргизъ, башкировъ и каракалпаковъ и другихъ кочевыхъ народовъ.

2. Племенной составъ населенія Казанской губерніи и религіи, исповѣдуемыя ея жителями.

Какъ по племенному составу жителей, такъ и по различію исповѣдуемыхъ ими религій, Казанская губернія принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ губерніямъ нашего обширнаго отечества. Число жителей Казанской губерніи простирается до 1,670,000 человѣкъ. При этомъ великороссіяне не составляютъ и половины всего населенія губерніи, а только всего душъ 507,397. Все остальное населеніе губерніи инородческое, и въ средѣ его татары занимаютъ первое по численности мѣсто. Татаръ 482,000 человѣкъ изъ нихъ болѣе 400,000 исповѣдуютъ магометанскую религію и только 40,000, т. е. 10% считаются принадлежащими къ православной церкви. Чуваши въ числѣ 350,000 человѣкъ принадлежатъ также къ православной церкви, а 6800 пребываютъ еще въ язычествѣ. Изъ 92,562 черемисъ 4000 язычники; изъ 7000 вотяковъ 5000 съ небольшимъ христіане, а остальные также язычники. Мордва, въ количествѣ 15,316 ч., также христіане; мещеряки всѣ, около 2000 ч., исповѣдуютъ православную вѣру.

Преданность татаръ-магометанъ своей вѣрѣ и причины ихъ религіозной устойчивости.

Татары—магометане преданы своей вѣрѣ до фанатизма. Они имѣютъ слишкомъ много благопріятныхъ обстоятельствъ, способствующихъ ихъ устойчивости въ своихъ религіозныхъ обязанностяхъ. Лишенные политической самостоятельности и неслившіеся въ одну семью съ русскимъ народомъ, казанскіе магометане представляютъ собою систематически и прочно организованную религіозную общину, многочисленные члены которой живутъ своею вполнѣ самостоятельною жизнію. Религіозный характеръ на столько преобладаетъ въ жизни магометанскаго общества, что ученіе корана проникаетъ въ самую глубь ихъ существа, чему способствуетъ весь строй ихъ жизни.

Трудно, почти невозможно представить себѣ магометанское селеніе, въ которомъ не было бы мечети, съ однимъ или двумя муллами и ихъ помощниками. Въ этомъ отношеніи магометане пользуются не только своими законными правами, но и готовы были бы увеличить число своихъ мечетей, еслибъ это было согласно съ закономъ. Законъ обусловливаетъ существованіе мечети количествомъ душъ отъ 200—300 магометанъ, но это не мѣшаетъ имъ достигать своихъ религіозныхъ цѣлей и безъ мечетей. Магометанское богослуженіе можетъ быть совершаемо въ каждой комнатѣ и притомъ каждымъ магометаниномъ, который знаетъ порядокъ своего богослуженія. Имѣя полную и постоянную возможность удовлетворять потребностямъ религіознаго чувства,

магометанское населеніе имѣетъ слишкомъ много школъ, элементарныхъ и высшихъ, и такимъ образомъ отличается своею грамотностію, гораздо болѣе распространенною у нихъ, чѣмъ у русскихъ. При каждой мечети они устраиваютъ училища: муллы, вполнѣ обезпеченные сборомъ десятины отъ своихъ прихожанъ, учатъ дѣтей ихъ мужескаго пола, а жены ихъ—дѣвочекъ; часто жены муллъ бываютъ достойными помощницами своихъ мужей. Чѣмъ является мулла для мужской половины, тѣмъ для женской служитъ его жена. Она учитъ дѣтей, наставляетъ въ вѣрѣ взрослыхъ и наконецъ предстоятельствуетъ на общей молитвѣ женщинъ. Въ магометанскомъ мірѣ нерѣдки вообще случаи, что женщины бываютъ не только грамотны, но и довольно начитаны въ своихъ религіозныхъ книгахъ.

Такъ какъ магометанская школа отличается своимъ почти исключительно религіознымъ характеромъ, то грамотные магометане всѣ болѣе или менѣе сознательно относятся къ своей вѣрѣ; мало того, отправляются въ глубину Азіи, на югъ Европы и сѣверъ Африки—въ Бухару, Константинополь и Каиръ и возвращаются оттуда съ большимъ научнымъ авторитетомъ, при помощи котораго могутъ служить еще большею опорою своей вѣрѣ, чѣмъ муллы, учившіеся въ Казани.

Такимъ образомъ, религіозная практика, вмѣстѣ со школой, служитъ прочнымъ оплотомъ для ислама, составляетъ, такъ сказать, внутреннюю его поддержку. Не менѣе внутреннихъ средствъ, магометанство богато и внѣшними. Въ средѣ казанскихъ магометанъ не мало людей, обладающихъ значительнымъ богатствомъ, которое они не скупятся употреблять на поддержку своей вѣры и своихъ единовѣрцевъ. Магометанскіе купцы строятъ новыя, поддерживаютъ и исправляютъ старыя мечети; строятъ и содержатъ училищные дома, учреждаютъ пріюты для малолѣтнихъ и богадѣльни для убогихъ и престарѣлыхъ своихъ собратовъ по вѣрѣ; вообще помогаютъ своимъ всѣмъ, чѣмъ можно и когда нужно. Своею благотворительностью магометанскіе купцы пріобрѣтаютъ довѣріе и уваженіе къ себѣ въ массѣ единовѣрцевъ. Весьма много способствуетъ укрѣпленію магометанъ въ ихъ вѣрѣ распространеніе печатныхъ книгъ, преимущественно религіознаго содержанія, которыя печатаются и расходятся между мусульманами въ огромномъ количествѣ. Кромѣ книгъ, печатаемыхъ въ Казани, между магометанами часто бываютъ въ обращеніи и употребленіи книги Константинопольскаго изданія, а въ самыхъ школахъ—и рукописныя. Ученики магометанскихъ школъ до сихъ поръ еще съ неусыпною энергіею трудятся надъ списываніемъ и перепискою своихъ учебниковъ и книгъ, еще не отпечатанныхъ, а это показываетъ необыкновенную, неподражаемую ревность мусульманъ къ своему религіозному и совершенно одностороннему просвѣщенію. Дружно поддерживаемая единодушіемъ своихъ сочленовъ, магометанская община объединяется совнѣ особымъ духовнымъ своимъ управленіемъ подъ предсѣдательствомъ Муфтія. Это

послѣднее учрежденіе невольно стягиваетъ къ своему правительственному центру всѣхъ, подчиненныхъ ему, магометанъ. Такъ стройно и такъ систематически организована магометанская община въ Россіи! Многочисленныя мечети со школами, многочисленные муллы съ своими учениками, довольно распространенная грамотность, фанатическое отношеніе къ своей вѣрѣ, безчисленныя рукописныя и печатныя книги, наконецъ, особенное правительственное центральное управленіе—все это вмѣстѣ даетъ возможность магометанамъ совершенно замыкаться въ кругъ интересовъ своей вѣры и, такимъ образомъ, представлять собою какъ бы особый міръ, почти совершенно недоступный вліянію на него христіанскаго просвѣщенія.

Религіозное состояніе крещеныхъ татаръ представляется далеко не въ такомъ видѣ: тѣ изъ нихъ, которые были крещены вскорѣ по присоединеніи Казани къ Россіи, такъ называемые старокрещеные, болѣе или менѣе преданы христіанской вѣрѣ: посѣщаютъ церковныя службы, исполняютъ церковные обряды и пр. По внѣшнему виду они отличаются отъ татаръ—магометанъ тѣмъ, что не брѣютъ своихъ головъ, носятъ на груди крестъ и опоясываются поясомъ. Въ то же время они совершенно не знаютъ русскаго языка и до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія оставались безграмотными, они и до сихъ поръ держатся и стараго язычества, и магометанства, и христіанства, и это троевѣріе свидѣтельствуетъ о невысокомъ уровнѣ религіознаго развитія крещеныхъ татаръ.

Изъ другихъ инородцевъ Казанской губерніи большинство населенія принадлежитъ христіанской церкви. Магометанъ между ними весьма мало, но за то болѣе 12000 язычниковъ. Язычники-инородцы никогда не имѣли у себя никакихъ религіозныхъ книгъ и обряды своей вѣры держатъ и исполняютъ по одному преданію. У нихъ нѣтъ молитвенныхъ домовъ, подобныхъ татарскимъ мечетямъ; для совершенія своего богослуженія они обыкновенно собираются въ лѣсахъ, въ оврагахъ. Нѣтъ у нихъ школъ, нѣтъ и особаго духовнаго правленія, которое бы объединяло ихъ и руководило въ дѣлахъ вѣры. Они имѣютъ особыхъ жрецовъ, которые у чувашъ называются *йомзи*; эти жрецы наблюдаютъ за соблюденіемъ праздниковъ, отправляютъ общественное богослуженіе и, кромѣ того, они же являются прорицателями, лѣкарями и проповѣдниками.

Вѣра всѣхъ язычниковъ Казанской губерніи носитъ на себѣ одинъ общій характеръ *шаманства*, имѣющаго въ своей основѣ дуалистическія начала религіи Зороастра. Подобно древнимъ Персамъ, признававшимъ въ Ормуздѣ доброе начало, а въ Ариманѣ злое, и наши язычники признаютъ также два главныя начала, къ которымъ уже присоединяютъ втростепенныхъ, третьестепенныхъ и т. д. духовъ. Всѣмъ этимъ духамъ или богамъ язычники придаютъ имена, особыя у каждаго племени. Только Кереметь, которой такъ сильно боятся инородцы и

которой болѣе всѣхъ дѣлаютъ жертвоприношеній, почитается всѣми казанскими инородцами.

Инородцы-язычники обращаются къ своимъ богамъ съ моленіями, совершаютъ въ честь ихъ жертвоприношенія изъ лошадей, коровъ, овецъ, гусей, куръ и разныхъ родовъ хлѣба, смотря по тому какому богу и по какому случаю приносится жертва. Вотяки во время своихъ моленій ставятъ передъ собою деревянныхъ идоловъ самой безобразной формы, которые представляютъ жертвенныя животныя, и обвертываютъ ихъ такою шерстью, какого цвѣта жертвенное животное. Вотяцкіе жрецы имѣютъ большое значеніе въ своихъ околодкахъ и пользуются не только особымъ уваженіемъ, но и матеріальными выгодами. Замѣчательно, что всѣхъ этихъ вѣрованій держатся не только некрещеные инородцы, которыхъ въ Казанской губерніи около 12—13000, но и почти всѣ крещеные чуваши, черемисы, мещеряки и вотяки, составляя почти полумилліонное общество. Только одно мордовское племя болѣе или менѣе обрусѣло и предано православію, такъ что во многихъ мѣстахъ забыло свой языкъ и усвоило себѣ русскую жизнь съ ея нравами и обычаями. Вообще что касается до крещеныхъ инородцевъ, то о нихъ можно положительно сказать, что, за очень немногими исключеніями они христіане только по имени, такъ напр. хотя они и вѣнчаются въ церкви, но предварительно исполняютъ языческіе обряды; своихъ покойниковъ они погребаютъ на христіанскихъ кладбищахъ, но здѣсь же совершаютъ и языческія поминки. Вмѣсто воскреснаго дня они празднуютъ магометанскую пятницу и въ этотъ день, подобно іудеямъ въ субботу, ничего не работаютъ. Вмѣсто христіанскихъ праздниковъ они наблюдаютъ праздники языческіе, которые бываютъ во время цвѣтенія хлѣбовъ. Наконецъ хотя они и именуются христіанами, но безъ ужаса не могутъ произнести имени Керемети и почти при каждой бѣдѣ, при всякой болѣзни стараются умилостивить ее своими жертвоприношеніями.

3. Горные черемисы Казанскаго края.

Горные черемисы занимаютъ своими поселеніями уголъ, образуемый впаденіемъ Суры въ Волгу и составляющій часть Козмодемьянскаго уѣзда Казанской губерніи. Это племя большого черемисскаго народа составляетъ самую энергическую, талантливую и образованную часть его, стоитъ по своему развитію едва ли не выше всѣхъ нашихъ инородцевъ восточнаго края, за исключеніемъ развѣ татаръ. Собратья горныхъ черемисъ—черемисы луговые, по лѣвому берегу Волги, до сихъ поръ еще живутъ старинною лѣсною жизнію своихъ отцовъ и дѣдовъ, верстъ за 100 отъ селеній бродятъ по лѣсамъ за своимъ звѣринымъ промысломъ, отличаются тупостью, упрямой приверженностью къ суевѣрной старинѣ, отсутствіемъ общительности, угрюмымъ и нелюдимымъ

характеромъ и отвращеніемъ отъ русской цивилизаціи. Горные черемисы, напротивъ, всѣ занимаются земледѣліемъ, живутъ сплоченно и въ близкихъ связяхъ съ русскими, живо усвоиваютъ себѣ разныя рукодѣлія и ремесла (такъ что у нихъ есть по деревнямъ напр. свои кузнецы, плотники, каменьщики, столяры, даже мастера золотыхъ и серебряныхъ вещей), наконецъ, заводятъ у себя школы для обученія дѣтей. Грамотность развита между ними до такой степени, что въ каждой черемисской деревнѣ непремѣнно найдете человѣкъ десять грамотниковъ. Всѣ они числятся христіанами, хотя, на самомъ дѣлѣ, язычество довольно сильно между ними. Многіе изъ нихъ,—преимущественно люди стараго поколѣнія — не только придерживаются старинныхъ обрядовъ, гаданій, примѣтъ и тому подобныхъ остатковъ язычества, но еще довольно ясно помнятъ и старыхъ боговъ, приносятъ имъ жертвы и почитаютъ языческихъ волхвовъ или ворожниковъ, какъ они здѣсь называются.

Славянизація края въ настоящее время идетъ быстрыми шагами впередъ. Какихъ нибудь 20 лѣтъ назадъ, черемисская народность была здѣсь еще въ полной силѣ, со всѣми своими правами, обычаями, житейской обстановкой и вѣрованіями. Теперь ея особенности сильно сгладились. Молодое поколѣніе черемисъ, даже женщины, отлично владѣютъ русскимъ языкомъ; многіе даже довольно сносно пишутъ на немъ. Между молодымъ поколѣніемъ развелось множество людей, подражающихъ русскимъ обычаямъ; къ своей старинѣ, ко всему черемисскому, они относятся уже съ презрѣніемъ.

Религіозныя вѣрованія старины смѣняются быстро. Христіанство гонитъ старыхъ боговъ изъ всѣхъ уголковъ нагорной стороны Волги въ трущобы заволжскихъ лѣсовъ, гдѣ луговой черемисинъ еще благоговѣетъ предъ дѣдовскими суевѣріями. Язычество выдвинуло противъ христіанства своихъ волхвовъ, ворожниковъ, которые напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы противодѣйствовать народнымъ учителямъ. Язычеству приходится очень плохо. Священныя мѣста его запустѣли; керемети вырублены; богослуженіе не можетъ совершаться публично и со всею торжественностью, принуждено прятаться въ недоступныхъ для церкви и полиціи темныхъ углахъ семьи. На сторонѣ христіанства сила и большинство народонаселенія. Даже закоренѣлый кереметникъ идетъ теперь въ церковь и приглашаетъ къ себѣ духовенство для совершенія христіанской требы „изъ стыда“, какъ говорятъ сами черемисы, слѣдовательно, не изъ одного страха передъ начальствомъ, но изъ страха предъ общественнымъ мнѣніемъ.

Въ настоящее время Черемисскій край Козмодемьянскаго уѣзда представляетъ собою сплошное пространство пахотныхъ земель, прерывающееся небольшими перелѣсками по глубокимъ оврагамъ этой гористой мѣстности. Только вдоль Суры, верстъ на 15 въ ширину и около 50 въ въ длину—отъ Волги до Ядрина, тянется старый и густой дубовый

лѣсъ, въ которомъ, кромѣ хижинъ полѣсовщиковъ и пчеловодовъ, нѣтъ никакихъ другихъ поселеній. Но еще и теперь старожилы помнятъ, что весь этотъ край былъ покрытъ густымъ чернолѣсьемъ. Когда-то онъ представлялъ такую же лѣсную трущобу изъ дубовъ и березъ, какъ берега Суры и Заволжье.

Черемисское племя и здѣсь, какъ за Волгой, воспиталось среди лѣсовъ, и до сихъ поръ еще замѣтны черты его прежняго лѣснаго характера. До сихъ поръ еще гордый черемисинъ хранитъ въ душѣ любовь къ лѣсу и всегда съ большимъ удовольствіемъ ѣдетъ на Суру. Не имѣя теперь лѣса по близости своей деревни, онъ удовлетворяетъ своей страсти искусственнымъ разведеніемъ деревъ на своемъ дворѣ. При каждомъ деревенскомъ домѣ вы найдете непремѣнно небольшой садъ изъ кудрявыхъ березъ, рѣдко изъ плодовыхъ деревъ; хозяинъ особенно любитъ это мѣсто; оно обнесено крѣпкимъ плетнемъ или даже заборомъ, чтобы туда не заходила скотина, и содержится въ большой чистотѣ. Отъ множества этихъ садовъ черемисская деревня имѣетъ особенную физіономію, рѣзко отличающую ее отъ русскихъ деревень. Въ послѣднихъ рѣдко можно увидать другую зелень, кромѣ грязнаго луга по улицѣ, да крапивы на околицѣ; черемисская деревня вся спрятана въ густой, веселой зелени березъ, имѣетъ видъ скорѣе увеселительной дачи, чѣмъ простой деревни. Лѣсъ наложилъ особенный характеръ и на религіозныя вѣрованія черемисъ. По всей вѣроятности религія черемисъ имѣла свой періодъ фетишизма, непосредственнаго обожанія предметовъ природы. Обожаніе растительности должно было играть при этомъ самую главную роль. Слѣды его хранятся до сихъ поръ въ благоговѣйномъ почитаніи разныхъ лѣсныхъ урочищъ и нѣкоторыхъ видовъ растительности, пользующихся важнымъ значеніемъ въ религіозныхъ обрядахъ.

Среди своего чернолѣсья черемисъ особенно благоговѣлъ передъ березой. Она была всегда самымъ полезнымъ деревомъ въ его быту: березовой лучиной онъ освѣщалъ свою избу въ длинныя ночи; березой топилъ свою печь; корой ея онъ доселѣ кроетъ свою кровлю; изъ этой же коры состоитъ его домашняя посуда, кузовья, бураки и пр.; изъ нея онъ дѣлалъ себѣ въ старину высокую шапку, и замѣчательно, что такія высокія берестовыя шапки считаются доселѣ необходимою принадлежностью черемисскаго убранства при совершеніи языческихъ жертвоприношеній и молитвъ. Мѣстами жертвенныхъ обрядовъ, большею частью, служатъ березовыя рощи; въ нихъ же помѣщаются и разные керемети. Другое особенно почитаемое дерево—рябина. Судя по нѣкоторымъ повѣрьямъ и обрядамъ, она имѣетъ очистительную и предохранительную силу отъ всякаго колдовства и дѣйствія злыхъ духовъ. Замѣчательно, что такое же вѣрованіе въ силу рябины находится и въ числѣ русскихъ суевѣрій. Рябиновый прутъ или палка постоянно служатъ волшебнымъ жезломъ въ рукахъ черемисскихъ ворожниковъ.

Періодъ фетишизма уже миновалъ для черемисской религіи. Она успѣла достигнуть дальнѣйшей степени развитія, создать себѣ множество личныхъ боговъ, надѣлить ихъ болѣе или менѣе спеціальными вѣдомствами и создать нѣсколько миѳическихъ сказаній изъ ихъ исторіи и повседневной жизни. Между богами замѣтны начатки іерархіи, подчиненности; изъ сопоставленія ихъ между собою начала смутно возникать идея одного главнаго бога, которому подчинены всѣ остальные.

Верховный богъ, общій для всѣхъ народовъ, называется *Юма*.

Представленія черемисъ о своемъ верховномъ божествѣ очень грубы. На него перенесены всѣ черты обыкновеннаго деревенскаго быта черемисина. У Юмы на небѣ отличная изба и такъ много всякаго добра, что самый богатый человѣкъ передъ нимъ—нищій. У него огромныя стада лошадей, коровъ и овецъ; когда они идутъ на пастбище изъ своихъ помѣщеній, такъ передняго конца длинной вереницы давно уже не видишь, а задній еще не вытянулся изъ небесныхъ хлѣвовъ. Юма со всей семьей постоянно на работѣ, какъ хорошій мужикъ. Онъ такъ занятъ этой работой и собой, что долго не обращалъ на людей рѣшительно никакого вниманія и не имѣлъ къ землѣ ни малѣйшаго отношенія. Вотъ одна легенда, показывающая, какъ началась связь Юмы съ землею.

У Юмы была дочь прекрасная, а жениховъ на небѣ не было; были одни только ангелы. Богъ былъ работящій, работниковъ не держалъ, работалъ все самъ, а дочь свою посылалъ пасти скотину. На небѣ травы нѣтъ, а потому скоту нужно было спускаться на землю. Богъ и спускалъ свою дочь вмѣстѣ съ скотиною: растворитъ небо, раскинетъ войлокъ, чтобы онъ доставалъ до земли, и спускаетъ по нему дочь свою на землю. Слѣзши, дочь закричитъ: „дохъ, дохъ, дохъ!“ — и лошади спускаются. Лошади спустятся, она закричитъ коровамъ: „тпруна, тпруна!“—спускаются коровы. Спустятся коровы, она закричитъ овцамъ: „ста, ста, ста!“—овцы спускаются. Вечеромъ закричитъ на небо: „Батюшка, спускай войлочекъ, мнѣ нужно домой; я отпасла скотину!“ — и богъ опять отворяетъ небо, спускаетъ войлочекъ, и она влѣзаетъ на небо, а потомъ кричитъ скотину. Дочь божія пасла, пасла скотину, ходила — ходила, а жениховъ все нѣтъ. Разъ спустилась она на землю и увидѣла молодца; поговорила съ нимъ и дала ему платокъ. При этомъ она учила жениха: „Смотри, у меня отецъ-то богъ, онъ не отдастъ меня за тебя; ты лучше подбери товарищей и меня увези, а я возьму другой платокъ и повѣшу его гдѣ-нибудь на колъ. Онъ увидитъ этотъ платокъ, тутъ и будетъ меня искать; не найдетъ и скажетъ: „умерла“. Такъ и сдѣлалось. Чрезъ два года они пришли къ отцу и сказали ему всю правду. Помирились, и на мировой былъ большой пиръ. Приданаго богъ далъ много. Съ этихъ поръ богъ и сталъ знакомъ людямъ.

Юма есть богъ всеобщій. Черемисы думаютъ, что кромѣ него есть много національныхъ боговъ, напр. богъ русскій, богъ татарскій, чувашскій и др. Всѣ національные боги постоянно ссорятся и враждуютъ между собою, а Юма разбираетъ ихъ ссоры, призываетъ ихъ къ себѣ и судитъ. Кто собственно черемисскій національный богъ — на это довольно трудно отвѣтить. Какъ и всякій народъ, допускающій національныхъ боговъ, черемисы думаютъ, что именно Юма, верховный богъ, и есть ихъ національное божество: эта мысль проходитъ чрезъ всѣ религіозныя вѣрованія, но не выдерживается со всей строгостью. Одна, напр., легенда разсказываетъ, какъ однажды Юма судилъ всѣхъ боговъ, въ числѣ которыхъ былъ и черемисскій богъ. Когда Юма потребовалъ къ себѣ на судъ всѣхъ боговъ, русскій богъ явился первымъ, оправдался и сложилъ всю вину на другихъ; за нимъ явился татарскій богъ, тоже оправдался и т. д. Вина осталась за черемисскимъ богомъ, а онъ не хотѣлъ и идти къ Юмѣ, потому что не зачѣмъ, не виноватъ. Юма страшно на него разгнѣвался, прогналъ съ неба и велѣлъ ему жить въ лѣсу. Такъ лѣсъ и сдѣлался его жилищемъ. Въ послѣднее время русскій богъ и отсюда сталъ его вытѣснять, да еще не совсѣмъ вытѣснилъ.

Послѣ земледѣлія самое важное значеніе въ черемисскомъ хозяйствѣ имѣетъ скотоводство. Богъ—скотодатель есть *воликъ шачахтма*, собственно—коровій богъ. Моленіе ему обыкновенно происходитъ, когда во дворѣ отелится корова. Послѣ этого цѣлыя пятеро сутокъ собираютъ коровье молоко для общаго пира съ сосѣдями и знакомыми. Предъ началомъ пиршества хозяинъ уходитъ въ чуланъ и возвращается оттуда съ ковшомъ воды, часть воды отливаетъ къ печкѣ, моля божество, чтобы теленокъ выросъ съ печку величиной; потомъ плещетъ ею на присутствующихъ, причитая, чтобы божество дало коровѣ побольше молока и чтобы она не была суха. Послѣ возліянія приносятъ въ жертву короводателю кашу съ коровьимъ масломъ; при этомъ ему молятся, чтобы онъ далъ столько скота, сколько у коровы шерсти, чтобы одинъ конецъ стада былъ въ оврагѣ, а другой еще въ кардѣ (сараѣ).

Въ самомъ характерѣ черемисскаго народа, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, поражаетъ отсутствіе всякаго идеализма и поэзіи, какой-то сухой практицизмъ, далекій отъ всего, что не относится къ обыденной жизни. Это и есть причина скудости и сухости черемисской миѳологіи. Замѣчательно, что у этого народа, точно у какихъ нибудь тупыхъ обитателей сѣвера, вовсе нѣтъ и пѣсенъ, въ которыхъ онъ изливалъ бы свои чувства. Веселъ-ли черемисинъ, печаленъ-ли, пляшетъ или плачетъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно издавать звуки и пѣть, онъ одинаково тоскливо тянетъ свое однообразное: а-а-а, о-о-о, безъ всякихъ словъ. Даже причитанья, напр. на свадьбахъ, похоронахъ, которыя есть у всѣхъ народовъ, у него до крайности сухи и

однообразны. Чувство лѣсной красоты едва-ли не единственное проявленіе его эстетики. Ему хорошо среди лѣсной трущобы, со всѣхъ сторонъ сдавленной огромными дубами, темной отъ густой листвы вершинъ, хорошо на веселой полянѣ, окруженной кудрявымъ березникомъ, сплошь облитой солнцемъ; но онъ не создалъ ни одного стиха про лѣсную пустыню, не спѣлъ про свой лѣсъ ни одной пѣсни. Ему хорошо въ лѣсу, такъ что и выходить бы не хотѣлось—и больше ничего. Это какая то животная привязанность или просто—чувство природы, не осмысленное проблескомъ сознанія, не оживленное лучемъ поэзіи. А между тѣмъ черемисинъ далеко не тупъ: онъ выше всѣхъ финскихъ инородцевъ, во многихъ отношеніяхъ выше даже русскаго. Дѣло въ томъ, что это натура исключительно практическая до узкости и мелочности. Черемисинъ энергиченъ, предпріимчивъ, живо усвоиваетъ все, что относится къ улучшенію внѣшняго быта, хорошій хозяинъ—скопидомъ, у котораго и изба выглядываетъ опрятно и богато, и поля хороши, и домашней скотины вдоволь; но онъ не способенъ къ поэзіи, не можетъ отрѣшиться отъ будничной дѣйствительности и освоиться съ міромъ высшихъ интересовъ. Узкая практическая натура отразилась и въ религіи черемисина.

Черемисское язычество исключительно практическое. Догматическая, миѳологическая сторона въ немъ занимаетъ послѣднее мѣсто; на первомъ мѣстѣ стоятъ: обрядъ, примѣта, жертва, которою можно добиться у божества того или другаго блага, защиты отъ той или другой бѣды. Отношеніе къ богамъ чисто утилитарное. Узнавъ, какое божество нужно ублажить въ томъ или другомъ случаѣ жизни и какою именно жертвою, черемисинъ вполнѣ удовольствуется этимъ свѣдѣніемъ и, въ случаѣ надобности, прилагаетъ его къ дѣлу; затѣмъ, что касается до личности божества, его антропоморфическаго образа, тѣмъ болѣе какихъ-нибудь ѳеогоническихъ вопросовъ, для него это все равно, точно также, какъ напр., для нашего благочестиваго простолюдина, призывающаго „матушку Троицу“ или „батюшку Покровъ“ и т. п., вовсе не интересно, что разумѣется подъ этими названіями, которыя онъ произноситъ съ такимъ глубокимъ вздохомъ. Пересматривая списокъ черемисскихъ божествъ, мы видимъ, что съ наибольшею полнотою описываются въ немъ божества, имѣющія непосредственное отношеніе къ жизни, здоровью и занятіямъ черемисъ,—у нѣкоторыхъ изъ нихъ проглядываютъ даже личные характеры. Другія, не имѣющія утилитарнаго значенія, извѣстны по однимъ только именамъ, имъ нѣтъ даже и жертвъ.

Тотъ же практическій и утилитарный складъ религіозности выразился въ черемисской религіи особеннымъ развитіемъ культа злымъ божествамъ. Зло всегда чувствительнѣе касается человѣка, чѣмъ добро. Мы видѣли, что и добрымъ божествамъ жертвы назначаются большею частью съ отрицательной цѣлью, чтобы эти божества не сердились и

не сдѣлали вреда черемисину, каждое въ своей сферѣ. Черемисинъ чувствуетъ особенный приливъ религіозности, когда захвораетъ, когда начнетъ хилѣть его скотина, пропадетъ что-нибудь въ домѣ, не уродится хлѣбъ или когда надъ всей страной разразится тяжкое народное бѣдствіе. Злыя божества гораздо чаще пользуются его жертвами, чѣмъ добрыя, и жертвы имъ гораздо богаче. Страхъ предъ ними былъ причиною болѣе подробнаго развитія миѳовъ о нихъ. Источникомъ всякаго зла считается *Кереметь*; около него группируются нѣсколько спеціальныхъ кереметей, потомъ толпа *шайтановъ* и разнаго рода *вадыши*. Они составляютъ рядъ нижнихъ, дольнихъ божествъ въ параллель верхнимъ, горнимъ божествамъ. Послѣднимъ приносятся болѣе чистыя и безукоризненныя жертвы — животныя бѣлой шерсти, плоды, хлѣбъ, пиво съ медомъ безъ хмѣля. Божествамъ злымъ приносятъ въ жертву животныхъ черной шерсти, пиво, вареное съ хмѣлемъ, даже водку.

Злое начало—*Кереметь*—представляется такимъ же самостоятельнымъ, какъ доброе — Юма. Какія между ними отношенія, неизвѣстно опредѣленно. Юма даруетъ всякое добро человѣку; Кереметь на каждомъ шагу старается дѣлать зло. Но черемисская миѳологія вовсе не говоритъ намъ о борьбѣ между ними; они какъ будто не обращаютъ другъ на друга ни малѣйшаго вниманія. Нѣкоторые черемисы говорятъ, что Кереметь есть младшій братъ Юмы, долженъ былъ повиноваться его владычеству, но по своей гордости не захотѣлъ этого и за это свергнутъ Юмою съ неба. Кереметь есть олицетвореніе всякаго зла. Подъ зломъ черемисинъ, имѣющій смутныя понятія о добрѣ и злѣ нравственномъ, разумѣетъ, главнымъ образомъ, зло физическое. Кереметь насылаетъ холода и зиму, засухи, бури, вѣтры и пр. Когда по лѣсу пронесется буря, съ трескомъ повалятся деревья, завоетъ вѣтеръ по трущобамъ,—это тѣшится Кереметь. Когда человѣкъ захвораетъ,—это „Кереметь схватилъ". Онъ сушитъ хлѣбъ на поляхъ; разгоняетъ пчелъ изъ ульевъ, не даетъ имъ меду, заставляетъ плутать по лѣсу дровосѣка и звѣролова, разгоняетъ у послѣдняго дичь, не даетъ ловить рыбу рыбаку, тащитъ его въ воду, портитъ и моритъ домашній скотъ и т. п. Вообще, Кереметь есть начало смерти и разрушенія.

Существенную сторону служенія богамъ составляютъ жертвы. Онѣ необходимы и для людей и для боговъ: и доброе божество дѣлается злымъ, если ему не приносить жертвы; за жертву, наоборотъ, и злое божество можно сдѣлать добрымъ для себя. Жертва не есть выраженіе благоговѣйнаго чувства предъ божествомъ; она приносится по чистому практическому расчету, для собственной пользы и какъ необходимая дань божеству. Божество, съ своей стороны, не можетъ обойтись безъ жертвъ. Боги имѣютъ тѣ же потребности, какъ и люди, а удовлетворить этимъ потребностяхъ на небѣ нечѣмъ. Дань, которую нужно-

сятъ небеснымъ обывателямъ земные, совершенно необходима для первыхъ. Имъ нужна пища всякаго рода: пиво, вино, одежды, скотина, лошади для ѣзды и пр. Боги грустятъ теперь и жалуются, что распространяется невѣріе въ нихъ и оскудѣли имъ жертвы. Они начали нуждаться въ самыхъ необходимыхъ предметахъ. Одинъ черемисинъ видѣлъ самъ во снѣ, какъ у одного изъ юмъ кони отъѣздили себѣ всѣ ноги по колѣни, а новыхъ коней никто не приноситъ въ жертву; между тѣмъ поѣздки у боговъ частыя и дальнія—гдѣ нужно поправить, гдѣ подсобить, гдѣ наказать кого-нибудь—и вездѣ нужны свои глаза. Когда долго не бываетъ дождя или случится что-нибудь другое въ этомъ родѣ, черемисы говорятъ, что у котораго нибудь юмы коней нѣтъ, всѣ израсходовались или ноги себѣ исшаркали до половины, что, слѣдовательно, нужно ему принести жертву изъ коней.

Жертвы бываютъ частныя и общественныя. Обыкновенныя частныя жертвы совершаются очень часто, напр. во время вкушенія пищи, предъ какимъ нибудь дѣломъ и т. п. Гдѣ бы ни находился черемисинъ, дома или внѣ дома, въ дорогѣ, передъ вкушеніемъ пищи или питья онъ скажетъ: «смля», вмѣсто: «Господи, благослови», и при этомъ, отломивъ часть пищи въ жертву какому нибудь богу, броситъ ее на землю, отольетъ также нѣсколько капель питья. Дома этотъ обрядъ совершается обыкновенно передъ отвореннымъ окномъ или дверью. Если черемисину случается проходить мимо какого нибудь священнаго мѣста, онъ считаетъ нужнымъ бросить тутъ или денегъ, или кусочекъ хлѣба, рыбы, что у него на ту пору случится.

По случаю какихъ нибудь особенныхъ домашнихъ обстоятельствъ, особенно по случаю какой нибудь бѣды, болѣзни кого нибудь изъ домашнихъ, пропажи чего нибудь, похищенія животнаго звѣремъ и т. п., частныя жертвы получаютъ болѣе торжественную обстановку. Въ этихъ случаяхъ черемисинъ считаетъ нужнымъ посовѣтываться съ ворожникомъ и во всей точности исполняетъ, что этотъ назначитъ ему сдѣлать. Иногда бываетъ нужно, чтобы самъ ворожникъ совершалъ всѣ обряды, но обычными совершителями домашняго богослуженія считаются отецъ семейства и его жена. Иногда недостаточно бываетъ ограничиться одними домашними обрядами, а нужно для жертвы сходить въ лѣсъ на одно изъ священныхъ мѣстъ. Сначала хозяинъ и хозяйка приготовляютъ матеріалы для жертвы. Первый выбираетъ для этого животное или покупаетъ его, вторая готовитъ муку и все необходимое для печенія жертвенныхъ лепешекъ и сваренія пива. Животное закалывается самимъ хозяиномъ, или же, если онъ самъ не можетъ почему нибудь сдѣлать этого,—сосѣдомъ, ближайшимъ знакомымъ, родственникомъ. Предъ закланіемъ животнаго испытываютъ, будетъ ли оно угодно божеству. Для этого его приводятъ за шею къ дереву и выливаютъ на него вдоль спины отъ головы до хвоста ковшъ холодной ключевой воды. Если животное вздрогнетъ и встряхнется, это считается знакомъ того,

что жертва угодна богу. Всѣ изъявляютъ радость и говорятъ: «прими любезно». Хозяинъ беретъ въ одну руку ножъ, въ другую топоръ и ударяетъ ими другъ о друга, чтобы слышало божество. Черемисы говорятъ, что эти звуки у нихъ все равно, какъ колокольный звонъ у русскихъ. При первомъ же звукѣ всѣ падаютъ на колѣни. Послѣ этого хозяинъ приступаетъ къ закланію животнаго. При совершеніи обряда, всѣ должны быть въ чистыхъ бѣлыхъ одеждахъ, также ни слова не говорить по русски. Русская рѣчь, какъ и всякое сквернословіе, отнимаетъ всякую силу у жертвоприношенія. .

Божествамъ даются только части жертвенныхъ матеріаловъ. Въ нарочно приготовленный *лянгусъ* (ведро или буракъ) отливаютъ часть пива, меда, вина, бросаютъ туда же кусочки лепешекъ, отщипнутые отъ каждой лепешки и все или выбрасываютъ въ чистое мѣсто или сожигаютъ въ огнѣ. Точно также отрываются частички отъ жертвеннаго животнаго. Считается необходимымъ оторвать по кусочку отъ каждой части его тѣла, отъ ногъ, головы, ушей, сердца, печени, легкихъ и пр. Все это тоже сожигаютъ. Шкуру животнаго вѣшаютъ на дерево на сучья, гдѣ она и виситъ до тѣхъ поръ, пока не свалится сама и не сгніетъ, иногда ее продаютъ или отдаютъ ворожнику, смотря потому, какъ укажетъ ворожникъ. Около стола, на которомъ совершается вся эта операція, кадятъ зажженной головней. Въ молитвахъ по случаю жертвы читаютъ „Дай намъ богатство, славу, честь, здоровье, намъ и скоту, обиліе во всемъ, веселіе и радость, чтобы намъ жить въ роскоши, играть и хохотать“. Молитвенная сторона богослуженія, требующаго своего рода поэзіи и чувства, вообще мало развита у черемисъ. Приводимъ въ обращикъ молитву кереметю, вѣрно обрисовывающую и бытъ, и понятія, и религіозныя чувствованія черемисина.

„Кто богу принесъ жертву, тому спасеніе дай. Родившимся дѣтямъ въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотахъ и въ деньгахъ счастіе дай. Чтобы пчелы въ новый годъ рои пускали, а когда рои пустятъ, то и въ меду спорынью дай. Птицъ и звѣрей ловить счастіе дай. Дай богъ счастіе взять тройную цѣпу за товаръ. Всѣ сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастіе дай. Помоги, боже, государственныя подати заплатить. Когда придетъ вешняя пора, трехъ сортовъ скотину въ три дороги выпустить помоги; отъ глубокой грязи, медвѣдей, волковъ и отъ воровъ ее помилуй. Какъ хмѣль пухлявъ и полонъ, такъ мнѣ жить ума и счастія дай. Какъ свѣча горитъ свѣтло, такъ меня жить сподоби и здравіемъ награди. Какъ воскъ ровно садится, такъ мнѣ постоянно жить счастіе даруй“.

Жертвоприношеніе оканчивается разгульнымъ пиромъ изъ оставшихся жертвенныхъ матеріаловъ. Къ этому пиршеству нерѣдко приглашаются сосѣди и знакомые. Кости и внутренности съѣденныхъ животныхъ сожигаются, пенелъ прячутъ въ чистое мѣсто.

Общественная жертва приносится въ сущности съ тѣми же обря-

дами, отличается только болѣе торжественной обстановкой и непремѣннымъ участіемъ *мужана* или ворожника. Собраніе для нея обыкновенно бываетъ въ лѣсу. Въ настоящее время въ нагорномъ краѣ уже не слышно объ этихъ собраніяхъ. Язычество лишилось своей торжественной обстановки и принуждено ограничиться частнымъ богослуженіемъ въ предѣлахъ семьи. Но и теперь еще хранится свѣжая память объ общественныхъ жертвахъ. Верстахъ въ шести отъ деревни Чермышевой есть урочище (Якнъ-ангеръ), куда, по разсказамъ черемисъ, язычники еще очень недавно собирались на общія моленія три раза въ годъ: въ апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ. Можетъ быть, и теперь изрѣдка дѣлаются эти собранія, но они содержатся въ величайшемъ секретѣ, потому что противъ нихъ вооружены крещеные и вѣрующіе черемисы и объявляютъ о нихъ начальству.

Общественное богослуженіе назначается по совѣту опытнаго мужана или нѣсколькихъ мужановъ разныхъ деревень въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ. Предметомъ его бываетъ моленіе объ урожаѣ или отвращеніи какого нибудь народнаго бѣдствія. Когда рѣшатъ, что надо совершить общее моленіе, назначаютъ для него время, мѣсто и число жертвенныхъ животныхъ. Нарочно выбранные люди, по одному изъ деревни, собираютъ съ каждаго дома муку, солодъ, все, что нужно, также деньги на покупку животныхъ по общей мірской раскладкѣ. Эти же выборные приготовляютъ пиво и лепешки. Затѣмъ въ назначенное время всѣ участники собираются въ лѣсъ деревень изъ шести, а въ прежнее время деревень изъ 15. Во время упомянутаго моленія 1862 г. участвующихъ было до 170 человѣкъ изъ 6 деревень. Наканунѣ всѣ участники должны приготовиться къ моленію, сходить непремѣнно въ баню и надѣть чистое бѣлье, новый кафтанъ, новыя онучи и лапти. Необходимою принадлежностью жертвеннаго костюма считаются еще высокія берестовыя шапки, четверти 3 вышиной, на подобіе камилавки.

Священное мѣсто, назначенное для моленія, также предварительно очищается отъ всякаго сора и нечистоты и сохраняется съ величайшимъ благоговѣніемъ. Около него не дозволяется никакая непристойность; боятся даже близко подходить къ нему. Середи поляны разстилается бѣлая кошма около квадратной сажени величиной, на которой раскладываются лепешки въ три ряда кучками, по три въ каждой. Около кошмы раскладывается костеръ, надъ которымъ вѣшаютъ котелъ для варенія жертвеннаго мяса, и становятся боченки съ пивомъ; въ старое время ихъ бывало штукъ до 20; около нихъ ковши по числу присутствующихъ. Тутъ же помѣщаются животныя, назначенныя для жертвы. Для раздробленія мяса и его потребленія ставятся еще большіе липовые столы.

Всѣ участники жертвы становятся вокругъ приготовленій лицомъ на востокъ. У каждаго изъ нихъ сумка, въ которой принесены чашка и ложка, въ рукахъ свѣча изъ воску. Свѣчи эти прилѣпляются къ

столамъ и горятъ втеченіе всѣхъ обрядовъ. Ворожникъ или мужанъ прежде всего извѣстнымъ намъ способомъ испытываетъ животныхъ, годны ли они. Затѣмъ всѣмъ присутствующимъ онъ раздаетъ имена боговъ, кому кого призывать въ молитвѣ. Всѣ начинаютъ молиться, постоянно падая на колѣни и кланяясь въ землю. По окончаніи моленія мужанъ заколаетъ животныхъ и варитъ ихъ мясо, при чемъ сопровождаетъ свои дѣйствія ударами ножа о топоръ и о жертвенный котелъ. Когда приготовленное мясо разложится на столѣ, онъ кадитъ около него зажженной головней. Наконецъ, совершается самое жертвоприношеніе богамъ, отдѣляются частицы отъ мяса и лепешекъ и совершаются возліянія въ огонь. Всѣ садятся съ молитвой потреблять остатки, снявъ предварительно обрядовыя шапки. Кости, внутренности и шкуры животныхъ сожигаются. Къ небывшимъ въ лѣсу мясо и лепешки относятся на домъ; эти яства ѣдятъ, какъ освященныя. Женщины свободно допускаются къ подобнаго рода богослуженіямъ, но въ качествѣ зрительницъ. Въ пиршествѣ онѣ участвуютъ на ряду съ мущинами.

До сихъ поръ сохранились еще священныя времена и праздники черемисскаго язычества, хотя и они теперь представляютъ собою далеко не то, чѣмъ были въ старое время. Нѣкоторые изъ нихъ перепутались съ христіанскими празднествами и потеряли свое древнее значеніе; всѣ вообще лишились своей прежней торжественности.

Священнымъ днемъ недѣли считается пятница; она проводится въ полномъ бездѣльѣ. Запрещается даже печь хлѣбъ и вообще стряпать; печку можно затоплять не ранѣе полудня. Вслѣдствіе этого уваженія къ пятницѣ праздникъ Рождества, съ котораго мы начнемъ обозрѣніе праздничныхъ обрядовъ у черемисъ, полагается начинать непремѣнно съ этого дня недѣли переднимъ или заднимъ числомъ, хотя бы пятница пришлась въ сочельникъ. Во многихъ семействахъ духовенство до сихъ поръ не можетъ вывести этого противуцерковнаго обычая. Полувѣрные черемисы еще до свѣта, чтобы никто не видалъ, отправляютъ обрядовое пиршество, передъ которымъ, вставъ у дверей, совершаютъ отдѣленіе частицъ для боговъ и возліяніе пива, и молятся объ обиліи хлѣба и скота. Время Рождества есть спеціальное время моленій и гаданій объ обиліи на слѣдующій годъ, какъ и у русскихъ. Для гаданій объ этомъ предметѣ, напр. пекутъ пироги и въ одинъ изъ нихъ кладутъ монету. Кому онъ достанется, тотъ будетъ богатъ. Употребляются втеченіе святокъ и другія гаданія, напр. въ новый годъ ходятъ въ поле слушать, приложившись ухомъ къ землѣ, — звонъ колокольчика, услышанный при этомъ, предсказываетъ солдатство, звукъ топора—смерть, и проч., какъ у русскихъ; послѣ этого ходятъ слушать подъ окнами у сосѣдей. Въ какой нибудь день святокъ еще до свѣта ходятъ на гумно и сгребаютъ тамъ въ нѣсколько кучекъ снѣгъ, въ кучки втыкаютъ пуки соломы, приговаривая, чтобы въ слѣдующемъ году столько же было на гумнѣ копенъ хлѣба, сколько кучекъ изъ

снѣга; вечеромъ смотрятъ, не занесло ли кучки снѣгомъ; если занесло— быть хорошему урожаю. Въ Крещеніе примѣчаютъ: если бываетъ облачная погода, годъ будетъ счастливъ для черемисъ, если вѣтеръ—счастливъ для русскихъ. Обыкновеніе черемисъ молиться и гадать объ обиліи и счастіи ведетъ начало изъ глубокой древности; къ этому времени пріурочивается древній и общій между всѣми черемисами праздникъ овецъ—главнаго богатства черемисъ—*шорокъ іолъ* (собственно—овечья нога). Онъ празднуется между Новымъ годомъ и Крещеніемъ и преимущественно молодыми людьми обоего пола. Для празднованія его въ Новый годъ дѣлается складчина мукой, яйцами, солодомъ и другими припасами для кушанья и пива; толпа молодежи собирается въ одну избу, назначенную для праздника, играютъ въ пузыри, скрипки, бубны, играютъ во что то въ родѣ фантовъ и пляшутъ. Около полуночи всѣ отправляются въ обходъ по деревнѣ съ криками и музыкой, начиная съ одной крайней избы и оканчивая другой крайней. Войдя въ избу, парни и дѣвушки разбрасываютъ по полу орѣхи и кричатъ хозяину, чтобы у него было столько же овецъ и ягнятъ, сколько орѣховъ. Хозяинъ прямо приглашаетъ ихъ въ хлѣвъ, они хватаютъ за заднія ноги овецъ, какія попадутся въ темнотѣ, произнося; „Юма, дай одногодовалыхъ, двухгодовалыхъ ягнятъ“. Отъ этого хватанія овецъ за ноги получилъ названіе и самый праздникъ. Дѣвушка, схвативъ овцу, смотритъ, какая попалась — старая или молодая, и при этомъ удобномъ случаѣ гадаетъ, старый или молодой женихъ будетъ у нея. Изъ хлѣва опять идутъ въ избу, гдѣ ихъ ожидаетъ угощеніе, музыка и пляска.

Послѣ святочныхъ праздниковъ черемисы очень разгульно празднуютъ время масленицы. Въ это время въ разныхъ селахъ бываютъ народныя гулянья, продолжающіяся и въ первую недѣлю великаго поста. Постовъ черемисы не имѣютъ. Въ молитвахъ своихъ они просятъ во время этихъ праздниковъ, чтобы богъ далъ черемисамъ ленъ и конопель долгій, а русскимъ покороче.

Въ Лазарево воскресенье, среду и четвергъ на страстной недѣлѣ черемисы ничего не работаютъ изъ опасенія, что за работу пошлется наказаніе, поднимется вѣтеръ, будетъ рвать деревья и крыши съ домовъ: скотину не кормятъ, чтобы она была тиха и сохранна отъ звѣрей.

Въ древнее время у черемисъ были торжественные лѣтніе праздники земледѣльческаго характера; луговые черемисы еще сохранили ихъ въ довольно подробномъ видѣ, у горныхъ черемисъ они уже успѣли забыться. Такъ, за Волгой еще празднуется торжественный *ага-паремъ* (праздникъ пашни) передъ посѣвомъ хлѣбовъ весной, когда все деревенское населеніе выходитъ на яровое поле, обставляетъ его восковыми свѣчами, раскладываетъ но нему блины, яичницу, разводитъ костры и проситъ у Юмы хорошаго урожая.

Въ большей цѣлости сохранился осенній праздникъ — *праздникъ*

новаго хлѣба. Онъ празднуется по окончаніи молотьбы, около 8-го ноября. Къ празднику всѣ моются въ банѣ, одѣваются въ чистую одежду и приготовляютъ изъ новаго жита хлѣбъ, кашу, кисель и пиво. Моленіе совершается семейнымъ образомъ; всѣ припасы изъ новаго хлѣба ставятся на столъ, прилѣпляются къ нимъ свѣчи въ честь Юмы, и всѣ присутствующіе молятся и благодарятъ боговъ за урожай. Потомъ совершаются обычныя отдѣленія отъ хлѣба, киселя, каши, и возліянія пива въ огонь, разведенный въ горнушкѣ у печи. Вечеромъ молодежь ходитъ изъ дома въ домъ съ пѣніемъ и плясками; хозяева угощаютъ ее виномъ, пивомъ и новымъ хлѣбомъ съ солью. День оканчивается общей попойкой. Весь праздникъ продолжается трое сутокъ.

Большая часть обрядовъ, составляющихъ религіозную обстановку брака, совершается родителями жениха и невѣсты, свадебной головой и дружками. Собственно религіозные обряды немногосложны: они состоятъ въ обычномъ жертвоприношеніи богамъ изъ брачныхъ кушаній; главными обрядовыми припасами являются пиво, молочная яичница и жареная курица. Частички, отдѣляемыя въ честь боговъ, во время свадьбы бросаютъ три раза вверхъ къ потолку по три раза или, если моленіе совершается на дворѣ, на крышу клѣти. Въ молитвахъ просятъ Юму: „Юма, сохрани и благополучіе подай, дай избытокъ и богатство; дай семь сыновей и семь дочерей; сколько въ полотенцѣ нитокъ, сколько въ лѣсу листьевъ, столько лѣтъ дай жить, играть и смѣяться“. Необходимымъ украшеніемъ свадебнаго пира, который совершается на дворѣ, служитъ священная кудрявая березка, подъ которую сажаются молодые. Отпуская послѣ свадьбы свою дочь изъ дому, отецъ ея даетъ ей благословеніе, представительницей котораго служитъ трость, именуемая поэтому хранителемъ. Въ домѣ жениха молодымъ подаютъ одну лепешку, отъ которой они оба отвѣдываютъ въ знакъ своего союза. Остатокъ этой лепешки и трость навсегда уносятся въ шалашъ на дворѣ, гдѣ и хранятся за особой перегородкой; палка втыкается тамъ въ землю. Это *шалашевой кереметъ.* Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы молодая приноситъ въ домѣ отца жертву родительскимъ богамъ, обыкновенно двухъ барановъ, двухъ утокъ и нѣсколько пряниковъ съ изображеніемъ коровъ, быковъ, лошадей, зайцевъ, утокъ.

О будущей жизни черемисское язычество представляетъ очень скудныя свѣдѣнія. Эта жизнь представляется въ формѣ настоящей. У покойниковъ остаются тѣ же потребности, какія они имѣли при жизни. Отъ этого покойника рядятъ въ полный черемисскій костюмъ, надѣваютъ ему даже рукавицы на руки, въ карманъ ему засовываютъ кошелекъ съ деньгами, чтобы, какъ говорятъ, „откупить кровь отъ смерти“, въ пазуху кладутъ нѣсколько сдобныхъ лепешекъ (смертныя лепешки), по бокамъ у него помѣщаютъ склянку съ виномъ, пиво и разныя вещи домашняго обихода, кнутъ, нѣсколько аршинъ холста на рубаху, заплетенный лапоть съ лыками и кочедыкомъ и пр.

для того, чтобъ умершій, явясь на тотъ свѣтъ, могъ представить тамъ доказательства, что онъ былъ хорошій, трудолюбивый человѣкъ и чтобы онъ тамъ не нуждался ни въ чемъ и не приходилъ за чѣмъ нибудь опять на землю. Ту же мысль выражаютъ покормы, даваемые мертвецамъ во время поминокъ.

Тотчасъ послѣ смерти покойникъ долженъ явиться къ адскому судьѣ и дать отчетъ въ своей жизни. Судья заставляетъ покойниковъ переходить по тонкой жердочкѣ черезъ котелъ съ кипящей смолой; дурной человѣкъ непремѣнно свалится въ котелъ и будетъ мучиться въ смолѣ. Несмотря на это вѣрованіе, необходимо предполагающее различіе въ загробной жизни хорошихъ и дурныхъ людей, черемисы считаютъ нечистыми всѣхъ безъ исключенія покойниковъ и очень боятся ихъ.

Страхъ передъ покойниками выражается во всѣхъ похоронныхъ обрядахъ, поэтому черемисинъ, если у него кто нибудь умретъ, старается хоронить покойника тотчасъ же; принужденный держать покойника три дня послѣ смерти, онъ его постарается упрятать куда нибудь подальше, напр. въ пустой сарай, куда потомъ не заглядываетъ до того времени, пока не сволочетъ трупа на погостъ. Мертвое тѣло никто не станетъ обмывать, потому что на такого человѣка всѣ стали бы смотрѣть, какъ на послѣдняго поганца, для этой операціи приглашаютъ кого нибудь изъ русскихъ или татаръ, и совершается оно не въ избѣ, а гдѣ нибудь подальше, напр. на гумнѣ. Войлокъ, подушка, одежда, всѣ вещи, которыми пользовался умершій во время болѣзни, продаются за безцѣнокъ или отдаются русскимъ нищимъ, а то просто выбрасываются. Послѣ погребенія бросаютъ на могилѣ даже тѣ орудія, которыми она выкопана. Посѣщать покойника и провожать его въ церковь и на кладбище не принято. Замѣчательно, что даже рѣдко плачутъ о покойникахъ. Когда тѣло умершаго вынесутъ изъ дома, хозяйка дома кидаетъ ему вслѣдъ раскаленный камень, чтобы избавиться отъ посѣщеній мертвеца. Затѣмъ все въ домѣ чистятъ и моютъ и сами обмываются въ банѣ.

4. Чуваши.

Одно изъ разнородныхъ племенъ, населяющихъ Казанскую губернію, заслуживающее наиболѣе вниманія, это, безспорно, чуваши. Происхожденіе этого народа до настоящаго времени вели отъ финскаго племени; новѣйшія изслѣдованія возбудили противорѣчія и относятъ чувашъ къ Тюрко-Монгольскому племени. Чуваши большею частію одарены пріятнымъ очертаніемъ лица: въ темныхъ продолговатыхъ глазахъ проглядываетъ смѣтливость, въ нѣсколько угловатыхъ чертахъ выражается добродушіе; цвѣтъ кожи довольно смуглый, волосы чаще темнорусые, но бываютъ и бѣлокурые, большею частью у женщинъ, между

которыми есть очень красивыя. Пріемы ихъ мягки и довольно медленны; языкъ бѣдный, но не лишенный пріятности для слуха.

Одежду чувашъ составляетъ бѣлая, довольно длинная рубаха сверхъ шароваръ, отороченная на рукавахъ и внизу красивыми вышивками; верхняя одежда: кафтанъ сѣрый или бѣлый на подобіе русскаго, опоясанный цвѣтнымъ поясомъ; на головѣ круглая шляпа или шапка. Женская одежда: бѣлая или красная рубашка съ закрытой шеей и длинными узкими рукавами, украшенная на груди, рукавахъ и внизу затѣйливыми разноцвѣтными вышивками; передникъ, такъ же обшитый вышивками, кружевомъ, или цвѣтной бахромой и нашивками; вмѣсто пояса низко опоясано узкое полотенце, тоже вышитое, или отороченo съ распущенными сзади концами. На головѣ у опаскъ (замужнихъ женщинъ) круглый уборъ (хошна) на подобіе кострюли безъ верху, унизанный монетами или за недостаткомъ ихъ тухланками, т. е. серебряными и мѣдными блестящими кружками на подобіе монетъ, величиною въ гривенникъ и болѣе; сверху надѣвается довольно неграціозно полотенце (сарпанъ), съ головы плотно охватывающее шею и приколотое сзади съ опущенными разноцвѣтными коймами. На хошнѣ сосредоточивается большая часть богатства опаскъ, иногда на этомъ уборѣ нашито денегъ до 100 р. и болѣе. Нарядъ этотъ тяжелъ и неудобенъ. У хирокъ (дѣвушекъ) тотъ же костюмъ, только на головѣ вмѣсто хошны остроконечная шапочка, вышитая изъ разноцвѣтнаго крупнаго бисера, оканчивающаяся постепенно съуживающимся шпилемъ съ блестящею на верху пулькой.

На шеѣ множество ожерелій изъ бусъ, монетъ, туланокъ и раковинъ; въ ушахъ (большею частью на ушахъ непродѣтыхъ) блестящія серьги, на рукахъ браслеты, на пальцахъ кольца. Чувашки вообще любятъ наряжаться, и стараются украшать себя всевозможными побрякушками; монеты тщательно собираются ими, и переходятъ изъ рода въ родъ.

Чуваши селятся не такъ, какъ наши крестьяне: ихъ избы не стоятъ въ рядъ и не примыкаютъ одна къ другой, но разбросаны по произволу въ разныхъ направленіяхъ, раздѣляясь множествомъ переулковъ и разнаго рода неправильныхъ пристроекъ; избы почти вездѣ курныя, что развиваетъ между чувашами частыя глазныя болѣзни.

Передъ каждымъ домомъ—пристройка въ родѣ террасы или балкона, на которой они обыкновенно ночуютъ въ лѣтнее время. Около избы разсажены ветлы для тѣни, а больше, кажется, для предохраненія отъ пожара; внутренность жилья всегда опрятна. Передъ каждымъ почти домомъ разведенъ хмѣльникъ; чуваши почти не пьютъ водки, но постоянно употребляютъ пиво, которое составляетъ непремѣнную принадлежность хозяйства. Починая бочку пива, глава семейства затеплитъ свѣчку, помолится Богу и приступаетъ къ напитку съ нѣкоторымъ семейнымъ церемоніаломъ. Скотъ, по ихъ понятію, высшее бка-

гословленіе Божіе, и держать его по возможности въ большомъ количествѣ. Одно изъ любимыхъ ихъ животныхъ — козы, которыхъ всегда много въ ихъ стадахъ.

На поляхъ своихъ чуваши засѣваютъ рожь, овесъ, ячмень, полбу, просо; яровой хлѣбъ и лепешки составляютъ ихъ любимую пищу.

Для русскихъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, чуваши самые добрые, милые и покойные сосѣди. Оставляйте смѣло ваши жилища настежь, чувашинъ не воспользуется вашей простотой; пустите его въ лѣсъ за дровами или инымъ продуктомъ, онъ не возьметъ древеснаго листа сверхъ уговореннаго; поручите ему вашъ скотъ, вашъ лѣсъ, вашу мельницу, все то, гдѣ нуженъ строгій надзоръ хозяина, у чего можетъ погрѣть руки наемный человѣкъ, — чувашинъ всегда и вездѣ оправдаетъ ваше довѣріе, не украдетъ, не обманетъ, и будетъ добросовѣстно заботиться о соблюденіи вашего интереса, насколько достанетъ его силъ.

Въ нерѣдкихъ случаяхъ воровства, порубки лѣса, конокрадства, довольно развитаго въ этомъ краѣ — изъ ста одинъ случай, что-бы виновнымъ оказался чувашинъ. Мало того что въ этомъ народѣ воровство рѣдкость, исключеніе, его честность доходитъ иногда до щепетильности; случится вамъ при какомъ либо расчетѣ ошибиться въ его пользу на нѣсколько грошей, онъ самъ обличитъ вашу ошибку; оброните на дорогѣ какую нибудь вещь, — онъ будетъ бѣжать за вами до тѣхъ поръ, пока не догонитъ васъ и не вручитъ потерянный предметъ. То же самое сдѣлаетъ, если нужно отворить вамъ околицу, или оказать другую какую услугу.

Попробуйте остановиться у избы чуваша и попросить у него ковшъ воды, онъ непремѣнно предложитъ вамъ нива, хлѣба, яицъ, всего что только найдетъ въ его хозяйствѣ.

Нравственность чувашей замѣчательно чиста: семейныя отношенія хранятся свято, безнравственный поступокъ не нашелъ бы вѣры между ними.

Чуваши почти всѣ крещены; но по справедливости можно ли назвать ихъ христіанами? Они ходятъ въ церковь, исполняютъ всѣ обряды, соблюдаютъ посты, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ понятіи о высшемъ существѣ почти рядомъ стоитъ олицетвореніе другаго миѳическаго божества, противуположнаго первому; это кереметь, о которомъ они отзываются таинственно, котораго боятся какъ высшаго дѣятеля зла, стараются обезоружить жертвами; исповѣданіе христіанской вѣры и вмѣстѣ съ нимъ уцѣлѣвшіе остатки языческихъ вѣрованій, глубокой древности!

Общимъ именемъ Кереметь называется и самое божество и алтарь его служенія.

Кереметь въ смыслѣ божества есть преимущественно владыка лѣсовъ, которые наполняетъ своимъ страшнымъ могуществомъ, но иногда

живетъ въ оврагахъ. Въ каждой почти деревнѣ есть пастухъ Кереметя, обязанный находиться при его служеніи.

Кереметь есть старое развѣсистое дерево, дубъ, имѣющій повидимому одинаковое значеніе съ священными дубравами древнихъ Германцевъ.

Общее названіе божества и мѣста его поклоненія и такое смѣшеніе духовнаго съ матеріальнымъ — объясняется самимъ преданіемъ о происхожденіи Кереметя, выросшаго будто-бы въ видѣ многочисленныхъ деревъ изъ праха сына Божія, убитаго при началѣ мірозданія злымъ духомъ. Подъ такимъ то избраннымъ деревомъ, по указанію йомзы (колдуна или знахаря, йомзи бываютъ и женщины), совершаются жертвоприношенія чувашъ въ довольно безобидномъ, впрочемъ, видѣ. Они приносятъ живаго жеребенка условнаго цвѣта и вида, теленка, гуся или другое животное и оставляютъ его подъ деревомъ. Смыслъ этой жертвы тотъ, что безъизвѣстность судьбы покинутаго такимъ образомъ животнаго смягчитъ, умилостивитъ гнѣвъ злаго бога.

Бываютъ случаи, въ которыхъ животное закалывается и съѣдается, причемъ откладываютъ долю Кереметю.

Въ послѣднее время частые падежи, неурожаи и другія невзгоды навели нѣкоторыхъ чувашъ на счастливую мысль; они придумали дѣлать пряничныхъ коньковъ, пѣтуховъ и другихъ животныхъ, и вмѣсто живыхъ жертвъ приносятъ Кереметю ихъ изображенія въ этомъ видѣ; впрочемъ, на такое вольнодумство не многіе рѣшаются, всячески считая его отступленіемъ.

Иногда приносятъ Кереметю и деньги по указанію того же йомзы и закапываютъ подъ дерево, но эти приношенія они стараются зарывать тайно. Есть мѣста, гдѣ зарыты большія суммы денегъ; но гдѣ именно онѣ хранятся, довольно трудно доискаться.

Всѣ жертвоприношенія чувашъ дѣлаются большею частью въ случаяхъ болѣзни. Заболѣваетъ кто-нибудь въ домѣ, чувашинъ спѣшитъ къ йомзѣ; жертва приносится, больному пользы не оказывается; идетъ Чувашинъ къ священнику; пробуетъ медицинскія пособія какія случается, прибѣгаетъ къ молитвѣ, и если больному все нѣтъ исцѣленія, опять обращается къ йомзѣ, назначающему жертвы постепенно все болѣе и болѣе чувствительныя. Иногда тѣ же йомзи предписываютъ поставить свѣчу какому-либо святому, отслужить молебенъ; вообще йомзи, въ особенности женщины, стараются не идти очевидно въ разрѣзъ съ христіанскими обрядами и тѣмъ еще болѣе поддерживаютъ двойственность вѣры въ этомъ народѣ. Христіанскія понятія чувашъ сходятся нѣсколько съ взглядомъ на жизнь и патріархальный бытъ ихъ праотцевъ ветхаго завѣта. Бога (Торра) они представляютъ въ видѣ пастуха несмѣтнаго, необыкновеннаго достоинства стада; по ихъ убѣжденію, тому, чья жизнь праведнѣе на землѣ, предоставится въ будущей счастье пасти большую часть этого стада и владѣть имъ.

Икона въ ихъ глазахъ есть скорѣе олицетвореніе божества, чѣмъ его эмблема или изображеніе. У чувашъ икона едва ли не самая святыня. Одинъ сельскій священникъ, узнавъ, что чувашинъ не соблюдаетъ постовъ, сдѣлалъ ему выговоръ. Чрезъ нѣсколько времени, войдя въ избу этого человѣка, онъ былъ удивленъ, увидѣвъ, что образъ, висѣвшій въ углу, былъ обращенъ лицомъ къ стѣнѣ, и когда спросилъ о томъ хозяина, тотъ послѣ нѣкоторыхъ уловокъ сознался, что заподозрилъ Николу въ томъ, что это онъ передалъ батькѣ о его невоздержаніи, потому что другихъ свидѣтелей не было, а во избѣжаніе новыхъ доносовъ повернулъ его глазами къ стѣнѣ. Некрещеныхъ чувашъ немного; эти исповѣдуютъ многобожіе съ разными подраздѣленіями, и окружаютъ свои священные обряды такой тайной, что не только трудно, было бы не безопасно проникнуть въ сокровенныя убѣжища, гдѣ они совершаютъ свои служенія.

Двойная вѣра крещеныхъ чувашъ проглядываетъ во всѣхъ ихъ обрядахъ и обычаяхъ. Въ воскресенье они идутъ въ церковь, а пятницу посвящаютъ Керемети условному празднованію; въ этотъ день они не жнутъ, не косятъ на своихъ поляхъ, хотя позволяютъ себѣ работать наймомъ на чужихъ; не затопляютъ печи; женщины не моютъ бѣлья.

Языческія преданія и обстановка повторяются у чувашъ во всѣхъ случаяхъ: такъ при погребеніи, они кладутъ въ могилу покойнаго лычки, казадыкъ, кусокъ хлѣба, кружку пива, табаку и другіе предметы, могущіе, по ихъ мнѣнію, пригодиться умершему па томъ свѣтѣ. Такой обычай, кромѣ вниманія и заботливости объ усопшемъ, объясняется еще ихъ боязнью мертвыхъ, и слѣдуя внушеніямъ своей безобидной природы, они спѣшатъ задобрить покойника, предупредивъ всѣ его потребности, приговаривая: „теперь у тебя все есть, лежи смирно и насъ не тронь“. Отчужденіе ихъ отъ умершихъ такъ велико, что едва успѣетъ человѣкъ испустить духъ, они спѣшатъ отвезти его на кладбище и, въ случаѣ несогласія священника, скорѣе оставятъ умершаго въ церкви, даже на улицѣ, чѣмъ у себя въ домѣ.

Отдавъ послѣдній долгъ усопшему собрату по христіанскому закону, спѣшатъ къ Кереметю, и тамъ совершается тризна; при этомъ торжествѣ принимаютъ непремѣнное участіе собаки, которыхъ чуваши держатъ въ большомъ количествѣ, называютъ своими друзьями и стараются доставить этимъ животнымъ по возможности хорошее житье. И на поминкахъ люди и собаки усаживаются въ кружокъ, и вмѣстѣ совершаютъ заупокойную трапезу, состоящую изъ ячменныхъ лепешекъ, сыру, баранины и конины, ихъ любимаго кушанья.

Свадьбы чувашъ носятъ вѣрный отпечатокъ, какъ ихъ быта, такъ и взгляда на семейную жизнь. Недавно еще у нихъ велось обыкновеніе увозить невѣсту съ поля прямо въ церковь, гдѣ совершался обрядъ вѣнчанья. Такъ общепринято было у нихъ это дѣло, что родители

пропавшей дѣвушки не мало не тревожились ея внезапнымъ исчезновеніемъ, говоря хладнокровно, что видно ей женихъ нашелся. Такъ какъ священники часто отказывались вѣнчать такія четы, стараясь искоренить этотъ обычай, то многіе стали замѣнять его другимъ, болѣе обезпечивающимъ; увезши дѣвушку, молодой человѣкъ привозилъ ее въ свой домъ и, продержавъ ее у себя нѣсколько дней, являлся вмѣстѣ съ ней къ священнику, который уже обязанъ былъ вѣнчать.

Не было примѣровъ, чтобы подобныя похищенія не кончались свадьбой. Намѣреваясь жениться, чувашинъ долго высматриваетъ задуманную невѣсту, чему способствуютъ вечеринки, не рѣдкія въ чувашскомъ быту.

Первый приступъ къ помолвкѣ полагаетъ йомза, возлагая руки на голову невѣсты и призывая на нее благословленіе свыше. Затѣмъ начинаются приготовленія къ свадьбѣ; родственницы и подруги невѣсты принимаются снаряжать ее шитьемъ приданаго. Наконецъ, за нѣсколько дней до свадьбы наступаютъ празднованія, состоящія изъ питья пива, поѣздокъ къ роднымъ и катанья по окрестнымъ деревнямъ. Эти катанья дѣлаются обыкновенно въ плетеныхъ повозкахъ, крытыхъ сверху бѣлымъ холстомъ на подобіе нашей коляски; лошади разукрашены разными побрякушками, женихъ и дружки увѣшаны лентами, женщины разодѣты въ свои лучшіе наряды. Для большаго парада, въ каждой плетенкѣ одна изъ женщинъ ѣдетъ стоя, иногда она же правитъ лошадьми; монеты на ея головѣ блестятъ какъ золото; грудь, руки унизаны тоже монетами и ожерельями; издалека раздаются звонкіе колокольчики, поѣздъ чувашской свадьбы слышенъ за полверсты.

Обвѣнчавшись, молодая не ѣдетъ къ своему мужу, а возвращается къ родителямъ, гдѣ остается нѣсколько дней до тѣхъ поръ, пока молодой не пріѣдетъ ее похитить.

Въ иныхъ мѣстностяхъ мужъ пріѣзжаетъ за своей новобрачной открыто, офиціально, въ сопровожденіи многочисленныхъ гостей, въ домъ тестя также наѣзжаютъ гости иногда изъ нѣсколькихъ деревень, и съ музыкой, пѣснями и ликованьями молодую увозятъ изъ родительскаго дома.

Большею же частью похищеніе молодой жены происходитъ ночью, часто условившись заранѣе о днѣ и часѣ, хотя всѣ домашніе дѣлаютъ видъ, будто ничего о томъ не знаютъ. По своей деревнѣ они ѣдутъ тихо, осторожно, какъ бы опасаясь, чтобы кто не отнялъ дорогой добычи, хотя въ сущности знаютъ, что ни у кого изъ близкихъ и тѣни нѣтъ такого покушенія; по выѣздѣ же изъ своего селенія начинаются громкія пѣсни, музыка на пузырѣ, инструментъ въ родѣ гудка; молодая на лошади, обыкновенно данной ей отцомъ въ приданое, покрытая съ ногъ до головы бѣлымъ покрываломъ; за ней молодой и его свита, пріятели; звонкія пѣсни, дикіе возгласы, звуки пузыря, все это вмѣстѣ невольно приковываетъ вниманіе, поражая оригинальностью зрѣлища.

Похищеніе невѣсты или жены явно выражаетъ свободу выбора. Во всѣхъ русскихъ деревенскихъ семействахъ невѣстка — существо вполнѣ страдательное, общая прислуга, работница на весь домъ; всѣ тяжести труда падаютъ на невѣстку, часто всѣ домашнія невзгоды вымещаются на ней же. Въ чувашскомъ быту совсѣмъ наоборотъ: молодую хозяйку принимаютъ привѣтливо, въ ней видятъ помощницу, надежду семейства, большею частью ей предоставляется управленіе домашняго хозяйства. Женщина вообще высоко стоитъ въ быту Чувашей, жена въ полномъ смыслѣ чтится какъ подруга жизни, какъ мать; послѣднее подтверждается даже обычаемъ называть жену по имени только до рожденія перваго ребенка, послѣ чего мужъ называетъ ее матка. Женщины участвуютъ во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ, раздѣляютъ всѣ работы мужчинъ, жнутъ, косятъ, занимаются домашнимъ хозяйствомъ. Въ степныхъ мѣстахъ женщины вмѣстѣ съ мужчинами ѣздятъ въ лѣсъ, за 50 верстъ и болѣе. Чувашки имѣютъ обыкновеніе брать съ собой дѣтей въ поле, что конечно отчасти замедляетъ ихъ работы; зато малютки во-время и надлежащимъ образомъ накормлены, и не подвергаются ежедневно опасности быть изуродованными на рукахъ четырехлѣтней няньки. У чувашъ, не смотря на ихъ неразвитое состояніе, есть своего рода знанія и искусства, пріобрѣтенныя опытомъ и поддерживаемыя врожденнымъ любопытствомъ этого народа. Вообще чувашинъ интересуется все знать, все видѣть; ни одинъ незнакомый предметъ не ускользнетъ отъ его вниманія. Такая любознательность не можетъ остаться безъ вознагражденія и не принести плодовъ, хотя медленныхъ, но полезныхъ.

Чуваши съ успѣхомъ занимаются пчеловодствомъ, нѣкоторые изъ нихъ держатъ много ульевъ; въ одномъ селеніи есть старикъ, у котораго до 1,000 пеньковъ.

Чувашскіе холсты отличаются бѣлизной и ровной выдѣлкой. Хорошее, тонкое полотно—предметъ восторженнаго вниманія чувашекъ; лоскутокъ голландскаго полотна вызываетъ ихъ восторженныя восклицанія и восхищеніе, какъ случается иногда съ образованнымъ человѣкомъ при видѣ художественной картины.

Вышивки чувашскихъ женщинъ по простому холсту, безъ руководства узоровъ, дѣйствительно заслуживаютъ вниманія: онѣ шьютъ съ изнанки довольно мелкимъ продолговатымъ швомъ, шолкомъ грубыхъ цвѣтовъ и выдѣлки, сученымъ вмѣстѣ съ бумагой, — и изъ этого матеріала выводятъ правильными затѣйливыми фигурами пестрые борты, входящіе непремѣнно въ составъ ихъ туалета, такъ гладко и ровно, что съ перваго взгляда ихъ можно принять за тканые. Бисерныя шапочки хирокъ представляютъ образцы отчетливой, искусственной работы.

Чуваши знаютъ употребленіе многихъ цѣлительныхъ травъ и кореньевъ, удачно вылѣчиваютъ отъ укушенія бѣшеной собаки или змѣи, даже отъ нѣкоторыхъ болѣзней.

Чуваши по нѣкоторымъ соображеніямъ предугадываютъ довольно

вѣрно перемѣну погоды, качество предстоящаго урожая, среднюю температуру года — и въ этомъ пользуются довѣріемъ русскихъ земледѣльцевъ.

Трудно опредѣлить, на чемъ именно чуваши основываютъ свои предсказанія; по видимому на многихъ данныхъ: зарожденье молодаго мѣсяца, сіянье звѣздъ, полетъ грозы, слѣдъ зайца по свѣжему снѣгу, все имѣетъ въ ихъ глазахъ смыслъ, изъ котораго они выводятъ свои заключенія.

Чуваши—хорошіе земледѣльцы. Особенно замѣчательна ихъ жатва, до того тщательная, что съ перваго взгляда на сжатое поле кажется, будто на немъ не осталось ни одного колоса; но при этомъ ихъ работы медленны сравнительно съ русскими.

Суевѣрія и народныя преданія чувашъ облечены въ фанатическую форму: такъ напримѣръ, они убѣждены, что по временамъ происходитъ ночная пляска лѣсовъ, гдѣ каждое дерево отрѣшается отъ корня и пускается въ общій шумный пиръ, по окончаніи котораго все опять устанавливается по мѣстамъ и приходитъ въ обыкновенный порядокъ. Самымъ простымъ случаямъ, самымъ обыкновеннымъ дѣйствіямъ они придаютъ колоритъ волшебной сказки.

Мельница въ ихъ глазахъ имѣетъ таинственный смыслъ, и хотя нерѣдко мельникъ чувашинъ живетъ на мельницѣ одинъ-одинехонекъ, тѣмъ не менѣе мысленно населяетъ ее разными фантастическими существами, произведеніями его собственнаго игриваго воображенія.

При появленіи повальной болѣзни или скотскаго падежа, олицетворяя нѣкоторымъ образомъ понятіе боли, они приписываютъ ее недоброму человѣку—и окапываютъ свое селеніе небольшой канавой, или проводятъ сохой борозду. Если незнакомый человѣкъ забредетъ случайно въ эту завѣтную черту, его принимаютъ за недоброжелателя, нападаютъ на него и безпощадно прогоняютъ бичами.

Еще доказательство олицетворенія идеи болѣзни у чувашъ: когда въ домѣ опасно больной или умершій, они имѣютъ обыкновеніе уносить изъ дому въ лѣсъ и развѣшивать на деревѣ одежду больнаго или покойнаго, въ томъ убѣжденіи что болѣзнь уйдетъ отъ нихъ съ этими вещами.

Между чувашъ существуетъ печальная особенность, несовмѣстная съ ихъ добрыми качествами: это наклонность къ самоубійству. За потерянный рубль, за простую ссору, чувашъ легкомысленно лишаетъ себя жизни; за нанесенную обиду чувашъ грозится, что сдѣлаетъ обидчику лиху бѣду, то есть прокрадется въ его жилище и тамъ его найдутъ повѣсившимся или удавившимся, и дѣйствительно дастъ такой зарокъ. При кроткой, нравственной природѣ чувашина, нѣтъ сомнѣнія, что эта ужасная черта исчезнетъ при дальнѣйшемъ развитіи этого народа.

Въ послѣднее время нѣкоторые изъ сельскихъ священниковъ занялись изученіемъ чувашскаго языка, переведены многія молитвы, часть

литургіи, которая и совершается иногда на этомъ языкѣ. Надо видѣть, съ какимъ рвеніемъ чуваши бѣгутъ въ церковь, прислушиваются къ каждому слову, сдѣлавшемуся понятнымъ для каждаго изъ нихъ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ есть школы, изъ ихъ же дѣтей сформированы домашнимъ образомъ пѣвчіе; бываютъ порядочные голоса; пѣніе если не совсѣмъ стройное, то по крайней мѣрѣ и не вовсе въ разладъ, въ нѣкоторыхъ церквахъ очень порядочное. Въ одномъ изъ здѣшнихъ селъ школу учредила у себя, частнымъ образомъ и конечно не въ широкомъ размѣрѣ, сестра священника, дѣвушка умная и дѣльная. Частью пользуясь совѣтами брата, частью собственными стараніями, она занимается съ дѣтьми видимо полезнымъ образомъ, и трудъ ея увѣнчивается успѣхомъ.

Пытливая природа чувашина влечетъ его ко всему новому, незнакомому; не понимая вполнѣ пользы ученья, онъ видитъ въ немъ удовлетвореніе своему любопытству и желанье узнать то, что ему неизвѣстно, развиваетъ въ немъ охоту къ грамотности; по этой же причинѣ и успѣхи ихъ быстрѣе. Дѣвочки, находящіяся въ помянутой школѣ, кромѣ грамоты, занимаются шитьемъ, вышиваньемъ, вязаньемъ.

Того замѣчательнѣе, что лѣсные и степные Чуваши гордятся, щеголяютъ грамотностью своихъ дѣтей.

Были попытки отъ земства завести нѣсколько школъ, но большая часть ихъ не состоялась по причинѣ недостаточнаго числа учащихся; русскіе не воспользовались ими по принципу, — чуваши, увлеченные примѣромъ и вліяніемъ русскихъ, которыхъ (сравнительно съ собой) по врожденной скромности считаютъ передовыми.

Всѣхъ чувашей считается до 430,000, они живутъ въ губерніяхъ: Казанской, Симбирской и Нижегородской.

Племенное распредѣленіе населенія Казанской губ. по уѣздамъ.

(за 1874 годъ).

УѢЗДЫ:	Русскіе.		Татары.		Чуваши.		Черемисы.		Вотяки.		Мордва.		Цыгане.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Казанскій . .	31396	35774	48984	50181	—	—	1826	2094	450	471	—	—	—	—
Свіяжскій . .	29525	33321	13523	13486	563	572	—	—	—	—	—	—	—	—
Чебоксарскій.	4572	5037	1206	1145	28150	29558	5077	5372	—	—	—	—	—	—
Цивильскій. .	4288	4486	4618	4715	44990	48016	—	—	—	—	—	—	—	—
Ядринскій . .	2349	2552	—	—	48882	51280	—	—	—	—	—	—	—	—
Козьмодемьян.	3017	3846	6	4	17787	19178	14569	15449	—	—	—	—	—	—
Царевококш.	8451	9282	10550	10335	—	—	21472	22750	—	—	—	—	—	—
Мамадышскій.	18591	20460	47879	50005	—	—	1593	1625	3246	3520	—	—	36	34
Чистопольскій.	45662	48941	33300	33287	15302	15532	—	—	—	—	3117	3063	24	30
Лаишевскій. .	39265	41896	25240	25888	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Спасскій . . .	54387	37672	19910	20245	4795	4837	390	345	—	—	2241	2290	—	—
Тетюшскій . .	20292	22316	33547	33863	10649	10761	—	—	—	—	2175	2430	9	13
Итого. .	241795	265583	238763	243354	171118	179734	44927	47635	3696	3991	7533	7783	69	77

5. Астраханскіе калмыки.

Изъ кочевыхъ народовъ, обитающихъ въ предѣлахъ Астраханской губерніи, калмыки составляютъ значительную часть всего населенія губерніи, сохраняя до нѣкоторой степени свой кочевой и патріархальный родовой бытъ, свойственный монголамъ, съ которыми они имѣютъ одно общее происхожденіе.

Основаніемъ общественному устройству калмыковъ въ настоящее время служитъ *хотонъ*, то есть группа близкородственныхъ семей, нераздѣльно кочующихъ на данной мѣстности. Хотоны, родственные между собою, хотя и въ дальней степени, составляютъ аймаки, нѣсколько аймковъ—*роды* (анги), наконецъ союзъ нѣсколькихъ родовъ и аймаковъ составляетъ *улусъ*. Въ административномъ отношеніи калмыки раздѣлены на семь улусовъ. Калмыки Астраханской губерніи подчинены вѣдѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ. Главное мѣстное управленіе находится въ городѣ Астрахани, при губернскомъ управленіи Государственными Имуществами. Управляющему этими имуществами присвоено званіе *Главнаго Попечителя калмыцкаго народа*.

По сословіямъ, калмыцкій народъ раздѣляется на *нойоновъ* (бѣлая кость), или владѣльцевъ, *зайсанговъ*, духовенство и простолюдиновъ. Нойонамъ присвоены по русскимъ законамъ права дворянъ. Простолюдины (черная кость) почти не имѣютъ никакихъ личныхъ правъ, составляя податное сословіе. Каста калмыцкаго духовенства безбрачна. Зайсангяи пользуются правами почетныхъ гражданъ.

Калмыки вообще народъ довольно рослый; черты смуглаго лица ихъ напоминаютъ монгольскій типъ: густые, жесткіе, черные волосы, узкіе глаза, большія скулы, плоскій носъ и прекрасные, бѣлые зубы.

Калмыки, какъ потомки монголовъ, сохранили донынѣ языкъ и письмена монгольскія, измѣнивши только нарѣчіе, вслѣдствіе смѣшенія съ другими племенами. Единственнымъ богатствомъ калмыковъ служитъ скотоводство. Хозяйство это какъ велось 200 лѣтъ тому назадъ, такъ ведется и въ настоящее время: ни по улучшенію, ни по сбереженію своихъ стадъ, калмыки до сихъ поръ не сдѣлали ни одного шага впередъ; какъ прежде, такъ и теперь ежегодно по нѣсколько тысячъ головъ скота гибнутъ отъ болѣзней, безкормицы, зимнихъ бурановъ и проч. Калмыцкій народъ, по приносимой имъ народному хозяйству пользѣ, заслуживаетъ вниманіе правительства: онъ обращаетъ милліоны десятинъ земли безплодной и изсушенной солнцемъ въ милліонные табуны и стада, пустую степь—въ богатый конный и скотный дворъ для цѣлой Россіи.

По свѣдѣніямъ за 1868 г. общее количество скота у калмыковъ всѣхъ сословій было 1.117,500, преимущественно овецъ (830.000) и рогатаго скота до 160.000. Скотоводство калмыковъ служитъ главнымъ

обезпеченіемъ ихъ существованія; кромѣ продажи скота, овчинъ, шкуръ и шерсти и произведеній изъ нихъ, скотъ доставляетъ калмыкамъ пищу, одежду и вещи, необходимыя для домашняго обихода, войлоки, шерстяныя веревки, чулки, кожаныя ведра и т. п. Скотъ калмыки продаютъ пріѣзжающимъ въ степь сгонщикамъ и гуртовщикамъ и, кромѣ того, гоняютъ сами въ окрестные города, станицы и селенія. Постоянная торговля производится на базарахъ, близъ улусныхъ ставокъ; за право торговли въ улусахъ никакой особой пошлины не взимается. Торговля виномъ строго запрещена. Обширное рыболовство и разработка соли, существующія въ астраханскомъ краѣ, требуютъ постоянно громадное количество рабочихъ рукъ, и калмыки являются, для этихъ отраслей промышленности, главною рабочею силою. Ихъ берутъ охотно всѣ рыбопромышленники, отдавая предпочтеніе предъ другими рабочими за неутомимость, неприхотливость и привычку ко всевозможнымъ лишеніямъ. Равнымъ образомъ, при выломкѣ соли калмыкамъ поручается наиболѣе тяжелая работа. Хлѣбопашествомъ калмыки занимаются въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ; орудія для земледѣлія употребляютъ такія же, какъ и мѣстные крестьяне. Кромѣ посѣва хлѣбныхъ растеній калмыки занимаются также воздѣлываніемъ горчичнаго сѣмени и табаку.

Калмыки не имѣютъ ни фабрикъ, ни заводовъ, ремесленность распространена между ними только для домашняго обихода и то въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Все, необходимое въ быту калмыковъ, пріобрѣтается ими покупкою въ городахъ, селеніяхъ и отъ мелочныхъ торговцевъ, находящихся въ улусахъ. Работами занимаются мужчины и женщины; на женщинѣ лежатъ рѣшительно всѣ хлопоты по домохозяйству: она шьетъ платье, обувь, готовитъ кушанье, присматриваетъ за дѣтьми, доитъ животныхъ, дѣлаетъ кумысъ, валяетъ кошмы для покрыванія кибитокъ и проч. Вообще же калмыки народъ весьма способный и переимчивый.

Калмыки не обложены никакимъ сборомъ въ пользу государства и на земскія повинности. Существующая подать съ каждой кибитки опредѣлена въ 8 р. 15 к. Изъ этого оклада, на содержаніе управленія народомъ, учебныя и хозяйственныя потребности идетъ 7 р. 58 к., а остальные въ общественный капиталъ калмыцкаго народа.

Сборы производятся особыми, избираемыми обществомъ, сборщиками (демчеями), которые при уплатѣ податей выдаютъ плательщикамъ цвѣтныя, литографированныя на русскомъ и калмыцкомъ языкахъ контрамарки, по цвѣту ассигнацій, красныя, синія, зеленыя и желтыя и пр. Сборщики усчитываются по числу отрѣзанныхъ ими изъ выданной книги контрамарокъ. Годовой окладъ сбора составляетъ 93, 629 р. 12 к.

Натуральныя повинности калмыковъ заключаются: въ поставкѣ подводъ и кибитокъ для помѣщенія улусныхъ управленій, служащихъ лицъ и командируемыхъ по дѣламъ службы, а равно для помѣщенія

казачьихъ командъ и школъ во время лѣтняго кочевья, и назначеніи конныхъ разсыльныхъ при улусныхъ управленіяхъ и т. д.

Для распространенія грамотности между калмыками и знанія русскаго языка существуетъ въ улусахъ 8 школъ, каждая до 30 воспитанниковъ штатныхъ на полномъ содержаніи и неограниченнаго числа приходящихъ. Завѣдываніе школами поручено мѣстнымъ попечителямъ улусовъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Главнаго Попечителя.

Въ школы поступаютъ дѣти всѣхъ сословій, преимущественно круглыя сироты. Воспитанники обучаются читать и писать по русски и по калмыцки и четыремъ правиламъ ариѳметики. Лучшіе изъ окончившихъ курсъ поступаютъ въ калмыцкое училище, находящееся при Главномъ Управленіи, въ Астрахани. Здѣсь уже они обучаются языку русскому, калмыцкому, ариѳметикѣ, исторіи, географіи и чистописанію. Окончившіе курсъ распредѣляются по улусамъ на штатныя должности переводчиковъ, наставниковъ улусныхъ школъ и т. п. Лучшіе по успѣхамъ воспитанники поступаютъ въ астраханскую гимназію.

Въ началѣ 1868 г. разрѣшено открыть въ Астрахани для 20 воспитанницъ женское калмыцкое училище, для приготовленія учительницъ въ улусы, на содержаніе училища ассигновано 3,250 руб. ежегодно.

Для поданія медицинскаго пособія калмыкамъ при управленіи народомъ состоитъ одинъ врачъ, 8 фельдшеровъ (калмыковъ) и 3 акушерки изъ калмычекъ. Всѣ они снабжены надлежащими инструментами и походными аптеками, приспособленными для перевозки при кочевкахъ. Для привитія оспы состоятъ при управленіи 36 оспопрививателей, снабженныхъ необходимыми принадлежностями и наставленіемъ на русскомъ и калмыцкомъ языкахъ. Кромѣ медицинскихъ чиновъ въ улусахъ, устроена близь Яндыковской ставки больница на 25 кроватей; при ней состоятъ лекарскій помощникъ и фельдшеръ. По послѣдней переписи калмыцкаго народа въ декабрѣ мѣсяцѣ 1868 года численность получилась: 68 т. мущинъ и 51 тысяча женщинъ. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о кочевкахъ калмыковъ.

Недостатокъ въ калмыцкой степи мѣстъ, удобныхъ для постоянныхъ пастбищъ, воды, а равно и климатическія условія, заставляютъ калмыковъ кочевать по степи для прокормленія своихъ стадъ. Всѣ улусы имѣютъ свои постоянныя лѣтнія и зимнія мѣста для кочевокъ, распредѣленіе которыхъ зависитъ отъ Главнаго Попечителя. Кочевка калмыковъ съ зимнихъ мѣстъ начинается въ концѣ февраля или въ началѣ марта мѣсяца. Оставляя свои зимнія мѣста, калмыки складываютъ свои кибитки и вьючатъ какъ ихъ, такъ и весь домашній скарбъ на верблюдовъ, а гдѣ они перевелись, на лошадей, или быковъ дѣлаютъ переходы до ближайшаго пастбища. Здѣсь они останавливаются на нѣкоторое время, пока не вытравятъ скотомъ находящихся въ окрестностяхъ корма, затѣмъ переходятъ на другое урочище и т. д.; въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая калмыки находятся на лѣтнихъ сво-

ихъ мѣстахъ, перемѣняя ихъ и переходя отъ одного озера къ другому, смотря по количеству корма и воды, а нерѣдко для избѣжанія насѣкомыхъ: оводовъ, комаровъ и др., появляющихся въ громадномъ количествѣ близь озеръ, одновременно съ растительностью. Втеченіи августа и сентября мѣсяцевъ калмыки постоянно откочевываютъ на зимнія свои убѣжища, находя снова кормъ для скота на мѣстахъ, потравленныхъ весною. Болѣе заботливые хозяева заготовляютъ заблаговременно сѣно на мѣстахъ зимнихъ своихъ кочевокъ, близь которыхъ обыкновенно и располагаютъ свои кибитки.

6. Киргизы.

а) Киргизскія степи.

Кто поѣздилъ по святой Руси, тотъ, конечно, видѣлъ, какъ въ одномъ краю ея нетерпѣливо ждутъ лѣта съ краснымъ солнышкомъ, а въ другомъ и зимѣ рады, изнуряясь лѣтнимъ зноемъ и сырою осенью. Къ степямъ не идетъ ни то, ни другое. Здѣсь ждешь осени, которую мало гдѣ любятъ за суровый характеръ и непривѣтливый видъ. Тутъ она суха, прохладна и составляетъ лучшее время года. Зима смѣняетъ ее постепенно утренними легкими морозами и, почти всегда безъ слякоти, прямо снѣгомъ. За то нѣтъ ничего непріятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ ужаснѣе, какъ провести въ степи зиму; она бываетъ самая продолжительная, снѣжная и сопровождается сильнѣйшими буранами, которымъ здѣсь представляется полное раздолье разгуливать по обширному и ровному пространству. Терпя въ своихъ непрочныхъ жилищахъ сильные морозы и ужасныя мятели, киргизы дорого искупаютъ нѣгу и беззаботность, которыми они наслаждались лѣтомъ. Жилища ихъ, построенныя гдѣ-нибудь въ камышѣ для защиты отъ вѣтровъ, заносятся кругомъ снѣгомъ. Внутри темно и холодно. Киргизы, закутанные въ тулупы, проводятъ цѣлые дни передъ костромъ и одну только роскошь допускаютъ въ это время: ѣдятъ мясо, которымъ не пользуются въ остальную часть года, кромѣ какихъ-нибудь особенныхъ торжественныхъ случаевъ. Мятели или бураны весьма гибельны для киргизовъ и въ особенности для скота. Они продолжаются дня два, а иногда даже недѣлю. Быть застигнутымъ бураномъ въ степи—явная погибель, если случай не натолкнетъ на зимовку... Помню хорошо—а это было давно—я съ отцомъ пробирался изъ Раимскаго укрѣпленія, куда онъ ѣздилъ по порученію, назадъ въ Орскую крѣпость. Мы выѣхали изъ укрѣпленія уже въ концѣ ноября, но такъ какъ погода стояла хорошая, то, по русскому авось, надѣялись достигнуть благополучно до Орской. А это было нелегко: разстояніе отъ Раимскаго укрѣпленія до Орской крѣности считали приблизительно около 600 верстъ, — значитъ, полторы недѣли ѣзды. Первые три дня погода стояла удивительная: морозъ градусовъ въ пять, при совершенной тишинѣ и ясномъ небѣ. „Что еслибъ

все время стояла такая погода? какъ ты думаешь объ этомъ?“ спросилъ я единственнаго нашего проводника-киргиза.

— Аллахъ милостивъ, отвѣчалъ онъ, потомъ прибавилъ: судьба, бачка, если велитъ, придетъ намъ спокойна, а не велитъ, то нѣтъ.

Я согласился съ киргизомъ-фаталистомъ и ничего ему не возражалъ. Прошелъ еще одинъ день нашего пути весьма благополучно. Мы ѣхали скоро, почти не останавливаясь, но все-таки были еще далеко отъ цѣли. Дороги зимою въ степяхъ нѣтъ: киргизы ѣздятъ по чутью, которое рѣдко имъ измѣняетъ. На пятый день нашего пути погода стала портиться: начались морозы, сопровождаемые сильными вѣтрами, и, какъ теперь помню, пошелъ сильный снѣгъ, который образовалъ сильнѣйшую вьюгу. Что намъ было дѣлать? Жилья вблизи нѣтъ; да гдѣ его отыщешь въ такую погоду?.. Подумавъ и посовѣтовавшись уже съ опытнымъ нашимъ проводникомъ, мы рѣшились остановиться и ждать, пока перестанетъ буранъ. Кое-какъ укрѣпивъ походную кибитку и привязавъ лошадей, мы забились внутрь нашего весьма непрочнаго жилища и стали съ нетерпѣніемъ ждать конца нашихъ бѣдствій. Буранъ все становился сильнѣе: мы не знали, что и предпринять. Защищенные хотя немного отъ вѣтра и мороза, мы кое-какъ могли бы вытерпѣть; но, на бѣду нашу, вдругъ оказался недостатокъ въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ. Томимые сильною жаждою, мы ѣли снѣгъ, хотя это было очень не вкусно; но чего не сдѣлаешь изъ необходимости? Къ довершенію нашихъ бѣдствій, въ послѣдній день вѣтеръ былъ такъ силенъ, что однимъ напоромъ снесъ нашу кибитку: мы остались на открытомъ воздухѣ. Послѣднее событіе заставило окончательно насъ призадуматься: мы стали готовиться къ смерти. Не знаю, что думалъ мой отецъ, когда смерть явилась такъ близко; но я ужасно упалъ духомъ: я вѣрилъ еще въ жизнь, не былъ разочарованъ, а потому любилъ жизнь. Я сталъ плакать, но такъ, чтобы этого никто не замѣтилъ. Киргизъ же, нашъ спутникъ, былъ малодушнѣе насъ обоихъ: онъ сталъ громко рыдать, призывая на помощь Аллаха и причитая разныя разности.

— Молчи! закричалъ мой отецъ, выведенный изъ терпѣнья его завываніями.

— Бачка... жена... маленька баранчукъ... много... отвѣчалъ, всхлипывая, киргизъ.

Прошло еще нѣсколько времени самаго томительнаго ожиданія. Погода какъ-будто стала стихать. Мы сидѣли молча, закутавшись въ шубы, и мысленно были уже готовы разстаться съ жизнью. Въ такомъ ужасномъ положеніи мы провели часовъ около пяти. Снѣгъ между тѣмъ пересталъ идти; только дулъ сильный вѣтеръ, но все-таки мятель уже прекратилась... Оттого, что погода поутихла, мы рѣшительно ничего не выиграли, потому что всякій слѣдъ занесло, и мы не знали, куда ѣхать; да потомъ у насъ не было ни куска хлѣба, ни капли воды.

Но на что человѣкъ не рѣшается въ самыя тяжелыя минуты жизни, чего не готовъ онъ предпринять? Я думаю, все. Нашъ маленькій караванъ двинулся далѣе, не видя никакой цѣли. Мы бродили по снѣжнымъ равнинамъ, отыскивая человѣческаго слѣда; но что можно найти въ необитаемой степи?.. Не стану разсказывать нашего переѣзда до форта Карабутакскаго: невозможно вспомнить безъ ужаса, какъ мы добрались до форта. Тамъ удивлялись не тому положенію, въ которомъ мы находились, но тому, что мы остались живы... Это событіе запечатлѣлось въ моей памяти; но всякій разъ, какъ я сбирался занести его въ свой путевой дневникъ, никогда недоставало силъ, перо выпадало изъ рукъ и память отказывалась дѣйствовать.

Главное богатство киргиза состоитъ изъ скота, разныхъ дорогихъ одеждъ и вообще вещей, которыхъ при первомъ несчастномъ случаѣ очень легко можно лишиться. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. Киргизъ былъ очень богатъ: онъ имѣлъ около 500 лошадей и болѣе 2,000 рогатаго скота. Онъ зимовалъ съ однимъ своимъ пріятелемъ въ камышахъ у Аральскаго моря. Въ началѣ марта сдѣлалась довольно продолжительная оттепель, такъ что киргизы обманулись и сочли это началомъ весны. Спрося знахарей, которые предсказали наступленіе весны, они, съ общаго согласія, рѣшились откочевать внутрь степей. Но не прошло еще недѣли, какъ они поселились на новомъ мѣстѣ, вдругъ послѣ оттепели начались морозы градусовъ въ 20, пошелъ снѣгъ, подулъ сильный вѣтеръ и поднялся буранъ, который погналъ стадо и табуны. Оставалось собраться и идти за ними, стараясь согнать ихъ къ покинутымъ камышамъ; но, къ несчастью, было далеко, а буранъ все свирѣпствовалъ. Кончилось тѣмъ, что киргизы едва пришли сами, и весьма немногіе пригнали кой-какую часть скота. У киргиза-богача осталось изъ всего богатства только 5 верблюдовъ и до 30 лошадей. Хладнокровіе, съ какимъ онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи, меня чрезвычайно удивило. „Тебѣ не жаль погибшаго?“ спросилъ я его. „Что дѣлать! Богъ далъ, Богъ и взялъ. Вѣрно, такъ надо“. А тотъ же человѣкъ, до бѣдствія своего, съ завистью разсказывалъ о богатствѣ другихъ, какъ бы недовольный своими средствами. Это былъ для меня одинъ изъ многихъ примѣровъ твердости, съ которою киргизы переносятъ несчастія, подкрѣпляя себя фатализмомъ... Съ наступленіемъ весны начинается блаженство киргиза. Стада его обезпечены и удовлетворяютъ всѣмъ неприхотливымъ потребностямъ своего хозяина: есть молоко, кумысъ, крутъ — киргизъ и доволенъ... Все это приготовляетъ киргизка; она же отгонитъ въ поле стадо, създитъ за отбившимся верблюдомъ, заарканитъ и осѣдлаетъ коня, уберетъ, какъ нужно, кибитку и запасетъ топливо. Заняться тѣмъ, что можетъ сдѣлать марджа (женщина, собственно жена), по понятіямъ

киргиза, низко; а такъ какъ другаго дѣла нѣтъ въ виду, то онъ спитъ беззаботно до поздняго утра, потомъ лежитъ, пьетъ кумысъ, да любуется своими табунами и стадами. Нужно перекочевать — и тутъ во всемъ работа киргизки. Она соберетъ холамейку (кибитка въ меньшемъ размѣрѣ) и она опять разобьетъ ее на новомъ мѣстѣ, уберетъ весь домашній хламъ; киргизу же остается только переѣзжать изъ мѣста въ мѣсто, слѣдуя шагомъ на лошади, верблюдѣ или быкѣ и напѣвая свою грустную и однообразную, какъ сама степь, пѣсню. Далеко, бывало, заслышишь ее, слившуюся съ дикимъ, отвратительнымъ крикомъ верблюдовъ, и смотришь на поднявшійся вдали столбъ пыли. Ближе и ближе поѣздъ, и передъ глазами картина: нѣсколько верблюдовъ плавно выступаютъ одинъ за другимъ, неся на горбахъ своихъ одни поклажу, другіе сѣдоковъ; по сторонамъ ѣдутъ верховые, впереди этого небольшаго каравана тянутся табуны и стада; наконецъ, весь этотъ живой пейзажъ заключаетъ гладкая, ровная, слившаяся съ горизонтомъ, степь. Перенесите эту картину, которая здѣсь обращаетъ вниманіе и заставляетъ долго и долго слѣдить за собою, въ другую мѣстность, дайте иную обстановку, выйдетъ каррикатура. Такъ все хорошо на своемъ мѣстѣ. Пустите киргиза на улицу любаго европейскаго города— насмѣшитъ невидавшихъ. А здѣсь такъ кстати его плоское лицо, его зоркіе и прищуренные глазки, которымъ есть гдѣ разгуляться, потому что все гладко и ровно, нѣтъ никакого препятствія его взору: смотри вдаль, на сколько есть возможности. Костюмъ киргиза чрезвычайно удобенъ и весьма ловко примѣненъ къ потребностямъ и климату. Бѣлый высокій колпакъ, съ отогнутыми въ видѣ полей краями, предохраняетъ лѣтомъ голову его отъ палящихъ лучей солнца; въ кибиткѣ остроконечная тюбетейка замѣняетъ колпакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрываетъ его бритый черепъ. Широкіе шаровары, свободный бешметь и халатъ даютъ ему возможность свободно двигаться на лошади и не стѣсняютъ дома. Киргизу тѣснота совсѣмъ не по натурѣ... Вмѣсто пояса онъ носитъ колту (широкій кожаный поясъ, на которомъ висятъ сума, рожокъ съ табакомъ и ножъ). Зимой колпакъ у киргиза замѣняется малахаемъ, который защищаетъ голову отъ мороза и вѣтра. Одежда женщины почти та же; только головной уборъ, да украшенія измѣняютъ ее. Въ первые годы своего замужества киргизки обыкновенно носятъ высокую шапку съ различными украшеніями изъ галуна, цѣпочекъ, колокольчиковъ, бирюзы и монетъ. Сверхъ этой шапки онѣ надѣваютъ бѣлый платокъ, длинный конецъ котораго подвязывается на шеѣ. На груди цѣпочка, корольки, монета; на рукахъ кольца, браслеты; въ ушахъ серьги; на шеѣ бусы, а у богатыхъ жемчугъ. Женщины еще незамужнія обвертываютъ себѣ голову краснымъ платкомъ, въ родѣ чалмы, и заплетаютъ передніе волосы въ мелкія косички, которыя связываются сзади въ одну косу. Вообще, если только дозволяютъ средства, киргизъ любитъ роскошно пожить: онъ старается

одѣться въ сукно, шелкъ и бархатъ, закупаетъ множество одежды, свое жилище украшаетъ сукномъ, различными цвѣтными лоскутками, сшитыми причудливымъ узоромъ, разстелетъ тонкія кошмы, а сверхъ нихъ ковры, одѣяла, подушки; по стѣнамъ висятъ накупленныя одежды, сѣдла, верховые приборы и разное оружіе. Во всемъ этомъ соблюдается вкусъ, этотъ сбродъ набросанъ не кое-какъ, а размѣщенъ удобно. У нѣкоторыхъ богатыхъ киргизовъ въ послѣднее время завелись даже европейскія разныя украшенія и даже мебель.

b) Увеселенія киргизовъ.

Проживъ мѣсяца два среди киргизовъ, я успѣлъ познакомиться съ образомъ жизни кочевыхъ народовъ. Воспоминанія о жизни въ степи для меня очень пріятны: часто рисуются предо мною былыя картины, и я своимъ воображеніемъ уношусь въ аулы, гдѣ мнѣ приходилось проводить отрадные лѣтніе вечера. Бывало, усталый отъ дальняго пути, верхомъ, съ раздраженнымъ аппетитомъ, нетерпѣливо спрашиваешь проводника: „скоро ли аулъ?“ Жаркій день уже смѣняется прохладнымъ вечеромъ, что еще болѣе манитъ къ покою и отдыху. Вотъ зачернѣлось что-то вдали, и проводникъ молча указываетъ туда рукой. Это значитъ передъ нами цѣль поѣздки. Нетерпѣніе закипитъ въ душѣ: нагайкой по лошади и несешься, сопровождаемый импровизированной пѣсней своего спутника, въ которую входятъ восторженныя похвалы его и степи, и аулу, и стадамъ, и всему, что взбредетъ на умъ. Но вотъ аулъ все ближе и ближе. Собаки, зачуя чужаго, съ лаемъ бѣгутъ на встрѣчу; вмѣстѣ съ ними всѣ, отъ мала до велика, спѣшатъ изъ кибитки, нетерпѣливо желая поскорѣе увидѣть гостей и послушать, что они станутъ разсказывать. Размѣнявшись чрезъ переводчика привѣтствіями съ гостепріимными хозяевами, спѣшишь усѣсться, по азіятски, на постланный возлѣ кибитки коверъ или кошму и налюбоваться живой, прекрасной, въ своемъ родѣ, картиной... Кругомъ раскинулась безъ конца зеленая равнина, стада въ разнообразныхъ группахъ покрываютъ ее тамъ и сямъ, а возлѣ—киргизы, усѣвшіеся въ кружокъ послушать гостя и разсказать ему съ своей стороны все, что сорвется съ языка, и киргизки, занятыя домашней работой... Вотъ и ночь съ чуднымъ небомъ, усѣяннымъ множествомъ звѣздъ. Однако, свѣжо: пора въ кибитку, гдѣ, кстати, готовъ уже барашекъ... Поѣлъ, завернулся въ ергакъ и заснулъ крѣпко, какъ засыпаетъ усталый и измученный человѣкъ. А утро! что за утро въ степи! Такъ и манитъ на воздухъ, такъ и зоветъ въ даль, такъ и наполняетъ сердце какою-то радостью и привольемъ. Скорѣй стаканъ кумыса, на коня, и понесся далѣе, жадно глотая свѣжій, здоровый воздухъ... Въ аулѣ знакомаго султана я провелъ около мѣсяца самаго веселаго времени. Въ это время онъ праздновалъ помолвку дочери; а потому пиръ смѣнялся пиромъ, гостей

было множество, всѣ ѣли и пили на счетъ гостепріимнаго хозяина, который былъ очень доволенъ общимъ уваженіемъ, оказываемымъ ему всѣми сосѣдями. Киргизы вообще любятъ удовольствія. Нѣтъ новостей, они цѣлымъ ауломъ сбираются вечеромъ вмѣстѣ къ кому нибудь въ кибитку или подъ открытымъ небомъ и толкуютъ о быломъ, о султанахъ, о богатыряхъ, объ удачныхъ охотахъ. Около полуночи является домбра (трехструнная балалайка), и тогда начинаются пѣсни и пляски, молодежь пробуетъ силы, борются и бѣгаютъ въ запуски... Тутъ присутствуютъ и женщины съ дѣвушками: ни тѣ, ни другія у киргизовъ не скрываются. Торжественные случаи въ жизни киргизовъ сопровождаются пирами, называемыми туй. Проѣхать сотню верстъ на хорошій туй киргизу ничего не значитъ: онъ знаетъ, что будетъ щедро вознагражденъ угощеніемъ и удовольствіями. Мой гостепріимный хозяинъ былъ очень богатъ, а потому могъ сдѣлать туй на славу, тѣмъ болѣе, что онъ отдавалъ любимую дочь. Еще задолго до праздника были разосланы приглашенія, и хозяинъ въ ожиданіи гостей, приказалъ разставить верстахъ въ двухъ отъ аула до двадцати кибитокъ, предназначавшихся для помѣщенія пріѣзжихъ... Этотъ родъ войлочныхъ домовъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія: въ первомъ изъ нихъ стояли кибитки, украшенныя внутри коврами, одѣялами и подушками — это для гостей почетныхъ; второе отдѣленіе, гдѣ кибитки не были ничѣмъ украшены, назначалось для гостей неважныхъ... Наконецъ, когда большая часть гостей собралась, то положено было на слѣдующій день открыть праздникъ. Съ восходомъ солнца мы отправились верхомъ на скачку. Шумно, весело и въ какомъ-то живомъ безпорядкѣ двигалась толпа, изъ среды которой по временамъ отдѣлялись съ крикомъ бойкіе молодцы на лихихъ лошадяхъ и гонялись другъ за другомъ. На мѣстѣ скачки ожидали насъ скаковыя лошади и еще много новыхъ посѣтителей. Когда я увидѣлъ лошадей, назначенныхъ для скачки, то мнѣ стало жаль бѣдныхъ: такъ они были изнурены. Это были костяки, обтянутые кожею, съ заплетенными хвостами, повисшей шеей и впалыми глазами. Киргизы вымариваютъ лошадей для скачки, объѣзжая ихъ каждый день утромъ и вечеромъ. Это необходимо по условіямъ скачки, потому что назначаютъ проскакать во весь карьеръ около 20 или 30 верстъ: естественно, что лошадь, взятая прямо съ поля, не выдержитъ. Тотъ, кто скорѣе достигнетъ назначенной цѣли, получаетъ призъ, стоющій иногда довольно дорого. Такихъ призовъ на этомъ праздникѣ было шесть: цѣна перваго была, кажется, около 100 рублей, а послѣдняго, пропорціонально уменьшаясь, около 10 рублей. По окончаніи скачки, скакуны—мальчики получили заслуженные призы; но они, принявъ подарокъ, тотчасъ же дарили свой призъ кому нибудь изъ почетныхъ гостей, а тотъ, поблагодаривъ, снова отдавалъ ему. Возникли споры и сужденія, отчего не такая-то лошадь пришла первою... Съ этимъ говоромъ мы явились въ аулъ. Былъ часъ десятый утра, к

солнце начинало значительно печь, но, не смотря на это, мы остались на открытомъ воздухѣ, потому что начиналось новое удовольствіе — борьба. Послѣ борьбы калмыковъ, которую мнѣ случалось видѣть еще прежде, эта показалась мнѣ чрезвычайно вялою. Тамъ удивляешься силѣ, ловкости и напряженію мускуловъ, замираешь, ожидая, какъ перекинетъ одинъ другаго; здѣсь же, напротивъ, смѣешься, потому что вся потѣха состоитъ въ томъ, что киргизы, взявшись за кушаки, долго ходятъ кругомъ, и все для того, чтобы половчѣе положить противника къ себѣ на спину. Охотники до борьбы выходили пара за парой; гости же, между тѣмъ, безпрерывно пили кумысъ, разносимый въ огромныхъ чашкахъ. За борьбой слѣдовала новая оригинальная потѣха. Принесли ведра въ два котелъ, наполненный густо разболтанной въ водѣ мукой, бросили въ него серебряную монету и одинъ смѣльчакъ взялся достать ее зубами. Онъ погрузилъ въ котелъ свою бритую голову, долго возился тамъ, но безъ успѣха, и вышелъ весь залѣпленный тѣстомъ. Это повторилось нѣсколько разъ, вызывая общій смѣхъ. Время клонилось къ полудню и жаръ становился нестерпимымъ: гости разошлись по кибиткамъ, и теперь началось угощеніе. Въ большихъ чашахъ принесли казы (колбаса изъ кобыльяго мяса), которыя гости кушали съ большимъ аппетитомъ, запивая безпрестанно кумысомъ. За казы слѣдовало разварное мясо лошади и барановъ, послѣ чего подавали по чашкѣ шурпа (супъ изъ лошадинаго мяса). Обѣдъ заключился пловомъ. Во все продолженіе обѣда и послѣ, когда всѣ гости разсѣлись и разлеглись въ кибиткахъ, ихъ забавлялъ разными шутками и разсказами оборванный бѣднякъ. У киргизовъ очень много такихъ бродягъ, которые промышляютъ шутовствомъ. Нѣтъ туя, онъ бродитъ по ауламъ, поетъ, пляшетъ, разсказываетъ вздоръ смѣшнымъ языкомъ и всегда сытъ, одѣтъ, да и семейство его имѣетъ все нужное. До восьми часовъ вечера всѣ оставались въ кибиткахъ, безпрестанно упиваясь кумысомъ. Когда дневной жаръ спалъ, мы всѣ отправились смотрѣть удаль ѣздоковъ, которые на всемъ скаку ловко поднимали съ земли монеты, проносились мимо насъ, стоя на сѣдлахъ и снимая другъ друга съ сѣделъ. Джигитовка еще продолжалась, когда уже готовилась новая потѣха и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любимая у киргизовъ. Показалась верхомъ на лошади женщина, махая платкомъ. Мужчины съ дикимъ крикомъ понеслись за ней, а она отъ нихъ. Всякій старался догнать ее и вырвать платокъ. А это не легко. Женщина съ платкомъ всегда отличная наѣздница, конь подъ ней лихой, и она, какъ змѣя, ускользала изъ рукъ, награждая неловкихъ нагайкой. Вотъ другая, третья наѣздница, и толпа, разбившись на группы, носилась по степи съ веселыми, дикими криками. Это очень оригинально и картинно... Туй такимъ образомъ продолжался три дня. Я не описываю остальныхъ двухъ дней, потому что всѣ удовольствія гостей заключались въ сытныхъ обѣдахъ и упиваніи кумысомъ; вечеромъ повторялась джигитовка. Въ другое время киргизы

наполняютъ свою праздную жизнь тѣмъ, что охотятся съ борзыми собаками и ястребами. Зимою, при перелетѣ птицъ, они ѣздятъ съ ястребами. Въ день охоты ихъ не кормятъ и возятъ съ закрытыми глазами. Замѣтивъ птицу, охотники подъѣзжаютъ къ ней осторожно, какъ можно ближе и, открывъ глаза ястребу, пускаютъ его: онъ быстро нападаетъ на жертву, хватаетъ птицу за голову, а киргизъ спѣшитъ къ нему, чтобы успѣть перерѣзать горло и прочесть при этомъ особую молитву. Осенью и зимою бываетъ охота съ борзыми за зайцами, которыхъ довольно водится въ степи, случается также встрѣтить лисицъ и сайгаковъ, загнанныхъ сюда буранами. Но эта охота бываетъ очень рѣдко, а когда случится, то это для киргизовъ праздникъ: и поохотятся, и поѣдятъ вкусно.

с) Похороны.

Съ послѣднимъ вздохомъ киргиза всѣ аульныя женщины сбѣгаются въ кибитку покойника, начинаютъ рыдать и причитать надъ нимъ и подымаютъ страшный вой. Ближайшія родственницы умершаго въ особенности показываютъ свое усердіе въ выраженіи скорби по умершемъ: онѣ распускаютъ волосы, рвутъ ихъ, царапаютъ до крови лице ногтями, неистово бьютъ себя въ грудь кулаками и входятъ въ свою роль такъ искренно, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, онѣ поражены самымъ безвыходнымъ отчаяніемъ. Накричавшись вдоволь, сколько, по ихъ отношеніямъ къ покойному, считалось это необходимымъ, онѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, принимаютъ прежній видъ и, оправившись, уходятъ къ прерваннымъ занятіямъ.

Мущину обычай обязываетъ встрѣтить несчастіе съ твердостію и безропотно. Какъ бы ни была велика, грустна и печальна утрата его, онъ не долженъ плакать. Киргизъ молчитъ, облегчая по временамъ грудь свою тяжелымъ вздохомъ и приговаривая: „ой—Алла!“

Въ книгахъ написано, говорятъ киргизы, что „слезами и сѣтованіями человѣкъ оскорбляетъ Того, Кто всякому положилъ часъ жизни и смерти. Женщины—другое дѣло: ихъ дѣло плакать“.

Муллы также осуждаютъ обычай плакать, строго запрещая его и внушая всѣмъ, что это большой грѣхъ. „Слезы, говорятъ они, образуютъ въ будущей жизни тяжелое море для умершаго, и чѣмъ больше льютъ ихъ здѣсь, тѣмъ труднѣе покойнику тамъ“.—Чѣмъ же, если не слезами, мы выкажемъ свое сожалѣніе объ утратѣ? отвѣчаютъ женщины. Если не будемъ плакать, то подумаютъ, что намъ и не жаль.

Послѣ первыхъ выраженій скорби, приготовляютъ покойника къ погребенію: ему закрываютъ глаза, подвязываютъ подбородокъ, раздѣваютъ, обмываютъ, пеленаютъ для того, чтобы выпрямить тѣло и руки, переносятъ на правую сторону кибитки и одѣваютъ. На мущину надѣваютъ три бѣлые бумажные или холщевые, ~~но не шелковые~~, саваны

безъ рукавовъ (правильнѣе мѣшки): первый—отъ шеи до колѣнъ; второй—отъ шеи ниже колѣнъ; третій закрываетъ все тѣло съ головою. Прорѣха зашивается или завязывается. На умершую же женщину надѣваютъ пять такихъ савановъ, одинъ длиннѣе другаго.

Киргизы всегда спѣшатъ скорѣе похоронить тѣло. Для чего? они и сами не знаютъ; отвѣтъ одинъ: „такой законъ; такъ прежде велось". Одѣтаго покойника выносятъ лѣтомъ на открытый воздухъ, а зимою—въ особую пустую кибитку; мулла прочитываетъ надъ нимъ молитву, и начинается погребеніе. Тѣло кладутъ на ~~корога или~~ кошму, и родственники, въ сопровожденіи муллы, несутъ или везутъ его на могилу. Тамъ уже вырыты двѣ ямы: одна обыкновенная, другая на днѣ первой по величинѣ трупа. Обычай велитъ, чтобы носильщики были хорошей жизни. Тотъ же обычай запрещаетъ женщинамъ сопровождать похоронную церемонію. Въ этомъ случаѣ дѣлается исключеніе только для старухъ. За печальнымъ шествіемъ въ старину, какъ разсказываютъ, возили носильное платье покойника, а если онъ былъ „батыръ", то оружіе его. Это тутъ же, на могилѣ, раздавалось: платье—мулламъ, бѣднымъ и сиротамъ, а оружіе „досамъ" покойника и людямъ, извѣстнымъ своимъ молодечествомъ, которые могли бы употреблять его съ честью. Обычай этотъ въ настоящее время вышелъ изъ употребленія; теперь вещи покойника раздаются его знакомымъ, послѣ похоронъ.

На могилѣ муллы читаютъ послѣднюю молитву; тѣло съ подстилкою кладутъ въ вырытую на днѣ могилы яму и, закрывъ ее досками, кошмою, или хворостомъ, поспѣшно зарываютъ могилу, и всѣ безъ оглядки бѣгутъ прочь въ аулъ, гдѣ приготовленъ уже обѣдъ на поминовеніе о душѣ умершаго.

Киргизы вѣрятъ, что къ покойнику, какъ только его завалятъ землею, прилетаютъ для свиданія души прежде умершихъ людей; что новый житель могилы дичится незнакомаго его общества и, въ испугѣ, отчаянными криками зоветъ на помощь недавно оставленныхъ родныхъ и друзей. Повѣрье это поразительно своею странностью. Я много разспрашивалъ степняковъ, желая объяснить его смыслъ, но ни одинъ мудрый степи не могъ мнѣ растолковать этого. Можно думать, что основаніемъ повѣрья былъ какой-нибудь несчастный, заживо погребенный киргизъ, котораго стенанія въ могилѣ кѣмъ-нибудь были услышаны. Предположеніе это тѣмъ правдоподобнѣе, что киргизы почти всегда хоронятъ покойниковъ въ день смерти.

Кибитку, въ которой умеръ киргизъ, переставляютъ на другое мѣсто, подальше отъ аула, а вслѣдъ затѣмъ, черезъ день-два, весь аулъ откочевываетъ дальше. Если киргизъ умираетъ отъ оспы, холеры и вообще заразительной болѣзни, то кибитку и все, что было около него, бросаютъ въ степи, и аулъ, не оставаясь на прежнемъ мѣстѣ лишней минуты, спѣшитъ перейти на другую стоянку.

Послѣ смерти киргиза, жены, сестры и родственницы покойнаго налагаютъ на себя обѣтъ оплакивать его втеченіе ~~40, 60, 100 дней, а болѣе неутѣшный и цѣлый годъ~~. Въ это время траура, мать и жены никому не показываются иначе, какъ съ закрытыми лицами, а сестры, племянницы и другія семейныя—съ полузакрытыми. Въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ линіи степныхъ родахъ во время траура дѣлаютъ чучелу покойника и, поставивъ ее въ почетномъ углу кибитки, ежедневно оплакиваютъ. При перекочевкахъ сажаютъ ее на лучшаго коня, котораго ведетъ одинъ изъ семейныхъ, держа въ рукѣ значекъ пенали (на древкѣ черный платокъ).

Послѣ смерти киргиза, знакомые его и всякій, даже случайно попавшій въ аулъ, обязаны навѣстить осиротѣвшее семейство и среди его помянуть душу покойника и помолиться о ней. Мало этого: на поминки каждый пригоняетъ по состоянію скотъ: верблюда, лошадь, корову, барана. Семейные отдариваютъ приносителя вещами и платьемъ, оставшимися послѣ покойника. Бѣдный можетъ придти и съ пустыми руками, лишь бы исполнить обычай и сказать сиротамъ слово утѣшенія и участія; но, чтобы не погрѣшить противъ истины, я долженъ прибавить, что для киргиза гораздо пріятнѣе встрѣчать участіе не съ пустыми руками... Посѣщенія эти продолжаются цѣлый годъ до послѣднихъ поминокъ. Поминки бываютъ въ нѣсколько сроковъ: первые черезъ три дня послѣ смерти, потомъ черезъ семь, сорокъ, сто дней и окончательные черезъ годъ. Послѣдніе отличаются роскошью и пышностію и продолжаются иногда, особенно у богатыхъ, два и три дня. Приглашенія по случаю поминокъ посылаются только родственникамъ и почетнымъ лицамъ; остальное дѣлаетъ молва: переходя изъ аула въ аулъ, она въ нѣсколько дней оповѣщаетъ о праздникѣ все окружающее населеніе, и всякій имѣетъ право оказать вниманіе семейству покойника своимъ пріѣздомъ. Гости, отправляясь сами, везутъ съ собою, разумѣется, кто имѣетъ возможность, сабу (большой сосудъ изъ мѣха для заквашиванія и храненія кумыса), полную кумыса, турсукъ (сосудъ изъ лошадиной шкуры, снятый съ ноги) и айряна (охмѣляющій напитокъ, приготовленный изъ коровьяго молока). Пріобрѣсть эти необходимыя снадобья для подчиванія во время огромнаго числа гостей, можно только посредствомъ добровольныхъ приношеній; покупать не въ обычаѣ, и обрядъ взаимныхъ приношеній соблюдается свято.

Праздникъ начинается скачкою. Сначала пускаютъ жеребятъ, потомъ лошадей, а иногда и верблюдовъ. Послѣ скачки начинается потѣха, и киргизы затѣваютъ различныя игры: въ одномъ мѣстѣ являются борцы, въ другомъ крѣпкоголовые показываютъ крѣпость своихъ череповъ и усердно колотятся лбами и теменемъ; далѣе: ломаются плясуны, фокусники показываютъ гимнастическія штуки... Охмѣленные кумысомъ, поощряемые присутствіемъ многочисленнаго общества, киргизы измѣняютъ своей флегматической природѣ, оживляются, становятся

изобрѣтательнѣе въ затѣяхъ; толпа зрителей похвалами и насмѣшками возбуждаетъ въ нихъ одушевленіе, задоръ растетъ, и всѣ шумятъ и веселятся, нисколько не стѣсняясь обстоятельствомъ, по которому собрались.

Дѣвушки иногда также принимаютъ участіе въ играхъ мущинъ; но женщины почти всегда уединяются въ особыя кибитки, чинно усаживаются въ кружки и толкуютъ между собою, заѣдая бесѣду степнымъ десертомъ: предъ ними въ деревянныхъ чашкахъ или на подносахъ конфекты, жомки (пряники), изюмъ, урюкъ, кишмишъ, куски хивинской вяленой дыни, сѣмена тыквы, арбуза, подсолнечника, различные орѣхи и наконецъ лукъ и чеснокъ, нарѣзанные небольшими кусочками. Всѣ эти сласти, пропитанныя чеснокомъ и лукомъ, отлично довольствуютъ неприхотливый вкусъ степныхъ красавицъ. Женщины, однакожъ, недолго остаются безъ мущинъ: въ ихъ кружокъ непремѣнно силою вломятся нѣсколько юношей; но любезникамъ не дешево стоитъ это удовольствіе.

На отважнаго, едва онъ покажется въ кибиткѣ, градомъ посыплятся сначала толчки и удары; степныя дамы съ веселымъ хохотомъ усердно гонятъ его. Но парень, не унывая и не оскорбляясь недружелюбнымъ пріемомъ, упрямо пробирается впередъ, завладѣваетъ мѣстомъ и— доволенъ, или же, не выдержавъ препятствій, со стыдомъ возвращается назадъ, преслѣдуемый громкими насмѣшками. Исполнивъ, на сколько можно было, долгъ сомнительной стыдливости, женщины уже весело принимаютъ къ себѣ храбраго, успѣвшаго занять между ними мѣсто, и въ присутствіи мущинъ становятся любезнѣе, говорливѣе.

Но въ это время, когда все общество въ кибиткѣ непритворно весело шумитъ и хохочетъ, вы слышите въ той же кибиткѣ раздирающіе душу вопли и стоны: киргизка, гдѣ нибудь въ углу кибитки, оборотившись спиною къ гостямъ, громко рыдаетъ... Вѣрно, несчастная осиротѣлая мать или жена, думаете вы, оплакиваетъ сына, мужа, и васъ непріятно поражаетъ неумѣстная веселость окружающихъ. Съ сочувствіемъ къ плакальщицѣ, вы останавливаете на ней свое вниманіе. Рыданія и вопли продолжаются: прошло нѣсколько минутъ, плакальщица оставляетъ свое мѣсто, охорашивается, садится въ кружокъ. Куда дѣвались ея горе и слезы? Едва успѣла сѣсть, она уже шумитъ и хохочетъ, какъ и всѣ. Другая становится на ея мѣсто и начинаетъ ту же комедію...

— Это родная покойнаго? спрашиваете вы вашего сосѣда киргиза.

— Нѣтъ, въ гости пріѣхала.

— Чтожъ она такъ заливалась?

Сосѣдъ съ удивленіемъ смотритъ на васъ, не подозрѣвая, какъ можно не знать такихъ простыхъ вещей.

— Сегодня поминки: нужно цѣлый день плакать о покойникѣ.

Роднымъ плакать—слезъ не станетъ, да и некогда. Гостей много: ну, чужія и помогаютъ имъ.

Хозяинъ праздника вездѣ поспѣваетъ, потчуетъ кумысомъ, чаемъ. А въ сторонѣ отъ аула поставлено нѣсколько кибитокъ, въ которыхъ для туя (пиръ, обѣдъ) варятъ въ огромныхъ котлахъ ~~десятки~~ лошадей, коровъ и проч.

На годовой асъ (собственно ѣдомое, пища) по покойномъ султанѣ, правителѣ восточной части орды, Ахмедѣ-Джантюринѣ собралось около семи тысячъ гостей. До трехсотъ пятидесяти кибитокъ (коли своихъ мало, то кибитки берутся на время праздника изъ сосѣднихъ ауловъ) было поставлено для пріема ихъ. На угощеніе зарѣзано 90 лошадей, 30 коровъ, 260 барановъ и употреблено 60 пудовъ рису. На скачку, на разстояніи двадцати верстъ, пущены были сначала жеребцы по третьему году—кунаны. Призы назначались слѣдующіе: 1-ый призъ—верблюдъ и 8 лошадей, 2-й и 3-й—лошадь и 8 годовалыхъ бычковъ, 4-й—лошадь и 8 халатовъ, 5-й—лошадь и 8 кусковъ маты, (бумажная матерія дурнаго сорта) 6-й—халатъ и 2 куска маты, 7-й—халатъ и $1^1/_2$ куска маты, 8-й—халатъ и кусокъ маты и 9-й—халатъ и 8 аршинъ плису. Послѣ кунановъ пущено было, на сорока пяти верстное пространство 255 лошадей. Призы для нихъ были: первый—40 лошадей и 9 мѣховъ выдры, второй и третій—верблюдъ, 8 лошадей и 9 руб. сер., четвертый и пятый—верблюдъ и 8 лошадей, шестой и седьмой—верблюдъ и 8 быковъ, восьмой и девятый—верблюдъ и 8 годовалыхъ быковъ, десятый, одиннадцатый, двѣнадцатый и тринадцатый—лошадь и 8 годовалыхъ быковъ, четырнадцатый и пятнадцатый—лошадь и 8 халатовъ, шестнадцатый—лошадь и 8 р. сер., семнадцатый—9 рублей, восемнадцатый и девятнадцатый—лошадь. Кожи съ зарѣзанныхъ на праздникъ животныхъ принадлежатъ мулламъ, читавшимъ молитвы.

7. Казанскіе татары.

Татарскія населенія представляютъ довольно жалкій видъ скученныхъ и загроможденныхъ построекъ, изъ коихъ главныя строенія внутри ограды, а по улицамъ тянутся заборы, съ воротами и калитками. Тутъ и тамъ встрѣчаются дома, построенные на улицу, но окна обращены по большей части внутрь двора. Тѣснота улицъ, небрежность построекъ, грязь и безчисленное множество собакъ, выпроваживающихъ проѣзжающаго, составляютъ отличительный признакъ татарскихъ деревень. Поля кругомъ дурно воздѣланы, мѣстность открыта, однообразна, нѣтъ ни одного деревца. Въ сторонѣ, гдѣ нибудь, виднѣется иногда кой какая роща, или дерево, мѣста татарскаго кладбища. Крестьянскій домъ, всегда однообразный по внутреннему устройству, состоитъ изъ двухъ половинъ, чистой и грязной, соединенной сѣнями. Чистая поло-

вина раздѣлена на 2 части: мужскую и женскую. Та и другая половины не имѣютъ внутри другой мебели, кромѣ нарь, переполненныхъ пуховиками и подушками. Грязная половина предназначается исключительно для производства разныхъ работъ. При построеніи новѣйшихъ поселковъ, обращено большое вниманіе на правильность ихъ расположенія, почему они и начинаютъ становиться похожими на русскія селенія, напримѣръ по дорогѣ изъ Казани въ Тетюши. Въ городахъ, въ особенности въ Казани, видъ татарскихъ деревень и строеній ничѣмъ не отличается отъ другихъ городскихъ. Пріемные покои у зажиточныхъ татаръ убраны на европейскій ладъ, обставлены мягкою мебелью, зеркалами, канделябрами, занавѣсками, коврами, салфетками и цвѣтами на окнахъ. Во внутреннихъ покояхъ преобладаетъ азіятскій видъ съ его низкими диванами по стѣнамъ, на которыхъ сидятъ татарки, поджавши свои ноги.

Дома въ деревняхъ, по первому впечатлѣнію, опрятнѣе русскихъ, что происходитъ отъ влеченія татаръ казаться богаче, чѣмъ они въ дѣйствительности есть. Для этого они бѣлятъ нѣсколько разъ въ годъ свою печь, ставятъ на видъ самоваръ съ чайнымъ приборомъ яркаго цвѣта; большой сундукъ, окованный жестью и раскрашенный также цвѣтами и зеркало на видномъ мѣстѣ придаютъ избѣ своего рода изящество, безъ котораго русскій крестьянинъ обходится легко, не увлекаясь желаніемъ казаться богатымъ и приберегая копѣйку на болѣе необходимые предметы, либо для увеличенія капитала.

До настоящаго времени татарскія женщины ведутъ совершенно отдѣльную отъ мущинъ жизнь, имѣя свое особое помѣщеніе. Единственное ихъ развлеченіе составляютъ: дѣти, одежда и частая ѣда. Отъ этой характерической черты жизни татарскихъ женщинъ въ послѣднее время дѣлаются отступленія. Такъ напр. татарки являются въ театръ, занимая мѣста въ ложахъ, позади своихъ мужей, при опущенныхъ вуаляхъ. Ихъ можно также встрѣтить на гуляньяхъ и на офиціальныхъ балахъ. На послѣднихъ, онѣ откидываютъ свои вуали, причемъ наблюдателю немедленно бросается въ глаза ихъ полуиспуганный видъ и всякое отсутствіе движенія зрачковъ. При всемъ томъ, нѣкоторыя изъ нихъ весьма привлекательной наружности, въ особенности тѣ, которыя не употребляютъ косметическихъ средствъ, что бываетъ рѣдко. Одинаково рѣдко бываетъ отступленіе татаръ отъ національнаго костюма, но есть одиночные случаи между служащими татарами-мухаметанами, присвоившими себѣ европейскій костюмъ. Богатые татары-купцы строго придерживаются своей національной одежды, надѣвая однако же купеческій мундиръ при торжественныхъ случаяхъ, но при этомъ и тюбетейку, вышитую золотомъ, серебромъ или унизанную жемчугомъ. Наиболѣе всего усвоили себѣ татары посѣщеніе русскихъ трактировъ, въ этихъ заведеніяхъ главное ихъ питье составляютъ пиво и чай. То и другое выпивается въ неподражаемомъ количествѣ, до 12 бутылокъ

пива и 20 чашекъ чаю. Кромѣ того они любятъ селянку изъ стерлядей и настойку бальзамъ, изъ душистыхъ травъ, на крѣпкой водкѣ. Тутъ же они исключительно курятъ табакъ и слушаютъ органъ.

Въ отношеніи семейной жизни ихъ слѣдуетъ замѣтить, что очень немногіе изъ самостоятельныхъ татаръ имѣютъ по нѣсколько женъ, бѣдные же при первой возможности заводятся нѣсколькими женами, расчитывая на ихъ работу, которая въ сущности очень плоха. По большей части многоженство ограничивается двумя женами, причемъ выбираютъ себѣ вторую, молодую тогда, когда уже первая состарилась, чего она достигаетъ къ 35 годамъ отъ сильнаго употребленія бѣлила и румянъ на лицѣ, намазыванія бровей и рѣсницъ сюрьмою, зубовъ — чернильно орѣховымъ растворомъ и ногтей отваромъ изъ череды и квасцовъ.

Грамотность и обученіе татаръ состоитъ въ слѣдующемъ. При каждой мечети состоитъ школа въ вѣдѣніи муллы или мудероса, т. е. учителя, занимающагося обученіемъ дѣтей. Мудеросъ и его ученики постоянно вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, гдѣ учатся, ѣдятъ и спятъ. Школа содержится на счетъ подаяній богатыхъ татаръ. Дѣти принимаются въ школу 7-ми лѣтъ и остаются въ ней 5 лѣтъ; тѣ же изъ нихъ, которые желаютъ быть священнослужителями, продолжаютъ свое ученіе еще нѣсколько лѣтъ и затѣмъ, для окончанія курса, отправляются на нѣкоторое время въ Бухару, либо въ другіе средне-азіятскіе города, въ новѣйшее же время—въ Египетъ.

Ученіе начинается съ азбуки, послѣ которой переходятъ къ чтенію сокращеннаго алкорана и затѣмъ читаютъ разныя татарскія книги, между прочимъ тѣ, которыя писаны въ Казани. Наконецъ ученикамъ даютъ понятіе о торговлѣ, по книгѣ Мухаммедъ-Еффенди, и если учитель знаетъ по арабски, либо персидски, то обучаетъ какъ этимъ языкамъ, такъ и ихъ грамматикѣ. Во всякомъ случаѣ, самое серьезное изъ всего обученія составляетъ предметъ торговли, къ которой казанскіе татары очень склонны и, какъ только кому нибудь изъ поселянъ посчастливилось собрать хоть небольшой капиталъ, онъ не долго думаетъ, бросаетъ свои прежнія занятія и начинаетъ искать счастія въ мелочной торговлѣ.

Вознагражденіе учителямъ за ихъ труды самое ограниченное, больше натурою, чѣмъ деньгами; мука, медъ, чай, хлѣбъ и подобные продукты приносятся учениками въ даръ ихъ учителю, составляя въ общей сложности не болѣе 100 р. с. въ годъ. Ученіе продолжается всю недѣлю, за исключеніемъ пятницы. Обращеніе съ учениками не подчинено никакому контролю и зависитъ вполнѣ отъ характера и пониманія своего дѣла учителемъ; поэтому тѣлесное наказаніе и посаженіе ученика въ подполье не есть рѣдкость. Завтраки въ 8 ч. утра и обѣдъ въ 6 ч. вечера приготовляются по жребію однимъ изъ учениковъ. Татарскія дѣвочки также обучаются чтенію и письму, по большей части у своихъ

матерей, или завѣдуетъ этимъ жена муллы. Кромѣ того онѣ обучаются вышиванію золотомъ сапожковъ и тюбетеекъ.

Для распространенія татарской грамотности заведена въ Казани съ 1802 г. типографія восточныхъ языковъ при университетской типографіи. Она печатаетъ книги преимущественно на татарскомъ языкѣ и религіознаго содержанія.

По существу своему школы татарскія тѣмъ и хороши, что онѣ чисто народныя. Къ этому нужно прибавить, что въ послѣднее время, какъ исключеніе, появились у богатыхъ татаръ гувернантки отъ одной до 3, обучающія дѣтей русскому и нѣмецкому языкамъ. Всѣхъ татаръ въ предѣлахъ Казанской губерніи 482,809 д. обоего пола.

Въ 1868 году въ предѣлахъ Казанской губерніи считалось 729 мечетей. Этому не мало помогаетъ простота постройки мечетей, деревянный матеріалъ, который по преимуществу потребляется и дешевизна послѣдняго въ Казанской губерніи.

Одежда татаръ мущинъ состоитъ: изъ ситцевой китайки или миткалевой рубахи, широкаго исподняго платья, иногда шелковаго; изъ бумажныхъ чулокъ, башмаковъ черныхъ или зеленыхъ, маленькаго камзола безъ рукавовъ и сверхъ него большой, съ рукавами; оба камзола шелковые или парчевые; далѣе слѣдуютъ халатъ или кафтанъ изъ сукна, подпоясанный шелковымъ кушакомъ. На головѣ вышитая тюбетейка и сверхъ нея шапка, въ видѣ боярской, съ бобровою опушкою. Затѣмъ описанная одежда измѣняется, доходя у бѣднаго до самой простой, при чемъ длинные сапоги у крестьянъ замѣняются лаптями, а шапка бѣлою конусообразною покрышкою изъ войлока.

Отличительная черта татаръ состоитъ еще въ томъ, что они никогда не подпоясываютъ свою рубашку. Большая часть татаръ брѣютъ свои головы, что строго соблюдается во время поста, но нѣкоторые только коротко остригаются. Съ виду простонародье грязнѣе русскихъ, хотя по настоящему можно было бы ожидать противное явленіе отъ частаго омовенія и проч.

Тѣ изъ татаръ, которые поступаютъ въ услуженіе въ русскіе дома, въ видѣ кучеровъ и дворниковъ, совершенно подчиняются нашимъ обычаямъ и пищѣ, пріобрѣтая скоро довѣріе хозяевъ своею исправностью и готовностью на всякое дѣло. И дѣйствительно, татары на все хороши, лишь бы не пахать; послѣднюю работу они не выдерживаютъ, чему отчасти виною ихъ религія, приковывающая женщинъ къ дому, вслѣдствіе чего татарину, за неимѣніемъ помощниковъ, приходится работать постоянно одному въ то время, какъ у русскихъ женщины составляютъ главное подспорье въ полевыхъ работахъ.

Обыкновенная пища татаръ-поселянъ состоитъ утромъ и вечеромъ изъ болтушки, вареной муки съ солью въ водѣ; за обѣдомъ они ѣдятъ салму, т. е. мучные шарики иногда съ мясомъ и лепешки изъ гречневой муки. Кто побогаче, ѣстъ лапшу и пельмени, а въ праздники

лошадиное и баранье мясо. Конину употребляетъ исключительно сельское населеніе.

Татары отличаются гостепріимствомъ, угощая пріѣзжихъ всѣмъ, что имѣютъ. При этомъ чай играетъ главную роль.

Свадьбы татарскія устраиваются по преимуществу черезъ свахъ, при чемъ нерѣдко бываетъ, что женихъ и невѣста не видятъ и не знаютъ другъ друга впредь до замужества. Во время совершенія самаго брака, мулла, вѣнчая отсутствующихъ жениха и невѣсту, обращается къ присутствующимъ отцамъ обѣихъ сторонъ съ вопросомъ на согласіе. Между тѣмъ отъ невѣсты зависитъ принять послѣ свадебнаго пира денежный подарокъ гостей подъ названіемъ шербетъ, причемъ принятіе означаетъ согласіе на замужество, противное же — отказъ. Кромѣ того замѣчательно, что татарская свадьба иначе не устраивается, какъ вслѣдствіи договора, по которому женихъ платитъ отцу невѣсты извѣстную сумму денегъ, подъ названіемъ *калыма*, о которомъ непремѣнно упоминается муллою, во время совершенія бракосочетанія. Этотъ калымъ составляетъ обезпеченіе невѣсты впослѣдствіи при разводѣ и употребляется на приданое, то есть семейство невѣсты, выдавая ее замужъ, ничего не расходуетъ. Разводъ совершается чрезъ муллу, безъ всякаго затрудненія и по желанію одной изъ сторонъ.

Нельзя также пройти молчаніемъ обрядъ, совершаемый надъ умирающимъ и умершимъ. Такъ, во время кончины надъ больнымъ читаетъ мулла или одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ изъ алкорана о воскресеніи мертвыхъ, безпрестанно окликая умирающаго, на что, если только больной въ памяти, онъ отвѣчаетъ: нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мухаммеда, его пророка. Послѣ смерти тѣло кладутъ на столъ, ногами къ сторонѣ Мекки. Затѣмъ омываютъ тѣло. Послѣ того покрываютъ его тремя саванами, одинъ отъ шеи до колѣнъ, другой во весь ростъ, а третій кладется поверхъ двухъ нижнихъ и завязывается у головы и ногъ. Женщинъ отъ головы до колѣнъ пеленаютъ; волоса у нихъ распускаются по сторонамъ и лица ихъ закрываются особымъ холстомъ. Весь этотъ процессъ надъ умершими совершаютъ женщины, которыя затѣмъ удаляются. Далѣе тѣло кладется на лубокъ и, если смерть воспослѣдовала утромъ, то покойника хоронятъ вечеромъ, а если вечеромъ, то на другое утро. Покойника несутъ весьма скоро на кладбище, на плечахъ, останавливаясь передъ мечетью, для краткой молитвы.

Въ вырытой могилѣ дѣлается съ боку ниша, въ которую вкладываютъ покойника на правый бокъ, лицомъ къ Меккѣ. Затѣмъ замазываютъ нишу.

Во время погребенія женщины читаютъ на дому алкоранъ и подаютъ милостыню. Въ этотъ же день соблюдается строгій постъ и не употребляютъ никакой пищи. Муллу за совершеніе обряда дарятъ деньгами, либо натурою: лошадь, корову. Платье покойника и его алко-

ранъ отдаются пономарю. По истеченіи 3—7 дней дѣлается обѣдъ. Тоже совершается въ 40 день и по прошествіи года. Все это сопровождается раздачею разныхъ пособій бѣднымъ и поминками, во время которыхъ мулла читаетъ тексты изъ алкорана.

Подаянія эти большею частію совершаются на томъ основаніи, что по алкорану воздается всякому въ небесахъ то, что онъ самъ дѣлалъ на землѣ.

Могилы татарскія представляютъ довольно печальный видъ. Это какое-то поле съ продолговатыми большими кочками, изъ коихъ нѣкоторыя покрыты плитами, нѣкоторыя же могилы обнесены четыреугольнымъ срубомъ или просто частоколомъ. Иногда памятники имѣютъ видъ столбовъ съ квадратнымъ основаніемъ, въ видѣ сирійскихъ на нѣкоторыхъ же гробницахъ плиты врываются въ землю стоймя, какъ на аравійскихъ кладбищахъ.

Надгробныя надписи содержатъ всегда текстъ изъ алкорана, либо воздается хвала Аллаху, потомъ слѣдуетъ имя покойника, его лѣта, день и годъ кончины. Къ религіознымъ обрядамъ слѣдуетъ еще отнести порядокъ справленія двухъ праздниковъ: рамазана и курбана. Рамазанъ или магометанскій постъ ежегодно справляется впродолженіе одного луннаго мѣсяца, начинается изъ года въ годъ 11 днями раньше по исчисленію мухаммеданъ, не признающихъ нашихъ календарей. Этотъ праздникъ установленъ въ память ниспосланія алкорана въ 26 и 27 день поста. Впродолженіи этого поста отъ восхода солнца до вечера ни одинъ мухаммеданинъ не имѣетъ права ѣсть и пить. Эта строгость имѣетъ особенно пагубное вліяніе на рабочій народъ, если празднованіе рамазана выпадаетъ на лѣтнее время и притомъ въ знойное лѣто. За то отъ захода солнца до разсвѣта, каждый имѣетъ право ѣсть и пить, сколько кому угодно. Отступленіе отъ поста дозволяется больнымъ и находящимся въ пути, но и это снисхожденіе болѣе отсрочка и должно быть замѣщено другимъ временемъ года, по пріѣздѣ на мѣсто или выздоровленіи и исключительно замѣняется угощеніемъ бѣдныхъ.

Во время рамазана въ мечетяхъ совершается ежегодно служба, причемъ вся масса молящихся относится въ ней съ особеннымъ благоговѣніемъ. Съ появленіемъ новаго мѣсяца, о чемъ оповѣщаютъ муллы, прекращается рамазанъ, продолжающійся до 29 дней. На другой день его окончанія, татары имѣютъ обыкновеніе совершать общее народное моленіе и затѣмъ отправляются всѣ на кладбище, гдѣ прочитываются нѣкоторыя главы изъ алкорана, послѣ чего слѣдуетъ угощеніе, обоюдное поздравленіе и посѣщеніе. Другой праздникъ татаръ, курбанъ, учрежденъ мухаммеданами въ память Авраамова жертвоприношенія. Начало этому празднику опредѣляютъ по полулунію, спустя два мѣсяца послѣ рамазана. Слѣдовательно и этотъ праздникъ, какъ и предъидущій, переходящій. Продолжается онъ 11 дней. Наканунѣ курбана со-

блюдается постъ, т. е. воздержаніе отъ всякой пищи вплоть до полудня самаго праздника. Съ восхожденіемъ солнца, татары собираются въ мечети и совершаютъ богослуженіе, при особенныхъ для этого случая молитвахъ. Затѣмъ каждый изъ домохозяевъ закалываетъ собственноручно у себя дома какое нибудь мелкое животное; всѣхъ-же головъ, приносимыхъ въ жертву, должно быть не меньше, чѣмъ членовъ семейства, а крупныя животныя въ видѣ коровы, лошади и даже верблюда приносятся въ жертву вмѣсто нѣсколькихъ мелкихъ. Разрѣзанныя части кладутся въ особо для сего приготовленномъ котлѣ, на чистомъ воздухѣ. По свареніи, каждый членъ семьи, мулла и множество бѣдныхъ получаютъ кусокъ разварившагося мяса съ бульономъ.

Къ народнымъ, нерелигіознымъ праздникамъ, относится сабанъ (соха или плугъ), установленный въ честь весны и начала весеннихъ работъ, почему и празднуется онъ въ деревняхъ вслѣдъ за сходомъ снѣга, продолжаясь недѣлю съ пятницы до пятницы.

Праздникъ этотъ заключается въ томъ, что татары отъ стараго до молодаго собираются на какомъ нибудь полѣ и тутъ предаются разнымъ играмъ, въ которыхъ исключительно принимаютъ участіе мужчины, тогда какъ ихъ разряженныя женщины сидятъ вдали въ кибиткахъ, довольствуясь однимъ зрѣлищемъ праздника.

Эти народныя игры довольно замѣчательны, и по своей оригинальности достойны вниманія: нѣсколько человѣкъ ложатся брюхомъ на землю, плотно другъ къ другу, и покрываются кожею. Имъ въ руки дается веревка, къ которой привязана рука атамана играющихъ такъ, чтобы его не стѣснять въ своихъ движеніяхъ вокругъ лежащихъ; дѣло атамана защищать лежащихъ товарищей отъ ударовъ другихъ играющихъ, стараясь въ свою очередь ударить кого либо изъ нападающихъ. При этомъ бываетъ, что атаманъ, кидаясь во всѣ стороны, нерѣдко топчетъ своихъ и прыгаетъ по нимъ. Лишь только удалось атаману ударить одного изъ противной партіи, нападающіе бросаются на лежащихъ и бьютъ ихъ жгутами до тѣхъ поръ, пока тѣ не встанутъ. Тогда ложится противная партія, а атаманомъ дѣлается тотъ, кого удалось ударить.

Другая игра состоитъ въ томъ, что наличное число играющихъ сходятся, въ разстояніи другъ отъ друга на 2 шага, въ кружокъ, одинъ остается внѣ круга. Этотъ послѣдній долженъ поймать у кого нибудь изъ составляющихъ кругъ узелъ изъ платковъ, либо другое шарообразное тѣло, которое перекидывается отъ сосѣда къ сосѣду. Если ловецъ поймаетъ шаръ во время полета или на полу, то это въ счетъ пейдетъ, такъ точно, какъ нейдетъ въ счетъ передача узла, поперегъ круга или черезъ человѣка. Передача непремѣнно должна быть производима отъ сосѣда къ сосѣду.

Кромѣ того устраивается борьба съ вознагражденіемъ побѣдившаго

мелкою серебряною монетою. Борющіеся связываются кушаками, стараясь повалить другъ друга.

Далѣе устроиваютъ для мальчиковъ бѣгъ и скачки на деревенскихъ лошадяхъ. Перегнавшій получаетъ платокъ или какую нибудь другую вещь.

При благопріятной погодѣ, татарскія семейства, наигравшись вдоволь, пьютъ чай на чистомъ воздухѣ съ женами и дѣтьми. Здѣсь же пристраиваются разные разнощики со всякими лакомствами въ видѣ пряниковъ, орѣховъ, мороженнаго, меда, пива и т. д.

8. Германскіе колонисты въ поволжскихъ губерніяхъ.

а) общій обзоръ иностранной колонизаціи.

Первый примѣръ земледѣльческаго водворенія у насъ иностранцевъ относится ко времени императрицы Елизаветы; онъ находится въ прямой связи съ тогдашней политикой нашей въ отношеніи Польши и Турціи.

Извѣстно, что въ то время юговостокъ, югъ и югозападъ нынѣшней Европейской Россіи состояли изъ цѣпей, которыми Россія отдѣлялась отъ разныхъ кочевыхъ ордъ—башкиръ, калмыковъ, киргизъ-кайсаковъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Оренбургской, Уфимской, Самарской и Астраханской.

На юго-западѣ границею съ Турціею и Польшею служилъ по преимуществу Днѣпръ. Нынѣшняя Харьковская и южная часть Воронежской губерніи входили въ составъ особаго намѣстничества, переименованнаго въ Слободскую Украину. Здѣсь, въ слободѣ, по системѣ Дона и Донца водворялись казаки, выходцы изъ за днѣпровской, въ то время польской Украины. Русское осѣдлое населеніе было весьма рѣдкое, даже въ большей части нынѣшней Саратовской губерніи. Оно ограничивалось главнымъ образомъ правымъ берегомъ Волги и отчасти линіями побочныхъ рѣкъ, впадающихъ въ нее и въ Донъ. Правительство неоднократно, для привлеченія русскихъ переселенцевъ на югъ и юго-востокъ, раздавало имъ земли въ вотчину или въ помѣстья, съ обязательствомъ нести пограничную ратную службу противъ хищническихъ набѣговъ ордынцевъ. Императрица Елизавета, изъ желанія обезопасить юго-западъ Россіи, поручила австрійской службы полковнику Хорвату, навербовать заграницею полки изъ Сербовъ; это было въ 1751 году. Онъ, дѣйствительно, не замедлилъ привести въ Россію два полка: гусарскій и Пандурскій, состоявшій изъ сербовъ, грековъ, венгерцевъ, черногорцевъ, болгаръ, молдаванъ и валаховъ. Ихъ поселили «на Украйнѣ за Днѣпромъ», около бывшей польской границы. Самая мѣстность, ими занятая, часть нынѣшней Екатеринославской губ., получила наименованіе «Новой Сербіи». Въ 1764 году «Новая Сербія» переименована въ Новороссійскую губ.

Эпохѣ императрицы Екатерины II-й и императора Александра I-го, выпало на долю окончательно утвердить наше владычество съ одной стороны до Урала, а съ другой—до Кавказа, Чернаго моря, Прута и Дуная. По Кучу-Кайнарджійскому миру въ 1774 году мы пріобрѣли между прочимъ Крымъ; но только въ 1783 году воспослѣдовало уничтоженіе автономіи Крымскаго ханства и полное присоединеніе его владѣній къ Россіи подъ наименованіемъ Таврической губ. По миру Ясскому, 1792 г., границею нашею съ Турціею сдѣлался Днѣстръ, оставаясь ею до Бухарестскаго мира (1812 г.), передвинувшаго границу на Прутъ и Дунай.

Всѣ вновь пріобрѣтенныя степныя пространства предстояло оживить осѣдлымъ

земледѣльческимъ населеніемъ и, водворивъ тамъ гражданственность сдѣлать пріобрѣтеніе ихъ выгоднымъ, прочнымъ, безопаснымъ. Для осуществленія этого не доставало у насъ ни людей вообще, ни собственно надежныхъ колонизаторовъ. Императрица Екатерина II-я. манифестомъ отъ 4-го декабря 1762 года, призывала изъ Европы всѣхъ желающихъ, исключая евреевъ, свободно селиться въ новыхъ степныхъ владѣніяхъ нашихъ. Призывъ этотъ не оказалъ желаемаго дѣйствія, такъ какъ манифестъ, кромѣ призыва къ поселенію, не заключалъ въ себѣ никакихъ положительныхъ гарантій въ пользу будущаго гражданскаго положенія новыхъ переселенцевъ. Тогда императрица, 22 іюля 1763 года, издала вновь манифестъ, послужившій краеугольнымъ камнемъ всей нашей колонизаціи.

Манифестъ дозволялъ иностранцамъ селиться въ Имперіи, гдѣ только пожелаютъ; имъ обѣщана была полная свобода вѣроисповѣданія; имъ предоставлено право строить церкви и колокольни, имѣя потребное число пасторовъ и прочихъ церковнослужителей; они избавлялись отъ какихъ бы то ни было податей въ казну; имъ обѣщано значительное денежное вспомоществованіе для первоначальнаго обзаведенія; они избавлялись отъ военной и гражданской службы; мало того, они получали деньги на путевыя издержки и пр.

Этотъ манифестъ не замедлилъ оказать желаемое дѣйствіе, особенно въ Германіи, куда правительствомъ были отправлены коммиссары для пріема переселенцевъ и для доставленія ихъ въ Россію. Уже начиная съ 1764 г. вплоть до 1770 г., явились изъ разныхъ мѣстъ Германіи партія за партіею, которыя водворялись преимущественно въ низовомъ Поволжьѣ и частью въ губерніяхъ Черниговской, Лифляндской, С.-Петербургской и нынѣшней Воронежской (Слободско-Украинской).

Въ 1764 году вышло новое постановленіе, въ силу котораго каждая семья колонистовъ получала по 30-ти десятинъ земли, полагая 15-ть десятинъ пашенной, 5-ть десятинъ сѣнокосной, 5-ть десятинъ лѣсныхъ угодій, и 5-ть десятинъ подъ усадьбу. Одна часть поволжскихъ колонистовъ заняла лѣвое побережье Волги въ нынѣшней Самарской губ., другая водворилась въ Саратовской губерніи. Всего же образовалось 102 поволжскія колоніи. И хотя оставалась незанятою большая часть территоріи, которую предполагалось заселить иностранцами, но правительство убѣдилось, что на принятыхъ основаніяхъ продолжать переселеніе и крайне раззорительно, и не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Принятіе коммиссарами въ число переселенцевъ безъ разбора всѣхъ «желающихъ» на полное иждивеніе казны съ мѣста и со дня зачисленія въ партію—привлекло массу народа негоднаго, который положительно не соотвѣтствовалъ условіямъ успѣшной колонизаціи. Поэтому, а также вслѣдствіе турецкихъ и польскихъ войнъ, съ 1770 года вызовъ и пріемъ переселенцевъ изъ заграницы былъ временно пріостановленъ. Только 12 лѣтъ спустя, мы видимъ новыя попытки колонизировать Новороссійскій край, Крымъ и Бессарабію. Въ 1782 году князь Потемкинъ водворяетъ въ Херсонской губ. партію шведовъ съ острова Даго, а также и плѣнныхъ шведовъ. Пять лѣтъ спустя, въ Новороссію переселяются менониты изъ окрестностей Данцига, а также и другіе нѣмецкіе колонисты и частью изъ С.-Петербургской губерніи.

На основаніи манифеста 1763 года, для управленія колонистами учреждена была въ Петербургѣ особая канцелярія, получившая названіе: «канцеляріи опекунства иностранцевъ», упраздненная въ 1782 году. Въ 1837 году колонисты поступили въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Императоръ Александръ I-й въ 1810 году прекратилъ всякія пособія на переселеніе, а съ 1819 года—и самый вызовъ иностранцевъ.

Иностранные переселенцы въ Россіи выходцы изо всѣхъ почти частей Германіи, между ними встрѣчаются какъ католики, такъ и протестанты и наконецъ послѣдователи разныхъ протестантскихъ сектъ, менониты и сепаратисты. Обез-

печенные разными льготами и благодаря своему трудолюбію, они достигли весьма значительнаго благосостоянія; въ особенности это удалось колонистамъ изъ секты менонитовъ. Преобладающее занятіе у колонистовъ составляетъ сельское хозяйство со всѣми его отраслями; ремесла составляютъ у нихъ только побочныя занятія при промыслахъ сельскихъ. Исключеніе составляютъ колонисты Полтавской губ., которые суть суконные фабриканты; они и были вызваны съ цѣлью распространить въ краѣ суконное производство.

Ни въ какой губерніи Россіи нѣмцы не представляютъ обширныхъ массъ населенія, занимающихъ сплошныя пространства, а напротивъ, или сгруппированы болѣе или менѣе значительными колоніями между русскимъ населеніемъ, какъ напр. въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, или разсѣяны по всей странѣ, въ которой они составляютъ высшій классъ населенія, какъ напр. въ Остзейскихъ губерніяхъ, или сгруппированы въ значительныхъ городахъ, какъ напр. въ столичныхъ губерніяхъ.

b) Нѣмецкіе колонисты Самарской губерніи.

Занимаемое колонистами въ Самарской губерніи пространство земли, по теченію рѣки Волги, равняется 9,370 кв. верстъ. Заселеніе колонистовъ произошло при Императрицѣ Екатеринѣ II, когда она манифестами 4 декабря 1762 и 22 іюля 1763 г. приглашала на поселеніе въ Россію иностранцевъ. Послѣднимъ манифестомъ иностранцы-колонисты освобождались отъ платежа податей, службъ и отъ всякихъ налоговъ.

Для поселившихся колоніями льготы эти были даны на 30 лѣтъ; причемъ поселенцамъ на построеніе домовъ, обзаведеніе хозяйствомъ и скотомъ назначено было выдать изъ казны, заимообразно безъ процентовъ, потребное количество денегъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя были возвращены черезъ 10 лѣтъ — въ опредѣленный 3-хъ лѣтній срокъ. Поселившимся особыми колоніями оставлена ихъ внутренняя юрисдикція. Они были избавлены отъ военной и гражданской службы, кромѣ обыкновенной земской, и то по прошествіи льготныхъ лѣтъ.

Изъявившимъ желаніе ѣхать на поселеніе во внутрь Россіи выдавать кормовыя деньги и подводы безплатно, до мѣста ихъ поселенія. Колонистамъ дозволено открывать у себя по усмотрѣнію торги и ярмарки безъ всякаго за это побора. По прошествіи льготнаго срока, колонисты обязаны платить обыкновенныя подати и нести земскія повинности наравнѣ съ прочими податными сословіями. Кромѣ того, всѣ отведенныя подъ поселеніе колонистовъ земли присвоены имъ въ вѣчное потомственное владѣніе, но не въ личную кого либо, а въ общественную каждой колоніи собственность, „безъ права отчужденія въ постороннія руки“. (Свод. Закон. 12 т. ч. II, изд. 1857 г., стр. 118).

Принятіе коммиссарами за границею переселенцевъ безъ разбора привлекло сначала народъ безпріютный, бродячій. Этотъ-то людъ, втеченіе 3—4 лѣтъ, былъ перемѣщенъ въ низовое Поволжье. Много натерпѣлись, въ первое время своего поселенія, колонисты отъ зимнихъ

стужъ и вьюгъ, отъ набѣговъ калмыковъ и башкиръ, а также и отъ шаекъ Пугачева. Особенную энергію въ такихъ случаяхъ выказали Голландцы, появившіеся въ Екатериненштадтѣ (1772 г.), которые кромѣ хлѣбопашества начали засѣвать и табакъ.

Съ 1770 г. прекращено всякое новое изъ заграницы переселеніе колонистовъ.

Колоніи всѣ безъ исключенія построены по планамъ. Въ нихъ болѣе $^1/_3$ части домовъ каменныхъ, а остальные деревянные; всего домовъ 13,020, такъ что каждый домъ приходится на 10 душъ обоего пола, и кромѣ того разныхъ общественныхъ зданій, какъ-то училищъ и проч. 480. Церквей католическихъ 22, лютеранскихъ 43; по вѣроисповѣданію колонисты распредѣляются такъ: православныхъ 110 м. и 94 ж., евангелическ. 47,800 м. и 43,304 ж., римско-католическ. 19,260 м. и 18,285 ж.

Менонитовъ 660 м. и 600 ж. — По числу прихожанъ, въ сложности, приходится 1 приходъ (у лютеранъ) на 6,714 душъ, а у католиковъ — на 3,128 обоего пола душъ.

По наружному виду колонисты высоки ростомъ, большею частью худощавы, но мускулисты, сильны и въ работѣ сносливы; волосы у нихъ темнорусые и черные, глаза каріе или сѣрые; бѣлокурыхъ или рыжихъ весьма мало. (Такіе сѣверо-германскіе типы встрѣчаются только у менонитовъ); женщины тоже высоки ростомъ и худощавы; красавицъ между ними мало; онѣ рано выходятъ замужъ и отъ безпрерывной работы рано старѣютъ.

Нарядъ мужчинъ: бѣлая рубашка, черный галстукъ, короткій жилетъ съ металлическими пуговицами, сапоги поверхъ штановъ и синій домашняго сукна или нанковый кафтанъ; дома же и во время работъ, вмѣсто сапогъ употребляютъ также высокіе башмаки; на головѣ шапка или русская черная шляпа; у женщинъ короткая, синяя юбка и короткій синій съ блестящими пуговицами и красными разводами спенсеръ, далеко не доходящій до юбки; голова не покрыта, только въ полѣ надѣваютъ соломенныя шляпы домашней работы, съ предлинными полями, остроконечною тульею и завязками у подбородка. Синій цвѣтъ преобладаетъ у колонистовъ. Отличительный характеръ колонистовъ — кропотливость, аккуратность и бережливость. Пища состоитъ изъ мяса, большею частью свинаго, картофеля и молока. Хлѣбъ употребляется пшеничный и ситный изъ ржаной муки. Хлѣбосольство колонисту мало знакомо; точно также онъ не любитъ и лакомства.

Въ каждомъ семействѣ дѣтей довольно. Такого множества дѣтей между нашими крестьянами не встрѣтишь. Это объясняется отчасти

болѣе внимательнымъ здѣсь уходомъ за дѣтьми, которыхъ обуваютъ и одѣваютъ по большей части какъ слѣдуетъ, не подвергаютъ всѣмъ случайностямъ суроваго климата, кормятъ лучше, но не позволяютъ ѣсть цѣлый день всякую всячину, а потому здѣсь между дѣтьми смертность почти въ полтора раза меньше, чѣмъ у прочихъ поселянъ. Этимъ объясняется быстрое возрастаніе населенія въ колоніяхъ, чему отчасти способствуетъ и свобода отъ рекрутства, привольность мѣстъ и хорошій климатъ.

Дѣти и женщины по русски не говорятъ, даже взрослые мужчины многіе знаютъ по русски только нѣсколько обыденныхъ фразъ.

Колонисты любятъ дома просторные; мебель въ комнатахъ простая, но прочная; раскрашенный сундукъ, кровать съ высокими ножками и ситцевыми занавѣсами, стѣнные часы, зеркало, развѣшанныя полотенца съ узорами и вышитыми цвѣтами, бумажные цвѣты, расписанныя масляной краской стѣны, — вотъ внутренній видъ жилища болѣе или менѣе зажиточнаго колониста. Семейные раздѣлы у колонистовъ не рѣдки.

Исключительное занятіе колонистовъ составляетъ земледѣліе. Въ ихъ распоряженіи находится до 380 т. дес. пахотной земли. Система хозяйства—переложная, трехлѣтняя. Пахатныя земли повсемѣстно обрабатываются безъ удобренія. Навозъ, за недостаткомъ дровъ, обращается въ топливо.

Обработка земель производится исключительно плугомъ, — ничѣмъ не отличающимся отъ малороссійскаго плуга, находящагося во всеобщемъ употребленіи въ Новоузенскомъ уѣздѣ. По приблизительному вычисленію каждая семья чистаго доходу отъ земледѣлія (Никол. уѣздѣ), получаетъ 308 р., тогда какъ у прочихъ поселянъ чистаго доходу падаетъ на каждую семью слишкомъ въ пять разъ менѣе, именно 54 р. и 159 р. въ Новоузенскомъ уѣздѣ, а у прочихъ поселянъ 89 р. с. Поля колонистовъ засѣваются преимущественно яровыми хлѣбами и наиболѣе всего пшеницею.

Хлѣбъ колонистами жнется, а при высокихъ цѣнахъ на уборку и при плохомъ урожаѣ — скашивается. Умолотъ хлѣба производится по большей части лошадьми, по примѣру крестьянъ; впрочемъ у менонитовъ введены для этого каменные валы и нѣсколько молотилокъ. Примѣру ихъ начинаютъ слѣдовать и нѣмцы — колонисты, такъ что въ Екатериноградской колоніи образовалось въ послѣднее время новое ремесло по устройству молотильныхъ машинъ. Послѣ хлѣбопашества вся дѣятельность колонистовъ главнымъ образомъ сосредоточена на табачныхъ плантаціяхъ, отъ которыхъ они имѣютъ значительный доходъ.

Эта отрасль хозяйства начала развиваться въ колоніяхъ со второй четверти текущаго столѣтія.

Въ 1830 году основана была въ Саратовѣ колонистомъ Штафомъ табачная фабрика. Это много способствовало распространенію табачныхъ плантацій. Штафу удалось даже убѣдить колонистовъ заняться разведеніемъ американскаго и мэриландскаго сортовъ табаку, которыхъ въ колоніяхъ дотолѣ не воздѣлывалось. Число десятинъ, засѣваемыхъ въ настоящее время (1872 г.) табакомъ, простиралося до 6,200. Въ настоящее время колонисты засѣваютъ, преимущественно, слѣдующіе сорта табаку: русскій, нѣмецкій, турецкій и отчасти виргинскій, египетскій и гаванскій. Сѣмена лучшихъ сортовъ выдаются изъ Саратовской конторы и отчасти присылаются изъ департамента сельскаго хозяйства. Сѣмена русскаго, нѣмецкаго и американскаго табака колонисты сами собираютъ. Лучше всего произрастаютъ американскій и переродившійся изъ виргинскаго, называемый нѣмецкимъ; послѣдній въ торговлѣ является въ двухъ видахъ — желтаго, употребляемаго на сигары, и зеленаго.

Табачныя сѣмена, назначенныя для посѣва, завязываются въ шерстяныя тряпки и, по замочкѣ, содержатся въ теплотѣ до тѣхъ поръ, пока они не проростутъ; затѣмъ ихъ смѣшиваютъ съ пескомъ и разсѣваютъ въ парники въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля мѣсяца. Парошни или правильнѣе, паровыя гряды, состоятъ изъ выкопанной канавы, глубиною въ $^1/_4$ аршина, шириною въ 1 аршинъ и произвольной длины, въ эти канавы наваливается сначала перегорѣвшій черноземъ, поверхъ его накладываютъ слой жирной и рыхлой земли, толщиною въ четверть, на которой и разсѣваются сѣмена, едва прикрытыя потомъ тонкимъ слоемъ просѣянной земли. На ночь эти гряды закрываютъ соломенными щитами.

Назначенныя подъ плантаціи земли унавоживаются, пашутся же не менѣе трехъ разъ (разъ осенью и два весною). Какъ скоро сѣянцы выростутъ до двухъ вершковъ вышины, ихъ осторожно вынимаютъ и сажаютъ на пашню, въ борозды, линіями отъ $^1/_2$ до 1 аршина другъ отъ друга; высадка начинается въ началѣ іюня и продолжается до 10-го числа того же мѣсяца. Въ концѣ іюня или началѣ іюля обламываются цвѣточныя почки и побочные побѣги. Зрѣлость табака узнается по упругости и маслянистости листьевъ и по желтымъ пятнамъ на нихъ; сначала собираются нижніе листья, которые нанизываются на палку и сушатся въ особомъ сараѣ, гдѣ и остаются до поздней осени, а затѣмъ ихъ связываютъ въ папуши по 25 листьевъ въ каждую. Табакъ, предназначенный для сигаръ, складывается въ большія кучи, въ нѣсколько рядовъ, для броженія, отчего онъ получаетъ бурый цвѣтъ и запахъ; послѣ чего его выносятъ въ прохладныя мѣста.

Качество почвы имѣетъ большое вліяніе на цвѣтъ и достоинство табака: песчаная почва лучше родитъ желтый табакъ, суглинокъ —

бурый, годный для сигаръ. Колонисты мало заботятся о сортировкѣ табака при посѣвѣ и сборѣ, а потому здѣсь невозможно получить табаку исключительно одного какого либо сорта.

Въ послѣдніе годы сборъ табаку достигаетъ до 500 т. пудовъ. Одна десятина даетъ табаку отъ 50 до 100 пудовъ. Важнѣйшимъ пунктомъ отправки табаку служитъ колонія Екатериненштадтъ, всего же отправляется табаку: въ Казань, Нижній, Астрахань, Тамбовъ, Пензу, Симбирскъ, Уфимскую и Оренбургскую губерніи болѣе 300 т. пудовъ.

Нѣмецкій табакъ на мѣстѣ скупаютъ фабричные коммиссіонеры; число ихъ обыкновенно незначительно, и черезъ это они дѣлаютъ между собою стачку и цѣны на табакъ понижаютъ. Русскій табакъ закупается исключительно крестьянами небольшими партіями, а потому при продажѣ его конкуренція имѣетъ полный просторъ, а такъ какъ на русскій табакъ требованіе постоянное, то колонисты и предпочитаютъ сѣять болѣе послѣдній.

Вотъ среднія цѣны на табакъ за послѣдніе годы (4 года): на русскій отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к., нѣмецкій отъ 1 р. 30 до до 3 рублей, турецкій отъ 2 р до 3 р. 10 к. за пудъ.

При средней раскладкѣ каждая семья, занимающаяся посадкою табаку, получаетъ доходу 62 р. 71 к.

О садоводствѣ можно сказать только то, что у весьма немногихъ колонистовъ при домахъ есть небольшіе сады; искусственнаго разведенія луговъ нѣтъ, такъ какъ по сторонамъ волжскихъ притоковъ и вообще по полевымъ мѣстамъ травы растутъ въ изобиліи и хорошаго качества.

Въ пастбищахъ для скота недостатка нѣтъ. Лошади у колонистовъ отличаются отъ туземныхъ. У менонитовъ есть однако же довольно крѣпкія и рослыя лошади. Скотоводство не составляетъ особаго промысла, а удовлетворяетъ главнымъ образомъ домашнимъ потребностямъ.

Заводская и фабричная промышленность главнымъ образомъ сосредоточена въ колоніи Екатериненштадтъ. Всѣхъ заводовъ 133, изъ нихъ 65 кожевенныхъ, 45 маслобойныхъ и 6 салотоненныхъ. Кромѣ того существуетъ одна табачная фабрика.

Общее производство достигаетъ до 300,000 р. с.

Ремесленное производство между колонистами весьма ограничено. Чтобы сколько-нибудь пополнить недостатокъ въ ремесленникахъ, колонисты ежегодно назначаютъ до 100 человѣкъ мальчиковъ для обученія самымъ необходимымъ ремесламъ.

Въ отношеніи обезпеченія внутренняго благосостоянія колонистовъ, у нихъ главнымъ образомъ выдвигаются двѣ мѣры: 1) увеличеніе общественныхъ капиталовъ, и 2) вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ отъ пожаровъ. Строенія застраховываются въ дѣйствительную ихъ стоимость; погорѣльцу выдается изъ общественнаго капитала $^3/_4$ суммы убыт-

ковъ, причиненныхъ пожаромъ. Кромѣ того колонисты имѣютъ вспомогательную кассу, которая въ 1868 г. выдала въ ссуду 869,935 р. Нужно ли говорить, какое благодѣтельное вліяніе оказываютъ эти кассы на хозяйство колонистовъ?

Самый важный пунктъ въ самарскихъ колоніяхъ составляетъ колонія Екатериненштадтъ, въ особенности по отпуску хлѣба. Въ ней три церкви, до $6^1/_2$ тыс. жит. и бронзовый памятникъ Екатеринѣ II, отлитый барономъ Клодтомъ, поставленный на высокомъ пьедесталѣ. Екатерина представлена сидящею на тронѣ, въ одной рукѣ ея грамота, дарованная колоніямъ. Изъ этой колоніи одной пшеницы отправляется до 3 м. пудовъ. Здѣсь нѣкоторые колонисты; какъ то: Фейвель, Раушенбахъ, Миллеръ, Зейфертъ участвуютъ въ значительныхъ торговыхъ оборотахъ. Въ колоніи существуетъ также лѣсная пристань.

Ярмарокъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ Самарской губерніи существуетъ 11. Изъ нихъ болѣе значительная находится въ колоніи Привольной, гдѣ есть и судоходная пристань. Главные предметы торга на ярмаркахъ: пшеница, кожи, табакъ, желѣзныя издѣлія, красный товаръ и кожи. На ярмаркѣ въ колоніи Привольной распродается товару тысячъ на 200, а на остальныхъ въ общей сложности тысячъ на 400.

Правильно организованной медицинской части въ колоніяхъ не существуетъ. Нѣтъ тамъ ни больницъ, ни лечебницъ. На все населеніе изъ 133 т. д. обоего пола имѣется только два доктора. Кромѣ частной аптеки, открытой въ колоніи Екатериненштадтъ, въ нѣкоторыхъ колоніяхъ есть незначительные запасы лѣкарствъ, сдѣланные хозяйственнымъ образомъ.

За то правильно организовано оспопрививаніе и акушерская помощь. Акушерокъ считается до 200 и нѣкоторыя получили образованіе въ Пруссіи.

Нравственное и духовное воспитаніе у всякаго народа должно идти на ряду съ вещественнымъ его благосостояніемъ. У менонитовъ и протестантовъ потребность школьнаго обученія является прямымъ послѣдствіемъ вѣроисповѣданія. Въ средѣ самаго незначительнаго поселенія у нихъ первою заботою является — устройство школы; у колонистовъ же католиковъ на первомъ планѣ церковь, ея благолѣпіе и ксендзъ, а затѣмъ уже школа. Менонитское братство составляетъ преобразовавшуюся отрасль анабабтистовъ. Основатель этого братства былъ фрисландскій священникъ Меннонъ, придавшій этому ученію болѣе кроткій характеръ. Менониты отвергаютъ священство, присягу, войну и всякаго рода наказанія. Крещеніе существуетъ для однихъ взрослыхъ. Церковное устройство менонитовъ основано на избирательномъ началѣ. Нѣсколько стар-

шинъ и проповѣдниковъ, избранныхъ обществомъ, несутъ указанную имъ обязанность всю свою жизнь за ничтожное вознагражденіе.

Колоніи раздѣлены на приходы. Въ молитвенныхъ домахъ, безъ всякихъ украшеній, обыкновенно проповѣдникъ говоритъ свое слово общинѣ. Ставя себѣ едва ли не главною заповѣдью извѣстный текстъ: „въ потѣ лица твоего“ и т. д., они постоянно трудятся надъ земледѣліемъ. Нѣтъ примѣра столкновенія менонитовъ съ сосѣдями. Каждый менонитъ грамотенъ, въ каждомъ селеніи менонитовъ есть школа. Нигдѣ равенство людей не проявляется такъ наглядно, какъ у менонитовъ, которые не знаютъ и не примутъ никакихъ наружныхъ знаковъ отличій.

Совсѣмъ на иныхъ началахъ представляется намъ духовная жизнь остальныхъ колонистовъ.

Пасторъ, въ протестантскихъ колоніяхъ, можетъ занять эту должность только по избранію приходскаго общества, но право послѣдняго имѣетъ нѣкоторое ограниченіе: такъ на основаніи обычая пасторъ сверхъ опредѣленнаго жалованья 171 р. 60 к. долженъ получить земельный участокъ, квартиру съ отопленіемъ и подводы на разъѣздъ. Доходы, коими пользовались предшественники до 1832 г., не могутъ быть уменьшены по волѣ прихожанъ. Вдовѣ или дѣтямъ умершаго пастора, предоставляется на 1 годъ всѣ посторонніе доходы и жилище. Если проповѣдникъ принужденъ, по причинѣ старости или болѣзни, сложить съ себя должность, то по уставу, преемникъ обязанъ предоставлять на его содержаніе $^1/_3$ всѣхъ пасторскихъ доходовъ.

Получаемое пасторами и патерами содержаніе бываетъ различно: въ одномъ приходѣ, вмѣстѣ съ жалованьемъ, духовенство получаетъ до $1^1/_2$ тыс. руб. сер., а въ другомъ до 1 тыс.

Послѣ уборки хлѣбовъ у колонистовъ существуютъ народныя празднества, называемыя „*Кермессы*“ (престольный праздникъ); съ ними обыкновенно совпадаютъ ярмарки.

Къ чести колонистовъ нужно отнести тотъ замѣчательный фактъ, что между ними случаи уголовныхъ преступленій довольно рѣдки.

Въ основаніи нѣмецкой школы положено обученіе дѣтей религіозное. Община даетъ средства школѣ и имѣетъ вліяніе на внутренній ея порядокъ. Дѣти отъ семи лѣтъ, всѣ безъ исключенія, обязаны посѣщать школу. Указомъ 25 октября 1809 г. завѣдываніе школами возложено на духовенство, подъ вліяніемъ котораго школа сдѣлалась переходнымъ звѣномъ между крещеніемъ и конфирмаціей. Дѣти обоего пола должны посѣщать школу втеченіе восьми зимъ подъ опасеніемъ оштрафованія родителей 3 коп. за утренній и столько же за послѣобѣденный урокъ.

Податей и земскихъ повинностей съ каждой ревизной души сходитъ 7 р. 50 к. въ годъ. Съ присоединеннымъ сюда расходомъ по

колоніальному управленію и прочимъ общественнымъ надобостямъ,—весь расходъ въ колоніяхъ Самарской губерніи простирается до 439½ т. руб. сер. По распредѣленію этого расхода на число всѣхъ наличныхъ семействъ оказывается, что на каждое семейство падаетъ таковыхъ 37 р. 73 к. Если эти деньги исключить изъ общей суммы получаемаго колонистами дохода отъ хлѣбопашества и разведенія табака, то каждое семейство будетъ имѣть чистаго дохода отъ 210 до 270 руб.

Государство, подобно отдѣльной личности, стремится во внутреннемъ хозяйствѣ страны водворять болѣе справедливый порядокъ. Если одно какое либо сословіе живетъ на счетъ другихъ или пользуется особыми привилегіями, то въ замѣнъ этого оно должно оказывать извѣстныя услуги обществу въ другомъ.

Въ водвореніи на Волгѣ колонистовъ положена та идея, что, въ замѣнъ сдѣланныхъ на переселеніе ихъ пожертвованій и предоставленныхъ имъ льготъ, они внесутъ въ общество поселянъ полезныя знанія и своимъ примѣромъ пріучатъ ихъ къ лучшимъ пріемамъ сельскаго хозяйства. Въ какой степенио ни успѣшно выполнили принятую на себя миссію?

Съ самаго начала водворенія и по настоящее время они избѣгали всякихъ отношеній съ русскими. Замкнутые въ своей средѣ, чуждые русскихъ обычаевъ, они не считали для себя необходимостью знать русскій языкъ. Усвоивъ отъ своихъ отцевъ антипатію къ русскому народу, они жили среди его, какъ бы въ особомъ независимомъ царствѣ, совершенно забывъ о своемъ призваніи, о принятомъ на себя обязательствѣ по отношенію къ сельскому населенію. Они какъ будто даже и не понимали, что право на это русскимъ народомъ куплено цѣною нѣсколькихъ милліоновъ, и притомъ въ такое время, когда каждый милліонъ имѣлъ цѣнность втрое болѣе нынѣшняго; когда русскій народъ во внутреннихъ волненіяхъ отъ пугачевскаго бунта, отъ голодныхъ лѣтъ, значительныхъ войнъ и эпидемическихъ болѣзней испытывалъ самъ значительныя бѣдствія. Правда, въ отношеніи русскихъ поселянъ улучшенный способъ сельскаго хозяйства, по большей части, и не былъ вовсе приложимъ; но тѣмъ не менѣе это вовсе не снимаетъ нареканія съ колонистовъ, такъ какъ они даже и не дѣлали въ этомъ случаѣ никакихъ попытокъ. Можетъ быть, колонисты думаютъ, что они оказали обществу услугу тѣмъ, что продали хлѣбъ и табакъ, но это дѣлалось ими изъ собственныхъ личныхъ выгодъ: черезъ это многіе изъ нихъ составили себѣ значительное состояніе, что доказывается, между прочимъ, тѣмъ, сто нѣкоторые изъ нихъ производятъ закупъ и продажу хлѣба на нѣсколько сотъ тысячъ и что въ личную крѣпостную собственность

пріобрѣтено до 86,600 десятинъ земли; не говоря о томъ уже, что ими взяты лучшія приволжскія земли, цѣнность которыхъ обыкновенно возвышается по мѣрѣ приближенія къ этой рѣкѣ; слѣдовательно, тутъ первоначально въ основаніи самаго заселенія лежала уже мысль коммерческая, т. е. желаніе обогатиться. Мы не думаемъ завидовать благосостоянію колонистовъ, а тѣмъ болѣе упрекать ихъ въ наклонности къ стяжанію земныхъ благъ, мы, напротивъ, радуемся, глядя на ихъ трудолюбіе и благосостояніе; но въ то же время мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что значительная часть этого благосостоянія пріобрѣтается на счетъ другихъ. Такъ за нихъ ежегодно русскимъ народомъ уплачивается натурою и деньгами до 80,400 р. Съ другой стороны миссіонерство по части сельскаго хозяйства и не могло идти къ колонистамъ уже потому только, что собственное ихъ хозяйство въ главныхъ чертахъ могло отличаться отъ крестьянскаго. Выше крестьянъ они стоятъ только по отличительному благосостоянію, опрятности, постоянству въ трудѣ и аккуратности, свойственной ихъ націи. Все, сказанное нами, не касается менонитовъ, которые въ этомъ случаѣ составляютъ исключеніе.

Теперь, когда въ основаніи законоположенія 4-го іюня 1871 г. легла мысль уравнить колонистовъ (черезъ 10 лѣтъ) во всемъ съ прочими сельскими сословіями, когда льготы отъ рекрутскаго и воинскаго постоя, выдѣлявшія ихъ совершенно изъ русскаго общества, должны кончиться, колонистамъ слѣдовало бы серьезно отнестись къ вопросу о правахъ своего гражданства въ Россіи. Правомъ выбыть изъ Имперіи, до истеченія 10 лѣтъ, быть можетъ воспользуются многіе, главнымъ образомъ, конечно, люди достаточные; большинство же, конечно, не покинетъ своей новой родины, и этому-то большинству, чтобы вступить въ политико-соціальный строй русскаго общества, слѣдовало бы безотлагательно заняться изученіемъ русскаго языка и русской грамоты, тѣмъ болѣе, что съ закрытіемъ опекунскаго ихъ управленія, колонисты нынѣ же должны во всѣхъ случаяхъ, выходящихъ изъ разряда обыкновенной сельской жизни, встать подъ общія учрежденія и законоположенія.

c) Сарепта.

Нѣмецкая колонія Сарепта находится въ Саратовской губерніи, въ Царицынскомъ уѣздѣ, въ 28 верстахъ къ юго-востоку отъ уѣзднаго города, при рѣчкѣ Сарпѣ, недалеко отъ ея впаденія въ р. Волгу. Колонія основана въ 1765 г., братьями Евангелическаго общества (гернгутерами), при чемъ казна заимообразно на построеніе колоніи дала 48,748 рублей. При основаніи, колонистамъ даны были многія привилегіи, изъ коихъ важнѣйшія: избавленіе отъ всѣхъ податей на 30 лѣтъ, свободная торговля, самостоятельное управленіе посредствомъ

выбора своихъ судей, свободное винокуреніе и пивовареніе для своихъ потребностей и пр.

Въ настоящее время по внѣшнему виду, по постройкамъ, по множеству зелени на улицахъ Сарепта напоминаетъ маленькій городокъ Германіи; дома большею частью въ ней одноэтажные, съ очень высокими крышами, что очень удобно въ хозяйственномъ отношеніи. Постройки отличаются простотою и отсутствіемъ всякихъ украшеній. Удобство и безопасность отъ пожара—главная цѣль. Поэтому дома стоятъ другъ отъ друга въ пяти, или, мѣстами, даже въ десяти—саженномъ разстояніи. Почти передъ каждымъ домомъ (а ихъ считается въ Сарептѣ 85 каменныхъ и слишкомъ 200 деревянныхъ), посажены тополи.

Центръ Сарепты составляетъ квадратная площадь, въ срединѣ ея разведенъ маленькій садикъ съ большимъ резервуаромъ, въ который вода проведена изъ разныхъ источниковъ. Отсюда она расходится по всѣмъ направленіямъ. На всѣхъ улицахъ устроены колодцы и колоды для лошадей, постоянно освѣжающіеся новымъ притокомъ воды.

Видя всюду проведенную воду, эти огромныя деревья на улицахъ, существованіе которыхъ безъ поливки немыслимо, всѣ эти удобства, необходимыя при жаркомъ климатѣ, удивляешься трудолюбію нѣмцевъ.

Площадь Сарепты окружена со всѣхъ сторонъ прекрасными зданіями; нѣкоторыя изъ нихъ двухэтажныя.

Молитвенныя собранія бываютъ ежедневно въ 7 часовъ вечера; присутствованіе на нихъ не обязательно. Общеевропейскій костюмъ сарептянки, когда она идетъ въ церковь, дополняется безобразнымъ бѣлымъ чепчикомъ, гладко сидящимъ на затылкѣ въ видѣ яичной скорлупы. Платья носятъ вообще короткія, и потому пріѣзжія дамы подвергаются колкимъ остротамъ сарептянокъ въ видѣ благодарности за подметаніе улицъ.

Большая часть сарептянъ по русски говоритъ плохо. Нѣмецкій діалектъ ихъ непріятно звучитъ для уха, привыкшаго къ акценту нашихъ остзейскихъ губерній.

Сарептское братство состоитъ изъ 470 членовъ. Кромѣ того, въ Сарептѣ живутъ до 500 человѣкъ, находящихся въ услуженіи, большею частью изъ другихъ колоній. При такомъ незначительномъ числѣ жителей Сарепта имѣетъ 4 школы. Школы эти находятся подъ надзоромъ пасторовъ.

Земледѣліе не составляетъ главнаго занятія сарептянъ, такъ какъ климатическія условія не благопріятствуютъ хлѣбопашеству и не всегда вознаграждаютъ труды и заботы. Это обстоятельство заставило сарептянъ болѣе обратить вниманіе на торговлю и на устройство фабрикъ и заводовъ. Самый замѣчательный заводъ принадлежитъ братьямъ Гличъ. На немъ, посредствомъ пара, выработывается въ годъ отъ 20 до 25,000 п. горчицы. Заводъ мыловаренный и свѣчной, вмѣстѣ съ та-

бачною фабрикою, весьма славится въ Саратовской губерніи. Кожевенный заводъ выдѣлываетъ до 2000 подошвенныхъ кожъ, а также мастерскія столярныя, колесныя, мѣдныя, жестяныя и пр.

Въ самой Сарептѣ и въ окрестностяхъ ея много садовъ, разводимыхъ болѣе изъ любви къ садоводству, чѣмъ изъ доходовъ. Во многихъ садахъ сѣется табакъ, который здѣсь хорошо растетъ и расходится между калмыками.

Г. Лангерфельдъ устроилъ заводъ для выдѣлки сахара изъ сахарнаго тростника, но предпріятіе это, вмѣстѣ съ разведеніемъ винограда и тутовыхъ плантацій, имѣло мало успѣха. Точно также въ Сарептѣ заводили и суконныя фабрики, и этотъ промыселъ прекратился, когда оказались къ этому неблагопріятныя условія. Точно также въ первой четверти нынѣшняго столѣтія ткацкія фабрики въ Сарептѣ ввели производство матеріи, такъ называемой сарпянки, пріобрѣвшей извѣстность во всей Россіи; но это производство значительно ослабѣло вслѣдствіе введенія въ употребленіе хлопчато-бумажныхъ тканей, а въ замѣнъ того распространилось красильное производство. Отсюда видно, что виды промысловъ, на которые въ особенности обращалась дѣятельность жителей, нѣсколько разъ измѣнялись.

Надо отдать справедливость сарептянамъ, что все, что можно извлечь изъ почвы при здѣшнихъ климатическихъ условіяхъ, все, кажется, извлечено и все, что можетъ произростать при искусственной поливкѣ и давать доходъ, все разводится не смотря на громадность труда и заботъ. Если Сарепта, по внѣшнему виду, отличается отъ нашихъ городовъ и селеній, то внутренній порядокъ, чистота на улицахъ, тишина и спокойствіе, еще рѣзче выдѣляютъ эту мѣстность отъ остальной Россіи. Шума и крика или вообще уличнаго скандала никогда не слышно, такъ какъ публичная продажа питій строго воспрещена. Нравственность какъ самихъ сарептянъ, такъ и находящихся у нихъ въ услуженіи нѣмцевъ другихъ колоній, подвергается строгому контролю.

„Намъ хотѣлось побывать въ одномъ изъ домиковъ, которые такъ привѣтливо глядѣли на насъ изъ за зелени и посмотрѣть какъ живутъ сарептяне дома *). Одинъ изъ здѣшнихъ горчичныхъ фабрикантовъ предложилъ намъ войти въ его домъ. Съ улицы къ дому примыкало небольшое крыльцо. Десятилѣтній мальчикъ, сынъ хозяина, въ красной шелковой рубашкѣ, отворилъ намъ дверь, и любезный хозяинъ прямо изъ передней провелъ насъ въ большую залу, очень опрятно убранную, увѣшанную картинами и портретами. Въ одномъ концѣ комнаты стоялъ прекрасный рояль: въ Сарептѣ почти всѣ занимаются музыкой, особенно женщины. Рояль принадлежалъ хозяйкѣ, и мы спѣшили озна-

*) Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи. И. Бабста и Побѣдоносцева, (стр. 329—335).

комиться съ ея нотами, которыми была наполнена стоявшая въ углу этажерка. Здѣсь прежде всего попался намъ Гуммель, потомъ Бетговенъ, котораго, по словамъ хозяина, особенно любятъ въ колоніи, Мендельсонъ-Бартольди и др. Вся этажерка была наполнена классическими именами, обозначавшими вкусъ здѣшнихъ любителей музыки. Въ другихъ музыкальныхъ тетрадяхъ видѣли мы собраніе шведскихъ и нѣмецкихъ гимновъ и пѣсенъ. Между нотами лежали тетради нѣмецкихъ журналовъ для юношества, номера Gartenlaube и т. п. Черезъ нѣсколько времени вошла хозяйка, которая всѣмъ намъ показалась очень любезною, и мы не замѣтили, какъ прошло болѣе получаса въ разговорѣ, очень интересовавшемъ насъ. Мы слышали, что жизнь гернгутеровъ скучна и тосклива: ничего похожаго на скуку и угрюмость не замѣтили мы въ своихъ хозяевахъ. Они казались очень веселы, привѣтливы, словоохотливы и не знали, какъ нахвалиться своею жизнію въ Сарептѣ. Здѣсь, говорили они, мы не знаемъ что такое скука, мы всегда заняты и когда бываемъ въ Саратовѣ, ждемъ-не-дождемся возвращенія домой".

Каждый изъ членовъ этой маленькой общины занятъ своимъ дѣломъ цѣлое утро. Вечера они проводятъ въ семьѣ; многіе занимаются музыкой, читаютъ (въ Сарептѣ есть общественная библіотека), выписываютъ журналы и мѣняются ими другъ съ другомъ для чтенія. Музыка имѣетъ очень важное значеніе и не только въ домашней жизни, но и въ богослуженіи гернгутеровъ. Всѣ дѣйствія и событія, имѣющія религіозное значеніе, освящаются музыкой. Каждый *хоръ* или каждый отдѣлъ общественный имѣетъ свои гимны на разные случаи. Въ Гернгутѣ, какъ скоро умираетъ членъ общины, раздается съ высокой башни, при трубномъ звукѣ, гимнъ, по которому можно распознать, къ какому хору принадлежалъ умершій: каждый хоръ имѣетъ свою погребальную пѣсню. При звукахъ трубъ, съ музыкою, несутъ тѣло на кладбище. Въ день Пасхи главное торжество совершается на кладбищѣ, куда вся община отправляется съ музыкой при восходѣ солнца. Храмъ въ Сарептѣ состоитъ изъ одной большой четырехугольной залы безъ всякихъ украшеній, стѣны просто выбѣлены; наверху съ обѣихъ сторонъ сдѣланы хоры, на одной изъ стѣнъ повѣшена картина съ изображеніемъ Распятія. Вечернее богослуженіе всегда соединяется съ пѣніемъ тѣхъ стиховъ, которые относятся къ такъ называемому дневному лозунгу или библейскому тексту: выборка и назначеніе такихъ текстовъ дѣлается обыкновенно на каждый годъ для всей общины центральнымъ синодальнымъ собраніемъ. Замѣчателенъ еще у гернгутеровъ обычай частаго причащенія, которому всякій разъ предшествуетъ такъ называемая *вечеря любви*: на этой вечерѣ, съ молитвами и пѣніемъ, разносятся всѣмъ присутствующимъ чай, молоко и хлѣбное печеніе.

Въ Сарептѣ видно очень мало молодыхъ людей: они по большей части въ отлучкѣ; нѣкоторые изъ нихъ проходятъ курсъ наукъ въ

Германія въ богословскихъ семинаріяхъ, другіе живутъ въ Саратовѣ и пр.

Въ Сарептѣ есть школа, хорошо устроенная, для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно. Всѣ члены сарептскаго общества вообще знаютъ читать, писать и ариѳметику.

Всѣ члены общины раздѣляются по полу и возрасту на такъ называемые *хоры*, какъ то: хоры дѣвочекъ, мальчиковъ, холостыхъ братьевъ, незамужнихъ сестеръ, и каждый хоръ имѣетъ своего блюстителя или блюстительницу, обязанныхъ наблюдать за нравами, порядкомъ и дисциплиною въ хорѣ. На блюстителѣ лежитъ обязанность приготовлять членовъ своего хора къ причастію, въ которомъ по правилу участвуютъ всѣ черезъ четыре воскресенья: для этого онъ съ каждымъ по одиночкѣ бесѣдуетъ о душевномъ его состояніи вмѣсто исповѣди.

Такимъ образомъ во всѣхъ дѣлахъ благосостояніе колоній Сарепты поддерживается ея оригинальнымъ общественнымъ устройствомъ, своеобразныя черты котораго отражаются какъ на характерѣ промышленности, такъ и торговли этой колоніи.

d) Кеппенталь.

(Колонія менонитовъ въ юго-западной части Новоузенскаго уѣзда Самарской губерніи).

Число всѣхъ менонитскихъ колоній въ Новоузенскомъ уѣздѣ шесть: Гансау, Кеппенталь, Линденау, Фрезенгеймъ, Хогендорфъ и Орловъ; всѣ онѣ лежатъ въ незначительномъ разстояніи одна отъ другой. Въ концѣ прошлаго столѣтія менониты поселились у насъ на югѣ Россіи, гдѣ колоніи достигли значительнаго благосостоянія; въ началѣ 50-хъ годовъ XIX ст. они стали выселяться въ Самарскую губернію въ Новоузенскій и Самарскій уѣзды.

Главная улица колоніи состоитъ изъ длинной аллеи, деревья которой уже успѣли окрѣпнуть и даютъ много тѣни. По обѣимъ сторонамъ аллеи выстроены дома, отгороженные одинъ отъ другаго крѣпкимъ каменнымъ заборомъ, или живой изгородью. Весело смотритъ ферма здѣшняго колониста, окруженная цвѣтникомъ, небольшимъ садикомъ или огородомъ. Послѣ утомительнаго, долгаго путешествія по степной мѣстности, глазъ пріятно отдыхаетъ, смотря на эти цвѣтники и кусты, которые тѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ цѣну, что стоило огромнаго труда и усилія развести каждый кустъ, каждое дерево на степной почвѣ, при здѣшнемъ сухомъ климатѣ.

За каждой фермой лежатъ поля, принадлежащія къ ней, а за ними искусственно разведенный лѣсъ, который окруженъ красивой изгородью изъ боярышника съ большими иглами, такъ что скотъ не можетъ че-

резъ него пройти. По большей части лѣсъ состоитъ изъ липы, дуба, акаціи и тополя.

Домъ менонита окруженъ каменнымъ заборомъ, или живой изгородью, выстроенъ изъ разноцвѣтнаго кирпича, обыкновенно одноэтажный; крыши на всѣхъ строеніяхъ черепичныя и только очень изрѣдка соломенныя. Домъ менонита-фермера обращенъ окнами на южную сторону, и состоитъ изъ холодныхъ, свѣтлыхъ сѣней, съ двумя дверями: на право—въ пріемную комнату хозяина, на лѣво—въ кухню, дѣтскую и спальню.

Пріемная комната, какъ и весь домъ, содержится безукоризненно чисто; меблировка состоитъ изъ тяжелой деревянной старинной мебели, большаго дубоваго сундука съ бронзовыми украшеніями и кой-какихъ литографій на стѣнахъ съ изображеніемъ мѣстности, въ которой прежде жило семейство менонитовъ—вотъ все незатѣйливое убранство комнатъ. Начиная съ занавѣсокъ на окнахъ, кончая поломъ, все содержится чисто и носитъ какой-то особый пуританскій оттѣнокъ. Жилыя комнаты соединяются съ конюшней, въ которой стоятъ лошади и рогатый скотъ въ отдѣльномъ помѣщеніи. Въ конюшнѣ устроенъ колодезь, и колонистъ безъ труда встаетъ ночью, чтобы напоить скотъ или дать корму. Конюшня содержится очень чисто, такъ какъ въ ней устроенъ покатомъ полъ, который даетъ возможность нечистотамъ стекать въ особо устроенную яму. Лошади и рогатый скотъ мѣстной породы, но значительно улучшился подъ вліяніемъ хорошаго ухода, теплаго помѣщенія и значительно лучшей пищи. Изъ конюшни перейдемъ въ ригу, которая удивитъ на первый взглядъ необыкновенно высокой крышей, но это объясняется тѣмъ, что подъ крышей колонисты складываютъ сейчасъ же послѣ жнитва, большую часть сноповъ пшеницы и другихъ хлѣбовъ, что иногда требуетъ значительнаго помѣщенія. Вдоль стѣнъ уложена солома въ связкахъ такъ ровно и гладко, что издали кажется, какъ будто стѣны выкрашены въ желтый цвѣтъ. Здѣсь же помѣщается соломорѣзка, приводимая въ движеніе лошадью, и мелко нарѣзанная солома сносится въ особо огороженное помѣщеніе; рубленная солома служитъ хорошимъ подспорьемъ для корма домашняго скота. Пшеницу молотятъ каменнымъ каткомъ, который имѣетъ то примущество, что раздавливаетъ солому, и скотъ ѣстъ ее гораздо охотнѣе.

По большей части всѣ менонитскія хозяйства устроены по одному образцу, а если бываетъ исключеніе, то это зависитъ отъ зажиточности хозяина; такъ напр. у нѣкоторыхъ менонитовъ въ ригѣ устроена мельница. Школа построена въ серединѣ колоніи; въ ней же отведено помѣщеніе для учителя. Учитель преподаетъ священную исторію, географія преподается наглядно и, при описаніи страны, учитель разсказываетъ о нравахъ жителей и касается физической географіи страны. Ученики очень порядочно знаютъ географію Россіи, но особенно успѣшно идетъ преподаваніе ариѳметики, и мальчики, а также и дѣвочки довольно быстро рѣшаютъ въ умѣ весьма сложныя ариѳметическія задачи. Въ школѣ

учащіеся хорошо передаютъ прочитанное, очень порядочно пишутъ, дѣлаютъ разборъ прочитаннаго, но преподаваніе русскаго языка идетъ плохо. При школѣ разведенъ небольшой ботаническій садъ, въ которомъ ученики занимаются уходомъ за деревьями, въ саду раведены тутовыя и фруктовыя деревья; при садѣ содержится огородъ, разведенный учителемъ. Учитель получаетъ до 300 р. жалованья; кромѣ того хлѣбъ зерномъ, помѣщеніе и вообще ему дается довольно полное хозяйство. Въ воскресенье можно видѣть очень много красивыхъ рессорныхъ экипажей, запряженныхъ въ англійскую упряжь, направляющихся въ молельный домъ. Замѣтно, что менониты щеголяютъ другъ передъ другомъ хорошими лошадьми и экипажами.

Молельный домъ состоитъ изъ большаго кирпичнаго зданія, отличающагося отъ другихъ своею величиною. Внутри нѣтъ образовъ, и только на заднемъ планѣ возвышеніе и на немъ каѳедра, направо—налѣво отъ нея стоятъ скамейки и наверху—хоры. Богослуженіе начинается пѣніемъ псалмовъ, послѣ чего одинъ изъ церковныхъ старшинъ всходитъ на каѳедру и произноситъ проповѣдь; тѣмъ и кончается богослуженіе.

Большинство общественныхъ удовольствій, какъ напр. танцы и свѣтская музыка, считаются предосудительными. Во всѣхъ менонитскихъ колоніяхъ нѣтъ ни одного трактира и вообще нѣтъ мѣстъ продажи вина. Въ зимніе вечера собираются другъ у друга, поютъ псалмы, читаются журналы или, взятыя изъ библіотеки, книги.

Библіотека существуетъ при школѣ, кромѣ того многіе изъ колонистовъ выписываютъ по большей части богословскіе журналы и разные трактаты богословскаго содержанія, которые почти всѣ издаются и печатаются въ Гамбургѣ для колонистовъ нѣмцевъ всѣхъ частей свѣта. Всѣ эти трактаты носятъ мистическія названія, проповѣдуютъ и жалуются на мірскую суету и на бренность всего земнаго.

Вотъ нѣкоторыя изъ заглавій этихъ трактатовъ, которые расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ: „Мѣдный змѣй или убѣгай грѣха“. „Человѣкъ передъ судомъ своей совѣсти“. „Гдѣ таится грѣховная сторона всего человѣчества?“ Кромѣ этихъ трактатовъ Германія снабжаетъ колонистовъ особой литературой, если можно такъ назвать, патріотической, состоящей изъ повѣстей, разсказовъ и біографій героевъ послѣдней войны (франко-германской), разнообразныхъ стихотвореній, въ которыхъ прославляется Бисмаркъ и всѣ нѣмецкіе генералы. Нѣмецкая пѣсня „Wacht am Rhein“ не только посылается съ нотами, но даже приложенъ и переводъ ея на латинскій языкъ. Вообще наши колонисты читаютъ только заграничную нѣмецкую литературу и въ этомъ отношеніи они стоятъ до сихъ поръ въ полной зависимости отъ двухъ—трехъ пасторовъ, старающихся просвѣтить умы колонистовъ и держать ихъ только въ извѣстномъ направленіи. Свѣтская литература въ библіотекѣ колоніи Кеппенталь состоитъ изъ нѣсколькихъ нѣ-

мецкихъ классиковъ, научныхъ книгъ и путешествій, остальное — романы, которыми такъ богата нѣмецкая литература. До сихъ поръ для нашихъ колонистовъ не издается ни одной нѣмецкой газеты, которая знакомила бы ихъ съ проявленіями русской жизни. Говоря съ колонистами и слыша ихъ сужденія, кажется, какъ будто переѣхалъ Мекленбургъ—такъ они стоятъ чуждо всему русскому и живутъ въ какомъ то особенномъ мірѣ. Не смотря на то, что менониты живутъ у насъ въ Россіи 18 лѣтъ, все же они болѣе знакомы съ русскими обычаями, стараются, чтобы молодое поколѣніе училось по русски и многіе изъ пріѣхавшихъ говорятъ уже порядочно по русски. Колонисты же изъ старыхъ колоній почти не говорятъ по русски и знаютъ Россію столько же, сколько нѣмецкій крестьянинъ гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Инсбрука или Мюнхена. У менонитовъ учреждено общество взаимнаго страхованія, а для больныхъ, которые не могутъ работать, существуетъ особая касса, или имъ выдаются припасы натурою. Вообще по состоянію, въ которомъ содержатся постройки, домашній скотъ и по обработкѣ полей можно видѣть слѣды прочнаго земледѣльческаго довольства. Въ пріемахъ менонита проглядываетъ разумный и дѣльный земледѣлецъ, умѣющій подчинить себѣ почву и создать свое благосостояніе, благодаря энергіи и труду. Многіе изъ колонистовъ пріѣхали сюда съ капиталомъ въ 2—3000 талеровъ, а теперь оцѣниваютъ одну только ферму не менѣе какъ въ 8.000 р. Менонитъ-земледѣлецъ съумѣлъ подчинить себѣ здѣшнюю почву, онъ выростилъ лѣсъ, гдѣ съ трудомъ прежде пробивалась трава, устроилъ орошеніе, ведетъ разумное хозяйство, улучшаетъ и удабриваетъ почву и все это тамъ, гдѣ остальное населеніе ведетъ кочевой образъ хозяйства. Менонитъ съумѣлъ устроить свою жизнь и поставить свое хозяйство въ благопріятныя условія, благодаря не только капиталу, но также и воспитанію. Чуждые политической дѣятельности, они всѣ свои способности обратили на воздѣлываніе почвы. Эта односторонняя дѣятельность наложила на нихъ особый отпечатокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создала изъ нихъ замѣчательныхъ земледѣльцевъ. Земледѣльческій трудъ такъ сроднился съ ихъ воззрѣніями, что сдѣлался однимъ изъ главныхъ догматовъ ихъ ученія. Ихъ религіозныя вѣрованія основаны на Евангеліи и въ основаніи всей жизни лежитъ трудъ и трудъ по преимуществу физическій. Въ этой жизни фермера, съ внѣшней стороны, полной гармоніи и системы, чего то недостаетъ; невольно кажется, что этотъ, обязательный для каждаго, физическій трудъ, не есть же послѣднее слово въ существованіи человѣчества. Какъ бы ни бѣдна была наша русская деревня, какъ бы ни были невѣжественны ея обитатели, но и у нихъ по временамъ бываютъ свѣтлыя минуты, остающіяся надолго въ памяти; а здѣсь на всѣ человѣческія требованія, на всѣ желанія юношества освѣтить монотонную жизнь нѣсколькими радужными красками, одинъ отвѣтъ, скорѣй напоминающій средневѣковыхъ аскетовъ: *молитесь, работайте и тру-*

дитесь въ поляхъ, а болѣе человѣку не слѣдуетъ ни о чемъ думать и ничего болѣе желать.

е) Техническія производства въ саратовскихъ колоніяхъ.

Живя въ колоніи, не трудно замѣтить, что колонисты производятъ сами все потребное для себя. Вы въ каждой колоніи найдете и слесарей, и кузнецовъ, и столяровъ, и бондарей, красильщиковъ, ткачей, лудильщиковъ и проч. и проч. Мало того, въ настоящее время завелись даже колонисты—фотографы, которые въ праздничные дни, оставляя свой плугъ и борону, вооружаются камеръ-обскурой и у себя на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, заставляютъ свѣтовые лучи воспроизводить на стеклѣ изображенія степенныхъ „фатеровъ" съ ихъ супругами и дѣтьми.

Вотъ эти-то промыслы имѣютъ благотворное вліяніе на благосостояніе колониста. Во-первыхъ, ему не приходится покупать и заказывать разныя вещи въ городѣ, гдѣ все гораздо дороже и, во-вторыхъ, онъ имѣетъ всегда прямой заработокъ, пополняющій его казну, дающій ему возможность аккуратно выплачивать подати и отложить въ урожайные годы копѣйку, другую, на случай неурожая, падежа скота, болѣзни или, въ благопріятномъ случаѣ, чтобы начать какую нибудь торговлю въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ (напр. Лѣсномъ-Карамышѣ, Голомъ-Карамышѣ) существуютъ спеціалисты, выдѣлывающіе изъ дерева, кожи, проволоки и рога разныхъ сортовъ трубки съ коротенькими чубуками. Производство ведется ручнымъ способомъ, и одинъ и тотъ же мастеръ дѣлаетъ и трубку, и чубукъ, и мундштукъ. Прочно установленныхъ сортовъ трубокъ не существуетъ, такъ что цѣна повышается отъ каждой лишней зарубки или привѣска и опредѣляется приблизительно по времени, потребному для производства того или другого сорта. Лучшія—березовыя трубки, съ мѣдной крышкой, плетенымъ изъ ремешковъ чубукомъ и роговымъ мундштукомъ, стоятъ на мѣстѣ 50 к.; худшіе же сорты продаются по 5 к. за штуку. Этихъ послѣднихъ мастеръ выдѣлываетъ штукъ по 10 въ день, а перваго сорта—не болѣе одной штуки.

Годовой оборотъ этого производства простирается отъ 17 до 18 т. р. с. За небольшимъ исключеніемъ колонисты занимаются этимъ производствомъ въ пору отсутствія полевыхъ работъ.

Другое производство состоитъ въ тканьѣ ковровъ и половиковъ изъ тряпокъ.

У каждаго колониста въ домѣ вы найдете начисто вымытые полы, устланные синими, красными или разноцвѣтными половиками, иногда весьма оригинальнаго вида. Эти половики дѣлаются изъ всевозможныхъ *тряпокъ, бумажныхъ,* льняныхъ и шерстяныхъ. Для этого женщины ко-

пять мало-по малу и собираютъ на сторонѣ разные обрѣзки, остающіеся при кройкѣ и, разрывая ихъ на полоски въ $1^1/_2$ дюйма ширины, сшиваютъ концами другъ къ другу двумя или тремя стежками, такъ что образуются длинныя полосы, которыя, по мѣрѣ накопленія, наматываются на клубки. Когда такихъ клубковъ накопится въ домѣ достаточное количество, фунтовъ 30, 50 и болѣе, ихъ отдаютъ ткачу, равно какъ и извѣстное количество толстыхъ нитокъ для основы.

Ткачъ, сдѣлавъ основу и уставивъ ее въ станокъ, ткетъ изъ переданныхъ ему клубковъ тряпокъ половики, употребляя ихъ, вмѣсто пряжи, на утокъ, передъ чѣмъ бѣлые лоскутки окрашиваются въ синій цвѣтъ.

Годовой оборотъ ткачей приблизительно до 8.000 р. с.

Но кромѣ этихъ и подобныхъ имъ мелкихъ производствъ существуютъ болѣе крупныя, какъ напр. *кожевенное* и *сарпиничное*, доставляющія жителямъ ежегодный заработокъ въ сотни тысячъ рублей.

Подъ именемъ сарпинки извѣстна у насъ болѣе или менѣе тонкая бумажная ткань, какъ по внѣшности, такъ и по внутреннимъ качествамъ своимъ подобная такъ-называемой холстинѣ, которую выдѣлываютъ и частью привозятъ къ намъ изъ Англіи и Швеціи. Названіе же сарпинки эта ткань получила отъ имени колоніи Сарепты, въ которой у насъ впервые начали ее выдѣлывать. Изъ числа переселившихся къ намъ гернгутеровъ, основавшихъ колонію Сарепту, было нѣсколько ткачей, привезшихъ съ собою свои ткацкіе станки и искусство ткать холстину. Здѣсь то и началось производство этой ткани, которое затѣмъ постепенно распространилось въ другія колоніи и главнымъ образомъ въ колоніяхъ Голомъ—Карамышѣ (Бальцерѣ), въ Сосновской, Норкской, Алешинской и др. Главную роль играетъ колонія Голый-Карамышъ, гдѣ семь фирмъ, и во главѣ ихъ фирма Барель, *дѣлаютъ оборотъ этого производства до 800,000 р. с.*

Выдѣлываемая сарпинка подраздѣляется на нѣсколько сортовъ, во первыхъ по № бумаги, во-вторыхъ, по плотности ткани, въ-третьихъ, по ширинѣ и, наконецъ, въ-четвертыхъ, по краскѣ и узору. Между всѣми красками преобладаютъ синяя и желтая, какъ наиболѣе дешевыя; высшіе же сорта бываютъ красные, лиловые, зеленые и пр.

Главные пункты гуртовой продажи сарпинки суть нижегородская ярмарка, а также города Симбирскъ, Вятка, Астрахань, Оренбургъ. Изъ послѣднихъ двухъ пунктовъ сарпинка идетъ на азіятскіе рынки.

Все производство сарпинки идетъ не фабричнымъ, а кустарнымъ путемъ.

Масса колонистовъ, занимающихся главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, въ зимнее время и лѣтомъ въ часъ досуга, ткутъ сарпинку, другіе красятъ бумагу, а *дѣти* и *женщины*, не ткущія, наматываютъ бумагу на шпульки. По этому внутренность массы домовъ колонистовъ представляетъ маленькія фабрики, гдѣ стоятъ одинъ или нѣсколько ткацкихъ

станковъ, для взрослыхъ работниковъ дома, и нѣсколько маленькихъ моталокъ, за которыми сидятъ мальчики и дѣвочки и мотаютъ бумагу.

Производство сарпинки тѣмъ болѣе полезно, что оно принадлежитъ всецѣло земледѣльческому сословію, давая ему значительные заработки, и тѣмъ предохраняя его отъ голода во время случайнаго неурожая.

---

9. Поэтическія и суевѣрныя воззрѣнія народа въ Ярославской губерніи (Пошехонскаго у.).

Народная пѣсня—это выраженіе радости, горя и любви; подчасъ она выжимаетъ невольно слезы, подчасъ слушатели и самъ пѣвецъ забываютъ въ ея разгульныхъ мотивахъ свои житейскія невзгоды. Всѣ пережитыя народомъ несчастія съ подавляющимъ гнетомъ разлада и деспотизма семейнаго быта слышатся въ русской пѣсни, и не даромъ ее любитъ народъ, недаромъ онъ сложилъ пословицу, что сказка—ложь, а пѣсня—быль.

Во всякое время года, въ каждомъ селеніи нашего родимаго края можно услышать пѣсню: свадьба ли, праздникъ ли, гулянье ли, страдная ли пора—ничто не обходится безъ пѣсни. Сколько же ихъ, и какое въ нихъ разнообразіе! Когда и кто слагаетъ народныя пѣсни, неизвѣстно; нѣкоторыя, слѣдуетъ полагать, перешли чрезъ многія поколѣнія, а другія, напротивъ, носятъ явный характеръ современности. Во многихъ пѣсняхъ замѣтны позднѣйшія вставки, варіанты. Рѣдкая пѣсня имѣетъ художественную отдѣлку формы, что доказываетъ не безталантность народнаго поэта, а только то, что онъ нисколько не заботился о версификаціи и другихъ требованіяхъ стихосложенія. Народная пѣсня выливается изъ склада понятій ея творца, изъ его потребности высказаться не иначе, какъ въ поэтической формѣ. Но, съ другой стороны, есть и такія пѣсни, которыя, по своей задушевности, игрѣ словъ, и мѣткости выраженій, относятся къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской поэзіи, созданныхъ народнымъ геніемъ.

Особенно въ большомъ употребленіи пѣсни весною—на гуляньяхъ, въ воскресные и праздничные дни, а зимою—на бесѣдахъ. Здѣсь, въ настоящей статьѣ, мы коснемся собственно пѣсенъ, употребляемыхъ на весеннихъ гуляньяхъ.

Въ каждый весенній праздникъ дѣвушки собираются на улицу или на лугъ къ качелямъ (козламъ), которыя сложены изъ 6-ти бревенъ, связанныхъ по три бревна витыми веревками; черезъ нихъ кладется перекладина, а на ней виситъ доска, привязанная крѣпкимъ канатомъ. Вотъ и готова качель. Собравшись около нея, дѣвушки водятъ хороводъ, играютъ въ *огарыши*, поютъ пѣсни, качаются. Къ нимъ при-

одятъ изъ другихъ деревень женихи-парни, и веселье идетъ до вечера. Это самое пріятное время для молодежи.

Сообщаю здѣсь наиболѣе употребительныя пѣсни:

1.

Не сиди, душа раскрасавица,
Поздно вечеромъ у окошечка,
Не гляди съ тоской въ даль родимую:
Не придетъ къ тебѣ оттоль вѣсточка,
Милый твой лежитъ во сырой землѣ,
Безъ тебя его жизнь скоротала;
Нужда грусть-змѣя прежде времени
Съ добрымъ молодцемъ расчетъ кончила.
Твой отецъ скупой позабылъ тебя,
Съ рукъ тебя свалилъ, какъ товаръ какой;
Мужъ тебя купилъ золотой казной,
Въ дальну сторону—и увезъ съ собой.
Съ нимъ краса—твои очи черныя
Отъ горючихъ слезъ затуманятся;
Вѣкъ ты будешь жить, только маяться,
На судьбу свою горько плакаться.
Не увидишь ты, раскрасавица,
Съ нимъ и молодость какъ пройдетъ ни въ чемъ,
Да какъ разъ тоска прежде времени
И уложитъ спать.... спать могильнымъ сномъ.

2.

Текутъ рѣчки, текутъ быстры
Во темные во лѣса.
Во лѣсу красы не станетъ,
Съ древъ листочки отпадутъ;
Отпадутъ-то съ древъ листочки,
Насъ съ любезнымъ разведутъ,
Разведутъ— съ дружкомъ любезнымъ
Не видаться никогда,
Не видаться, не встрѣчаться
Ни въ которыхъ городахъ.
Развѣ свидѣться съ любезнымъ
По холодной— по зимѣ,
По холодной,—по студеной,
У сосѣда въ вечеру?

У сосѣда во бесѣдѣ
Злой—догадливый народъ,
Примѣчаютъ и глядятъ,
Во глаза дружкомъ корятъ.
Хоть корите, хоть браните,
Ни на что не ногляжу:
Любить стану, не отстану
До замужья своего,
До замужья - вора-мужа,
Да проклятаго житья.
Распроклято житье бабье,
Нѣту воли ни на часъ.

3.

Куда идти печаль нести?
Пойду съ горя въ темны лѣса,
Въ темны лѣса, въ чисты поля.
Въ чистыхъ поляхъ растетъ трава,
Растетъ трава шелковая,
Цвѣтутъ цвѣты лазоревы.
Нарву цвѣтовъ, совью вѣнокъ
Милу дружку на головушку.
Носи милой, не спрашивай,
Люби меня, не сказывай,
Меня любилъ, счастливымъ былъ,
Отъ насъ отсталъ, несчастнымъ сталъ,
Несчаснымъ сталъ, въ острогъ попалъ,
Въ тюрьмѣ сидитъ, въ окно глядитъ.

4.

Отлетаетъ мой соколикъ
Изъ очей моихъ изъ глазъ,
Отъѣзжаетъ мой любезный
Жить во дальны города,
Что во дальны, незнакомы,
Въ славный городъ Петербургъ.
Я не мало словъ ронила
По голубчикѣ своемъ,
Съ уваженьецомъ просила
Хоть немножко погости,
Хоть немножко, хоть маленько.
Одинъ кругленькій годокъ!

Мнѣ на то сказалъ любезный:
Нельзя, лапушка, пожить;
Здѣсь живутъ сосѣди злые,
Не велятъ тебя любить,
Отъ тебя отстать на вѣки
Велятъ—броситъ позабыть.
Я тогда развѣ забуду,
Когда скроются глаза,
Когда скроютъ тѣло бѣло
Тонкимъ бѣлымъ полотномъ,
Позасыплютъ очи ясны
Съ горъ желтымъ мелкимъ пескомъ.

Пѣсни игровыя, парныя и частыя поются одинаково какъ на гуляньяхъ, такъ и на бесѣдахъ. Здѣсь я сообщаю только тѣ изъ нихъ, которыя больше другихъ любимы пошехонскими крестьянами и имѣютъ единство и послѣдовательность.

ПѢСНИ ИГРОВЫЯ.

1.

Отдаютъ молоду
На чужую сторону,
Не за ровнюшку,
Въ лиху семьюшку.
Всѣхъ то: свекоръ да свекровь,
Да четыре деверя—
Какъ четыре кобеля,
Три золовушки—
Три плутовушки.
Да двѣ тетушки,
Двѣ голубушки.
Свекоръ-батько говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу ведутъ.
Свекровь-матка говоритъ:
Людоѣицу ведутъ
Деверьяд-то говорятъ:
„Растащи-домокъ“ ведутъ.
А золовки говорятъ:

Къ намъ непряху ведутъ;
А двѣ тетки говорятъ:
Къ намъ неткаху ведутъ.
Ужъ какъ я ли молода
Призадумалася,
Пригорюнилася,
Промолчала про себя,
До поры до времени.
Шесть недѣль прошло,
Говорить можно̀:
Ужъ ты свекрушко,
Ро́дный батюшко,
Ты сиди-ко на печи
Да поглядывай,
Не приказывай.
Вѣдь не песъ же тебя
Вездѣ спрашиваетъ!
Ты свекровушка,
Родна матушка,
Ты сидѣла бъ на печи,
Какъ собака на цѣпи,
Не указывала,
Не приказывала.
Вѣдь не песъ же тебя
Вездѣ спрашиваетъ,
Не лукавый тебя
Все подергиваетъ!
Деверья вы соколы,
Ваши жены таковы.
Вы золовушки,
Вы плутовушки,
Сами въ люди пойдете,
Сами хуже будете.
Вы двѣ тетушки
Двѣ голубушки
Васъ поставить на порогъ
Да въ три шеи до воротъ.

2.

Гдѣ ты былъ
Заинька,
Гдѣ побывалъ,
Сѣренькой?

Въ огородѣ, парень мой,
Въ огородѣ душа мой,
Что жъ ты дѣлалъ,
Заинька,
Что же ты дѣлалъ,
Сѣренькой?
Я капустки поломалъ,
Я вилыя пощипалъ.
Не били ль тебя,
Заинька,
Не били ль тебя,
Сѣренькой?
Били, били, парень мой,
Били, били, душа мой.
Чѣмъ тебя били,
Заинька,
Чѣмъ тебя били,
Сѣренькой?
По бокамъ—кулакамъ.
По загривку—рукавамъ.
Не плакалъ ли ты,
Заинька,
Не плакалъ ли ты,
Сѣренькой?
Плакалъ, плакалъ, парень мой,
Плакалъ, плакалъ, душа мой.
Какъ же ты плакалъ,
Заинька,
Какъ же ты плакалъ,
Сѣренькой?
Кау! кау! парень мой,
Кау! кау! душа мой.
Ты бы ушелъ,
Заинька,
Ты бы убѣгъ,
Сѣренькой.
Я уйти—не ушелъ,
Убѣжать не убѣжалъ.
Ты бы въ капустку
Заинька,
Ты бы въ бороздку,
Сѣренькой.
А капустка низка,
А бороздка мелка.

Ты бы на елку
Заинька,
Ты бы подъ елку,
Сѣренькой.
А на елкѣ иголки,
Я боюся уколки.
Ты бы въ поле,
Заинька,
Ты бы въ лѣсикъ,
Сѣренькой.
Чисто поле широко,
Темный лѣсикъ далеко.
Ты бы подъ кустикъ,
Заинька,
Ты бы подъ кустикъ,
Сѣренькой.
Мелкій кустикъ рѣдковатъ,
А я, зая, бѣловатъ.
Ты бы на рѣчку,
Заинька,
Ты бы подъ мостикъ,
Сѣренькой.
Въ рѣкѣ мостикъ плоховатъ,
А я, зая, вертоватъ.
Ты бы въ деревню,
Заинька,
Ты бы въ деревню,
Сѣренькой.
А въ деревнѣ народъ,
Меня, заиньку, убьетъ.

Парныя пѣсни поются преимущественно въ бесѣдахъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пошехонскаго уѣзда они поются и въ праздники на улицахъ.—Парень *ходитъ жениться* вдоль по полу или по кругу дѣвушекъ, выбираетъ себѣ невѣсту, ходитъ съ ней рядомъ, или же они идутъ другъ къ другу на встрѣчу; по окончаніи пѣсни, цѣлуются *на кресты* три раза, или одинъ продожительный поцѣлуй.

ПѢСНИ ПАРНЫЯ.

1.

Не сходить ли мнѣ, младенькѣ,
До зелена сада?
Въ гости надобно позвать бы
Дорогаго друга.
Посулился ко мнѣ милый
Сизымъ голубочкомъ.
Прилеталъ сизъ голубочикъ,
Сѣлъ на теремочикъ,
Съ теремочка опускался
На красно окошко.
По окошку голубь ходитъ,
Голубушку будитъ:
Встань, голубка, встань, подружка,
Отъ сна пробудися!
Я пришелъ къ тебѣ раненько,
Отворяй-ко двери.
Не отворишь, радость, двери,
Хоть открой окошко,
Пріоткрой, душа, окошко
Хоть ты мнѣ немножко.
Я съ кроватушки вставала,
Двери отворяла,
Двери настежъ отворяла
Милаго встрѣчала.

2.

У Иванушки хоромы хороши,
У Иваныча столбы точены,
Вереюшки позолоченыя,
Ворота были нѣмецкаго стекла,
Подворотенка серебряная,
Середи двора горючь камень лежитъ,
Изъ подъ камешка быстро рѣка бѣжитъ,
Вдоль по рѣченькѣ суденышко плыветъ.
На суденышкѣ немножко людей:
По моему счету семь человѣкъ,
А восьмой-то водолей, водолей,
А девятый пивоваръ, пивоваръ,

станковъ, для взрослыхъ работниковъ дома, и нѣсколько маленькихъ моталокъ, за которыми сидятъ мальчики и дѣвочки и мотаютъ бумагу.

Производство сарпинки тѣмъ болѣе полезно, что оно принадлежитъ всецѣло земледѣльческому сословію, давая ему значительные заработки, и тѣмъ предохраняя его отъ голода во время случайнаго неурожая.

---

9. Поэтическія и суевѣрныя воззрѣнія народа въ Ярославской губерніи (Пошехонскаго у.).

Народная пѣсня—это выраженіе радости, горя и любви; подчасъ она выжимаетъ невольно слезы, подчасъ слушатели и самъ пѣвецъ забываютъ въ ея разгульныхъ мотивахъ свои житейскія невзгоды. Всѣ пережитыя народомъ несчастія съ подавляющимъ гнетомъ разлада и деспотизма семейнаго быта слышатся въ русской пѣсни, и не даромъ ее любитъ народъ, недаромъ онъ сложилъ пословицу, что сказка—ложь, а пѣсня—быль.

Во всякое время года, въ каждомъ селеніи нашего родимаго края можно услышать пѣсню: свадьба ли, праздникъ ли, гулянье ли, страдная ли пора—ничто не обходится безъ пѣсни. Сколько же ихъ, и какое въ нихъ разнообразіе! Когда и кто слагаетъ народныя пѣсни, неизвѣстно; нѣкоторыя, слѣдуетъ полагать, перешли чрезъ многія поколѣнія, а другія, напротивъ, носятъ явный характеръ современности. Во многихъ пѣсняхъ замѣтны позднѣйшія вставки, варіанты. Рѣдкая пѣсня имѣетъ художественную отдѣлку формы, что доказываетъ не безталантность народнаго поэта, а только то, что онъ нисколько не заботился о версификаціи и другихъ требованіяхъ стихосложенія. Народная пѣсня выливается изъ склада понятій ея творца, изъ его потребности высказаться не иначе, какъ въ поэтической формѣ. Но, съ другой стороны, есть и такія пѣсни, которыя, по своей задушевности, игрѣ словъ, и мѣткости выраженій, относятся къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской поэзіи, созданныхъ народнымъ геніемъ.

Особенно въ большомъ употребленіи пѣсни весною—на гуляньяхъ, въ воскресные и праздничные дни, а зимою—на бесѣдахъ. Здѣсь, въ настоящей статьѣ, мы коснемся собственно пѣсенъ, употребляемыхъ на весеннихъ гуляньяхъ.

Въ каждый весенній праздникъ дѣвушки собираются на улицу или на лугъ къ качелямъ (козламъ), которыя сложены изъ 6-ти бревенъ, связанныхъ по три бревна витыми веревками; черезъ нихъ кладется перекладина, а на ней виситъ доска, привязанная крѣпкимъ канатомъ. *Вотъ и готова качель.* Собравшись около нея, дѣвушки водятъ хороводъ, *играютъ въ огарыши,* поютъ пѣсни, качаются. Къ нимъ при-

одятъ изъ другихъ деревень женихи-парни, и веселье идетъ до вечера. Это самое пріятное время для молодежи.

Сообщаю здѣсь наиболѣе употребительныя пѣсни:

1.

Не сиди, душа раскрасавица,
Поздно вечеромъ у окошечка,
Не гляди съ тоской въ даль родимую:
Не придетъ къ тебѣ оттоль вѣсточка,
Милый твой лежитъ во сырой землѣ,
Безъ тебя его жизнь скорòтала;
Нужда грусть-змѣя прежде времени
Съ добрымъ молодцемъ расчетъ кончила.
Твой отецъ скупой позабылъ тебя,
Съ рукъ тебя свалилъ, какъ товаръ какой;
Мужъ тебя купилъ золотой казной,
Въ дальну сторону—и увезъ съ собой.
Съ нимъ краса—твои очи черныя
Отъ горючихъ слезъ затуманятся;
Вѣкъ ты будешь жить, только маяться,
На судьбу свою горько плакаться.
Не увидишь ты, раскрасавица,
Съ нимъ и молодость какъ пройдетъ ни въ чемъ,
Да какъ разъ тоска прежде времени
И уложитъ спать.... спать могильнымъ сномъ.

2.

Текутъ рѣчки, текутъ быстры
Во темные во лѣса.
Во лѣсу красы не станетъ,
Съ древъ листочки отпадутъ;
Отпадутъ-то съ древъ листочки,
Насъ съ любезнымъ разведутъ,
Разведутъ— съ дружкомъ любезнымъ
Не видаться никогда,
Не видаться, не встрѣчаться
Ни въ которыхъ городахъ.
Развѣ свидѣться съ любезнымъ
По холодной— по зимѣ,
По холодной,—по студеной,
У *сосѣда* въ вечеру?

У сосѣда во бесѣдѣ
Злой—догадливый народъ,
Примѣчаютъ и глядятъ,
Во глаза дружкомъ корятъ.
Хоть корите, хоть браните,
Ни на что не погляжу:
Любить стану, не отстану
До замужья своего,
До замужья - вора-мужа,
Да проклятаго житья.
Распроклято житье бабье,
Нѣту воли ни на часъ.

3.

Куда идти печаль нести?
Пойду съ горя въ темны лѣса,
Въ темны лѣса, въ чисты поля.
Въ чистыхъ поляхъ растетъ трава,
Растетъ трава шелковая,
Цвѣтутъ цвѣты лазоревы.
Нарву цвѣтовъ, совью вѣнокъ
Милу дружку на головушку.
Носи милой, не спрашивай,
Люби меня, не сказывай,
Меня любилъ, счастливымъ былъ,
Отъ насъ отсталъ, несчастнымъ сталъ,
Несчаснымъ сталъ, въ острогъ попалъ,
Въ тюрьмѣ сидитъ, въ окно глядитъ.

4.

Отлетаетъ мой соколикъ
Изъ очей моихъ изъ глазъ,
Отъѣзжаетъ мой любезный
Жить во дальны города,
Что во дальны, незнакомы,
Въ славный городъ Петербургъ.
Я не мало словъ ронила
По голубчикѣ своемъ,
Съ уваженьецомъ просила
Хоть немножко погости,
Хоть немножко, хоть маленько.
Одинъ кругленькій годокъ!

Мнѣ на то сказалъ любезный:
Нельзя, лапушка, пожить;
Здѣсь живутъ сосѣди злые,
Не велятъ тебя любить,
Отъ тебя отстать на вѣки
Велятъ—броситъ позабыть.
Я тогда развѣ забуду,
Когда скроются глаза,
Когда скроютъ тѣло бѣло
Тонкимъ бѣлымъ полотномъ,
Позасыплютъ очи ясны
Съ горъ желтымъ мелкимъ пескомъ.

Пѣсни игровыя, парныя и частыя поются одинаково какъ на гуляньяхъ, такъ и на бесѣдахъ. Здѣсь я сообщаю только тѣ изъ нихъ, которыя больше другихъ любимы пошехонскими крестьянами и имѣютъ единство и послѣдовательность.

ПѢСНИ ИГРОВЫЯ.

1.

Отдаютъ молоду
На чужую сторону,
Не за ровнюшку,
Въ лиху семьюшку.
Всѣхъ то: свекоръ да свекровь,
Да четыре деверя—
Какъ четыре кобеля,
Три золовушки—
Три плутовушки.
Да двѣ тетушки,
Двѣ голубушки.
Свекоръ-батько говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу ведутъ.
Свекровь-матка говоритъ:
Людоѣдицу ведутъ
Деверьяд-то говорятъ:
„Растащи-домокъ“ ведутъ.
А золовки говорятъ:

Къ намъ непряху ведутъ;
А двѣ тетки говорятъ:
Къ намъ неткаху ведутъ.
Ужъ какъ я ли молода
Призадумалася,
Пригорюнилася,
Промолчала про себя,
До поры до времени.
Шесть недѣль прошло,
Говорить можно̀:
Ужъ ты свекрушко,
Ро́дный батюшко,
Ты сиди-ко на печи
Да поглядывай,
Не приказывай.
Вѣдь не песъ же тебя
Вездѣ спрашиваетъ!
Ты свекровушка,
Родна матушка,
Ты сидѣла бъ на печи,
Какъ собака на цѣпи,
Не указывала,
Не приказывала.
Вѣдь не песъ же тебя
Вездѣ спрашиваетъ,
Не лукавый тебя
Все подергиваетъ!
Деверья вы соколы,
Ваши жены таковы.
Вы золовушки,
Вы плутовушки,
Сами въ люди пойдете,
Сами хуже будете.
Вы двѣ тетушки
Двѣ голубушки
Васъ поставить на порогъ
Да въ три шеи до воротъ.

2.

Гдѣ ты былъ
Заинька,
Гдѣ побывалъ,
Сѣренькой?

Въ огородѣ, парень мой,
Въ огородѣ душа мой,
Что жъ ты дѣлалъ,
Заинька,
Что же ты дѣлалъ,
Сѣренькой?
Я капустки поломалъ,
Я вилыя пощипалъ.
Не били ль тебя,
Заинька,
Не били ль тебя,
Сѣренькой?
Били, били, парень мой,
Били, били, душа мой.
Чѣмъ тебя били,
Заинька,
Чѣмъ тебя били,
Сѣренькой?
По бокамъ—кулакамъ.
По загривку—рукавамъ.
Не плакалъ ли ты,
Заинька,
Не плакалъ ли ты,
Сѣренькой?
Плакалъ, плакалъ, парень мой,
Плакалъ, плакалъ, душа мой.
Какъ же ты плакалъ,
Заинька,
Какъ же ты плакалъ,
Сѣренькой?
Кау! кау! парень мой,
Кау! кау! душа мой.
Ты бы ушелъ,
Заинька,
Ты бы убѣгъ,
Сѣренькой.
Я уйти—не ушелъ,
Убѣжать не убѣжалъ.
Ты бы въ капустку
Заинька,
Ты бы въ бороздку,
Сѣренькой.
А капустка низка,
А бороздка мелка.

Ты бы на елку
Заинька,
Ты бы подъ елку,
Сѣренькой.
А на елкѣ иголки,
Я боюся уколки.
Ты бы въ поле,
Заинька,
Ты бы въ лѣсикъ,
Сѣренькой.
Чисто поле широко,
Темный лѣсикъ далеко.
Ты бы подъ кустикъ,
Заинька,
Ты бы подъ кустикъ,
Сѣренькой.
Мелкій кустикъ рѣдковатъ,
А я, зая, бѣловатъ.
Ты бы на рѣчку,
Заинька,
Ты бы подъ мостикъ,
Сѣренькой.
Въ рѣкѣ мостикъ плоховатъ,
А я, зая, вертоватъ.
Ты бы въ деревню,
Заинька,
Ты бы въ деревню,
Сѣренькой.
А въ деревнѣ народъ,
Меня, заиньку, убьетъ.

Парныя пѣсни поются преимущественно въ бесѣдахъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пошехонскаго уѣзда они поются и въ праздники на улицахъ.—Парень *ходитъ жениться* вдоль по полу или по кругу дѣвушекъ, выбираетъ себѣ невѣсту, ходитъ съ ней рядомъ, или же они идутъ другъ къ другу на встрѣчу; по окончаніи пѣсни, цѣлуются *на кресты* три раза, или одинъ продожительный поцѣлуй.

ПѢСНИ ПАРНЫЯ.

1.

Не сходить ли мнѣ, младенькѣ,
До зелена сада?
Въ гости надобно позвать бы
Дорогаго друга.
Посулился ко мнѣ милый
Сизымъ голубочкомъ.
Прилеталъ сизъ голубочикъ,
Сѣлъ на теремочикъ,
Съ теремочка опускался
На красно окошко.
По окошку голубь ходитъ,
Голубушку будитъ:
Встань, голубка, встань, подружка,
Отъ сна пробудися!
Я пришелъ къ тебѣ раненько,
Отворяй-ко двери.
Не отворишь, радость, двери,
Хоть открой окошко,
Пріоткрой, душа, окошко
Хоть ты мнѣ немножко.
Я съ кроватушки вставала,
Двери отворяла,
Двери настежъ отворяла
Милаго встрѣчала.

2.

У Иванушки хоромы хороши,
У Иваныча столбы точены,
Верешки позолоченыя,
Ворота были нѣмецкаго стекла,
Подворотенка серебряная,
Середи двора горючь камень лежитъ,
Изъ подъ камешка быстро рѣка бѣжитъ,
Вдоль по рѣченькѣ суденышко плыветъ.
На суденышкѣ немножко людей:
По моему счету семь человѣкъ,
А восьмой-то водолей, водолей,
А девятый пивоваръ, пивоваръ,

Ты бы на елку
Заинька,
Ты бы подъ елку,
Сѣренькой.
А на елкѣ иголки,
Я боюся уколки.
Ты бы въ поле,
Заинька,
Ты бы въ лѣсикъ,
Сѣренькой.
Чисто поле широко,
Темный лѣсикъ далеко.
Ты бы подъ кустикъ,
Заинька,
Ты бы подъ кустикъ,
Сѣренькой.
Мелкій кустикъ рѣдковатъ,
А я, зая, бѣловатъ.
Ты бы на рѣчку,
Заинька,
Ты бы подъ мостикъ,
Сѣренькой.
Въ рѣкѣ мостикъ плоховатъ,
А я, зая, вертоватъ.
Ты бы въ деревню,
Заинька,
Ты бы въ деревню,
Сѣренькой.
А въ деревнѣ народъ,
Меня, заиньку, убьетъ.

Парныя пѣсни поются преимущественно въ бесѣдахъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пошехонскаго уѣзда они поются и въ праздники на улицахъ.—Парень *ходитъ жениться* вдоль по полу или по кругу дѣвушекъ, выбираетъ себѣ невѣсту, ходитъ съ ней рядомъ, или же они идутъ другъ къ другу на встрѣчу; по окончаніи пѣсни, цѣлуются *на кресты* три раза, или одинъ продожительный поцѣлуй.

ПѢСНИ ПАРНЫЯ.

1.

Не сходить ли мнѣ, младенькѣ,
До зелена сада?
Въ гости надобно позвать бы
Дорогаго друга.
Посулился ко мнѣ милый
Сизымъ голубочкомъ.
Прилеталъ сизъ голубочикъ,
Сѣлъ на теремочикъ,
Съ теремочка опускался
На красно окошко.
По окошку голубь ходитъ,
Голубушку будитъ:
Встань, голубка, встань, подружка,
Отъ сна пробудися!
Я пришелъ къ тебѣ раненько,
Отворяй-ко двери.
Не отворишь, радость, двери,
Хоть открой окошко,
Пріоткрой, душа, окошко
Хоть ты мнѣ немножко.
Я съ кроватушки вставала,
Двери отворяла,
Двери настежъ отворяла
Милаго встрѣчала.

2.

У Иванушки хоромы хороши,
У Иваныча столбы точены,
Вереюшки позолоченыя,
Ворота были нѣмецкаго стекла,
Подворотенка серебряная,
Середи двора горючь камень лежитъ,
Изъ подъ камешка быстро рѣка бѣжитъ,
Вдоль по рѣченькѣ суденышко плыветъ.
На суденышкѣ немножко людей:
По моему счету семь человѣкъ,
А восьмой-то водолей, водолей,
А девятый пивоваръ, пивоваръ,

А десятый разудалый молодецъ,
Что Иванъ-то свѣтъ Ивановичъ.
По суденушку похаживаетъ,
Калену стрѣлу налаживаетъ,
Каленой стрѣлѣ наказываетъ:
Ты лети, лети, каленая стрѣла,
Выше лѣса по поднебесью!
Ты убей, убей, каленая стрѣла,
Сѣру утицу на ярой на водѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему!
Сѣра утица—то яства моя,
Красна дѣвица—невѣста моя,
Марья свѣтъ Ивановна душа.

3.

Во новой во горенкѣ,
Во свѣтлой во свѣтлицѣ
Виситъ колыбелочка
Съ поцѣпкомъ серебрянымъ,
Съ кольцомъ позолоченнымъ.
Въ той колыбелочкѣ
Лежитъ добрый молодецъ,
Иванъ свѣтъ Ивановичъ.
Есть ли слуги вѣрные при немъ?
Несите его вверхъ высоко,
Увидалъ бы онъ тамъ далеко
Свою ладу милую,
Свою разхорошую
Марью свѣтъ Ивановну.

Пѣсни круговыя—плясовыя, частыя. По этимъ пѣснямъ молодецъ ходитъ и пляшетъ въ дѣвичьей бесѣдѣ или въ кругу дѣвушекъ и беретъ одну изъ нихъ ходить съ нимъ; по окончаніи пѣсни, цѣлуются. Потомъ дѣвушка ходитъ и приглашаетъ парня, и т. д. Вотъ одна изъ круговыхъ (частыхъ) пѣсенъ:

Коло рѣчки ходила молода,
Бѣлу рыбицу ловила зелена.
Увидали ребятушки
И сказали моей матушкѣ.
Моя матушка не лиха—не добра,
Заставляла цвѣточки полоть.

Я полю, полю—не полется,
Перемѣны младой хочется.
Приходилъ ко мнѣ молодчикъ молодой,
Приносилъ ко мнѣ подарокъ дорогой.
Мнѣ подарочка хочется,
За него идти не хочется.

Въ каждомъ собраніи, будетъ ли оно состоять изъ женщинъ или изъ дѣвушекъ, въ каждый праздникъ, можно послушать разсказы о разныхъ суевѣріяхъ. Пройти молчаніемъ эти народныя воззрѣнія едва ли полезно для этнографіи и для самого народа. Только одна грамотность и печать могутъ разоблачить суевѣрія и вывести ихъ изъ замкнутаго круга народныхъ вѣрованій. Всѣ суевѣрія пользуются у народа какой то сверхъ естественной силой: онъ скорѣе повѣритъ какому нибудь нашептыватью, чѣмъ самому естественному ходу событій.

Вотъ нѣсколько подробностей о суевѣріи въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

Въ Ильинъ день (20-го іюля) вода въ рѣкахъ холодѣетъ оттого, что Илья пророкъ ѣздитъ на коняхъ по небу. (Грозный день считается, а Илья пророкъ—повелѣвающій громами,—грозный пророкъ). При быстромъ бѣгѣ коней, одна изъ лошадей теряетъ подкову, которая попадаетъ въ воду, и она сразу похолодѣетъ. Другое повѣріе: вода считается похолодѣвшей съ Ильина дня и оттого, что „олень ступитъ одной ногой въ воду“.

Въ день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя (29 Августа) не ѣдятъ картофеля, яблоковъ, капусты, луку,—словомъ, всего того, что напоминаетъ человѣческую голову. Въ этотъ день также не поютъ пѣсенъ и не пляшутъ, потому что Иродова дочка (Иродіада) плясаньемъ и пѣснями выпросила отрубить голову Крестителя.

По понятію народа, каждая звѣзда на небѣ сіяетъ для человѣка, обозначаетъ существованіе его на землѣ, и если онъ человѣкъ добрый, хорошій, то и его звѣздочка блеститъ ярко, а дурнаго—едва свѣтитъ. На этомъ то основаніи каждая падающая звѣзда обозначаетъ смерть одного изъ людей. Когда звѣзда падаетъ, говорятъ: „Аминь, аминь!“

Для избавленія отъ зубной боли молятся св. Антипѣ, котораго считаютъ зубнымъ исцѣлителемъ; при этомъ говорятъ слѣдующую молитву: „Антипа, зубной исцѣлитель, всѣхъ костей покровитель, сохрани „и укрѣпи кости и зубы, раба (имя рекъ) отъ щемоты и ломоты от„нынѣ и до вѣка. Аминь.“

Кто хочетъ скоро разбогатѣть и чтобы богатство шло къ нему постоянно, говоритъ слѣдующій заговоръ: „На кіянѣ-морѣ есть островъ Буянъ; на томъ Буянѣ островѣ есть златъ стулъ; на томъ златомъ стулѣ сидитъ бѣлая бѣлица—красная дѣвица, лицомъ что солнце ясное, волоса золотые, словеса сыплетъ, что камни самоцвѣтные. Чешетъ бѣ-

лая бѣлица густые волоса златымъ гребнемъ; очами на кого глянетъ— что солнце ясное освѣтитъ; шьетъ бѣлая бѣлица златой иглой по рытому бархату. Подойду къ бѣлой бѣлицѣ, припаду къ сырой землѣ, стану у ней просить—выговаривать, чтобы богатчество ко мнѣ сыпалось пригоршнями, приливалося не горючей слезой — быстрой рѣкой; везли бы богатчество на широкій дворъ всѣ города съ пригородками, всѣ села съ приселками, во дни и въ нощи, во всякое время. Будьте словеса мои крѣпки и лѣпки. Аминь."

При черезполосномъ владѣніи землею народъ считаетъ тяжкимъ грѣхомъ отпахать отъ сосѣдней полосы землю. Если же найдется такой завистливый человѣкъ и отпашетъ чужую землю къ своей полосѣ, то онъ теряетъ уваженіе крестьянъ. Обиженный сосѣдъ можетъ противъ лихоимства такого человѣка сдѣлать слѣдующее: стоитъ только обиженному взять со своей полосы комокъ земли и бросить его наотмашь на полосу обидчика, сказавъ при этомъ: „земля землю возьми; аминь." Тогда жадный человѣкъ не проживетъ года, умретъ.

Сѣверное сіяніе, видимое часто въ нашихъ краяхъ на сѣверо-западѣ, считается народомъ за предвѣстника скорой войны.

Извѣстная болѣзнь лишай лѣчится такъ: берутъ изъ щели дерева лучинку, обводятъ ею вокругъ лишая три раза и говорятъ: „ты, лишай, не расходись, а ты, лучинушка, не гнись."

Народъ вѣритъ, что душа умершаго, въ первые сорокъ дней послѣ его смерти, носится ангеломъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ человѣкъ бывалъ въ жизни. Ангелъ напоминаетъ душѣ человѣка, что она дѣлала, какъ грѣшила, осуждаетъ за худые поступки, хвалитъ за хорошіе. Послѣ сорока дней ангелъ представляетъ душу на судъ Божій и если она совершила много хорошихъ дѣлъ, то ее садятъ въ свѣтлое мѣсто, если мало—тогда въ темное. Въ этихъ мѣстахъ душа и должна сидѣть до страшнаго суда.

10. Святочныя гаданья въ деревняхъ.

(Этнографическій очеркъ.)

Въ с. Ивашевѣ (Ростов. у. Яросл. губ.) и въ окрестныхъ деревняхъ гадаютъ на святкахъ такъ: позднимъ вечеромъ собираются девять дѣвицъ и, взявъ ухватъ, помело и клюку, выходятъ за деревню и три изъ нихъ (непремѣнно разныхъ лѣтъ, а не одногодки) ѣдутъ къ проруби верхомъ одна на помелѣ, другая на ухватѣ, третья на клюкѣ. Остальныя шесть дѣвушекъ сопровождаютъ ѣдущихъ съ пѣснями, преимущественно веселаго содержанія.

По приходѣ къ проруби, дѣвушки черпаютъ воду деревянными чашками, изъ которыхъ дома онѣ ѣдятъ щи. Затѣмъ дѣвушки возвращаются домой тѣмъ же порядкомъ въ нарочно приготовленную избу, куда никого, кромѣ гадальщицъ, не пускаютъ. Здѣсь принесенныя съ

водою чашки накрываютъ скатертью или полотенцемъ, и каждыя три изъ девяти гадающихъ опускаютъ въ одну изъ чашекъ свои кольца; потомъ поютъ девять пѣсень: о суженомъ ряженомъ, о богатствѣ, о бѣдности, о болѣзни и другихъ несчастіяхъ. По окончаніи каждой пѣсни одна дѣвица вынимаетъ изъ чашки кольцо, и чье вынется, съ нею или съ ея родными и сбудется то, о чемъ говорилось въ пѣснѣ.

Ночью на 4-е Января гадаютъ почти исключительно о томъ, въ достаткѣ или бѣдности проведешь годъ. Послѣ молитвы ложась спать, гадающая, чаще домохозяйка, произноситъ: „Іосифъ прекрасный (4-го Янв. празднуютъ св. Іосифа), разгадай мой сонъ несчастный: найду или потеряю?“ Если во снѣ привидится, что гадающая что нибудь нашла, то это значитъ достатокъ, если потеряла -бѣдность.

Въ другихъ деревняхъ, по Шекснѣ, о богатствѣ и бѣдности гадаютъ иначе. Вечеромъ большуха приноситъ охапку дровъ и откладываетъ по одному полѣну, говоря: сусѣкъ, мѣшокъ, кошель. Если на послѣднее полѣно приходится слово сусѣкъ, то это значитъ урожай, который наполнитъ сусѣки, если — мѣшокъ, то семья проживетъ все же сыто; но если — кошель, то это обѣщаетъ уже нищету.

О суженомъ ряженомъ гаданій нѣсколько. Напр. дѣвица выноситъ квашню на улицу, ставитъ ее на дорожкѣ, завязываетъ себѣ глаза и идетъ по направленію къ квашнѣ: если обниметъ ее руками, дойдя до нея, значитъ, въ этотъ годъ быть замужемъ, если же протянутыя руки ударятся о переднія стороны квашни, значитъ, посидѣть этотъ годъ въ красныхъ дѣвицахъ.

Или берутъ дугу, кладутъ на землю и проводятъ надъ нею лошадь. Если лошадь задѣнетъ ногою за дугу, быть гадальщицѣ замужемъ въ этотъ годъ, если не задѣнетъ—посидѣть въ дѣвушкахъ.

Или еще: вечеромъ, когда курица не видитъ, берутъ ее съ нашести, несутъ въ избу и опускаютъ на полъ, насыпавъ предварительно овса. Если курица будетъ ходить, найдетъ овесъ и станетъ его клевать, быть гадальщицѣ въ этотъ годъ замужемъ, если же не будетъ клевать, то и замужемъ не бывать.

Чтобы узнать, кто будетъ мужъ, вдовецъ или холостой, дѣлаютъ такъ: дѣвушка подходитъ къ изгороди и перебираетъ колья лѣвой рукой, говоря: вдовецъ, молодецъ, и какое изъ этихъ словъ придется произнести, беря послѣдній колышекъ, такому и жениху быть.

Вообще деревенскія гаданья происходятъ большею частью по задворкамъ, около бань или за околицей при свѣтѣ-луны, освѣщающей молчаливую окрестность, покрытую снѣжной пеленой, какъ бѣлымъ саваномъ.

11. Масленница въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

Одинъ изъ языческихъ праздниковъ, распространенныхъ на Руси, есть масленница, и недаромъ народъ называетъ ее широкой.

Во всѣхъ деревняхъ Пошехонскаго уѣзда существуетъ обычай сожигать костры въ послѣдній день масленницы, что называется—*жечь масленницу*. Вечеромъ въ прощеное воскресенье малые ребята натаскаютъ гдѣ нибудь въ полѣ, за селеніемъ, костеръ изъ старыхъ плетней, соломы, хвороста и проч., и все это вечеромъ въ сумерки зажигается.

Масленичныя удовольствія начинаются преимущественно съ середы и заключаются въ катаніи съ горъ и на лошадяхъ вдоль улицы, по селенію. Разумѣется, при этомъ дѣло не обходится безъ выпивки.

Въ Пошехонскомъ уѣздѣ есть извѣстныя села и деревни, куда, по старому обычаю, сбираются для катанья на лошадяхъ окрестные жители. Они надѣваютъ самую лучшую одежду. Лошади также разукрашены разноцвѣтными лентами. Ѣздятъ вдоль улицы взадъ и впередъ; по сторонамъ толпятся зрители и глазѣютъ на катающихся, которые поютъ пѣсни. Катаются то шагомъ, то рысью, иногда безобразно шибко. По обыкновенію, на сборные пункты ѣдетъ кататься народъ богатый, молодой: бѣдному не до катанья, да иногда и покататься не въ чемъ, да и не на чемъ.

Кромѣ щегольскаго катанья на сборныхъ пунктахъ, катаются на лошадяхъ, запряженныхъ въ обыкновенную сбрую, въ каждой деревнѣ и селѣ во всю масленницу. Молодые парни и дѣвушки забавляются также катаньемъ съ горъ. Покататься на сборномъ пунктѣ считается для новобрачныхъ необходимымъ условіемъ.

На сборныхъ пунктахъ улица бываетъ запружена народомъ; тутъ смотрятъ на катающихся и богатые, и бѣдные, и старики, и молодежь. Пріѣхавшіе изъ другихъ деревень, прокатившись разъ-другой, заходятъ въ гости къ своимъ роднымъ и знакомымъ. Почти въ каждомъ домѣ идетъ праздникъ. Любитъ русскій народъ чтить праздники, да какъ же безъ нихъ обойдется рабочій, трудящійся человѣкъ? Надо же и ему отдохнуть и забыть, хоть не на долго, тяжелую жизнь со всѣми ея невзгодами. Праздники имѣютъ и другое значеніе для общественной и семейной жизни: родные свидятся, поговорятъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, о своихъ нуждахъ и потребностяхъ.

Молодые парни, пріѣхавшіе изъ другихъ селеній, катаются съ сестрами и съ дѣвушками своей деревни. На саняхъ садятся двое, рѣдко *трое, и всегда рядомъ*. Съ саней катающихся слышится пѣсня:

Не шатайся-ко, не валяйся
Въ поле чистомъ травка,
Не тоскуй-ко, не горюй-ко
По молодцѣ дѣвка.
Не одной красной дѣвочкѣ
Горе доставалось:
Доставалася кручина
Моему милому,
Моему дружку милому,
Ванѣ дорогому.

Мало по малу собравшіеся изъ другихъ деревень начинаютъ разъѣзжаться по домамъ; на улицѣ толпа рѣдѣетъ; къ сумеркамъ на улицѣ остаются только свои деревенскіе. Чуть только станетъ смеркаться, въ каждомъ селеніи зажигаются костры. Это своего рода сельская иллюминація. На эту забаву всѣ идутъ смотрѣть, какъ „горитъ масленница". Сложенную масленницу, т. е. костеръ, поджигаютъ со всѣхъ сторонъ. Зрители шалятъ, толкаютъ другъ друга въ огонь. Слышится визгъ, смѣхъ, подчасъ и ссоры, поютъ пѣсни. Когда все сгоритъ, прощаются съ масленницей: „Ну, прощай, широкая, или мокрохвостая масленница!" и гурьбой идутъ въ деревню. Дѣвицы запѣваютъ пѣсню:

Весной дѣвушки гуляли
Въ хороводахъ на лужку;
Дѣвки пѣсни запѣвали,
Милый съ жалости внималъ.
Милый съ жалостью внимаетъ,
Рѣчь хорошу говоритъ,
Рѣчь хорошую такую,
Меня дѣвушку журитъ.

Такъ заканчиваются масленичныя удовольствія теперь и также, съ небольшими измѣненіями, быть можетъ, оканчивалась масленница за столѣтіе. Народъ не скоро отстаетъ отъ своихъ привычекъ, которыя ему привились съ дѣтства и переданы прадѣдами и отцами.

12. Хороводныя гулянья въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

Въ Пошехонскомъ уѣздѣ, съ незапамятныхъ временъ, сохранился обычай собираться въ извѣстные дни и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ на *хороводныя гулянья*, гдѣ принимаетъ участіе вся сельская молодежь,

разряженная какъ только можно лучше. До сихъ поръ въ хороводныхъ гуляньяхъ сохранилось очень много интереснаго и привлекательнаго для молодой развивающейся жизни, которая проситъ простора, любви и увеселеній. Таковыми то представляются хороводныя гулянья; они дышатъ радостями, любовью, требуютъ простора и обновленія жизни. Въ хороводныхъ гуляньяхъ молодежь радуется и оживаетъ, какъ оживаетъ весною и сама природа, когда зеленѣютъ поля, луга и лѣса и раздаются голосистыя трели птицъ. Собравшаяся молодежь поетъ, играетъ и радуется, встрѣчая тоже свою весну, за которой, быть можетъ, потянется жизнь — страдное лѣто, ненастная осень и холодная всесокрушающая зима...

Въ разныхъ мѣстностяхъ Пошехонскаго уѣзда хороводы собираются въ разное время: въ однихъ — въ девятую пятницу послѣ Пасхи; въ другихъ — въ Ильинъ день, 20-го іюля, или на Святой, или въ Ѳомино воскресенье, въ Троицу и проч. Мѣстомъ собранія хороводовъ — преимущественно долины рѣкъ.

На всѣ хороводныя гулянья собираются дѣвушки, молодцы и подростки изъ разныхъ окрестныхъ селъ и деревень. Стариковъ и пожилыхъ на таковыхъ гуляньяхъ рѣдко встрѣтишь. На иныхъ гуляньяхъ бываетъ молодежи отъ 50 до 100 паръ и болѣе. Еще раньше полудня, къ сборному мѣсту со всѣхъ сторонъ изъ селъ и деревень потянутся густыми, разноцвѣтными толпами молодцы и дѣвушки.

Первыя партіи не смѣло подходятъ къ мѣсту собранія, вторыя — смѣлѣе и смѣлѣе, здороваясь и цѣлуясь съ родными и знакомыми. Сначала каждая толпа стоитъ отдѣльно; потомъ, осмотрѣвшись, станутъ сгруживаться вмѣстѣ, запѣваютъ пѣсню, которую подхватываютъ другіе, и грустный родной мотивъ несется, какъ стонъ, далеко по окрестности:

Ты гуляй-ко, гуляй, голубочикъ,
Мой разсизенькой гуляй воркуночикъ!
Не летай-ко, гулинька, въ садочикъ,
Ты не пой-ко, гуля, въ саду пѣсенъ,
Мнѣ безъ пѣсенъ, дѣвочкѣ, тошно,
Пособить-то горюшку не можно.
Какъ бы мнѣ, дѣвочкѣ, прежня воля,
Прежня воля — сизы крылья,
Я могла бы съ горя улетѣти...

Молодежи все прибываетъ, да прибываетъ. На одномъ концѣ села затягиваютъ пѣсню, а на другомъ — раздается новая разудалая. Молодые парни посматриваютъ на невѣстъ-дѣвушекъ, ведутъ разговоры, подсмѣиваются или слушаютъ задушевный напѣвъ пѣсенницы. Вотъ часть молодыхъ парней подходитъ къ сбиравшемуся хороводу; они просятъ

дѣвушку, опытную заводить хороводъ, быть въ первой парѣ. Дѣвушки стали по мѣстамъ, и раздается пѣсня:

Выходили красны дѣвицы
Съ хороводами вдоль улицы,
Выносили въ рукахъ по соловью.
Ужъ ты пой, распѣвай, соловей,
Пока я, млада, у батюшки,
У родимыя у матушки.
Неравно-то въ люди выйдется,
Не ровенъ-то мужъ навяжется,
Не ровенъ пострѣлъ достанется,
Можетъ воръ, а можетъ пьяница,
Иль старикъ-драчунъ, иль вольница.

Почти до потемокъ дѣвушки водятъ хороводы и много поютъ разныхъ пѣсенъ, между которыми любимѣйшими пѣснями остаются до сихъ поръ: „Какъ по морю, морю синему“, — „Мы пива наварили, ладу, ладу, ладу!“ — „Изъ улицы въ конецъ шелъ удалый молодецъ“, — „Вдоль по травонькѣ, вдоль по муравенькѣ, лелю, лелю, лелюшки“, и пр. Къ окончанію хоровода поется пѣсня, подъ которую хороводъ заплетается:

Заплетися, плетень, заплетися,
Завейся, камка шелковая,
Завернися, труба золотая.
Ты, младая свѣтъ сѣрая утица,
Притопила малыхъ дѣтушекъ
Во меду и во патокѣ,
И во яствахъ сахарныихъ.

Когда, во время этой пѣсни, хороводъ заплетется своимъ порядкомъ, тогда поютъ ту же пѣсню съ такимъ варіантомъ:

Расплетися, плетень, расплетися,
Развейся, камка шелковая,
Развернися труба золотая, и пр.

По окончаніи этой пѣсни, хороводъ расходится. Дѣвушки и парни уходятъ въ свои селенія; на дорогахъ всюду слышны пѣсни. Только къ вечеру мѣсто хороводнаго гулянья остается пустымъ. Нѣкоторые женихи-парни идутъ съ хороводнаго гулянья съ дѣвушками. Кругомъ зеленѣетъ поле съ рожью; рожь нагибается; по ней шелеститъ вѣтерокъ... Небо на западѣ отъ закатившагося солнца горитъ будто по-

жаръ... Темень ложится на окрестности. Вдали, надъ чернѣющимся лѣсомъ, въ кустахъ соловей свищетъ свои разсыпчато-серебристыя трели...

13. Крестьянская свадьба.

(Ярославской губерніи).

Крестьянская свадьба начинается сватовствомъ. Когда дѣло слаживается, сватающіе договариваются о выводѣ съ жениха, о приданомъ невѣсты, даютъ другъ другу руки и молятся Богу. При этомъ иногда бываютъ, кромѣ свата или сватьи, отецъ жениха и мать, даже и самъ женихъ. Когда помолятся, народу—сосѣдей и сосѣдокъ — находитъ полная изба, а къ невѣстѣ собираются подруги. Договорившіеся сватовья садятся за столъ, распиваютъ вино и чай. Невѣста въ это время гдѣ нибудь лежитъ и плачетъ, стонетъ и причитаетъ. Такое начало свадьбы называется очень разнообразно: *пропиванье*, *слово дали*, *сговорки*, *просватанье* и пр.

Вотъ какіе причоты выводитъ невѣста:

Не давай, кормилецъ—батюшко,
Ты своей руки правыя
Моему-то злому ворогу—
Свату, къ тебѣ засланному.
Не зажигай-ко, родимая матушка,
Свѣчи воска ярова,
Не молитеся вы Богу—Господу,
Не сгубляйте красу дѣвичью.
Мало-то я у васъ, желанные,
Пожила, покрасовалася,
Съ подружкамъ поводилася;
Мало я у васъ нагулялася
По темнымъ лѣсамъ дремучіимъ,
По полямъ-лугамъ зеленыимъ;
Мало-то я у васъ порядилася
Въ дорогія платья цвѣтныя.

Когда сватовья садятся за столъ и начинаютъ пропивать, т. е. пить вино, цѣловаться и поздравлять другъ друга, невѣста причитаетъ:

Не пропивай, кормилецъ—батюшко,
За стаканомъ зелена вина
Ты мою да красу дѣвичью.
То вино-то изъ слезъ сдѣлано,

Да на слезы сватомъ куплено.
Ужъ какъ мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
Знать, до сыта будетъ плакаться,
А слезами умыватися?

Пропиванье бываетъ очень недолго; разопьютъ четвертную или полведра, возьмутъ у невѣсты для жениха платокъ или кольцо, и затѣмъ сватовья уходятъ. Народъ и подруги невѣсты остаются. Невѣсту сводятъ съ печи или съ полатей, сажаютъ за столъ, гдѣ она должна плакать и причитать; причемъ накрываютъ ее большимъ платкомъ, чтобы не видно было лица. За столомъ невѣста опять начинаетъ причитать:

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Мать-Богородица!
Благослови кормилецъ-батюшко,
И родимая моя матушка,
Мнѣ садиться-то, красной дѣвицѣ,
Мнѣ во мѣсто-то во печальное,
Во печальное да въ горе—горькое!
Вы соколики братцы милые
И голубушки невѣстушки,
Осердилися да прогнѣвались
На меня, на красну дѣвицу:
Вы пропили меня, желанные,
За стаканъ за зелена вина!
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была для васъ скорая,
Обносила васъ, желанные,
Обносила платьемъ цвѣтнымъ,
Васъ объѣла кускомъ сахарнымъ.

Потомъ невѣста обращаетъ свои причитанья къ стоящимъ и сидящимъ рядомъ съ ней подругамъ:

Вы, голубушки подруженьки,
Вы, лебедушки да бѣлыя,
Вы, сосѣдушки болѣзныя,
Что вы долго снаряжалися?
Иль посылу дожидалися?
Мнѣ послать-то было некого,
Мнѣ самой-то идти невремя:
Мнѣ подрѣзали скоры ноженьки.

Не пришли, знать, вы за спѣсію,
Да за гордостью великою!
Я сама-то знаю, вѣдаю:
Не за спѣсью, не за гордостью,
А за дѣломъ за домовыемъ.
Не прогнѣвайтесь, подруженьки
И сосѣдушки болѣзныя,
Что не вышла, васъ не встрѣтила
Середь улицы широкія,
Середь мостику калинова,
Середь лѣсенки брусовыя;
Не становилась я, красна дѣвица,
Супротивъ креста поклоннаго,
Что поклоннаго, да богомольнаго.
Не смогу встать—приподнятися
Я отъ лавочки-то отъ дубовыя,
Отъ опушечки-то отъ кленовыя:
Испугалъ меня кормилецъ-батюшко
И родимая-то моя матушка,
Что до самаго до ретива сердца.
Скоры поженьки-то подломилися,
Руки бѣлыя-то опустилися,
Голова какъ съ плечъ свалилася.
Испугали меня дѣвицу
Что чужой злодѣйкой стороной,
Что злодѣйкой незнакомою,
И злодѣямъ—злымъ чужимъ людямъ,
И дороднымъ добрымъ молодцамъ.

Послѣ причитанья, подруги и сосѣди унимаютъ невѣсту: „Полно, голубушка, перестань, не надрывайся, еще наплачешься!“ Прощаются и расходятся. Невѣста опять идетъ на печь или на полати, и съ этого времени она оставляетъ все дѣло: никто изъ домашнихъ не принуждаетъ „сговоренку“ къ работѣ. Послѣ пропиванья, невѣста каждый день плачетъ, сидя за столомъ, обращаясь то къ отцу, то къ матери съ причитаньями, почти съ такими же, какія приведены выше. Подруги ее постоянно навѣщаютъ. При входѣ ихъ, невѣста причитаетъ: „Что долго замѣшкались, мои подруженьки?“ Онѣ шьютъ приданое, разное бѣлье и сарафаны.

Въ назначенное время, дня за три, за четыре до сватьбы, бываетъ рукобитье. Сватъ съ отцомъ и матерью жениха, въ сопровожденіи родственниковъ, ѣдетъ къ отцу невѣсты, для пированья на рукобитьѣ. Входятъ въ домъ; молятся Богу, здороваются съ хозяевами и, по приглашенію ихъ, садятся за покрытый скатертью столъ.

На немъ стоятъ на тарелкѣ пирогъ - сгибень и соль. Отецъ (иногда мать) невѣсты зажигаетъ передъ образомъ свѣчу, и всѣ встаютъ, а двери запираютъ на крючокъ: примѣта народная, чтобы во время богомольства никто посторонній не пришелъ. Молятся. Потомъ сватъ складываетъ руку отца жениха съ рукою отца невѣсты и, взявъ со стола пирогъ, обводитъ имъ вокругъ руки сватовой три раза; затѣмъ, переломивъ, дѣлитъ пополамъ. Этотъ переломленный пирогъ хранится до дня свадьбы; послѣ вѣнчанья, новобрачные должны съѣсть его прежде всего. Потомъ сватовья садятся за столы, и начинается обѣдъ, угощенье до пьяна. Въ это время невѣста сидитъ подъ полатями въ заднемъ углу, покрытая платкомъ; вокругъ ея подруги, а впереди смотрятъ сосѣди. Если невѣста сама не очень горазда на причитанья, въ такомъ случаѣ зовутъ *вылькицу*, которая и помогаетъ ей выть, причитать. Вотъ какія преимущественно причитанья бываютъ въ день рукобитья:

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Мать Богородица,
Повыть-то мнѣ, поплакати,
Зычну голосу повынести,
Слезъ горючіихъ повыронить,
Лицо бѣлое повымочить,
Платье цвѣтное повырудать!
Голоса-то у меня младой-младехоньки
Голоса-то заунывные
И причоты все нескладные.

Невѣста обращается къ отцу, матери, братьямъ и невѣсткамъ:

Ты послушай-ко, кормилецъ батюшко,
И родимая ты моя матушка,
И соколы да братцы милые,
И голубушки—невѣстушки,
Я о чемъ вамъ говорить буду,
Говорить буду, наказывать,
Понизехоньку буду кланяться,
Горючимъ слезамъ заливатися.

Невѣсту подводятъ къ отцу, матери и роднымъ; она имъ кланяется въ ноги. Всѣ плачутъ навзрыдъ. Потомъ невѣсту опять отводятъ въ уголъ подъ полати, и она причитаетъ:

Ну, Господь же съ тобой, батюшко,
И *родимая* моя матушка,

И соколики братцы желанные,
И голубушки невѣстушки,
Не послушались вы наказу крѣпкаго,
Запоручили вы красну дѣвицу
За поруки-то за крѣпкія,
За письма-то вѣковѣчныя.
Вы на что же такъ разсердилися,
Разсердились, распрогнѣвались?
Запрошу я, красна дѣвица,
У тебя, родимый батюшко.
Я себѣ беру приданое:
Города всѣ съ пригородками,
Всѣ лѣса съ полями чистыми.
Ты подумалъ бы, кормилецъ батюшко,
Я слуга тебѣ была и работница,
Я въ семьѣ была покорная,
Имя честное не безславила;
А ты не далъ мнѣ, кормилецъ—батюшко,
Съ умомъ разумомъ собратися,
Съ подружками сверстатися.
Я въ чужихъ людяхъ, младехонька,
Отъ работушки замаюся;
За столбомъ я потихоньку
Отъ чужихъ людей наплачуся.
Ужъ какъ этимъ ли чужимъ людямъ
Мои слезы сладки кажутся,
Мое горе имъ весельецо,
Мнѣ кручина, а имъ радости.

Невѣста съ причотами обращается къ своимъ подругамъ:

Вы подруженьки, вы голубушки,
Задушевныя вы сударушки,
Какъ пойдете вы на гуляньецо,
На гулянье на веселое,
Во лѣса-то вы, во темные,
Во поля-то вы, во чистыя,
Собирать грибки да ягодки,
Работать работу страдную,
Выводить хороводы веселые:
Не забудьте меня, милыя,
На чужой дальной сторонушкѣ,
Вспомяните отъ радѣньеца,

Какъ живу я у чужихъ людей.
Мое сердце растоскуется,
Я приду къ вамъ, васъ спровѣдаю,
Про свою вамъ жизнь повѣдаю.

Иногда рукобитье бываетъ у жениха; тогда отецъ его угощаетъ родителя невѣсты, по порядокъ соблюдается тотъ же: пирогъ ломается, и Богу молятся одинаковымъ образомъ. Женихъ угощаетъ виномъ и пивомъ гостей. Когда сбираются на рукобитье отецъ, мать и другіе родственники невѣсты, она прощается съ нимъ, причитая:

Вы поѣдете, мои родимые,
На злодѣйку, чужу—сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Не садитеся, мои желанные,
За столы-то за дубовые
И за скатерти-то самобранныя,
Не сдавайтеся на слова сладкія,
На поклоны ихъ на низкіе:
Ихъ поклоны-то покуплёные,
А слова-то всѣ заученыя,
Питья, яства въ долгъ понабраны,
Платья цвѣтны въ прокатъ заняты.
Не давайте, кормилецъ батюшко
И родимая моя матушка,
Не давайте руки правыя
Чрезъ столы вы чрезъ дубовые,
Черезъ скатерти черезъ бранныя;
Не запоручайте меня дѣвицу
За поруки вы за крѣпкія,
Что за крѣпкія, вѣковѣчныя,
Чтобы мнѣ младой не плакаться,
Съ вамъ, желаннымъ, не разстатися.

Потомъ она обращается къ невѣсткѣ:

Ты послушай-ко, моя невѣстушка,
Разлюбезная голубушка,
О чемъ я тебя просить буду.
Попримѣть, моя сударушка,
Ты злодѣйку чужу сторону
И злодѣевъ всѣхъ чужихъ людей
И дородна добра молодца:
Онъ не пьетъ ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Когда родные возвращаются съ рукобитья, невѣста опять встрѣчаетъ ихъ причитаньями:

Не послушались, мои жаланные,
Моего наказу крѣпкаго,
И не сжалились на мои слезы,
Вы на слезы мои горькія.
Запоручили вы дѣвью красу,
За поруки-то за крѣпкія
И за письма вѣковѣчныя.
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была скорая,
Ваше имя я безчестила?

Обращается къ невѣсткѣ и причитаетъ:

Ты голубушка невѣстушка,
Что примѣтила, моя голубушка,
На чужой-то на сторонушкѣ,
На злодѣйкѣ, незнакомой мнѣ?
Каковы тамъ чужи люди
И дородный добрый молодецъ?
Онъ не пьетъ ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Невѣстка садится рядомъ съ ней и, въ свою очередь, начинаетъ отвѣчать причитаньями:

Попримѣтила, моя голубушка,
Разлюбезная золовушка,
Я примѣтила чужихъ людей
И дородна добра молодца:
Люди добрые, смиренные,
Роду честнаго, богатые;
А дородный добрый молодецъ
Будто яхонтецъ катается,
Ходитъ полемъ—улыбается;
Будто лебедь—лицо бѣлое,
Очи ясны какъ у сокола;
Шлетъ къ тебѣ свои подарочки,
Перстенекъ съ руки золоченый,
Шелковый платокъ со цвѣтикамъ.
Пива пьянаго и въ ротъ не взялъ,
Въ руки бѣлы зелена вина.

Пріѣхавшіе съ рукобитья родные, всѣ, разумѣется, сильно пьяные, досыта плачутъ съ невѣстой. Но вотъ наступаетъ и дѣвичникъ.

Дѣвичникъ. Онъ бываетъ въ послѣдній вечеръ передъ бракомъ. Къ невѣстѣ сходятся подруги, и пріѣзжаетъ отъ жениха сваха съ пряниками и пирогами, которыми она одѣляетъ собравшихся дѣвушекъ и смотрящій народъ, преимущественно маленькихъ ребятъ. Дѣвушки поютъ пѣсни, а невѣста плачетъ съ причитаньями. Вотъ они. Прежде всего невѣста обращается къ подругамъ:

Не въ саду я загулялася,
Не на вишни засмотрѣлася:
Засмотрѣлася я дѣвица,
Заглядѣлася я красная,
Что на васъ мои подруженьки,
Что на васъ, мои голубушки.
Вы сидите всѣ веселыя
На своихъ мѣстахъ на радостныхъ,
Вы срядилися сряднехонько,
Платье цвѣтно на васъ новое,
И головушки причесаны,
Въ косахъ ленточки плетеныя.
А вотъ я-то, красна дѣвица,
Я сижу въ мѣстѣ печальноемъ;
У меня платье измятое,
У меня буйна головушка
Порастрепана, нечесана;
Въ косу лента невплетеная
Съ красотой на столъ положена.

Потомъ плачущая невѣста обращается съ причитаньями къ *красотѣ*, которая положена передъ ней на столѣ. Красотою называется повязка изъ парчи съ лентами; эту повязку носятъ дѣвушки въ праздничное время на гуляньяхъ и въ хороводахъ.

Ты прости-ко, краса дѣвичья!
Я навѣкъ съ тобой разстануся,
Молодехонька наплачуся.
Опущу я тебя, красоту,
Опущу тебя со ленточкамъ
Во поля, въ луга широкіе,
Во лѣса, въ боры дремучіе,
На быстры рѣки текучія.
Погляжуся, красна дѣвица,
Погляжу на свою красоту,

Вкругъ чего она обвилася:
Вкругъ осинушки-ли горькія,—
Мнѣ житье-то будетъ горькое,
Мнѣ замужье красной дѣвицѣ
Нехорошее, печальное.
Если ты обвилась, красота,
Вкругъ березоньки вкругъ бѣлыя,—
Мнѣ житье-то будетъ ровное,
Житье будетъ долговѣчное.
Если ты обвилась, красота,
Вокругъ яблоньки кудрявыя,—
Мнѣ житье будетъ хорошее,
Развеселое, богатое.
Я возьму тебя-ли, красота,
На свои руки на бѣлыя,
Отнесу я тебя, красота,
Во луга наши зеленые,
Положу тебя на травушку,
На высокую, шелковую.
Какъ придетъ-то лѣто теплое,
Что придутъ-то люди добрые.
Во луга съ косами острыми,
Что найдутъ тебя, красота,
И возьмутъ на руки бѣлыя,
Вотъ какъ скажутъ: чья-то красота
Не на мѣстечко положена,
Хоть и бережно поношена?
Тутъ не мѣсто тебѣ, красота,
Тутъ не мѣсто красоватися.
Я отдамъ тебя, красота,
Что голубушкѣ милой сестрѣ,
Поклонюся ей низёхонько:
Ты возьми, возьми, мила сестра,
Покрасуйся въ моей красотѣ.
Ты прости-ко, моя красота,
Я въ тебѣ покрасовалася,
Берегла тебя, лелѣяла,
И отъ солнышка отъ краснаго,
И отъ вѣтру-вихря буйнаго,
И отъ дождичка отъ частаго;
Ты дороже мнѣ казалася
Золотой казны разсыпчатой,
Свѣтлѣй яснаго ты мѣсяца,
Ярче солнышка ты краснаго.

Сестра, или одна изъ подругъ невѣсты, беретъ со стола красоту и уноситъ. Дѣвушки поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

При вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ было вечерѣ, *)
У Авдотьи на дѣвичникѣ
Чечевичку дѣвки варили,
На окошко студить ставили.
Прилеталъ тутъ младъ-ясенъ соколъ;
Онъ садился на окошечко,
На узорчату подзоринку.
Что никто-то ясна сокола
На окошкѣ не усматривалъ:
Увидала ясна сокола
Авдотьина матушка.
Дорогое мое дитятко,
Ты Авдотьюшка Васильевна,
Приласкай-ко ясна сокола!—
Ты родимая моя матушка,
Я бы рада приголубила:
Онъ разлука мнѣ великая,
Разлучаетъ съ тобой, матушка,
Разлучаетъ съ родомъ племенемъ
И съ голубками подружками.

2.

Цвѣты мои, цвѣтики,
Голубые, васильковые,
Я не много васъ посѣяла,
Очень много уродилося.
Много было подругъ дѣвушекъ,
Да одна у насъ измѣнщица,
Авдотья лицемѣрщица,
Говорила, что замужъ не пойду,
Не йду, не йду, не подумаю!
Въ монастырь пойду, въ монашины,
Васъ, подруженьки, съ собой возьму,
А сама буду игуменьей.

---

*) Каждый стихъ повторяется дважды.

жаръ... Темень ложится на окрестности. Вдали, надъ чернѣющимся лѣсомъ, въ кустахъ соловей свищетъ свои разсыпчато-серебристыя трели...

13. Крестьянская свадьба.

(Ярославской губерніи).

Крестьянская свадьба начинается сватовствомъ. Когда дѣло слаживается, сватающіе договариваются о выводѣ съ жениха, о приданомъ невѣсты, даютъ другъ другу руки и молятся Богу. При этомъ иногда бываютъ, кромѣ свата или сватьи, отецъ жениха и мать, даже и самъ женихъ. Когда помолятся, народу—сосѣдей и сосѣдокъ — находитъ полная изба, а къ невѣстѣ собираются подруги. Договорившіеся сватовья садятся за столъ, распиваютъ вино и чай. Невѣста въ это время гдѣ нибудь лежитъ и плачетъ, стонетъ и причитаетъ. Такое начало свадьбы называется очень разнообразно: *пропиванье*, *слово дали*, *сговорки*, *просватанье* и пр.

Вотъ какіе причоты выводитъ невѣста:

Не давай, кормилецъ—батюшко,
Ты своей руки правыя
Моему-то злому ворогу—
Свату, къ тебѣ засланному.
Не зажигай-ко, родимая матушка,
Свѣчи воска ярова,
Не молитеся вы Богу—Господу,
Не сгубляйте красу дѣвичью.
Мало-то я у васъ, желанные,
Пожила, покрасовалася,
Съ подружкамъ поводилася;
Мало я у васъ нагулялася
По темнымъ лѣсамъ дремучіимъ,
По полямъ-лугамъ зеленыимъ;
Мало-то я у васъ порядилася
Въ дорогія платья цвѣтныя.

Когда сватовья садятся за столъ и начинаютъ пропивать, т. е. пить вино, цѣловаться и поздравлять другъ друга, невѣста причитаетъ:

Не пропивай, кормилецъ—батюшко,
За стаканомъ зелена вина
Ты мою да красу дѣвичью.
То вино-то изъ слезъ сдѣлано,

Да на слезы сватомъ куплено.
Ужъ какъ мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
Знать, до сыта будетъ плакаться,
А слезами умыватися?

Пропиванье бываетъ очень недолго; разопьютъ четвертную или полведра, возьмутъ у невѣсты для жениха платокъ или кольцо, и затѣмъ сватовья уходятъ. Народъ и подруги невѣсты остаются. Невѣсту сводятъ съ печи или съ полатей, сажаютъ за столъ, гдѣ она должна плакать и причитать; причемъ накрываютъ ее большимъ платкомъ, чтобы не видно было лица. За столомъ невѣста опять начинаетъ причитать:

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Мать-Богородица!
Благослови кормилецъ-батюшко,
И родимая моя матушка,
Мнѣ садиться-то, красной дѣвицѣ,
Мнѣ во мѣсто-то во печальное,
Во печальное да въ горе—горькое!
Вы соколики братцы милые
И голубушки невѣстушки,
Осердилися да прогнѣвались
На меня, на красну дѣвицу:
Вы пропили меня, желанные,
За стаканъ за зелена вина!
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была для васъ скорая,
Обносила васъ, желанные,
Обносила платьемъ цвѣтнымъ,
Васъ объѣла кускомъ сахарнымъ.

Потомъ невѣста обращаетъ свои причитанья къ стоящимъ и сидящимъ рядомъ съ ней подругамъ:

Вы, голубушки подруженьки,
Вы, лебедушки да бѣлыя,
Вы, сосѣдушки болѣзныя,
Что вы долго снаряжалися?
Иль посылу дожидалися?
Мнѣ послать-то было некого,
Мнѣ самой-то идти невремя:
Мнѣ подрѣзали скоры ноженьки.

Не пришли, знать, вы за спѣсію,
Да за гордостью великою!
Я сама-то знаю, вѣдаю:
Не за спѣсью, не за гордостью,
А за дѣломъ за домовыемъ.
Не прогнѣвайтесь, подруженьки
И сосѣдушки болѣзныя,
Что не вышла, васъ не встрѣтила
Середь улицы широкія,
Середь мостику калинова,
Середь лѣсенки брусовыя;
Не становилась я, красна дѣвица,
Супротивъ креста поклоннаго,
Что поклоннаго, да богомольнаго.
Не смогу встать—приподнятися
Я отъ лавочки-то отъ дубовыя,
Отъ опушечки-то отъ кленовыя:
Испугалъ меня кормилецъ-батюшко
И родимая-то моя матушка,
Что до самаго до ретива сердца.
Скоры ноженьки-то подломилися,
Руки бѣлыя-то опустилися,
Голова какъ съ плечъ свалилася.
Испугали меня дѣвицу
Что чужой злодѣйкой стороной,
Что злодѣйкой незнакомою,
И злодѣямъ—злымъ чужимъ людямъ,
И дороднымъ добрымъ молодцамъ.

Послѣ причитанья, подруги и сосѣди унимаютъ невѣсту: „Полно, голубушка, перестань, не надрывайся, еще наплачешься!“ Прощаются и расходятся. Невѣста опять идетъ на печь или на полати, и съ этого времени она оставляетъ все дѣло: никто изъ домашнихъ не принуждаетъ „сговоренку“ къ работѣ. Послѣ пропиванья, невѣста каждый день плачетъ, сидя за столомъ, обращаясь то къ отцу, то къ матери съ причитаньями, почти съ такими же, какія приведены выше. Подруги ее постоянно навѣщаютъ. При входѣ ихъ, невѣста причитаетъ: „Что долго замѣшкались, мои подруженьки?“ Онѣ шьютъ приданое, разное бѣлье и сарафаны.

Въ назначенное время, дня за три, за четыре до сватьбы, бываетъ рукобитье. Сватъ съ отцомъ и матерью жениха, въ сопровожденіи родственниковъ, ѣдетъ къ отцу невѣсты, для пированья на рукобитьѣ. Входятъ въ домъ; молятся Богу, здороваются съ хозяевами и, по приглашенію ихъ, садятся за покрытый скатертью столъ.

На немъ стоятъ на тарелкѣ пирогъ - сгибень и соль. Отецъ (иногда мать) невѣсты зажигаетъ передъ образомъ свѣчу, и всѣ встаютъ, а двери запираютъ на крючокъ: примѣта народная, чтобы во время богомольства никто посторонній не пришелъ. Молятся. Потомъ сватъ складываетъ руку отца жениха съ рукою отца невѣсты и, взявъ со стола пирогъ, обводитъ имъ вокругъ руки сватовой три раза; затѣмъ, переломивъ, дѣлитъ пополамъ. Этотъ переломленный пирогъ хранится до дня свадьбы; послѣ вѣнчанья, новобрачные должны съѣсть его прежде всего. Потомъ сватовья садятся за столы, и начинается обѣдъ, угощенье до пьяна. Въ это время невѣста сидитъ подъ полатями въ заднемъ углу, покрытая платкомъ; вокругъ ея подруги, а впереди смотрятъ сосѣди. Если невѣста сама не очень горазда на причитанья, въ такомъ случаѣ зовутъ *вытьницу*, которая и помогаетъ ей выть, причитать. Вотъ какія преимущественно причитанья бываютъ въ день рукобитья:

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Мать Богородица,
Повыть-то мнѣ, поплакати,
Зычну голосу повынести,
Слезъ горючіихъ повыронить,
Лицо бѣлое повымочить,
Платье цвѣтное повырудать!
Голоса-то у меня младой-младехоньки
Голоса-то заунывные
И причоты все нескладные.

Невѣста обращается къ отцу, матери, братьямъ и невѣсткамъ:

Ты послушай-ко, кормилецъ батюшко,
И родимая ты моя матушка,
И соколы да братцы милые,
И голубушки—невѣстушки,
Я о чемъ вамъ говорить буду,
Говорить буду, наказывать,
Понизехоньку буду кланяться,
Горючимъ слезамъ заливатися.

Невѣсту подводятъ къ отцу, матери и роднымъ; она имъ кланяется въ ноги. Всѣ плачутъ навзрыдъ. Потомъ невѣсту опять отводятъ въ уголъ подъ полати, и она причитаетъ:

Ну, Господь же съ тобой, батюшко,
И родимая моя матушка,

И соколики братцы желанные,
И голубушки невѣстушки,
Не послушались вы наказу крѣпкаго,
Запоручили вы красну дѣвицу
За поруки-то за крѣпкія,
За письма-то вѣковѣчныя.
Вы на что же такъ разсердилися,
Разсердились, распрогнѣвались?
Запрошу я, красна дѣвица,
У тебя, родимый батюшко.
Я себѣ беру приданое:
Города всѣ съ пригородками,
Всѣ лѣса съ полями чистыми.
Ты подумалъ бы, кормилецъ батюшко,
Я слуга тебѣ была и работница,
Я въ семьѣ была покорная,
Имя честное не безславила;
А ты не далъ мнѣ, кормилецъ—батюшко,
Съ умомъ разумомъ собратися,
Съ подружками сверстатися.
Я въ чужихъ людяхъ, младехонька,
Отъ работушки замаюся;
За столбомъ я потихоньку
Отъ чужихъ людей наплачуся.
Ужъ какъ этимъ ли чужимъ людямъ
Мои слезы сладки кажутся,
Мое горе имъ весельецо,
Мнѣ кручина, а имъ радости.

Невѣста съ причотами обращается къ своимъ подругамъ:

Вы подруженьки, вы голубушки,
Задушевныя вы сударушки,
Какъ пойдете вы на гуляньецо,
На гулянье на веселое,
Во лѣса-то вы, во темные,
Во поля-то вы, во чистыя,
Собирать грибки да ягодки,
Работать работу страдную,
Выводить хороводы веселые:
Не забудьте меня, милыя,
На чужой дальной сторонушкѣ,
Вспомяните отъ радѣньеца,

Какъ живу я у чужихъ людей.
Мое сердце растоскуется,
Я приду къ вамъ, васъ спровѣдаю,
Про свою вамъ жизнь повѣдаю.

Иногда рукобитье бываетъ у жениха; тогда отецъ его угощаетъ родителя невѣсты, но порядокъ соблюдается тотъ же: пирогъ ломается, и Богу молятся одинаковымъ образомъ. Женихъ угощаетъ виномъ и пивомъ гостей. Когда сбираются на рукобитье отецъ, мать и другіе родственники невѣсты, она прощается съ нимъ, причитая:

Вы поѣдете, мои родимые,
На злодѣйку, чужу — сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Не садитеся, мои желанные,
За столы-то за дубовые
И за скатерти-то самобранныя,
Не сдавайтеся на слова сладкія,
На поклоны ихъ на низкіе:
Ихъ поклоны-то покуплёные,
А слова-то всѣ заученыя,
Питья, яства въ долгъ понабраны,
Платья цвѣтны въ прокатъ заняты.
Не давайте, кормилецъ батюшко
И родимая моя матушка,
Не давайте руки правыя
Чрезъ столы вы чрезъ дубовые,
Черезъ скатерти черезъ бранныя;
Не запоручайте меня дѣвицу
За поруки вы за крѣпкія,
Что за крѣпкія, вѣковѣчныя,
Чтобы мнѣ младой не плакаться,
Съ вамъ, желаннымъ, не разстатися.

Потомъ она обращается къ невѣсткѣ:

Ты послушай-ко, моя невѣстушка,
Разлюбезная голубушка,
О чемъ я тебя просить буду.
Попримѣть, моя сударушка,
Ты злодѣйку чужу сторону
И злодѣевъ всѣхъ чужихъ людей
И дородна добра молодца:
Онъ не пьетъ ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Когда родные возвращаются съ рукобитья, невѣста опять встрѣчаетъ ихъ причитаньями:

Не послушались, мои жаланные,
Моего наказу крѣпкаго,
И не сжалились на мои слезы,
Вы на слезы мои горькія.
Запоручили вы дѣвью красу,
За поруки-то за крѣпкія
И за письма вѣковѣчныя.
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была скорая,
Ваше имя я безчестила?

Обращается къ невѣсткѣ и причитаетъ:

Ты голубушка невѣстушка,
Что примѣтила, моя голубушка,
На чужой-то на сторонушкѣ,
На злодѣйкѣ, незнакомой мнѣ?
Каковы тамъ чужи люди
И дородный добрый молодецъ?
Онъ не пьетъ ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Невѣстка садится рядомъ съ ней и, въ свою очередь, начинаетъ отвѣчать причитаньями:

Попримѣтила, моя голубушка,
Разлюбезная золовушка,
Я примѣтила чужихъ людей
И дородна добра молодца:
Люди добрые, смиренные,
Роду честнаго, богатые;
А дородный добрый молодецъ
Будто яхонтецъ катается,
Ходитъ полемъ—улыбается;
Будто лебедь—лицо бѣлое,
Очи ясны какъ у сокола;
Шлетъ къ тебѣ свои подарочки,
Перстепекъ съ руки золоченый,
Шелковый платокъ со цвѣтикамъ.
Пива пьянаго и въ ротъ не взялъ,
Въ руки бѣлы зелена вина.

Пріѣхавшіе съ рукобитья родные, всѣ, разумѣется, сильно пьяные, досыта плачутъ съ невѣстой. Но вотъ наступаетъ и дѣвичникъ.

Дѣвичникъ. Онъ бываетъ въ послѣдній вечеръ передъ бракомъ. Къ невѣстѣ сходятся подруги, и пріѣзжаетъ отъ жениха сваха съ пряниками и пирогами, которыми она одѣляетъ собравшихся дѣвушекъ и смотрящій народъ, преимущественно маленькихъ ребятъ. Дѣвушки поютъ пѣсни, а невѣста плачетъ съ причитаньями. Вотъ они. Прежде всего невѣста обращается къ подругамъ:

Не въ саду я загулялася,
Не на вишни засмотрѣлася:
Засмотрѣлася я дѣвица,
Заглядѣлася я красная,
Что на васъ мои подруженьки,
Что на васъ, мои голубушки.
Вы сидите всѣ веселыя
На своихъ мѣстахъ на радостныхъ,
Вы срядилися сряднехонько,
Платье цвѣтно на васъ новое,
И головушки причесаны,
Въ косахъ ленточки плетеныя.
А вотъ я-то, красна дѣвица,
Я сижу въ мѣстѣ печальноемъ;
У меня платье измятое,
У меня буйна головушка
Порастрепана, нечесана;
Въ косу лента невплетеная
Съ красотой на столъ положена.

Потомъ плачущая невѣста обращается съ причитаньями къ *красотѣ*, которая положена передъ ней на столѣ. Красотою называется повязка изъ парчи съ лентами; эту повязку носятъ дѣвушки въ праздничное время на гуляньяхъ и въ хороводахъ.

Ты прости-ко, краса дѣвичья!
Я навѣкъ съ тобой разстануся,
Молодехонька наплачуся.
Опущу я тебя, красоту,
Опущу тебя со ленточкамъ
Во поля, въ луга широкіе,
Во лѣса, въ боры дремучіе,
На быстры рѣки текучія.
Погляжуся, красна дѣвица,
Погляжу на свою красоту,

Вкругъ чего она обвилася:
Вкругъ осинушки-ли горькія,—
Мнѣ житье-то будетъ горькое,
Мнѣ замужье красной дѣвицѣ
Нехорошее, печальное.
Если ты обвилась, красота,
Вкругъ березоньки вкругъ бѣлыя,—
Мнѣ житье-то будетъ ровное,
Житье будетъ долговѣчное.
Если ты обвилась, красота,
Вокругъ яблоньки кудрявыя,—
Мнѣ житье будетъ хорошее,
Развеселое, богатое.
Я возьму тебя-ли, красота,
На свои руки на бѣлыя,
Отнесу я тебя, красота,
Во луга наши зеленые,
Положу тебя на травушку,
На высокую, шелковую.
Какъ придетъ-то лѣто теплое,
Что придутъ-то люди добрые.
Во луга съ косами острыми,
Что найдутъ тебя, красота,
И возьмутъ на руки бѣлыя,
Вотъ какъ скажутъ: чья-то красота
Не на мѣстечко положена,
Хоть и бережно поношена?
Тутъ не мѣсто тебѣ, красота,
Тутъ не мѣсто красоватися.
Я отдамъ тебя, красота,
Что голубушкѣ милой сестрѣ,
Поклонюся ей низёхонько:
Ты возьми, возьми, мила сестра,
Покрасуйся въ моей красотѣ.
Ты прости-ко, моя красота,
Я въ тебѣ покрасовалася,
Берегла тебя, лелѣяла,
И отъ солнышка отъ краснаго,
И отъ вѣтру-вихря буйнаго,
И отъ дождичка отъ частаго;
Ты дороже мнѣ казалася
Золотой казны разсыпчатой,
Свѣтлѣй яснаго ты мѣсяца,
Ярче солнышка ты краснаго.

Сестра, или одна изъ подругъ невѣсты, беретъ со стола красоту и уноситъ. Дѣвушки поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

При вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ было вечерѣ, *)
У Авдотьи на дѣвичникѣ
Чечевичку дѣвки варили,
На окошко студить ставили.
Прилеталъ тутъ младъ-ясенъ соколъ;
Онъ садился на окошечко,
На узорчату подзоринку.
Что никто-то ясна сокола
На окошкѣ не усматривалъ:
Увидала ясна сокола
Авдотьина матушка.
Дорогое мое дитятко,
Ты Авдотьюшка Васильевна,
Приласкай-ко ясна сокола!—
Ты родимая моя матушка,
Я бы рада приголубила:
Онъ разлука мнѣ великая,
Разлучаетъ съ тобой, матушка,
Разлучаетъ съ родомъ племенемъ
И съ голубками подружками.

2.

Цвѣты мои, цвѣтики,
Голубые, васильковые,
Я не много васъ посѣяла,
Очень много уродилося.
Много было подругъ дѣвушекъ,
Да одна у насъ измѣнщица,
Авдотья лицемѣрщица,
Говорила, что замужъ не пойду,
Не йду, не йду, не подумаю!
Въ монастырь пойду, въ монашины,
Васъ, подруженьки, съ собой возьму,
А сама буду игуменьей.

---

*) Каждый стихъ повторяется дважды.

3.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась
Своему-то брату милому
Ивану Васильичу.
Ты соколъ мой, братецъ миленькой,
Ты запри крѣпче воротечки
Тремя замками нѣмецкими
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику
Ивану Ивановичу
Чтобъ за мной сюда не въѣхати,
На широкій дворъ на батюшкинъ.

Какъ возговоритъ Иванъ-то молодецъ,
Какъ возговоритъ Ивановичъ:
Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь душа Васильевна.
Приведу я съ собой слесаря,
Изъ нѣмецкой земли мастера:
Отопретъ замки нѣмецкіе,
Всѣ запоры ваши крѣпкіе.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась,
Говорила рѣчь милой сестрѣ:
Ты голубушка, мила сестра,
Заплети мнѣ русу косыньку.
И увей мнѣ крѣпче золотомъ,
Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русой косы.

Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна.
Приведу съ собой я свахоньку,
Расплететъ твою русу косу,
Разовьетъ все съ косы золото.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,

Понизехоньку кланялась
Подружкамъ голубушкамъ.
Вы голубушки подруженьки,
Вы улейте-ко круту гору,
Чтобъ нельзя было разлучнику
За мной въѣхать на круту гору.

Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, не плачь, душа Васильевна,
Я оставлю коней подъ горой,
А пѣшкомъ взойду въ круту гору
Со друзьями, со товарищами,
И возьму за руки бѣлыя,
Поведу тебя подъ златъ вѣнецъ.

4.

Возлѣ рѣченьки на бережкѣ
Тутъ стояла нова свѣтлица,
А во этой новой свѣтлицѣ
Сидитъ дѣвица закрытая,
Печальная, сговорёная.
Собиралась къ ней подруженьки
На дѣвичникъ на дѣвическій.
Ты, подруженька голубушка,
Свѣтъ Васильевна Авдотьюшка,
Намъ съ тобой больше не гуливать,
Хороводовъ не вываживать,
Рѣчей тайныхъ не говаривать.
Во лѣса нойдемъ во темные.
Собирать грибки да ягодки,
Вспомянемъ тебя, голубушку.

Въ это время пріѣзжаетъ ко двору сваха съ гостинцами и входитъ въ избу съ сундукомъ, въ которомъ накладены пряники, пироги и разные подарки невѣстѣ. Дѣвицы запѣваютъ, обращаясь къ свахѣ, пѣсню:

Вечеромъ позднымъ-позднехонько
Къ Авдотьину отцу, къ матери
Приходила сваха-сводница,
Постучалась подъ окошечкомъ,
Выкликала мать Авдотьину,
Ей хвалила чужу сторону:

На чужой дальней сторонушкѣ
Поля сахаромъ засѣяны,
Виноградомъ огорожены,
Медомъ-сытою поливаны;
Середь поля стоитъ горница —
Ровно свѣтлая-то свѣтлица,
Три окошечка косячаты
И карнизики узорчаты.
Соврала ты, сваха-сводница!
На чужой дальней сторонушкѣ
Кто живалъ, такъ все извѣдывалъ:
Тамъ поля горемъ засѣяны,
Да кручиной огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны.
Середь поля стоитъ келейка,
Какъ конурка развалилася;
Въ ней одно окно—разбитое.
Околѣть бы тебѣ, свахонька,
Безъ родной семьи, безъ сродниковъ,
На тотъ свѣтъ идти безъ савана
И безъ гроба бы валятися.
Повезли бы сваху-сводницу
Во лѣса-то, во дремучіе,
Посвалили-бъ сваху-сводницу
Не въ могилу—поверхъ матушки
Сырой земли валятися.

Въ это время сваха дѣлитъ гостинцы и потомъ уходитъ; иная говоритъ: „Ну, за эту пѣсенку не стоило бы вамъ дѣвоньки и гостинцовъ давать!“ По окончаніи дѣвичника народъ уходитъ, а невѣста собирается идти прощаться съ сродниками; окруженная подругами, она идетъ по селенію, реветъ *толстымъ голосомъ* и, остановясь подъ окошкомъ дома, гдѣ живутъ ея родные, причитаетъ:

Чьи это хоромы,
Чьи это высокія?
Какъ живетъ въ нихъ
Родной дядюшка
Со болѣзною-со тетушкой?
Вы простите молодёхоньку
Въ чемъ сгрубила, васъ прогнѣвала.

Изъ дома выходятъ дядя и тетка, ревутъ, обхвативъ невѣсту и даютъ ей денегъ, кто сколько можетъ: гривенникъ, пятачекъ, гривну, даже и одну копѣйку.

И такимъ образомъ она обходитъ всѣхъ родственниковъ, повторяя тотъ же причотъ, затѣмъ возвращается домой съ подругами; иногда она отправляется и на кладбище прощаться съ умершими родственниками. Вечеромъ невѣста непремѣнно парится въ банѣ, а, за неимѣніемъ ея, и въ печи, и тѣмъ оканчивается дѣвичникъ.

День брака. Утромъ рано къ невѣстѣ опять приходятъ подруги, дѣвицы; онѣ сбираютъ ее къ вѣнцу; въ домѣ тоже приготовляются къ пированью, потому что отъ вѣнца новобрачные пріѣзжаютъ съ новой родней къ невѣстину отцу и пируютъ. Собравши невѣсту, усаживаютъ ее, покрытую платкомъ, за столъ, гдѣ поставлены пироги. Вокругъ плачущей невѣсты сидятъ дѣвушки, а любопытные сосѣди смотрятъ и дожидаются пріѣзда дружки со свахой; въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ за невѣстой пріѣзжаетъ и женихъ. Причитанья бываютъ слѣдующія:

Вѣтры буйные, разбушуйтеся,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проѣхати,
Что за мной младой злымъ чужимъ людямъ.
Затворитеся, воротечка,
Вы широки крѣпко-накрѣпко.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся, туча грозная,
Напустися ночью темною.
Разсыпайся, крупный дождичокъ,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проѣхати
Ко мнѣ злымъ чужимъ людямъ.

Ты послушай, соколъ милый братъ,
Я объ чемъ тебя просить буду:
Ты сходи-ко, соколъ милый братъ,
Во поля, въ луга во чистые,
Во лѣса-то во дремучіе,
Во дубравушки зеленыя,
Гдѣ сырой боръ съ вѣтромъ спорится,
Тамъ всѣ звѣри люты водятся,
Ты поймай-ко звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, ѣдучаго.
Изо рта его — огонь пламенемъ,
Изъ ушей его — дымъ столбомъ валитъ,
Изъ очей его — искры сыплются.
Приведи ты мнѣ, звѣря лютаго,
Привяжи его къ двору батюшки:
Какъ подъѣдутъ-то злы чужи люди

И соколики братцы желанные,
И голубушки невѣстушки,
Не послушались вы наказу крѣпкаго,
Запоручили вы красну дѣвицу
За поруки-то за крѣпкія,
За письма-то вѣковѣчныя.
Вы на что же такъ разсердилися,
Разсердились, распрогнѣвались?
Запрошу я, красна дѣвица,
У тебя, родимый батюшко.
Я себѣ беру приданое:
Города всѣ съ пригородками,
Всѣ лѣса съ полями чистыми.
Ты подумалъ бы, кормилецъ батюшко,
Я слуга тебѣ была и работница,
Я въ семьѣ была покорная,
Имя честное не безславила;
А ты не далъ мнѣ, кормилецъ—батюшко,
Съ умомъ разумомъ собратися,
Съ подружками сверстатися.
Я въ чужихъ людяхъ, младехонька,
Отъ работушки замаюся;
За столбомъ я потихоньку
Отъ чужихъ людей наплачуся.
Ужъ какъ этимъ ли чужимъ людямъ
Мои слезы сладки кажутся,
Мое горе имъ весельецо,
Мнѣ кручина, а имъ радости.

Невѣста съ причотами обращается къ своимъ подругамъ:

Вы подруженьки, вы голубушки,
Задушевныя вы сударушки,
Какъ пойдете вы на гуляньецо,
На гулянье на веселое,
Во лѣса-то вы, во темные,
Во поля-то вы, во чистыя,
Собирать грибки да ягодки,
Работать работу страдную,
Выводить хороводы веселые:
Не забудьте меня, милыя,
На чужой дальной сторонушкѣ,
Вспомяните отъ радѣньеца,

Какъ живу я у чужихъ людей.
Мое сердце растоскуется,
Я приду къ вамъ, васъ спровѣдаю,
Про свою вамъ жизнь повѣдаю.

Иногда рукобитье бываетъ у жениха; тогда отецъ его угощаетъ родителя невѣсты, но порядокъ соблюдается тотъ же: пирогъ ломается, и Богу молятся одинаковымъ образомъ. Женихъ угощаетъ виномъ и пивомъ гостей. Когда сбираются на рукобитье отецъ, мать и другіе родственники невѣсты, она прощается съ нимъ, причитая:

Вы поѣдете, мои родимые,
На злодѣйку, чужу — сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Не садитеся, мои желанные,
За столы-то за дубовые
И за скатерти-то самобранныя,
Не сдавайтеся на слова сладкія,
На поклоны ихъ на низкіе:
Ихъ поклоны-то покуплёные,
А слова-то всѣ заученыя,
Питья, яства въ долгъ понабраны,
Платья цвѣтны въ прокатъ заняты.
Не давайте, кормилецъ батюшко
И родимая моя матушка,
Не давайте руки правыя
Чрезъ столы вы чрезъ дубовые,
Черезъ скатерти черезъ бранныя;
Не запоручайте меня дѣвицу
За поруки вы за крѣпкія,
Что за крѣпкія, вѣковѣчныя,
Чтобы мнѣ младой не плакаться,
Съ вамъ, желаннымъ, не разстатися.

Потомъ она обращается къ невѣсткѣ:

Ты послушай-ко, моя невѣстушка,
Разлюбезная голубушка,
О чемъ я тебя просить буду.
Попримѣть, моя сударушка,
Ты злодѣйку чужу сторону
И злодѣевъ всѣхъ чужихъ людей
И дородна добра молодца:
Онъ не пьетъ ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Когда родные возвращаются съ рукобитья, невѣста опять встрѣчаетъ ихъ причитаньями:

Не послушались, мои жаланные,
Моего наказу крѣпкаго,
И не сжалились на мои слезы,
Вы на слезы мои горькія.
Запоручили вы дѣвью красу,
За поруки-то за крѣпкія
И за письма вѣковѣчныя.
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была скорая,
Ваше имя я безчестила?

Обращается къ невѣсткѣ и причитаетъ:

Ты голубушка невѣстушка,
Что примѣтила, моя голубушка,
На чужой-то на сторонушкѣ,
На злодѣйкѣ, незнакомой мнѣ?
Каковы тамъ чужи люди
И дородный добрый молодецъ?
Онъ не пьетъ ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Невѣстка садится рядомъ съ ней и, въ свою очередь, начинаетъ отвѣчать причитаньями:

Попримѣтила, моя голубушка,
Разлюбезная золовушка,
Я примѣтила чужихъ людей
И дородна добра молодца:
Люди добрые, смиренные,
Роду честнаго, богатые;
А дородный добрый молодецъ
Будто яхонтецъ катается,
Ходитъ полемъ—улыбается;
Будто лебедь—лицо бѣлое,
Очи ясны какъ у сокола;
Шлетъ къ тебѣ свои подарочки,
Перстенекъ съ руки золоченый,
Шелковый платокъ со цвѣтикамъ.
Пива пьянаго и въ ротъ не взялъ,
Въ руки бѣлы зелена вина.

Пріѣхавшіе съ рукобитья родные, всѣ, разумѣется, сильно пьяные, досыта плачутъ съ невѣстой. Но вотъ наступаетъ и дѣвичникъ.

Дѣвичникъ. Онъ бываетъ въ послѣдній вечеръ передъ бракомъ. Къ невѣстѣ сходятся подруги, и пріѣзжаетъ отъ жениха сваха съ пряниками и пирогами, которыми она одѣляетъ собравшихся дѣвушекъ и смотрящій народъ, преимущественно маленькихъ ребятъ. Дѣвушки поютъ пѣсни, а невѣста плачетъ съ причитаньями. Вотъ они. Прежде всего невѣста обращается къ подругамъ:

Не въ саду я загулялася,
Не на вишни засмотрѣлася:
Засмотрѣлася я дѣвица,
Заглядѣлася я красная,
Что на васъ мои подруженьки,
Что на васъ, мои голубушки.
Вы сидите всѣ веселыя
На своихъ мѣстахъ на радостныхъ,
Вы срядилися сряднехонько,
Платье цвѣтно на васъ новое,
И головушки причесаны,
Въ косахъ ленточки плетеныя.
А вотъ я-то, красна дѣвица,
Я сижу въ мѣстѣ печальноемъ;
У меня платье измятое,
У меня буйна головушка
Порастрепана, нечесана;
Въ косу лента невплетеная
Съ красотой на столъ положена.

Потомъ плачущая невѣста обращается съ причитаньями къ *красотѣ*, которая положена передъ ней на столѣ. Красотою называется повязка изъ парчи съ лентами; эту повязку носятъ дѣвушки въ праздничное время на гуляньяхъ и въ хороводахъ.

Ты прости-ко, краса дѣвичья!
Я навѣкъ съ тобой разстануся,
Молодехонька наплачуся.
Опущу я тебя, красоту,
Опущу тебя со ленточкамъ
Во поля, въ луга широкіе,
Во лѣса, въ боры дремучіе,
На быстры рѣки текучія.
Погляжуся, красна дѣвица,
Погляжу на свою красоту,

Вкругъ чего она обвилася:
Вкругъ осинушки-ли горькія,—
Мнѣ житье-то будетъ горькое,
Мнѣ замужье красной дѣвицѣ
Нехорошее, печальное.
Если ты обвилась, красота,
Вкругъ березоньки вкругъ бѣлыя,—
Мнѣ житье-то будетъ ровное,
Житье будетъ долговѣчное.
Если ты обвилась, красота,
Вокругъ яблоньки кудрявыя,—
Мнѣ житье будетъ хорошее,
Развеселое, богатое.
Я возьму тебя-ли, красота,
На свои руки на бѣлыя,
Отнесу я тебя, красота,
Во луга наши зеленые,
Положу тебя на травушку,
На высокую, шелковую.
Какъ придетъ-то лѣто теплое,
Что придутъ-то люди добрые.
Во луга съ косами острыми,
Что найдутъ тебя, красота,
И возьмутъ на руки бѣлыя,
Вотъ какъ скажутъ: чья-то красота
Не на мѣстечко положена,
Хоть и бережно поношена?
Тутъ не мѣсто тебѣ, красота,
Тутъ не мѣсто красоватися.
Я отдамъ тебя, красота,
Что голубушкѣ милой сестрѣ,
Поклонюся ей низёхонько:
Ты возьми, возьми, мила сестра,
Покрасуйся въ моей красотѣ.
Ты прости-ко, моя красота,
Я въ тебѣ покрасовалася,
Берегла тебя, лелѣяла,
И отъ солнышка отъ краснаго,
И отъ вѣтру-вихря буйнаго,
И отъ дождичка отъ частаго;
Ты дороже мнѣ казалася
Золотой казны разсыпчатой,
Свѣтлѣй яснаго ты мѣсяца,
Ярче солнышка ты краснаго.

Сестра, или одна изъ подругъ невѣсты, беретъ со стола красоту и уноситъ. Дѣвушки поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

При вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ было вечерѣ, *)
У Авдотьи на дѣвичникѣ
Чечевичку дѣвки варили,
На окошко студить ставили.
Прилеталъ тутъ младъ-ясенъ соколъ;
Онъ садился на окошечко,
На узорчату подзоринку.
Что никто-то ясна сокола
На окошкѣ не усматривалъ:
Увидала ясна сокола
Авдотьина матушка.
Дорогое мое дитятко,
Ты Авдотьюшка Васильевна,
Приласкай-ко ясна сокола!—
Ты родимая моя матушка,
Я бы рада приголубила:
Онъ разлука мнѣ великая,
Разлучаетъ съ тобой, матушка,
Разлучаетъ съ родомъ племенемъ
И съ голубками подружками.

2.

Цвѣты мои, цвѣтики,
Голубые, васильковые,
Я не много васъ посѣяла,
Очень много уродилося.
Много было подругъ дѣвушекъ,
Да одна у насъ измѣнщица,
Авдотья лицемѣрщица,
Говорила, что замужъ не пойду,
Не йду, не йду, не подумаю!
Въ монастырь пойду, въ монашины,
Васъ, подруженьки, съ собой возьму,
А сама буду игуменьей.

---

*) Каждый стихъ повторяется дважды.

3.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась
Своему-то брату милому
Ивану Васильичу.
Ты соколъ мой, братецъ миленькой,
Ты запри крѣпче воротечки
Тремя замками нѣмецкими
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику
Ивану Ивановичу
Чтобъ за мной сюда не въѣхати,
На широкій дворъ на батюшкинъ.

Какъ возговоритъ Иванъ-то молодецъ,
Какъ возговоритъ Ивановичъ:
Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь душа Васильевна.
Приведу я съ собой слесаря,
Изъ нѣмецкой земли мастера:
Отопретъ замки нѣмецкіе,
Всѣ запоры ваши крѣпкіе.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась,
Говорила рѣчь милой сестрѣ:
Ты голубушка, мила сестра,
Заплети мнѣ русу косыньку.
И увей мнѣ крѣпче золотомъ,
Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русой косы.

Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна.
Приведу съ собой я свахоньку,
Расплететъ твою русу косу,
Разовьетъ все съ косы золото.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,

Понизехоньку кланялась
Подружкамъ голубушкамъ.
Вы голубушки подруженьки,
Вы улейте-ко круту гору,
Чтобъ нельзя было разлучнику
За мной въѣхать на круту гору.

Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, не плачь, душа Васильевна,
Я оставлю коней подъ горой,
А пѣшкомъ взойду въ круту гору
Со друзьями, со товарищами,
И возьму за руки бѣлыя,
Поведу тебя подъ златъ вѣнецъ.

4.

Возлѣ рѣченьки на бережкѣ
Тутъ стояла нова свѣтлица,
А во этой новой свѣтлицѣ
Сидитъ дѣвица закрытая,
Печальная, сговорёная.
Собиралась къ ней подруженьки
На дѣвичникъ на дѣвическій.
Ты, подруженька голубушка,
Свѣтъ Васильевна Авдотьюшка,
Намъ съ тобой больше не гуливать,
Хороводовъ не вываживать,
Рѣчей тайныхъ не говаривать.
Во лѣса пойдемъ во темные.
Собирать грибки да ягодки,
Вспомянемъ тебя, голубушку.

Въ это время пріѣзжаетъ ко двору сваха съ гостинцами и входитъ въ избу съ сундукомъ, въ которомъ накладены пряники, пироги и разные подарки невѣстѣ. Дѣвицы запѣваютъ, обращаясь къ свахѣ, пѣсню:

Вечеромъ позднымъ-позднехонько
Къ Авдотьину отцу, къ матери
Приходила сваха-сводница,
Постучалась подъ окошечкомъ,
Выкликала мать Авдотьину,
Ей хвалила чужу сторону:

На чужой дальней сторонушкѣ
Поля сахарóмъ засѣяны,
Виноградомъ огорожены,
Медомъ-сытою поливаны;
Середь поля стоитъ горница—
Ровно свѣтлая-то свѣтлица,
Три окошечка косячаты
И карнизики узорчаты.
Соврала ты, сваха-сводница!
На чужой дальней сторонушкѣ
Кто живалъ, такъ все извѣдывалъ:
Тамъ поля горемъ засѣяны,
Да кручиной огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны.
Середь поля стоитъ келейка,
Какъ конурка развалилася;
Въ ней одно окно—разбитое.
Околѣть бы тебѣ, свахонька,
Безъ родной семьи, безъ сродниковъ,
На тотъ свѣтъ идти безъ савана
И безъ гроба бы валятися.
Повезли бы сваху-сводницу
Во лѣса-то, во дремучіе,
Посвалили-бъ сваху-сводницу
Не въ могилу—поверхъ матушки
Сырой земли валятися.

Въ это время сваха дѣлитъ гостинцы и потомъ уходитъ; иная говоритъ: „Ну, за эту пѣсенку не стоило бы вамъ дѣвоньки и гостинцовъ давать!“ По окончаніи дѣвичника народъ уходитъ, а невѣста собирается идти прощаться съ сродниками; окруженная подругами, она идетъ по селенію, реветъ *толстымъ голосомъ* и, остановясь подъ окошкомъ дома, гдѣ живутъ ея родные, причитаетъ:

Чьи это хоромы,
Чьи это высокія?
Какъ живетъ въ нихъ
Родной дядюшка
Со болѣзною-со тетушкой?
Вы простите молодёхоньку
Въ чемъ сгрубила, васъ прогнѣвала.

Изъ дома выходятъ дядя и тетка, ревутъ, обхвативъ невѣсту и даютъ ей денегъ, кто сколько можетъ: гривенникъ, пятачекъ, гривну, даже и одну копѣйку.

И такимъ образомъ она обходитъ всѣхъ родственниковъ, повторяя тотъ же причотъ, затѣмъ возвращается домой съ подругами; иногда она отправляется и на кладбище прощаться съ умершими родственниками. Вечеромъ невѣста непремѣнно парится въ банѣ, а, за неимѣніемъ ея, и въ печи, и тѣмъ оканчивается дѣвичникъ.

День брака. Утромъ рано къ невѣстѣ опять приходятъ подруги, дѣвицы; онѣ сбираютъ ее къ вѣнцу; въ домѣ тоже приготовляются къ пированью, потому что отъ вѣнца новобрачные пріѣзжаютъ съ новой родней къ невѣстину отцу и пируютъ. Собравши невѣсту, усаживаютъ ее, покрытую платкомъ, за столъ, гдѣ поставлены пироги. Вокругъ плачущей невѣсты сидятъ дѣвушки, а любопытные сосѣди смотрятъ и дожидаются пріѣзда дружки со свахой; въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ за невѣстой пріѣзжаетъ и женихъ. Причитанья бываютъ слѣдующія:

Вѣтры буйные, разбушуйтеся,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проѣхати,
Что за мной младой злымъ чужимъ людямъ.
Затворитеся, воротечка,
Вы широки крѣпко-накрѣпко.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся, туча грозная,
Напустися ночью темною.
Разсыпайся, крупный дождичокъ,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проѣхати
Ко мнѣ злымъ чужимъ людямъ.

Ты послушай, соколъ милый братъ,
Я объ чемъ тебя просить буду:
Ты сходи-ко, соколъ милый братъ,
Во поля, въ луга во чистые,
Во лѣса-то во дремучіе,
Во дубравушки зеленыя,
Гдѣ сырой боръ съ вѣтромъ спорится,
Тамъ всѣ звѣри люты водятся,
Ты поймай-ко звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, ѣдучаго.
Изо рта его — огонь пламенемъ,
Изъ ушей его — дымъ столбомъ валитъ,
Изъ очей его — искры сыплются.
Привези ты мнѣ, звѣря лютаго,
Привяжи его къ двору батюшки:
Какъ подъѣдутъ-то злы чужи люди

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— Господи Исусе Христе! (трижды). Есть ли у этихъ дверей придверникъ, у воротъ приворотникъ, кто бы намъ эти ворота отворилъ и двери на пяты постановилъ, а насъ добрыхъ молодцовъ до хозяина допустилъ?

Хозяинъ, отецъ невѣсты, выходитъ, растворяя двери, кланяется и пропускаетъ въ избу гостей. Дружка топаетъ, и начинается слѣдующій разговоръ:

— Въѣхалъ я, сватушко, къ тебѣ на широкій дворъ, поставилъ я добрыхъ коней середи широка двора, приказывать я объ нихъ — никому не приказывалъ, привязывать я — не привязывалъ. Нельзя ли къ моимъ конямъ сторожа приставить, чтобъ спросить было съ кого?

— Будьте, друженька, покойны: останетесь нами довольны, а добры кони будутъ сохранны.

Дружка приговариваетъ:

— Пришелъ дружка, легкая ножка, въ теплую хату къ любезному свату, ножку поставилъ за порогъ, другую чуть переволокъ, ножкою топнулъ, дверью хлопнулъ, половнички гнутся, хозяева къ печкѣ жмутся. Взошелъ дружка, помолился, добрымъ людямъ поклонился. Здравствуйте, добрые люди и всѣ, что есть въ избѣ! Сватушко и сватьюшка, все ли вы здоровы?

— Наши сватъ и сватьюшка остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь.

Отправивши поклонъ, т. е. „челобитье“, свату со сватьей, дружка обращается къ народу, стоящему въ избѣ и говоритъ:

— Здравствуйте, добрые молодцы, удалыя головы, широкія бороды! Всѣ ли вы здоровы? — Наши молодцы остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: на васъ кафтаны оченно изорваны, четыре полы, бока голы.

— Здравствуйте, молодыя молодушки, покрытыя головушки! Всѣ ли вы здоровы? Наши молодицы всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: полно вамъ съ мужьями шутить, да ихъ въ обманъ вводить.

— Здравствуйте, красныя дѣвицы, пирожныя мастерицы, горшечныя пагубницы! Всѣ ли вы здоровы? Наши дѣвицы всѣ здоровы, приказали намъ, поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: полно вамъ по криночкамъ ходить, сметанку снимать, колобки мѣсить, молодцовъ кормить.

— Здравствуйте, малые ребята, голыя пузята! Всѣ ли вы здоровы? Наши ребята всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: вы на полатяхъ лежите, да намъ въ чашки соплей не напустите: намъ, гостямъ, морготно покажется.

Послѣ этихъ шутокъ дружка обращается къ свахѣ или къ стоящему народу и спрашиваетъ:

— Гдѣ бы мнѣ своихъ гостей съ нарѣченнымъ княземъ усадить за столы дубовые?

— Мѣста всѣ заняты, поподчуй насъ, друженька.

— Эхъ вы, добрые молодцы, умныя головушки, широкія бородушки! О чемъ надобно говорите, себя, меня и моихъ поѣзжанъ попусту не томите. Я дружка, не Романъ, не сдѣлаю обманъ.

— Мы тебя, друженька, хотимъ съ дружьимъ чиномъ поздравить.

— Извольте, добрые люди, пить — ѣсть — кушать, насъ, добрыхъ молодцовъ, слушать.

Дружка спрашиваетъ у свахи, иногда и у хозяина: какъ бы на мѣста садиться?—Ему говорятъ, указывая на сидящаго рядомъ съ невѣстой *продавца* (брата ея), что онъ этимъ дѣломъ распоряжается. Дружка обращается къ продавцу:

— Нельзя ли намъ, добрый молодецъ, свое мѣстечко уступить и насъ, добрыхъ молодчиковъ, за столы дубовые посадить?

— Я своего мѣста даромъ не уступаю, продавать — продаю.

— Чѣмъ же ты, добрый молодецъ, торгуешь? лисицами или куницами? или мѣсто княжецкое продаешь?

— Я торгую всѣмъ: лисицами, куницами и мѣстомъ княжецкимъ.

— Сколько же тебѣ надобно и чѣмъ берешь: золотой казной, или чѣмъ инымъ? У нашего нарѣченнаго князя всего достаточно.

— Когда такъ, что я буду спрашивать, подавай мнѣ и отвѣчай.

— Изволь, молодецъ.

— Дай мнѣ напочинѣ рубликовъ семь, чтобы любо было всѣмъ.

— Изволь, обирай.

Дружка высыпаетъ на блюдо нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

— Давай мнѣ, друженька, что свѣтлѣе солнца, краше неба звѣзднаго?

— Изволь принимать.

Дружка вынимаетъ изъ-за пазухи образъ и подаетъ. Продавецъ крестится и ставитъ образъ на полку. Надо замѣтить, что дружка входитъ въ домъ съ образомъ.

— Давай мнѣ, друженька: самъ нагъ, а рубашка въ пазухѣ?

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ восковую свѣчу.

— Дай мнѣ, друженька, поле яровое, другое ржаное, третье паренину.

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ хлѣбъ, пирогъ и пряженцы.

— Давай мнѣ море на пяти столбахъ въ дремучихъ краяхъ.

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ пиво въ жбанѣ или въ ендовѣ. Послѣ этого пойдутъ опять загадки; продавецъ спрашиваетъ дружку, а женихъ со своей родней все еще продолжаетъ стоять; народъ шумитъ въ избѣ, говоритъ, смѣется; невѣста плачетъ и причитаетъ. Вотъ нѣкоторыя изъ загадокъ:

— Чѣмъ ты, друженька, впередъ шелъ?

— Мыслями съ молитвой.

— Что такое, друженька, великое поле ирланское, много скота астраханскаго, а единъ пастырь, двѣ агницы?

— Поле великое — небо ясное; скотъ — звѣзды; пастырь — мѣсяцъ; двѣ агницы — утренняя и вечерняя зари.

— Стоитъ дубъ, въ дубу тина, въ тинѣ сосна, на верху ленъ?

— Дубъ — квашня; тина — тѣсто; сосна — мутовка; ленъ — покрывало.

— Вышелъ изъ земли, какъ Адамъ; взведенъ на колесницу, какъ Илья; посаженъ въ огонь, какъ Кирикъ; вышелъ изъ огня, какъ Іосифъ, кто увидитъ, всякъ къ себѣ въ домъ беретъ?

— Горшокъ.

— Дома то тяпъ—тяпъ, въ лѣсу то ляпъ — ляпъ, около тпруценки, а въ серединѣ тпру!...

— Сито.

Много еще предлагаютъ загадокъ и все въ этомъ же родѣ. Затѣмъ дружка беретъ жениха, подводитъ къ продавцу; продавецъ беретъ жениха за руку и сажаетъ съ невѣстой.

Прочіе поѣзжане выкупаютъ себѣ мѣста за деньги у дѣвушекъ, сидящихъ за столомъ и усаживаются.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ столъ начинается у невѣстина отца до вѣнчанья, а въ другихъ послѣ. Если до вѣнчанья столуютъ, тогда невѣста впродолженіе всего столованья сидитъ съ женихомъ, покрытая, и продолжаетъ причитать. Если столованье идетъ послѣ вѣнчанья, то, когда прибывшіе усядутся, выпьютъ по рюмкѣ вина, по стакану пива, закусятъ пирогомъ и поѣдутъ къ вѣнцу. За столъ усаживаются слѣдующимъ порядкомъ: близкая женихова родня по старшинству занимаетъ мѣсто за столомъ; *тысяцкій* садится на самый уголъ подъ образа. Тысяцкимъ бываетъ крестный отецъ или родной дядя жениха. *Большой баринъ* садится рядомъ по другую руку тысяцкаго отъ угл это — или дядя жениха, или второй братъ его; отъ тысяцкаго сади *второй баринъ* — братъ жениха или младшій дядя. Рядомъ съ ж

Вкругъ чего она обвилася:
Вкругъ осинушки-ли горькія,—
Мнѣ житье-то будетъ горькое,
Мнѣ замужье красной дѣвицѣ
Нехорошее, печальное.
Если ты обвилась, красота,
Вкругъ березоньки вкругъ бѣлыя,—
Мнѣ житье-то будетъ ровное,
Житье будетъ долговѣчное.
Если ты обвилась, красота,
Вокругъ яблоньки кудрявыя,—
Мнѣ житье будетъ хорошее,
Развеселое, богатое.
Я возьму тебя-ли, красота,
На свои руки на бѣлыя,
Отнесу я тебя, красота,
Во луга наши зеленые,
Положу тебя на травушку,
На высокую, шелковую.
Какъ придетъ-то лѣто теплое,
Что придутъ-то люди добрые.
Во луга съ косами острыми,
Что найдутъ тебя, красота,
И возьмутъ на руки бѣлыя,
Вотъ какъ скажутъ: чья-то красота
Не на мѣстечко положена,
Хоть и бережно поношена?
Тутъ не мѣсто тебѣ, красота,
Тутъ не мѣсто красоватися.
Я отдамъ тебя, красота,
Что голубушкѣ милой сестрѣ,
Поклонюся ей низёхонько:
Ты возьми, возьми, мила сестра,
Покрасуйся въ моей красотѣ.
Ты прости-ко, моя красота,
Я въ тебѣ покрасовалася,
Берегла тебя, лелѣяла,
И отъ солнышка отъ краснаго,
И отъ вѣтру-вихря буйнаго,
И отъ дождичка отъ частаго;
Ты дороже мнѣ казалася
Золотой казны разсыпчатой,
Свѣтлѣй яснаго ты мѣсяца,
Ярче солнышка ты краснаго.

Сестра, или одна изъ подругъ невѣсты, беретъ со стола красоту и уноситъ. Дѣвушки поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

При вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ было вечерѣ, *)
У Авдотьи на дѣвичникѣ
Чечевичку дѣвки варили,
На окошко студить ставили.
Прилеталъ тутъ младъ-ясенъ соколъ;
Онъ садился на окошечко,
На узорчату подзоринку.
Что никто-то ясна сокола
На окошкѣ не усматривалъ:
Увидала ясна сокола
Авдотьина матушка.
Дорогое мое дитятко,
Ты Авдотьюшка Васильевна,
Приласкай-ко ясна сокола!—
Ты родимая моя матушка,
Я бы рада приголубила:
Онъ разлука мнѣ великая,
Разлучаетъ съ тобой, матушка,
Разлучаетъ съ родомъ племенемъ
И съ голубками подружками.

2.

Цвѣты мои, цвѣтики,
Голубые, васильковые,
Я не много васъ посѣяла,
Очень много уродилося.
Много было подругъ дѣвушекъ,
Да одна у насъ измѣнщица,
Авдотья лицемѣрщица,
Говорила, что замужъ не пойду,
Не йду, не йду, не подумаю!
Въ монастырь пойду, въ монашины,
Васъ, подруженьки, съ собой возьму,
А сама буду игуменьей.

---

*) Каждый стихъ повторяется дважды.

3.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась
Своему-то брату милому
Ивану Васильичу.
Ты соколъ мой, братецъ миленькой,
Ты запри крѣпче воротечки
Тремя замками нѣмецкими
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику
Ивану Ивановичу
Чтобъ за мной сюда не въѣхати,
На широкій дворъ на батюшкинъ.

Какъ возговоритъ Иванъ-то молодецъ,
Какъ возговоритъ Ивановичъ:
Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь душа Васильевна.
Приведу я съ собой слесаря,
Изъ нѣмецкой земли мастера:
Отопретъ замки нѣмецкіе,
Всѣ запоры ваши крѣпкіе.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась,
Говорила рѣчь милой сестрѣ:
Ты голубушка, мила сестра,
Заплети мнѣ русу косыньку.
И увей мнѣ крѣпче золотомъ,
Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русой косы.

Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна.
Приведу съ собой я свахоньку,
Расплететъ твою русу косу,
Разовьетъ все съ косы золото.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,

Понизехоньку кланялась
Подружкамъ голубушкамъ.
Вы голубушки подруженьки,
Вы улейте-ко круту гору,
Чтобъ нельзя было разлучнику
За мной въѣхать на круту гору.

Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, не плачь, душа Васильевна,
Я оставлю коней подъ горой,
А пѣшкомъ взойду въ круту гору
Со друзьями, со товарищами,
И возьму за руки бѣлыя,
Поведу тебя подъ златъ вѣнецъ.

4.

Возлѣ рѣченьки на бережкѣ
Тутъ стояла нова свѣтлица,
А во этой новой свѣтлицѣ
Сидитъ дѣвица закрытая,
Печальная, сговорёная.
Собиралась къ ней подруженьки
На дѣвичникъ на дѣвическій.
Ты, подруженька голубушка,
Свѣтъ Васильевна Авдотьюшка,
Намъ съ тобой больше не гуливать,
Хороводовъ не вываживать,
Рѣчей тайныхъ не говаривать.
Во лѣса пойдемъ во темные.
Собирать грибки да ягодки,
Вспомянемъ тебя, голубушку.

Въ это время пріѣзжаетъ ко двору сваха съ гостинцами и входитъ въ избу съ сундукомъ, въ которомъ накладены пряники, пироги и разные подарки невѣстѣ. Дѣвицы запѣваютъ, обращаясь къ свахѣ, пѣсню:

Вечеромъ позднымъ-позднехонько
Къ Авдотьину отцу, къ матери
Приходила сваха-сводница,
Постучалась подъ окошечкомъ,
Выкликала мать Авдотьину,
Ей хвалила чужу сторону:

На чужой дальней сторонушкѣ
Поля сахарóмъ засѣяны,
Виноградомъ огорожены,
Медомъ-сытою поливаны;
Середь поля стоитъ горница —
Ровно свѣтлая-то свѣтлица,
Три окошечка косячаты
И карнизики узорчаты.
Соврала ты, сваха-сводница!
На чужой дальней сторонушкѣ
Кто живалъ, такъ все извѣдывалъ:
Тамъ поля горемъ засѣяны,
Да кручиной огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны.
Середь поля стоитъ келейка,
Какъ конурка развалилася;
Въ ней одно окно—разбитое.
Околѣть бы тебѣ, свахонька,
Безъ родной семьи, безъ сродниковъ,
На тотъ свѣтъ идти безъ савана
И безъ гроба бы валятися.
Повезли бы сваху-сводницу
Во лѣса-то, во дремучіе,
Посвалили-бъ сваху-сводницу
Не въ могилу—поверхъ матушки
Сырой земли валятися.

Въ это время сваха дѣлитъ гостинцы и потомъ уходитъ; иная говоритъ: „Ну, за эту пѣсенку не стоило бы вамъ дѣвоньки и гостинцовъ давать!“ По окончаніи дѣвичника народъ уходитъ, а невѣста собирается идти прощаться съ сродниками; окруженная подругами, она идетъ по селенію, реветъ *толстымъ голосомъ* и, остановясь подъ окошкомъ дома, гдѣ живутъ ея родные, причитаетъ:

Чьи это хоромы,
Чьи это высокія?
Какъ живетъ въ нихъ
Родной дядюшка
Со болѣзною-со тетушкой?
Вы простите молодёхоньку
Въ чемъ сгрубила, васъ прогнѣвала.

Изъ дома выходятъ дядя и тетка, ревутъ, обхвативъ невѣсту и даютъ ей денегъ, кто сколько можетъ: гривенникъ, пятачекъ, гривну, даже и одну копѣйку.

И такимъ образомъ она обходитъ всѣхъ родственниковъ, повторяя тотъ же причотъ, затѣмъ возвращается домой съ подругами; иногда она отправляется и на кладбище прощаться съ умершими родственниками. Вечеромъ невѣста непремѣнно парится въ банѣ, а, за неимѣніемъ ея, и въ печи, и тѣмъ оканчивается дѣвичникъ.

День брака. Утромъ рано къ невѣстѣ опять приходятъ подруги, дѣвицы; онѣ сбираютъ ее къ вѣнцу; въ домѣ тоже приготовляются къ пированью, потому что отъ вѣнца новобрачные пріѣзжаютъ съ новой родней къ невѣстину отцу и пируютъ. Собравши невѣсту, усаживаютъ ее, покрытую платкомъ, за столъ, гдѣ поставлены пироги. Вокругъ плачущей невѣсты сидятъ дѣвушки, а любопытные сосѣди смотрятъ и дожидаются пріѣзда дружки со свахой; въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ за невѣстой пріѣзжаетъ и женихъ. Причитанья бываютъ слѣдующія:

Вѣтры буйные, разбушуйтеся,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проѣхати,
Что за мной младой злымъ чужимъ людямъ.
Затворитеся, воротечка,
Вы широки крѣпко-накрѣпко.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся, туча грозная,
Напустися ночью темною.
Разсыпайся, крупный дождичокъ,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проѣхати
Ко мнѣ злымъ чужимъ людямъ.

Ты послушай, соколъ милый братъ,
Я объ чемъ тебя просить буду:
Ты сходи-ко, соколъ милый братъ,
Во поля, въ луга во чистые,
Во лѣса-то во дремучіе,
Во дубравушки зеленыя,
Гдѣ сырой боръ съ вѣтромъ спорится,
Тамъ всѣ звѣри люты водятся,
Ты поймай-ко звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, ѣдучаго.
Изо рта его — огонь пламенемъ,
Изъ ушей его — дымъ столбомъ валитъ,
Изъ очей его — искры сыплются.
Привези ты мнѣ, звѣря лютаго,
Привяжи его къ двору батюшки:
Какъ подъѣдутъ-то злы чужи люди

Ко широкому двору ко красному,
Онѣ звѣря-то испугаются,
Отъ меня, младой, прочь отступятся.
Я еще бъ покрасовалася
У кормильца моего батюшки,
У родимыя у матушки,
У соколиковъ братцевъ милыехъ,
У голубушекъ невѣстушекъ.

Мнѣ прошедшу темну ноченьку
Не спалося красной дѣвицѣ,
Во просонкахъ много видѣлось:
Будто я-то красна дѣвица
Выходила рано въ улицу,
Гдѣ заря-то занимается,
Красно солнце гдѣ красуется:
Тамъ узнала васъ, подруженьки!
Мнѣ на встрѣчу — злы чужи люди,
Подзывали, силой забрали,
Увезли въ лѣса во темные;
Тамъ мнѣ страшно показалося,
И я съ плачемъ просыпалася.
А другое мнѣ привидѣлось:
У моего кормильца батюшки
Развалилася хоромина
Середь улицы разсыпалась,
Бревна врозь всѣ раскатилися,
Углы прочь поотвалилися.
На трубѣ сидитъ да гаркаетъ
Черный воронъ громкимъ голосомъ;
А на ясно красно солнышко
Тучи темныя надвинулись,
Грянулъ громъ, сверкнула молонья...
Я проснулась, испугалася.

Въ это время начинается между народомъ говоръ: „Дружка подъѣхалъ ко двору“.—Невѣстинъ отецъ долженъ выйти на улицу, встрѣтить дружку съ поѣздомъ, пріѣхавшимъ за его дочерью, и пригласить въ домъ; при этомъ иногда бываетъ и женихъ. Если онъ беретъ невѣсту въ другую деревню, въ такомъ случаѣ сосѣди загораживаютъ дорогу, и дружка обязанъ дать имъ вина и пива, просить уступить путь дорогу нарѣченному князю. У дома ворота или калитку также *ряютъ, и дружка* стучитъ, говоря:

— Господи Исусе Христе! (трижды). Есть ли у этихъ дверей придверникъ, у воротъ приворотникъ, кто бы намъ эти ворота отворилъ и двери на пяты постановилъ, а насъ добрыхъ молодцовъ до хозяина допустилъ?

Хозяинъ, отецъ невѣсты, выходитъ, растворяя двери, кланяется и пропускаетъ въ избу гостей. Дружка топаетъ, и начинается слѣдующій разговоръ:

— Въѣхалъ я, сватушко, къ тебѣ на широкій дворъ, поставилъ я добрыхъ коней середи широка двора, приказывать я объ нихъ — никому не приказывалъ, привязывать я — не привязывалъ. Нельзя ли къ моимъ конямъ сторожа приставить, чтобъ спросить было съ кого?

— Будьте, друженька, покойны: останетесь нами довольны, а добры кони будутъ сохранны.

Дружка приговариваетъ:

— Пришелъ дружка, легкая ножка, въ теплую хату къ любезному свату, ножку поставилъ за порогъ, другую чуть переволокъ, ножкою топнулъ, дверью хлопнулъ, половнички гнутся, хозяева къ печкѣ жмутся. Взошелъ дружка, помолился, добрымъ людямъ поклонился. Здравствуйте, добрые люди и всѣ, что есть въ избѣ! Сватушко и сватьюшка, все ли вы здоровы?

— Наши сватъ и сватьюшка остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь.

Отправивши поклонъ, т. е. „челобитье“, свату со сватьей, дружка обращается къ народу, стоящему въ избѣ и говоритъ:

— Здравствуйте, добрые молодцы, удалыя головы, широкія бороды! Всѣ ли вы здоровы? — Наши молодцы остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: на васъ кафтаны оченно изорваны, четыре полы, бока голы.

— Здравствуйте, молодыя молодушки, покрытыя головушки! Всѣ ли вы здоровы? Наши молодицы всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: полно вамъ съ мужьями шутить, да ихъ въ обманъ вводить.

— Здравствуйте, красныя дѣвицы, пирожныя мастерицы, горшечныя пагубницы! Всѣ ли вы здоровы? Наши дѣвицы всѣ здоровы, приказали намъ, поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: полно вамъ по криночкамъ ходить, сметанку снимать, колобки мѣсить, молодцовъ кормить.

— Здравствуйте, малые ребята, голыя пузята! Всѣ ли вы здоровы? Наши ребята всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: вы на полатяхъ лежите, да намъ въ чашки соплей не напустите: намъ, гостямъ, морготно покажется.

Послѣ этихъ шутокъ дружка обращается къ свахѣ или къ стоящему народу и спрашиваетъ:

— Гдѣ бы мнѣ своихъ гостей съ нарѣченнымъ княземъ усадить за столы дубовые?

— Мѣста всѣ заняты, поподчуй насъ, друженька.

— Эхъ вы, добрые молодцы, умныя головушки, широкія бородушки! О чемъ надобно говорите, себя, меня и моихъ поѣзжанъ попусту не томите. Я дружка, не Романъ, не сдѣлаю обманъ.

— Мы тебя, друженька, хотимъ съ дружьимъ чиномъ поздравить.

— Извольте, добрые люди, пить — ѣсть — кушать, насъ, добрыхъ молодцовъ, слушать.

Дружка спрашиваетъ у свахи, иногда и у хозяина: какъ бы на мѣста садиться?—Ему говорятъ, указывая на сидящаго рядомъ съ невѣстой *продавца* (брата ея), что онъ этимъ дѣломъ распоряжается. Дружка обращается къ продавцу:

— Нельзя ли намъ, добрый молодецъ, свое мѣстечко уступить и насъ, добрыхъ молодчиковъ, за столы дубовые посадить?

— Я своего мѣста даромъ не уступаю, продавать — продаю.

— Чѣмъ же ты, добрый молодецъ, торгуешь? лисицами или куницами? или мѣсто княжецкое продаешь?

— Я торгую всѣмъ: лисицами, куницами и мѣстомъ княжецкимъ.

— Сколько же тебѣ надобно и чѣмъ берешь: золотой казной, или чѣмъ инымъ? У нашего нарѣченнаго князя всего достаточно.

— Когда такъ, что я буду спрашивать, подавай мнѣ и отвѣчай.

— Изволь, молодецъ.

— Дай мнѣ напочинѣ рубликовъ семь, чтобы любо было всѣмъ.

— Изволь, обирай.

Дружка высыпаетъ на блюдо нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

— Давай мнѣ, друженька, что свѣтлѣе солнца, краше неба звѣзднаго?

— Изволь принимать.

Дружка вынимаетъ изъ-за пазухи образъ и подаетъ. Продавецъ крестится и ставитъ образъ на полку. Надо замѣтить, что дружка входитъ въ домъ съ образомъ.

— Давай мнѣ, друженька: самъ нагъ, а рубашка въ пазухѣ?

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ восковую свѣчу.

— Дай мнѣ, друженька, поле яровое, другое ржаное, третье паренину.

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ хлѣбъ, пирогъ и пряженцы.

— Давай мнѣ море на пяти столбахъ въ дремучихъ краяхъ.

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ пиво въ жбанѣ или въ ендовѣ. Послѣ этого пойдутъ опять загадки; продавецъ спрашиваетъ дружку, а женихъ со своей родней все еще продолжаетъ стоять; народъ шумитъ въ избѣ, говоритъ, смѣется; невѣста плачетъ и причитаетъ. Вотъ нѣкоторыя изъ загадокъ:

— Чѣмъ ты, друженька, впередъ шелъ?

— Мыслями съ молитвой.

— Что такое, друженька, великое поле ирланское, много скота астраханскаго, а единъ пастырь, двѣ агницы?

— Поле великое — небо ясное; скотъ — звѣзды; пастырь — мѣсяцъ; двѣ агницы — утренняя и вечерняя зари.

— Стоитъ дубъ, въ дубу тина, въ тинѣ сосна, на верху ленъ?

— Дубъ — квашня; тина — тѣсто; сосна — мутовка; ленъ — покрывало.

— Вышелъ изъ земли, какъ Адамъ; взведенъ на колесницу, какъ Илья; посаженъ въ огонь, какъ Кирикъ; вышелъ изъ огня, какъ Іосифъ, кто увидитъ, всякъ къ себѣ въ домъ беретъ?

— Горшокъ.

— Дома то тяпъ—тяпъ, въ лѣсу то ляпъ — ляпъ, около тпруценки, а въ серединѣ тпру!...

— Сито.

Много еще предлагаютъ загадокъ и все въ этомъ же родѣ. Затѣмъ дружка беретъ жениха, подводитъ къ продавцу; продавецъ беретъ жениха за руку и сажаетъ съ невѣстой.

Прочіе поѣзжане выкупаютъ себѣ мѣста за деньги у дѣвушекъ, сидящихъ за столомъ и усаживаются.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ столъ начинается у невѣстина отца до вѣнчанья, а въ другихъ послѣ. Если до вѣнчанья столуютъ, тогда невѣста впродолженіе всего столованья сидитъ съ женихомъ, покрытая, и продолжаетъ причитать. Если столованье идетъ послѣ вѣнчанья, то, когда прибывшіе усядутся, выпьютъ по рюмкѣ вина, по стакану пива, закусятъ пирогомъ и поѣдутъ къ вѣнцу. За столъ усаживаются слѣдующимъ порядкомъ: близкая женихова родня по старшинству занимаетъ мѣсто за столомъ; *тысяцкій* садится на самый уголъ подъ образа. Тысяцкимъ бываетъ крестный отецъ или родной дядя жениха. *Большой баринъ* садится рядомъ по другую руку тысяцкаго отъ угла; *это — или дядя жениха*, или второй братъ его; отъ тысяцкаго садится *второй баринъ* — братъ жениха или младшій дядя. Рядомъ съ ж

хомъ садится братъ жениха родной или двоюродный; онъ называется *братнее мѣсто;* напротивъ стола садится дружка съ полудружьемъ и прочіе поѣзжане, свахи и сватьи по вторую сторону въ кутѣ отъ невѣсты. Когда дружка входитъ въ избу и ведетъ разговоръ съ продавцомъ, невѣста причитаетъ:

Что это, родимый батюшко,
Что у тя за пиръ сбирается,
Что за гости къ намъ съѣзжаются.
Собираются на пиръ пировать
Злые вороги, чужи люди,
То мои съ тобой разлучники.
Говорила я родимому
И въ упросъ просила — плакала:
Не пускай къ себѣ разлучниковъ!
Не послушался, не сжалился,
На меня, младу, прогнѣвался.
Знать, не долго мнѣ осталося
Посидѣть-то здѣсь, поплакати
У родимыя у матушки,
У кормильца родна батюшка,
У соколовъ братцевъ милыехъ!

Когда женихъ садится съ невѣстой, она причитаетъ къ нему:

Ты садись-ко, добрый молодецъ,
Поплотнѣе со мной рядышкомъ,
И садись не съ спѣсью — гордостью,
А садись съ Господней милостью,
Чтобы жить-то намъ, не маяться,
А проживши, не спокаяться.

Послѣ этого причитанья, невѣста обращается къ каждому поѣзжанину, когда пьютъ вино и пиво, и каждый изъ нихъ долженъ положить невѣстѣ на блюдо или въ стаканъ денегъ. Наконецъ столъ оканчивается. Дружка встаетъ и говоритъ слѣдующій приговоръ:

Встану я, добрый молодецъ
Со лавочки со дубовыя,
Отъ прибоинки отъ кленовыя,
Изъ-за столика крашенаго,
Изъ-за скатерти самобраныя,
Изъ-за яства сахарнаго,
Изъ-за питья медвянаго,

Изъ-за сгибня сдобленаго, —
Новонарѣченнаго князя
И молодую княгиню
Изъ-за стола выводить,
Подъ златъ вѣнецъ благословить.

•

За дружкой поднимаются всѣ и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ соль и угощеніе. Дружка, выведя жениха и невѣсту изъ-за стола, говоритъ:

— Есть ли у нашихъ новонарѣченныхъ молодыхъ, князя и княгини, батюшко и матушка? — Извольте выходить и свое чадо милое благословить.

Отецъ и мать благословляютъ жениха и невѣсту, которые кланяются имъ въ ноги. Выходя изъ-за стола, невѣста причитаетъ.... Сколько тутъ бываетъ слезъ! Тяжело народъ разстается съ милыми сердцу.

Ужъ какъ знать-то красной дѣвицѣ
Мнѣ сидѣть — не отсидѣтися,
Горючимъ слезамъ не отплакаться,
Мнѣ вставать на рѣзвы ноженьки,
Выходить изъ-за стола дубоваго,
Изъ-за пить-яства батюшки,
Изъ-за снадобья-то матушки.
Раздвигайтесь, столы дубовые,
Собирайтесь, скатерти самобраныя.
Благослови-ко меня, кормилецъ батюшко
И родимая моя матушка,
Отъ радѣнья ретива сердца.
Чтобы жить-то мнѣ, не маяться,
На меня бы вамъ не плакаться.
Ваше-го благословленьецо
Мнѣ дороже злата-серебра,
Краше солнышка мнѣ краснаго:
Я вѣдь съ нимъ-то, красна дѣвица,
Буду жить до гробовой доски.
Вы прощайте, мои милые,
Не забудьте меня, бѣдную,
На чужой дальней сторонушкѣ,
Въ чемъ сгрубила, не прогнѣвайтесь,
Я глупа была, не вѣдала,
Что придется съ вамъ разстатися.

3.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась
Своему-то брату милому
Ивану Васильичу.
Ты соколъ мой, братецъ миленькой,
Ты запри крѣпче воротечки
Тремя замками нѣмецкими
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику
Ивану Ивановичу
Чтобъ за мной сюда не въѣхати,
На широкій дворъ на батюшкинъ.

Какъ возговоритъ Иванъ-то молодецъ,
Какъ возговоритъ Ивановичъ:
Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь душа Васильевна.
Приведу я съ собой слесаря,
Изъ нѣмецкой земли мастера:
Отопретъ замки нѣмецкіе,
Всѣ запоры ваши крѣпкіе.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась,
Говорила рѣчь милой сестрѣ:
Ты голубушка, мила сестра,
Заплети мнѣ русу косыньку.
И увей мнѣ крѣпче золотомъ,
Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русой косы.

Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна.
Приведу съ собой я свахоньку,
Расплететъ твою русу косу,
Разовьетъ все съ косы золото.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,

Понизехоньку кланялась
Подружкамъ голубушкамъ.
Вы голубушки подруженьки,
Вы улейте-ко круту гору,
Чтобъ нельзя было разлучнику
За мной въѣхать на круту гору.

Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, не плачь, душа Васильевна,
Я оставлю коней подъ горой,
А пѣшкомъ взойду въ круту гору
Со друзьями, со товарищами,
И возьму за руки бѣлыя,
Поведу тебя подъ златъ вѣнецъ.

4.

Возлѣ рѣченьки на бережкѣ
Тутъ стояла нова свѣтлица,
А во этой новой свѣтлицѣ
Сидитъ дѣвица закрытая,
Печальная, сговорёная.
Собирались къ ней подруженьки
На дѣвичникъ на дѣвическій.
Ты, подруженька голубушка,
Свѣтъ Васильевна Авдотьюшка,
Намъ съ тобой больше не гуливать,
Хороводовъ не вываживать,
Рѣчей тайныхъ не говаривать.
Во лѣса пойдемъ во темные.
Собирать грибки да ягодки,
Вспомянемъ тебя, голубушку.

Въ это время пріѣзжаетъ ко двору сваха съ гостинцами и входитъ въ избу съ сундукомъ, въ которомъ накладены пряники, пироги и разные подарки невѣстѣ. Дѣвицы запѣваютъ, обращаясь къ свахѣ, пѣсню:

Вечеромъ позднымъ-позднехонько
Къ Авдотьину отцу, къ матери
Приходила сваха-сводница,
Постучалась подъ окошечкомъ,
Выкликала мать Авдотьину,
Ей хвалила чужу сторону:

На чужой дальней сторонушкѣ
Поля сахарóмъ засѣяны,
Виноградомъ огорожены,
Медомъ-сытою поливаны;
Середь поля стоитъ горница —
Ровно свѣтлая-то свѣтлица,
Три окошечка косячаты
И карнизики узорчаты.
Соврала ты, сваха-сводница!
На чужой дальней сторонушкѣ
Кто живалъ, такъ все извѣдывалъ:
Тамъ поля горемъ засѣяны,
Да кручиной огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны.
Середь поля стоитъ келейка,
Какъ конурка развалилася;
Въ ней одно окно—разбитое.
Околѣть бы тебѣ, свахонька,
Безъ родной семьи, безъ сродниковъ,
На тотъ свѣтъ идти безъ савана
И безъ гроба бы валятися.
Повезли бы сваху-сводницу
Во лѣса-то, во дремучіе,
Посвалили-бъ сваху-сводницу
Не въ могилу—поверхъ матушки
Сырой земли валятися.

Въ это время сваха дѣлитъ гостинцы и потомъ уходитъ; иная говоритъ: „Ну, за эту пѣсенку не стоило бы вамъ дѣвоньки и гостинцовъ давать!“ По окончаніи дѣвичника народъ уходитъ, а невѣста собирается идти прощаться съ сродниками; окруженная подругами, она идетъ по селенію, реветъ *толстымъ голосомъ* и, остановясь подъ окошкомъ дома, гдѣ живутъ ея родные, причитаетъ:

Чьи это хоромы,
Чьи это высокія?
Какъ живетъ въ нихъ
Родной дядюшка
Со болѣзною-со тетушкой?
Вы простите молодёхоньку
Въ чемъ сгрубила, васъ прогнѣвала.

Изъ дома выходятъ дядя и тетка, ревутъ, обхвативъ невѣсту и даютъ ей денегъ, кто сколько можетъ: гривенникъ, пятачекъ, гривну, даже и одну копѣйку.

И такимъ образомъ она обходитъ всѣхъ родственниковъ, повторяя тотъ же причотъ, затѣмъ возвращается домой съ подругами; иногда она отправляется и на кладбище прощаться съ умершими родственниками. Вечеромъ невѣста непремѣнно парится въ банѣ, а, за неимѣніемъ ея, и въ печи, и тѣмъ оканчивается дѣвичникъ.

День брака. Утромъ рано къ невѣстѣ опять приходятъ подруги, дѣвицы; онѣ сбираютъ ее къ вѣнцу; въ домѣ тоже приготовляются къ пированью, потому что отъ вѣнца новобрачные пріѣзжаютъ съ новой родней къ невѣстину отцу и пируютъ. Собравши невѣсту, усаживаютъ ее, покрытую платкомъ, за столъ, гдѣ поставлены пироги. Вокругъ плачущей невѣсты сидятъ дѣвушки, а любопытные сосѣди смотрятъ и дожидаются пріѣзда дружки со свахой; въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ за невѣстой пріѣзжаетъ и женихъ. Причитанья бываютъ слѣдующія:

Вѣтры буйные, разбушуйтеся,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проѣхати,
Что за мной младой злымъ чужимъ людямъ.
Затворитеся, воротечка,
Вы широки крѣпко-накрѣпко.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся, туча грозная,
Напустися ночью темною.
Разсыпайся, крупный дождичокъ,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проѣхати
Ко мнѣ злымъ чужимъ людямъ.

Ты послушай, соколъ милый братъ,
Я объ чемъ тебя просить буду:
Ты сходи-ко, соколъ милый братъ,
Во поля, въ луга во чистые,
Во лѣса-то во дремучіе,
Во дубравушки зеленыя,
Гдѣ сырой боръ съ вѣтромъ спорится,
Тамъ всѣ звѣри люты водятся,
Ты поймай-ко звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, ѣдучаго.
Изо рта его — огонь пламенемъ,
Изъ ушей его — дымъ столбомъ валитъ,
Изъ очей его — искры сыплются.
Привези ты мнѣ, звѣря лютаго,
Привяжи его къ двору батюшки:
Какъ подъѣдутъ-то злы чужи люди

Ко широкому двору ко красному,
Онѣ звѣря-то испугаются,
Отъ меня, младой, прочь отступятся.
Я еще бъ покрасовалася
У кормильца моего батюшки,
У родимыя у матушки,
У соколиковъ братцевъ милыехъ,
У голубушекъ невѣстушекъ.

Мнѣ прошедшу темну ноченьку
Не спалося красной дѣвицѣ,
Во просонкахъ много видѣлось:
Будто я-то красна дѣвица
Выходила рано въ улицу,
Гдѣ заря-то занимается,
Красно солнце гдѣ красуется:
Тамъ узнала васъ, подруженьки!
Мнѣ на встрѣчу — злы чужи люди,
Подзывали, силой забрали,
Увезли въ лѣса во темные;
Тамъ мнѣ страшно показалося,
И я съ плачемъ просыпалася.
А другое мнѣ привидѣлось:
У моего кормильца батюшки
Развалилася хоромина
Середь улицы разсыпалась,
Бревна врозь всѣ раскатилися,
Углы прочь поотвалилися.
На трубѣ сидитъ да гаркаетъ
Черный воронъ громкимъ голосомъ;
А на ясно красно солнышко
Тучи темныя надвинулись,
Грянулъ громъ, сверкнула молонья...
Я проснулась, испугалася.

Въ это время начинается между народомъ говоръ: „Дружка подъѣхалъ ко двору“.—Невѣстинъ отецъ долженъ выйти на улицу, встрѣтить дружку съ поѣздомъ, пріѣхавшимъ за его дочерью, и пригласить въ домъ; при этомъ иногда бываетъ и женихъ. Если онъ беретъ невѣсту въ другую деревню, въ такомъ случаѣ сосѣди загораживаютъ дорогу, и дружка обязанъ дать имъ вина и пива, просить уступить путь дорогу нарѣченному князю. У дома ворота или калитку также *отворяютъ, и дружка* стучитъ, говоря:

— Господи Исусе Христе! (трижды). Есть ли у этихъ дверей придверникъ, у воротъ приворотникъ, кто бы намъ эти ворота отворилъ и двери на пяты постановилъ, а насъ добрыхъ молодцовъ до хозяина допустилъ?

Хозяинъ, отецъ невѣсты, выходитъ, растворяя двери, кланяется и пропускаетъ въ избу гостей. Дружка топаетъ, и начинается слѣдующій разговоръ:

— Въѣхалъ я, сватушко, къ тебѣ на широкій дворъ, поставилъ я добрыхъ коней середи широка двора, приказывать я объ нихъ — никому не приказывалъ, привязывать я — не привязывалъ. Нельзя ли къ моимъ конямъ сторожа приставить, чтобъ спросить было съ кого?

— Будьте, друженька, покойны: останетесь нами довольны, а добры кони будутъ сохранны.

Дружка приговариваетъ:

— Пришелъ дружка, легкая ножка, въ теплую хату къ любезному свату, ножку поставилъ за порогъ, другую чуть переволокъ, ножкою топнулъ, дверью хлопнулъ, половнички гнутся, хозяева къ печкѣ жмутся. Взошелъ дружка, помолился, добрымъ людямъ поклонился. Здравствуйте, добрые люди и всѣ, что есть въ избѣ! Сватушко и сватьюшка, все ли вы здоровы?

— Наши сватъ и сватьюшка остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь.

Отправивши поклонъ, т. е. „челобитье“, свату со сватьей, дружка обращается къ народу, стоящему въ избѣ и говоритъ:

— Здравствуйте, добрые молодцы, удалыя головы, широкія бороды! Всѣ ли вы здоровы? — Наши молодцы остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: на васъ кафтаны оченно изорваны, четыре полы, бока голы.

— Здравствуйте, молодыя молодушки, покрытыя головушки! Всѣ ли вы здоровы? Наши молодицы всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: полно вамъ съ мужьями шутить, да ихъ въ обманъ вводить.

— Здравствуйте, красныя дѣвицы, пирожныя мастерицы, горшечныя пагубницы! Всѣ ли вы здоровы? Наши дѣвицы всѣ здоровы, приказали намъ, поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: полно вамъ по криночкамъ ходить, сметанку снимать, колобки мѣсить, молодцовъ кормить.

— Здравствуйте, малые ребята, голыя пузята! Всѣ ли вы здоровы? Наши ребята всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: вы на полатяхъ лежите, да намъ въ чашки соплей не напустите: намъ, гостямъ, морготно покажется.

Послѣ этихъ шутокъ дружка обращается къ свахѣ или къ стоящему народу и спрашиваетъ:

— Гдѣ бы мнѣ своихъ гостей съ нарѣченнымъ княземъ усадить за столы дубовые?

— Мѣста всѣ заняты, поподчуй насъ, друженька.

— Эхъ вы, добрые молодцы, умныя головушки, широкія бородушки! О чемъ надобно говорите, себя, меня и моихъ поѣзжанъ попусту не томите. Я дружка, не Романъ, не сдѣлаю обманъ.

— Мы тебя, друженька, хотимъ съ дружьимъ чиномъ поздравить.

— Извольте, добрые люди, пить — ѣсть — кушать, насъ, добрыхъ молодцовъ, слушать.

Дружка спрашиваетъ у свахи, иногда и у хозяина: какъ бы на мѣста садиться?—Ему говорятъ, указывая на сидящаго рядомъ съ невѣстой *продавца* (брата ея), что онъ этимъ дѣломъ распоряжается. Дружка обращается къ продавцу:

— Нельзя ли намъ, добрый молодецъ, свое мѣстечко уступить и насъ, добрыхъ молодчиковъ, за столы дубовые посадить?

— Я своего мѣста даромъ не уступаю, продавать — продаю.

— Чѣмъ же ты, добрый молодецъ, торгуешь? лисицами или куницами? или мѣсто княжецкое продаешь?

— Я торгую всѣмъ: лисицами, куницами и мѣстомъ княжецкимъ.

— Сколько же тебѣ надобно и чѣмъ берешь: золотой казной, или чѣмъ инымъ? У нашего нарѣченнаго князя всего достаточно.

— Когда такъ, что я буду спрашивать, подавай мнѣ и отвѣчай.

— Изволь, молодецъ.

— Дай мнѣ напочинѣ рубликовъ семь, чтобы любо было всѣмъ.

— Изволь, обирай.

Дружка высыпаетъ на блюдо нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

— Давай мнѣ, друженька, что свѣтлѣе солнца, краше неба звѣзднаго?

— Изволь принимать.

Дружка вынимаетъ изъ-за пазухи образъ и подаетъ. Продавецъ крестится и ставитъ образъ на полку. Надо замѣтить, что дружка входитъ въ домъ съ образомъ.

— Давай мнѣ, друженька: самъ нагъ, а рубашка въ пазухѣ?

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ восковую свѣчу.

— Дай мнѣ, друженька, поле яровое, другое ржаное, третье паренину.

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ хлѣбъ, пирогъ и пряженцы.

— Давай мнѣ море на пяти столбахъ въ дремучихъ краяхъ.

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ пиво въ жбанѣ или въ ендовѣ. Послѣ этого пойдутъ опять загадки; продавецъ спрашиваетъ дружку, а женихъ со своей родней все еще продолжаетъ стоять; народъ шумитъ въ избѣ, говоритъ, смѣется; невѣста плачетъ и причитаетъ. Вотъ нѣкоторыя изъ загадокъ:

— Чѣмъ ты, друженька, впередъ шелъ?

— Мыслями съ молитвой.

— Что такое, друженька, великое поле ирланское, много скота астраханскаго, а единъ пастырь, двѣ агницы?

— Поле великое — небо ясное; скотъ — звѣзды; пастырь — мѣсяцъ; двѣ агницы — утренняя и вечерняя зари.

— Стоитъ дубъ, въ дубу тина, въ тинѣ сосна, на верху ленъ?

— Дубъ — квашня; тина — тѣсто; сосна — мутовка; ленъ — покрывало.

— Вышелъ изъ земли, какъ Адамъ; взведенъ на колесницу, какъ Илья; посаженъ въ огонь, какъ Кирикъ; вышелъ изъ огня, какъ Іосифъ, кто увидитъ, всякъ къ себѣ въ домъ беретъ?

— Горшокъ.

— Дома то тяпъ—тяпъ, въ лѣсу то ляпъ — ляпъ, около тпруценки, а въ серединѣ тпру!...

— Сито.

Много еще предлагаютъ загадокъ и все въ этомъ же родѣ. Затѣмъ дружка беретъ жениха, подводитъ къ продавцу; продавецъ беретъ жениха за руку и сажаетъ съ невѣстой.

Прочіе поѣзжане выкупаютъ себѣ мѣста за деньги у дѣвушекъ, сидящихъ за столомъ и усаживаются.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ столъ начинается у невѣстина отца до вѣнчанья, а въ другихъ послѣ. Если до вѣнчанья столуютъ, тогда невѣста впродолженіе всего столованья сидитъ съ женихомъ, покрытая, и продолжаетъ причитать. Если столованье идетъ послѣ вѣнчанья, то, когда прибывшіе усядутся, выпьютъ по рюмкѣ вина, по стакану пива, закусятъ пирогомъ и поѣдутъ къ вѣнцу. За столъ усаживаются слѣдующимъ порядкомъ: близкая женихова родня по старшинству занимаетъ мѣсто за столомъ; *тысяцкій* садится на самый уголъ подъ образа. Тысяцкимъ бываетъ крестный отецъ или родной дядя жениха. *Большой баринъ* садится рядомъ по другую руку тысяцкаго отъ угла; *это — или дядя жениха*, или второй братъ его; отъ тысяцкаго садится *второй баринъ* — братъ жениха или младшій дядя. Рядомъ съ жен

хомъ садится братъ жениха родной или двоюродный; онъ называется *братнее мѣсто;* напротивъ стола садится дружка съ полудружьемъ и прочіе поѣзжане, свахи и сватьи по вторую сторону въ кутѣ отъ невѣсты. Когда дружка входитъ въ избу и ведетъ разговоръ съ продавцомъ, невѣста причитаетъ:

Что это, родимый батюшко,
Что у тя за пиръ сбирается,
Что за гости къ намъ съѣзжаются.
Собираются на пиръ пировать
Злые вороги, чужи люди,
То мои съ тобой разлучники.
Говорила я родимому
И въ упросъ просила — плакала:
Не пускай къ себѣ разлучниковъ!
Не послушался, не сжалился,
На меня, младу, прогнѣвался.
Знать, не долго мнѣ осталося
Посидѣть-то здѣсь, поплакати
У родимыя у матушки,
У кормильца родна батюшка,
У соколовъ братцевъ милыехъ!

Когда женихъ садится съ невѣстой, она причитаетъ къ нему:

Ты садись-ко, добрый молодецъ,
Поплотнѣе со мной рядышкомъ,
И садись не съ спѣсью — гордостью,
А садись съ Господней милостью,
Чтобы жить-то намъ, не маяться,
А проживши, не спокаяться.

Послѣ этого причитанья, невѣста обращается къ каждому поѣзжанину, когда пьютъ вино и пиво, и каждый изъ нихъ долженъ положить невѣстѣ на блюдо или въ стаканъ денегъ. Наконецъ столъ оканчивается. Дружка встаетъ и говоритъ слѣдующій приговоръ:

Встану я, добрый молодецъ
Со лавочки со дубовыя,
Отъ прибоинки отъ кленовыя,
Изъ-за столика крашенаго,
Изъ-за скатерти самобраныя,
Изъ-за яства сахарнаго,
Изъ-за питья медвянаго,

Изъ-за сгибня сдобленаго, —
Новонарѣченнаго князя
И молодую княгиню
Изъ-за стола выводить,
Подъ златъ вѣнецъ благословить.

•

За дружкой поднимаются всѣ и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ соль и угощеніе. Дружка, выведя жениха и невѣсту изъ-за стола, говоритъ:

— Есть ли у нашихъ новонарѣченныхъ молодыхъ, князя и княгини, батюшко и матушка? — Извольте выходить и свое чадо милое благословить.

Отецъ и мать благословляютъ жениха и невѣсту, которые кланяются имъ въ ноги. Выходя изъ-за стола, невѣста причитаетъ.... Сколько тутъ бываетъ слезъ! Тяжело народъ разстается съ милыми сердцу.

Ужъ какъ знать-то красной дѣвицѣ
Мнѣ сидѣть — не отсидѣтися,
Горючимъ слезамъ не отплакаться,
Мнѣ вставать на рѣзвы ноженьки,
Выходить изъ-за стола дубоваго,
Изъ-за пить-яства батюшки,
Изъ-за снадобья-то матушки.
Раздвигайтесь, столы дубовые,
Собирайтесь, скатерти самобраныя.
Благослови-ко меня, кормилецъ батюшко
И родимая моя матушка,
Отъ радѣнья ретива сердца.
Чтобы жить-то мнѣ, не маяться,
На меня бы вамъ не плакаться.
Ваше-го благословленьецо
Мнѣ дороже злата-серебра,
Краше солнышка мнѣ краснаго:
Я вѣдь съ нимъ-то, красна дѣвица,
Буду жить до гробовой доски.
Вы прощайте, мои милые,
Не забудьте меня, бѣдную,
На чужой дальней сторонушкѣ,
Въ чемъ сгрубила, не прогнѣвайтесь,
Я глупа была, не вѣдала,
Что придется съ вамъ разстатися.

Потомъ дружка, послѣ благословенія родителей, говоритъ:

— Есть ли у нашей нарѣченной невѣсты крестный батюшко и крестная матушка?—Подходите и благословите чадо крестное.

Вызываемые подходятъ, благословляютъ и прощаются съ невѣстой. Невѣста опять реветъ *толстымъ голосомъ*. Дружка идетъ, приговаривая:

Пошелъ дружка,
Веселая ножка,
Изъ дому угощенъ
И хозяиномъ улещенъ.
Накупилъ дружка
И куницъ, и лисицъ,
И красныхъ дѣвицъ;
На коня садится,
Конь веселится,
Къ церкви катитъ,
Земля дрожитъ.
Шапки долой!
Ѣдетъ князь молодой.

Дружка садится въ сани и ѣдетъ къ церкви; рядомъ съ нимъ напередъ сидитъ полудружье; за дружкой ѣдетъ женихъ съ „братскимъ мѣстомъ“, потомъ родные жениха по старшинству и наконецъ невѣста — на парѣ, провожаемая дѣвицами отъ своего дома за овины родной деревни. Дѣвушки, сидя у невѣсты въ саняхъ, поютъ слѣдующую пѣсню:

Отлетала лебедь бѣлая
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду гусей сѣрыехъ.
Гуси стали лебедь щипати,
Лебедь начала кричати имъ:
Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ, лебедушка,
Залетѣла — не охотою:
Занесло меня погодою,
Что погодушкой ненастною.
Отъѣзжала красна дѣвица
Отъ своихъ подругъ — Авдотьюшка —
Въ чужедальную сторонушку,
Не своей она охотою:
Повезли ее добры кони,

Что добры кони стоялые
Удалого добра молодца.

Кончивъ эту пѣсню, дѣвушки прощаются съ невѣстой, плачутъ и долго-долго стоятъ на дорогѣ, слѣдя за уѣзжающимъ поѣздомъ. Впродолженіе всего своего просватанья, невѣста сидитъ за столомъ закрытая, и только тогда открываютъ ей лицо, когда надѣнутъ вѣнцы и обводятъ вокругъ налоя. Послѣ вѣнчанья, всѣ слезы и причитанія кончаются. Новобрачныхъ везутъ въ домъ жениха; отецъ и мать послѣдняго встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью и съ образами, благословляя на дворѣ отецъ одной иконой, а мать хлѣбомъ-солью и вмѣстѣ съ тѣмъ иконой, потомъ вводятъ въ особую горницу или чуланъ, гдѣ ихъ наскоро кормятъ. Между тѣмъ поѣзжане усаживаются за столы, молодыхъ также усаживаютъ, и начинается столованье: пьютъ, ѣдятъ, что называется, до увалу; одни новобрачные ничего не ѣдятъ. По окончаніи стола, ихъ отводятъ въ другую избу или горницу.

Княжій столъ. Княжій столъ приготовляется у новобрачнаго на второй день послѣ сватьбы: Утромъ, подгулявшіе еще съ вечера, поѣзжане идутъ къ молодымъ и, при выходѣ послѣднихъ, громко ихъ поздравляютъ, бьютъ горшки, кринки и проч. Молодые садятся за столъ, поѣзжане тоже, и начинается завтракъ, опохмѣливанье. По окончаніи завтрака, новобрачныхъ сряжаютъ къ тестю, тещѣ и прочимъ роднымъ новобрачной, звать на княжій столъ; у тестя угощаютъ ихъ чаемъ и закуской. Вскорѣ новобрачные возвращаются домой, вслѣдъ за ними пріѣзжаетъ и новая родня, т. е. отецъ, мать и другіе родственники; ихъ усаживаютъ по мѣстамъ, и начинается княжій столъ. Новобрачные садятся на лавкѣ, посрединѣ стола; новая родня занимаетъ первенство, т. е. усаживается отъ передняго угла къ новобрачнымъ; отецъ и мать „новобрачной княгини“ — на самомъ углу подъ образами, если нѣтъ въ числѣ гостей священника, иначе онъ занимаетъ это мѣсто; далѣе къ кути отъ новобрачныхъ — родные „князя“. Отецъ и мать его за столомъ не сидятъ, а только угощаютъ виномъ и пивомъ и подаютъ кушанья. За княжьимъ столомъ новобрачные тоже ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Подгулявшіе поѣзжане, обращаясь съ недопитымъ стаканомъ къ новобрачному, безпрестанно говорятъ: „Горько оченно, Иванъ Ивановичъ!“ Новобрачный долженъ встать и поцѣловать жену, благодаря гостей поклономъ; гость допиваетъ свой стаканъ и, замѣтивъ, что „вотъ теперь оченно сладко стало“,—самъ цѣлуетъ новобрачныхъ. Такимъ порядкомъ идетъ цѣлованье за княжьимъ столомъ. Я полагаю, что молодымъ придется поцѣловаться, вслѣдствіе просьбъ подгулявшихъ гостей, не одну сотню разъ. Еще цѣлуются „за почкой“, когда подаютъ жаркое: дружка разрѣзываетъ почку на мелкіе куски (къ обязанности его относится солить и рѣзать кушанья), *надѣваетъ ихъ на вилку* и подаетъ новобрачному, который подаетъ

своей женѣ и цѣлуется съ ней, потомъ съ дружкой. Такимъ образомъ каждый поѣзжанинъ подходитъ съ почкой къ новобрачнымъ и цѣлуется; затѣмъ хмѣльные мужички лѣзутъ цѣловаться къ своимъ и чужимъ бабамъ. Княжій столъ идетъ по крайней мѣрѣ пять — шесть часовъ. Посторонняго народу бываетъ множество: сходится смотрѣть вся деревня. Цѣлованье бываетъ тоже и за первымъ столомъ; но этотъ столъ продолжается значительно короче княжьяго. Поѣзжане встаютъ, благодарятъ хозяевъ; нѣкоторые уѣзжаютъ, а другіе, еще хвативъ зелена-вина, запѣваютъ пѣсни и начинаютъ плясать. Такъ идетъ время почти до полуночи.

Третій день. Изъ поѣзжанъ, а также изъ новой родни, на третій день никого не остается. Утромъ молодую заставляютъ кое-какое дѣло подѣлать около печки и смотрятъ: умѣетъ ли молодая приниматься за стряпню; но преимущественно заставляютъ стряпать блины. Послѣ обѣда, на третій день, къ новобрачнымъ собираются посидѣть дѣвицы, молодыя женщины и парни. Молодые люди поютъ пѣсни и заводятъ разныя игры; при этомъ новобрачная угощаетъ посѣтителей блинами, пряниками и орѣхами.

Отводины. Такъ называемыя *отводины* бываютъ черезъ недѣлю или дня черезъ четыре послѣ свадьбы. Отводины дѣлаетъ отецъ молодухи и всѣ прочіе ея родные, бывшіе на свадебномъ пиру. Тесть ѣдетъ звать къ себѣ въ гости зятя и дочь, а также и всѣхъ родныхъ зятя. Когда пріѣдутъ молодые къ отцу, и отпируютъ сватъ у свата, а зять у тестя,—тогда приглашаютъ къ себѣ по старшинству родные молодой, и такимъ порядкомъ всѣ ходятъ изъ дома въ домъ, пьютъ и ѣдятъ. Съ окончаніемъ отводинъ, свадьбу считаютъ конченной.

Почему дано названіе: „отводины“, неизвѣстно.

Свадебныя суевѣрія. Когда сватунья пришла сватать невѣсту, во все время разговора съ родными ея, сватунья не должна садиться; хвалить жениха и договариваться обо всемъ она должна, стоя на ногахъ. Если сватунья сядетъ—не будетъ пути. Сколько ни заставляютъ ее садиться, она отнѣкивается; въ случаѣ крайности, если ноги устанутъ,—на колѣни встанетъ.

Сговоренную невѣсту закрываютъ платкомъ, и она не показываетъ лица, чтобъ не сглазили: вѣдь народу ходитъ много, у иного, дескать, дурной глазъ!

Когда невѣсту сбираютъ къ вѣнцу, то въ сарафанъ, рубашку, подолъ и воротъ втыкаютъ безухія иглы и булавки, на тѣло повязываютъ обрывки мережки; все это дѣлается для того, чтобы невѣсту и молодую во время свадьбы не испортили.

Новобрачныхъ, за столомъ послѣ вѣнца и княжескимъ столомъ, садятъ непремѣнно на шубу, вывороченную мѣхомъ вверхъ, чтобы ихъ не испортили и чтобы жили они богато, да водился бы у нихъ скотъ.

Во время столованья за княжескимъ столомъ и первымъ столомъ,

новобрачные должны свои ноги переплести или поставить нога на ногу, чтобы не пробѣжала между ногъ черная кошка. Если такой грѣхъ случится, молодые будутъ жить худо, какъ кошка съ собакой.

Когда жениха и невѣсту приведутъ на церковную паперть, они должны взяться за скобку у дверей и сказать: „Пусть всѣ наши скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а остаются на тебѣ, на желѣзной скобѣ!“ Есть между народомъ суевѣріе, что желѣзо принимаетъ отъ человѣка всякую болѣзнь, а въ особенности желѣзо ржавое, которое многіе крестьяне носятъ во время повальныхъ болѣзней на крестѣ.

Когда на брачущихся надѣваютъ вѣнцы, и священникъ говоритъ: „вѣнчается рабъ Божій такой-то“, то послѣдній крестится и говоритъ тихонько:—„Я, рабъ Божій, вѣнчаюсь, а мои болѣзни не вѣнчаются“. По понятію народа, если у брачущихся есть какія либо болѣзни, да съ ними вѣнчаютъ, тогда ихъ никогда не вылѣчишь.

Во время вѣнчанія, у котораго изъ брачущихся свѣча сгоритъ больше или погаснетъ, тому прежде умереть.

Молодую вводятъ въ домъ къ свекру отъ вѣнца; тогда свекровь, у воротъ, суетъ новобрачной подъ пазуху пирогъ, который новобрачные и должны съѣсть въ тотъ же самый день пополамъ. Это дѣлается для того, чтобы они жили сыто, въ любви, въ согласіи.

Тотъ платокъ, подъ которымъ новобрачная, будучи еще сговоренною, плакала, оставляется навсегда въ домѣ родителей; его не берутъ для того, чтобы жить замужемъ—не плакать.

14. Бытъ населенія Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи.

Бѣжецкій уѣздъ по своему земледѣлію стоитъ въ ряду лучшихъ въ Тверской губерніи; промышленность его также занимаетъ видное мѣсто; но тѣмъ не менѣе экономическое благосостояніе его населенія не находится на высокой степени. Изъ числа всего крестьянскаго населенія уѣзда 15,000 человѣкъ должны постоянно жить въ заработкахъ на сторонѣ, чтобы поддерживать не только свое существованіе, но еще помогать своимъ семьямъ.

Жилища здѣшнихъ крестьянъ почти тѣ же, что были и много лѣтъ назадъ. Теперь только уничтожаются черныя избы (этого рода избы существуютъ въ значительномъ количествѣ въ Заручьевской волости). Крестьянская изба въ большинствѣ случаевъ занимаетъ пространство менѣе 300 кв. с. и не болѣе 70 кв. с. усадебной земли занимаютъ всѣ постройки. Крестьянская обыкновенная изба строится изъ девятиаршинныхъ сосновыхъ бревенъ въ 5 вершк. толщины. Изба утверждается чаще всего на четырехъ камняхъ, положенныхъ подъ *углы. Окна прорубаются* обыкновенно только въ передней стѣнѣ избы,

Ко широкому двору ко красному,
Онѣ звѣря-то испугаются,
Отъ меня, младой, прочь отступятся.
Я еще бъ покрасовалася
У кормильца моего батюшки,
У родимыя у матушки,
У соколиковъ братцевъ милыехъ,
У голубушекъ невѣстушекъ.

Мнѣ прошедшу темну ноченьку
Не спалося красной дѣвицѣ,
Во просонкахъ много видѣлось:
Будто я-то красна дѣвица
Выходила рано въ улицу,
Гдѣ заря-то занимается,
Красно солнце гдѣ красуется:
Тамъ узнала васъ, подруженьки!
Мнѣ на встрѣчу — злы чужи люди,
Подзывали, силой забрали,
Увезли въ лѣса во темные;
Тамъ мнѣ страшно показалося,
И я съ плачемъ просыпалася.
А другое мнѣ привидѣлось:
У моего кормильца батюшки
Развалилася хоромина
Середь улицы разсыпалась,
Бревна врозь всѣ раскатилися,
Углы прочь поотвалилися.
На трубѣ сидитъ да гаркаетъ
Черный воронъ громкимъ голосомъ;
А на ясно красно солнышко
Тучи темныя надвинулись,
Грянулъ громъ, сверкнула молонья...
Я проснулась, испугалася.

Въ это время начинается между народомъ говоръ: „Дружка подъѣхалъ ко двору“.—Невѣстинъ отецъ долженъ выйти на улицу, встрѣтить дружку съ поѣздомъ, пріѣхавшимъ за его дочерью, и пригласить въ домъ; при этомъ иногда бываетъ и женихъ. Если онъ беретъ невѣсту въ другую деревню, въ такомъ случаѣ сосѣди загораживаютъ дорогу, и дружка обязанъ дать имъ вина и пива, просить уступить *путь дорогу нарѣченному* князю. У дома ворота или калитку также *затворяютъ, и дружка* стучитъ, говоря:

— Господи Исусе Христе! (трижды). Есть ли у этихъ дверей придверникъ, у воротъ приворотникъ, кто бы намъ эти ворота отворилъ и двери на пяты постановилъ, а насъ добрыхъ молодцовъ до хозяина допустилъ?

Хозяинъ, отецъ невѣсты, выходитъ, растворяя двери, кланяется и пропускаетъ въ избу гостей. Дружка топаетъ, и начинается слѣдующій разговоръ:

— Въѣхалъ я, сватушко, къ тебѣ на широкій дворъ, поставилъ я добрыхъ коней середи широка двора, приказывать я объ нихъ — никому не приказывалъ, привязывать я — не привязывалъ. Нельзя ли къ моимъ конямъ сторожа приставить, чтобъ спросить было съ кого?

— Будьте, друженька, покойны: останетесь нами довольны, а добры кони будутъ сохранны.

Дружка приговариваетъ:

— Пришелъ дружка, легкая ножка, въ теплую хату къ любезному свату, ножку поставилъ за порогъ, другую чуть переволокъ, ножкою топнулъ, дверью хлопнулъ, половнички гнутся, хозяева къ печкѣ жмутся. Взошелъ дружка, помолился, добрымъ людямъ поклонился. Здравствуйте, добрые люди и всѣ, что есть въ избѣ! Сватушко и сватьюшка, все ли вы здоровы?

— Наши сватъ и сватьюшка остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь.

Отправивши поклонъ, т. е. „челобитье“, свату со сватьей, дружка обращается къ народу, стоящему въ избѣ и говоритъ:

— Здравствуйте, добрые молодцы, удалыя головы, широкія бороды! Всѣ ли вы здоровы? — Наши молодцы остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: на васъ кафтаны очень изорваны, четыре полы, бока голы.

— Здравствуйте, молодыя молодушки, покрытыя головушки! Всѣ ли вы здоровы? Наши молодицы всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: полю вамъ съ мужьями шутить, да ихъ въ обманъ вводить.

— Здравствуйте, красныя дѣвицы, пирожныя мастерицы, горшечныя пагубницы! Всѣ ли вы здоровы? Наши дѣвицы всѣ здоровы, приказали намъ, поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: полно вамъ по криночкамъ ходить, сметанку снимать, колобки мѣсить, молодцовъ кормить.

— Здравствуйте, малые ребята, голыя пузята! Всѣ ли вы здоровы? Наши ребята всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: вы на полатяхъ лежите, да намъ въ чашки соплей не напустите: намъ, гостямъ, морготно покажется.

Послѣ этихъ шутокъ дружка обращается къ свахѣ или къ стоящему народу и спрашиваетъ:

— Гдѣ бы мнѣ своихъ гостей съ нарѣченнымъ княземъ усадить за столы дубовые?

— Мѣста всѣ заняты, поподчуй насъ, друженька.

— Эхъ вы, добрые молодцы, умныя головушки, широкія бородушки! О чемъ надобно говорите, себя, меня и моихъ поѣзжанъ попусту не томите. Я дружка, не Романъ, не сдѣлаю обманъ.

— Мы тебя, друженька, хотимъ съ дружьимъ чиномъ поздравить.

— Извольте, добрые люди, пить — ѣсть — кушать, насъ, добрыхъ молодцовъ, слушать.

Дружка спрашиваетъ у свахи, иногда и у хозяина: какъ бы на мѣста садиться?—Ему говорятъ, указывая на сидящаго рядомъ съ невѣстой *продавца* (брата ея), что онъ этимъ дѣломъ распоряжается. Дружка обращается къ продавцу:

— Нельзя ли намъ, добрый молодецъ, свое мѣстечко уступить и насъ, добрыхъ молодчиковъ, за столы дубовые посадить?

— Я своего мѣста даромъ не уступаю, продавать — продаю.

— Чѣмъ же ты, добрый молодецъ, торгуешь? лисицами или куницами? или мѣсто княжецкое продаешь?

— Я торгую всѣмъ: лисицами, куницами и мѣстомъ княжецкимъ.

— Сколько же тебѣ надобно и чѣмъ берешь: золотой казной, или чѣмъ инымъ? У нашего нарѣченнаго князя всего достаточно.

— Когда такъ, что я буду спрашивать, подавай мнѣ и отвѣчай.

— Изволь, молодецъ.

— Дай мнѣ напочинѣ рубликовъ семь, чтобы любо было всѣмъ.

— Изволь, обирай.

Дружка высыпаетъ на блюдо нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

— Давай мнѣ, друженька, что свѣтлѣе солнца, краше неба звѣзднаго?

— Изволь принимать.

Дружка вынимаетъ изъ-за пазухи образъ и подаетъ. Продавецъ крестится и ставитъ образъ на полку. Надо замѣтить, что дружка входитъ въ домъ съ образомъ.

— Давай мнѣ, друженька: самъ нагъ, а рубашка въ пазухѣ?

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ восковую свѣчу.

— Дай мнѣ, друженька, поле яровое, другое ржаное, третье паренину.

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ хлѣбъ, пирогъ и пряженцы.

— Давай мнѣ море на пяти столбахъ въ дремучихъ краяхъ.

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ пиво въ жбанѣ или въ ендовѣ. Послѣ этого пойдутъ опять загадки; продавецъ спрашиваетъ дружку, а женихъ со своей родней все еще продолжаетъ стоять; народъ шумитъ въ избѣ, говоритъ, смѣется; невѣста плачетъ и причитаетъ. Вотъ нѣкоторыя изъ загадокъ:

— Чѣмъ ты, друженька, впередъ шелъ?

— Мыслями съ молитвой.

— Что такое, друженька, великое поле ирланское, много скота астраханскаго, а единъ пастырь, двѣ агницы?

— Поле великое — небо ясное; скотъ — звѣзды; пастырь — мѣсяцъ; двѣ агницы — утренняя и вечерняя зари.

— Стоитъ дубъ, въ дубу тина, въ тинѣ сосна, на верху ленъ?

— Дубъ — квашня; тина — тѣсто; сосна — мутовка; ленъ — покрывало.

— Вышелъ изъ земли, какъ Адамъ; взведенъ на колесницу, какъ Илья; посаженъ въ огонь, какъ Кирикъ; вышелъ изъ огня, какъ Іосифъ, кто увидитъ, всякъ къ себѣ въ домъ беретъ?

— Горшокъ.

— Дома то тяпъ—тяпъ, въ лѣсу то ляпъ — ляпъ, около тпруценки, а въ серединѣ тпру!...

— Сито.

Много еще предлагаютъ загадокъ и все въ этомъ же родѣ. Затѣмъ дружка беретъ жениха, подводитъ къ продавцу; продавецъ беретъ жениха за руку и сажаетъ съ невѣстой.

Прочіе поѣзжане выкупаютъ себѣ мѣста за деньги у дѣвушекъ, сидящихъ за столомъ и усаживаются.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ столъ начинается у невѣстина отца до вѣнчанья, а въ другихъ послѣ. Если до вѣнчанья столуютъ, тогда невѣста впродолженіе всего столованья сидитъ съ женихомъ, покрытая, и продолжаетъ причитать. Если столованье идетъ послѣ вѣнчанья, то, когда прибывшіе усядутся, выпьютъ по рюмкѣ вина, по стакану пива, закусятъ пирогомъ и поѣдутъ къ вѣнцу. За столъ усаживаются слѣдующимъ порядкомъ: близкая женихова родня по старшинству занимаетъ мѣсто за столомъ; *тысяцкій* садится на самый уголъ подъ образа. Тысяцкимъ бываетъ крестный отецъ или родной дядя жениха. *Большой баринъ* садится рядомъ по другую руку тысяцкаго отъ угла; *это — или дядя жениха*, или второй братъ его; отъ тысяцкаго садится *второй баринъ* — братъ жениха или младшій дядя. Рядомъ съ жени

хомъ садится братъ жениха родной или двоюродный; онъ называется *братнее мѣсто;* напротивъ стола садится дружка съ полудружьемъ и прочіе поѣзжане, свахи и сватьи по вторую сторону въ кутѣ отъ невѣсты. Когда дружка входитъ въ избу и ведетъ разговоръ съ продавцомъ, невѣста причитаетъ:

Что это, родимый батюшко,
Что у тя за пиръ сбирается,
Что за гости къ намъ съѣзжаются.
Собираются на пиръ пировать
Злые вороги, чужи люди,
То мои съ тобой разлучники.
Говорила я родимому
И въ упросъ просила — плакала:
Не пускай къ себѣ разлучниковъ!
Не послушался, не сжалился,
На меня, младу, прогнѣвался.
Знать, не долго мнѣ осталося
Посидѣть-то здѣсь, поплакати
У родимыя у матушки,
У кормильца родна батюшка,
У соколовъ братцевъ милыехъ!

Когда женихъ садится съ невѣстой, она причитаетъ къ нему:

Ты садись-ко, добрый молодецъ,
Поплотнѣе со мной рядышкомъ,
И садись не съ спѣсью — гордостью,
А садись съ Господней милостью,
Чтобы жить-то намъ, не маяться,
А проживши, не спокаяться.

Послѣ этого причитанья, невѣста обращается къ каждому поѣзжанину, когда пьютъ вино и пиво, и каждый изъ нихъ долженъ положить невѣстѣ на блюдо или въ стаканъ денегъ. Наконецъ столъ оканчивается. Дружка встаетъ и говоритъ слѣдующій приговоръ:

Встану я, добрый молодецъ
Со лавочки со дубовыя,
Отъ прибоинки отъ кленовыя,
Изъ-за столика крашенаго,
Изъ-за скатерти самобраныя,
Изъ-за яства сахарнаго,
Изъ-за питья медвянаго,

Изъ-за сгибня сдобленаго, —
Новонарѣченнаго князя
И молодую княгиню
Изъ-за стола выводить,
Подъ златъ вѣнецъ благословить.

•

За дружкой поднимаются всѣ и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ соль и угощеніе. Дружка, выведя жениха и невѣсту изъ-за стола, говоритъ:

— Есть ли у нашихъ новонарѣченныхъ молодыхъ, князя и княгини, батюшко и матушка? — Извольте выходить и свое чадо милое благословить.

Отецъ и мать благословляютъ жениха и невѣсту, которые кланяются имъ въ ноги. Выходя изъ-за стола, невѣста причитаетъ.... Сколько тутъ бываетъ слезъ! Тяжело народъ разстается съ милыми сердцу.

Ужъ какъ знать-то красной дѣвицѣ
Мнѣ сидѣть — не отсидѣтися,
Горючимъ слезамъ не отплакаться,
Мнѣ вставать на рѣзвы ноженьки,
Выходить изъ-за стола дубоваго,
Изъ-за пить-яства батюшки,
Изъ-за снадобья-то матушки.
Раздвигайтесь, столы дубовые,
Собирайтесь, скатерти самобраныя.
Благослови-ко меня, кормилецъ батюшко
И родимая моя матушка,
Отъ радѣнья ретива сердца.
Чтобы жить-то мнѣ, не маяться,
На меня бы вамъ не плакаться.
Ваше-го благословленьецо
Мнѣ дороже злата-серебра,
Краше солнышка мнѣ краснаго:
Я вѣдь съ нимъ-то, красна дѣвица,
Буду жить до гробовой доски.
Вы прощайте, мои милые,
Не забудьте меня, бѣдную,
На чужой дальней сторонушкѣ,
Въ чемъ сгрубила, не прогнѣвайтесь,
Я глупа была, не вѣдала,
Что придется съ вамъ разстаться.

Потомъ дружка, послѣ благословенія родителей, говоритъ:

— Есть ли у нашей нарѣченной невѣсты крестный батюшко и крестная матушка?—Подходите и благословите чадо крестное.

Вызываемые подходятъ, благословляютъ и прощаются съ невѣстой. Невѣста опять реветъ *толстымъ голосомъ*. Дружка идетъ, приговаривая:

Пошелъ дружка,
Веселая ножка,
Изъ дому угощенъ
И хозяиномъ улещенъ.
Накупилъ дружка
И куницъ, и лисицъ,
И красныхъ дѣвицъ;
На коня садится,
Конь веселится,
Къ церкви катитъ,
Земля дрожитъ.
Шапки долой!
Ѣдетъ князь молодой.

Дружка садится въ сани и ѣдетъ къ церкви; рядомъ съ нимъ напередъ сидитъ полудружье; за дружкой ѣдетъ женихъ съ „братскимъ мѣстомъ“, потомъ родные жениха по старшинству и наконецъ невѣста — на парѣ, провожаемая дѣвицами отъ своего дома за овины родной деревни. Дѣвушки, сидя у невѣсты въ саняхъ, поютъ слѣдующую пѣсню:

Отлетала лебедь бѣлая
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду гусей сѣрыехъ.
Гуси стали лебедь щипати,
Лебедь начала кричати имъ:
Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ, лебедушка,
Залетѣла — не охотою:
Занесло меня погодою,
Что погодушкой ненастною.
Отъѣзжала красна дѣвица
Отъ своихъ подругъ — Авдотьюшка —
Въ чужедальную сторонушку,
Не своей она охотою:
Повезли ее добры кони,

Что добры кони стоялые
Удалого добра молодца.

Кончивъ эту пѣсню, дѣвушки прощаются съ невѣстой, плачутъ и долго-долго стоятъ на дорогѣ, слѣдя за уѣзжающимъ поѣздомъ. Впродолженіе всего своего просватанья, невѣста сидитъ за столомъ закрытая, и только тогда открываютъ ей лицо, когда надѣнутъ вѣнцы и обводятъ вокругъ налоя. Послѣ вѣнчанья, всѣ слезы и причитанія кончаются. Новобрачныхъ везутъ въ домъ жениха; отецъ и мать послѣдняго встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью и съ образами, благословляя на дворѣ отецъ одной иконой, а мать хлѣбомъ-солью и вмѣстѣ съ тѣмъ иконой, потомъ вводятъ въ особую горницу или чуланъ, гдѣ ихъ наскоро кормятъ. Между тѣмъ поѣзжане усаживаются за столы, молодыхъ также усаживаютъ, и начинается столованье: пьютъ, ѣдятъ, что называется, до увалу; одни новобрачные ничего не ѣдятъ. По окончаніи стола, ихъ отводятъ въ другую избу или горницу.

Княжій столъ. Княжій столъ приготовляется у новобрачнаго на второй день послѣ сватьбы: Утромъ, подгулявшіе еще съ вечера, поѣзжане идутъ къ молодымъ и, при выходѣ послѣднихъ, громко ихъ поздравляютъ, бьютъ горшки, кринки и проч. Молодые садятся за столъ, поѣзжане тоже, и начинается завтракъ, опохмѣливанье. По окончаніи завтрака, новобрачныхъ сряжаютъ къ тестю, тещѣ и прочимъ роднымъ новобрачной, звать на княжій столъ; у тестя угощаютъ ихъ чаемъ и закуской. Вскорѣ новобрачные возвращаются домой, вслѣдъ за ними пріѣзжаетъ и новая родня, т. е. отецъ, мать и другіе родственники; ихъ усаживаютъ по мѣстамъ, и начинается княжій столъ. Новобрачные садятся на лавкѣ, посрединѣ стола; новая родня занимаетъ первенство, т. е. усаживается отъ передняго угла къ новобрачнымъ; отецъ и мать „новобрачной княгини“ — на самомъ углу подъ образами, если нѣтъ въ числѣ гостей священника, иначе онъ занимаетъ это мѣсто; далѣе къ кути отъ новобрачныхъ — родные „князя“. Отецъ и мать его за столомъ не сидятъ, а только угощаютъ виномъ и пивомъ и подаютъ кушанья. За княжьимъ столомъ новобрачные тоже ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Подгулявшіе поѣзжане, обращаясь съ недопитымъ стаканомъ къ новобрачному, безпрестанно говорятъ: „Горько оченно, Иванъ Ивановичъ!“ Новобрачный долженъ встать и поцѣловать жену, благодаря гостей поклономъ; гость допиваетъ свой стаканъ и, замѣтивъ, что „вотъ теперь оченно сладко стало“,—самъ цѣлуетъ новобрачныхъ. Такимъ порядкомъ идетъ цѣлованье за княжьимъ столомъ. Я полагаю, что молодымъ придется поцѣловаться, вслѣдствіе просьбъ подгулявшихъ гостей, не одну сотню разъ. Еще цѣлуются „за почкой“, когда подаютъ жаркое: дружка разрѣзываетъ почку на мелкіе куски (къ обязанности его относится солить и рѣзать кушанья), *надѣваетъ ихъ на* вилку и подаетъ новобрачному, который подаетъ

своей женѣ и цѣлуется съ ней, потомъ съ дружкой. Такимъ образомъ каждый поѣзжанинъ подходитъ съ почкой къ новобрачнымъ и цѣлуется; затѣмъ хмѣльные мужички лѣзутъ цѣловаться къ своимъ и чужимъ бабамъ. Княжій столъ идетъ по крайней мѣрѣ пять — шесть часовъ. Посторонняго народу бываетъ множество: сходится смотрѣть вся деревня. Цѣлованье бываетъ тоже и за первымъ столомъ; но этотъ столъ продолжается значительно короче княжьяго. Поѣзжане встаютъ, благодарятъ хозяевъ; нѣкоторые уѣзжаютъ, а другіе, еще хвативъ зелена-вина, запѣваютъ пѣсни и начинаютъ плясать. Такъ идетъ время почти до полуночи.

Третій день. Изъ поѣзжанъ, а также изъ новой родни, на третій день никого не остается. Утромъ молодую заставляютъ кое-какое дѣло подѣлать около печки и смотрятъ: умѣетъ ли молодая приниматься за стряпню; но преимущественно заставляютъ стряпать блины. Послѣ обѣда, на третій день, къ новобрачнымъ собираются посидѣть дѣвицы, молодыя женщины и парни. Молодые люди поютъ пѣсни и заводятъ разныя игры; при этомъ новобрачная угощаетъ посѣтителей блинами, пряниками и орѣхами.

Отводины. Такъ называемыя *отводины* бываютъ черезъ недѣлю или дня черезъ четыре послѣ свадьбы. Отводины дѣлаетъ отецъ молодухи и всѣ прочіе ея родные, бывшіе на свадебномъ пиру. Тесть ѣдетъ звать къ себѣ въ гости зятя и дочь, а также и всѣхъ родныхъ зятя. Когда пріѣдутъ молодые къ отцу, и отпируютъ сватъ у свата, а зять у тестя,—тогда приглашаютъ къ себѣ по старшинству родные молодой, и такимъ порядкомъ всѣ ходятъ изъ дома въ домъ, пьютъ и ѣдятъ. Съ окончаніемъ отводинъ, свадьбу считаютъ конченной.

Почему дано названіе: „отводины", неизвѣстно.

Свадебныя суевѣрія. Когда сватунья пришла сватать невѣсту, во все время разговора съ родными ея, сватунья не должна садиться; хвалить жениха и договариваться обо всемъ она должна, стоя на ногахъ. Если сватунья сядетъ—не будетъ пути. Сколько ни заставляютъ ее садиться, она отнѣкивается; въ случаѣ крайности, если ноги устанутъ,—на колѣни встанетъ.

Сговоренную невѣсту закрываютъ платкомъ, и она не показываетъ лица, чтобъ не сглазили: вѣдь народу ходитъ много, у иного, дескать, дурной глазъ!

Когда невѣсту сбираютъ къ вѣнцу, то въ сарафанъ, рубашку, подолъ и воротъ втыкаютъ безухія иглы и булавки, на тѣло повязываютъ обрывки мережки; все это дѣлается для того, чтобы невѣсту и молодую во время свадьбы не испортили.

Новобрачныхъ, за столомъ послѣ вѣнца и княжескимъ столомъ, садятъ непремѣнно на шубу, вывороченную мѣхомъ вверхъ, чтобы ихъ не испортили и чтобы жили они богато, да водился бы у нихъ скотъ.

Во время столованья за княжескимъ столомъ и первымъ столомъ,

новобрачные должны свои ноги переплести или поставить нога на ногу, чтобы не пробѣжала между ногъ черная кошка. Если такой грѣхъ случится, молодые будутъ жить худо, какъ кошка съ собакой.

Когда жениха и невѣсту приведутъ на церковную паперть, они должны взяться за скобку у дверей и сказать: „Пусть всѣ наши скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а остаются на тебѣ, на желѣзной скобѣ!“ Есть между народомъ суевѣріе, что желѣзо принимаетъ отъ человѣка всякую болѣзнь, а въ особенности желѣзо ржавое, которое многіе крестьяне носятъ во время повальныхъ болѣзней на крестѣ.

Когда на брачущихся надѣваютъ вѣнцы, и священникъ говоритъ: „вѣнчается рабъ Божій такой-то“, то послѣдній крестится и говоритъ тихонько:—„Я, рабъ Божій, вѣнчаюсь, а мои болѣзни не вѣнчаются“. По понятію народа, если у брачущихся есть какія либо болѣзни, да съ ними вѣнчаютъ, тогда ихъ никогда не вылѣчишь.

Во время вѣнчанія, у котораго изъ брачущихся свѣча сгоритъ больше или погаснетъ, тому прежде умереть.

Молодую вводятъ въ домъ къ свекру отъ вѣнца; тогда свекровь, у воротъ, суетъ новобрачной подъ пазуху пирогъ, который новобрачные и должны съѣсть въ тотъ же самый день пополамъ. Это дѣлается для того, чтобы они жили сыто, въ любви, въ согласіи.

Тотъ платокъ, подъ которымъ новобрачная, будучи еще сговоренною, плакала, оставляется навсегда въ домѣ родителей; его не берутъ для того, чтобы жить замужемъ—не плакать.

14. Бытъ населенія Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи.

Бѣжецкій уѣздъ по своему земледѣлію стоитъ въ ряду лучшихъ въ Тверской губерніи; промышленность его также занимаетъ видное мѣсто; но тѣмъ не менѣе экономическое благосостояніе его населенія не находится на высокой степени. Изъ числа всего крестьянскаго населенія уѣзда 15,000 человѣкъ должны постоянно жить въ заработкахъ на сторонѣ, чтобы поддерживать не только свое существованіе, но еще помогать своимъ семьямъ.

Жилища здѣшнихъ крестьянъ почти тѣ же, что были и много лѣтъ назадъ. Теперь только уничтожаются черныя избы (этого рода избы существуютъ въ значительномъ количествѣ въ Заручьевской волости). Крестьянская изба въ большинствѣ случаевъ занимаетъ пространство менѣе 300 кв. с. и не болѣе 70 кв. с. усадебной земли занимаютъ всѣ постройки. Крестьянская обыкновенная изба строится изъ девятиаршинныхъ сосновыхъ бревенъ въ 5 вершк. толщины. Изба утверждается чаще всего на четырехъ камняхъ, положенныхъ подъ углы. *Окна прорубаются* обыкновенно только въ передней стѣнѣ избы,

отъ двухъ до трехъ и только у весьма немногихъ избъ бываютъ окна со двора. Крыши на избахъ больше соломенныя. Входъ въ избу обыкновенно устраивается со двора — сначала въ сѣни, потомъ въ избу. Въ избѣ $^1/_6$ часть пространства занимаетъ печь, которая почти вездѣ у крестьянъ сбивается изъ глины. Эта печь въ большинствѣ селеній уѣзда служитъ жителямъ и банею. Перегородкой изба раздѣляется (по печь) на два отдѣленія. То отдѣленіе, въ которомъ находится печь, служитъ кухнею (иногда крестьяне и называютъ его кухней), въ немъ помѣщается на полкахъ кухонная посуда и пр., также лежанка и надъ ней рукомойникъ. Печка,—какъ она имѣетъ назначеніе бани,—отличается обширностью, и самое устье ея дѣлается, въ этихъ видахъ, больше, нежели въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ бани. (Бани устраиваются внѣ селенія. Онѣ всегда бываютъ черныя, безъ трубъ, рубятся изъ 3—4 верш. новаго ельнику или сосняку и занимаютъ не болѣе 2-хъ кв. саж. пространства). Въ другомъ отдѣленіи избы съ боку печки устроивается ходъ въ подполъ, гдѣ хранятся разные хозяйственные продукты и всякій домашній скарбъ. Это отдѣленіе служитъ семьѣ и столовой, и спальней, и мастерской—всѣмъ, чѣмъ угодно. Входя въ избу, мы видимъ направо у входа печь, налѣво коникъ, отъ котораго по стѣнѣ, противоположной печкѣ, тянутся лавки; кромѣ этихъ лавокъ, нѣсколькихъ скамеекъ и стола, въ этомъ отдѣленіи обыкновенно не встрѣчаешь никакой мебели. Въ зимнее время это отдѣленіе загромождается нѣсколькими ткацкими станками, отъ которыхъ крестьяне испытываютъ несказанную тѣсноту, — это, между прочимъ, выражается тѣмъ, что упомянутые станки получаютъ названіе медвѣдей. Полати—непремѣнная принадлежность этого отдѣленія. Въ переднемъ углу всегда кіотъ съ нѣсколькими образами владимірскаго производства (въ нѣсколькихъ болѣе или менѣе зажиточныхъ домахъ эти образа бываютъ убраны въ серебряныя или золотыя ризы). Во многихъ избахъ на стѣнахъ встрѣчаются лубочныя картины, на которыхъ изображенъ какой нибудь генералъ, ведущій въ битву полки родные, или что нибудь въ этомъ вкусѣ. Если на стѣнѣ, неподалеку отъ передняго угла виситъ зеркальце, то картинки налѣплены вокругъ него,—если не картинки, то хоть разноцвѣтныя бумажки съ конфетокъ. Возлѣ коника на стѣнѣ можно видѣть узду, хомутъ или другую сбрую.

За чистотою избы въ земледѣльческихъ волостяхъ обыкновенно не гонятся. Женщины, на обязанности которыхъ лежитъ эта забота, имѣютъ слишкомъ мало свободнаго времени. Полы моются только передъ большими праздниками.

Внутреннее убранство крестьянской избы нѣсколько привлекательнѣе въ промышленныхъ волостяхъ. Въ нихъ избы содержатся чище, встрѣчается хоть кое-какая мебель.

Говоря о чистотѣ крестьянскихъ избъ, нужно замѣтить, что въ *Бѣжецкомъ уѣздѣ есть* волости, гдѣ большинство семей имѣетъ по двѣ

избы. Такихъ семей не мало и вообще въ уѣздѣ. Убранство зимовокъ (избъ, въ которыхъ живутъ зимой) вездѣ одинаково, онѣ тѣсны и грязны, между тѣмъ лѣтнія избы отличаются большею опрятностію и гораздо свѣтлѣе зимовокъ. Лѣтнія избы устраиваются не всегда отдѣльно отъ зимнихъ: часто оба жилища соединяются въ одну общую постройку, такъ что зимняя изба отдѣляется отъ лѣтней только стѣной, и обѣ вмѣстѣ онѣ представляютъ одинъ домъ; иногда лѣтнее помѣщеніе составляетъ второй этажъ дома.

Сѣни заурядной крестьянской избы занимаютъ до 3 кв. с. площади. Въ нихъ обыкновенно видишь громоздкую сельско-хозяйственную утварь: кадки, корыта и пр. Изъ сѣней устроенъ ходъ на подволоку. Сѣни большею частью кроются соломой, какъ и смежная съ ними клѣть, устраиваемая изъ 3-вершковыхъ еловыхъ бревенъ (чаще, впрочемъ, она строится изъ такого же матеріала, какъ изба и сѣни). Въ клѣти помѣщается всякаго рода домашній скарбъ и хозяйственные продукты. Въ лѣтнее время она служитъ для нѣкоторыхъ членовъ семьи и спальней. Подъ клѣтью на дворѣ устраивается хлѣвъ для молодаго рогатаго скота.

Дворъ обыкновенно состоитъ изъ досчатаго еловаго забора; кроется соломой. На дворѣ устраиваются перегородки—чаще всего изъ жердей, за которыми размѣщается скотъ. Иногда въ одномъ изъ угловъ двора устраивается теплый коровникъ; тогда хлѣвъ подъ клѣтью назначается для помѣщенія овецъ. Изба со дворомъ обыкновенно занимаетъ саженъ 45.

Огородъ, расположенный позади двора, обносится или досчатымъ заборомъ, или частоколомъ, или плетнемъ. Въ огородахъ встрѣчаются чаще всего слѣдующія постройки: амбаръ для сѣна (досчатый или изъ тонкихъ еловыхъ бревенъ), занимающій отъ 4—6 кв. с.; такая же мякинница, занимающая 2—3 кв. с.; рига или овинъ. Около овина устраивается навѣсъ, подъ которымъ молотятъ хлѣбъ на немощеномъ гумнѣ. У нѣкоторыхъ русскихъ крестьянъ существуетъ убѣжденіе, что сушить хлѣбъ въ овинахъ удобнѣе: дескать, онъ въ нихъ равномѣрнѣе высушивается; другіе же, по этой же самой причинѣ, предпочитаютъ сушить хлѣбъ въ ригахъ.

Устройство избы со дворомъ зажиточному крестьянскому семейству обходится во 100 — 200 руб., а всѣ прочія постройки въ 50—100 руб.

Наружный видъ крестьянскихъ жилищъ, за немногими исключеніями, не оставляетъ пріятнаго впечатлѣнія, особенно если видишь ихъ въ зимнее время. Приземистыя, съ высокими соломенными крышами и маленькими промерзшими окнами, они выглядываютъ такъ уныло, что невольно думается о томъ, какъ мало удобствъ даютъ они ихъ обитателямъ.

О хижинахъ бѣдныхъ семействъ, объ удобствѣ этихъ хижинъ но-

чего и говорить. Лѣтомъ еще туда-сюда, но зимой... трудно представить себѣ, какъ могутъ люди выносить всѣ неудобства бѣдной зимовки. При дурномъ способѣ стройки, при нерасчетливомъ выборѣ строеваго матеріала порядочная крестьянская изба разрушается совершенно, простоявъ 25 лѣтъ; заурядная изба не существуетъ и 15 лѣтъ. Съ перваго же года она мокнетъ, гніетъ, дряблетъ. Зимой въ ней, значитъ, сыро, холодно, копоть отъ лучины... въ избѣ на окнахъ масса льду, съ нихъ каплетъ на грязный полъ, на двери ледъ, она плохо притворяется.

Ремонтировка производится кое-какъ или вовсе не производится за недостаткомъ времени, средствъ, матеріала. Говорятъ, что на ремонтъ всѣхъ построекъ, впродолженіе всего ихъ существованія, семья каждогодно должна тратить 5 руб.

О пищѣ крестьянъ вообще можно сказать, что она очень однообразна. Въ отношеніи доброкачественности стола выдаются осенніе мѣсяцы.

Изъ числа этихъ трехъ мѣсяцевъ наиболѣе разнообразный столъ бываетъ въ октябрѣ, когда полевыя работы женщинъ совсѣмъ окончились, да и мужчины уже наровятъ забраться въ печку, отдыхать отъ лѣтнихъ трудовъ. Утренній столъ въ октябрѣ состоитъ: изъ щей или похлебки, къ которымъ подаются горячія (плохо испеченныя) житныя масляныя лепешки съ картофелемъ (въ скоромные дни щи варятся съ небольшимъ количествомъ соленой говядины, въ постные же—въ нихъ кладется снѣтокъ или другая какая рыба; нѣкоторыя семьи въ это время года имѣютъ еще свѣжую рыбу, большинство же съ августа или съ половины сентября перестаютъ ее употреблять); за щами слѣдуетъ или гречневая каша, или же ѣдятъ вареную говядину, накрошивъ ее въ квасъ, куда, кромѣ того, кладется лукъ, хрѣнъ, иногда и яйцо. Въ постные дни варятъ горохъ, замѣняющій щи. Вечерній столъ ничѣмъ не отличается отъ утренняго, только кушанья подаются не съ пылу съ жару, какъ за обѣдомъ. Отношеніе мясной пищи къ прочей трудно опредѣлить; но что мяса потребляется немного, видно изъ имѣющагося у крестьянъ количества скота. Пища приготовляется, вообще говоря, не особенно вкусно.

Однообразіе пищи у крестьянъ бросается въ глаза особенно во время постовъ. Въ постные дни крестьяне, смотря по времени года, пробавляются больше овощами и хлѣбомъ. Употребленіе рыбы вообще незначительно и, можно сказать, только въ теплое время года она потребляется крестьянами въ свѣжемъ видѣ. Бѣлый хлѣбъ 2-го сорта считается у крестьянъ роскошью; употребленіе его замѣтно въ большей степени у подгородныхъ крестьянъ. Въ большинствѣ же случаевъ онъ, *повидимому, служитъ* лакомствомъ: крестьянинъ, отправляясь въ городъ, *говоритъ провожающему* его мальчишкѣ: „ужо, погоди, привезу тебѣ *калачъ изъ города*“... Пироги изъ бѣлой муки съ какой-нибудь начин-

кой употребляются большинствомъ только въ большіе праздники. Лакомымъ же блюдомъ для крестьянина служатъ блины и всякаго рода жаркое. Жаркое даже у зажиточныхъ крестьянъ считается не всегда позволительной роскошью. Употребленіе молока также нельзя предполагать значительнымъ, принимая во вниманіе недостатокъ рогатаго скота у крестьянъ и невысокое его достоинство. Въ небогатыхъ подгородныхъ семьяхъ его употребленіе даже совсѣмъ незамѣтно; при близости пункта сбыта крестьяне охотнѣе продаютъ все небольшое количество молока, чтобы на вырученныя деньги имѣть возможность купить для себя напр. хоть рыбы, пищи болѣе дешевой. Около трехъ мѣсяцевъ въ году, — только впродолженіе постовъ Великаго и Рождественскаго — крестьяне ѣдятъ толокно, кисель; между постными кушаньями непослѣднее мѣсто занимаютъ также кулага, пироги съ морковью, картофельники, квасъ, капуста и проч. Потребленіе луку весьма значительно: его ѣдятъ и сырьемъ, съ однимъ хлѣбомъ; варятъ во щахъ и похлебкахъ, имъ начиняютъ пироги,—за неимѣніемъ перца, горчицы и другихъ приправъ, онъ составляетъ единственную приправу къ кушаньямъ. Относительно пищи малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей можно прибавить, что съ 4-хъ и даже съ 3-хъ лѣтняго возраста дѣти начинаютъ питаться пищею, совершенно одинаковою съ взрослыми. Даже больнымъ дѣтямъ родители не позволяютъ не соблюдать постовъ.

Въ одеждѣ крестьянъ тоже не замѣчается большаго разнообразія. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ какъ здѣсь развились отходные промыслы, въ массу народа стало проникать не только желаніе почище одѣться, но даже принарядиться по модѣ. Конечно, это вполнѣ естественное желаніе далеко не вполнѣ удовлетворяется. Будничная одежда крестьянъ не только не изящна, но иногда совсѣмъ убога. Мужчины въ будни одѣваются больше въ домотканное холщевое бѣлье. Лѣтомъ они въ немъ и дома, и въ полѣ на работахъ, — только на голову надѣваютъ какую-нибудь фуражку или шляпу, да иногда ноги обуваютъ въ сапоги. Верхней одеждой лѣтомъ служитъ поддевка изъ сѣраго домашняго сукна. Зимой, кромѣ этой одежды, мужчины носятъ полушубки, тулупы (одинъ тулупъ общій для нѣсколькихъ членовъ семьи), валяные сапоги (во всякую обувь предварительно стелютъ солому, потомъ уже надѣваютъ на ноги, обернутыя въ онучи или портянки), шапки съ барашковой или триповой опушкой, рукавицы, надѣваемыя на руки поверхъ варежекъ, кушакъ. Верхніе штаны чаще всего шьются изъ домашняго сукна или дешеваго трико. Чуни и лапти тоже еще въ большомъ ходу: ихъ носятъ и мужчины и женщины. Женская будничная одежда состоитъ изъ нѣсколькихъ смѣнъ рубашекъ тонкаго домашняго холста, суровыхъ холщовыхъ юбокъ, двухъ или трехъ ситцевыхъ платьевъ (сарафаны и ферязи у большинства еще въ большомъ ходу), *лѣтняя поддевка камлотовая* или суконная. Лѣтомъ на полевыхъ работахъ женщинъ почти всегда и вездѣ видишь только въ однѣхъ рубаш-

кахъ *). Зимой вмѣсто легкой поддевки одѣваются въ полушубки, въ поддевки изъ сѣраго домашняго сукна, у иныхъ въ употребленіи ситцевыя кофты, стеганныя на ватѣ. Обувь та же, что и у мужчинъ, только вмѣсто кожаныхъ сапогъ женщины носятъ башмаки. Головной уборъ женщинъ въ будни состоитъ изъ одного повойника, дѣвушки или ничѣмъ не убираютъ головы, или повязываютъ ее платкомъ. Будничная исправная одежда мужчины требуетъ въ три года расходовъ около 40 р.; женщина расходуетъ немного меньше. Въ праздники одежда у крестьянъ по возможности щегольская. Большинство населенія покрой праздничной одежды перенимаетъ отъ мѣщанъ и купцовъ; немногіе — отъ людей высшаго круга. Суконные длиннополые сюртуки, панталоны изъ сукна или трико, цвѣтные шелковые платки и жилеты, цвѣтныя ситцевыя и кумачныя рубашки; вмѣсто сюртуковъ поддевки чернаго и синяго сукна, вмѣсто панталонъ — плисовые шаровары, — вотъ праздничная одежда. Самые бѣдные, конечно, не носятъ и такихъ вещей, но и у нихъ на праздникъ имѣется ситцевая или кумачная рубашка, какіе-нибудь не домашняго производства штаны, приличные кожаные сапоги, дешевенькій платокъ на шею, приличная фуражка или шапка. Женщины гонятся за модой еще больше, чѣмъ мужчины, особенно въ селеніяхъ подгородныхъ и промышленныхъ. Смотря на ихъ убогій будничный нарядъ и въ голову не придетъ, чтобъ онѣ могли когда-нибудь нарядиться по барски. Между тѣмъ на дѣлѣ онѣ рѣшаются подвергать себя въ будни всякимъ лишеніямъ, чтобы только пріобрѣсть къ празднику обновку. Цвѣтныя шерстяныя и шелковыя платья, сѣтки, цѣнныя шали, серьги, кольца, пояса, ожерелья, хорошая обувь, даже шляпки, — все это не рѣдкость встрѣтить въ зажиточныхъ домахъ. На народныхъ гуляньяхъ въ подгородныхъ селеніяхъ можно замѣтить въ молодежи стремленіе отличиться галантерейнымъ обращеніемъ на купеческій манеръ. Дѣвушки въ своихъ пѣсняхъ нерѣдко воспѣваютъ наряды парней и свои собственные, также ловкость молодцовъ въ обращеніи.

На праздничную одежду у мужчины выйдетъ въ три года примѣрно 40—60 руб.; у женщинъ такое же и, въ среднемъ, пожалуй, большее количество рублей. При тѣхъ трудахъ, какими достается работнику или работницѣ каждая копѣйка, весьма естественно въ крестьянахъ сильное желаніе добыть себѣ праздничную одежду. Несмотря, однако, на это желаніе, лучшіе продукты ткацкихъ фабрикъ для большинства населенія остаются почти вовсе недоступными. Дешевые ситцы, и тѣ еще мало проникли во *вседневное* крестьянское употребленіе.

Такова въ общихъ чертахъ внѣшняя обстановка крестьянскаго житья. Если спросить самихъ крестьянъ, лучше ли жилось имъ прежде,

---

*) *Исключеніе составляютъ* сѣнокосныя работы, на которыя обыкновенно и *мужчины и женщины надѣваютъ* нарядное платье.

то мы всегда получимъ утвердительный отвѣтъ; — но, само собою разумѣется, при этомъ никому изъ нихъ не пожелается стать въ прежнее положеніе.

15. Экономическій бытъ Вольскаго крестьянства.

Вольскій уѣздъ принадлежатъ къ числу счастливыхъ, плодородныхъ и наиболѣе богатыхъ мѣстностей Россіи.

Мѣстность Вольскаго уѣзда ровная, плоская, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холмистая; но холмы очень незначительны и почти незамѣтно переходятъ въ равнины. Въ одной только волости, а именно въ Караваевской, замѣчаются обширныя и высокія холмистыя возвышенія, покрытыя кустарниками.

Почва Вольскаго уѣзда по большей части жирно-черноземная, слои чернозема вообще толсты. Въ послѣднее время черноземныя силы уѣзда, вслѣдствіе неразумной эксплоатаціи земли, повидимому, начинаютъ ослабляться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда толщина черноземнаго слоя почвы менѣе четверти аршина. Въ другихъ мѣстахъ, впрочемъ, немногихъ, почва почти безплодна и даетъ ничтожные урожаи. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ земля владѣнія крестьянъ с. Новой Жуковки, Жуковской волости. Кромѣ черноземной почвы встрѣчаются, впрочемъ, рѣдко, суглинокъ и песокъ. Въ немногихъ мѣстахъ уѣзда, напр. возлѣ села Улыбовки, Улыбовской волости, находятся незначительныя мѣловыя возвышенія.

Границы Вольскаго уѣзда слѣдующія: съ востока р. Волга, съ запада Кузнецкій уѣздъ, съ юга Саратовскій уѣздъ и съ сѣвера Хвалынскій уѣздъ.

Если Вольскій уѣздъ не богатъ рѣками, за то, повидимому, онъ имѣетъ обильные подземные источники прекрасной воды. Почти на каждомъ крестьянскомъ дворѣ можно встрѣтить колодезь, глубина котораго $1\frac{1}{2}$—2—3 сажени. Въ небольшомъ г. Шиханы находятся два обширные колодца, снабжающіе въ изобиліи водою все селеніе и огромную экономію, здѣсь находящуюся. Въ этомъ же селеніи есть два пруда, вода которыхъ постоянно пополняется изъ многочисленныхъ ключей. Вообще можно сказать, Вольскій уѣздъ не терпитъ недостатка въ водѣ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ уѣзда чувствуется недостатокъ въ водопояхъ для скота, стада котораго, въ лѣтній зной, должны дѣлать длинные переходы, чтобы дойти до ничтожной рѣчки, воду которой тотчасъ же возмутятъ и пьютъ не чистую воду, а воду, смѣшанную съ грязью и экскрементами.

Вольскій уѣздъ богатъ лѣсами, тянущимися иногда на нѣсколько тысячъ десятинъ. Эти лѣса принадлежатъ по большей части крупнымъ и *среднимъ землевладѣльцамъ*. Изъ породъ лѣсныхъ деревъ здѣсь пре-

обладаетъ: дубъ, береза, липа, осина и тальникъ, хвойныхъ же породъ чрезвычайно мало, изъ нихъ наичаще попадаются ель и сосна.

Въ послѣднее время вольскіе лѣса годъ отъ году рѣдѣютъ вслѣдствіе неправильныхъ порубокъ. И случается видѣть мѣста, гдѣ недавно росъ роскошный лѣсъ, усѣянныя одними только пнями или покрытыя жиденькимъ кустарникомъ, который не приноситъ рѣшительно никакой пользы. Усиленной эксплоатаціи лѣса какъ нельзя больше способствуетъ спросъ его на пароходы и желѣзныя дороги. Единственными поставщиками лѣса на пристани служатъ крупныя экономіи, крестьяне же свой лѣсъ употребляютъ для собственнаго домашняго обихода.

Климатъ Вольскаго уѣзда вообще удовлетворителенъ. Зимы въ Вольскомъ уѣздѣ непродолжительны. Снѣгъ выпадаетъ въ ноябрѣ и даже въ декабрѣ и начинаетъ таять въ мартѣ. Зимы бываютъ многоснѣжныя, съ болѣе или менѣе частыми вьюгами, но не очень холодныя; зимы здѣсь менѣе холодны, чѣмъ напр. въ Курской губ. Таяніе снѣга начинается въ концѣ марта и къ концу апрѣля снѣга уже нѣтъ въ поляхъ и Волга очищена отъ льда. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля начинаютъ ходить легкіе пассажирскіе пароходы. Въ это же время въ поляхъ и лѣсахъ начинается оживленіе природы. Лѣто въ уѣздѣ не всегда одинаково: въ иные годы дождливое, въ другіе—сухое. Такихъ жаровъ и засухъ, какіе мы видимъ въ южной Россіи, здѣсь почти не бываетъ. Засуха въ началѣ лѣта въ Вольскомъ уѣздѣ хотя нерѣдко и отзывалась неблагопріятно на всходящихъ хлѣбахъ, но въ срединѣ лѣта замѣнялась непродолжительными, но довольно обильными дождями,—не наносила вреда хлѣбамъ. Осень въ уѣздѣ продолжительная, въ началѣ сухая, ясная и довольно теплая, впослѣдствіи же дождливая и холодная.

Изъ дикихъ животныхъ, водящихся въ уѣздѣ, упомянемъ о волкѣ, лисѣ, зайцѣ, кроликѣ, суркѣ, ежѣ и барсукѣ. Изъ птицъ—о воронѣ, воробьѣ, грачѣ, синицѣ, уходѣ, драхвѣ, кукушкѣ, дикомъ гусѣ, дикой уткѣ и о скворцахъ (послѣднихъ изобиліе, чему, конечно, не мало способствуетъ похвальный обычай крестьянъ—строить скворешни).

Изъ пресмыкающихся упомяну о лягушкахъ, жабахъ, ящерицахъ, ужѣ, гадюкѣ и полозѣ или желтопузикѣ. Желтопузикъ встрѣчается рѣдко и я его видѣлъ только въ лѣсу Шиханской экономіи. Старожилы говорятъ, что въ прежнее время этихъ змѣй было больше и онѣ достигали болѣе значительной величины, чѣмъ теперь.

О минеральныхъ богатствахъ края ничего особеннаго не скажу, скажу только, что въ Ключевской волости, недалеко отъ с. Шиханъ, мнѣ случалось находить, впрочемъ рѣдко, куски кварца, съ вкрапленными въ нихъ мелкими, блестящими крупинками какого то металла, который, вслѣдствіе недостатка нужныхъ пособій, опредѣлить отказываюсь.

Естественныя условія не враждебны для успѣшнаго развитія сель-

ско-хозяйственной культуры, напротивъ, они даже благопріятствуютъ краю стать на прочную, вполнѣ раціональную экономическую почву, вслѣдствіе чего, приложивъ къ дѣлу знаніе, трудъ и настойчивость, можно повести улучшенное хозяйство, которое будучи основано на разумной эксплоатаціи земли, скота и лѣса, при благопріятствующихъ внѣшнихъ условіяхъ со стороны климата и почвы, способно, безъ значительныхъ затратъ капитала и въ сравнительно короткое время ступить на путь прогресса и принести большія чѣмъ въ настоящее время выгоды. Земледѣльцу Вольскаго уѣзда не придется, какъ видѣли выше, бороться съ суровостью климата, не придется ему почву очищать отъ валуновъ, какъ напр. въ Новгородской губерніи и Бѣлоруссіи, не придется дѣлать большія затраты капитала и прилагать тяжелый трудъ для воздѣлыванія безплодной, негодной почвы. Наконецъ, крестьянство Вольскаго уѣзда, стоя на болѣе высокой степени интеллектуальнаго своего развитія въ сравненіи съ крестьянствомъ другихъ губерній, крестьянство, у котораго развитъ ассоціальный духъ, у котораго замѣчается энергическое стремленіе къ наживѣ,—принявшись дружно за дѣло улучшенія своего экономическаго быта, конечно съ помощью земства, и отбросивъ вредные рутинные, завѣщанные „дѣдами и отцами", пріемы хозяйствованія, способно такое крестьянство, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, обогатить себя, обогатить край!

Вольскій уѣздъ культируется давно, населеніе его довольно значительно и, слѣдовательно, свободной отъ пахоты или луговъ земли очень мало. Вольскій уѣздъ не великъ: такъ, отъ города до западной окрайны его около 100 верстъ. Въ Вольскомъ уѣздѣ, какъ кажется, и въ прочихъ уѣздахъ по сю сторону Волги, нѣтъ и слѣда степей,— почти вездѣ идетъ эксплоатація земли.

Въ Вольскомъ уѣздѣ находится 24 волости, каждая волость состоитъ изъ 3—4—5 селеній. Одно селеніе отстоитъ отъ другаго не болѣе какъ на 10—15 верстъ. Вольскій уѣздъ до того преизобилуетъ селеніями, что случается встрѣчать нѣсколько селеній, скученныхъ въ одно или что одно селеніе отдѣляется отъ другаго только рѣкою.

Проѣзжая села и деревни Вольскаго уѣзда, туристъ, вообще говоря, не встрѣтитъ бѣдности въ средѣ крестьянства, не встрѣтитъ курныхъ, низкихъ, покривившихся избъ, какія встрѣчаются напримѣръ въ уѣздахъ среднихъ губерній Россіи. Взоръ туриста съ удовольствіемъ остановится на избахъ, хорошо срубленныхъ, высокихъ, свѣтлыхъ, не курныхъ; туристъ увидитъ обширные дворы и гумна, увидитъ большіе скирды хлѣба и сѣна на задахъ. Конечно, не безъ исключеній, встрѣчаются и грустныя картины.

Встрѣчаются обширныя, красивыя селенія съ широкими улицами, съ симметрично выстроенными избами и окруженныя обширными гумнами, огородами и изрѣдка садами. Встрѣчаются многочисленныя селенія, считающія *въ себѣ* 1,200—2,000 душъ. Изъ наиболѣе бога-

тыхъ селеній отмѣтимъ: с. Черкасское, с. Донгузъ и с. Воскресенское. Въ Вольскомъ уѣздѣ ежегодно бываютъ ярмарки. Эти ярмарки бываютъ въ с. Синодскомъ, с. Черкасскомъ, с. Донгузѣ, въ с. Колоярѣ. На эти ярмарки главнымъ образомъ доставляются: пшеница, масло, яйца, мясо, шкуры, овчины, лошади, медъ, холсты, веревки, лыки, лапти, пенька, домашняя посуда, идущіе изъ различныхъ пунктовъ уѣзда и селеній, ближайшихъ къ Вольскому, уѣздовъ. Изъ города купцы привозятъ красный товаръ (дешевые ситцы, платки, ленты и т. п.); мелкіе торгаши предлагаютъ крендели, лѣкарственныя вещества, дешевыя конфекты, пряники, орѣхи, сѣмена.

Вліяніе ярмарокъ на добывающую сельскую промышленность нельзя отвергать. Это вліяніе благотворно: ярмарки обусловливаютъ большое общеніе массъ народа, болѣе или менѣе скорый сбытъ продуктовъ, ярмарки знакомятъ крестьянъ мало по малу съ произведеніями цивилизаціи; ярмарки, наконецъ, представляютъ нѣкоторымъ образомъ мѣсто конкуренціи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Вполнѣ благопріятное вліяніе ярмарокъ на усовершенствованіе экономическаго быта крестьянства, полагаю, оказалось еще бы болѣе, если бы ярмарки были соединены съ выставками сельско-хозяйственныхъ произведеній и конкурсами ихъ.

На ярмаркахъ, какъ и на базарахъ и въ городѣ, плоды крестьянскаго труда сильно эксплоатируются такъ называемыми кулаками, безсовѣстными торгашами.

Перейдемъ непосредственно къ предмету нашей статьи.

Въ постояномъ пользованіи у вольскихъ крестьянскихъ обществъ земли находится:

Удобной	211,522	дес.	1,334	саж.
Лѣса	23,837	„	641	„
Итого	235,359	дес.	1,975	саж.

Это количество земли распредѣляется между крестьянами неравномѣрно. Больше земли находится у государственныхъ крестьянъ и у бывшихъ удѣльныхъ, меньше у крестьянъ временно-обязанныхъ. У первыхъ удобной и неудобной земли на душу приходится 6—8—10 десятинъ, у послѣднихъ 1½ дес.

Лѣсъ не у всѣхъ крестьянскихъ обществъ имѣется. У большинства крестьянъ лѣса нѣтъ, у нѣкоторыхъ же его на душу приходится ½—1—2 десятины.

Многія крестьянскія общества, чувствуя недостатокъ земли, берутъ землю у крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, платя за десятину пахоты 6—7—8, а иногда даже 10 руб. сер., за десятину луга 3—5 руб. Лѣсъ покупаютъ на срубъ по десятинно или собираютъ сухостой *и валежникъ, платя* за послѣдніе сравнительно незначительную цѣну. *Болѣе всего крестьянство* нуждается въ лугахъ.

Арендованіе луговъ, пахоты и покупка лѣса производится или одиночными крестьянами или обществами, что, конечно, выгоднѣе. Въ аренду земли берутся на годъ или, и это рѣже, на нѣсколько лѣтъ.

Образъ пользованія землею все тотъ же общинной, такъ мѣшающій усовершенствованію крестьянскихъ хозяйствъ. Вслѣдствіе такого ассоціаціоннаго землевладѣнія, система крестьянскихъ хозяйствъ—убыточная трехъ-польная система.

Крестьянскіе земельные надѣлы не всегда имѣютъ выгодныя границы. Нерѣдко случается видѣть черезполосность и изолированіе крестьянскихъ земель, окруженныхъ землями крупныхъ собственниковъ. Слѣдствія такого неудобнаго размежеванія крестьянскихъ земель тѣ, что многіе изъ крестьянъ должны сокращать свое скотоводство и платить частые штрафы.

Главный доходъ крестьянства,—это, конечно, доходъ, получаемый отъ земли, засѣваемой по большей части пшеницей. Посѣвы ржи, овса, проса и гречи ограничены какъ и посѣвы ячменя и льна. Тучная, черноземная почва уѣзда какъ нельзя больше благопріятствуетъ произростанію цѣнной пшеницы. Въ обыкновенный урожайный годъ пшеницы съ десятины собирается 7 мѣшковъ или 56 пуд. зерна, которое можетъ быть продано за 6—7—8 руб. мѣшокъ, слѣдовательно, съ десятины, засѣянной пшеницею, получится дохода 42—49—56 руб. Приводимое количество пшеницы съ десятины невелико, оно могло бы быть больше. Но какая же причина такой недостаточной урожайности. Почва, какъ видѣли выше, плодородна, климатъ довольно хорошъ, что же мѣшаетъ большимъ урожаямъ? Мѣшаетъ дурное, мелкое паханіе земли сохою, паханіе земли, такъ сказать, на скорую руку. Въ Шиханской экономіи, гдѣ земля взрывается улучшенными орудіями, гдѣ паханіе ея, слѣдовательно, глубоко и равномѣрно, урожай пшеницы далеко значительнѣе, чѣмъ у крестьянъ того же селенія, арендующихъ землю у той же экономіи, землю того же качества, какъ и та, гдѣ производится барская запашка.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вольскаго уѣзда крестьяне, повидимому, сознаютъ непригодность сохи для нашей тяжелой почвы и замѣняютъ ее плугами, но что же это и за плуги! Другая причина низкихъ урожаевъ пшеницы — это недоброкачественность и часто недостатокъ сѣмянъ для посѣва и рутинные пріемы обсѣмененія полей.

Третья причина низкихъ урожаевъ — причина случайная, это засухи, продолжающіяся иногда довольно долгое время и какъ будто нарочно въ то самое время, когда появляются всходы хлѣбовъ, — въ это время почва и воздухъ, дѣлаясь сухими, не доставляютъ подростающимъ хлѣбамъ — элемента — воды, нужной для растворенія питательнаго матеріала, и вотъ всходы блекнутъ, сохнутъ и когда пойдетъ дождь, то только $^1/_3$, $^1/_4$ всходовъ достигаетъ успѣшнаго, полнаго своего развитія.

Но несмотря на такой, сравнительно небольшой урожай пшеницы, крестьянинъ получаетъ достаточно дохода. Представимъ себѣ крестьянскую семью, состоящую изъ 8 душъ: отца — старика, его жены и двухъ женатыхъ сыновей съ двумя дѣтьми послѣднихъ. Эта семья владѣетъ среднимъ количествомъ земли—16 десят. пахоты, изъ которыхъ 4 дес. остается подъ паромъ, 2 десят. засѣваются овсомъ и просомъ, десять же десят. засѣваются пшеницею. Принявъ, что урожай пшеницы съ десятины будетъ 7 мѣшковъ или, переводя на деньги, 420—490—560 руб. Предполагая, что семья должна оставить для себя и на обсѣмененіе полей 420 пудовъ пшеницы,—лишняго зерна остается 140 пудовъ, которые можно продать за 105 р. — 122 р. 50 к. или за 140 р., чистый доходъ, не считая дохода отъ овса, проса, огорода, скота и пр.

Мы въ настоящее время отказываемся дать учетъ дохода и расхода крестьянскихъ хозяйствъ, но скажемъ, что дефицитъ въ вольскихъ крестьянскихъ хозяйствахъ рѣдокъ, что вольское крестьянство по большей части не только сводитъ „концы съ концами", но у него, если не случится неурожая, падежа скота и пожара, остается довольно почтенная цифра въ остаткѣ, за всѣми расходами.

О всеобщихъ неурожаяхъ въ Вольскомъ уѣздѣ я не слыхалъ. Если въ иные годы хлѣбъ и дурно родится, то не во всѣхъ пунктахъ уѣзда, а только въ немногихъ и въ тѣхъ именно, гдѣ на одномъ и томъ же участкѣ засѣвается пшеница нѣсколько лѣтъ сряду, гдѣ почва, эксплуатируясь давно, не получала и не получаетъ путемъ удобренія, нужныхъ для успѣшнаго произростанія хлѣбовъ веществъ.

Нѣкоторыми изъ крестьянъ разводятся бакчи арбузовъ, дынь, тыквъ и огурцовъ и засѣваются большія пространства подсолнечниками. Въ огородахъ крестьянъ преобладаютъ: картофель, капуста, тыква и лукъ.

Садовъ въ уѣздѣ очень мало. Они въ небольшихъ размѣрахъ находятся въ с. Донгузѣ, въ с. Балтаѣ, да еще кое-гдѣ. Эти сады почти не приносятъ дохода: скудныя количества вишенъ и яблокъ, собираемыя съ нихъ, уже до зимы съѣдаются владѣльцами садовъ.

Крестьянское скотоводство, какъ и земледѣліе, находится на той же степени развитія, какъ и десятки лѣтъ тому назадъ. Что же касается количества скота, то оно, вообще говоря, достаточно. На дворѣ мало-мальски зажиточнаго крестьянина находится: 1 дойная корова, 2 нетелы, 1 бычокъ, 2 лошади, 8—10 овецъ и домашняя птица (утки, гуси и въ особенности куры). Болѣе зажиточные крестьяне имѣютъ рогатаго скота до 10 головъ и овецъ до 15—20 и болѣе штукъ. Лошади у крестьянъ простой русской породы, онѣ мелки, слабосильны, неуклюжи, съ развалистою походкою и большимъ брюхомъ. У нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ-любителей встрѣчаются недурныя башкирки и довольно сносные метисы. — Крестьянскій крупный

рогатый скотъ туземной породы довольно рослъ и молоченъ: молоко даетъ вкусное, жирное, доставляющее достаточное количество сливокъ. Молока коровы даютъ, сравнительно съ содержаніемъ ихъ, довольно достаточное количество. Въ с. Царевщинѣ существующая экономія, принадлежащая графу Нессельроде, владѣя скотомъ заграничной улучшенной породы, давала быковъ крестьянамъ сказаннаго села, для улучшенія крестьянскаго скота. Вслѣдствіе этого въ настоящее время у крестьянъ с. Царевщины можно встрѣтить коровъ, въ которыхъ сохранились слѣды улучшенія русской породы тирольскимъ скотомъ; но сказанные метисы, вслѣдствіе необновленія крови, быстро ухудшаются.

Крестьянскія овцы всѣ простой русской породы, даютъ много шерсти и плодовиты. Козъ въ уѣздѣ содержится очень мало. Свиньи встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ и въ немногихъ селеніяхъ. Одна часть продуктовъ, получаемыхъ крестьянами отъ эксплоатаціи земли и скота, идетъ на собственныя потребности крестьянства, другая же часть ихъ идетъ въ продажу. Къ числу послѣдняго рода продуктовъ принадлежатъ: картофель, яйца, топленое коровье масло, колотые поросята, баранина, птица, овесъ, рожь, просо, греча, подсолнечное сѣмя, пенька и въ особенности пшеница, которая по большей части скупается кульками, нерѣдко за низкую цѣну.

Главные пункты сбыта сказанныхъ продуктовъ, — это ярмарки и базары въ уѣздѣ и городѣ.

Кромѣ вычисленныхъ источниковъ дохода, крестьянство имѣетъ и другіе источники. Такъ нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ содержатъ земскую ямщину, получая въ годъ на лошадь 70—90 р. или берутъ подряды на земскія постройки.

Крестьяне, живущіе при Волгѣ, занимаются рыболовствомъ, получая немалыя выгоды отъ продажи стерлядей, сазановъ и другой цѣнной рыбы.

Крестьяне, живущіе по близости экономій, работаютъ на послѣднія, за что женщины въ сутки получаютъ 15—20 к., мужчины 40 к. и болѣе. Нѣкоторые изъ крестьянъ содержатъ довольно большіе гурты убойнаго скота, сбываемаго въ г. Вольскѣ и на уѣздныхъ ярмаркахъ.

Масса крестьянъ ежегодно отправляется, по окончаніи жатвы, „за Волгу“, откуда каждый работникъ приноситъ домой чистаго заработка 6—10—15 и болѣе рублей.

Вотъ главные источники доходовъ крестьянъ, не считая другихъ, такихъ какъ напр. доходъ отъ продажи поташной золы, получаемой отъ сожиганія сорныхъ травъ.

Вольское крестьянское хозяйство, какъ и хозяйство прочихъ мѣстностей Россіи, продолжаетъ идти по пути рутины. Тѣ же способы обработки земли, тѣ же древнія, неудовлетворительныя сельско-хозяйственныя орудія, та же трехпольная убыточная система земледѣлія и проч., однимъ словомъ, какъ крестьянское хозяйство шло 20—40 лѣтъ тому

назадъ, такъ и въ настоящее время идетъ, не отклоняясь нисколько отъ избитаго пути. Говорятъ: „наши дѣды и отцы такъ пахали, а хлѣба имѣли больше, чѣмъ мы". Правда, но то время было иное, тогда почва представляла нетронутую цѣлину, которая, кое-какъ взрыхленная, приносила роскошные плоды. Но это благодатное время кануло въ вѣчность. Почва, цѣлые вѣка неразумно эксплуатируемая, въ настоящее время настоятельно требуетъ удобренія. Но наше крестьянство объ этомъ не думаетъ. Рѣдкій, рѣдкій мужикъ, и то только „для пробы", вывезетъ телѣгу, другую навоза въ поле и сброситъ его, не запахавъ. Развѣ это удобреніе?—Или вывезетъ крестьянинъ въ поле побольше навоза, разбросаетъ его, какъ попало, нисколько не сообразуясь съ временемъ года и, въ случаѣ если не окажется удобряющаго дѣйствія на почву нераціонально употребленнаго навоза, вполнѣ убѣждается, „что навозомъ видно землю не удобрить".

Рутинные пріемы при воздѣлываніи земли, старинныя орудія, употребляемыя при этомъ, сколько требуютъ они труда и какую ничтожную пользу приносятъ. Возьмите, напр. молотьбу хлѣба лошадьми. Какъ измучится самъ крестьянинъ и какъ измучитъ онъ лошадей и въ результатѣ получитъ хлѣбъ полувымолоченный, хлѣбъ, въ колосьяхъ котораго остается много зерна, многія зерна разбиты, цѣлая масса зеренъ смѣшана съ землею, пескомъ, которые нужно отдѣлить вѣяніемъ лопатами, что опять отыметъ и много времени, много труда и много зеренъ.

Нельзя сказать о всей массѣ вольскаго крестьянства, чтобы оно не старалось улучшить экономическій бытъ свой,—нѣтъ, попытки къ улучшенію есть, но эти попытки, вслѣдствіе недостатка раціональныхъ агрономическихъ познаній, недостатка поощренія и пр.—остаются, къ сожалѣнію, только попытками.

16. Характеристика Ярославскаго крестьянина.

Большинство селеній Ярославской губерніи обстроены хорошо: очень мало такихъ околодковъ, гдѣ съ перваго взгляда обнаруживается бѣдность или неряшество жителей; такіе участки слывутъ въ народѣ больше подъ именемъ „сѣрыхъ", а иногда „телячьихъ угловъ". Дома по преимуществу высокіе и просторные, крыты большею частью тесомъ; встрѣчается довольно домовъ двухъэтажныхъ и почти всѣ они устроены съ такъ называемыми „подъизбицами" или „подклѣтями", замѣняющими то подвалы, то помѣщенія для скота, въ особенности молодаго. Въ неразрывной связи и подъ одну крышу съ жилымъ отдѣленіемъ идутъ разныя хозяйственныя пристройки, чуланы, кладовыя, а также свѣтлицы или „холодники" и „пристѣнчики"—лѣтнія помѣщенія хозяевъ, по преимуществу дѣвицъ; въ одномъ ряду съ подъизбицею, подъ этими

„холодными“ или „холостыми“ отдѣленіями, располагаются хлѣва и конюшни. Самые дворы почти вездѣ крытые. Наружность домовъ большею частью красива, иногда даже затѣйлива: карнизы, косяки оконъ и дверей иногда съ рѣзьбой, или размалеваны; внутри домовъ встрѣчается опрятность, а нерѣдко и щеголеватость, желаніе хозяина выказать себя не простымъ крестьяниномъ-земледѣльцемъ, а зажиточнымъ торговцемъ.

Впрочемъ, относительно благовидности ярославскихъ крестьянскихъ домовъ и быта, нельзя не замѣтить, что она весьма нерѣдко служитъ выраженіемъ тщеславія, хвастовства и нерасчетливой траты капитала, нежели доказательствомъ сознательной и вполнѣ усвоенной привычки къ удобствамъ, комфорту. Все затѣйливое и щеголеватое чаще дѣлается на показъ, на похвальбу передъ другимъ, а не для дѣйствительнаго удовлетворенія собственныхъ потребностей. Поэтому между ярославскими крестьянами чаще, нежели гдѣ нибудь, не умѣешь различить тароватаго отъ богатаго. Какъ скоро удачныя промышленныя предпріятія помогутъ крестьянину опериться, онъ первымъ долгомъ считаетъ выказать это передъ своими односельцами, дѣлающимися тогда его поклонниками, и потому строитъ себѣ на родинѣ домъ, по возможности лучшій въ околодкѣ, не заботясь ни о глуши, которая окружаетъ селеніе и дѣлаетъ его неизвѣстнымъ на разстояніи болѣе 10 верстъ, ни о томъ, что хозяину капитальнаго строенія, большею частью, приходится бывать весьма рѣдко и кратковременнымъ гостемъ дома, ни даже о томъ, что за отсутствіемъ всей его семьи, хорошій домъ простоитъ съ заколоченными на глухо окнами и дверями и сгніетъ совершенно безъ пользы.

Коснувшись внѣшней обстановки быта жителей Ярославской губерніи, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ объ ихъ физическихъ и нравственныхъ чертахъ. Ярославцы — народъ, по преимуществу правильнаго и красиваго типа, что усвоило за ними прозвище „бѣлотѣловъ“. При всемъ томъ, большинство состоитъ изъ людей средняго роста, и давно уже замѣчено рекрутскими присутствіями, что здѣсь очень нерѣдко отказывается въ пріемѣ рекрута, по причинѣ малаго роста. Отличаясь ловкостью, проворствомъ, живостью движеній, ярославецъ далеко уступаетъ жителямъ губерній болѣе южныхъ въ развитіи физической силы, къ переносливости тяжелыхъ работъ, хотя и не чуждается ихъ совершенно, да и вообще не боится труда и работы, охотно берется за все и во всемъ выказываетъ сметливость. Малоземельность и скудность почвы давно пріучили здѣшняго жителя къ изъизысканію всѣхъ возможныхъ средствъ къ существованію, давно познакомили его съ чужой стороной и, наконецъ, „отходъ на сторону“ онъ обратилъ въ постоянный и обширный источникъ своего благосостоянія. Отлучки мужчинъ — главной рабочей силы — имѣютъ слѣдствіемъ то, что во многихъ мѣстахъ губерніи значительная часть полевыхъ работъ произ-

водится женщинами и дѣтьми. Отъ этого здѣсь работящъ и привыченъ къ труду и женскій полъ и рано знакомится съ хозяйственными порядками каждый крестьянскій мальчикъ.

Относительно нравственныхъ свойствъ здѣшняго народа можно сказать, что въ немъ въ замѣчательной степени выдаются всѣ хорошія и всѣ дурныя стороны національнаго славянскаго характера. Врожденный умъ, смѣтливость, сноровка на все развиты въ ярославцѣ его бывалостью во всѣхъ концахъ Имперіи, а иногда и заграницею. Онъ приглядѣлся къ быту, потребностямъ и нуждамъ обитателей всѣхъ посѣщенныхъ имъ мѣстъ, а потому съумѣетъ приноровиться ко всѣмъ людямъ, найтись въ разныхъ обстоятельствахъ и извлечь для себя выгоду или, по крайней мѣрѣ, выйти безъ большихъ потерь. Не избѣгая работъ всякаго рода, но склонный преимущественно къ занятіямъ торгово-промышленнымъ, ярославецъ предпріимчивъ въ этихъ случаяхъ и не останавливается въ средствахъ, не удерживается и разстояніями. Вращаясь между людей всѣхъ классовъ и по преимуществу въ столицахъ и большихъ городахъ, онъ усвоилъ себѣ особую манеру обращенія, вѣжливую, вкрадчивую, то льстивую и уклончивую, то самоувѣренную, подзадоривающую и вызывающую. Эта самая манера обезпечиваетъ ему успѣхъ въ достиженіи цѣли и даетъ верхъ надъ соперниками по одному съ нимъ роду занятій; но вмѣстѣ съ тѣмъ она же дѣлаетъ ярославца лукавымъ и склоннымъ къ обману, который, впрочемъ, не считается грѣхомъ и порокомъ между большинствомъ нашего торгово-промышленнаго класса. Жизнь въ городахъ, служба въ трактирныхъ заведеніяхъ, познакомивъ ярославца съ употребленіемъ и цѣнностью разныхъ предметовъ, пріучила его смотрѣть на многіе изъ нихъ, какъ на необходимую потребность, а иногда жить выше средствъ своихъ. Выше было замѣчено, что неразсчетливо строятся иными ярославцами большіе дома; здѣсь прибавимъ, что они, и мужчины, и женщины, также любятъ щеголять и нарядами и вообще по одеждѣ и обстановкѣ казать себя болѣе горожанами, чѣмъ поселянами. Постоянныя отлучки изъ дому, иногда обращающіяся въ продолжительное проживаніе на сторонѣ, производятъ то невыгодное вліяніе на ярославцевъ, что они дѣлаются космополитами, отстаютъ отъ семейной жизни, свыкаются съ бездомничествомъ, неосѣдлостію, втягиваются въ трактирный разгулъ, а при неудачѣ и вовсе теряются. Неблагопріятными послѣдствіями отзывается это и между остающимися на родинѣ: вслѣдствіе продолжительныхъ отсутствій мужей и отцевъ, женщины здѣсь не могутъ похвалиться безупречной нравственностью, а возвращающіеся на побывку трактирно-цивилизованные ихъ родственники и односельцы наклонны къ поддержанію и распространенію идей о свободной и легкой жизни. Отъ того-то на Руси за коренными ярославцами утвердилось *укоризненное прозвище* „кукушкиныхъ дѣтей“. Грамотность между *ярославскимъ населеніемъ* распространена значительно: къ этому способство-

вали и способствуютъ, какъ убѣжденіе въ выгодахъ знанія грамоты для каждаго промышленнаго и торговаго человѣка, такъ и вліяніе раскола, утвердившагося здѣсь съ первыхъ дней появленія его на землѣ Русской. Многіе изъ главныхъ основателей и двигателей раскола, современники реформъ патріарха Никона, были или урожденцы, или жители ярославскаго края и ближайшихъ къ нему мѣстъ: Лазарь—попъ въ г. Романовѣ, Капитонъ—чернецъ Колясниковой пустыни, Никита—протопопъ Суздальскій, Аввакумъ—протопопъ Юрьевецкій, Даніилъ—Костромской, Логинъ — Муромскій; въ здѣшней же сторонѣ явился и хлыстовскій богъ-Саваоѳъ, здѣсь же въ позднѣйшее время возникло и организовалось ученіе странническое. Подъ вліяніемъ этихъ людей сильно развилась въ народѣ наклонность къ религіозной критикѣ и, при недостаткѣ основательныхъ понятій о вѣрѣ, при распространенности и закоренѣлости древнихъ суевѣрій, это стремленіе естественно должно было принять самое неправильное направленіе. Такимъ образомъ, одна изъ лучшихъ сторонъ характера русскаго человѣка—религіозность и набожность — въ ярославскомъ населеніи хотя и прочны, однако помрачаются множествомъ заблужденій, сдѣлавшихся такъ присущими ему, что они усвоены даже и тѣми, которые считаютъ себя несомнѣнными сынами господствующей церкви. Сельскихъ училищъ въ губерніи было прежде весьма немного, да и то въ казенныхъ только селеніяхъ: въ настоящее время ихъ считается до 150, изъ которыхъ 55 въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ почти всѣ открылись по упраздненіи крѣпостнаго права.

Должно, однако, замѣтить, что все сказанное не въ одинаковой степени принадлежитъ всему населенію Ярославской губерніи. Жители тѣхъ частей, гдѣ наиболѣе занимаются земледѣліемъ (какъ напр. въ Мышкинскомъ у.) или другими мѣстными промыслами (въ Пошехонскомъ и Моложскомъ у.), вообще по характеру, развитію и образу жизни значительно отличаются отъ жителей тѣхъ околодковъ, гдѣ въ особенности господствуетъ „отходъ на сторону“. Мышкинцы сами зовутъ себя людьми „сѣрыми“, а пошехонцы въ народномъ мнѣніи считаются вообще далеко неразвитыми, простоватыми и легковѣрными. О нихъ ходитъ много разсказовъ, доказывающихъ ихъ несообразительность: какъ, наприм., они заплутались между трехъ сосенъ; какъ не могли разобрать, чьи ноги подъ столомъ; какъ встащили на избу корову, чтобы она съѣла выросшую тамъ траву и пр. Подобные шутовскіе разсказы распространены и о костромскихъ галичанахъ, хотя тѣ, въ свою очередь, разсказываютъ, будто и ростовцы повѣрили, что ихъ озеро сгорѣло. Эти насмѣшки жителей одной области надъ жителями другой ведутъ свое начало изстари и, быть можетъ, имѣли основаніемъ какіе либо частные случаи; но повторяемые въ настоящее время не всегда могутъ служить вполнѣ вѣрною характеристикою описываемаго *народа. Что пошехонцы* во многомъ уступаютъ жителямъ другихъ уѣз-

довъ, это справедливо, тѣмъ не менѣе они вовсе не такъ простодушны, какъ хотятъ представить ихъ.

Населеніе Ярославской губерніи состоитъ все изъ людей чисто-русскихъ. Древняя Меря слилась совершенно съ Славянами, принявъ ихъ языкъ, нравы, обычаи и вмѣстѣ съ ними просвѣтилась христіанствомъ. Позднѣе явившіеся Татары точно также частію исчезли въ массѣ господствующаго народа, частію же выселились. Въ настоящее время изъ иноплеменниковъ здѣсь считаются до 550 душъ обоего пола Цыганъ, приписанныхъ къ мѣщанскимъ обществамъ въ Угличѣ, Рыбинскѣ, Романовѣ, Ярославлѣ и Даниловѣ; они не имѣютъ ни малѣйшаго расположенія къ постоянной осѣдлости, къ постоянному и правильному труду; торгашество, барышничество, особенно лошадьми, пѣсенничество съ пляскою, ворожба—вотъ исключительныя занятія этихъ людей. Точно также въ Ярославской губерніи есть Евреи, Поляки, Нѣмцы, Французы: это большею частью люди одинокіе, безсемейные, или породнившіеся съ коренными туземцами; впрочемъ, въ самомъ Ярославлѣ водворилось и нѣсколько семействъ католическихъ и протестантскихъ.

Сверхъ того жители Моложскаго уѣзда по р. Сити носятъ названіе *Сицкарей* (т. е. Ситскарей), а весь этотъ околодокъ именуется *Ситчиной*. Эти названія доказываютъ, что въ народѣ до сихъ поръ здѣшняя мѣстность и ея населеніе считаются какимъ то особнякомъ. Основаніе этому, безъ сомнѣнія, должно быть этнографическое, что можно заключать и по исторіи этого края. Дѣйствительно, Сицкари по типу своему, образу жизни и въ особенности по нарѣчію, значительно отличаются отъ прочаго населенія. Это народъ вообще средняго роста, обыкновенно—рыжевато русый (совершенно рыжіе, какъ и совершенно черноволосые, встрѣчаются весьма рѣдко), съ незначительною растительностью волосъ на бородѣ; части тѣла у Сицкарей вообще соразмѣрны росту, но замѣчательна какая то особенная одутловатость лица; походка Сицкарей развалистая. При крѣпости сложенія и неутомимости въ физическомъ трудѣ, они медленны, неразвязны въ движеніяхъ, да и вообще сдержаны въ поступкахъ, не обнаруживаютъ такой предпріимчивости, какою отличаются ярославцы. Точно также нѣтъ въ нихъ и рѣзко выдающейся наклонности къ особенной щеголеватости: въ одеждѣ и въ домашнемъ быту они весьма незатѣйливы, довольствуются немногимъ. Въ говорѣ Сицкарей замѣчательна та особенность, что преимущественно они говорятъ нѣсколько нараспѣвъ, вмѣсто *ч* произносятъ *ц*, звукъ *д* пополняютъ звукомъ *з* (дзеревня, дзядя), а иногда и вовсе опускаютъ, особенно предъ *н* (ии-иди, нно-дно), дѣлаютъ и другія неправильности въ окончаніяхъ глаголовъ, въ смягченіи нѣкоторыхъ буквъ; но словъ, совершенно непонятныхъ, употребляютъ не много. Прибавимъ, что женщины говорятъ вообще хуже мужчинъ. Кромѣ земледѣлія, Сицкари преимущественно занимаются разными лѣсными промыслами и особенно строеніемъ

барокъ, и о нихъ говорятъ: „Сицкаря топоръ одѣваетъ и обуваетъ, а соха кормитъ“; на сторону для заработковъ отходятъ немногіе и въ недальнія мѣста. Сицкарей обыкновенно признаютъ обрусѣвшими Карелами, потомками тѣхъ Кареловъ, которые въ половинѣ XVII ст. „вышли изъ-за Свейскаго короля на государево имя, для христіанскія вѣры и поселились на государевыхъ порозжихъ мѣстахъ, гдѣ были лѣса большіе и болота топкія“. Мнѣніе это совершенно справедливо, потому что по переписнымъ книгамъ 1662 и 1678 г. такіе Карелы значились въ Углицкомъ и Ярославскомъ уѣздахъ, а предѣлы этихъ уѣздовъ въ ту пору простирались именно до границъ нынѣшней Тверской губерніи, гдѣ въ особенности водворились эти выходцы. Въ Тверской губерніи Карелы донынѣ сохранили еще свой языкъ, потому что тамъ они жили и живутъ болѣе сплошными группами; а здѣшніе Сицкари составляли уже послѣднюю окраину карельскихъ колоній и, окруженные русскими, начинаютъ совершенно сливаться съ ними.

III.

1. Сельское хозяйство въ поволжск. губерніяхъ вообще.

Тверская губернія. Тверская губернія, расположенная на Алаунской плоской возвышенности, представляетъ возвышенную площадь, расширяющуюся отъ запада къ востоку. Площадь Тверской губерніи опредѣляется въ 1.171 кв. м. Количество неудобныхъ земель въ губерніи до 400.000 десятинъ; большая часть ихъ состоитъ изъ болотъ, озеръ и пр.; всего обширнѣе и многочисленнѣе болота въ у. Осташковскомъ, Бѣжецкомъ, Вышневолоцкомъ, Корчевскомъ, Тверскомъ и Новоторжскомъ. Такое обиліе болотъ и озеръ, поросшихъ обширными лѣсами, въ связи съ неплодородною почвою, преимущеетвенно глинистою и песчаною, служитъ главнѣйшею причиною неразвитія хлѣбопашества, такъ какъ неблагодарная почва, а равно и незначительные душевые надѣлы (4 дес.) безъ упорнаго труда и усовершенствованныхъ орудій не только не даютъ необходимаго капитала для удовлетворенія нуждъ сельскаго быта, но даже не всегда обезпечиваютъ земледѣльцу собственное продовольствіе. Между тѣмъ существованіе множества весьма разнообразныхъ видовъ мелкой промышленности, близость столицъ и легкость передвиженія по желѣзнымъ и водянымъ путямъ въ другія мѣстности, даютъ возможность, при меньшемъ, сравнительно, трудѣ, расчитывать на извѣстный заработокъ. Это обстоятельство является причиною того, что болѣе здоровая и способная часть населенія не довольствуется обстановкою земледѣльца, веденіе же хозяйства людьми большею частью неспособными, пожилыми и подростками, вызываетъ тотъ жалкій результатъ отъ земледѣлія, который каждогодно выражается въ

урожаяхъ самъ 2 или 3. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ только тѣ крестьянскія хозяйства, при которыхъ сверхъ надѣла обработывается земля, купленная отъ помѣщиковъ. Въ Тверской губерніи засѣвается преимущественно рожь и овесъ и отчасти ячмень; однако ржи недостаточно даже на собственное продовольствіе населенія и недостатокъ этотъ достигаетъ до 1,230.000 четвертей. Потребное количество ржи для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ подвозится по судоходнымъ путямъ изъ волжскихъ губерній. Изъ Тверской же губерніи идетъ на продажу преимущественно въ Петербургъ только овесъ и ячмень, которые, по малому развитію скотоводства, употребляются на мѣстѣ мало.

Система хозяйства у крестьянъ большею частью трехпольная, искусственнаго удобренія не употребляется. Травосѣяніе между крестьянами не въ ходу, такъ какъ луговъ достаточно; но несмотря на обиліе пастбищъ и луговъ, скотоводство не особенно развито. Улучшенную породу лошадей и скота можно встрѣтить только у богатыхъ землевладѣльцевъ; тонкорунного овцеводства совсѣмъ не существуетъ. Скотоводство въ губерніи не мало терпитъ отъ сибирской язвы, чумы и другихъ болѣзней. Рогатый скотъ въ послѣднее время приноситъ мѣстному населенію ту пользу, что изъ молока приготовляютъ сыры и бьютъ масло, сбываемое преимущественно въ столицахъ.

Что касается до способовъ веденія хозяйства землевладѣльцами, то порядокъ обработки земель у нихъ различный и сообразуется съ мѣстными условіями; но преимущественно установилось хозяйство съ наемными работниками.

Говоря вообще, количество запашекъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ повсемѣстно значительно сократилось послѣ освобожденія крестьянъ, тогда какъ крестьянскіе посѣвы въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ напр. въ Корчевскомъ, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе увеличиваются, такъ какъ крестьяне постепенно скупаютъ и арендуютъ земли у помѣщиковъ и купленныя угодья засѣваютъ въ дополненіе къ своимъ надѣламъ (4 дес.).

Ярославская губернія. Въ Ярославской губерніи преобладаетъ почва глинистая, суглинистая и иловатая и не обезпечиваетъ жителямъ продовольствія и денежныхъ средствъ. Въ немногихъ только мѣстахъ лежитъ черноземъ (въ Даниловскомъ уѣздѣ и въ Ростовскомъ). Система хозяйства въ Ярославской губерніи повсемѣстно трехпольная съ главными посѣвами ржи и овса. Пахотныхъ полей болѣе всего въ юго-восточной части губерніи. Душевой надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 3 дес.; для удѣльныхъ и государственныхъ также 3 д.

Въ губерніи сѣютъ преимущественно рожь и овесъ. Средніе урожаи на крестьянскихъ поляхъ самъ 4 для озимыхъ хлѣбовъ, а для яровыхъ самъ 3. Самымъ урожайнымъ уѣздомъ считается Мышкинскій, сѣверная часть котораго сплошь занята плодородными пашнями, а так-

же Пошехонскій. Производимаго Ярославскою губерніею хлѣба недостаетъ на продовольствіе населенія, ввозится ежегодно хлѣба на 4,000.000 руб., сбываетъ же губернія овесъ, ленъ и картофель.

Кромѣ земледѣлія, почти вездѣ въ губерніи существуетъ огородничество, въ особенности въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ селахъ Порѣчье, Воржа, Борисовское и др. Ярославскіе огородники извѣстны по всей Россіи; главными произведеніями здѣшнихъ огородовъ являются: цикорій, сахарный горохъ и различныя душистыя травы. Центромъ и главнымъ двигателемъ этого огородничества признается с. Порѣчье, гдѣ разведеніе цикорія и горошка водворено крестьянами Коховымъ и Лялинымъ въ 1805 г. Изъ Порѣчья вокругъ Ростовскаго озера этотъ промыселъ распространился въ окрестныя селенія верстъ на 20 въ окружности. Промыселъ огородническій, сдѣлавшись здѣсь господствующимъ, при недостаткѣ земель и избыткѣ рабочихъ рукъ, служитъ причиною отлучекъ мѣстныхъ жителей въ Петербургъ и Москву. Равнымъ образомъ въ Ростовскомъ же уѣздѣ жители занимаются садоводствомъ, разводя преимущественно ягоды.

Посѣвы льна распространены преимущественно въ Ярославскомъ уѣздѣ, гдѣ центромъ этого промысла служитъ с. Великое. Особенно въ благопріятныхъ условіяхъ находится разведеніе льна въ Пошехонскомъ уѣздѣ, гдѣ климатъ отличается влажностью и гдѣ есть много низкихъ мѣстъ вблизи озеръ и рѣкъ. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ существованіе крестьянина считается невозможнымъ безъ воздѣлыванія льна. По приблизительному расчету, общее количество воздѣлываемаго льна опредѣляется въ 500.000 пудъ. Вообще говоря, вездѣ въ Ярославской губерніи, гдѣ только позволяетъ почва, выдѣлывается ленъ и притомъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы его доставало не только на домашнія потребности, но и для продажи. Не только бѣлье, но даже и обувь, во многихъ мѣстахъ изготовляется изъ льна. Обработка льна и заготовленіе пряжи, нитокъ, холстовъ и полотенъ, составляетъ неизбѣжное занятіе ярославской крестьянки въ длинные зимніе вечера.

Что касается до способовъ веденія хозяйства помѣщиками, то они зависятъ отъ того условія, уходятъ ли мѣстные крестьяне въ отхожіе промыслы или остаются дома, и можетъ ли хозяйство быть обезпечено рабочими руками. Въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне остаются дома, трудъ дешевле, и хозяйственныя работы болѣе обезпечены. Хорошихъ хозяйствъ, впрочемъ, въ губерніи очень мало. Причина этому — частью недостатокъ капиталовъ, но главное — отсутствіе необходимыхъ знаній и непривычка вести дѣло наемнымъ трудомъ.

Землевладѣльцы ведутъ свое хозяйство разными способами: или отдаютъ крестьянамъ земли въ аренду, большею частью краткосрочную, или же обработываютъ земли вольнонаемнымъ трудомъ, хотя при значительно уменьшенной запашкѣ; или же сдаютъ крестьянамъ за *извѣстную часть урожая* исполу, изъ трети и т. д. Число помѣщичьихъ хо-

зяйствъ въ Ярославской губерніи съ каждымъ годомъ уменьшается и только тѣ имѣнія приносятъ хорошій доходъ, при которыхъ есть винокуренные заводы.

Скотоводство находится въ далеко неудовлетворительномъ состояніи, и количество скота послѣ уничтоженія крѣпостнаго права значительно уменьшилось. Главная причина тому заключается въ отрѣзкѣ настбищъ при надѣлѣ крестьянъ и увеличеніи льняныхъ посѣвовъ, вліяющихъ на уменьшеніе посѣвовъ яровыхъ хлѣбовъ, солома которыхъ идетъ на кормъ скоту.

Костромская губернія. Преобладающая почва губерніи суглинистая и супесчаная, мѣстами глинистая, песчаная, а въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ подзольная. Суглинистая почва, занимающая большую часть губерніи, встрѣчается преимущественно въ волнистыхъ мѣстностяхъ, глина—на буграхъ и холмахъ; всѣ низменности и побережья рѣкъ заняты супескомъ и пескомъ, черноземъ же находится на небольшомъ пространствѣ въ одномъ Нерехотскомъ уѣздѣ. При неблагопріятныхъ условіяхъ климата и почвы и плохой обработкѣ земель, хлѣбопашество въ Костромской губерніи стоитъ на низкой степени развитія, хотя имъ занимаются повсемѣстно. Хлѣба производится въ недостаточномъ количествѣ для продовольствія самихъ производителей; исключеніе составляютъ Чухломскій и Галичскій уѣзды, которые въ урожайные годы высылаютъ свой небольшой хлѣбный избытокъ въ Вологодскую губернію. Недостатокъ хлѣба пополняется привозомъ его по Волгѣ изъ низовыхъ губерній, или же изъ Вятской губерніи, гдѣ главными пунктами хлѣбной торговли считаются Яранскъ и Котельничъ.

Господствующая система земледѣлія въ Костромской губерніи трехпольная, но кромѣ того повсемѣстно встрѣчается еще такъ называемая „подсѣчная.“ Способъ обработки подсѣкъ далеко не одинаковъ въ разныхъ мѣстностяхъ; большею частью онѣ устраиваются такимъ образомъ: весною, когда появятся листья, срубаютъ съ деревьевъ вѣтви и валятъ самый лѣсъ; въ срединѣ лѣта, когда срубленный лѣсъ достаточно просохнетъ, выбираютъ изъ него деревья, годныя на постройку, а остальныя сжигаютъ. Въ слѣдующую весну подсѣки очищаютъ отъ головней и засѣваютъ пшеницей, на второй годъ овсомъ или горохомъ, на третій рожью. Послѣ трехлѣтняго посѣва, подсѣки оставляются на отдыхъ лѣтъ на 15 или на 20, до появленія молодаго лѣса, послѣ чего иногда къ нимъ снова возвращаются для посѣвовъ.

Средніе урожаи озимаго хлѣба самъ 4, а для яроваго самъ 3.

Положеніе крестьянскихъ хозяйствъ въ Костромской губерніи неудовлетворительно по слѣдующимъ причинамъ: 1) Хлѣбопашество не обезпечиваетъ населенія, благодаря скудной почвѣ и невыгоднымъ климатическимъ условіямъ, вслѣдствіе чего крестьяне должны искать заработковъ въ лѣсныхъ и отхожихъ промыслахъ и въ работахъ на *фабрикахъ, отдѣляя для* этого лучшія свои силы. Оттого во многихъ *мѣстностяхъ для занятія* хлѣбопашествомъ остаются только старики,

женщины и дѣти, и поля обработываются крайне небрежно. 2) Крестьянскія поля весьма скудно удобряются по причинѣ ограниченности скотоводства, проистекающей, въ свою очередь, отъ недостатка луговъ и выгоновъ въ составѣ крестьянскихъ надѣловъ (надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 4,8 десятины, удѣльныхъ—тоже, а государственныхъ—5,7 десят.). 3) Нерѣдки случаи продажи сѣменнаго хлѣба и скота, къ которой крестьяне бываютъ вынуждены прибѣгать для покрытія своихъ нуждъ и уплаты денежныхъ повинностей. Что касается хозяйствъ частныхъ землевладѣльцевъ, то недостатокъ денежныхъ средствъ, а также знаній для разумнаго веденія сельскаго хозяйства, малопроизводительность полей заставляютъ многихъ изъ владѣльцевъ оставлять усадьбы, сдавая ихъ въ аренду или же значительно сокращать запашки. Вообще въ Костромской губерніи выгодно ведутъ хозяйство только весьма немногія усадьбы, въ которыхъ введено травосѣяніе и земледѣльческія усовершенствованныя орудія, или же усадьбы, гдѣ еще не истощена почва, или подгородныя усадьбы, которыя имѣютъ возможность пріобрѣтать навозъ изъ города по дешевымъ цѣнамъ. Самый бѣдный край относительно продовольствія составляютъ юго-западные или приволжскіе уѣзды; въ нихъ преимущественно развиты фабрично-заводская и кустарная промышленности и льноводство, и гдѣ населеніе постоянно можетъ расчитывать на привозный край по невысокимъ цѣнамъ съ пристаней нижней Волги. Здѣсь земледѣліе въ такомъ упадкѣ, что во многихъ мѣстахъ крестьянамъ достаетъ собственнаго хлѣба только на три или на четыре мѣсяца.

Виды хлѣбовъ. Въ Костромской губерніи сѣется преимущественно рожь; яровая пшеница сѣется въ небольшомъ количествѣ повсемѣстно, преимущественно на огнищахъ, или новяхъ, т. е. на расчищенныхъ изъ подъ лѣсу участкахъ. Овесъ сѣется также повсемѣстно, у крестьянъ болѣе обыкновенный русскій овесъ, а у помѣщиковъ англійскій кустовой и другихъ сортовъ. Ячмень сѣютъ вездѣ, точно также какъ и горохъ, послѣдній въ небольшомъ количествѣ. Озимые посѣвы ранніе начинаются съ 1 Августа и продолжаются почти до 20 числа. Яровые хлѣба, овесъ и горохъ, начинаютъ сѣять въ первыхъ числахъ Мая. Вообще овесъ стараются сѣять какъ можно раньше, пока поля не обсохли. Ленъ, пшеницу, коноплю и ячмень сѣютъ около 20 Мая, вообще самые ранніе посѣвы бываютъ въ первыхъ числахъ Мая, а самые поздніе въ концу этого мѣсяца.

Ранняя жатва озимаго хлѣба начинается около 20 и даже 15 Іюля, поздняя около 1 Августа и продолжается до половины, а иногда до конца Августа. Жатва яровыхъ начинается самая ранняя около 1-хъ чиселъ Августа, преимущественно жатва ячменя, который поспѣваетъ ранѣе другихъ яровыхъ. Затѣмъ жнутся пшеница и другіе яровые хлѣба, по мѣрѣ того, какъ они поспѣваютъ; овесъ же поспѣваетъ здѣсь послѣ всѣхъ яровыхъ хлѣбовъ, такъ что овесъ позднихъ

посѣвовъ иногда не успѣваютъ сжать до наступленія морозовъ. Жатва яровыхъ хлѣбовъ вообще продолжается весь Августъ и оканчивается въ Сентябрѣ.

По снятіи, хлѣбъ, свезенный съ полей, сушится въ овинахъ обыкновеннаго устройства, или съ ямами или съ печами для топки; печи въ овинахъ можно найти весьма рѣдко. Послѣ уборки хлѣба начинается тотчасъ его молотьба, это бываетъ въ Сентябрѣ и Октябрѣ. Хлѣбъ молотится цѣпами и на молотилкахъ. Вымолоченный хлѣбъ очищается (вѣется) лопатами; во многихъ же помѣщичьихъ имѣніяхъ вѣялками.

Нижегородская губернія. Почва въ большей части Нижегородской губерніи мало благопріятствуетъ земледѣлію, и урожаи не вполнѣ обезпечиваютъ продовольствіе мѣстнаго населенія, такъ что всегда чувствуется потребность въ привозномъ хлѣбѣ съ низовыхъ пристаней по Волгѣ, а также изъ губерній Вятской, Тамбовской, Пензенской и др. Хорошіе черноземы составляютъ только $^1/_{10}$ часть всего пространства губерніи; 33% приходится на средніе черноземы, а остальное пространство—56% занято суглинкомъ, супескомъ и пескомъ. Относительно избытка или недостатка собственнаго хлѣба уѣзды Нижегород. губерніи можно раздѣлить на 4 группы: къ первой можно отнести тѣ, которые имѣютъ положительный избытокъ хлѣба (Сергачскій и частью Княгининскій); ко второй—уѣзды, болѣе или менѣе нуждающіеся въ постороннемъ хлѣбѣ (Арзамасскій, Ардатовскій и нагорная часть Васильскаго); къ третьей (Нижегородскій и Горбатовскій)—которымъ своего хлѣба отчасти недостаетъ, отчасти достаетъ лишь для мѣстнаго продовольствія; наконецъ къ четвертой—уѣзды, страдающіе положительнымъ недостаткомъ хлѣба (Семеновскій, Балахнинскій и заволжская часть Васильскаго и Макарьевскаго.

По количеству посѣвовъ во всемъ Нижегородскомъ Поволжьѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ озимый хлѣбъ, т. е. рожь; озимой пшеницы здѣсь не сѣется. Изъ яровыхъ засѣваютъ повсемѣстно пшеницу, ячмень, овесъ, гречу, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ полбу, а въ Васильскомъ—въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ засѣвается нѣкоторыми помѣщиками даже кукуруза. Посѣвы хлѣбовъ производятся главнымъ образомъ на земляхъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ; купеческихъ же хозяйствъ очень немного; всего болѣе ихъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Обработка полей повсемѣстно трехпольная; удобряется обыкновено $^1/_4$, $^1/_2$ или $^1/_3$ пароваго поля, преимущественно навозомъ. Скотоводство находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи; причина тому—плохой кормъ и слишкомъ частые падежи.

Въ черноземной части губерніи урожаи озимыхъ хлѣбовъ отъ самъ 6 до самъ 9, яровыхъ отъ самъ 3 до самъ 5, внѣ черноземной —самъ 2 какъ для озимыхъ, такъ и для яровыхъ.

Губернія Казанская. Казанская губернія, по преобладающему роду промышленности, принадлежитъ къ числу земледѣльческихъ. Съ наибольшей

шимъ успѣхомъ сѣется рожь озимая и яровая, а также овесъ и гречиха, но пшеница, ячмень и просо успѣшно разводятся только въ закамскихъ уѣздахъ. Урожаи среднимъ числомъ бываютъ самъ 5. Плохіе урожаи большею частью встрѣчаются въ юго-западной части губерніи, а также въ сѣверо-западной, гдѣ почва неплодородная. Черноземная почва повсемѣстно встрѣчается въ уѣздахъ Чистопольскомъ и Спасскомъ. Господствующая система земледѣлія трехпольная. Урожаи озимыхъ хлѣбовъ—отъ самъ 4 до 8 и яровыхъ—отъ самъ 2 до самъ 5. Въ Казанской губерніи до 80% составляютъ земли казенныя вмѣстѣ съ удѣльными; наибольшее количество казенныхъ земель находится въ Царевококшайскомъ (95%), Цивильскомъ (94%), Чебоксарскомъ (94%), Козьмодемьянскомъ (98%), и Ядринскомъ (97%) уѣздахъ. Напротивъ, казенныхъ земель менѣе всего въ уѣздахъ съ плодородною почвою, какъ то: въ Спасскомъ (52%), въ Чистопольскомъ (71%) и пр.

Количество частныхъ земель въ Казанской губерніи 478.000 десятинъ; большая часть этого пространства занята пашнею и лѣсомъ, меньшая—лугами, выгонами и усадьбами. По количеству помѣщичьихъ земель первое мѣсто принадлежитъ уѣзду Лаишевскому, за нимъ Чистопольскому, Спасскому, Свіяжскому, и пр. Число купеческихъ земель, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе увеличивается, такъ какъ покупка помѣщичьихъ земель купцами здѣсь, какъ и вездѣ, принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Земли крестьянскія находятся въ общинномъ пользованіи крестьянъ: удобренія на крестьянскихъ земляхъ почти не существуетъ. Помѣщики отдаютъ подъ обработку свою землю крестьянамъ большею частью исполу. Испольная обработка въ Казанской губерніи чрезвычайно распространена, почти нѣтъ ни одного хозяйства, гдѣ бы часть земли не отдавалась исполу. Главною причиною испольной системы служитъ уменьшеніе хлопотъ по найму рабочихъ и недостатокъ наличныхъ денегъ. Управленіе хозяйствомъ организовано въ губерніи въ трехъ видахъ: или управляютъ сами помѣщики непосредственно, или черезъ своихъ уполномоченныхъ, оставляя за собою только общій надзоръ, или, наконецъ, нѣкоторые помѣщики рѣшительно уклоняются отъ всякаго завѣдыванія, предоставляя всѣ распоряженія уполномоченнымъ. Крупные землевладѣльцы какъ здѣсь, такъ и въ другихъ поволожскихъ губерніяхъ, живутъ или въ столичныхъ городахъ или заграницей. Въ деревняхъ же живутъ только тѣ землевладѣльцы, которыхъ побуждаютъ къ этому только какія либо особыя обстоятельства, или которые отживаютъ извѣстный срокъ, когда уплатится сумма долговъ, лежащихъ на имѣніи.

Что касается до скотоводства губерніи, то количество лошадей и прочаго скота у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ значительно уменьшилось; причина этому—отчасти падежи, а главнымъ образомъ—уменьшеніе пастбищъ, которыми прежде могли пользоваться помѣщичьи

крестьяне на земляхъ помѣщиковъ и, наконецъ, продажа скота крестьянами для уплаты повинностей.

Симбирская губернія. По характеру почвы и мѣстнымъ условіямъ, по современному состоянію промышленности, губернія Симбирская принадлежитъ къ земледѣльческимъ. Несмотря на важное значеніе сельскаго хозяйства въ экономической жизни губерніи, многія отрасли его, какъ напр. скотоводство, травосѣяніе, находятся въ застоѣ. Самое хлѣбопашество по большей части ведется на основаніи привычки и рутины, и усовершенствованія въ земледѣліи примѣняются только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Такъ, господствующая здѣсь система хлѣбопашества трехпольная (озимое поле, яровое и паровое), прочія же системы хотя и существуютъ, но только въ очень немногихъ помѣстьяхъ и то въ видѣ опыта. Необходимо, впрочемъ, сказать, что въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ начинаютъ вводится улучшенія въ обработкѣ земли, какъ то: пароконные плуги, молотилки, вѣялки, сушилки и пр.

Удобреніе земли находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, и лишь въ очень немногихъ селеніяхъ унавоживается $^1/_3$ пароваго поля. На озимыхъ поляхъ во всей губерніи сѣется рожь, а изъ яровыхъ болѣе всего овесъ. Пшеница сѣется преимущественно въ Сызранскомъ уѣздѣ, а также въ уѣздахъ: Алатырскомъ, Ардатовскомъ и Корсунскомъ. Относительно урожаевъ слѣдуетъ замѣтить, что средній урожай ржи во всей губерніи самъ 6, овса самъ 4. Что касается неурожаевъ на озимые хлѣба, то они случаются крайне рѣдко. На яровые же хлѣба, напротивъ, неурожаи бываютъ повсемѣстные и повторяются періодически въ три года разъ; явленіе это приписывается климатическимъ условіямъ, пагубно дѣйствующимъ на весенній сѣвъ, непозволяющимъ рано начинать его, а также—сильнымъ лѣтнимъ засухамъ іюня и іюля мѣсяцевъ.

Населеніе Симбирской губерніи довольствуется хлѣбомъ собственнаго урожая и, кромѣ того, избытокъ хлѣба, 2.000,000 четвертей на сумму 7.000,000 руб., вывозится въ зернѣ и мукѣ изъ предѣловъ губерніи.

Обмалываніе хлѣба производится на мельницахъ вѣтряныхъ, водяныхъ и паровыхъ (до 4000). Въ годъ перемалывается до 40.000,000 пудъ муки.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ значительную часть полей стали засѣвать картофелемъ (особенно въ Симбирскомъ и Корсунскомъ у.). Разведеніе картофеля въ этихъ мѣстахъ вызвано устройствомъ крахмальныхъ и паточныхъ заводовъ, куда онъ сбывается, а также выкуркою на нѣкоторыхъ винокуренныхъ заводахъ вина изъ картофеля.

Въ Симбирской губерніи довольно развито садоводство, преимущественно по правому берегу р. Волги, гдѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ до

200 садовъ. Садоводствомъ славится уѣздъ Ардатовскій. Кромѣ яблонь, повсемѣстно разводимыхъ въ садахъ, разводятся также груши, дули, вишни и пр. Продажа яблокъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ; яблоки вывозятся въ волжскія пристани и даже въ Сибирь, приблизительно въ количествѣ 15.000 пудъ. Валовую выручку садовъ можно опредѣлить въ 200 р. съ десятины.

Способы веденія хозяйствъ въ собственно помѣщичьихъ имѣніяхъ весьма разнообразны. Какъ вездѣ въ поволжскихъ губерніяхъ, такъ и здѣсь, болѣе всего земля отдается исполу, т. е. крестьянинъ, за обработку извѣстнаго участка земли, получаетъ отъ владѣльца въ свое пользованіе, въ томъ же полѣ, участокъ, или равный тому, который онъ обработалъ, или же въ нѣкоторыхъ случаяхъ большій. Бываетъ и такъ, что крестьянинъ, за обработку одной десятины, получаетъ въ томъ же полѣ тоже одну десятину и сверхъ того извѣстный участокъ луговъ, или же такъ, что земля разработывается крестьяниномъ, а засѣвается сѣменами помѣщика, и, полученный отъ урожая, хлѣбъ, дѣлится или снопами или на корню, или же зерномъ, но во всякомъ случаѣ съ возвращеніемъ сѣмянъ владѣльцу.

При обработкѣ вольнонаемнымъ трудомъ, наиболѣе выгоднымъ для помѣщика, крестьяне берутъ отъ 6 до 10 р. за казенную десятину (2.400 кв. саж.); въ эту цѣну входитъ обработка земли и уборка хлѣба безъ молотьбы.

Самый же раціональный способъ—это фермерскій. Онъ состоитъ въ томъ, что владѣлецъ имѣетъ нѣсколькихъ годовыхъ работниковъ, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія, болѣе или менѣе усовершенствованныя. Но этотъ способъ существуетъ только въ смѣшанномъ видѣ, т. е. только часть земли обработывается такимъ способомъ.

Что касается до состоянія скотоводства въ губерніи, то оно находится въ весьма посредственномъ состояніи. Хлѣва, въ которыхъ помѣщается скотъ, грязны и для зимы по большей части холодны. Скотина никогда не моется, не чистится, за исключеніемъ развѣ лошадей. Соли въ кормъ, по дороговизнѣ ея, не прибавляется, несмотря на всѣми сознанную въ томъ необходимость. По преимуществу же кормъ состоитъ изъ соломы. Рогатый скотъ разводится съ цѣлью удовлетворенія мѣстныхъ потребностей и только незначительная часть его идетъ на продажу. Гуртоваго скотоводства въ губерніи не существуетъ. Тонкорунное овцеводство развивается весьма медленно по недостатку знаній ухода за овцами. Болѣе замѣчательны овчарни гр. Орлова-Давыдова въ с. Усольѣ и гр. Потемкиной въ с. Промзинѣ. Всѣхъ тонкорунныхъ овецъ считается въ губерніи до 50.000.

Изъ различныхъ видовъ домашнихъ птицъ наиболѣе распространены куры и гуси; такъ изъ с. Порѣцкаго Алатырскаго уѣзда ежегодно отправляется на продажу до 20.000 штукъ гусей.

Душевой надѣлъ въ Симбирской губерніи для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 3 дес., а для государственныхъ и удѣльныхъ по 4.

Губернія Саратовская. Почва Саратовской губерніи по преимуществу черноземная, а потому губернія принадлежитъ къ числу мѣстностей, по преимуществу земледѣльческихъ. Удобной земли считается болѣе 6.000,000 (6.317,000 дес.) десятинъ. Преобладающая система воздѣлыванія земли въ губерніи трехпольная и только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, и особенно у колонистовъ, встрѣчается четырехпольная, а въ степной части губерніи, особенно въ Камышинскомъ и Царицинскомъ уѣздахъ, мѣстами существуетъ переложное хозяйство. Несмотря на отсутствіе удобренія, неурожаевъ почти никогда не бываетъ; причиною худаго всхода или скуднаго сбора хлѣбовъ бываютъ засуха, или несвоевременные дожди, а также насѣкомыя, поѣдающія хлѣбъ на корню. По недостаточности рабочихъ рукъ, поля вспахиваются слегка, и за всѣмъ тѣмъ бывали такіе обильные урожаи, что не успѣвали собрать всего засѣяннаго хлѣба, почему Саратовская губернія, вмѣстѣ съ Самарскою, справедливо считаются богатѣйшими житницами Европейской Россіи. Съ однихъ пристаней судоходныхъ рѣкъ ежегодно сплавляется болѣе 12.000,000 п. хлѣба; онъ идетъ преимущественно въ Ростовъ на Дону, а также въ Астрахань, Моршанскъ, Рыбинскъ, Москву и Петербургъ. Изъ этого слѣдуетъ, что занятіе земледѣліемъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ отраслей экономической дѣятельности населенія губерніи. Система хозяйства у помѣщиковъ большею частью вольнонаемная и весьма мало испольная. Засѣваютъ рожь, яровую пшеницу, овесъ и другіе яровые хлѣба. Нѣсколько тысячъ десятинъ засѣвается подсолнечникомъ, преимущественно около Саратова, для добыванія масла. Въ Камышинскомъ, Саратовскомъ и Царицинскомъ уѣздахъ засѣвается изъ американскихъ и турецкихъ сѣмянъ табакъ; въ этихъ же уѣздахъ разводятся арбузы и дыни; въ Царицинскомъ— воздѣлывается виноградъ для мѣстнаго употребленія въ сыромъ видѣ. Свекловица разводится преимущественно въ Камышинскомъ и Петровскомъ уѣздахъ, гдѣ она и переработывается въ сахаръ. Фруктовые сады преимущественно находятся вблизи городовъ Саратова, Вольска, Хвалынска и Камышина.

Скотоводство преимущественно служитъ для домашняго обихода жителей и, къ сожалѣнію, какъ вездѣ, такъ и здѣсь много скота гибнетъ отъ падежей, а также и отъ хищныхъ звѣрей. Скотъ вообще простой породы и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтна черкасская порода; волы малороссами употребляются на разныя работы. Овечья шерсть идетъ на мѣстныя суконныя фабрики и, кромѣ того, отпускается на Нижегородскую ярмарку и въ Москву. Тонкорунное овцеводство весьма незначительно и поддерживается только въ большихъ помѣщичьихъ имѣньяхъ. Вообще скотоводство болѣе развито въ уѣздахъ степныхъ, какъ то: Балашевскомъ, Аткарскомъ и Царицинскомъ,

чѣмъ въ уѣздахъ сѣверныхъ, въ которыхъ скотоводство не выходитъ изъ размѣровъ домашнихъ потребностей.

Крестьянскіе надѣлы для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 3, 7 дес. на душу, а для удѣльныхъ и государственныхъ 6 десятинъ.

Губернія Самарская. По роду занятій мѣстныхъ жителей Самарская губернія принадлежитъ къ числу чисто сельско-хозяйственныхъ; на первомъ планѣ здѣсь стоитъ хлѣбопашество, и всѣ рабочія силы крестьянъ обращены на земледѣліе. Почва здѣсь черноземная, за немногими исключеніями, весьма плодородная и преимущественно пригодна для посѣва пшеницы бѣлотурки, въ особенности на югъ отъ р. Самары, т. е. въ южныхъ уѣздахъ. Хлѣбопашество, какъ по качеству почвы, такъ и по обилію удобныхъ земель, производится въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что не только прокармливаетъ населеніе своей губерніи, но идетъ въ большомъ количествѣ за ея предѣлы, пшеница вывозится также черезъ С.-Петербургскій портъ заграницу. Какъ велико количество хлѣба, собираемаго въ губерніи, невозможно опредѣлить съ точностью; достаточно сказать, что съ однѣхъ только волжскихъ пристаней губерніи въ 1868 г. сплавлялось одного хлѣба 26.404,646 п., но, кромѣ того, хлѣбъ идетъ на куреніе до 2.000,000 п., на посѣвы и на собственное продовольствіе не менѣе 30.000,000 п. Особенность хлѣбопашества Самарской губерніи заключается въ томъ, что она принадлежитъ къ числу многоземельныхъ, гдѣ избытокъ земли сравнительно съ рабочими силами влечетъ за собой всѣ послѣдствія относительной дороговизны труда и дешевизны наемныхъ земель изъ первыхъ рукъ. Такое экономическое положеніе края создало особаго рода промышленность—*наемъ земель для хлѣбопашества.* Легкость, съ которою каждый крестьянинъ можетъ производить въ большей или меньшей мѣрѣ наемъ земель, влечетъ населеніе къ развитію хлѣбопашества путемъ разработки большихъ полей, чѣмъ въ состояніи вынести его рабочія силы. Слѣдовательно, сборъ произведеній, завися отъ почвы и климатическихъ условій, не обуславливается количествомъ труда земледѣльца, и даже самые урожаи не могутъ быть вѣрно расчитаны. Это положеніе особенно рѣзко примѣняется къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя расположены близъ волжскихъ пристаней. Такимъ образомъ, земледѣліе ведется здѣсь неправильно и предоставлено случайностямъ.

Система воздѣлыванія полей въ сѣверной части преимущественно трехпольная, мѣстами введена многопольная, а въ южной половинѣ—переложная, такъ какъ здѣсь навозъ не можетъ идти на удобреніе, а, по безлѣсью, идетъ на тонливо. Въ сѣверной половинѣ губерніи засѣваютъ преимущественно рожь, овесъ и гречу, въ южной же—преобладаетъ пшеница—бѣлотурка. Крестьяне арендуютъ много земель, особенно въ уѣздѣ Николаевскомъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, о которомъ мы ниже помѣщаемъ отдѣльный очеркъ, веденіе хозяйства менонитами отличается отъ хозяйства остальныхъ колонистовъ. У менонитовъ хлѣбъ

въ стогахъ свозится въ колоніи, гдѣ имѣются хранилища для зерна. Менониты молотятъ свой хлѣбъ въ сараяхъ исподволь и продаютъ его, когда цѣны на хлѣбъ высоки. Поля они пашутъ по четыре и по пяти разъ, отчего земля улучшается безъ удобренія. Для молотьбы они употребляютъ каменный зубчатый катокъ, которымъ молотятъ хлѣбъ на деревянномъ полу въ сараяхъ, отчего раздробляется совершенно солома, которая такимъ образомъ дѣлается пригодною для корма скота. Сѣвооборотъ у нихъ четырехпольный; въ первомъ полѣ—рожь; —во второмъ пшеница;—въ третьемъ овесъ и ячмень;—въ четвертомъ паръ. Удобренія не употребляется.

Что касается до веденія хозяйства помѣщиками, то въ Самарской губерніи преобладаетъ вольнонаемная система, въ особенности въ уѣздахъ Николаевскомъ и Новоузенскомъ, гдѣ все хозяйство ведется при помощи вольнонаемнаго труда. Немногіе только помѣщики хозяйничаютъ сами, въ особенности въ уѣздѣ Николаевскомъ, большинство же ихъ сдаетъ земли купцамъ, нанимающимъ большіе участки и сдающимъ ихъ, въ свою очередь, подесятинно крестьянамъ. Душевой-надѣлъ бывшихъ помѣщицьихъ крестьянъ 4, 6, государственныхъ 10, 3 и удѣльныхъ 7, 25.

Главными хлѣбными рынками служатъ пристани по Волгѣ и близъ устьевъея притоковъ, но кромѣ нихъ существуютъ и внутренніе рынки, гдѣ хлѣбъ скупается зажиточными торговцами для перепродажи въ главныхъ пунктахъ сбыта. Къ таковымъ относятся въ Бугульминскомъ уѣздѣ г. Бугульма, въ Бузулукскомъ г. Бузулукъ, сс. Сорочинское, Алексѣевка и др., въ Самарскомъ уѣздѣ—Красный-Яръ и Зубовка, въ Ставропольскомъ с. Мелекесъ, въ Николаевскомъ—с. Марьевка. Оборотъ всей хлѣбной торговли какъ на пристаняхъ, такъ и на внутреннихъ рынкахъ, опредѣляютъ до 15,000.000 р. с.

Одну изъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства у колонистовъ составляетъ разведеніе табаку. Табакъ отпускается съ волжскихъ пристаней въ другія губерніи въ количествѣ 100.000 пудъ.

Послѣ земледѣлія, скотоводство составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства, а въ самой южной части губерніи скотоводство преобладаетъ даже надъ земледѣліемъ. Скотоводство развилось здѣсь благодаря обилію сѣнокосныхъ мѣстъ, особенно въ степной части. Рогатый скотъ употребляется въ работу преимущественно малороссіянами. Съ однихъ волжскихъ пристаней отпускается сала, шерсти, кожъ, овчинъ и пр. на сумму до 3,000,000 р. с.

Вообще произведеніями своими Самарская губернія ведетъ торговлю не только съ внутренними губерніями Европейской Россіи, но съ Кавказомъ и Среднею Азіею. Торговля находится не только въ рукахъ мѣстнаго купечества, но многіе иногородные и иностранные дома имѣютъ здѣсь своихъ представителей для закупки хлѣба, сала, кожъ и др.

ченій страны.

Астраханская губернія. Хлѣбопашество, за исключеніемъ Царевскаго и Черноярскаго уѣздовъ, такъ ничтожно, что хлѣба не достаетъ для пропитанія самихъ хлѣбопашцевъ. Подъ пашнями въ губерніи 95,000 десятинъ. Только въ Царевскомъ и Черноярскомъ уѣздахъ хлѣба достаетъ на продовольствіе жителей; здѣсь преимущественно сѣются пшеница, рожь, просо и ячмень; земли не удобриваются, навозъ идетъ на топливо. Въ Астраханскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ вовсе нѣтъ хлѣбопашества; въ Енотаевскомъ очень слабое. Хлѣбъ привозится съ верховыхъ губерній по Волгѣ и сухопутно изъ земли Войска Донскаго. Причины такого состоянія сельскаго хозяйства Астраханской губерніи лежатъ въ общемъ видѣ ея поверхности, которая представляетъ обширную, почти безлѣсную, песчаную равнину съ почвою, пропитанною солью, мѣстами производящая хорошія травы, а потому скотоводство есть главный источникъ богатства какъ кочевыхъ, такъ и осѣдлыхъ жителей губерніи. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ *) въ Астраханской губерніи количество рогатаго скота было до 500,000 головъ, овецъ до 1.500,000, верблюдовъ до 22,000 и козъ 36,000. Лошади калмыцкія и киргизскія малорослы, но сильны и легки. Лучшія овцы (съ курдюками) у киргизовъ, съ шерстью, впрочемъ, грубою и жесткою. Козы киргизовъ считаются кашемирской и тибетской породы. Скотъ кочевниковъ зимою ходитъ по степямъ и, разбивъ копытами снѣгъ, достаетъ скудный кормъ; случается во время гололедицъ, что скотъ, не имѣя силы разбить ледяную кору, умираетъ съ голода. Скотъ преимущественно продается на ярмаркахъ Ханской ставки и Чернаго яра, а также гоняется въ Ставропольскую и Саратовскую губерніи и въ землю Войска Донскаго. Ежегодно скота продается до 150,000 головъ на сумму до 800,000 р. с.

Общіе выводы. При обозрѣніи сельскаго хозяйства 9-ти поволжскихъ губерній, мы видѣли, что

1) въ четырехъ изъ нихъ, именно въ Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской, почва неплодородная, въ общемъ хлѣбопашество находится въ неудовлетворительномъ состояніи.

2) Такъ какъ хлѣбопашество не обезпечиваетъ крестьянства, то значительная масса его отправляется на заработки или въ другія губерніи (отхожіе промыслы), или направляетъ свою дѣятельность на мелкую промышленность (кустарную), или же, наконецъ, работаетъ на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ.

3) Вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія хлѣбопашества и незначительности душевыхъ надѣловъ, верхневолжскія губерніи не могутъ прокармливаться своимъ хлѣбомъ, а значительный недостатокъ его пополняютъ привозомъ изъ сосѣднихъ губерній (какихъ?).

4) Во всѣхъ 4-хъ губерніяхъ засѣвается преимущественно озимой

---

*) Труды Астрахан. Губернскаго Статистическаго Комитета, выпускъ V, 1877 г.

стень дѣлается опять безжизненной, кулики и прочая дичь исчезаютъ и только, лѣниво повѣсивъ головы, сидятъ кой-гдѣ орлы, какъ часовые, на вершинахъ кургановъ. Послѣ дождя подымается туманъ и на горизонтѣ появляется марево: причудливые контуры колонъ, деревьевъ, принимая разныя формы, постепенно измѣняясь, переходятъ въ разнообразные очерки и наконецъ совершенно сливаются съ горизонтомъ и постепенно исчезаютъ. Послѣ дождя, который здѣсь бываетъ рѣдко, вся зелень принимаетъ свѣжій видъ и только желтоватыя пятна, выступающія на яркой зелени, показываютъ присутствіе солончаковъ. Солончаки, ясные признаки морскаго дна, бывшаго здѣсь когда то моря, съ каждымъ десятилѣтіемъ значительно уменьшаются. Это легко объясняется тѣмъ, что соль вывѣтривается и мало по малу исчезаетъ съ поверхности. На всемъ пространствѣ южной части Новоузенскаго уѣзда подпочва состоитъ изъ земли съ примѣсями сѣрно-кислой магнезіи и поваренной соли—главныхъ составныхъ частей морской воды. Самая колодезная вода на югѣ Новоузенскаго уѣзда горько-соленаго вкуса. Все это доказываетъ, что верхніе пласты успѣли вывѣтриться, тогда какъ нижніе остаются настоящими солончаками.

Заселеніе этихъ степей шло разными путями: сюда переселялись изъ другихъ губерній государственные крестьяне, сюда же шли раскольники, сюда же бѣжали и крѣпостные, надѣясь найти здѣсь свободу въ привольныхъ киргизскихъ степяхъ, строили избенки, или нанимались къ киргизамъ въ работники. Здѣсь то и выработался особый типъ здѣшняго населенія, бойкій народъ, ловкіе наѣздники, во многомъ пріобрѣтшіе себѣ киргизскія привычки.

Часть киргизъ бывшей Букѣевской орды перекочевываютъ въ лѣтнее время въ Новоузенскій уѣздъ, а по мѣрѣ приближенія къ осени, удаляются на югъ. Кочевья ихъ начинаются въ срединѣ апрѣля и продолжаются до первыхъ чиселъ октября. Скотъ держится зимой въ степи, гдѣ добываетъ себѣ самъ подножный кормъ. Въ послѣднее время киргизы стали снимать на зиму значительные участки въ землѣ Уральскаго войска, платя по 30 к. съ лошади въ зиму, отъ 1-го ноября до 1-го апрѣля. Если снѣгъ очень глубокъ, или наступаютъ вскорѣ послѣ дождей морозы, такъ что добываніе корма дѣлается невозможнымъ, то лошадей кормятъ сѣномъ. Въ неурожайные годы, когда замѣтенъ недостатокъ травъ, киргизы перекочевываютъ въ калмыцкія степи и тамъ почти всегда находятъ кормъ для своихъ стадъ, платя въ зиму за прокормъ барана отъ 50 к. до 2 р. Пастухи даютъ за зимнее время, за 6 мѣсяцевъ, лошадь, которую оцѣниваютъ въ 30 руб. Всю зиму пастухъ проводитъ въ кибиткѣ, одѣтый довольно легко, постоянно на морозѣ и зорко сторожа свой табунъ отъ волковъ и постоянно отыскивая мѣста для корма, перенося зачастую и голодъ, и холодъ. Зато киргизъ считается лучшимъ пастухомъ: русскіе и нѣмцы берутъ *охотно киргизовъ въ* пастухи. Года два какъ киргизы стали зани-

маться хозяйствомъ сами, стали, хотя въ незначительномъ еще количествѣ, засѣвать пшеницу бѣлотурку.

На зиму они перекочевываютъ въ разныя мѣстности, гдѣ каждый аулъ имѣетъ свои зимовки, часто состоящія изъ очень плохихъ глиняныхъ мазанокъ, сырыхъ, низенькихъ, въ которыхъ трудно пробыть нѣсколько минутъ отъ дыма и запаха кизяка: деревянные же дома имѣютъ только богатые люди.

Пища киргизъ состоитъ лѣтомъ изъ баранины, кумыса и чая, который они пьютъ въ значительномъ количествѣ; кромѣ того, у нихъ отъ осени сохраняется соленое мясо лошади, которое, поджаренное, служитъ лакомымъ блюдомъ.

Зимой ѣдятъ одно соленое мясо; вмѣстѣ съ тѣмъ зима самое тяжелое время для небогатыхъ киргизъ: кумысъ зимой не приготовляется, и остается одна мука, изъ которой приготовляютъ болтушку.

Богатые киргизы имѣютъ до пяти и шести тысячъ головъ лошадей. Лѣтнія кочевки состоятъ изъ полукруглыхъ войлочныхъ кибитокъ на рѣшетчатомъ основаніи; войлокъ можетъ быть поднятъ какъ на верху, такъ и по бокамъ кибитки, что составляетъ немаловажное удобство киргизскаго лѣтняго жилища. У богатыхъ киргизъ внутренность кибитки разукрашена фольгой и повсюду висятъ бѣлыя суконныя полосы, вышитыя разноцвѣтнымъ сукномъ, рисунокъ которыхъ въ восточномъ вкусѣ. Кругомъ кибитки стоятъ сундуки, лежатъ ковры и подушки, на которыхъ киргизы въ состояніи сидѣть по цѣлымъ часамъ, поджавши ноги подъ себя. Жены бѣдныхъ киргизъ приготовляютъ платье, обувь какъ для себя, такъ и для мужа и вообще вся ихъ жизнь состоитъ изъ непосильнаго труда, отъ котораго избавляетъ ихъ только одна смерть. Вся домашняя утварь, въ которой приготовляется пища, чрезвычайно грязна, и только невзыскательный киргизъ можетъ ѣсть баранину изъ котла, въ которомъ моютъ бѣлье. Нужно отдать справедливость киргизамъ, что они сохранили одну патріархальную черту, которая сохранилась у всѣхъ кочевыхъ народовъ—гостепріимство. Тотчасъ по пріѣздѣ путешественника, приносится кумысъ и чай, затѣмъ варится баранина, которою подчуютъ прямо изъ рукъ, стараясь угостить тонкими кусками жира, положеннаго на такіе же куски печенки. Послѣ этого кушанья подается бульонъ изъ баранины, чрезвычайно грязный и жирный, съ плавающими остатками бараньей шерсти, который съ жадностью выпивается киргизами.

Все, что не доѣдаютъ хозяева и гости, перебрасывается работникамъ, которые жадно грызутъ кости и на лицахъ ихъ выступаютъ крупныя капли пота отъ напряженія. Затѣмъ на полъ ставится кумысъ, потомъ является чай въ плоскихъ маленькихъ чашкахъ. Самоваръ обыкновенно нечищенный, весь зеленный, огромныхъ размѣровъ, выпивается весь, и только тогда расходятся гости.

Когда предполагается стричь барановъ, то на эту церемонію (т. е.

на ловлю нестриженныхъ) киргизы выѣзжаютъ верхами, у каждаго въ рукахъ длинная палка съ веревкою, посредствомъ которой баранъ опутывается и падаетъ; къ нему бѣгутъ и съ торжествомъ несутъ къ женщинамъ, а тѣ начинаютъ стричь.

Вообще вся жизнь этого народа сводится на пріобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей и, не зная роскоши, онъ довольствуется произведеніями своихъ стадъ, покупаетъ только муку, платье для женъ и для себя и кой-какую утварь у проѣзжихъ русскихъ купцовъ.

Вся южная часть Новоузенскаго уѣзда чрезвычайно слабо заселена, и села лежатъ одно отъ другаго на значительномъ разстояніи, и только нѣмецкія колоніи и менонитскія расположены въ незначительномъ разстояніи одна отъ другой.

Странно поражаетъ каждаго наблюдателя здѣшнее степное хозяйство: отсутствіе построекъ, амбаровъ, скотныхъ дворовъ и вообще всего того, что считается во внутреннихъ губерніяхъ необходимой принадлежностью сельскаго хозяйства. Все хозяйство здѣсь основано на возможно меньшей затратѣ денегъ—засѣять возможно большее число десятинъ и, при первыхъ признакахъ истощенія почвы, переходить на новую землю. Арендаторское хозяйство истощаетъ землю въ два года, не улучшая почвы и не заселяя мѣстности, оно тяжело отзовется своимъ неразумнымъ веденіемъ въ недалекомъ будущемъ. Все хозяйство чрезвычайно несложно: снимается новая земля, поднимается плугомъ, засѣвается и затѣмъ хозяинъ не навѣщаетъ поля; когда приходитъ время жатвы, нанимаются жнецы, хлѣбъ тутъ же обмалачивается, а потомъ свозятъ его тотчасъ же на пристань, чтобы успѣть продать до окончанія пароходныхъ рейсовъ. Такъ ведутся въ общихъ чертахъ почти всѣ здѣшнія хозяйства: крупное купеческое и мелкое крестьянское; исключеніе развѣ одно, что въ большихъ хозяйствахъ кой-гдѣ стали примѣнять паровыя молотилки. Крестьянскіе надѣлы здѣсь относительно очень велики: отъ 10 до 11 десятинъ удобной земли на душу; но крестьяне не удовлетворяются своей землей, берутъ землю въ аренду у купцовъ, не смотря на то, что арендныя цѣны поднимаются съ каждымъ годомъ; такъ за хозяйственную десятину подъ пшеницу платятъ до 5 руб. и даже до 6 р.

Что касается крупныхъ арендаторовъ, то они большею частью принадлежатъ къ купеческому и рѣдко къ крестьянскому сословію; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Мальцевъ, Плѣшановъ, Задковъ, Кругляковъ, Медвѣдевъ, снимаютъ отъ 16—до 36,000 десятинъ въ отдѣльности, платя за десятину отъ $11^1/_2$ до 39 коп., такъ что въ урожайный годъ одна отдача ими пахотнаго участка крестьянамъ вполнѣ покрываетъ арендную плату, не считая сѣнокоса и другихъ земель, на которыя пускается скотъ. Рабочихъ крупные арендаторы нанимаютъ *только пришлыхъ изъ* губерній Пензенской, Тамбовской, Нижегородской

и Симбирской. Годовые работники обходятся здѣсь до 100 р., лѣтніе отъ 50 до 60 на хозяйскихъ харчахъ, да кромѣ того каждому рабочему дается десятина хлѣба, засѣваемая и обмолачиваемая на счетъ хозяина.

Общій бытъ крестьянъ значительно лучше нашихъ центральныхъ губерній: крестьяне ѣдятъ мясо постоянно, осенью и зимою, исключая постовъ, средъ и пятницъ; къ 1-му октября бьютъ барановъ, зимой— свиней и заготовляютъ соленую баранину, свинину и сало на цѣлый годъ. Крестьяне, ихъ жены и дочери носятъ ситецъ; домашнее тканье встрѣчается только на работникахъ изъ другихъ губерній. Кромѣ своего хозяйства главный доходъ крестьянъ отъ аренды земель, а также отъ торговли съ киргизами, которымъ крестьяне продаютъ посуду, масло, муку, а взамѣнъ того получаютъ шерсть и сало; здѣшніе крестьяне въ иныхъ селахъ служатъ въ торговлѣ посредниками между киргизами и русскими купцами; мало того, есть села, какъ напр. Александровъ-Гай, гдѣ всѣ крестьяне говорятъ хорошо по киргизски.

Въ южной же части Новоузенскаго уѣзда живетъ до 105 семействъ, принадлежащихъ къ такъ называемой Молаканской сектѣ. Молакане живутъ замкнуто, и православные сталкиваются съ ними только при торговыхъ сношеніяхъ. Большинство молаканъ грамотные и весь досугъ они употребляютъ на изученіе Евангелія, которое составляетъ единственную основу ихъ вѣрованій, такъ какъ они не признаютъ ни преданія, ни писаній святыхъ отцевъ церкви. Нѣкоторые изъ молаканъ достигли изумительныхъ знаній Евангелія и Библіи; постоянное занятіе, размышленіе, углубленіе въ изученіе и разъясненіе св. Писанія придало имъ особый видъ: чрезвычайно сдержанный, сосредоточенный, напоминающій англійскихъ сектантовъ. Дома ихъ содержатся гораздо чище, чѣмъ остальныхъ крестьянъ, пьетъ только одно молодое поколѣніе, да и то очень незначительно. Молакане ведутъ вообще очень скромную жизнь: они не раздѣляютъ нашихъ деревенскихъ удовольствій, и это еще болѣе ихъ отчуждаетъ отъ православнаго населенія. По воскресеньямъ они собираются въ домъ, который просторнѣе другихъ, причемъ однимъ изъ нихъ читается Евангеліе и затѣмъ прочитанное стараются объяснить, и, какъ слѣдуетъ ожидать, возникаютъ споры.

Помощь ближнему ставится въ обязанность членамъ общины; этимъ объясняется, что между ними почти нѣтъ людей, совершенно обѣднѣвшихъ. Каждый дурной поступокъ обсуждается въ собраніи; виновному сначала дѣлается внушеніе, если же это не помогаетъ, то его исключаютъ изъ общества на извѣстный срокъ или совершенно, и наказанный не имѣетъ права являться въ собраніе до назначеннаго срока.

3. Кустарная промышленность.

Вездѣ, гдѣ почва Россіи не даетъ достаточныхъ средствъ на прокормленіе крестьянской семьи и на уплату, лежащихъ на крестьянинѣ, платежей и повинностей—посторонній промыселъ является неизбѣжнымъ условіемъ крестьянскаго хозяйства. Часть населенія ищетъ заработковъ вдали отъ семьи и родины и занимается *отхожими* промыслами, идетъ въ города для торговли или найма, работаетъ на фабрикахъ и заводахъ, нанимается на сельскія работы тамъ, гдѣ требуются рабочія силы, идетъ въ извозъ, составляетъ ватаги, тянетъ лямку, однимъ словомъ, ищетъ работы и лишнюю копѣйку вездѣ, гдѣ только можетъ найти то и другое, переходя отъ одного промысла къ другому и отъ одного хозяина къ другому. Другая часть населенія сидитъ дома и занимается ремесломъ въ кругу семьи. Свободное отъ сельскихъ работъ время, длинныя зимы, а чаще всего непроизводительность труда, затрачиваемаго на тощій надѣлъ и неблагодарную почву, заставляетъ его искать постояннаго заработка, спеціализировать свой трудъ. Такимъ образомъ возникла сельская ремесленность, какъ принадлежность сельскаго быта, почти совершенно независимая отъ городской ремесленности и отъ фабричной производительности. Предназначенная сначала для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ сельскаго населенія, ремесленность эта скоро пріобрѣла значеніе самостоятельной формы производительности, такъ называемой *кустарной* промышленности.

Такимъ образомъ, подъ кустарною промышленностью разумѣются промыслы и ремесла, которыми крестьяне занимаются въ свободное отъ полевыхъ занятій время, для пополненія въ своемъ коренномъ занятіи, земледѣліи. Кустарная промышленность является подспорьемъ въ крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ; она спасаетъ крестьянина отъ голода, отъ недоимокъ, и ея роль была бы еще болѣе благодѣтельна, еслибъ освободить ее отъ промышленнаго міроѣдства, отъ техническаго невѣжества, еслибъ открыть ей краткосрочный кредитъ и пр. Кромѣ того, за кустарною промышленностью надо признать и *нравственное* значеніе. Извѣстно, что у насъ, въ Россіи зимы суровы и продолжительны. Въ это время невозможны никакія полевыя работы. Куда крестьянинъ дѣвался бы съ своимъ полугодовымъ досугомъ? И вотъ является ему подспорье, полезный и выгодный трудъ мелкаго ремесленника, спасающій его отъ нравственнаго растлѣнія. Далѣе, общепризнано, что по развитію своему ремесленникъ стоитъ гораздо выше земледѣльца, умственный кругозоръ котораго очень тѣсенъ. Интересы крестьянина земледѣльца и ремесленника вмѣстѣ несравненно шире и разнообразнѣе. Нельзя не удивляться ловкости, изворотливости, необыкновенной способности ко всевозможнымъ промысламъ и ремесламъ, *которая справедливо* считается яркою чертою народнаго характера.

Если нашъ крестьянинъ недоволенъ своимъ ремесломъ, то онъ бросаетъ его и хватается за другое; изъ башмачника превращается въ портнаго или столяра и такимъ образомъ, съ необычайною ловкостью переходитъ отъ одного промысла къ другому. Удастся ему прикопить нѣсколько деньжонокъ, онъ покупаетъ себѣ лишнюю лошадь и телѣгу, пускается въ извозъ, колеситъ съ сѣвера на югъ одну губернію за другою, и если его дѣлишки пошли удачно, то черезъ нѣсколько времени онъ припишется куда нибудь къ купечеству. Если характеръ русскаго крестьянина дѣйствительно таковъ, то на кустарную промышленность можно смотрѣть, какъ на *выраженіе народнаго характера* и признать ее вполнѣ народною формою промышленности.

Кустарная промышленность идетъ всегда вслѣдъ за истощеніемъ почвы: она неизмѣнная спутница этого страшнаго зла нашего земледѣлія. Развилась она въ центральной полосѣ еще въ прошломъ столѣтіи, преимущественно въ мѣстностяхъ около Москвы, и теперь въ губерніяхъ верхняго Поволжья, Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской она занимаетъ множество рукъ. Достаточно сказать, что изъ одной Нижегородской губерніи, а также въ Костромской и Ярославской $^1/_5$ часть всего наличнаго сельскаго населенія находится въ отхожихъ промыслахъ, и масса промышленныхъ селъ въ названныхъ губерніяхъ живутъ безъ земледѣлія, или вовсе безъ земли. Таковы села: Безводное, Лысково, Кимры, Апалиха, Сидоровское, Красное, Павлово, Ворсма, Красная-Рамень и пр.

Изъ поволжскихъ губерній наибольшее развитіе кустарная промышленность получила въ Тверской. Это объясняется, съ одной стороны, непроизводительностью почвы ея, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что по губерніи проходятъ весьма важные торговые пути, какъ водные, такъ и сухопутные, на которыхъ открывается удобный сбытъ для мѣстныхъ издѣлій. Изъ числа промысловъ крестьянъ Тверской губерніи особенную важность пріобрѣтаетъ шитье кожанной обуви въ уѣздахъ Корчевскомъ, Калязинскомъ, отчасти въ Бѣжецкомъ, а также въ гг. Торжкѣ и Осташковѣ. Въ поименованныхъ уѣздахъ этимъ дѣломъ занято до 7,000 человѣкъ. Главные центры производства обуви на востокѣ губерніи составляетъ село Корчевскаго уѣзда Кимры, а на сѣверо-западѣ—Осташковъ *).

Кромѣ сапожнаго промысла въ губерніи въ особенности развито производство кузнечное. Въ одномъ только Тверскомъ уѣздѣ болѣе 500 кузницъ, въ гг. Твери и Осташковѣ—до 200, болѣе чѣмъ съ 4,000 кузнецовъ. При этомъ въ каждомъ изъ уѣздовъ развито какое нибудь одно спеціальное кузнечное производство. Такъ въ однихъ уѣздахъ дѣ-

---

*) Подробныя свѣдѣнія о сапожномъ дѣлѣ въ этихъ мѣстностяхъ представлены мною ниже особою статьею.

лаютъ только сапожные и другого рода гвозди; въ Ржевскомъ, напр. уѣздѣ—только топоры; въ Осташковскомъ—топоры и серпы и т. д. При этомъ опять замѣчательна та черта, о которой было упомянуто выше: это умѣнье и сноровка русскаго человѣка взяться за всякое дѣло; такъ напр. тверской гвоздарь работаетъ только съ ноября до вскрытія рѣкъ, а уже съ весны до глубокой осени занятъ судоходствомъ по Волгѣ и Тверцѣ. Замѣчательно также распредѣленіе времени работъ въ кузницахъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ работа начинается съ 2-хъ часовъ пополуночи, прерывается днемъ на 4 часа и оканчивается за два часа до полуночи, слѣдовательно, работа продолжается 16 часовъ въ день, и при этомъ чистый заработокъ хорошаго рабочаго отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 80 к. въ недѣлю. Въ послѣднее время, именно въ 1870 г., губернское земство обратило вниманіе на печальное положеніе кузнецовъ и, чтобъ избавить ихъ отъ эксплоатаціи разныхъ скупщиковъ, міроѣдовъ, стало выдавать кузнечнымъ артелямъ ссуды съ обязательствомъ не употреблять денегъ иначе, какъ на покупку инструментовъ, желѣза и угля.

Въ недавнее время въ Тверской губерніи возникъ еще одинъ промыселъ — сыровареніе. Починъ распространенія этого промысла среди тверскихъ крестьянъ принадлежитъ исключительно помѣщику Новгородской губерніи, Н. В. Верещагину, который предварительно изучалъ сыровареніе въ Швейцаріи. Въ 1866 г. Тверское губернское земское собраніе выдало Верещагину на устройство склада артельныхъ сыроваренъ значительную денежную субсидію, и въ настоящее время артельное сыровареніе до того окрѣпло между населеніемъ, что можетъ считаться уже укоренившимся. Въ 1872 г. выдѣлано было сыру уже на 48,500 р. Сбытъ сыровъ изъ артельныхъ сыроваренъ производится главнымъ образомъ въ Петербургѣ черезъ склады этихъ сыроваренъ. Кромѣ вышепоименованныхъ промысловъ, въ Тверской губерніи почти повсемѣстно существуетъ ручное пряденіе льна и тканье холстовъ и полотенецъ, вязанье рыболовныхъ сѣтей, чулокъ, плетеніе кружевъ, рыболовство (Осташковскаго уѣзда) и лѣсная промышленность и пр. Всѣ вышеозначенные промыслы однако не обезпечиваютъ вполнѣ средствъ къ жизни мѣстнаго населенія, и очень большое число должно уходить на заработки въ другія мѣстности.

Какъ велико число уходящихъ на сторону изъ этой губерніи, видно изъ того, что въ 1871 г. было въ отлучкѣ до 70,000 человѣкъ. Особенно много уходитъ въ обѣ столицы; рыболовы Осташковскаго уѣзда проникаютъ на озеро Ильмень, въ г. г. Нарву, Ревель и др.; изъ Корчевскаго уѣзда—лучшіе печники; плотники—изъ Ржевскаго и Корчевскаго. Не малое число рабочихъ рукъ занято на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, производительность которыхъ расширяется годъ отъ году.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію кустарной промышленности и

сельскихъ промысловъ губерніи Ярославской. Въ Ярославской губерніи, какъ извѣстно, преобладаетъ почва глинистая, суглинистая, вообще неплодородная; очень естественно, что она не даетъ обильныхъ урожаевъ и не обезпечиваетъ жителямъ продовольствія и денежныхъ средствъ. Поэтому здѣшнее населеніе съ давняго времени принуждено было, рядомъ съ земледѣліемъ, искать для себя еще другихъ источниковъ дохода. Выгодное географическое положеніе губерніи посреди сильныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, каковы Петербургъ, Москва и Нижній-Новгородъ, обиліе путей сообщенія побуждаетъ здѣшнихъ жителей искать счастія въ такъ называемыхъ отхожихъ промыслахъ и помогло имъ выработать въ себѣ предпріимчивый духъ, смѣтливость, умѣнье приспособиться къ обстоятельствамъ, чѣмъ отличаются ярославцы.

Около половины всего взрослаго населенія губерніи уходитъ ежегодно, на разные сроки, на заработки въ разныя мѣста Россіи, въ Остзейскія губерніи, въ Финляндію, на Донъ, Уралъ, на Кавказъ, въ Сибирь, въ губерніи Привислянскія. Но большинство идетъ въ Петербургъ и Москву и преимущественно изъ восточной половины губерніи и менѣе всего изъ западной.

Главную цѣль отхожихъ промысловъ составляютъ: огородничество, служба въ трактирахъ и лавкахъ и пр.

Необыкновенное разнообразіе промысловъ и ремеслъ, которыхъ въ губерніи насчитываютъ до 500, говоритъ довольно убѣдительно, что ярославецъ не задумывается ни передъ какимъ новымъ для него занятіемъ и съ увѣренностью берется за все, что кажется ему выгоднымъ. Такъ, въ Ростовскомъ уѣздѣ развито огородничество, о чемъ было нами сказано въ статьѣ о земледѣліи; тканье полотенъ особенно распространено въ Ярославскомъ уѣздѣ во многихъ селеніяхъ, центромъ которыхъ служитъ с. Великое; въ этомъ же уѣздѣ распространено производство теплой обуви (валенокъ), а также выдѣлка овчинъ,—въ особенности славятся романовскія. Въ г. Угличѣ развито производство колбасъ, которыхъ ежегодно выдѣлываютъ до 25,000 п.; онѣ преимущественно сбываются въ Петербургѣ. Кромѣ того развито производство кирпичное, гончарное (Яросл. у.), кузнечное, изготовленіе сельско-хозяйственныхъ орудій, а также судостроеніе въ уѣздахъ, расположенныхъ непосредственно по Волгѣ и, наконецъ, стоитъ упомянуть еще о сыроваренномъ производствѣ, устроенномъ тѣмъ же самымъ Верещагинымъ при поддержкѣ губернскаго земства.

Въ Костромской губерніи важнѣйшія ручныя производства суть слѣдующія: ткачество бумажныхъ и льняныхъ издѣлій, выдѣлка крестьянскихъ суконъ, производство валеной обуви, шитье перчатокъ, шапокъ, картузовъ, изготовленіе рогожъ и кулей, мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и золотыхъ издѣлій, а также выдѣлка деревянной посуды. *Ткачество бумажныхъ* издѣлій, какъ то: миткаля, холстины, нан

платковъ, китайки, распространено преимущественно въ уѣздахъ: Нерехотскомъ, Кинешемскомъ и Юрьевецкомъ. Крестьяне занимаются выдѣлкою бумажныхъ издѣлій только въ свободное отъ хлѣбопашества время, съ октября по апрѣль. Большая часть ткачей работаетъ изъ хозяйскаго матеріала, получая его отъ фабрикантовъ или ихъ коммиссіонеровъ; такъ напр. фабриканты извѣстнаго Иванова-Вознесенска имѣютъ здѣсь свои конторы для раздачи пряжи.

Выдѣлкою крестьянскихъ суконъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Решемскихъ", занимаются въ юго-восточной части Кинешемскаго уѣзда, въ мѣстности, лежащей къ югу отъ слободы Решмы (Решма лежитъ на правомъ берегу Волги, между г. Кинешмой и границею Юрьевецкаго уѣзда). Сѣрое сукно хорошей шерсти продается за аршинъ отъ 25 до 30 к. и черное — отъ 12 до 15 к.

Крупные промышленники продаютъ эти сукна въ гг. Харьковѣ, Нижнемъ, Москвѣ и Ростовѣ.

Работою занимаются всѣ способные и свободные члены крестьянскихъ семействъ: мужчины бьютъ шерсть, женщины и дѣти прядутъ и ткутъ.

Выдѣлка мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій сосредоточена въ Красносельской волости Костромскаго уѣзда и въ Сидоровской — Нерехотскаго. Издѣлій этихъ селъ расходится въ годъ на сумму до 300,000 р. с., прасолы развозятъ эти издѣлія по всей Россіи, вымѣнивая на нихъ щетину, перья и тряпье.

Выдѣлываются главнымъ образомъ серьги, кольца, кресты, брошки, цѣпочки для часовъ и браслеты. Продажныя цѣны мѣднымъ вещамъ— мелкимъ: отъ 40 к. до 10 р. за тысячу, крупнымъ — до 15 р. за сотню. Мелкіе кресты изъ мѣди — отъ 45 к. за фунтъ, и кольца, вѣсъ $^1/_2$ ф. въ тысячѣ, 40 к. за тысячу.

Въ большинствѣ случаевъ производство это составляетъ предметъ занятій сельскаго населенія въ свободное отъ полевыхъ работъ время, за исключеніемъ селъ Краснаго и Сидоровскаго гдѣ большая часть жителей вовсе не занимаются земледѣліемъ и круглый годъ работаютъ въ мастерскихъ, при участіи наемныхъ рабочихъ. Во всѣхъ другихъ селеніяхъ мастера работаютъ у себя на дому, причемъ болѣе легкія работы часто выполняютъ женщины и дѣти отъ 7—8 лѣтъ. Всѣ производители издѣлій находятся въ полной зависимости отъ красносельскихъ капиталистовъ, отъ которыхъ они получаютъ не только матеріалъ для работы, но и почти всегда, въ счетъ заработной платы, и разные предметы первой необходимости: холстъ, соль, свѣчи, обувь, шапки, а иногда чай и сахаръ. Заработокъ взрослаго работника, работающаго изъ хозяйскаго матеріала, въ годъ не болѣе 40 или 50 р.; это сравнительно еще считается выгоднымъ, такъ какъ семейство ку-*онщиковъ изъ 4 работниковъ выручаетъ въ годъ не болѣе 30 р. стой прибыли.*

Первоначальное возникновеніе промысла мѣстные старожилы относятъ ко времени Отечественной войны 1812 г., когда въ г. Красномъ начали заниматься производствомъ мелкихъ металлическихъ вещей, случайно попавшіе туда, французскіе плѣнные; мѣстные крестьяне научились у нихъ этому ремеслу и сдѣлались потомъ мастерами. Въ послѣдніе годы усилилось производство часовыхъ цѣпочекъ и браслетъ вслѣдствіе запроса на нихъ.

Для своего поддержанія, промышленность эта нуждается въ примѣненіи артельнаго начала и въ дешевомъ кредитѣ, при которомъ тяжелая эксплоатація хозяевъ с. Краснаго была бы менѣе возможна, чѣмъ нынѣ.

Шитье картузовъ и шапокъ. Центромъ этого промысла служитъ с. Молвитино Буйскаго уѣзда. Товаръ сбывается на мѣстныхъ рынкахъ и развозится по разнымъ краямъ Россіи. Промыселъ это въ послѣднее время получилъ особенно широкое развитіе.

Въ лѣсныхъ уѣздахъ, какъ то: Варнавинскомъ, Макарьевскомъ и др. развито производство всевозможныхъ деревянныхъ издѣлій, производство экипажей и экипажныхъ принадлежностей, бондарныхъ издѣлій, бочарныхъ, а также домашней утвари.

Производство рогожъ и кулья составляетъ также значительный промыселъ крестьянъ Ветлужскаго уѣзда. Съ уничтоженіемъ липовыхъ лѣсовъ матеріалъ привозится преимущественно съ Нижегородской ярмарки. Выдѣланныя рогожи отправляются или въ Рыбинскъ или къ Архангельскому порту. Въ тканьѣ рогожъ принимаютъ участіе женщины и дѣти.

Отхожіе промыслы. Въ Костромской губерніи они также значительны, какъ и въ Ярославской. Изъ Юрьевецкаго уѣзда въ низовыя губерніи выходятъ овчинники, изъ Макарьевскаго—шерстобиты и валяльщики, отправляющіеся въ губерніи: Вятскую, Уфимскую, Пермскую, даже въ Сибирь и большею частью пѣшкомъ. Домой они возвращаются Великимъ постомъ, выручая въ зиму не болѣе 70 р. Въ Чухломскомъ уѣздѣ почти всѣ крестьяне живутъ по отхожимъ промысламъ; многіе изъ нихъ, въ особенности маляры, уходятъ въ самое рабочее время, получая до 120 р. за лѣто на своемъ продовольствіи. Промышляя преимущественно въ столицахъ, крестьяне нерѣдко растрачиваютъ заработанныя деньги, отвыкаютъ отъ хозяйства и отъ своихъ семействъ. Вообще замѣтно вредное вліяніе на нравственный и матеріальный бытъ крестьянъ отхожихъ промысловъ.

Что касается до губерніи Нижегородской, то среди промышленныхъ губерній Россіи она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Кустарная промышленность, по причинѣ неплодородія почвы, составляетъ главнѣйшій денежный источникъ для крестьянъ. Немаловажную роль въ развитіи кустарной промышленности Нижегородской губерніи играет *Нижній-Новгородъ,* какъ главный оптовый рынокъ сырья и изд

стень дѣлается опять безжизненной, кулики и прочая дичь исчезаютъ и только, лѣниво повѣсивъ головы, сидятъ кой-гдѣ орлы, какъ часовые, на вершинахъ кургановъ. Послѣ дождя подымается туманъ и на горизонтѣ появляется марево: причудливые контуры колонъ, деревьевъ, принимая разныя формы, постепенно измѣняясь, переходятъ въ разнообразные очерки и наконецъ совершенно сливаются съ горизонтомъ и постепенно исчезаютъ. Послѣ дождя, который здѣсь бываетъ рѣдко, вся зелень принимаетъ свѣжій видъ и только желтоватыя пятна, выступающія на яркой зелени, показываютъ присутствіе солончаковъ. Солончаки, ясные признаки морскаго дна, бывшаго здѣсь когда то моря, съ каждымъ десятилѣтіемъ значительно уменьшаются. Это легко объясняется тѣмъ, что соль вывѣтривается и мало по малу исчезаетъ съ поверхности. На всемъ пространствѣ южной части Новоузенскаго уѣзда подпочва состоитъ изъ земли съ примѣсями сѣрно-кислой магнезіи и поваренной соли—главныхъ составныхъ частей морской воды. Самая колодезная вода на югѣ Новоузенскаго уѣзда горько-соленаго вкуса. Все это доказываетъ, что верхніе пласты успѣли вывѣтриться, тогда какъ нижніе остаются настоящими солончаками.

Заселеніе этихъ степей шло разными путями: сюда переселялись изъ другихъ губерній государственные крестьяне, сюда же шли раскольники, сюда же бѣжали и крѣпостные, надѣясь найти здѣсь свободу въ привольныхъ киргизскихъ степяхъ, строили избенки, или нанимались къ киргизамъ въ работники. Здѣсь то и выработался особый типъ здѣшняго населенія, бойкій народъ, ловкіе наѣздники, во многомъ пріобрѣтшіе себѣ киргизскія привычки.

Часть киргизъ бывшей Букѣевской орды перекочевываютъ въ лѣтнее время въ Новоузенскій уѣздъ, а по мѣрѣ приближенія къ осени, удаляются на югъ. Кочевья ихъ начинаются въ срединѣ апрѣля и продолжаются до первыхъ чиселъ октября. Скотъ держится зимой въ степи, гдѣ добываетъ себѣ самъ подножный кормъ. Въ послѣднее время киргизы стали снимать на зиму значительные участки въ землѣ Уральскаго войска, платя по 30 к. съ лошади въ зиму, отъ 1-го ноября до 1-го апрѣля. Если снѣгъ очень глубокъ, или наступаютъ вскорѣ послѣ дождей морозы, такъ что добываніе корма дѣлается невозможнымъ, то лошадей кормятъ сѣномъ. Въ неурожайные годы, когда замѣтенъ недостатокъ травъ, киргизы перекочевываютъ въ калмыцкія степи и тамъ почти всегда находятъ кормъ для своихъ стадъ, платя въ зиму за прокормъ барана отъ 50 к. до 2 р. Пастухи даютъ за зимнее время, за 6 мѣсяцевъ, лошадь, которую оцѣниваютъ въ 30 руб. Всю зиму пастухъ проводитъ въ кибиткѣ, одѣтый довольно легко, постоянно на морозѣ и зорко сторожа свой табунъ отъ волковъ и постоянно отыскивая мѣста для корма, перенося зачастую и голодъ, и холодъ. Зато киргизъ считается лучшимъ пастухомъ: русскіе и нѣмцы берутъ *охотно киргизовъ* въ пастухи. Года два какъ киргизы стали зани-

маться хозяйствомъ сами, стали, хотя въ незначительномъ еще количествѣ, засѣвать пшеницу бѣлотурку.

На зиму они перекочевываютъ въ разныя мѣстности, гдѣ каждый аулъ имѣетъ свои зимовки, часто состоящія изъ очень плохихъ глиняныхъ мазанокъ, сырыхъ, низенькихъ, въ которыхъ трудно пробыть нѣсколько минутъ отъ дыма и запаха кизяка: деревянные же дома имѣютъ только богатые люди.

Пища киргизъ состоитъ лѣтомъ изъ баранины, кумыса и чая, который они пьютъ въ значительномъ количествѣ; кромѣ того, у нихъ отъ осени сохраняется соленое мясо лошади, которое, поджаренное, служитъ лакомымъ блюдомъ.

Зимой ѣдятъ одно соленое мясо; вмѣстѣ съ тѣмъ зима самое тяжелое время для небогатыхъ киргизъ: кумысъ зимой не приготовляется, и остается одна мука, изъ которой приготовляютъ болтушку.

Богатые киргизы имѣютъ до пяти и шести тысячъ головъ лошадей. Лѣтнія кочевки состоятъ изъ полукруглыхъ войлочныхъ кибитокъ на рѣшетчатомъ основаніи; войлокъ можетъ быть поднятъ какъ на верху, такъ и по бокамъ кибитки, что составляетъ немаловажное удобство киргизскаго лѣтняго жилища. У богатыхъ киргизъ внутренность кибитки разукрашена фольгой и повсюду висятъ бѣлыя суконныя полосы, вышитыя разноцвѣтнымъ сукномъ, рисунокъ которыхъ въ восточномъ вкусѣ. Кругомъ кибитки стоятъ сундуки, лежатъ ковры и подушки, на которыхъ киргизы въ состояніи сидѣть по цѣлымъ часамъ, поджавши ноги подъ себя. Жены бѣдныхъ киргизъ приготовляютъ платье, обувь какъ для себя, такъ и для мужа и вообще вся ихъ жизнь состоитъ изъ непосильнаго труда, отъ котораго избавляетъ ихъ только одна смерть. Вся домашняя утварь, въ которой приготовляется пища, чрезвычайно грязна, и только невзыскательный киргизъ можетъ ѣсть баранину изъ котла, въ которомъ моютъ бѣлье. Нужно отдать справедливость киргизамъ, что они сохранили одну патріархальную черту, которая сохранилась у всѣхъ кочевыхъ народовъ—гостепріимство. Тотчасъ по пріѣздѣ путешественника, приносится кумысъ и чай, затѣмъ варится баранина, которою подчуютъ прямо изъ рукъ, стараясь угостить тонкими кусками жира, положеннаго на такіе же куски печенки. Послѣ этого кушанья подается бульонъ изъ баранины, чрезвычайно грязный и жирный, съ плавающими остатками бараньей шерсти, который съ жадностью выпивается киргизами.

Все, что не доѣдаютъ хозяева и гости, перебрасывается работникамъ, которые жадно грызутъ кости и на лицахъ ихъ выступаютъ крупныя капли пота отъ напряженія. Затѣмъ на полъ ставится кумысъ, потомъ является чай въ плоскихъ маленькихъ чашкахъ. Самоваръ обыкновенно нечищенный, весь зеленный, огромныхъ размѣровъ, выпивается весь, и только тогда расходятся гости.

Когда предполагается стричь барановъ, то на эту церемонію (т. е.

3. Кустарная промышленность.

Вездѣ, гдѣ почва Россіи не даетъ достаточныхъ средствъ на прокормленіе крестьянской семьи и на уплату, лежащихъ на крестьянинѣ, платежей и повинностей—посторонній промыселъ является неизбѣжнымъ условіемъ крестьянскаго хозяйства. Часть населенія ищетъ заработковъ вдали отъ семьи и родины и занимается *отхожими* промыслами, идетъ въ города для торговли или найма, работаетъ на фабрикахъ и заводахъ, нанимается на сельскія работы тамъ, гдѣ требуются рабочія силы, идетъ въ извозъ, составляетъ ватаги, тянетъ лямку, однимъ словомъ, ищетъ работы и лишнюю копѣйку вездѣ, гдѣ только можетъ найти то и другое, переходя отъ одного промысла къ другому и отъ одного хозяина къ другому. Другая часть населенія сидитъ дома и занимается ремесломъ въ кругу семьи. Свободное отъ сельскихъ работъ время, длинныя зимы, а чаще всего непроизводительность труда, затрачиваемаго на тощій надѣлъ и неблагодарную почву, заставляетъ его искать постояннаго заработка, спеціализировать свой трудъ. Такимъ образомъ возникла сельская ремесленность, какъ принадлежность сельскаго быта, почти совершенно независимая отъ городской ремесленности и отъ фабричной производительности. Предназначенная сначала для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ сельскаго населенія, ремесленность эта скоро пріобрѣла значеніе самостоятельной формы производительности, такъ называемой *кустарной* промышленности.

Такимъ образомъ, подъ кустарною промышленностью разумѣются промыслы и ремесла, которыми крестьяне занимаются въ свободное отъ полевыхъ занятій время, для пополненія въ своемъ коренномъ занятіи, земледѣліи. Кустарная промышленность является подспорьемъ въ крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ; она спасаетъ крестьянина отъ голода, отъ недоимокъ, и ея роль была бы еще болѣе благодѣтельна, еслибъ освободить ее отъ промышленнаго міроѣдства, отъ техническаго невѣжества, еслибъ открыть ей краткосрочный кредитъ и пр. Кромѣ того, за кустарною промышленностью надо признать и *нравственное* значеніе. Извѣстно, что у насъ, въ Россіи зимы суровы и продолжительны. Въ это время невозможны никакія полевыя работы. Куда крестьянинъ дѣвался бы съ своимъ полугодовымъ досугомъ? И вотъ является ему подспорье, полезный и выгодный трудъ мелкаго ремесленника, спасающій его отъ нравственнаго растлѣнія. Далѣе, общепризнано, что по развитію своему ремесленникъ стоитъ гораздо выше земледѣльца, умственный кругозоръ котораго очень тѣсенъ. Интересы крестьянина земледѣльца и ремесленника вмѣстѣ несравненно шире и разнообразнѣе. Нельзя не удивляться ловкости, изворотливости, необыкновенной способности ко всевозможнымъ промысламъ и ремесламъ, *которая справедливо* считается яркою чертою народнаго характера.

Если нашъ крестьянинъ недоволенъ своимъ ремесломъ, то онъ бросаетъ его и хватается за другое; изъ башмачника превращается въ портнаго или столяра и такимъ образомъ, съ необычайною ловкостью переходитъ отъ одного промысла къ другому. Удастся ему прикопить нѣсколько деньжонокъ, онъ покупаетъ себѣ лишнюю лошадь и телѣгу, пускается въ извозъ, колеситъ съ сѣвера на югъ одну губернію за другою, и если его дѣлишки пошли удачно, то черезъ нѣсколько времени онъ припишется куда нибудь къ купечеству. Если характеръ русскаго крестьянина дѣйствительно таковъ, то на кустарную промышленность можно смотрѣть, какъ на *выраженіе народнаго характера* и признать ее вполнѣ народною формою промышленности.

Кустарная промышленность идетъ всегда вслѣдъ за истощеніемъ почвы: она неизмѣнная спутница этого страшнаго зла нашего земледѣлія. Развилась она въ центральной полосѣ еще въ прошломъ столѣтіи, преимущественно въ мѣстностяхъ около Москвы, и теперь въ губерніяхъ верхняго Поволжья, Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской она занимаетъ множество рукъ. Достаточно сказать, что изъ одной Нижегородской губерніи, а также въ Костромской и Ярославской $^1/_5$ часть всего наличнаго сельскаго населенія находится въ отхожихъ промыслахъ, и масса промышленныхъ селъ въ названныхъ губерніяхъ живутъ безъ земледѣлія, или вовсе безъ земли. Таковы села: Безводное, Лысково, Кимры, Апалиха, Сидоровское, Красное, Павлово, Ворсма, Красная-Рамень и пр.

Изъ поволжскихъ губерній наибольшее развитіе кустарная промышленность получила въ Тверской. Это объясняется, съ одной стороны, непроизводительностью почвы ея, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что по губерніи проходятъ весьма важные торговые пути, какъ водные, такъ и сухопутные, на которыхъ открывается удобный сбытъ для мѣстныхъ издѣлій. Изъ числа промысловъ крестьянъ Тверской губерніи особенную важность пріобрѣтаетъ шитье кожанной обуви въ уѣздахъ Корчевскомъ, Калязинскомъ, отчасти въ Бѣжецкомъ, а также въ гг. Торжкѣ и Осташковѣ. Въ поименованныхъ уѣздахъ этимъ дѣломъ занято до 7,000 человѣкъ. Главные центры производства обуви на востокѣ губерніи составляетъ село Корчевскаго уѣзда Кимры, а на сѣверо-западѣ—Осташковъ *).

Кромѣ сапожнаго промысла въ губерніи въ особенности развито производство кузнечное. Въ одномъ только Тверскомъ уѣздѣ болѣе 500 кузницъ, въ гг. Твери и Осташковѣ—до 200, болѣе чѣмъ съ 4,000 кузнецовъ. При этомъ въ каждомъ изъ уѣздовъ развито какое нибудь одно спеціальное кузнечное производство. Такъ въ однихъ уѣздахъ дѣ-

---

*) Подробныя свѣдѣнія о сапожномъ дѣлѣ въ этихъ мѣстностяхъ представлены мною ниже особою статьею.

лаютъ только сапожные и другого рода гвозди; въ Ржевскомъ, напр. уѣздѣ—только топоры; въ Осташковскомъ—топоры и серпы и т. д. При этомъ опять замѣчательна та черта, о которой было упомянуто выше: это умѣнье и сноровка русскаго человѣка взяться за всякое дѣло; такъ напр. тверской гвоздарь работаетъ только съ ноября до вскрытія рѣкъ, а уже съ весны до глубокой осени занятъ судоходствомъ по Волгѣ и Тверцѣ. Замѣчательно также распредѣленіе времени работъ въ кузницахъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ работа начинается съ 2-хъ часовъ пополуночи, прерывается днемъ на 4 часа и оканчивается за два часа до полуночи, слѣдовательно, работа продолжается 16 часовъ въ день, и при этомъ чистый заработокъ хорошаго рабочаго отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 80 к. въ недѣлю. Въ послѣднее время, именно въ 1870 г., губернское земство обратило вниманіе на печальное положеніе кузнецовъ и, чтобъ избавить ихъ отъ эксплоатаціи разныхъ скупщиковъ, міроѣдовъ, стало выдавать кузнечнымъ артелямъ ссуды съ обязательствомъ не употреблять денегъ иначе, какъ на покупку инструментовъ, желѣза и угля.

Въ недавнее время въ Тверской губерніи возникъ еще одинъ промыселъ — сывореніе. Починъ распространенія этого промысла среди тверскихъ крестьянъ принадлежитъ исключительно помѣщику Новгородской губерніи, Н. В. Верещагину, который предварительно изучалъ сывореніе въ Швейцаріи. Въ 1866 г. Тверское губернское земское собраніе выдало Верещагину на устройство склада артельныхъ сыроваренъ значительную денежную субсидію, и въ настоящее время артельное сывореніе до того окрѣпло между населеніемъ, что можетъ считаться уже укоренившимся. Въ 1872 г. выдѣлано было сыру уже на 48,500 р. Сбытъ сыровъ изъ артельныхъ сыроваренъ производится главнымъ образомъ въ Петербургѣ черезъ склады этихъ сыроваренъ. Кромѣ вышепоименованныхъ промысловъ, въ Тверской губерніи почти повсемѣстно существуетъ ручное пряденіе льна и тканье холстовъ и полотенецъ, вязанье рыболовныхъ сѣтей, чулокъ, плетеніе кружевъ, рыболовство (Осташковскаго уѣзда) и лѣсная промышленность и пр. Всѣ вышеозначенные промыслы однако не обезпечиваютъ вполнѣ средствъ къ жизни мѣстнаго населенія, и очень большое число должно уходить на заработки въ другія мѣстности.

Какъ велико число уходящихъ на сторону изъ этой губерніи, видно изъ того, что въ 1871 г. было въ отлучкѣ до 70,000 человѣкъ. Особенно много уходитъ въ обѣ столицы; рыболовы Осташковскаго уѣзда проникаютъ на озеро Ильмень, въ г. г. Нарву, Ревель и др.; изъ Корчевскаго уѣзда—лучшіе печники; плотники—изъ Ржевскаго и Корчевскаго. Не малое число рабочихъ рукъ занято на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, производительность которыхъ расширяется годъ отъ году.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію кустарной промышленности и

сельскихъ промысловъ губерніи Ярославской. Въ Ярославской губерніи, какъ извѣстно, преобладаетъ почва глинистая, суглинистая, вообще неплодородная; очень естественно, что она не даетъ обильныхъ урожаевъ и не обезпечиваетъ жителямъ продовольствія и денежныхъ средствъ. Поэтому здѣшнее населеніе съ давняго времени принуждено было, рядомъ съ земледѣліемъ, искать для себя еще другихъ источниковъ дохода. Выгодное географическое положеніе губерніи посреди сильныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, каковы Петербургъ, Москва и Нижній-Новгородъ, обиліе путей сообщенія побуждаетъ здѣшнихъ жителей искать счастія въ такъ называемыхъ отхожихъ промыслахъ и помогло имъ выработать въ себѣ предпріимчивый духъ, смѣтливость, умѣнье приспособиться къ обстоятельствамъ, чѣмъ отличаются ярославцы.

Около половины всего взрослаго населенія губерніи уходитъ ежегодно, на разные сроки, на заработки въ разныя мѣста Россіи, въ Остзейскія губерніи, въ Финляндію, на Донъ, Уралъ, на Кавказъ, въ Сибирь, въ губерніи Привислянскія. Но большинство идетъ въ Петербургъ и Москву и преимущественно изъ восточной половины губерніи и менѣе всего изъ западной.

Главную цѣль отхожихъ промысловъ составляютъ: огородничество, служба въ трактирахъ и лавкахъ и пр.

Необыкновенное разнообразіе промысловъ и ремеслъ, которыхъ въ губерніи насчитываютъ до 500, говоритъ довольно убѣдительно, что ярославецъ не задумывается ни передъ какимъ новымъ для него занятіемъ и съ увѣренностью берется за все, что кажется ему выгоднымъ. Такъ, въ Ростовскомъ уѣздѣ развито огородничество, о чемъ было нами сказано въ статьѣ о земледѣліи; тканье полотенъ особенно распространено въ Ярославскомъ уѣздѣ во многихъ селеніяхъ, центромъ которыхъ служитъ с. Великое; въ этомъ же уѣздѣ распространено производство теплой обуви (валенокъ), а также выдѣлка овчинъ,—въ особенности славятся романовскія. Въ г. Угличѣ развито производство колбасъ, которыхъ ежегодно выдѣлываютъ до 25,000 п.; онѣ преимущественно сбываются въ Петербургѣ. Кромѣ того развито производство кирпичное, гончарное (Яросл. у.), кузнечное, изготовленіе сельско-хозяйственныхъ орудій, а также судостроеніе въ уѣздахъ, расположенныхъ непосредственно по Волгѣ и, наконецъ, стоитъ упомянуть еще о сыроваренномъ производствѣ, устроенномъ тѣмъ же самымъ Верещагинымъ при поддержкѣ губернскаго земства.

Въ Костромской губерніи важнѣйшія ручныя производства суть слѣдующія: ткачество бумажныхъ и льняныхъ издѣлій, выдѣлка крестьянскихъ суконъ, производство валеной обуви, шитье перчатокъ, шапокъ, картузовъ, изготовленіе рогожъ и кулей, мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и золотыхъ издѣлій, а также выдѣлка деревянной посуды. *Ткачество бумажныхъ* издѣлій, какъ то: миткаля, холстины, нанки,

платковъ, китайки, распространено преимущественно въ уѣздахъ: Нерехотскомъ, Кинешемскомъ и Юрьевецкомъ. Крестьяне занимаются выдѣлкою бумажныхъ издѣлій только въ свободное отъ хлѣбопашества время, съ октября по апрѣль. Большая часть ткачей работаетъ изъ хозяйскаго матеріала, получая его отъ фабрикантовъ или ихъ коммиссіонеровъ; такъ напр. фабриканты извѣстнаго Иванова-Вознесенска имѣютъ здѣсь свои конторы для раздачи пряжи.

Выдѣлкою крестьянскихъ суконъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Решемскихъ", занимаются въ юго-восточной части Кинешемскаго уѣзда, въ мѣстности, лежащей къ югу отъ слободы Решмы (Решма лежитъ на правомъ берегу Волги, между г. Кинешмой и границею Юрьевецкаго уѣзда). Сѣрое сукно хорошей шерсти продается за аршинъ отъ 25 до 30 к. и черное — отъ 12 до 15 к.

Крупные промышленники продаютъ эти сукна въ гг. Харьковѣ, Нижнемъ, Москвѣ и Ростовѣ.

Работою занимаются всѣ способные и свободные члены крестьянскихъ семействъ: мужчины бьютъ шерсть, женщины и дѣти прядутъ и ткутъ.

Выдѣлка мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій сосредоточена въ Красносельской волости Костромскаго уѣзда и въ Сидоровской — Нерехотскаго. Издѣлій этихъ селъ расходится въ годъ на сумму до 300,000 р. с., прасолы развозятъ эти издѣлія по всей Россіи, вымѣнивая на нихъ щетину, перья и тряпье.

Выдѣлываются главнымъ образомъ серьги, кольца, кресты, брошки, цѣпочки для часовъ и браслеты. Продажныя цѣны мѣднымъ вещамъ— мелкимъ: отъ 40 к. до 10 р. за тысячу, крупнымъ — до 15 р. за сотню. Мелкіе кресты изъ мѣди — отъ 45 к. за фунтъ, и кольца, вѣсъ $^1/_2$ ф. въ тысячѣ, 40 к. за тысячу.

Въ большинствѣ случаевъ производство это составляетъ предметъ занятій сельскаго населенія въ свободное отъ полевыхъ работъ время, за исключеніемъ селъ Краснаго и Сидоровскаго гдѣ большая часть жителей вовсе не занимаются земледѣліемъ и круглый годъ работаютъ въ мастерскихъ, при участіи наемныхъ рабочихъ. Во всѣхъ другихъ селеніяхъ мастера работаютъ у себя на дому, причемъ болѣе легкія работы часто выполняютъ женщины и дѣти отъ 7—8 лѣтъ. Всѣ производители издѣлій находятся въ полной зависимости отъ красносельскихъ капиталистовъ, отъ которыхъ они получаютъ не только матеріалъ для работы, но и почти всегда, въ счетъ заработной платы, и разные предметы первой необходимости: холстъ, соль, свѣчи, обувь, шапки, а иногда чай и сахаръ. Заработокъ взрослаго работника, работающаго изъ хозяйскаго матеріала, въ годъ не болѣе 40 или 50 р.; это сравнительно еще считается выгоднымъ, такъ какъ семейство суконщиковъ изъ 4 работниковъ выручаетъ въ годъ не болѣе 30 р. чистой прибыли.

Первоначальное возникновеніе промысла мѣстные старожилы относятъ ко времени Отечественной войны 1812 г., когда въ г. Красномъ начали заниматься производствомъ мелкихъ металлическихъ вещей, случайно попавшіе туда, французскіе плѣнные; мѣстные крестьяне научились у нихъ этому ремеслу и сдѣлались потомъ мастерами. Въ послѣдніе годы усилилось производство часовыхъ цѣпочекъ и браслетъ вслѣдствіе запроса на нихъ.

Для своего поддержанія, промышленность эта нуждается въ примѣненіи артельнаго начала и въ дешевомъ кредитѣ, при которомъ тяжелая эксплоатація хозяевъ с. Краснаго была бы менѣе возможна, чѣмъ нынѣ.

Шитье картузовъ и шапокъ. Центромъ этого промысла служитъ с. Молвитино Буйскаго уѣзда. Товаръ сбывается на мѣстныхъ рынкахъ и развозится по разнымъ краямъ Россіи. Промыселъ это въ послѣднее время получилъ особенно широкое развитіе.

Въ лѣсныхъ уѣздахъ, какъ то: Варнавинскомъ, Макарьевскомъ и др. развито производство всевозможныхъ деревянныхъ издѣлій, производство экипажей и экипажныхъ принадлежностей, бондарныхъ издѣлій, бочарныхъ, а также домашней утвари.

Производство рогожъ и кулья составляетъ также значительный промыселъ крестьянъ Ветлужскаго уѣзда. Съ уничтоженіемъ липовыхъ лѣсовъ матеріалъ привозится преимущественно съ Нижегородской ярмарки. Выдѣланныя рогожи отправляются или въ Рыбинскъ или къ Архангельскому порту. Въ тканьѣ рогожъ принимаютъ участіе женщины и дѣти.

Отхожіе промыслы. Въ Костромской губерніи они также значительны, какъ и въ Ярославской. Изъ Юрьевецкаго уѣзда въ низовыя губерніи выходятъ овчинники, изъ Макарьевскаго—шерстобиты и валяльщики, отправляющіеся въ губерніи: Вятскую, Уфимскую, Пермскую, даже въ Сибирь и большею частью пѣшкомъ. Домой они возвращаются Великимъ постомъ, выручая въ зиму не болѣе 70 р. Въ Чухломскомъ уѣздѣ почти всѣ крестьяне живутъ по отхожимъ промысламъ; многіе изъ нихъ, въ особенности маляры, уходятъ въ самое рабочее время, получая до 120 р. за лѣто на своемъ продовольствіи. Промышляя преимущественно въ столицахъ, крестьяне нерѣдко растрачиваютъ заработанныя деньги, отвыкаютъ отъ хозяйства и отъ своихъ семействъ. Вообще замѣтно вредное вліяніе на нравственный и матеріальный бытъ крестьянъ отхожихъ промысловъ.

Что касается до губерніи Нижегородской, то среди промышленныхъ губерній Россіи она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Кустарная промышленность, по причинѣ неплодородія почвы, составляетъ главнѣйшій денежный источникъ для крестьянъ. Немаловажную роль въ развитіи кустарной промышленности Нижегородской губерніи играетъ *Нижній-Новгородъ,* какъ главный оптовый рынокъ сырья и издѣлій.

стень дѣлается опять безжизненной, кулики и прочая дичь исчезаютъ и только, лѣниво повѣсивъ головы, сидятъ кой-гдѣ орлы, какъ часовые, на вершинахъ кургановъ. Послѣ дождя подымается туманъ и на горизонтѣ появляется марево: причудливые контуры колонъ, деревьевъ, принимая разныя формы, постепенно измѣняясь, переходятъ въ разнообразные очерки и наконецъ совершенно сливаются съ горизонтомъ и постепенно исчезаютъ. Послѣ дождя, который здѣсь бываетъ рѣдко, вся зелень принимаетъ свѣжій видъ и только желтоватыя пятна, выступающія на яркой зелени, показываютъ присутствіе солончаковъ. Солончаки, ясные признаки морскаго дна, бывшаго здѣсь когда то моря, съ каждымъ десятилѣтіемъ значительно уменьшаются. Это легко объясняется тѣмъ, что соль вывѣтривается и мало по малу исчезаетъ съ поверхности. На всемъ пространствѣ южной части Новоузенскаго уѣзда подпочва состоитъ изъ земли съ примѣсями сѣрно-кислой магнезіи и поваренной соли—главныхъ составныхъ частей морской воды. Самая колодезная вода на югѣ Новоузенскаго уѣзда горько-соленаго вкуса. Все это доказываетъ, что верхніе пласты успѣли вывѣтриться, тогда какъ нижніе остаются настоящими солончаками.

Заселеніе этихъ степей шло разными путями: сюда переселялись изъ другихъ губерній государственные крестьяне, сюда же шли раскольники, сюда же бѣжали и крѣпостные, надѣясь найти здѣсь свободу въ привольныхъ киргизскихъ степяхъ, строили избенки, или нанимались къ киргизамъ въ работники. Здѣсь то и выработался особый типъ здѣшняго населенія, бойкій народъ, ловкіе наѣздники, во многомъ пріобрѣтшіе себѣ киргизскія привычки.

Часть киргизъ бывшей Букѣевской орды перекочевываютъ въ лѣтнее время въ Новоузенскій уѣздъ, а по мѣрѣ приближенія къ осени, удаляются на югъ. Кочевья ихъ начинаются въ срединѣ апрѣля и продолжаются до первыхъ чиселъ октября. Скотъ держится зимой въ степи, гдѣ добываетъ себѣ самъ подножный кормъ. Въ послѣднее время киргизы стали снимать на зиму значительные участки въ землѣ Уральскаго войска, платя по 30 к. съ лошади въ зиму, отъ 1-го ноября до 1-го апрѣля. Если снѣгъ очень глубокъ, или наступаютъ вскорѣ послѣ дождей морозы, такъ что добываніе корма дѣлается невозможнымъ, то лошадей кормятъ сѣномъ. Въ неурожайные годы, когда замѣтенъ недостатокъ травъ, киргизы перекочевываютъ въ калмыцкія степи и тамъ почти всегда находятъ кормъ для своихъ стадъ, платя въ зиму за прокормъ барана отъ 50 к. до 2 р. Пастухи даютъ за зимнее время, за 6 мѣсяцевъ, лошадь, которую оцѣниваютъ въ 30 руб. Всю зиму пастухъ проводитъ въ кибиткѣ, одѣтый довольно легко, постоянно на морозѣ и зорко сторожа свой табунъ отъ волковъ и постоянно отыскивая мѣста для корма, перенося зачастую и голодъ, и холодъ. Зато киргизъ считается лучшимъ пастухомъ: русскіе и нѣмцы берутъ *охотно киргизовъ* въ пастухи. Года два какъ киргизы стали зани-

маться хозяйствомъ сами, стали, хотя въ незначительномъ еще количествѣ, засѣвать пшеницу бѣлотурку.

На зиму они перекочевываютъ въ разныя мѣстности, гдѣ каждый аулъ имѣетъ свои зимовки, часто состоящія изъ очень плохихъ глиняныхъ мазанокъ, сырыхъ, низенькихъ, въ которыхъ трудно пробыть нѣсколько минутъ отъ дыма и запаха кизяка: деревянные же дома имѣютъ только богатые люди.

Пища киргизъ состоитъ лѣтомъ изъ баранины, кумыса и чая, который они пьютъ въ значительномъ количествѣ; кромѣ того, у нихъ отъ осени сохраняется соленое мясо лошади, которое, поджаренное, служитъ лакомымъ блюдомъ.

Зимой ѣдятъ одно соленое мясо; вмѣстѣ съ тѣмъ зима самое тяжелое время для небогатыхъ киргизъ: кумысъ зимой не приготовляется, и остается одна мука, изъ которой приготовляютъ болтушку.

Богатые киргизы имѣютъ до пяти и шести тысячъ головъ лошадей. Лѣтнія кочевки состоятъ изъ полукруглыхъ войлочныхъ кибитокъ на рѣшетчатомъ основаніи; войлокъ можетъ быть поднятъ какъ на верху, такъ и по бокамъ кибитки, что составляетъ немаловажное удобство киргизскаго лѣтняго жилища. У богатыхъ киргизъ внутренность кибитки разукрашена фольгой и повсюду висятъ бѣлыя суконныя полосы, вышитыя разноцвѣтнымъ сукномъ, рисунокъ которыхъ въ восточномъ вкусѣ. Кругомъ кибитки стоятъ сундуки, лежатъ ковры и подушки, на которыхъ киргизы въ состояніи сидѣть по цѣлымъ часамъ, поджавши ноги подъ себя. Жены бѣдныхъ киргизъ приготовляютъ платье, обувь какъ для себя, такъ и для мужа и вообще вся ихъ жизнь состоитъ изъ непосильнаго труда, отъ котораго избавляетъ ихъ только одна смерть. Вся домашняя утварь, въ которой приготовляется пища, чрезвычайно грязна, и только невзыскательный киргизъ можетъ ѣсть баранину изъ котла, въ которомъ моютъ бѣлье. Нужно отдать справедливость киргизамъ, что они сохранили одну патріархальную черту, которая сохранилась у всѣхъ кочевыхъ народовъ—гостепріимство. Тотчасъ по пріѣздѣ путешественника, приносится кумысъ и чай, затѣмъ варится баранина, которою подчуютъ прямо изъ рукъ, стараясь угостить тонкими кусками жира, положеннаго на такіе же куски печенки. Послѣ этого кушанья подается бульонъ изъ баранины, чрезвычайно грязный и жирный, съ плавающими остатками бараньей шерсти, который съ жадностью выпивается киргизами.

Все, что не доѣдаютъ хозяева и гости, перебрасывается работникамъ, которые жадно грызутъ кости и на лицахъ ихъ выступаютъ крупныя капли пота отъ напряженія. Затѣмъ на полъ ставится кумысъ, потомъ является чай въ плоскихъ маленькихъ чашкахъ. Самоваръ обыкновенно нечищенный, весь зеленный, огромныхъ размѣровъ, выпивается весь, и только тогда расходятся гости.

Когда предполагается стричь барановъ, то на эту церемонію (т. е.

на ловлю нестриженныхъ) киргизы выѣзжаютъ верхами, у каждаго въ рукахъ длинная палка съ веревкою, посредствомъ которой баранъ опутывается и падаетъ; къ нему бѣгутъ и съ торжествомъ несутъ къ женщинамъ, а тѣ начинаютъ стричь.

Вообще вся жизнь этого народа сводится на пріобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей и, не зная роскоши, онъ довольствуется произведеніями своихъ стадъ, покупаетъ только муку, платье для женъ и для себя и кой-какую утварь у проѣзжихъ русскихъ купцовъ.

Вся южная часть Новоузенскаго уѣзда чрезвычайно слабо заселена, и села лежатъ одно отъ другаго на значительномъ разстояніи, и только нѣмецкія колоніи и менонитскія расположены въ незначительномъ разстояніи одна отъ другой.

Странно поражаетъ каждаго наблюдателя здѣшнее степное хозяйство: отсутствіе построекъ, амбаровъ, скотныхъ дворовъ и вообще всего того, что считается во внутреннихъ губерніяхъ необходимой принадлежностью сельскаго хозяйства. Все хозяйство здѣсь основано на возможно меньшей затратѣ денегъ—засѣять возможно большее число десятинъ и, при первыхъ признакахъ истощенія почвы, переходить на новую землю. Арендаторское хозяйство истощаетъ землю въ два года, не улучшая почвы и не заселяя мѣстности, оно тяжело отзовется своимъ неразумнымъ веденіемъ въ недалекомъ будущемъ. Все хозяйство чрезвычайно несложно: снимается новая земля, поднимается плугомъ, засѣвается и затѣмъ хозяинъ не навѣщаетъ поля; когда приходитъ время жатвы, нанимаются жнецы, хлѣбъ тутъ же обмалачивается, а потомъ свозятъ его тотчасъ же на пристань, чтобы успѣть продать до окончанія пароходныхъ рейсовъ. Такъ ведутся въ общихъ чертахъ почти всѣ здѣшнія хозяйства: крупное купеческое и мелкое крестьянское; исключеніе развѣ одно, что въ большихъ хозяйствахъ кой-гдѣ стали примѣнять паровыя молотилки. Крестьянскіе надѣлы здѣсь относительно очень велики: отъ 10 до 11 десятинъ удобной земли на душу; но крестьяне не удовлетворяются своей землей, берутъ землю въ аренду у купцовъ, не смотря на то, что арендныя цѣны поднимаются съ каждымъ годомъ; такъ за хозяйственную десятину подъ пшеницу платятъ до 5 руб. и даже до 6 р.

Что касается крупныхъ арендаторовъ, то они большею частью принадлежатъ къ купеческому и рѣдко къ крестьянскому сословію; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Мальцевъ, Плѣшановъ, Задковъ, Кругляковъ, Медвѣдевъ, снимаютъ отъ 16—до 36,000 десятинъ въ отдѣльности, платя за десятину отъ $11^1/_2$ до 39 коп., такъ что въ урожайный годъ одна отдача ими пахотнаго участка крестьянамъ вполнѣ покрываетъ арендную плату, не считая сѣнокоса и другихъ земель, на которыя пускается скотъ. Рабочихъ крупные арендаторы нанимаютъ *только пришлыхъ* изъ губерній Пензенской, Тамбовской, Нижегородской

и Симбирской. Годовые работники обходятся здѣсь до 100 р., лѣтніе отъ 50 до 60 на хозяйскихъ харчахъ, да кромѣ того каждому рабочему дается десятина хлѣба, засѣваемая и обмолачиваемая на счетъ хозяина.

Общій бытъ крестьянъ значительно лучше нашихъ центральныхъ губерній: крестьяне ѣдятъ мясо постоянно, осенью и зимою, исключая постовъ, средъ и пятницъ; къ 1-му октября бьютъ барановъ, зимой— свиней и заготовляютъ соленую баранину, свинину и сало на цѣлый годъ. Крестьяне, ихъ жены и дочери носятъ ситецъ; домашнее тканье встрѣчается только на работникахъ изъ другихъ губерній. Кромѣ своего хозяйства главный доходъ крестьянъ отъ аренды земель, а также отъ торговли съ киргизами, которымъ крестьяне продаютъ посуду, масло, муку, а взамѣнъ того получаютъ шерсть и сало; здѣшніе крестьяне въ иныхъ селахъ служатъ въ торговлѣ посредниками между киргизами и русскими купцами; мало того, есть села, какъ напр. Александровъ-Гай, гдѣ всѣ крестьяне говорятъ хорошо по киргизски.

Въ южной же части Новоузенскаго уѣзда живетъ до 105 семействъ, принадлежащихъ къ такъ называемой Молаканской сектѣ. Молакане живутъ замкнуто, и православные сталкиваются съ ними только при торговыхъ сношеніяхъ. Большинство молаканъ грамотные и весь досугъ они употребляютъ на изученіе Евангелія, которое составляетъ единственную основу ихъ вѣрованій, такъ какъ они не признаютъ ни преданія, ни писаній святыхъ отцевъ церкви. Нѣкоторые изъ молаканъ достигли изумительныхъ знаній Евангелія и Библіи; постоянное занятіе, размышленіе, углубленіе въ изученіе и разъясненіе св. Писанія придало имъ особый видъ: чрезвычайно сдержанный, сосредоточенный, напоминающій англійскихъ сектантовъ. Дома ихъ содержатся гораздо чище, чѣмъ остальныхъ крестьянъ, пьетъ только одно молодое поколѣніе, да и то очень незначительно. Молакане ведутъ вообще очень скромную жизнь: они не раздѣляютъ нашихъ деревенскихъ удовольствій, и это еще болѣе ихъ отчуждаетъ отъ православнаго населенія. По воскресеньямъ они собираются въ домъ, который просторнѣе другихъ, причемъ однимъ изъ нихъ читается Евангеліе и затѣмъ прочитанное стараются объяснить, и, какъ слѣдуетъ ожидать, возникаютъ споры.

Помощь ближнему ставится въ обязанность членамъ общины; этимъ объясняется, что между ними почти нѣтъ людей, совершенно обѣднѣвшихъ. Каждый дурной поступокъ обсуждается въ собраніи; виновному сначала дѣлается внушеніе, если же это не помогаетъ, то его исключаютъ изъ общества на извѣстный срокъ или совершенно, и наказанный не имѣетъ права являться въ собраніе до назначеннаго срока.

3. Кустарная промышленность.

Вездѣ, гдѣ почва Россіи не даетъ достаточныхъ средствъ на прокормленіе крестьянской семьи и на уплату, лежащихъ на крестьянинѣ, платежей и повинностей—посторонній промыселъ является неизбѣжнымъ условіемъ крестьянскаго хозяйства. Часть населенія ищетъ заработковъ вдали отъ семьи и родины и занимается *отхожими* промыслами, идетъ въ города для торговли или найма, работаетъ на фабрикахъ и заводахъ, нанимается на сельскія работы тамъ, гдѣ требуются рабочія силы, идетъ въ извозъ, составляетъ ватаги, тянетъ лямку, однимъ словомъ, ищетъ работы и лишнюю копѣйку вездѣ, гдѣ только можетъ найти то и другое, переходя отъ одного промысла къ другому и отъ одного хозяина къ другому. Другая часть населенія сидитъ дома и занимается ремесломъ въ кругу семьи. Свободное отъ сельскихъ работъ время, длинныя зимы, а чаще всего непроизводительность труда, затрачиваемаго на тощій надѣлъ и неблагодарную почву, заставляетъ его искать постояннаго заработка, спеціализировать свой трудъ. Такимъ образомъ возникла сельская ремесленность, какъ принадлежность сельскаго быта, почти совершенно независимая отъ городской ремесленности и отъ фабричной производительности. Предназначенная сначала для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ сельскаго населенія, ремесленность эта скоро пріобрѣла значеніе самостоятельной формы производительности, такъ называемой *кустарной* промышленности.

Такимъ образомъ, подъ кустарною промышленностью разумѣются промыслы и ремесла, которыми крестьяне занимаются въ свободное отъ полевыхъ занятій время, для пополненія въ своемъ коренномъ занятіи, земледѣліи. Кустарная промышленность является подспорьемъ въ крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ; она спасаетъ крестьянина отъ голода, отъ недоимокъ, и ея роль была бы еще болѣе благодѣтельна, еслибъ освободить ее отъ промышленнаго міроѣдства, отъ техническаго невѣжества, еслибъ открыть ей краткосрочный кредитъ и пр. Кромѣ того, за кустарною промышленностью надо признать и *нравственное* значеніе. Извѣстно, что у насъ, въ Россіи зимы суровы и продолжительны. Въ это время невозможны никакія полевыя работы. Куда крестьянинъ дѣвался бы съ своимъ полугодовымъ досугомъ? И вотъ является ему подспорье, полезный и выгодный трудъ мелкаго ремесленника, спасающій его отъ нравственнаго растлѣнія. Далѣе, общепризнано, что по развитію своему ремесленникъ стоитъ гораздо выше земледѣльца, умственный кругозоръ котораго очень тѣсенъ. Интересы крестьянина земледѣльца и ремесленника вмѣстѣ несравненно шире и разнообразнѣе. Нельзя не удивляться ловкости, изворотливости, необыкновенной способности ко всевозможнымъ промысламъ и ремесламъ, *которая справедливо* считается яркою чертою народнаго характера.

Если нашъ крестьянинъ недоволенъ своимъ ремесломъ, то онъ бросаетъ его и хватается за другое; изъ башмачника превращается въ портнаго или столяра и такимъ образомъ, съ необычайною ловкостью переходитъ отъ одного промысла къ другому. Удастся ему прикопить нѣсколько деньжонокъ, онъ покупаетъ себѣ лишнюю лошадь и телѣгу, пускается въ извозъ, колеситъ съ сѣвера на югъ одну губернію за другою, и если его дѣлишки пошли удачно, то черезъ нѣсколько времени онъ припишется куда нибудь къ купечеству. Если характеръ русскаго крестьянина дѣйствительно таковъ, то на кустарную промышленность можно смотрѣть, какъ на *выраженіе народнаго характера* и признать ее вполнѣ народною формою промышленности.

Кустарная промышленность идетъ всегда вслѣдъ за истощеніемъ почвы: она неизмѣнная спутница этого страшнаго зла нашего земледѣлія. Развилась она въ центральной полосѣ еще въ прошломъ столѣтіи, преимущественно въ мѣстностяхъ около Москвы, и теперь въ губерніяхъ верхняго Поволжья, Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской она занимаетъ множество рукъ. Достаточно сказать, что изъ одной Нижегородской губерніи, а также въ Костромской и Ярославской $^1/_5$ часть всего наличнаго сельскаго населенія находится въ отхожихъ промыслахъ, и масса промышленныхъ селъ въ названныхъ губерніяхъ живутъ безъ земледѣлія, или вовсе безъ земли. Таковы села: Безводное, Лысково, Кимры, Апалиха, Сидоровское, Красное, Павлово, Ворсма, Красная-Рамень и пр.

Изъ поволжскихъ губерній наибольшее развитіе кустарная промышленность получила въ Тверской. Это объясняется, съ одной стороны, непроизводительностью почвы ея, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что по губерніи проходятъ весьма важные торговые пути, какъ водные, такъ и сухопутные, на которыхъ открывается удобный сбытъ для мѣстныхъ издѣлій. Изъ числа промысловъ крестьянъ Тверской губерніи особенную важность пріобрѣтаетъ шитье кожанной обуви въ уѣздахъ Корчевскомъ, Калязинскомъ, отчасти въ Бѣжецкомъ, а также въ гг. Торжкѣ и Осташковѣ. Въ поименованныхъ уѣздахъ этимъ дѣломъ занято до 7,000 человѣкъ. Главные центры производства обуви на востокѣ губерніи составляетъ село Корчевскаго уѣзда Кимры, а на сѣверо-западѣ—Осташковъ *).

Кромѣ сапожнаго промысла въ губерніи въ особенности развито производство кузнечное. Въ одномъ только Тверскомъ уѣздѣ болѣе 500 кузницъ, въ гг. Твери и Осташковѣ—до 200, болѣе чѣмъ съ 4,000 кузнецовъ. При этомъ въ каждомъ изъ уѣздовъ развито какое нибудь одно спеціальное кузнечное производство. Такъ въ однихъ уѣздахъ дѣ-

---

*) Подробныя свѣдѣнія о сапожномъ дѣлѣ въ этихъ мѣстностяхъ представлены мною ниже особою статьею.

[illegible] другой родъ гвоздей въ Ржевскомъ [illegible] [illegible] Осташковскомъ—тонкой [illegible] [illegible] [illegible]

сельскихъ промысловъ губерніи Ярославской. Въ Ярославской губерніи, какъ извѣстно, преобладаетъ почва глинистая, суглинистая, вообще неплодородная; очень естественно, что она не даетъ обильныхъ урожаевъ и не обезпечиваетъ жителямъ продовольствія и денежныхъ средствъ. Поэтому здѣшнее населеніе съ давняго времени принуждено было, рядомъ съ земледѣліемъ, искать для себя еще другихъ источниковъ дохода. Выгодное географическое положеніе губерніи посреди сильныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, каковы Петербургъ, Москва и Нижній-Новгородъ, обиліе путей сообщенія побуждаетъ здѣшнихъ жителей искать счастія въ такъ называемыхъ отхожихъ промыслахъ и помогло имъ выработать въ себѣ предпріимчивый духъ, смѣтливость, умѣнье приспособиться къ обстоятельствамъ, чѣмъ отличаются ярославцы.

Около половины всего взрослаго населенія губерніи уходитъ ежегодно, на разные сроки, на заработки въ разныя мѣста Россіи, въ Остзейскія губерніи, въ Финляндію, на Донъ, Уралъ, на Кавказъ, въ Сибирь, въ губерніи Привислянскія. Но большинство идетъ въ Петербургъ и Москву и преимущественно изъ восточной половины губерніи и менѣе всего изъ западной.

Главную цѣль отхожихъ промысловъ составляютъ: огородничество, служба въ трактирахъ и лавкахъ и пр.

Необыкновенное разнообразіе промысловъ и ремеслъ, которыхъ въ губерніи насчитываютъ до 500, говоритъ довольно убѣдительно, что ярославецъ не задумывается ни передъ какимъ новымъ для него занятіемъ и съ увѣренностью берется за все, что кажется ему выгоднымъ. Такъ, въ Ростовскомъ уѣздѣ развито огородничество, о чемъ было нами сказано въ статьѣ о земледѣліи; тканье полотенъ особенно распространено въ Ярославскомъ уѣздѣ во многихъ селеніяхъ, центромъ которыхъ служитъ с. Великое; въ этомъ же уѣздѣ распространено производство теплой обуви (валенокъ), а также выдѣлка овчинъ,—въ особенности славятся романовскія. Въ г. Угличѣ развито производство колбасъ, которыхъ ежегодно выдѣлываютъ до 25,000 п.; онѣ преимущественно сбываются въ Петербургѣ. Кромѣ того развито производство кирпичное, гончарное (Яросл. у.), кузнечное, изготовленіе сельско-хозяйственныхъ орудій, а также судостроеніе въ уѣздахъ, расположенныхъ непосредственно по Волгѣ и, наконецъ, стоитъ упомянуть еще о сыроваренномъ производствѣ, устроенномъ тѣмъ же самымъ Верещагинымъ при поддержкѣ губернскаго земства.

Въ Костромской губерніи важнѣйшія ручныя производства суть слѣдующія: ткачество бумажныхъ и льняныхъ издѣлій, выдѣлка крестьянскихъ суконъ, производство валеной обуви, шитье перчатокъ, шапокъ, картузовъ, изготовленіе рогожъ и кулей, мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и золотыхъ издѣлій, а также выдѣлка деревянной посуды. *Ткачество бумажныхъ* издѣлій, какъ то: миткаля, холстины, ланы

платковъ, китайки, распространено преимущественно въ уѣздахъ: Нерехотскомъ, Кинешемскомъ и Юрьевецкомъ. Крестьяне занимаются выдѣлкою бумажныхъ издѣлій только въ свободное отъ хлѣбопашества время, съ октября по апрѣль. Большая часть ткачей работаетъ изъ хозяйскаго матеріала, получая его отъ фабрикантовъ или ихъ коммиссіонеровъ; такъ напр. фабриканты извѣстнаго Иванова-Вознесенска имѣютъ здѣсь свои конторы для раздачи пряжи.

Выдѣлкою крестьянскихъ суконъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Решемскихъ", занимаются въ юго-восточной части Кинешемскаго уѣзда, въ мѣстности, лежащей къ югу отъ слободы Решмы (Решма лежитъ на правомъ берегу Волги, между г. Кинешмой и границею Юрьевецкаго уѣзда). Сѣрое сукно хорошей шерсти продается за аршинъ отъ 25 до 30 к. и черное — отъ 12 до 15 к.

Крупные промышленники продаютъ эти сукна въ гг. Харьковѣ, Нижнемъ, Москвѣ и Ростовѣ.

Работою занимаются всѣ способные и свободные члены крестьянскихъ семействъ: мужчины бьютъ шерсть, женщины и дѣти прядутъ и ткутъ.

Выдѣлка мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій сосредоточена въ Красносельской волости Костромскаго уѣзда и въ Сидоровской — Нерехотскаго. Издѣлій этихъ селъ расходится въ годъ на сумму до 300,000 р. с., прасолы развозятъ эти издѣлія по всей Россіи, вымѣнивая на нихъ щетину, перья и тряпье.

Выдѣлываются главнымъ образомъ серьги, кольца, кресты, брошки, цѣночки для часовъ и браслеты. Продажныя цѣны мѣднымъ вещамъ— мелкимъ: отъ 40 к. до 10 р. за тысячу, крупнымъ — до 15 р. за сотню. Мелкіе кресты изъ мѣди — отъ 45 к. за фунтъ, и кольца, вѣсъ $^1/_2$ ф. въ тысячѣ, 40 к. за тысячу.

Въ большинствѣ случаевъ производство это составляетъ предметъ занятій сельскаго населенія въ свободное отъ полевыхъ работъ время, за исключеніемъ селъ Краснаго и Сидоровскаго гдѣ большая часть жителей вовсе не занимаются земледѣліемъ и круглый годъ работаютъ въ мастерскихъ, при участіи наемныхъ рабочихъ. Во всѣхъ другихъ селеніяхъ мастера работаютъ у себя на дому, причемъ болѣе легкія работы часто выполняютъ женщины и дѣти отъ 7—8 лѣтъ. Всѣ производители издѣлій находятся въ полной зависимости отъ красносельскихъ капиталистовъ, отъ которыхъ они получаютъ не только матеріалъ для работы, но и почти всегда, въ счетъ заработной платы, и разные предметы первой необходимости: холстъ, соль, свѣчи, обувь, шапки, а иногда чай и сахаръ. Заработокъ взрослаго работника, работающаго изъ хозяйскаго матеріала, въ годъ не болѣе 40 или 50 р.; это сравнительно еще считается выгоднымъ, такъ какъ семейство суконщиковъ изъ 4 работниковъ выручаетъ въ годъ не болѣе 30 р. и прибыли.

Первоначальное возникновеніе промысла мѣстные старожилы относятъ ко времени Отечественной войны 1812 г., когда въ г. Красномъ начали заниматься производствомъ мелкихъ металлическихъ вещей, случайно попавшіе туда, французскіе плѣнные; мѣстные крестьяне научились у нихъ этому ремеслу и сдѣлались потомъ мастерами. Въ послѣдніе годы усилилось производство часовыхъ цѣпочекъ и браслетъ вслѣдствіе запроса на нихъ.

Для своего поддержанія, промышленность эта нуждается въ примѣненіи артельнаго начала и въ дешевомъ кредитѣ, при которомъ тяжелая эксплоатація хозяевъ с. Краснаго была бы менѣе возможна, чѣмъ нынѣ.

Шитье картузовъ и шапокъ. Центромъ этого промысла служитъ с. Молвитино Буйскаго уѣзда. Товаръ сбывается на мѣстныхъ рынкахъ и развозится по разнымъ краямъ Россіи. Промыселъ это въ послѣднее время получилъ особенно широкое развитіе.

Въ лѣсныхъ уѣздахъ, какъ то: Варнавинскомъ, Макарьевскомъ и др. развито производство всевозможныхъ деревянныхъ издѣлій, производство экипажей и экипажныхъ принадлежностей, бондарныхъ издѣлій, бочарныхъ, а также домашней утвари.

Производство рогожъ и кулья составляетъ также значительный промыселъ крестьянъ Ветлужскаго уѣзда. Съ уничтоженіемъ липовыхъ лѣсовъ матеріалъ привозится преимущественно съ Нижегородской ярмарки. Выдѣланныя рогожи отправляются или въ Рыбинскъ или къ Архангельскому порту. Въ тканьѣ рогожъ принимаютъ участіе женщины и дѣти.

Отхожіе промыслы. Въ Костромской губерніи они также значительны, какъ и въ Ярославской. Изъ Юрьевецкаго уѣзда въ низовыя губерніи выходятъ овчинники, изъ Макарьевскаго—шерстобиты и валяльщики, отправляющіеся въ губерніи: Вятскую, Уфимскую, Пермскую, даже въ Сибирь и большею частью пѣшкомъ. Домой они возвращаются Великимъ постомъ, выручая въ зиму не болѣе 70 р. Въ Чухломскомъ уѣздѣ почти всѣ крестьяне живутъ по отхожимъ промысламъ; многіе изъ нихъ, въ особенности маляры, уходятъ въ самое рабочее время, получая до 120 р. за лѣто на своемъ продовольствіи. Промышляя преимущественно въ столицахъ, крестьяне нерѣдко растрачиваютъ заработанныя деньги, отвыкаютъ отъ хозяйства и отъ своихъ семействъ. Вообще замѣтно вредное вліяніе на нравственный и матеріальный бытъ крестьянъ отхожихъ промысловъ.

Что касается до губерніи Нижегородской, то среди промышленныхъ губерній Россіи она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Кустарная промышленность, по причинѣ неплодородія почвы, составляетъ главнѣйшій денежный источникъ для крестьянъ. Немаловажную роль въ развитіи кустарной промышленности Нижегородской губерніи играет *Нижній-Новгородъ,* какъ главный оптовый рынокъ сырья и издѣ

стень дѣлается опять безжизненной, кулики и прочая дичь исчезаютъ и только, лѣниво повѣсивъ головы, сидятъ кой-гдѣ орлы, какъ часовые, на вершинахъ кургановъ. Послѣ дождя подымается туманъ и на горизонтѣ появляется марево: причудливые контуры колонъ, деревьевъ, принимая разныя формы, постепенно измѣняясь, переходятъ въ разнообразные очерки и наконецъ совершенно сливаются съ горизонтомъ и постепенно исчезаютъ. Послѣ дождя, который здѣсь бываетъ рѣдко, вся зелень принимаетъ свѣжій видъ и только желтоватыя пятна, выступающія на яркой зелени, показываютъ присутствіе солончаковъ. Солончаки, ясные признаки морскаго дна, бывшаго здѣсь когда то моря, съ каждымъ десятилѣтіемъ значительно уменьшаются. Это легко объясняется тѣмъ, что соль вывѣтривается и мало по малу исчезаетъ съ поверхности. На всемъ пространствѣ южной части Новоузенскаго уѣзда подпочва состоитъ изъ земли съ примѣсями сѣрно-кислой магнезіи и поваренной соли—главныхъ составныхъ частей морской воды. Самая колодезная вода на югѣ Новоузенскаго уѣзда горько-соленаго вкуса. Все это доказываетъ, что верхніе пласты успѣли вывѣтриться, тогда какъ нижніе остаются настоящими солончаками.

Заселеніе этихъ степей шло разными путями: сюда переселялись изъ другихъ губерній государственные крестьяне, сюда же шли раскольники, сюда же бѣжали и крѣпостные, надѣясь найти здѣсь свободу въ привольныхъ киргизскихъ степяхъ, строили избенки, или нанимались къ киргизамъ въ работники. Здѣсь то и выработался особый типъ здѣшняго населенія, бойкій народъ, ловкіе наѣздники, во многомъ пріобрѣтшіе себѣ киргизскія привычки.

Часть киргизъ бывшей Букѣевской орды перекочевываютъ въ лѣтнее время въ Новоузенскій уѣздъ, а по мѣрѣ приближенія къ осени, удаляются на югъ. Кочевья ихъ начинаются въ срединѣ апрѣля и продолжаются до первыхъ чиселъ октября. Скотъ держится зимой въ степи, гдѣ добываетъ себѣ самъ подножный кормъ. Въ послѣднее время киргизы стали снимать на зиму значительные участки въ землѣ Уральскаго войска, платя по 30 к. съ лошади въ зиму, отъ 1-го ноября до 1-го апрѣля. Если снѣгъ очень глубокъ, или наступаютъ вскорѣ послѣ дождей морозы, такъ что добываніе корма дѣлается невозможнымъ, то лошадей кормятъ сѣномъ. Въ неурожайные годы, когда замѣтенъ недостатокъ травъ, киргизы перекочевываютъ въ калмыцкія степи и тамъ почти всегда находятъ кормъ для своихъ стадъ, платя въ зиму за прокормъ барана отъ 50 к. до 2 р. Пастухи даютъ за зимнее время, за 6 мѣсяцевъ, лошадь, которую оцѣниваютъ въ 30 руб. Всю зиму пастухъ проводитъ въ кибиткѣ, одѣтый довольно легко, постоянно на морозѣ и зорко сторожа свой табунъ отъ волковъ и постоянно отыскивая мѣста для корма, перенося зачастую и голодъ, и холодъ. Зато киргизъ считается лучшимъ пастухомъ: русскіе и нѣмцы берутъ *охотно киргизовъ въ* пастухи. Года два какъ киргизы стали зани-

маться хозяйствомъ сами, стали, хотя въ незначительномъ еще количествѣ, засѣвать пшеницу бѣлотурку.

На зиму они перекочевываютъ въ разныя мѣстности, гдѣ каждый аулъ имѣетъ свои зимовки, часто состоящія изъ очень плохихъ глиняныхъ мазанокъ, сырыхъ, низенькихъ, въ которыхъ трудно пробыть нѣсколько минутъ отъ дыма и запаха кизяка: деревянные же дома имѣютъ только богатые люди.

Пища киргизъ состоитъ лѣтомъ изъ баранины, кумыса и чая, который они пьютъ въ значительномъ количествѣ; кромѣ того, у нихъ отъ осени сохраняется соленое мясо лошади, которое, поджаренное, служитъ лакомымъ блюдомъ.

Зимой ѣдятъ одно соленое мясо; вмѣстѣ съ тѣмъ зима самое тяжелое время для небогатыхъ киргизъ: кумысъ зимой не приготовляется, и остается одна мука, изъ которой приготовляютъ болтушку.

Богатые киргизы имѣютъ до пяти и шести тысячъ головъ лошадей. Лѣтнія кочевки состоятъ изъ полукруглыхъ войлочныхъ кибитокъ на рѣшетчатомъ основаніи; войлокъ можетъ быть поднятъ какъ на верху, такъ и по бокамъ кибитки, что составляетъ немаловажное удобство киргизскаго лѣтняго жилища. У богатыхъ киргизъ внутренность кибитки разукрашена фольгой и повсюду висятъ бѣлыя суконныя полосы, вышитыя разноцвѣтнымъ сукномъ, рисунокъ которыхъ въ восточномъ вкусѣ. Кругомъ кибитки стоятъ сундуки, лежатъ ковры и подушки, на которыхъ киргизы въ состояніи сидѣть по цѣлымъ часамъ, поджавши ноги подъ себя. Жены бѣдныхъ киргизъ приготовляютъ платье, обувь какъ для себя, такъ и для мужа и вообще вся ихъ жизнь состоитъ изъ непосильнаго труда, отъ котораго избавляетъ ихъ только одна смерть. Вся домашняя утварь, въ которой приготовляется пища, чрезвычайно грязна, и только невзыскательный киргизъ можетъ ѣсть баранину изъ котла, въ которомъ моютъ бѣлье. Нужно отдать справедливость киргизамъ, что они сохранили одну патріархальную черту, которая сохранилась у всѣхъ кочевыхъ народовъ—гостепріимство. Тотчасъ по пріѣздѣ путешественника, приносится кумысъ и чай, затѣмъ варится баранина, которою подчуютъ прямо изъ рукъ, стараясь угостить тонкими кусками жира, положеннаго на такіе же куски печенки. Послѣ этого кушанья подается бульонъ изъ баранины, чрезвычайно грязный и жирный, съ плавающими остатками бараньей шерсти, который съ жадностью выпивается киргизами.

Все, что не доѣдаютъ хозяева и гости, перебрасывается работникамъ, которые жадно грызутъ кости и на лицахъ ихъ выступаютъ крупныя капли пота отъ напряженія. Затѣмъ на полъ ставится кумысъ, потомъ является чай въ плоскихъ маленькихъ чашкахъ. Самоваръ обыкновенно нечищенный, весь зеленный, огромныхъ размѣровъ, выпивается весь, и только тогда расходятся гости.

Когда предполагается стричь барановъ, то на эту церемонію (т. е.

на ловлю нестриженныхъ) киргизы выѣзжаютъ верхами, у каждаго въ рукахъ длинная палка съ веревкою, посредствомъ которой баранъ опутывается и падаетъ; къ нему бѣгутъ и съ торжествомъ несутъ къ женщинамъ, а тѣ начинаютъ стричь.

Вообще вся жизнь этого народа сводится на пріобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей и, не зная роскоши, онъ довольствуется произведеніями своихъ стадъ, покупаетъ только муку, платье для женъ и для себя и кой-какую утварь у проѣзжихъ русскихъ купцовъ.

Вся южная часть Новоузенскаго уѣзда чрезвычайно слабо заселена, и села лежатъ одно отъ другаго на значительномъ разстояніи, и только нѣмецкія колоніи и менонитскія расположены въ незначительномъ разстояніи одна отъ другой.

Странно поражаетъ каждаго наблюдателя здѣшнее степное хозяйство: отсутствіе построекъ, амбаровъ, скотныхъ дворовъ и вообще всего того, что считается во внутреннихъ губерніяхъ необходимой принадлежностью сельскаго хозяйства. Все хозяйство здѣсь основано на возможно меньшей затратѣ денегъ—засѣять возможно большее число десятинъ и, при первыхъ признакахъ истощенія почвы, переходить на новую землю. Арендаторское хозяйство истощаетъ землю въ два года, не улучшая почвы и не заселяя мѣстности, оно тяжело отзовется своимъ неразумнымъ веденіемъ въ недалекомъ будущемъ. Все хозяйство чрезвычайно несложно: снимается новая земля, поднимается плугомъ, засѣвается и затѣмъ хозяинъ не навѣщаетъ поля; когда приходитъ время жатвы, нанимаются жнецы, хлѣбъ тутъ же обмалачивается, а потомъ свозятъ его тотчасъ же на пристань, чтобы успѣть продать до окончанія пароходныхъ рейсовъ. Такъ ведутся въ общихъ чертахъ почти всѣ здѣшнія хозяйства: крупное купеческое и мелкое крестьянское; исключеніе развѣ одно, что въ большихъ хозяйствахъ кой-гдѣ стали примѣнять паровыя молотилки. Крестьянскіе надѣлы здѣсь относительно очень велики: отъ 10 до 11 десятинъ удобной земли на душу; но крестьяне не удовлетворяются своей землей, берутъ землю въ аренду у купцовъ, не смотря на то, что арендныя цѣны поднимаются съ каждымъ годомъ; такъ за хозяйственную десятину подъ пшеницу платятъ до 5 руб. и даже до 6 р.

Что касается крупныхъ арендаторовъ, то они большею частью принадлежатъ къ купеческому и рѣдко къ крестьянскому сословію; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Мальцевъ, Плѣшановъ, Задковъ, Кругляковъ, Медвѣдевъ, снимаютъ отъ 16—до 36,000 десятинъ въ отдѣльности, платя за десятину отъ $11^1/_2$ до 39 коп., такъ что въ урожайный годъ одна отдача ими пахотнаго участка крестьянамъ вполнѣ покрываетъ арендную плату, не считая сѣнокоса и другихъ земель, на которыя пускается скотъ. Рабочихъ крупные арендаторы нанимаютъ *только пришлыхъ* изъ губерній Пензенской, Тамбовской, Нижегородской

и Симбирской. Годовые работники обходятся здѣсь до 100 р., лѣтніе отъ 50 до 60 на хозяйскихъ харчахъ, да кромѣ того каждому рабочему дается десятина хлѣба, засѣваемая и обмолачиваемая на счетъ хозяина.

Общій бытъ крестьянъ значительно лучше нашихъ центральныхъ губерній: крестьяне ѣдятъ мясо постоянно, осенью и зимою, исключая постовъ, средъ и пятницъ; къ 1-му октября бьютъ барановъ, зимой— свиней и заготовляютъ соленую баранину, свинину и сало на цѣлый годъ. Крестьяне, ихъ жены и дочери носятъ ситецъ; домашнее тканье встрѣчается только на работникахъ изъ другихъ губерній. Кромѣ своего хозяйства главный доходъ крестьянъ отъ аренды земель, а также отъ торговли съ киргизами, которымъ крестьяне продаютъ посуду, масло, муку, а взамѣнъ того получаютъ шерсть и сало; здѣшніе крестьяне въ иныхъ селахъ служатъ въ торговлѣ посредниками между киргизами и русскими купцами; мало того, есть села, какъ напр. Александровъ-Гай, гдѣ всѣ крестьяне говорятъ хорошо по киргизски.

Въ южной же части Новоузенскаго уѣзда живетъ до 105 семействъ, принадлежащихъ къ такъ называемой Молаканской сектѣ. Молакане живутъ замкнуто, и православные сталкиваются съ ними только при торговыхъ сношеніяхъ. Большинство молаканъ грамотные и весь досугъ они употребляютъ на изученіе Евангелія, которое составляетъ единственную основу ихъ вѣрованій, такъ какъ они не признаютъ ни преданія, ни писаній святыхъ отцевъ церкви. Нѣкоторые изъ молаканъ достигли изумительныхъ знаній Евангелія и Библіи; постоянное занятіе, размышленіе, углубленіе въ изученіе и разъясненіе св. Писанія придало имъ особый видъ: чрезвычайно сдержанный, сосредоточенный, напоминающій англійскихъ сектантовъ. Дома ихъ содержатся гораздо чище, чѣмъ остальныхъ крестьянъ, пьетъ только одно молодое поколѣніе, да и то очень незначительно. Молакане ведутъ вообще очень скромную жизнь: они не раздѣляютъ нашихъ деревенскихъ удовольствій, и это еще болѣе ихъ отчуждаетъ отъ православнаго населенія. По воскресеньямъ они собираются въ домъ, который просторнѣе другихъ, причемъ однимъ изъ нихъ читается Евангеліе и затѣмъ прочитанное стараются объяснить, и, какъ слѣдуетъ ожидать, возникаютъ споры.

Помощь ближнему ставится въ обязанность членамъ общины; этимъ объясняется, что между ними почти нѣтъ людей, совершенно обѣднѣвшихъ. Каждый дурной поступокъ обсуждается въ собраніи; виновному сначала дѣлается внушеніе, если же это не помогаетъ, то его исключаютъ изъ общества на извѣстный срокъ или совершенно, и наказанный не имѣетъ права являться въ собраніе до назначеннаго срока.

на ловлю нестриженныхъ) киргизы выѣзжаютъ верхами, у каждаго въ рукахъ длинная палка съ веревкою, посредствомъ которой баранъ опутывается и падаетъ; къ нему бѣгутъ и съ торжествомъ несутъ къ женщинамъ, а тѣ начинаютъ стричь.

Вообще вся жизнь этого народа сводится на пріобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей и, не зная роскоши, онъ довольствуется произведеніями своихъ стадъ, покупаетъ только муку, платье для женъ и для себя и кой-какую утварь у проѣзжихъ русскихъ купцовъ.

Вся южная часть Новоузенскаго уѣзда чрезвычайно слабо заселена, и села лежатъ одно отъ другаго на значительномъ разстояніи, и только нѣмецкія колоніи и менонитскія расположены въ незначительномъ разстояніи одна отъ другой.

Странно поражаетъ каждаго наблюдателя здѣшнее степное хозяйство: отсутствіе построекъ, амбаровъ, скотныхъ дворовъ и вообще всего того, что считается во внутреннихъ губерніяхъ необходимой принадлежностью сельскаго хозяйства. Все хозяйство здѣсь основано на возможно меньшей затратѣ денегъ—засѣять возможно большее число десятинъ и, при первыхъ признакахъ истощенія почвы, переходить на новую землю. Арендаторское хозяйство истощаетъ землю въ два года, не улучшая почвы и не заселяя мѣстности, оно тяжело отзовется своимъ неразумнымъ веденіемъ въ недалекомъ будущемъ. Все хозяйство чрезвычайно несложно: снимается новая земля, поднимается плугомъ, засѣвается и затѣмъ хозяинъ не навѣщаетъ поля; когда приходитъ время жатвы, нанимаются жнецы, хлѣбъ тутъ же обмолачивается, а потомъ свозятъ его тотчасъ же на пристань, чтобы успѣть продать до окончанія пароходныхъ рейсовъ. Такъ ведутся въ общихъ чертахъ почти всѣ здѣшнія хозяйства: крупное купеческое и мелкое крестьянское; исключеніе развѣ одно, что въ большихъ хозяйствахъ кой-гдѣ стали примѣнять паровыя молотилки. Крестьянскіе надѣлы здѣсь относительно очень велики: отъ 10 до 11 десятинъ удобной земли на душу; но крестьяне не удовлетворяются своей землей, берутъ землю въ аренду у купцовъ, не смотря на то, что арендныя цѣны поднимаются съ каждымъ годомъ; такъ за хозяйственную десятину подъ пшеницу платятъ до 5 руб. и даже до 6 р.

Что касается крупныхъ арендаторовъ, то они большею частью принадлежатъ къ купеческому и рѣдко къ крестьянскому сословію; которые изъ нихъ, какъ напр. Мальцевъ, Плѣшановъ, Задковъ, ...ковъ, Медвѣдевъ, снимаютъ отъ 16—до 36,000 десятинъ въ ...ти, платя за десятину отъ $11^1/_2$ до 39 коп., такъ что въ ...й годъ одна отдача ими пахотнаго участка крестьянамъ вполнѣ ...ъ арендную плату, не считая сѣнокоса и другихъ земель, на ...пускается скотъ. Рабочихъ крупные арендаторы нанимаютъ ...нихъ изъ губерній Пензенской, Тамбовской, Нижегородской

и Симбирской. Годовые работники обходятся здѣсь до 100 р., лѣтніе отъ 50 до 60 на хозяйскихъ харчахъ, да кромѣ того каждому рабочему дается десятина хлѣба, засѣваемая и обмолачиваемая на счетъ хозяина.

Общій бытъ крестьянъ значительно лучше нашихъ центральныхъ губерній: крестьяне ѣдятъ мясо постоянно, осенью и зимою, исключая постовъ, средъ и пятницъ; къ 1-му октября бьютъ барановъ, зимой— свиней и заготовляютъ соленую баранину, свинину и сало на цѣлый годъ. Крестьяне, ихъ жены и дочери носятъ ситецъ; домашнее тканье встрѣчается только на работникахъ изъ другихъ губерній. Кромѣ своего хозяйства главный доходъ крестьянъ отъ аренды земель, а также отъ торговли съ киргизами, которымъ крестьяне продаютъ посуду, масло, муку, а взамѣнъ того получаютъ шерсть и сало; здѣшніе крестьяне въ иныхъ селахъ служатъ въ торговлѣ посредниками между киргизами и русскими купцами; мало того, есть села, какъ напр. Александровъ-Гай, гдѣ всѣ крестьяне говорятъ хорошо по киргизски.

Въ южной же части Новоузенскаго уѣзда живетъ до 105 семействъ, принадлежащихъ къ такъ называемой Молаканской сектѣ. Молакане живутъ замкнуто, и православные сталкиваются съ ними только при торговыхъ сношеніяхъ. Большинство молаканъ грамотные и весь досугъ они употребляютъ на изученіе Евангелія, которое составляетъ единственную основу ихъ вѣрованій, такъ какъ они не признаютъ ни преданія, ни писаній святыхъ отцевъ церкви. Нѣкоторые изъ молаканъ достигли изумительныхъ знаній Евангелія и Библіи; постоянное занятіе, размышленіе, углубленіе въ изученіе и разъясненіе св. Писанія придало имъ особый видъ: чрезвычайно сдержанный, сосредоточенный, напоминающій англійскихъ сектантовъ. Дома ихъ содержатся гораздо чище, чѣмъ остальныхъ крестьянъ, пьетъ только одно молодое поколѣніе, да и то очень незначительно. Молакане ведутъ вообще очень скромную жизнь: они не раздѣляютъ нашихъ деревенскихъ удовольствій, и это еще болѣе ихъ отчуждаетъ отъ православнаго населенія. По воскресеньямъ они собираются въ домъ, который просторнѣе другихъ, причемъ однимъ изъ нихъ читается Евангеліе и затѣмъ прочитанное стараются объяснить, и, какъ слѣдуетъ ожидать, возникаютъ споры.

Помощь ближнему ставится въ обязанность членамъ общины; этимъ объясняется, что между ними почти нѣтъ людей, совершенно обѣднѣвшихъ. Каждый дурной поступокъ обсуждается въ собраніи; виновному сначала дѣлается внушеніе, если же это не помогаетъ, то его исключаютъ изъ общества на извѣстный срокъ или совершенно, и наказанный не имѣетъ права являться въ собраніе до назначеннаго срока.

3. Кустарная промышленность.

Вездѣ, гдѣ почва Россіи не даетъ достаточныхъ средствъ на прокормленіе крестьянской семьи и на уплату, лежащихъ на крестьянинѣ, платежей и повинностей—посторонній промыселъ является неизбѣжнымъ условіемъ крестьянскаго хозяйства. Часть населенія ищетъ заработковъ вдали отъ семьи и родины и занимается *отхожими* промыслами, идетъ въ города для торговли или найма, работаетъ на фабрикахъ и заводахъ, нанимается на сельскія работы тамъ, гдѣ требуются рабочія силы, идетъ въ извозъ, составляетъ ватаги, тянетъ лямку, однимъ словомъ, ищетъ работы и лишнюю копѣйку вездѣ, гдѣ только можетъ найти то и другое, переходя отъ одного промысла къ другому и отъ одного хозяина къ другому. Другая часть населенія сидитъ дома и занимается ремесломъ въ кругу семьи. Свободное отъ сельскихъ работъ время, длинныя зимы, а чаще всего непроизводительность труда, затрачиваемаго на тощій надѣлъ и неблагодарную почву, заставляетъ его искать постояннаго заработка, спеціализировать свой трудъ. Такимъ образомъ возникла сельская ремесленность, какъ принадлежность сельскаго быта, почти совершенно независимая отъ городской ремесленности и отъ фабричной производительности. Предназначенная сначала для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ сельскаго населенія, ремесленность эта скоро пріобрѣла значеніе самостоятельной формы производительности, такъ называемой *кустарной* промышленности.

Такимъ образомъ, подъ кустарною промышленностью разумѣются промыслы и ремесла, которыми крестьяне занимаются въ свободное отъ полевыхъ занятій время, для пополненія въ своемъ коренномъ занятіи, земледѣліи. Кустарная промышленность является подспорьемъ въ крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ; она спасаетъ крестьянина отъ голода, отъ недоимокъ, и ея роль была бы еще болѣе благодѣтельна, еслибъ освободить ее отъ промышленнаго міроѣдства, отъ техническаго невѣжества, еслибъ открыть ей краткосрочный кредитъ и пр. Кромѣ того, за кустарною промышленностью надо признать и *нравственное* значеніе. Извѣстно, что у насъ, въ Россіи зимы суровы и продолжительны. Въ это время невозможны никакія полевыя работы. Куда крестьянинъ дѣвался бы съ своимъ полугодовымъ досугомъ? И вотъ является ему подспорье, полезный и выгодный трудъ мелкаго ремесленника, спасающій его отъ нравственнаго растлѣнія. Далѣе, общепризнано, что по развитію своему ремесленникъ стоитъ гораздо выше земледѣльца, умственный кругозоръ котораго очень тѣсенъ. Интересы крестьянина земледѣльца и ремесленника вмѣстѣ несравненно шире и разнообразнѣе. Нельзя не удивляться ловкости, изворотливости, необыкновенной способности ко всевозможнымъ промысламъ и ремесламъ, *которая справедливо* считается яркою чертою народнаго характера.

Если нашъ крестьянинъ недоволенъ своимъ ремесломъ, то онъ бросаетъ его и хватается за другое; изъ башмачника превращается въ портнаго или столяра и такимъ образомъ, съ необычайною ловкостью переходитъ отъ одного промысла къ другому. Удастся ему прикопить нѣсколько деньжонокъ, онъ покупаетъ себѣ лишнюю лошадь и телѣгу, пускается въ извозъ, колеситъ съ сѣвера на югъ одну губернію за другою, и если его дѣлишки пошли удачно, то черезъ нѣсколько времени онъ припишется куда нибудь къ купечеству. Если характеръ русскаго крестьянина дѣйствительно таковъ, то на кустарную промышленность можно смотрѣть, какъ на *выраженіе народнаго характера* и признать ее вполнѣ народною формою промышленности.

Кустарная промышленность идетъ всегда вслѣдъ за истощеніемъ почвы: она неизмѣнная спутница этого страшнаго зла нашего земледѣлія. Развилась она въ центральной полосѣ еще въ прошломъ столѣтіи, преимущественно въ мѣстностяхъ около Москвы, и теперь въ губерніяхъ верхняго Поволжья, Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской она занимаетъ множество рукъ. Достаточно сказать, что изъ одной Нижегородской губерніи, а также въ Костромской и Ярославской $^1/_5$ часть всего наличнаго сельскаго населенія находится въ отхожихъ промыслахъ, и масса промышленныхъ селъ въ названныхъ губерніяхъ живутъ безъ земледѣлія, или вовсе безъ земли. Таковы села: Безводное, Лысково, Кимры, Апалиха, Сидоровское, Красное, Павлово, Ворсма, Красная-Рамень и пр.

Изъ поволжскихъ губерній наибольшее развитіе кустарная промышленность получила въ Тверской. Это объясняется, съ одной стороны, непроизводительностью почвы ея, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что по губерніи проходятъ весьма важные торговые пути, какъ водные, такъ и сухопутные, на которыхъ открывается удобный сбытъ для мѣстныхъ издѣлій. Изъ числа промысловъ крестьянъ Тверской губерніи особенную важность пріобрѣтаетъ шитье кожанной обуви въ уѣздахъ Корчевскомъ, Калязинскомъ, отчасти въ Бѣжецкомъ, а также въ гг. Торжкѣ и Осташковѣ. Въ поименованныхъ уѣздахъ этимъ дѣломъ занято до 7,000 человѣкъ. Главные центры производства обуви на востокѣ губерніи составляетъ село Корчевскаго уѣзда Кимры, а на сѣверо-западѣ—Осташковъ *).

Кромѣ сапожнаго промысла въ губерніи въ особенности развито производство кузнечное. Въ одномъ только Тверскомъ уѣздѣ болѣе 500 кузницъ, въ гг. Твери и Осташковѣ—до 200, болѣе чѣмъ съ 4,000 кузнецовъ. При этомъ въ каждомъ изъ уѣздовъ развито какое нибудь одно спеціальное кузнечное производство. Такъ въ однихъ уѣздахъ дѣ-

---

*) Подробныя свѣдѣнія о сапожномъ дѣлѣ въ этихъ мѣстностяхъ представлены мною ниже особою статьею.

лаютъ только сапожные и другого рода гвозди; въ Ржевскомъ, напр. уѣздѣ—только топоры; въ Осташковскомъ—топоры и серпы и т. д. При этомъ опять замѣчательна та черта, о которой было упомянуто выше: это умѣнье и сноровка русскаго человѣка взяться за всякое дѣло; такъ напр. тверской гвоздарь работаетъ только съ ноября до вскрытія рѣкъ, а уже съ весны до глубокой осени занятъ судоходствомъ по Волгѣ и Тверцѣ. Замѣчательно также распредѣленіе времени работъ въ кузницахъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ работа начинается съ 2-хъ часовъ пополуночи, прерывается днемъ на 4 часа и оканчивается за два часа до полуночи, слѣдовательно, работа продолжается 16 часовъ въ день, и при этомъ чистый заработокъ хорошаго рабочаго отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 80 к. въ недѣлю. Въ послѣднее время, именно въ 1870 г., губернское земство обратило вниманіе на печальное положеніе кузнецовъ и, чтобъ избавить ихъ отъ эксплоатаціи разныхъ скупщиковъ, міроѣдовъ, стало выдавать кузнечнымъ артелямъ ссуды съ обязательствомъ не употреблять денегъ иначе, какъ на покупку инструментовъ, желѣза и угля.

Въ недавнее время въ Тверской губерніи возникъ еще одинъ промыселъ — сыровареніе. Починъ распространенія этого промысла среди тверскихъ крестьянъ принадлежитъ исключительно помѣщику Новгородской губерніи, Н. В. Верещагину, который предварительно изучалъ сыровареніе въ Швейцаріи. Въ 1866 г. Тверское губернское земское собраніе выдало Верещагину на устройство склада артельныхъ сыроваренъ значительную денежную субсидію, и въ настоящее время артельное сыровареніе до того окрѣпло между населеніемъ, что можетъ считаться уже укоренившимся. Въ 1872 г. выдѣлано было сыру уже на 48,500 р. Сбытъ сыровъ изъ артельныхъ сыроваренъ производится главнымъ образомъ въ Петербургѣ черезъ склады этихъ сыроваренъ. Кромѣ вышепоименованныхъ промысловъ, въ Тверской губерніи почти повсемѣстно существуетъ ручное пряденіе льна и тканье холстовъ и полотенецъ, вязанье рыболовныхъ сѣтей, чулокъ, плетеніе кружевъ, рыболовство (Осташковскаго уѣзда) и лѣсная промышленность и пр. Всѣ вышеозначенные промыслы однако не обезпечиваютъ вполнѣ средствъ къ жизни мѣстнаго населенія, и очень большое число должно уходить на заработки въ другія мѣстности.

Какъ велико число уходящихъ на сторону изъ этой губерніи, видно изъ того, что въ 1871 г. было въ отлучкѣ до 70,000 человѣкъ. Особенно много уходитъ въ обѣ столицы; рыболовы Осташковскаго уѣзда проникаютъ на озеро Ильмень, въ г. г. Нарву, Ревель и др.; изъ Корчевскаго уѣзда—лучшіе печники; плотники—изъ Ржевскаго и Корчевскаго. Не малое число рабочихъ рукъ занято на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, производительность которыхъ расширяется годъ отъ году.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію кустарной промышленности и

сельскихъ промысловъ губерніи Ярославской. Въ Ярославской губерніи, какъ извѣстно, преобладаетъ почва глинистая, суглинистая, вообще неплодородная; очень естественно, что она не даетъ обильныхъ урожаевъ и не обезпечиваетъ жителямъ продовольствія и денежныхъ средствъ. Поэтому здѣшнее населеніе съ давняго времени принуждено было, рядомъ съ земледѣліемъ, искать для себя еще другихъ источниковъ дохода. Выгодное географическое положеніе губерніи посреди сильныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, каковы Петербургъ, Москва и Нижній-Новгородъ, обиліе путей сообщенія побуждаетъ здѣшнихъ жителей искать счастія въ такъ называемыхъ отхожихъ промыслахъ и помогло имъ выработать въ себѣ предпріимчивый духъ, смѣтливость, умѣнье приспособиться къ обстоятельствамъ, чѣмъ отличаются ярославцы.

Около половины всего взрослаго населенія губерніи уходитъ ежегодно, на разные сроки, на заработки въ разныя мѣста Россіи, въ Остзейскія губерніи, въ Финляндію, на Донъ, Уралъ, на Кавказъ, въ Сибирь, въ губерніи Привислянскія. Но большинство идетъ въ Петербургъ и Москву и преимущественно изъ восточной половины губерніи и менѣе всего изъ западной.

Главную цѣль отхожихъ промысловъ составляютъ: огородничество, служба въ трактирахъ и лавкахъ и пр.

Необыкновенное разнообразіе промысловъ и ремеслъ, которыхъ въ губерніи насчитываютъ до 500, говоритъ довольно убѣдительно, что ярославецъ не задумывается ни передъ какимъ новымъ для него занятіемъ и съ увѣренностью берется за все, что кажется ему выгоднымъ. Такъ, въ Ростовскомъ уѣздѣ развито огородничество, о чемъ было нами сказано въ статьѣ о земледѣліи; тканье полотенъ особенно распространено въ Ярославскомъ уѣздѣ во многихъ селеніяхъ, центромъ которыхъ служитъ с. Великое; въ этомъ же уѣздѣ распространено производство теплой обуви (валенокъ), а также выдѣлка овчинъ,—въ особенности славятся романовскія. Въ г. Угличѣ развито производство колбасъ, которыхъ ежегодно выдѣлываютъ до 25,000 п.; онѣ преимущественно сбываются въ Петербургѣ. Кромѣ того развито производство кирпичное, гончарное (Яросл. у.), кузнечное, изготовленіе сельско-хозяйственныхъ орудій, а также судостроеніе въ уѣздахъ, расположенныхъ непосредственно по Волгѣ и, наконецъ, стоитъ упомянуть еще о сыроваренномъ производствѣ, устроенномъ тѣмъ же самымъ Верещагинымъ при поддержкѣ губернскаго земства.

Въ Костромской губерніи важнѣйшія ручныя производства суть слѣдующія: ткачество бумажныхъ и льняныхъ издѣлій, выдѣлка крестьянскихъ суконъ, производство валеной обуви, шитье перчатокъ, шапокъ, картузовъ, изготовленіе рогожъ и кулей, мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и золотыхъ издѣлій, а также выдѣлка деревянной посуды. *Ткачество бумажныхъ* издѣлій, какъ то: миткаля, холстины, ланки,

платковъ, китайки, распространено преимущественно въ уѣздахъ: Нерехотскомъ, Кинешемскомъ и Юрьевецкомъ. Крестьяне занимаются выдѣлкою бумажныхъ издѣлій только въ свободное отъ хлѣбопашества время, съ октября по апрѣль. Большая часть ткачей работаетъ изъ хозяйскаго матеріала, получая его отъ фабрикантовъ или ихъ коммиссіонеровъ; такъ напр. фабриканты извѣстнаго Иванова-Вознесенска имѣютъ здѣсь свои конторы для раздачи пряжи.

Выдѣлкою крестьянскихъ суконъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Решемскихъ", занимаются въ юго-восточной части Кинешемскаго уѣзда, въ мѣстности, лежащей къ югу отъ слободы Решмы (Решма лежитъ на правомъ берегу Волги, между г. Кинешмой и границею Юрьевецкаго уѣзда). Сѣрое сукно хорошей шерсти продается за аршинъ отъ 25 до 30 к. и черное — отъ 12 до 15 к.

Крупные промышленники продаютъ эти сукна въ гг. Харьковѣ, Нижнемъ, Москвѣ и Ростовѣ.

Работою занимаются всѣ способные и свободные члены крестьянскихъ семействъ: мужчины бьютъ шерсть, женщины и дѣти прядутъ и ткутъ.

Выдѣлка мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій сосредоточена въ Красносельской волости Костромскаго уѣзда и въ Сидоровской — Нерехотскаго. Издѣлій этихъ селъ расходится въ годъ на сумму до 300,000 р. с., прасолы развозятъ эти издѣлія по всей Россіи, вымѣнивая на нихъ щетину, перья и тряпье.

Выдѣлываются главнымъ образомъ серьги, кольца, кресты, брошки, цѣпочки для часовъ и браслеты. Продажныя цѣны мѣднымъ вещамъ— мелкимъ: отъ 40 к. до 10 р. за тысячу, крупнымъ — до 15 р. за сотню. Мелкіе кресты изъ мѣди — отъ 45 к. за фунтъ, и кольца, вѣсъ $^1/_2$ ф. въ тысячѣ, 40 к. за тысячу.

Въ большинствѣ случаевъ производство это составляетъ предметъ занятій сельскаго населенія въ свободное отъ полевыхъ работъ время, за исключеніемъ селъ Краснаго и Сидоровскаго гдѣ большая часть жителей вовсе не занимаются земледѣліемъ и круглый годъ работаютъ въ мастерскихъ, при участіи наемныхъ рабочихъ. Во всѣхъ другихъ селеніяхъ мастера работаютъ у себя на дому, причемъ болѣе легкія работы часто выполняютъ женщины и дѣти отъ 7—8 лѣтъ. Всѣ производители издѣлій находятся въ полной зависимости отъ красносельскихъ капиталистовъ, отъ которыхъ они получаютъ не только матеріалъ для работы, но и почти всегда, въ счетъ заработной платы, и разные предметы первой необходимости: холстъ, соль, свѣчи, обувь, шапки, а иногда чай и сахаръ. Заработокъ взрослаго работника, работающаго изъ хозяйскаго матеріала, въ годъ не болѣе 40 или 50 р.; это сравнительно еще считается выгоднымъ, такъ какъ семейство суконщиковъ изъ 4 работниковъ выручаетъ въ годъ не болѣе 30 р. чистой прибыли.

Первоначальное возникновеніе промысла мѣстные старожилы относятъ ко времени Отечественной войны 1812 г., когда въ г. Красномъ начали заниматься производствомъ мелкихъ металлическихъ вещей, случайно попавшіе туда, французскіе плѣнные; мѣстные крестьяне научились у нихъ этому ремеслу и сдѣлались потомъ мастерами. Въ послѣдніе годы усилилось производство часовыхъ цѣпочекъ и браслетъ вслѣдствіе запроса на нихъ.

Для своего поддержанія, промышленность эта нуждается въ примѣненіи артельнаго начала и въ дешевомъ кредитѣ, при которомъ тяжелая эксплоатація хозяевъ с. Краснаго была бы менѣе возможна, чѣмъ нынѣ.

Шитье картузовъ и шапокъ. Центромъ этого промысла служитъ с. Молвитино Буйскаго уѣзда. Товаръ сбывается на мѣстныхъ рынкахъ и развозится по разнымъ краямъ Россіи. Промыселъ это въ послѣднее время получилъ особенно широкое развитіе.

Въ лѣсныхъ уѣздахъ, какъ то: Варнавинскомъ, Макарьевскомъ и др. развито производство всевозможныхъ деревянныхъ издѣлій, производство экипажей и экипажныхъ принадлежностей, бондарныхъ издѣлій, бочарныхъ, а также домашней утвари.

Производство рогожъ и кулья составляетъ также значительный промыселъ крестьянъ Ветлужскаго уѣзда. Съ уничтоженіемъ липовыхъ лѣсовъ матеріалъ привозится преимущественно съ Нижегородской ярмарки. Выдѣланныя рогожи отправляются или въ Рыбинскъ или къ Архангельскому порту. Въ тканьѣ рогожъ принимаютъ участіе женщины и дѣти.

Отхожіе промыслы. Въ Костромской губерніи они также значительны, какъ и въ Ярославской. Изъ Юрьевецкаго уѣзда въ низовыя губерніи выходятъ овчинники, изъ Макарьевскаго—шерстобиты и валяльщики, отправляющіеся въ губерніи: Вятскую, Уфимскую, Пермскую, даже въ Сибирь и большею частью пѣшкомъ. Домой они возвращаются Великимъ постомъ, выручая въ зиму не болѣе 70 р. Въ Чухломскомъ уѣздѣ почти всѣ крестьяне живутъ по отхожимъ промысламъ; многіе изъ нихъ, въ особенности маляры, уходятъ въ самое рабочее время, получая до 120 р. за лѣто на своемъ продовольствіи. Промышляя преимущественно въ столицахъ, крестьяне нерѣдко растрачиваютъ заработанныя деньги, отвыкаютъ отъ хозяйства и отъ своихъ семействъ. Вообще замѣтно вредное вліяніе на нравственный и матеріальный бытъ крестьянъ отхожихъ промысловъ.

Что касается до губерніи Нижегородской, то среди промышленныхъ губерній Россіи она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Кустарная промышленность, по причинѣ неплодородія почвы, составляетъ главнѣйшій денежный источникъ для крестьянъ. Немаловажную роль въ развитіи кустарной промышленности Нижегородской губерніи играютъ *Нижній-Новгородъ,* какъ главный оптовый рынокъ сырья и издѣлій.

Вслѣдствіе близости къ этому торговому пункту, очень многія изъ ручныхъ производствъ развелись по всему Нижегородскому Поволжью. Таковы напр. села Лысково, Безводное, Городецъ и гг. Горбатовъ, Балахна и Макарьевъ.

Но малопроизводительность почвы не есть единственная причина развитія кустарной промышленности въ губерніи. Послѣдняя развилась преимущественно благодаря обилію металла и дерева. Извѣстно, что Нижегородская губернія чрезвычайно богата лѣсомъ (до 2.000,000 дес.), а также ископаемымъ царствомъ: желѣзною рудою (Ардатовскій у.), бѣлою и синею глиною (тамъ же), алебастромъ и пр.

Обращаемся къ производству по обработкѣ металловъ. Производство этого рода чрезвычайно распространено въ губерніи: не только есть цѣлыя селенія, но и цѣлые околодки, гдѣ кузнечное и слесарное производства составляютъ почти единственное занятіе жителей. Так въ Горбатовскомъ уѣздѣ болѣе 80 селеній заняты стально-слесарнымъ производствомъ. Мѣстность въ Семеновскомъ уѣздѣ, извѣстная подъ именемъ Красной Рамени, занимается выдѣлкою гвоздя. Кромѣ того въ Нижегородскомъ Поволжьѣ есть еще мѣста съ сильнымъ металлическимъ производствомъ, каковы села Лысково и Безводное, г. Балахна и самый Нижній-Новгородъ. Лысковскіе кузнецы изготовляютъ товаръ замочный, игольный, разныя подѣлки изъ листоваго желѣза и жести и выковываютъ желѣзные ларцы, посуду разнаго рода и желѣзныя печи. Но въ особенности с. Лысково извѣстно игольнымъ производствомъ *).

Проволочнымъ производствомъ занимается с. Безводное, Нижегородскаго уѣзда. Здѣсь изъ желѣзной и мѣдной проволоки изготовляются рыболовныя удочки и полотна для ситъ и рѣшетъ, а также выдѣлка якорныхъ цѣпей, мѣдныхъ посеребренныхъ цѣпочекъ и пр. Издѣлія эти, пріобрѣвшія, себѣ громкую извѣстность идутъ въ низовые поволжскіе города, а также на Каспійское, Азовское и Черное моря.

Лѣсныя издѣлія Нижегородской губерніи расходятся не только по всей Россіи, гдѣ почти все крестьянское населеніе употребляетъ семеновскія ложки, складываетъ свое имущество въ макарьевскіе сундуки и ссыпаетъ хлѣбъ въ ветлужскіе и лукояновскіе кули, но и проникаютъ въ Азію, въ Бухару, Кабулъ, Гератъ и пр.

Тканье рогожъ и кулей распространено преимущественно въ селеніяхъ Лукояновскаго уѣзда. Центромъ этого производства служитъ с. Кочкурово, которое съ окрестными селеніями производитъ до 1.500,000 рогожъ, а также нѣсколько селеній Макарьевскаго уѣзда, расположенныхъ по р. Ветлугѣ.

Главный центръ производства деревянной посуды, преимущественно ложекъ, Семеновскій уѣздъ, гдѣ 60 селеній заняты этимъ производствомъ. Въ этихъ селеніяхъ ежегодно приготовляется ложекъ болѣе

---

*) *О Лысковѣ, Павловѣ* и Ворсмѣ см. статьи ниже.

3.000,000 штукъ, на сумму около 20,000 р. Искусный мастеръ можетъ изготовить отъ 70—100 ложекъ въ день.

Сундучное производство преимущественно достигло обширныхъ размѣровъ въ г. Макарьевѣ. Здѣсь сундучнаго товара заготовляется до 20,000 штукъ въ годъ на сумму до 70,000 р. с.

Изготовленіе валеной обуви, войлоковъ, кошмъ распространено въ многочисленныхъ селеніяхъ Семеновскаго уѣзда, а также въ Арзамасскомъ и Балахнинскомъ. Семеновскій уѣздъ преимущественно славится изготовленіемъ валеной обуви.

Что касается до кожевеннаго производства, то оно преимущественно очень значительно въ Горбатовскомъ уѣздѣ; центромъ его служитъ с. Богородское, а также с. Катунки въ Балахнинскомъ уѣздѣ. Катунскіе заводы, впрочемъ, не всѣ принадлежатъ крестьянамъ, значительнѣйшіе изъ заводчиковъ—купцы.

Скорняжное производство — одно изъ главныхъ отраслей промышленности г. Арзамаса. Главнымъ образомъ здѣсь выдѣлываются кошачьи и заячьи мѣха; за ними слѣдуютъ бѣличьи, мерлушечьи, лисьи, куньи и др. Въ селѣ Мурашкинѣ Княгининскаго уѣзда выдѣлывается преимущественно овчина и мерлушка, которыхъ ежегодно отправляется на Нижегородскую ярмарку до 2,000 п.

Ручное производство въ губерніи, благодаря тому, что Нижній-Новгородъ представляетъ громадный рынокъ сырья и издѣлій, могло бы быть поставлено въ весьма благопріятныя условія. Но сельскіе ремесленники и мелкіе промышленники не имѣютъ никакихъ, къ сожалѣнію, непосредственныхъ отношеній къ рынку. Всѣ ихъ издѣлія сбываются перекупщикамъ. Этотъ классъ посредниковъ чрезвычайно многочисленъ; въ рукахъ его стягивается весь сельскій кредитъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ торгъ сырьемъ и готовыми издѣліями. Обыкновенно всѣ издѣлія, приготовленныя втеченіе недѣли, сбываются перекупщику, и онъ возвращаетъ производителю затраченный имъ матеріалъ и оплачиваетъ недѣльный трудъ двумя или много тремя рублями, на которые ремесленникъ закупаетъ у того же перекупщика свое недѣльное продовольствіе. Хотя подобный заработокъ за 16-ти часовой ежедневный трудъ втеченіе цѣлой недѣли совершенно невыгоденъ, тѣмъ не менѣе обращеніе къ перекупщику сберегаетъ ремесленнику драгоцѣнное время, которое онъ потратилъ бы на отысканіе покупщика по дѣйствительной стоимости издѣлій, и представляетъ вполнѣ обезпеченный сбытъ.

Единственное средство помочь бѣднымъ кустарямъ это устройство ссудныхъ кассъ и артелей на счетъ средствъ земства. Какъ выше было сказано, благой примѣръ этому подала Тверская губернская управа, которая еще съ 1870 г. устроила рядъ кузнечныхъ артелей (болѣе 26) и положила выдавать имъ ссуду на покупку инструментовъ и пр. по 3% въ годъ. Этимъ гуманнымъ средствомъ Тверская губернская управа помогла *выйти изъ кабалы* сначала кузнецамъ, а затѣмъ денежную

помощь оказала и развитію сыроваренія. Примѣръ вполнѣ достоенъ подражанія.

а) Сапожный промыселъ въ Тверской губерніи.

Районъ села Кимры.

Село Кимры Корчевскаго уѣзда составляетъ главный центръ сапожной промышленности въ цѣломъ районѣ Тверской губерніи, захватывающемъ въ этомъ уѣздѣ волости Кимрскую, Строевскую и Ильинскую и въ Калязин. уѣздѣ волость Тальдомскую.

Производителей сапожнаго товара въ Кимрахъ и въ окрестностяхъ можно раздѣлить на два разряда. Къ первому разряду принадлежатъ собственно жители села Кимры, имѣющіе собственныя мастерскія, и кромѣ того, отдающіе красную кожу на сторону. Ко второму разряду относятся какъ жители с. Кимры, такъ и другихъ селеній Кимрской волости, занимающіеся сапожнымъ мастерствомъ въ своихъ домахъ. У каждаго изъ этихъ хозяевъ есть постоянные рабочіе отъ одного до 5, и только въ одной мастерской находится 10 рабочихъ. Эти производители сбываютъ свой товаръ преимущественно въ селѣ Кимры: въ торговые дни (въ субботы) и въ ярмарки, а равнымъ образомъ и впродолженіе всей недѣли купцамъ изъ разныхъ мѣстъ, проживающимъ для этой цѣли въ селѣ Кимры, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ даже свои дома.

По показанію самихъ производителей этого разряда, хорошій работникъ съ однимъ мальчикомъ можетъ сшить въ недѣлю круглымъ числомъ три пары сапогъ. Пара хорошихъ сапогъ, заготовляемыхъ этими производителями, стоитъ не менѣе 3 рублей. Слѣдовательно, одинъ работникъ съ мальчикомъ можетъ сшить сапогъ для хозяина въ годъ на 432 р. Задѣльной платы полагается въ недѣлю: работнику не менѣе 2 рублей; а мальчику 50 к. с., что составитъ въ годъ: работнику 96 р., а мальчику 24 р. Согласно этому расчету, валовая производительность мальчика составитъ 86 р. 40 к., а валовая производительность работника—345 р. 40 к. (Расчетъ этотъ сдѣланъ на 48 рабочихъ недѣль въ году).

Всѣхъ домохозяевъ-производителей 2-го разряда въ Кимрахъ и 49 селеніяхъ Кимрской волости состоитъ 224 ч., у нихъ работниковъ 460, мальчиковъ 301; по этому общую сумму производства можно приблизительно опредѣлить въ 187, 287 р.

Если же мы сложимъ числа 2-го разряда съ числомъ 1-го, то получимъ, что въ селѣ Кимры и въ 49 селеніяхъ Кимрской волости *всѣхъ домохозяевъ*, занимающихся сапожнымъ мастерствомъ, состоитъ *244 ч., при которыхъ* находятся наличныхъ работниковъ 584 и ка-

личныхъ мальчиковъ 361, а всего у нихъ товара приготовляется на сумму 1.005,287 р. Принимая же во вниманіе, что домохозяева 1-го разряда отдаютъ еще свои работы на сторону, то приблизительно въ Кимрахъ и въ окрестныхъ его селеніяхъ всѣхъ занимающихся сапожнымъ ремесломъ 244 домохозяевъ, 2,353 работника и 2194 мальчика.

Въ трехъ волостяхъ — Кимрской, Строевской и Ильинской почти нѣтъ ни одного семейства, гдѣ кто нибудь изъ мужчинъ не занимался бы сапожнымъ мастерствомъ, не говоря уже о тѣхъ числахъ семействъ, которыя для того же промысла отходятъ на сторону въ числѣ не менѣе 3,000 ч. изъ трехъ волостей. Къ производству сапожнаго товара Кимряки и вообще жители всего Кимрскаго сапожнаго района пріучаются съ самаго ранняго возраста, такъ что мальчикъ осьми лѣтъ уже исполняетъ многія работы по указанію старшихъ, напр.: тачаетъ голенища, готовитъ дратву и пр. Въ нѣкоторыхъ же семействахъ привлекаются къ этому промыслу и женщины и даже дѣвушки отъ 10 до 16 лѣтъ. Женщины занимаются тачаніемъ голенищъ, а дѣвушки склеиваніемъ стружекъ, остающихся послѣ работъ посадчиковъ и т. д. Во всѣхъ означенныхъ волостяхъ сапожный промыселъ составляетъ до такой степени исключительное занятіе мѣстныхъ жителей мужскаго пола, что всѣ полевыя работы, кромѣ сѣнокоса, а также въ зимнее время и возка дровъ, отправляются преимущественно женщинами. Только въ сѣнокосъ, съ Петрова до Ильина дня или до перваго Спаса, мужчины оставляютъ свои занятія сапожнымъ мастерствомъ, помогаютъ женщинамъ во всѣхъ работахъ по кошенію сѣна и въ то же время дѣлаютъ необходимыя исправленія и улучшенія въ своемъ хозяйствѣ. Но въ самомъ селѣ Кимры и на это время мужчины не освобождаются отъ занятій по сапожному мастерству, а занимаются имъ, исключая праздничныхъ дней, круглый годъ: земли же свои, по большей части, отдаютъ въ арендное содержаніе или исполу, или на другихъ условіяхъ, какія кому покажутся выгодными. Во все время года, исключая праздничныхъ дней, каждодневно работники, а также и мальчики, занимаются сапожнымъ мастерствомъ не менѣе четырнадцати часовъ въ сутки, съ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера, давая себѣ льготы только одинъ часъ на обѣдъ. При такомъ распредѣленіи времени, едва ли кто нибудь будетъ въ состояніи исполнять какія либо другія работы по хозяйству *до* и *послѣ* работъ по сапожному мастерству. Впрочемъ, каждый изъ сапожниковъ, посвятивъ себя этому промыслу еще съ малолѣтства, едва ли можетъ быть хорошимъ земледѣльцемъ, а потому сельское хозяйство, не смотря на достаточное количество земли и хорошую почву, находится въ трехъ волостяхъ Кимрскаго района не въ удовлетворительномъ состояніи. По этому почти всѣ сапожники каждогодно дѣлаютъ займы изъ запасныхъ магазиновъ на обсѣмененіе полей а нѣкоторые изъ нихъ *даже и на* Рождествѣ покупаютъ хлѣбъ на продовольствіе

въ селѣ Кимры и въ другихъ торговыхъ селахъ. Если предположить, что у каждаго работника есть мальчикъ, и если допустить, что заработокъ мастера ежегодно простирается до 96 р., а мальчика до 24 р., то окажется, что каждый работникъ получаетъ въ годъ до 120 р. с. Этого заработка достаточно для годичнаго продовольствія работнику при небольшомъ семействѣ и даже при незначительныхъ выгодахъ, получаемыхъ имъ отъ своей земли; но если у работника нѣтъ подмоги въ собственномъ своемъ семействѣ, то онъ, по необходимости, идетъ на сторону въ мастерскую къ хозяину, и тогда изъ заработанной платы (120 р.) долженъ вычитать еженедѣльно на содержаніе себя по 60 к. с., да на вознагражденіе своего помощника-мальчика 50 к., отчего заработокъ самаго мастера уменьшается до 67 рублей 20 к. въ годъ.

Мѣстные кожевенные заводы (Каюровскій, а въ Кимрахъ Горшкова и Базлова) пріобрѣтаютъ сырье частью изъ окрестныхъ селеній, частью на рынкѣ въ Кимрахъ, а частью въ Кашинѣ, Ростовѣ и на Нижегородской ярмаркѣ; выдѣланную изъ сырья кожу сами кроятъ и въ лавки села Кимры доставляютъ уже готовыя голенища, для среднихъ сортовъ сапогъ, или продаютъ ихъ туда же цѣликомъ. Для производства же хорошихъ сапожныхъ издѣлій, готовый сапожный матеріалъ покупается въ Москвѣ, въ Петербургѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Закупкою этого матеріала и распродажею его на мѣстѣ занимаются почти всегда сами жители села Кимры. Такихъ торговцевъ въ маѣ мѣсяцѣ 1871 года было въ Кимрахъ 28 человѣкъ. Изъ лавокъ своихъ каждый изъ нихъ ежегодно продастъ разнаго сапожнаго матеріала туземнымъ мастерамъ окрестныхъ селеній на сумму отъ 3 до 75 т. р. Всѣ же ежегодно продаютъ изъ своихъ лавокъ всего товара на сумму 687 т. р. Весьма много способствовали расширенію Кимрскаго сапожнаго рынка, а вслѣдствіе того и сапожнаго производства, переселившіеся сюда изъ различныхъ мѣстностей торговцы, сидѣльщики сапожнаго товара, а также временно сюда пріѣзжающіе изъ разныхъ городовъ купцы.

Большая часть сапожнаго товара поступаетъ въ руки этихъ скупщиковъ. Имѣя большіе капиталы и обширныя торговыя связи, пользуясь значительнымъ кредитомъ, эти скупщики пріобрѣтаютъ у Кимрянъ громадное количество товара и разсылаютъ его по главнѣйшимъ рынкамъ Россіи и даже за границу. Главнѣйшій сбытъ—въ Петербургъ, Москву, на Нижегород. и Украинскія ярмарки.

Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ въ Кимры пріѣзжаютъ въ базарные дни купцы изъ Бѣжецка, Кашина, Колязина, Твери и изъ близъ лежащихъ городовъ другихъ губерній. Вообще весь сбытъ сапожнаго товара черезъ пріѣзжихъ торговцевъ простирается до 4.135,000 р. Общая же сумма производства по свѣдѣніямъ за 1872 г. полагается до 4.700,000 р. с.

(Главные, наиболѣе крупные закупщики Кимрскаго сапожнаго товара: *овскій на Дону* купецъ Потапенко — 500,000 р. с., Кашинскій

купецъ Погребовъ—600,000 р. с., Петербургскій купецъ Михѣевъ—500,000 р. с., Петербургскій купецъ Мартыновъ — 500,000 р. с., Петербургскій купецъ Королевъ—500,000 р. с., Московскій купецъ Королевъ—400,000 р. с., Кашинскій—Дорогунинъ на 500,000 р. с.

b) Торжокъ.

Отличительная промышленность г. Торжка заключается въ шитьѣ золотомъ, серебромъ, мишурой и шелкомъ по сафьяну, бархату и замшѣ и въ выдѣлкѣ сафьяныхъ сапогъ и башмаковъ, а также матрасовъ и кожанныхъ чемодановъ. Торжковскія издѣлія пользуются популярностью повсемѣстно. Въ настоящее время этимъ промысломъ занимаются до 300 лицъ, преимущественно женскаго пола, но изъ первыхъ рукъ продажа не производится, а торговля сосредоточивается въ рукахъ нѣсколькихъ торговцевъ, снабжающихъ швей своими матеріалами. У одного изъ этихъ торговцевъ есть магазинъ въ Торжкѣ, гдѣ и можно покупать эти вещи, другіе же торговцы производятъ продажу въ Петербургѣ, Москвѣ и на станціяхъ Николаевской желѣзной дороги. Весь оборотъ этой промышленности въ настоящее время простирается до 25.000 р. с. въ годъ. Очень жаль, что нѣтъ предпріимчиваго торговца, который устроилъ бы постоянный сбытъ новоторжскихъ издѣлій заграницу. По всей вѣроятности, издѣлія эти, отличающіяся оригинальностью и чистотою отдѣлки, получили бы тамъ значительную извѣстность, и эта отрасль промышленности поднялась бы противъ настоящихъ размѣровъ. При усиленіи этого ремесла, по всей вѣроятности, явилась бы возможность увеличить заработную плату мастерицамъ, которыя въ настоящее время получаютъ за свой трудъ не болѣе 15—20 к. въ сутки. Преимущественно изготовляются въ Торжкѣ передки, тканые бумагою, шелкомъ, мишурою и золотомъ, цѣною до 1 р. 50 к., вышитые по сафьяну и замшѣ золотянкой и золотомъ, цѣною отъ 50 к. до 1 р. 50 к., сапоги, вышитые по бархату, отъ 10—50 р., по сафьяну—отъ 2—6 р., и тачанье сафьяное отъ 1 р. 50 до 3 р., ермолки, вышитыя по бархату и сафьяну, тканыя и тачаныя отъ 1 р.—10 р., матрасы сафьяные отъ 10 до 20 р., подушки сафьяныя отъ 2—3 р., чемоданы сафьяные отъ 2—20 руб.

Другая отличительная отрасль промышленности Торжка заключается въ выдѣлкѣ кирпича, что составляетъ также предметъ занятій преимущественно женщинъ. Ранней весной большая часть женскаго населенія Торжка отправляется во всѣ мѣстности Тверской губерніи, гдѣ только есть кирпичные заводы, а также въ Петербургъ и въ нѣкоторыя другія губерніи довольно большими партіями. Разсказываютъ, что изстари, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ условій, Торжокъ изобиловалъ подрядчиками, которые брали на себя въ разныхъ мѣстахъ постройку каменныхъ зданій, пре-

лаютъ только сапожные и другого рода гвозди; въ Ржевскомъ, напр. уѣздѣ—только топоры; въ Осташковскомъ—топоры и серпы и т. д. При этомъ опять замѣчательна та черта, о которой было упомянуто выше: это умѣнье и сноровка русскаго человѣка взяться за всякое дѣло; такъ напр. тверской гвоздарь работаетъ только съ ноября до вскрытія рѣкъ, а уже съ весны до глубокой осени занятъ судоходствомъ по Волгѣ и Тверцѣ. Замѣчательно также распредѣленіе времени работъ въ кузницахъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ работа начинается съ 2-хъ часовъ пополуночи, прерывается днемъ на 4 часа и оканчивается за два часа до полуночи, слѣдовательно, работа продолжается 16 часовъ въ день, и при этомъ чистый заработокъ хорошаго рабочаго отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 80 к. въ недѣлю. Въ послѣднее время, именно въ 1870 г., губернское земство обратило вниманіе на печальное положеніе кузнецовъ и, чтобъ избавить ихъ отъ эксплоатаціи разныхъ скупщиковъ, міроѣдовъ, стало выдавать кузнечнымъ артелямъ ссуды съ обязательствомъ не употреблять денегъ иначе, какъ на покупку инструментовъ, желѣза и угля.

Въ недавнее время въ Тверской губерніи возникъ еще одинъ промыселъ — сыровареніе. Починъ распространенія этого промысла среди тверскихъ крестьянъ принадлежитъ исключительно помѣщику Новгородской губерніи, Н. В. Верещагину, который предварительно изучалъ сыровареніе въ Швейцаріи. Въ 1866 г. Тверское губернское земское собраніе выдало Верещагину на устройство склада артельныхъ сыроваренъ значительную денежную субсидію, и въ настоящее время артельное сыровареніе до того окрѣпло между населеніемъ, что можетъ считаться уже укоренившимся. Въ 1872 г. выдѣлано было сыру уже на 48,500 р. Сбытъ сыровъ изъ артельныхъ сыроваренъ производится главнымъ образомъ въ Петербургѣ черезъ склады этихъ сыроваренъ. Кромѣ вышепоименованныхъ промысловъ, въ Тверской губерніи почти повсемѣстно существуетъ ручное пряденіе льна и тканье холстовъ и полотенецъ, вязанье рыболовныхъ сѣтей, чулокъ, плетеніе кружевъ, рыболовство (Осташковскаго уѣзда) и лѣсная промышленность и пр. Всѣ вышеозначенные промыслы однако не обезпечиваютъ вполнѣ средствъ къ жизни мѣстнаго населенія, и очень большое число должно уходить на заработки въ другія мѣстности.

Какъ велико число уходящихъ на сторону изъ этой губерніи, видно изъ того, что въ 1871 г. было въ отлучкѣ до 70,000 человѣкъ. Особенно много уходитъ въ обѣ столицы; рыболовы Осташковскаго уѣзда проникаютъ на озеро Ильмень, въ г. г. Нарву, Ревель и др.; изъ Корчевскаго уѣзда—лучшіе печники; плотники—изъ Ржевскаго и Корчевскаго. Не малое число рабочихъ рукъ занято на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, производительность которыхъ расширяется годъ отъ году.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію кустарной промышленности и

сельскихъ промысловъ губерніи Ярославской. Въ Ярославской губерніи, какъ извѣстно, преобладаетъ почва глинистая, суглинистая, вообще неплодородная; очень естественно, что она не даетъ обильныхъ урожаевъ и не обезпечиваетъ жителямъ продовольствія и денежныхъ средствъ. Поэтому здѣшнее населеніе съ давняго времени принуждено было, рядомъ съ земледѣліемъ, искать для себя еще другихъ источниковъ дохода. Выгодное географическое положеніе губерніи посреди сильныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, каковы Петербургъ, Москва и Нижній-Новгородъ, обиліе путей сообщенія побуждаетъ здѣшнихъ жителей искать счастія въ такъ называемыхъ отхожихъ промыслахъ и помогло имъ выработать въ себѣ предпріимчивый духъ, смѣтливость, умѣнье приспособиться къ обстоятельствамъ, чѣмъ отличаются ярославцы.

Около половины всего взрослаго населенія губерніи уходитъ ежегодно, на разные сроки, на заработки въ разныя мѣста Россіи, въ Остзейскія губерніи, въ Финляндію, на Донъ, Уралъ, на Кавказъ, въ Сибирь, въ губерніи Привислянскія. Но большинство идетъ въ Петербургъ и Москву и преимущественно изъ восточной половины губерніи и менѣе всего изъ западной.

Главную цѣль отхожихъ промысловъ составляютъ: огородничество, служба въ трактирахъ и лавкахъ и пр.

Необыкновенное разнообразіе промысловъ и ремеслъ, которыхъ въ губерніи насчитываютъ до 500, говоритъ довольно убѣдительно, что ярославецъ не задумывается ни передъ какимъ новымъ для него занятіемъ и съ увѣренностью берется за все, что кажется ему выгоднымъ. Такъ, въ Ростовскомъ уѣздѣ развито огородничество, о чемъ было нами сказано въ статьѣ о земледѣліи; тканье полотенъ особенно распространено въ Ярославскомъ уѣздѣ во многихъ селеніяхъ, центромъ которыхъ служитъ с. Великое; въ этомъ же уѣздѣ распространено производство теплой обуви (валенокъ), а также выдѣлка овчинъ,—въ особенности славятся романовскія. Въ г. Угличѣ развито производство колбасъ, которыхъ ежегодно выдѣлываютъ до 25,000 п.; онѣ преимущественно сбываются въ Петербургѣ. Кромѣ того развито производство кирпичное, гончарное (Яросл. у.), кузнечное, изготовленіе сельско-хозяйственныхъ орудій, а также судостроеніе въ уѣздахъ, расположенныхъ непосредственно по Волгѣ и, наконецъ, стоитъ упомянуть еще о сыроваренномъ производствѣ, устроенномъ тѣмъ же самымъ Верещагинымъ при поддержкѣ губернскаго земства.

Въ Костромской губерніи важнѣйшія ручныя производства суть слѣдующія: ткачество бумажныхъ и льняныхъ издѣлій, выдѣлка крестьянскихъ суконъ, производство валеной обуви, шитье перчатокъ, шапокъ, картузовъ, изготовленіе рогожъ и кулей, мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и золотыхъ издѣлій, а также выдѣлка деревянной посуды. *Ткачество бумажныхъ* издѣлій, какъ то: миткаля, холстины, полки

платковъ, китайки, распространено преимущественно въ уѣздахъ: Нерехотскомъ, Кинешемскомъ и Юрьевецкомъ. Крестьяне занимаются выдѣлкою бумажныхъ издѣлій только въ свободное отъ хлѣбопашества время, съ октября по апрѣль. Большая часть ткачей работаетъ изъ хозяйскаго матеріала, получая его отъ фабрикантовъ или ихъ коммиссіонеровъ; такъ напр. фабриканты извѣстнаго Иванова-Вознесенска имѣютъ здѣсь свои конторы для раздачи пряжи.

Выдѣлкою крестьянскихъ суконъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Решемскихъ", занимаются въ юго-восточной части Кинешемскаго уѣзда, въ мѣстности, лежащей къ югу отъ слободы Решмы (Решма лежитъ на правомъ берегу Волги, между г. Кинешмой и границею Юрьевецкаго уѣзда). Сѣрое сукно хорошей шерсти продается за аршинъ отъ 25 до 30 к. и черное — отъ 12 до 15 к.

Крупные промышленники продаютъ эти сукна въ гг. Харьковѣ, Нижнемъ, Москвѣ и Ростовѣ.

Работою занимаются всѣ способные и свободные члены крестьянскихъ семействъ: мужчины бьютъ шерсть, женщины и дѣти прядутъ и ткутъ.

Выдѣлка мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій сосредоточена въ Красносельской волости Костромскаго уѣзда и въ Сидоровской — Нерехотскаго. Издѣлій этихъ селъ расходится въ годъ на сумму до 300,000 р. с., прасолы развозятъ эти издѣлія по всей Россіи, вымѣнивая на нихъ щетину, перья и тряпье.

Выдѣлываются главнымъ образомъ серьги, кольца, кресты, брошки, цѣпочки для часовъ и браслеты. Продажныя цѣны мѣднымъ вещамъ— мелкимъ: отъ 40 к. до 10 р. за тысячу, крупнымъ — до 15 р. за сотню. Мелкіе кресты изъ мѣди — отъ 45 к. за фунтъ, и кольца, вѣсъ $^1/_2$ ф. въ тысячѣ, 40 к. за тысячу.

Въ большинствѣ случаевъ производство это составляетъ предметъ занятій сельскаго населенія въ свободное отъ полевыхъ работъ время, за исключеніемъ селъ Краснаго и Сидоровскаго гдѣ большая часть жителей вовсе не занимаются земледѣліемъ и круглый годъ работаютъ въ мастерскихъ, при участіи наемныхъ рабочихъ. Во всѣхъ другихъ селеніяхъ мастера работаютъ у себя на дому, причемъ болѣе легкія работы часто выполняютъ женщины и дѣти отъ 7—8 лѣтъ. Всѣ производители издѣлій находятся въ полной зависимости отъ красносельскихъ капиталистовъ, отъ которыхъ они получаютъ не только матеріалъ для работы, но и почти всегда, въ счетъ заработной платы, и разные предметы первой необходимости: холстъ, соль, свѣчи, обувь, шапки, а иногда чай и сахаръ. Заработокъ взрослаго работника, работающаго изъ хозяйскаго матеріала, въ годъ не болѣе 40 или 50 р.; это сравнительно еще считается выгоднымъ, такъ какъ семейство суконщиковъ изъ 4 работниковъ выручаетъ въ годъ не болѣе 30 р. чистой прибыли.

Первоначальное возникновеніе промысла мѣстные старожилы относятъ ко времени Отечественной войны 1812 г., когда въ г. Красномъ начали заниматься производствомъ мелкихъ металлическихъ вещей, случайно попавшіе туда, французскіе плѣнные; мѣстные крестьяне научились у нихъ этому ремеслу и сдѣлались потомъ мастерами. Въ послѣдніе годы усилилось производство часовыхъ цѣпочекъ и браслетъ вслѣдствіе запроса на нихъ.

Для своего поддержанія, промышленность эта нуждается въ примѣненіи артельнаго начала и въ дешевомъ кредитѣ, при которомъ тяжелая эксплоатація хозяевъ с. Краснаго была бы менѣе возможна, чѣмъ нынѣ.

Шитье картузовъ и шапокъ. Центромъ этого промысла служитъ с. Молвитино Буйскаго уѣзда. Товаръ сбывается на мѣстныхъ рынкахъ и развозится по разнымъ краямъ Россіи. Промыселъ это въ послѣднее время получилъ особенно широкое развитіе.

Въ лѣсныхъ уѣздахъ, какъ то: Варнавинскомъ, Макарьевскомъ и др. развито производство всевозможныхъ деревянныхъ издѣлій, производство экипажей и экипажныхъ принадлежностей, бондарныхъ издѣлій, бочарныхъ, а также домашней утвари.

Производство рогожъ и кулья составляетъ также значительный промыселъ крестьянъ Ветлужскаго уѣзда. Съ уничтоженіемъ липовыхъ лѣсовъ матеріалъ привозится преимущественно съ Нижегородской ярмарки. Выдѣланныя рогожи отправляются или въ Рыбинскъ или къ Архангельскому порту. Въ тканьѣ рогожъ принимаютъ участіе женщины и дѣти.

Отхожіе промыслы. Въ Костромской губерніи они также значительны, какъ и въ Ярославской. Изъ Юрьевецкаго уѣзда въ низовыя губерніи выходятъ овчинники, изъ Макарьевскаго—шерстобиты и валяльщики, отправляющіеся въ губерніи: Вятскую, Уфимскую, Пермскую, даже въ Сибирь и большею частью пѣшкомъ. Домой они возвращаются Великимъ постомъ, выручая въ зиму не болѣе 70 р. Въ Чухломскомъ уѣздѣ почти всѣ крестьяне живутъ по отхожимъ промысламъ; многіе изъ нихъ, въ особенности маляры, уходятъ въ самое рабочее время, получая до 120 р. за лѣто на своемъ продовольствіи. Промышляя преимущественно въ столицахъ, крестьяне нерѣдко растрачиваютъ заработанныя деньги, отвыкаютъ отъ хозяйства и отъ своихъ семействъ. Вообще замѣтно вредное вліяніе на нравственный и матеріальный бытъ крестьянъ отхожихъ промысловъ.

Что касается до губерніи Нижегородской, то среди промышленныхъ губерній Россіи она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Кустарная промышленность, по причинѣ неплодородія почвы, составляетъ главнѣйшій денежный источникъ для крестьянъ. Немаловажную роль въ развитіи кустарной промышленности Нижегородской губерніи играетъ *Нижній-Новгородъ,* какъ главный оптовый рынокъ сырья и издѣлій.

Вслѣдствіе близости къ этому торговому пункту, очень многія изъ ручныхъ производствъ развелись по всему Нижегородскому Поволжью. Таковы напр. села Лысково, Безводное, Городецъ и гг. Горбатовъ, Балахна и Макарьевъ.

Но малопроизводительность почвы не есть единственная причина развитія кустарной промышленности въ губерніи. Послѣдняя развилась преимущественно благодаря обилію металла и дерева. Извѣстно, что Нижегородская губернія чрезвычайно богата лѣсомъ (до 2.000,000 дес.), а также ископаемымъ царствомъ: желѣзною рудою (Ардатовскій у.), бѣлою и синею глиною (тамъ же), алебастромъ и пр.

Обращаемся къ производству по обработкѣ металловъ. Производство этого рода чрезвычайно распространено въ губерніи: не только есть цѣлыя селенія, но и цѣлые околодки, гдѣ кузнечное и слесарное производства составляютъ почти единственное занятіе жителей. Такъ, въ Горбатовскомъ уѣздѣ болѣе 80 селеній заняты стально-слесарнымъ производствомъ. Мѣстность въ Семеновскомъ уѣздѣ, извѣстная подъ именемъ Красной Рамени, занимается выдѣлкою гвоздя. Кромѣ того на Нижегородскомъ Поволжьѣ есть еще мѣста съ сильнымъ металлическимъ производствомъ, каковы села Лысково и Безводное, г. Балахна и самый Нижній-Новгородъ. Лысковскіе кузнецы изготовляютъ товаръ замочный, игольный, разныя подѣлки изъ листоваго желѣза и жести и выковываютъ желѣзные ларцы, посуду разнаго рода и желѣзныя печи. Но въ особенности с. Лысково извѣстно игольнымъ производствомъ *).

Проволочнымъ производствомъ занимается с. Безводное, Нижегородскаго уѣзда. Здѣсь изъ желѣзной и мѣдной проволоки изготовляются рыболовныя удочки и полотна для ситъ и рѣшетъ, а также выдѣлка якорныхъ цѣпей, мѣдныхъ посеребренныхъ цѣпочекъ и пр. Издѣлія эти, пріобрѣвшія, себѣ громкую извѣстность идутъ въ низовые поволжскіе города, а также на Каспійское, Азовское и Черное моря.

Лѣсныя издѣлія Нижегородской губерніи расходятся не только по всей Россіи, гдѣ почти все крестьянское населеніе употребляетъ семеновскія ложки, складываетъ свое имущество въ макарьевскіе сундуки и ссыпаетъ хлѣбъ въ ветлужскіе и лукояновскіе кули, но и проникаютъ въ Азію, въ Бухару, Кабулъ, Гератъ и пр.

Тканье рогожъ и кулей распространено преимущественно въ селеніяхъ Лукояновскаго уѣзда. Центромъ этого производства служитъ с. Кочкурово, которое съ окрестными селеніями производитъ до 1.500,000 рогожъ, а также нѣсколько селеній Макарьевскаго уѣзда, расположенныхъ по р. Ветлугѣ.

Главный центръ производства деревянной посуды, преимущественно ложекъ, Семеновскій уѣздъ, гдѣ 60 селеній заняты этимъ производствомъ. Въ этихъ селеніяхъ ежегодно приготовляется ложекъ болѣе

О Лысковѣ, Павловѣ и Ворсмѣ см. статьи ниже.

3.000,000 штукъ, на сумму около 20,000 р. Искусный мастеръ можетъ изготовить отъ 70—100 ложекъ въ день.

Сундучное производство преимущественно достигло обширныхъ размѣровъ въ г. Макарьевѣ. Здѣсь сундучнаго товара заготовляется до 20,000 штукъ въ годъ на сумму до 70,000 р. с.

Изготовленіе валеной обуви, войлоковъ, кошмъ распространено въ многочисленныхъ селеніяхъ Семеновскаго уѣзда, а также въ Арзамасскомъ и Балахнинскомъ. Семеновскій уѣздъ преимущественно славится изготовленіемъ валеной обуви.

Что касается до кожевеннаго производства, то оно преимущественно очень значительно въ Горбатовскомъ уѣздѣ; центромъ его служитъ с. Богородское, а также с. Катунки въ Балахнинскомъ уѣздѣ. Катунскіе заводы, впрочемъ, не всѣ принадлежатъ крестьянамъ, значительнѣйшіе изъ заводчиковъ—купцы.

Скорняжное производство — одно изъ главныхъ отраслей промышленности г. Арзамаса. Главнымъ образомъ здѣсь выдѣлываются кошачьи и заячьи мѣха; за ними слѣдуютъ бѣличьи, мерлушечьи, лисьи, куньи и др. Въ селѣ Мурашкинѣ Княгининскаго уѣзда выдѣлывается преимущественно овчина и мерлушка, которыхъ ежегодно отправляется на Нижегородскую ярмарку до 2,000 п.

Ручное производство въ губерніи, благодаря тому, что Нижній-Новгородъ представляетъ громадный рынокъ сырья и издѣлій, могло бы быть поставлено въ весьма благопріятныя условія. Но сельскіе ремесленники и мелкіе промышленники не имѣютъ никакихъ, къ сожалѣнію, непосредственныхъ отношеній къ рынку. Всѣ ихъ издѣлія сбываются перекупщикамъ. Этотъ классъ посредниковъ чрезвычайно многочисленъ; въ рукахъ его стягивается весь сельскій кредитъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ торгъ сырьемъ и готовыми издѣліями. Обыкновенно всѣ издѣлія, приготовленныя втеченіе недѣли, сбываются перекупщику, и онъ возвращаетъ производителю затраченный имъ матеріалъ и оплачиваетъ недѣльный трудъ двумя или много тремя рублями, на которые ремесленникъ закупаетъ у того же перекупщика свое недѣльное продовольствіе. Хотя подобный заработокъ за 16-ти часовой ежедневный трудъ втеченіе цѣлой недѣли совершенно невыгоденъ, тѣмъ не менѣе обращеніе къ перекупщику сберегаетъ ремесленнику драгоцѣнное время, которое онъ потратилъ бы на отысканіе покупщика по дѣйствительной стоимости издѣлій, и представляетъ вполнѣ обезпеченный сбытъ.

Единственное средство помочь бѣднымъ кустарямъ это устройство ссудныхъ кассъ и артелей на счетъ средствъ земства. Какъ выше было сказано, благой примѣръ этому подала Тверская губернская управа, которая еще съ 1870 г. устроила рядъ кузнечныхъ артелей (болѣе 26) и положила выдавать имъ ссуду на покупку инструментовъ и пр. по 3% въ годъ. Этимъ гуманнымъ средствомъ Тверская губернская управа *помогла выйти изъ кабалы* сначала кузнецамъ, а затѣмъ денежную

помощь оказала и развитію сыроваренія. Примѣръ вполнѣ достоенъ подражанія.

а) Сапожный промыселъ въ Тверской губерніи.

Районъ села Кимры.

Село Кимры Корчевскаго уѣзда составляетъ главный центръ сапожной промышленности въ цѣломъ районѣ Тверской губерніи, захватывающемъ въ этомъ уѣздѣ волости Кимрскую, Строевскую и Ильинскую и въ Калязин. уѣздѣ волость Тальдомскую.

Производителей сапожнаго товара въ Кимрахъ и въ окрестностяхъ можно раздѣлить на два разряда. Къ первому разряду принадлежатъ собственно жители села Кимры, имѣющіе собственныя мастерскія, и кромѣ того, отдающіе красную кожу на сторону. Ко второму разряду относятся какъ жители с. Кимры, такъ и другихъ селеній Кимрской волости, занимающіеся сапожнымъ мастерствомъ въ своихъ домахъ. У каждаго изъ этихъ хозяевъ есть постоянные рабочіе отъ одного до 5, и только въ одной мастерской находится 10 рабочихъ. Эти производители сбываютъ свой товаръ преимущественно въ селѣ Кимры: въ торговые дни (въ субботы) и въ ярмарки, а равнымъ образомъ и впродолженіе всей недѣли купцамъ изъ разныхъ мѣстъ, проживающимъ для этой цѣли въ селѣ Кимры, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ даже свои дома.

По показанію самихъ производителей этого разряда, хорошій работникъ съ однимъ мальчикомъ можетъ сшить въ недѣлю круглымъ числомъ три пары сапогъ. Пара хорошихъ сапогъ, заготовляемыхъ этими производителями, стоитъ не менѣе 3 рублей. Слѣдовательно, одинъ работникъ съ мальчикомъ можетъ сшить сапогъ для хозяина въ годъ на 432 р. Задѣльной платы полагается въ недѣлю: работнику не менѣе 2 рублей; а мальчику 50 к. с., что составитъ въ годъ: работнику 96 р., а мальчику 24 р. Согласно этому расчету, валовая производительность мальчика составитъ 86 р. 40 к., а валовая производительность работника—345 р. 40 к. (Расчетъ этотъ сдѣланъ на 48 рабочихъ недѣль въ году).

Всѣхъ домохозяевъ-производителей 2-го разряда въ Кимрахъ и 49 селеніяхъ Кимрской волости состоитъ 224 ч., у нихъ работниковъ 460, мальчиковъ 301; по этому общую сумму производства можно приблизительно опредѣлить въ 187, 287 р.

Если же мы сложимъ числа 2-го разряда съ числомъ 1-го, то получимъ, что въ селѣ Кимры и въ 49 селеніяхъ Кимрской волости *всѣхъ домохозяевъ*, занимающихся сапожнымъ мастерствомъ, состоитъ *244 ч., при которыхъ* находятся наличныхъ работниковъ 584 и ка-

личныхъ мальчиковъ 361, а всего у нихъ товара приготовляется на сумму 1.005,287 р. Принимая же во вниманіе, что домохозяева 1-го разряда отдаютъ еще свои работы на сторону, то приблизительно въ Кимрахъ и въ окрестныхъ его селеніяхъ всѣхъ занимающихся сапожнымъ ремесломъ 244 домохозяевъ, 2,353 работника и 2194 мальчика.

Въ трехъ волостяхъ — Кимрской, Строевской и Ильинской почти нѣтъ ни одного семейства, гдѣ кто нибудь изъ мужчинъ не занимался бы сапожнымъ мастерствомъ, не говоря уже о тѣхъ числахъ семействъ, которыя для того же промысла отходятъ на сторону въ числѣ не менѣе 3,000 ч. изъ трехъ волостей. Къ производству сапожнаго товара Кимряки и вообще жители всего Кимрскаго сапожнаго района пріучаются съ самаго ранняго возраста, такъ что мальчикъ осьми лѣтъ уже исполняетъ многія работы по указанію старшихъ, напр.: тачаетъ голенища, готовитъ дратву и пр. Въ нѣкоторыхъ же семействахъ привлекаются къ этому промыслу и женщины и даже дѣвушки отъ 10 до 16 лѣтъ. Женщины занимаются тачаніемъ голенищъ, а дѣвушки склеиваніемъ стружекъ, остающихся послѣ работъ посадчиковъ и т. д. Во всѣхъ означенныхъ волостяхъ сапожный промыселъ составляетъ до такой степени исключительное занятіе мѣстныхъ жителей мужскаго пола, что всѣ полевыя работы, кромѣ сѣнокоса, а также въ зимнее время и возка дровъ, отправляются преимущественно женщинами. Только въ сѣнокосъ, съ Петрова до Ильина дня или до перваго Спаса, мужчины оставляютъ свои занятія сапожнымъ мастерствомъ, помогаютъ женщинамъ во всѣхъ работахъ по кошенію сѣна и въ то же время дѣлаютъ необходимыя исправленія и улучшенія въ своемъ хозяйствѣ. Но въ самомъ селѣ Кимры и на это время мужчины не освобождаются отъ занятій по сапожному мастерству, а занимаются имъ, исключая праздничныхъ дней, круглый годъ: земли же свои, по большей части, отдаютъ въ арендное содержаніе или исполу, или на другихъ условіяхъ, какія кому покажутся выгодными. Во все время года, исключая праздничныхъ дней, каждодневно работники, а также и мальчики, занимаются сапожнымъ мастерствомъ не менѣе четырнадцати часовъ въ сутки, съ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера, давая себѣ льготы только одинъ часъ на обѣдъ. При такомъ распредѣленіи времени, едва ли кто нибудь будетъ въ состояніи исполнять какія либо другія работы по хозяйству *до* и *послѣ* работъ по сапожному мастерству. Впрочемъ, каждый изъ сапожниковъ, посвятивъ себя этому промыслу еще съ малолѣтства, едва ли можетъ быть хорошимъ земледѣльцемъ, а потому сельское хозяйство, не смотря на достаточное количество земли и хорошую почву, находится въ трехъ волостяхъ Кимрскаго района не въ удовлетворительномъ состояніи. По этому почти всѣ сапожники каждогодно дѣлаютъ займы изъ запасныхъ магазиновъ на обсѣмененіе полей а нѣкоторые изъ *нихъ даже и на* Рождествѣ покупаютъ хлѣбъ на продовольствіе

помощь оказала и развитію сыроваренія. Примѣръ вполнѣ достоенъ подражанія.

а) Сапожный промыселъ въ Тверской губерніи.

Районъ села Кимры.

Село Кимры Корчевскаго уѣзда составляетъ главный центръ сапожной промышленности въ цѣломъ районѣ Тверской губерніи, захватывающемъ въ этомъ уѣздѣ волости Кимрскую, Строевскую и Ильинскую и въ Калязин. уѣздѣ волость Тальдомскую.

Производителей сапожнаго товара въ Кимрахъ и въ окрестностяхъ можно раздѣлить на два разряда. Къ первому разряду принадлежатъ собственно жители села Кимры, имѣющіе собственныя мастерскія, и кромѣ того, отдающіе красную кожу на сторону. Ко второму разряду относятся какъ жители с. Кимры, такъ и другихъ селеній Кимрской волости, занимающіеся сапожнымъ мастерствомъ въ своихъ домахъ. У каждаго изъ этихъ хозяевъ есть постоянные рабочіе отъ одного до 5, и только въ одной мастерской находится 10 рабочихъ. Эти производители сбываютъ свой товаръ преимущественно въ селѣ Кимры: въ торговые дни (въ субботы) и въ ярмарки, а равнымъ образомъ и впродолженіе всей недѣли купцамъ изъ разныхъ мѣстъ, проживающимъ для этой цѣли въ селѣ Кимры, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ даже свои дома.

По показанію самихъ производителей этого разряда, хорошій работникъ съ однимъ мальчикомъ можетъ сшить въ недѣлю круглымъ числомъ три пары сапогъ. Пара хорошихъ сапогъ, заготовляемыхъ этими производителями, стоитъ не менѣе 3 рублей. Слѣдовательно, одинъ работникъ съ мальчикомъ можетъ сшить сапогъ для хозяина въ годъ на 432 р. Задѣльной платы полагается въ недѣлю: работнику не менѣе 2 рублей; а мальчику 50 к. с., что составитъ въ годъ: работнику 96 р., а мальчику 24 р. Согласно этому расчету, валовая производительность мальчика составитъ 86 р. 40 к., а валовая производительность работника—345 р. 40 к. (Расчетъ этотъ сдѣланъ на 48 рабочихъ недѣль въ году).

Всѣхъ домохозяевъ-производителей 2-го разряда въ Кимрахъ и 49 селеніяхъ Кимрской волости состоитъ 224 ч., у нихъ работниковъ 460, мальчиковъ 301; по этому общую сумму производства можно приблизительно опредѣлить въ 187, 287 р.

Если же мы сложимъ числа 2-го разряда съ числомъ 1-го, то получимъ, что въ селѣ Кимры и въ 49 селеніяхъ Кимрской волости *всѣхъ домохозяевъ*, занимающихся сапожнымъ мастерствомъ, состоитъ *244 ч., при которыхъ* находятся наличныхъ работниковъ 584 и ка-

личныхъ мальчиковъ 361, а всего у нихъ товара приготовляется на сумму 1.005,287 р. Принимая же во вниманіе, что домохозяева 1-го разряда отдаютъ еще свои работы на сторону, то приблизительно въ Кимрахъ и въ окрестныхъ его селеніяхъ всѣхъ занимающихся сапожнымъ ремесломъ 244 домохозяевъ, 2,353 работника и 2194 мальчика.

Въ трехъ волостяхъ — Кимрской, Строевской и Ильинской почти нѣтъ ни одного семейства, гдѣ кто нибудь изъ мужчинъ не занимался бы сапожнымъ мастерствомъ, не говоря уже о тѣхъ числахъ семействъ, которыя для того же промысла отходятъ на сторону въ числѣ не менѣе 3,000 ч. изъ трехъ волостей. Къ производству сапожнаго товара Кимряки и вообще жители всего Кимрскаго сапожнаго района пріучаются съ самаго ранняго возраста, такъ что мальчикъ осьми лѣтъ уже исполняетъ многія работы по указанію старшихъ, напр.: тачаетъ голенища, готовитъ дратву и пр. Въ нѣкоторыхъ же семействахъ привлекаются къ этому промыслу и женщины и даже дѣвушки отъ 10 до 16 лѣтъ. Женщины занимаются тачаніемъ голенищъ, а дѣвушки склеиваніемъ стружекъ, остающихся послѣ работъ посадчиковъ и т. д. Во всѣхъ означенныхъ волостяхъ сапожный промыселъ составляетъ до такой степени исключительное занятіе мѣстныхъ жителей мужскаго пола, что всѣ полевыя работы, кромѣ сѣнокоса, а также въ зимнее время и возка дровъ, отправляются преимущественно женщинами. Только въ сѣнокосъ, съ Петрова до Ильина дня или до перваго Спаса, мужчины оставляютъ свои занятія сапожнымъ мастерствомъ, помогаютъ женщинамъ во всѣхъ работахъ по кошенію сѣна и въ то же время дѣлаютъ необходимыя исправленія и улучшенія въ своемъ хозяйствѣ. Но въ самомъ селѣ Кимры и на это время мужчины не освобождаются отъ занятій по сапожному мастерству, а занимаются имъ, исключая праздничныхъ дней, круглый годъ: земли же свои, по большей части, отдаютъ въ арендное содержаніе или исполу, или на другихъ условіяхъ, какія кому покажутся выгодными. Во все время года, исключая праздничныхъ дней, каждодневно работники, а также и мальчики, занимаются сапожнымъ мастерствомъ не менѣе четырнадцати часовъ въ сутки, съ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера, давая себѣ льготы только одинъ часъ на обѣдъ. При такомъ распредѣленіи времени, едва ли кто нибудь будетъ въ состояніи исполнять какія либо другія работы по хозяйству *до* и *послѣ* работъ по сапожному мастерству. Впрочемъ, каждый изъ сапожниковъ, посвятивъ себя этому промыслу еще съ малолѣтства, едва ли можетъ быть хорошимъ земледѣльцемъ, а потому сельское хозяйство, не смотря на достаточное количество земли и хорошую почву, находится въ трехъ волостяхъ Кимрскаго района не въ удовлетворительномъ состояніи. По этому почти всѣ сапожники каждогодно дѣлаютъ займы изъ запасныхъ магазиновъ на обсѣмененіе полей а нѣкоторые изъ *нихъ даже и на* Рождествѣ покупаютъ хлѣбъ на продовольствіе

въ селѣ Кимры и въ другихъ торговыхъ селахъ. Если предположить, что у каждаго работника есть мальчикъ, и если допустить, что заработокъ мастера ежегодно простирается до 96 р., а мальчика до 24 р., то окажется, что каждый работникъ получаетъ въ годъ до 120 р. с. Этого заработка достаточно для годичнаго продовольствія работнику при небольшомъ семействѣ и даже при незначительныхъ выгодахъ, получаемыхъ имъ отъ своей земли; но если у работника нѣтъ подмоги въ собственномъ своемъ семействѣ, то онъ, по необходимости, идетъ на сторону въ мастерскую къ хозяину, и тогда изъ заработанной платы (120 р.) долженъ вычитать еженедѣльно на содержаніе себя по 60 к. с., да на вознагражденіе своего помощника-мальчика 50 к., отчего заработокъ самаго мастера уменьшается до 67 рублей 20 к. въ годъ.

Мѣстные кожевенные заводы (Каюровскій, а въ Кимрахъ Горшкова и Базлова) пріобрѣтаютъ сырье частью изъ окрестныхъ селеній, частью на рынкѣ въ Кимрахъ, а частью въ Кашинѣ, Ростовѣ и на Нижегородской ярмаркѣ; выдѣланную изъ сырья кожу сами кроятъ и въ лавки села Кимры доставляютъ уже готовыя голенища, для среднихъ сортовъ сапогъ, или продаютъ ихъ туда же цѣликомъ. Для производства же хорошихъ сапожныхъ издѣлій, готовый сапожный матеріалъ покупается въ Москвѣ, въ Петербургѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Закупкою этого матеріала и распродажею его на мѣстѣ занимаются почти всегда сами жители села Кимры. Такихъ торговцевъ въ маѣ мѣсяцѣ 1871 года было въ Кимрахъ 28 человѣкъ. Изъ лавокъ своихъ каждый изъ нихъ ежегодно продастъ разнаго сапожнаго матеріала туземнымъ мастерамъ окрестныхъ селеній на сумму отъ 3 до 75 т. р. Всѣ же ежегодно продаютъ изъ своихъ лавокъ всего товара на сумму 687 т. р. Весьма много способствовали расширенію Кимрскаго сапожнаго рынка, а вслѣдствіе того и сапожнаго производства, переселившіеся сюда изъ различныхъ мѣстностей торговцы, сидѣльщики сапожнаго товара, а также временно сюда пріѣзжающіе изъ разныхъ городовъ купцы.

Большая часть сапожнаго товара поступаетъ въ руки этихъ скупщиковъ. Имѣя большіе капиталы и обширныя торговыя связи, пользуясь значительнымъ кредитомъ, эти скупщики пріобрѣтаютъ у Кимрянъ громадное количество товара и разсылаютъ его по главнѣйшимъ рынкамъ Россіи и даже за границу. Главнѣйшій сбытъ—въ Петербургъ, Москву, на Нижегород. и Украинскія ярмарки.

Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ въ Кимры пріѣзжаютъ въ базарные дни купцы изъ Бѣжецка, Кашина, Колязина, Твери и изъ близъ лежащихъ городовъ другихъ губерній. Вообще весь сбытъ сапожнаго товара черезъ пріѣзжихъ торговцевъ простирается до 4.135,000 р. Общая же сумма производства по свѣдѣніямъ за 1872 г. полагается до 4.700,000 р. с.

(Главные, наиболѣе крупные закупщики Кимрскаго сапожнаго товара: *Ростовскій на Дону* купецъ Потапенко — 500,000 р. с., Кашинскій

купецъ Погребовъ—600,000 р. с., Петербургскій купецъ Михѣевъ—500,000 р. с., Петербургскій купецъ Мартыновъ — 500,000 р. с., Петербургскій купецъ Королевъ—500,000 р. с., Московскій купецъ Королевъ—400,000 р. с., Кашинскій—Дорогунинъ на 500,000 р. с.

b) Торжокъ.

Отличительная промышленность г. Торжка заключается въ шитьѣ золотомъ, серебромъ, мишурой и шелкомъ по сафьяну, бархату и замшѣ и въ выдѣлкѣ сафьяныхъ сапогъ и башмаковъ, а также матрасовъ и кожанныхъ чемодановъ. Торжковскія издѣлія пользуются популярностью повсемѣстно. Въ настоящее время этимъ промысломъ занимаются до 300 лицъ, преимущественно женскаго пола, но изъ первыхъ рукъ продажа не производится, а торговля сосредоточивается въ рукахъ нѣсколькихъ торговцевъ, снабжающихъ швей своими матеріалами. У одного изъ этихъ торговцевъ есть магазинъ въ Торжкѣ, гдѣ и можно покупать эти вещи, другіе же торговцы производятъ продажу въ Петербургѣ, Москвѣ и па станціяхъ Николаевской желѣзной дороги. Весь оборотъ этой промышленности въ настоящее время простирается до 25.000 р. с. въ годъ. Очень жаль, что нѣтъ предпріимчиваго торговца, который устроилъ бы постоянный сбытъ новоторжскихъ издѣлій заграницу. По всей вѣроятности, издѣлія эти, отличающіяся оригинальностью и чистотою отдѣлки, получили бы тамъ значительную извѣстность, и эта отрасль промышленности поднялась бы противъ настоящихъ размѣровъ. При усиленіи этого ремесла, по всей вѣроятности, явилась бы возможность увеличить заработную плату мастерицамъ, которыя въ настоящее время получаютъ за свой трудъ не болѣе 15—20 к. въ сутки. Преимущественно изготовляются въ Торжкѣ передки, тканые бумагою, шелкомъ, мишурою и золотомъ, цѣною до 1 р. 50 к., вышитые по сафьяну и замшѣ золотянкой и золотомъ, цѣною отъ 50 к. до 1 р. 50 к., сапоги, вышитые по бархату, отъ 10—50 р., по сафьяну—отъ 2—6 р., и тачанье сафьяное отъ 1 р. 50 до 3 р., ермолки, вышитыя по бархату и сафьяну, тканыя и тачаныя отъ 1 р.—10 р., матрасы сафьяные отъ 10 до 20 р., подушки сафьяныя отъ 2—3 р., чемоданы сафьяные отъ 2—20 руб.

Другая отличительная отрасль промышленности Торжка заключается въ выдѣлкѣ кирпича, что составляетъ также предметъ занятій преимущественно женщинъ. Ранней весной большая часть женскаго населенія Торжка отправляется во всѣ мѣстности Тверской губерніи, гдѣ только есть кирпичные заводы, а также въ Петербургъ и въ нѣкоторыя другія губерніи довольно большими партіями. Разсказываютъ, что изстари, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ условій, Торжокъ изобиловалъ подрядчиками, которые брали на себя въ разныхъ мѣстахъ постройку каменныхъ зданій, пре-

имущественно церквей. И въ настоящее время постройка большей части церквей, сооруженныхъ въ Тверской и сосѣднихъ губерніяхъ, взята была съ подряда новоторжскими жителями. Обыкновенно подрядчики эти брали постройку изъ своего матеріала, который заготовлялся на мѣстахъ постройки, и партіи рабочихъ набирались изъ новоторжскихъ жителей. Такимъ образомъ мало по малу образовалось значительное количество кладчиковъ каменныхъ зданій и еще болѣе мастерицъ для выдѣлки кирпича. Ремесломъ этимъ занимаются болѣе 300 женщинъ, которыя отправляются на работы въ началѣ мая и возвращаются домой въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда обыкновенно прекращаются ряботы на кирпичныхъ заводахъ. Заработная плата не превышаетъ 60 к. съ тысячи кирпичей, на хозяйскихъ харчахъ, обыкновенно каждая изъ работницъ успѣетъ приготовить въ лѣто отъ 30—40.000 кирпичей, слѣдовательно, весь заработокъ не превышаетъ 18—24 р.

Обѣ эти отрасли промышленности составляютъ, какъ сказано, предметъ занятій женской половины новоторжскаго населенія. Мужчины же занимаютъ мѣста сидѣльцевъ и прикащиковъ у мѣстныхъ купцовъ, или занимаются разнаго рода ремеслами, нераздѣльными съ городскою жизнью; какого же нибудь отличительнаго характера ихъ дѣятельность не имѣетъ.

c) Село Великое.

Съ незапамятныхъ временъ разведеніе льна и выдѣлка изъ него пряжи и полотенъ составляли главное занятіе жителей села Великаго, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Ярославля. Главное издѣліе его производства былъ холстъ разныхъ качествъ, начиная съ 3 коп. за аршинъ и кончая 60 коп.; выше 60 коп. выдѣлывалась ткань изъ заграничной пряжи, но въ весьма незначительномъ количествѣ. Производство это не принадлежало исключительно селу Великому; во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ крестьяне разводили ленъ, пряли и ткали полотно; но село Великое было главнымъ центромъ этой промышленности; въ немъ жили лучшія мастерицы этого дѣла, самые зажиточные изъ крестьянъ льнопромышленниковъ; въ немъ установилась цѣна на ленъ, и продажная цѣна на полотно; въ немъ производство льна и самыхъ полотенъ улучшалось подъ вліяніемъ постоянныхъ сношеній этого села съ знаменитою ярославскою полотняною фабрикою Затрапезнова, основанною еще при Петрѣ I, и заведеніемъ г. Карновича, устроеннымъ въ 1837 году, на субсидіи правительства при селѣ Великомъ, для бѣленія и аппретуры льняныхъ издѣлій.

Кромѣ того, село это было главнымъ пунктомъ для окрестныхъ *губерній по направленію* къ заграничнымъ портамъ, чрезъ Ярославль, *вверхъ по Волгѣ*, на Петербургъ и чрезъ Ярославль на Вологду и

Архангельскъ. Приблизительно до 1850 года полотняное производство села Великаго и окрестныхъ селеній представляло столько отдѣльныхъ фабрикъ, сколько было крестьянскихъ хозяйствъ въ деревняхъ, иногда два, три хозяйства соединились вмѣстѣ для общей работы, но о большихъ заведеніяхъ съ значительнымъ производствомъ и оборотными капиталами не было слышно. Самый ленъ покупался на базарахъ въ селѣ Великомъ и въ окрестныхъ деревняхъ, куда привозили его крестьяне Костромской и Владимірской губерній. Полотна, по мѣрѣ ихъ выдѣлки, покупались ярославскими купцами и развозились по ярмаркамъ. Крестьянскія хозяйства получали за свои полотна деньги, но рѣдко въ то время эти деньги были барышомъ; обыкновенно онѣ покрывали расходы по производству, но трудъ не принимался въ соображеніе и самое производство у крестьянъ незажиточныхъ являлось скорѣе въ видѣ исполненія привычки, чѣмъ выгоднымъ промысломъ. Приблизительно все годовое производство села Великаго доходило до 20.000 кусковъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ, съ началомъ постепеннаго развитія льнопрядиленъ, полотняное производство села Великаго получаетъ новый видъ и дѣлаетъ шагъ къ переходу отъ домашней къ фабричной промышленности. Разъ, что пряжа могла добываться на фабрикахъ дешево, производство изъ нея полотенъ становилось выгоднымъ тамъ, гдѣ, какъ въ селѣ Великомъ, оно доходило въ иной избѣ до совершенства въ отдѣлкѣ. Первая попытка къ увеличенію полотнянаго производства въ селѣ Великомъ и къ устройству фабрики была сдѣлана жителемъ этого села, бывшимъ крестьяниномъ а потомъ купцомъ, Лакаловымъ. Онъ сталъ закупать пряжу на льнопрядильнѣ егорьевскаго уѣзда, Тульской губерніи, К. Хлудова и затѣмъ устроилъ у себя ткацкіе станки; часть этой пряжи выработывалъ въ полотна, чрезъ наемныхъ рабочихъ, у себя, а другую часть отдавалъ по крестьянскимъ избамъ для выдѣлки изъ нея ткани. Въ первый годъ, такимъ образомъ, выработано было на его фабрикѣ до 1,000 кусковъ полотна.

Въ слѣдующемъ году, такъ какъ выдѣланные 1,000 кусковъ были проданы выгодно, производство полотенъ на фабрикѣ Лакалова было усилено; вмѣсто 1,000 кусковъ выработано было 2,000; три года послѣ, производство его дошло до 8,000 кусковъ, а въ настоящее время на фабрикахъ села Великаго выдѣлывается до 100,000 кусковъ. Примѣру Лакалова послѣдовали другіе, болѣе зажиточные, великосельцы, которые также стали мало-по-малу заводить у себя фабрики, такъ что въ настоящее время, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ фабрикантовъ, въ селѣ Великомъ считается до 5-ти главныхъ торговыхъ домовъ, изъ которыхъ главнѣйшими по оборотамъ считаютъ Лакаловы и Нестеровы. Первоначально сбытъ этихъ полотенъ ограничивался исключительно Москвою; потомъ Лакаловы и Нестеровы завели лавки на нижегородской ярмаркѣ, а теперь торгуютъ полотняными товарами

на всѣхъ южныхъ ярмаркахъ, преимущественно Малороссіи, откуда получаютъ непосредственно довольно значительные заказы.

Пряжу для тканья фабриканты села Великаго покупаютъ, какъ мы сказали, прямо на льнопрядильняхъ: въ настоящее время главные поставщики ея для великосельскихъ фабрикъ суть Норская льнопрядильня близъ Ярославля и Зотовская въ Костромѣ; съ другихъ заведеній количество доставляемой въ село Великое пряжи незначительно; такъ напр. куп. Лакаловъ, получающій съ этихъ двухъ льнопрядиленъ до 10,000 пудовъ пряжи, изъ остальныхъ фабрикъ получаетъ не болѣе 3 или 4,000 пудовъ. Всего доставляется на фабричное производство села Великаго до 30,000 пудовъ пряжи русской. Кромѣ того нѣсколько сотъ пудовъ пряжи иностранной, высокихъ сортовъ, для выдѣлки тонкихъ полотенъ, ежегодно, впрочемъ, уменьшающейся. На полотняное производство фабриканты большею частью получаютъ пряжу низкихъ и среднихъ сортовъ, въ началѣ отъ 40 № до 60 №, а теперь до 80 №; причемъ замѣчательно, что цѣна пряжи, по мѣрѣ увеличенія числа льнопрядиленъ, постоянно возвышалась, такъ что пряжа, стоившая въ 50-хъ годахъ 45 коп., стоитъ въ настоящее время 60 коп., слѣдовательно, возвысилась на 15%. Причина этого заключается въ значительномъ возрастаніи цѣнъ на ленъ въ этихъ губерніяхъ; ленъ, стоившій въ 1850 году 2 руб. 50 коп. пудъ, въ настоящее время покупается на льнопрядильню за 6 руб., а возвышеніе льняныхъ цѣнъ, въ свою очередь, произошло отъ усиленія спросовъ одновременно за границею и на нашихъ внутреннихъ рынкахъ при развитіи льнопрядильнаго производства. Заграничная же тонкая пряжа покупается въ Москвѣ до 120 №. Цѣны нашей фабричной пряжи были въ іюлѣ слѣдующія: 25 №—15 руб., 50 №—30 руб., 80 №—45 руб. Изъ пуда пряжи выдѣлывается отъ 7 до 8 кусковъ полотна въ 25 аршинъ; цѣна полотна въ настоящее время отъ 20 до 60 коп. за аршинъ. Самое значительное количество полотенъ, выдѣлываемыхъ въ селѣ Великомъ, не бываетъ ниже 24 № и не выше 50 №. Кромѣ великосельскаго фабричнаго производства, главные фабриканты имѣютъ свои рабочія заведенія не только въ окрестныхъ селеніяхъ, но и въ деревняхъ Костромской и Владимірской губерній. Крестьяне нѣкоторыхъ селъ костромскаго и вязниковскаго уѣздовъ пріѣзжаютъ въ село Великое и тамъ получаютъ отъ фабрикантовъ пряжу для выдѣлки изъ нея холста, такъ что къ 100,000 кускамъ полотна, вырабатываемымъ въ селѣ Великомъ и его окрестностяхъ, слѣдуетъ прибавить до 30,000 кусковъ костромскаго уѣзда и до 20,000 кусковъ ежегоднаго производства вязниковскаго уѣзда Владимірской губерніи.

Работы производятся въ осеннее, зимнее и весеннее время, обыкновенно съ ноября по іюнь; лѣтомъ работы почти вовсе не бываетъ. *Смотря по количеству* рабочихъ въ семьѣ, каждой выдается отъ 3 до *10 пудовъ пряжи.* Смотря по толщинѣ полотна, каждый рабочій, или

каждая рабочая можетъ выткать отъ 5 до 10 аршинъ во весь день и получаетъ плату по-аршинно, отъ 3 до 10 коп. за аршинъ, причемъ, разумѣется, чѣмъ тоньше полотно, тѣмъ меньше его выдѣлывается въ день и тѣмъ дороже платятъ за аршинъ, такъ что за полотно, коего въ день рабочій не выткетъ болѣе 5 аршинъ, платится 10 коп. за аршинъ. Увеличеніе поденнаго производства произошло въ послѣднія пять лѣтъ вслѣдствіе приспособленія къ тканью новыхъ улучшенныхъ станковъ, называемыхъ крестьянами самолетами. Какой-то иностранецъ, разсказываютъ они, пріѣзжалъ, лѣтъ 5 назадъ, изъ Москвы въ село Великое съ этими станками, съ тѣмъ, чтобы устроить въ немъ образцовое ткацкое заведеніе; но не получивши денегъ, на которыя расчитывалъ, онъ вернулся въ Москву, и заведеніе не состоялось; а между тѣмъ два, три крестьянина успѣли подмѣтить удобство и пользу привезеннаго иностранцемъ станка и самоучкою сдѣлали, послѣ его отъѣзда, точно такой-же экземпляръ. Новый станокъ привился къ производству немедленно, и въ настоящее время почти въ каждой избѣ есть самолетъ, выгода коего заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ обработываетъ двойное количество полотна противъ прежнихъ станковъ.

Въ настоящее время находится въ селѣ Великомъ до 10-ти бѣлильныхъ заведеній, устроенныхъ мѣстными жителями изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Заведенія эти составляютъ отдѣльную отъ полотнянаго производства промышленность; и только главные полотняные фабриканты имѣютъ для своихъ издѣлій собственное бѣлильное заведеніе. Бѣленіе полотенъ производится посредствомъ соды и хлоровой извести. Каждое заведеніе беретъ 50 коп. за бѣленіе куска полотна въ 25 аршинъ; производится оно партіями за-разъ до 300 кусковъ. На бѣленіе и аппретуру положенной партіи вообще потребно до 2-хъ недѣль. До сихъ поръ, несмотря на повсемѣстную потребность въ содовыхъ заводахъ у насъ, сода, употребляемая на всѣхъ заведеніяхъ привозится изъ за границы и, какъ мы сказали, обходится нашимъ полотнянымъ фабрикантамъ вдвое дороже противъ заграничныхъ цѣнъ: 2 года назадъ пудъ соды стоилъ 1 руб. 50 коп., въ настоящее время послѣднія закупки соды были сдѣланы въ Петербургѣ и обошлись въ 2 руб. 50 коп. пудъ.

Бѣленіе и аппретура полотенъ представляютъ слабую сторону нашего производства; незнаніе технической части дѣла и самыхъ пріемовъ этихъ производствъ имѣетъ послѣдствіемъ, что тысячная доля полотенъ и другихъ тканей, отданныхъ въ бѣленье, подвергаются порчѣ; иногда отъ несоблюденія нужныхъ пропорцій въ химическихъ бѣлильныхъ составахъ, полотна выпускаются въ продажу съ зародышами непрочности, оказывающейся при первомъ мытьѣ. Но по свидѣтельству знающихъ людей, эти внутренніе недостатки производства съ каждымъ годомъ уменьшаются и на всѣхъ центрахъ фабричной полотняной промышленности село *Великое* отличается несомнѣнными качествами своихъ льн

ныхъ тканей. Еще менѣе замѣтно успѣховъ въ литературѣ полотенъ въ селѣ Великомъ, и на этотъ неуспѣхъ мѣстные фабриканты указываютъ какъ на свѣтлую сторону своего дѣла и главную причину, вызвавшую на внутреннихъ рынкахъ довѣріе къ ихъ издѣліямъ. Всѣ наши великосельскія полотна въ особенности не имѣютъ наружныхъ качествъ заграничныхъ фабричныхъ льняныхъ издѣлій; нашъ фабрикантъ не умѣетъ изящною отдѣлкою, глянцемъ и бѣлизною придать своему полотну привлекательный видъ; въ то же время доселѣ онъ не озаботился о томъ, чтобы воспользоваться этимъ наружнымъ изяществомъ для обмана по примѣру заграничныхъ фабрикантовъ, у которыхъ не рѣдко извѣстныя полотна или скатерти потому дешевы, что въ каждомъ кускѣ 5 аршинъ на показъ хороши, а 20 испорчены или сдѣланы изъ пряжи низшаго качества, или съ примѣсью бумаги. Великосельскій фабрикантъ всѣхъ этихъ продѣлокъ не знаетъ и доселѣ знать не хочетъ; онъ издавна возилъ на рынки свой товаръ, какъ товаръ совѣстно сдѣланный и издавна показываетъ его такъ, что въ каждомъ не щегольски свернутомъ или сложенномъ кускѣ полотна могутъ разсмотрѣть каждую нитку всѣхъ 25-ти аршинъ.

Большая часть полотенъ великосельскихъ фабрикъ выдѣлывается въ 1 аршинъ и 8 вершка ширины: меньшая часть отъ $1^1/_2$ до 3 аршинъ. Скатертное и салфеточное производство съ каждымъ годомъ уменьшается по невыгодности его сбыта и затрудненіямъ соперничать съ иностранными издѣліями этого рода; въ настоящее время производство этихъ товаровъ въ селѣ осталось только на фабрикѣ Лакаловыхъ, гдѣ выдѣлывается не болѣе 2,000 кусковъ втеченіе года; товаръ этотъ продается отъ 20 до 30 коп. аршинъ; притомъ большая его часть выдѣлывается не въ селѣ Великомъ, а въ нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, гдѣ крестьяне съ производствомъ этихъ тканей свыклись. Въ селѣ Великомъ полотнянымъ производствомъ занимаются однѣ только женщины; въ послѣднее время стали къ нимъ присоединяться и мужчины; но пока ихъ не болѣе 20 человѣкъ. Во всѣхъ же окрестныхъ деревняхъ работаютъ полотна для фабрикантовъ одни только мужчины, а женщины составляютъ рѣдкія исключенія въ массѣ мужчинъ и мальчиковъ. Въ этихъ селеніяхъ большая часть женщинъ занята производствомъ домашнихъ полотенъ для своего собственнаго употребленія, и работаютъ одни узкія полотна. На это домашнее производство каждое хозяйство не употребляетъ болѣе $1^1/_2$ пуда льна. Такое явленіе заслуживаетъ вниманія, какъ доказательство, съ какимъ упорствомъ старина отстаиваетъ между крестьянами свои одряхлѣвшіе обычаи. Въ одной и той же деревнѣ идутъ рука объ руку два полотняныя производства: одно фабричное, съ усовершенствованными станками, работающими скоро и выгодно; другое древнее, медленное и крайне невыгодное; въ одной и той же деревнѣ одна часть крестьянъ продаетъ весь свой ленъ на прядильню и выручаетъ за него втрое болѣе

денегъ, чѣмъ прежде за полотно домашняго производства; другая же часть населенія хотя сознаетъ, что домашняя пряжа крайне невыгодна, хотя убѣждается, что при продажѣ полотна изъ этой пряжи она не получаетъ ничего другаго кромѣ убытка, все таки продолжаетъ прясть и ткать свои узкія полотна вслѣдствіе одной причины: „такъ было прежде". Но въ это время, въ послѣдніе два года замѣтно распространеніе фабричнаго производства по деревнямъ, подъ вліяніемъ примѣра села Великаго: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, гдѣ полотняное производство не существовало вовсе, завелись ткацкіе станки, и крестьяне стали обращаться съ просьбами доставлять имъ пряжу для работы; такъ напримѣръ, большая часть пограничныхъ съ Ярославскимъ уѣздомъ деревень ростовскаго уѣзда стало, въ эти послѣдніе годы, заниматься производствомъ для села Великаго.

Матеріальное состояніе крестьянъ села Великаго и окрестныхъ деревень, благодаря фабричному производству, представляетъ очень удовлетворительныя данныя. Рѣдкое хозяйство не вырабатываетъ втеченіе зимы свои 100 и 150 рублей дохода; не мало есть и такихъ, которые успѣваютъ заработать и больше, до 200 и 300 руб. Пьянство и всѣ послѣдствія его развиты здѣсь несравненно менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ; оттого въ нравственномъ положеніи крестьянина фабриканты не только не замѣчаютъ тѣхъ признаковъ упадка, которые обнаруживаются во Владимірской и отчасти въ Костромской губерніи, но, напротивъ, вмѣстѣ съ улучшеніемъ производства работъ замѣтили большее усердіе къ работѣ и уменьшеніе случаевъ, прежде повторявшихся гораздо чаще—кражи пряжи, или подмѣшиванія пряжи низкаго сорта въ получаемую отъ фабриканта пряжу высшаго сорта. Вообще, по отзыву фабрикантовъ, издавна село Великое, какъ фабричная мѣстность, рѣзко выдвигается изъ массы нашихъ промышленныхъ центровъ трудолюбіемъ и добрыми нравами.

d. Павлово и Ворсма.

(Горбатовскій уѣздъ Нижегородской губ.).

Между многими производствами, установившимися въ Россіи уже прочнымъ образомъ, одно изъ довольно крупныхъ мѣстъ занимаетъ производство мелкихъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій, которыя не только въ весьма большомъ количествѣ сбываются внутри Имперіи, но и отчасти вывозятся за ея предѣлы, какъ напр. въ Турцію, Персію, Хиву, Бухару и проч. Центромъ этого производства можно считать Горбатовскій уѣздъ Нижегородской губерніи и въ особенности с. Павлово. Кромѣ того, замѣчательны еще села Ворсма и Вачи: спеціальность ихъ заключается въ производствѣ разнаго рода столовыхъ, перочинныхъ, *кухонныхъ*, хлѣбныхъ и другихъ ножей, ножницъ, бритвъ

топоровъ, висячихъ замковъ, кофейно-мельничныхъ жерновковъ и нѣкоторыхъ другихъ издѣлій, производимыхъ въ небольшомъ, сравнительно съ предъидущимъ, количествѣ.

Необходимо замѣтить, что производство этихъ издѣлій не ограничивается вышеупомянутыми тремя селами, они считаются только главными, по размѣрамъ производительности своей и по числу значительнѣйшихъ фабрикантовъ, въ нихъ находящихся, а также и по сосредоточію торговли. Кромѣ ихъ, множество другихъ сосѣднихъ селъ и деревень (числомъ болѣе 80) занимаются тѣмъ же дѣломъ, выполняя заказы фабрикантовъ или вполнѣ или только въ нѣкоторой степени и чаще всего они принимаютъ на себя отковку издѣлій и черновую отдѣлку, тогда какъ закалка и окончательная отдѣлка, въ особенности первая работа, по большей части дѣлается у самого фабриканта. Занятія подобныхъ селъ и деревень довольно спеціализированы; такъ напр. с. *Ворсма* занимается главнымъ образомъ приготовленіемъ перочинныхъ и складныхъ ножей; с. *Селитьба*—выдѣлкою топоровъ; деревни *Польцо*, *Поповка* и др.—выдѣлкою, а главное—отковкою столовыхъ ножей; с. *Вачи* и *Озябликовскій погостъ*—ковкою кухонныхъ, хлѣбныхъ и ремесленныхъ ножей; с. *Тумботино* и деревня *Хрѣново*—ковкою ножницъ, с. *Грудцыно*—ковкою долотьевъ и пр.

Многія деревни, въ особенности тѣ, гдѣ имѣется возможность сдѣлать при рѣкѣ плотину и устроить водяное колесо съ приводомъ для движенія точильныхъ камней и шлифныхъ колесъ, занимаются преимущественно обтиркою (отковкою) и личеніемъ (шлифовкою) издѣлій, получая отъ фабрикантовъ и мастеровъ плату съ дюжины. Вообще-же эти послѣдніе производители называются, въ отличіе отъ фабрикантовъ, мастерами и, занимаясь у себя дома, при помощи своего семейства, а иногда при пособіи двухъ-трехъ рабочихъ, принимаютъ работу понедѣльно, а также и расчитываются съ фабрикантами каждую недѣлю, въ базарные дни.

Отличіе между фабрикантомъ и мастеромъ, принимаемое нами за основаніе, заключается не только въ томъ, что первые имѣютъ большее число рабочихъ, занимающихся на фабрикѣ, но главнымъ образомъ оно опредѣляется положеніемъ самого производителя: фабриканты имѣютъ непосредственныя сношенія съ торговцами, продающими ихъ товаръ, нерѣдко ведутъ торговлю на ярмаркахъ и поставляютъ издѣлія для базарныхъ торговцевъ не иначе, какъ по заказу; тогда какъ мастерами мы называемъ только тѣхъ, которые работаютъ на фабрикантовъ, или же, въ большинствѣ случаевъ, для базара, базарною торговлею существуютъ и не имѣютъ никакихъ прямыхъ сношеній съ городскими торговцами ихъ товара.

Вообще число фабрикантовъ весьма невелико, — едва ли можно *насчитать ихъ съ десятокъ*, а всѣ остальные производители представ*ляютъ собою собственно* мастеровъ; при этомъ надо замѣтить, что про-

изводство фабрикантовъ не ограничивается стѣнами собственныхъ ихъ фабрикъ, а напротивъ, на сторонѣ работаетъ на нихъ всегда гораздо большее число рукъ, нежели внутри собственнаго заведенія. Наконецъ, производство нѣкоторыхъ издѣлій, какъ напр. висячихъ замковъ, совершенно не имѣетъ фабрикантовъ, а ведется одними мастерами, выполняющими дѣло отъ самаго начала до конца.

Изъ всего этого видно, что наша мелкая стальная и желѣзная промышленность представляется чисто кустарною, въ которой, между прочимъ, существуетъ, хотя и не очень обширное, подраздѣленіе работы; при этомъ нужно принять во вниманіе, что самая большая часть работы производится одними ручными пріемами, не прибѣгая къ содѣйствію механическихъ приспособленій.

Село Павлово.

Село Павлово находится въ Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, верстахъ въ 20 выше своего уѣзднаго города; оно расположено на правомъ берегу р. Оки, въ 70 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода сухимъ путемъ и въ 111 верстахъ водою.

Когда началась нынѣшняя промышленная дѣятельность этого села, въ точности неизвѣстно. Графъ Шереметевъ, къ которому оно перешло отъ князей Черкасскихъ, устроилъ въ немъ желѣзодѣлательный заводъ, существовавшій до 1770 года, что, безъ сомнѣнія, имѣло не малое вліяніе не только на укорененіе кузнечнаго и отчасти слесарнаго дѣла (въ чемъ Павловцы были мастерами еще въ XVII ст.), но даже и на увеличеніе его размѣровъ; тому же обстоятельству способствовали потомъ весьма близко расположенные, желѣзно-дѣлательные заводы Шепелевыхъ. Неконецъ, удобство сбыта издѣлій въ самомъ с. Павлово, расположенномъ на судоходной рѣкѣ, а также сосѣдство Нижегородской ярмарки, все это въ совокупности содѣйствовало постоянному развитію павловской промышленности въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ярмарка стала представлять собою огромный центральный рынокъ, на которомъ совершались большіе торговые обороты какъ съ туземными, такъ и съ азіятскими торговцами.

Столь выгодное положеніе села Павлово оставило за нимъ первенствующую роль во всемъ окружающемъ районѣ, оно разрослось и устроилось, представляясь въ настоящее время не селомъ, а городомъ, почти съ 1,500 домами и съ населеніемъ болѣе 10,000 человѣкъ обоего пола и по справедливости заслуживаетъ казваніе русскаго Шеффильда.

Посмотримъ на положеніе и внутреннюю обстановку мастера средней руки. Вы входите на дворъ — строеніе ветхое, почти вездѣ покривившееся на бокъ. Дворикъ тѣсно застроенъ, на немъ нѣкоторой жи-

ности, при домѣ ни деревца, ни кустика, при рѣдкомъ найдете двѣ-три грядки со свеклой, морковью и лукомъ. Въ домѣ на всемъ лежитъ отпечатокъ крайней нищеты, мужчины, женщины, дѣти съ 9-ти лѣтняго возраста, всѣ за работой. Мастеръ стоитъ за верстакомъ безъ рубашки, облитый потомъ; женщины и дѣти, въ ситцевыхъ рубашкахъ, наводятъ глянецъ на издѣлія, точатъ ихъ и исполняютъ другія болѣе легкія работы. Работа въ такой мастерской продолжается 6 дней въ недѣлю, отъ 16—18 часовъ въ сутки. Больныхъ всегда много, особенно лихорадкой. Разгоряченный за работой, вспотѣлый работникъ не всегда можетъ удержаться, чтобы не освѣжить себя ковшомъ холодной воды, за что нерѣдко и платится здоровьемъ. Отчищаютъ стальныя, желѣзныя и мѣдныя издѣлія на камняхъ. Работа на сухихъ камняхъ убійственна, вслѣдствіе отдѣляющейся отъ нихъ пыли. Ее вдыхаютъ рабочіе, и отчего чахотка сдѣлалась господствующею болѣзнью въ Павловѣ и во всемъ павловскомъ районѣ. Въ этомъ селѣ рѣдкіе мастера доживаютъ до 45 лѣтъ. Старики бываютъ только въ богатыхъ семействахъ, лично не работающихъ, но такихъ семействъ очень немного.

Много ли же выработаетъ въ недѣлю посредствомъ столь усиленнаго труда павловскій мастеръ съ семействомъ? Отъ 2 р. до 2 р. 50 к., никакъ не болѣе. Въ понедѣльникъ мастеръ выходитъ на базаръ, туда же приходятъ мастера и изъ всего почти павловскаго района, туда являются и торговцы—скупщики (ихъ всего 17 человѣкъ); они закупаютъ издѣлія; понедѣльничный базаръ считается главнымъ, но кромѣ него бываетъ базаръ еще по пятницамъ; здѣсь производится продажа и покупка издѣлій со всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень, а также и жизненныхъ припасовъ. Назначеніе цѣны не зависитъ отъ продающаго мастера. Торговцы, за немногими исключеніями, наличными деньгами за издѣлія даютъ только $^1/_3$ цѣнности, да и тутъ скидываютъ 2%. Остальныя $^2/_3$ выдаютъ желѣзомъ и другими матеріалами для работы на будущую недѣлю,—мукой, солониной, рыбой, платьемъ и проч. Для того у каждаго изъ нихъ есть своя лавка или, лучше, сказать, двѣ лавки: одна, такъ называемая *„вальная“*, гдѣ находятся товары доброкачественные и существуетъ на нихъ цѣнность обычная, а другая для рабочихъ мастеровъ съ недоброкачественнымъ товаромъ и возвышенной цѣной. Изъ полученнаго желѣза мастеръ работаетъ до слѣдующаго понедѣльника, полученными съѣстными припасами кормится недѣлю.

Такимъ образомъ мастеръ находится въ совершенной зависимости отъ скупщиковъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю павловскими издѣліями, скупая ихъ на мѣстѣ и распродавая ихъ по ярмаркамъ Нижегородской, Ирбитской, Коренной, Полтавской, Харьковской, Урюпинской, Ростовской (на Дону) и на другихъ. Ни у кого изъ скупщиковъ нѣтъ ни фабрики, ни другихъ промышленныхъ заведеній, за исключеніемъ З. Н. Шмакова, у котораго существуетъ заведеніе топорное и ножей складныхъ, крестьянскихъ и перочинныхъ.

Передъ большими и малыми праздниками торговцы расплачиваются съ мастерами сверхъ того солониной, рыбой, масломъ, чаемъ, ситцемъ, обувью, шерстяными шарфами, фуражками, все очень плохаго качества, за то очень высокой цѣны.

Относительно построекъ с. Павлово можно замѣтить, что кузницы мастеровъ расположены не отдѣльно, какъ во многихъ другихъ селахъ и деревняхъ, но вмѣстѣ съ жилыми постройками, а иногда, у самыхъ бѣдныхъ мастеровъ, жилая изба служитъ одновременно и кузницею, заключая въ себѣ небольшой горнъ.

Самое видное и важное производство с. Павлово, его спеціальность—это приготовленіе висячихъ замковъ, а за нимъ уже слѣдуетъ ножовое дѣло.

Замочное производство одно изъ самыхъ древнѣйшихъ въ с. Павлово, которымъ занята большая часть населенія; оно, можно сказать, не имѣетъ фабрикантовъ и ведется одними мастерами при помощи ихъ семействъ, а иногда болѣе зажиточные мастера нанимаютъ двухъ или нѣсколькихъ рабочихъ, платя имъ обыкновенно не жалованье, а задѣльную плату. Между этими работниками и даже между членами семейства раздѣляется вся работа по изготовленію замка на отдѣльныя операціи. Всѣ безъ исключенія работы по выдѣлкѣ замковъ ведутся обыкновенно отъ руки, почему замочное дѣло представляется однимъ изъ самыхъ неблагодарныхъ по вознагражденію труда и, быть можетъ, въ этомъ кроется главная причина, препятствующая мастеру дойти до положенія фабриканта. Ни въ одномъ домѣ замочника не встрѣтишь токарнаго станка, и къ тому же весьма низкая цѣна большинства замочныхъ издѣлій, при которой хорошая и точная работа немыслима, ставитъ наши замки, по достоинству ихъ, значительно ниже иностранныхъ. Главные виды замковъ, приготовляемыхъ въ с. Павлово, слѣдующіе: шведскій, конный или тульскій (винтовой), рѣпчатый, коробчатый и мѣдный, а также видоизмѣненіе ихъ — сумочный или чемоданный. Вообще всѣ эти замки висячіе или наружные, внутреннихъ же замковъ въ с. Павловѣ совсѣмъ не дѣлаютъ, спеціальность эта принадлежитъ Тулѣ и ея окрестностямъ. Шведскими замками называютъ такой видъ, въ которомъ ключъ дѣлается безъ бородки, на подобіе весла, съ зазубренными краями; рѣпчатымъ замкамъ, вѣроятно, придается это названіе по сходству съ рѣпой. Коробчатые употребляются на запираніе сумокъ или мѣшковъ, идутъ они въ Турцію и Персію. Весьма замѣчательны такъ называемые *ошейные* замки. Самый мелкій замочекъ имѣетъ длину менѣе $^1/_8$ дюйма; можно себѣ представить величину ключика! Самые мелкіе продаются по 50 к. с., а болѣе крупные по 30 к. за десятокъ.

Ножовое производство. При выдѣлкѣ ножеваго товара примѣняются всюду ручные пріемы, за исключеніемъ окончательной отдѣлки его, т. е. шлифовки, для чего употребляются каменныя колеса, приводимыя

дѣйствіе водою или людьми. Машинныя приспособленія, введенныя въ Англіи и Франціи, подвинули ножевое дѣло далеко впередъ, по сравненію съ нашимъ, и даютъ продукты дешевые и хорошаго качества за такія цѣны, за которыя они у насъ положительно выдѣлываться не могутъ. Въ с. Павлово вырабатываютъ изъ ножевыхъ издѣлій наиболѣе столовые ножи и ножницы; перочинные же и складные ножи готовятся въ с. Ворсмѣ, а хлѣбные и ремесленные въ с. Ваги.

Фабрикантовъ, приготовляющихъ тѣ изящныя издѣлія, которыя постоянно красуются не только на русскихъ, но и на всемірныхъ выставкахъ, немного. Въ самомъ Павловѣ ихъ только четверо:

1) *Ѳ. М. Варыпаевъ*, придворный фабрикантъ, приготовляющій лучшіе въ Россіи ножи разныхъ сортовъ, замки и холодное оружіе, а также хирургическіе инструменты, по заказамъ медицинскаго департамента, циркули и кронциркули по заказамъ адмиралтейства. Кромѣ многихъ медалей, полученныхъ имъ на русскихъ выставкахъ, онъ имѣетъ медали съ Лондонской и Парижской всемірныхъ выставокъ, состоитъ членомъ Великобританской національный академіи (National Akademie of great Britain, instituted for promoting arts, manufactures, sciences, agriculture and commerce).

2) *А. И. Калякинъ*—приготовляющій отличные ножи и бритвы. Варыпаевъ и Калякинъ только двое изъ Павловцевъ имѣютъ право употреблять на своихъ издѣліяхъ изображеніе государственнаго герба.

3) *Ф. Ф. Воротиловъ*—на небольшой фабрикѣ дѣлающій ножи, преимущественно столовые и ножницы.

4) *Банинъ* приготовляетъ отличныя ножницы.

Общая цѣнность на всѣхъ 4-хъ фабрикахъ простирается не свыше 130 или 140 тысячъ рублей, но цѣнность слесарныхъ издѣлій, приготовляемыхъ въ Павловѣ и его районѣ, составляетъ 3.000,000 руб.

Павлову даютъ важное мѣсто въ нашей промышленности не тѣ превосходныя издѣлія, которыя приготовляются на фабрикахъ и могутъ смѣло соперничать съ иностранными произведеніями, а дешевыя издѣлія низшаго сорта, кустарнымъ способомъ производимыя по домамъ бѣдными мастеровыми и ихъ семействами.

СЕЛО ВОРСМА.

Село Ворсма, находящееся верстахъ въ 12 отъ р. Оки, лежитъ ближе къ Нижнему Новгороду, чѣмъ къ с. Павлово, до него считается отъ города 58 верстъ. Это село, располагая своимъ довольно большимъ озеромъ, называемымъ *Ворсменскимъ*, не имѣетъ съ р. Окою никакого сообщенія, такъ что всѣ товары везутся изъ Нижняго Новгорода или *прямо сухимъ путемъ*, или черезъ с. Павлово.

Наружный видъ с. Ворсмы совершенно не тотъ, какой представляетъ

с. Павлово. Наружный видъ с. Павлово—это въ полномъ смыслѣ слова большое село, съ широкими, хотя и немногочисленными, но довольно правильно расположенными улицами, на которыхъ дома не такъ сближены, какъ въ Павловѣ, почему и опасности отъ огня здѣсь гораздо меньше.

Такъ какъ спеціальность с. Ворсмы представляетъ складной и перочинный ножъ, при которомъ, какъ и при всякомъ ножевомъ производствѣ всего павловскаго района, введено раздѣленіе работъ, то это обстоятельство не требуетъ при маленькихъ мастерскихъ, своихъ кузницъ для выковки лёзъ, въ противоположность павловскому замочному производству. Дѣйствительно, за весьма немногими исключеніями, кузницы с. Ворсмы построены не въ самомъ селѣ, а внѣ его, за мѣстною рѣчкою Кишмою, впадающею въ озеро. Эти кузницы, числомъ около сотни, построены у рѣчки, одна около другой сплошь и, не имѣя при себѣ жилья, представляютъ въ полномъ смыслѣ слова, кузнечный рядъ. Хотя большинство этихъ кузницъ занято отковкою лёзъ и пружинъ къ ножамъ, а также и закалкою ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ выдѣлываются и многіе другіе предметы мѣстной производительности, а именно: серпы, ковши, наковальники, овечьи ножницы, топоры, долотья и лопаты.

Слѣдуетъ замѣтить также, что кромѣ складнаго и перочиннаго ножа, составляющихъ спеціальность Ворсмы, здѣсь выдѣлываются и другіе виды ножевого товара, а именно: ножницы, столовые, хлѣбные и другіе ножи, но, впрочемъ, по преимуществу, на фабрикѣ бр. Завьяловыхъ.

Фабрика Горбатовскихъ купеческихъ братьевъ Алексѣя и Федора Ив. Завьяловыхъ была основана въ 1827 году. У насъ Завьяловъ по перочиннымъ ножамъ занялъ то же мѣсто, какъ Мешпинъ въ Англіи; онъ первый довелъ выдѣлку перочинныхъ ножей до высокой степени совершенства и ему одному, можно сказать, принадлежитъ главная честь водворенія отличной доброты перочинныхъ ножей, на которую указывали даже иностранные эксперты на международныхъ выставкахъ.

Рабочихъ на фабрикѣ считается до 150 человѣкъ; внѣ фабрики на бр. Завьяловыхъ работаетъ 450 ч., которые получаютъ весь матеріалъ отъ самого фабриканта на свой счетъ. Фабричные рабочіе бр. Завьяловыхъ имѣютъ вообще большій заработокъ, чѣмъ у другихъ фабрикантовъ, такъ какъ рабочіе лучшіе мѣстные мастера и они то заняты выдѣлкою высшаго сорта товара, который у другихъ фабрикантовъ приготовляется сравнительно въ меньшемъ количествѣ.

На фабрикѣ бр. Завьяловыхъ, кромѣ перочиннаго ножа, столоваго и ножницъ, составляющихъ спеціальное занятіе фабрики, готовятся бритвы, дорожные и охотничьи кинжалы, хирургическіе инструменты, столярные, плотничные и слесарные, а также принимаются заказы на сабельные клинки. Годичное производство простирается до 130.000 р. с.

СЕЛО ВАЧИ.

Село Вачи Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, лежитъ въ 30 верстахъ отъ с. Павлово. Спеціальность его въ настоящее время составляютъ хлѣбной, поварской, сапожный и шорный ножъ, равно какъ и столовые ножи, но не высокихъ цѣнъ, а такъ называемый расхожій товаръ; складной и перочинный ножъ совсѣмъ не дѣлается. Въ этомъ селѣ устроено 15 кузницъ. Всѣ крестьяне занимаются также хлѣбопашествомъ. Большинство населенія работаетъ на обширной фабрикѣ Кондратова. Сбытъ издѣлій производится въ с. Павлово, и только фабриканты имѣютъ прямыя сношенія съ Петербургомъ, Москвою и другими городами.

Годовая производительность Павловскаго района опредѣляется въ 1.500.000 р. с., по ножевому товару она съ каждымъ годомъ все увеличивается болѣе и болѣе. Нужно замѣтить, что изъ заграницы получается не болѣе 7% нашего туземнаго производства, слѣдовательно, отсюда уже видна вся важность дѣятельности Павловскихъ пустырей.

Техническая обстановка промышленности нашего русскаго Шеффильда далеко не совершенна и требуетъ серьезныхъ улучшеній. Улучшенія эти уже становятся крайне необходимыми, потому что задѣльная плата теперь понизилась до такой степени, что бѣдные мастера и рабочіе едва въ состояніи заработывать себѣ насущный кусокъ хлѣба, трудясь, по истинѣ, въ потѣ лица, зачастую по 18 часовъ ежедневно и отдыхая только 6 часовъ ночью и часа три втеченіе дня, считая съ обѣдомъ и завтракомъ. На фабрикахъ по большей части рабочіе бываютъ заняты 16 часовъ, изъ которыхъ отъ 2—3½ часовъ дается на отдыхъ вмѣстѣ съ завтракомъ и обѣдомъ. Подобная обстановка дѣла, дѣйствительно, довела рабочій людъ Павловскаго района до весьма жалкаго и бѣднаго положенія и, кромѣ того, изнурила его, тѣмъ болѣе что для поддержанія семейства вступаютъ въ работу и дѣти, начиная иногда съ 8 и 10 лѣтъ возраста, а, по достиженіи 14 или 15 лѣтъ, они уже становятся прямо на путь настоящаго работника.

Что же приноситъ работнику эта трудная, иногда 16-ти часовая работа каждый день? Она даетъ ему обыкновенно отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. въ недѣлю.

На увеличеніе заработка и на лучшую обстановку Павловскаго труженника можетъ имѣть положительное вліяніе: 1) введеніе машинныхъ операцій и замѣненіе ими многихъ ручныхъ пріемовъ; 2) учрежденіе въ с. Павлово ссудной кассы, которая давала бы ссуды подъ *залогъ товаровъ* и тѣмъ устраняла бы съ одной стороны необходимость *въ продажѣ издѣлій за* безцѣнокъ на базарѣ, а, съ другой стороны,

парализовала бы безчеловѣчную роль мѣстныхъ ростовщиковъ. Для наилучшаго ознакомленія фабрикантовъ и мастеровъ съ новѣйшими образцами ножевой промышленности, было бы чрезвычайно полезно образованіе мѣстнаго музея, въ которомъ слѣдовало бы помѣстить всевозможные образцы иностранныхъ ножевыхъ издѣлій съ указаніемъ ихъ заводскихъ цѣнъ, но также и всѣ первые матеріалы въ томъ видѣ, въ какомъ они поступаютъ на тамошнія фабрики и ремесленныя заведенія. Музей служилъ бы лучшею школою для всякаго мастера, желающаго научиться тому, что ему неизвѣстно; фабриканты же видѣли бы передъ собою постоянно тѣ нововведенія, къ которымъ они, сообразуясь съ мѣстными условіями, стали бы мало по малу стремиться.

4. Ветлужскій край.

Съ именимъ Ветлужья всегда соединяется понятіе о краѣ во многихъ отношеніяхъ своеобразномъ. И характеръ природы его, громадные дремучіе лѣса, и обычные промыслы и занятія жителей, вытекающія изъ общихъ условій природы, все это выдѣляетъ Ветлужье, какъ необыкновенно типичную мѣстность, изъ общаго уровня.

Подъ именемъ Ветлужскаго края подразумѣвается мѣстность, простирающаяся по Костромской и Нижегородской губерніямъ, по бассейну р. Ветлуги и ея притокамъ, т. е. уѣзды Ветлужскій и Варнавинскій (Костромской губ.) и Макарьевскій (губ. Нижегородской). Сообразно тому и самый очеркъ Ветлужья распадается на два отдѣла: a) Костромское и b) Нижегородское Ветлужье.

a) *Костромское Ветлужье.* Пространство, занимаемое Костромскимъ Ветлужьемъ, громадно. Изъ 2,230.000 десят. приблизительно разработывается только $^1/_{15}$ часть, остальная поверхность, за исключеніемъ незначительнаго количества луговъ, покрыта сплошными дремучими лѣсами, которыхъ здѣсь считается болѣе 1,000.000 десят. Такимъ образомъ Костромское Ветлужье по своему пространству равняется многимъ нашимъ губерніямъ, напр. Московской, Тульской, Калужской, имѣя всего до 150 т. жителей (въ томъ числѣ до 2,000 черемисовъ). Климатъ здѣшняго края сырой, почва въ сѣверной части тощая и песчаная, въ южной суглинистая, въ срединѣ иловатая. Земледѣліе, этотъ коренной источникъ народнаго богатства, здѣсь въ плохомъ состояніи. Хлѣба не достаетъ на продовольствіе жителей; его привозятъ изъ Вятской губерніи. Скотоводство тоже бѣдное. Пчеловодство одно идетъ добрымъ порядкомъ, но и оно процвѣтаетъ только у черемисовъ.

Обратимся къ рѣкѣ, которая орошаетъ этотъ край и по имени которой онъ такъ называется. Судьба края тѣсно связана съ рѣкою. По водамъ ея прибыли сюда первые поселенцы, отъ условій ея зави-

ситъ весь ихъ бытъ, развитіе дѣятельности и въ особенности родъ ихъ промышленности.

Смѣло можно сказать, что безъ Ветлуги рѣки не было бы въ этой лѣсной области не только городовъ, но и деревень: словомъ, ни кола, ни двора, ни одного осѣдлаго жителя.

Ветлуга беретъ начало въ Вятской губерніи, въ Котельническомъ уѣздѣ, протекаетъ по губерніи Вологодской, Костромской и впадаетъ въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи. Вся длина ея 606 верстъ. На сколько правый берегъ Ветлуги возвышенъ и безопасенъ отъ наводненія, на столько лѣвый низменъ и подверженъ водопольямъ. На сколько правый берегъ свѣтелъ и населенъ, на столько лѣвый мраченъ и безлюденъ. На сколько правый берегъ скуденъ луговыми угодьями и пастбищами, на столько лѣвый богатъ всѣми этими угодьями. Разливъ р. Ветлуги начинается почти въ одно время съ Волгою, именно въ срединѣ Апрѣля; по мѣстамъ онъ принимаетъ огромные размѣры: вода разливается по полямъ въ иныхъ мѣстахъ на разстояніи 12-ти верстъ, поднимаясь надъ обыкновеннымъ уровнемъ до 5-ти саженъ. Теченіе рѣки въ ту пору становится чрезвычайно быстрымъ, переправа—затруднительной и многія дороги—непроѣздными. Ветлуга славится рыбою. Въ водахъ ея водятся сомы, даже осетры, въ особенности довольно стерляди, не говоря уже о другой обыкновенной рыбѣ. Ветлуга славится и дичью, которая во множествѣ покрываетъ ея озера. Утки разныхъ породъ, кроншнепы, вальдшнепы, турухтаны, бекасы и др. птицы водятся стаями, а весною и осенью находятъ здѣсь пріютъ и перелетныя птицы: гуси и лебеди. Въ предѣлахъ костромскихъ Ветлуга принимаетъ съ правой стороны 20 рѣчекъ, а съ лѣвой до 50; изъ нихъ, преимущественно передъ другими, имѣетъ значеніе р. Уста. Эта рѣка сплавная, по ней преимущественно сплавляется лѣсъ въ весеннее время. По самой Ветлугѣ ходятъ барки и полубарки, которыя плаваютъ больше съ помощію веселъ. Грузъ состоитъ преимущественно изъ рогожъ и другихъ мочальныхъ издѣлій, лубковъ, дегтя, смолы, досокъ, вѣниковъ и стеклянной посуды. Пристаней на р. Ветлугѣ до 22. Самыя значительнѣйшія изъ нихъ суть: Ветлужская, Варнавинская, Макарьевская и др. На всѣхъ этихъ пристаняхъ товару грузится почти на милліонъ р. с. Грузъ назначается во всѣ волжскія пристани, начиная съ Рыбинска до Астрахани; въ низовые города идетъ лѣсъ и лѣсныя издѣлія, а вверхъ по Волгѣ—рогожи, лубки, кули, мочалы и т. п.

Главный центръ Костромскаго Ветлужья есть г. Ветлуга; хотя городъ этотъ имѣетъ около 3000 жителей, но онъ очень важенъ какъ въ промышленномъ, такъ и въ торговомъ отношеніи. Рынокъ его наполняется множествомъ лѣсныхъ издѣлій, звѣриныхъ шкуръ, дегтя, *смолы, рогожъ* и разной дичи. За этимъ добромъ пріѣзжаютъ сюда *изъ Рыбинска и даже* съ Дона. Рыбинскіе купцы закупаютъ здѣсь

рогожъ до милліона штукъ, а донцы забираютъ здѣсь во множествѣ мѣха, деготь и смолу. Значительна торговля хлѣбомъ; хлѣбъ приходитъ изъ Вятки въ количествѣ до 350,000 пудъ. Въ городѣ существуютъ двѣ ярмарки: одна рождественская въ декабрѣ, а другая благовѣщенская; на нихъ болѣе всего сбываются желѣзныя вещи, шерстянныя и кожанныя издѣлія, глиняная и стеклянная посуда.

Другой, не менѣе значительный городъ, *Варнавинъ* во многомъ похожъ на Ветлугу. На пристани его производится значительная постройка судовъ; здѣсь же они и нагружаются. Грузъ состоитъ большею частью изъ досокъ, оглоблей, обручей, лубковъ и лыкъ. Все это сплавляется въ низовыя края, Астраханскій и Донской. Самый способъ нагрузки замѣчателенъ: грузъ чѣмъ выше, тѣмъ шире, и ширина его на самомъ верху доходитъ до 14 саж. На самый верхъ груза обыкновенно громоздятъ доски. На большія барки садится до 150 человѣкъ.

Въ быту народномъ Ветлужскаго края замѣчается много старины, простоты и юмора. Простонародные обычаи всѣ отпечатлѣны завѣтной стариной. Патріархальной простотой отличается также и бытъ домашній.

Какъ въ Ветлужскомъ, такъ и въ Варнавинскомъ уѣздахъ, лѣсъ большею частью хвойный и частію лиственный. Уходъ за лѣсомъ состоитъ въ томъ, что почти каждый владѣтель имѣетъ на всю лѣсную, дачу (отъ 200 до 700 десят. и болѣе) одного полѣсовщика. Плата полѣсовщику въ годъ отъ 40 до 100 руб. Вырубка лѣса производится наобумъ т. е. или сдается безъ всякаго расчета участокъ лѣса лицамъ, которыя занимаются этимъ промысломъ на средства низовыхъ промышленниковъ, или лицамъ: которыя ведутъ эту операцію на собственныя средства, или же, наконецъ, сами лѣсовладѣльцы, безъ всякаго расчета и данныхъ, занимаются вырубкою лѣса сами. Самая вырубка лѣса идетъ въ разрѣзъ со всѣми данными науки лѣсоводства. Такъ, рубятъ прежде тотъ лѣсъ, который ближе всего находится къ сплаву, не обращая нисколько вниманія на лѣсъ, который дальше отстоитъ отъ него и достигъ уже совершенной спѣлости.

Лѣсъ сдаютъ на вырубку лѣсопромышленникамъ на весьма нераціональныхъ условіяхъ, а именно: промышленники покупаютъ только изъ назначеннаго къ продажѣ участка *отборный лѣсъ*, малогодный же, вмѣстѣ съ сучьями и вершинами срубленнаго лѣса, остаются на мѣстѣ гнить и тѣмъ препятствуютъ самому возобновленію лѣса.

Промышленность Костромскаго Ветлужья.

Ветлужскій уѣздъ скорѣе можно отнести къ промышленнымъ уѣздамъ, чѣмъ къ земледѣльческимъ, такъ какъ по меньшей мѣрѣ двѣ трети его населенія существуютъ почти исключительно промыслами, при слабомъ лишь подспорьѣ хлѣбопашества. Главные промыслы, обезпечивающіе населеніе уѣзда, слѣдующіе:

1. Выработка изъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ дачъ Ветлужскаго и Варнавинскаго уѣздовъ лѣса двоякимъ способомъ,— исполу и *за деньги*, по деревно, по расчету вершковъ въ отрубѣ ле-

рева, и затѣмъ сгонъ лѣса на мѣсто сбыта, къ устью р. Ветлуги, у Козмодемьянска, Казанской губерніи. Прежде работали болѣе исполу, но, вслѣдствіе низкихъ на лѣса цѣнъ, бывшихъ въ 1866—67 годахъ, нынѣ работаютъ охотнѣе за деньги, по деревно съ вершковъ. Количество заработной платы матеріаломъ и деньгами зависитъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ, отъ качества лѣса и отдаленности его вывозки на мѣста сваловъ къ сплавной рѣкѣ. Какъ исполщики, такъ и работающіе за деньги, забираютъ у своихъ хозяевъ деньги впередъ, обыкновенно при написаніи условій и во время производства самыхъ работъ: первые въ обезпеченіе своихъ половинъ лѣса, а послѣдніе въ счетъ работъ по условію. Который изъ этихъ двухъ способовъ выгоднѣе, опредѣлить довольно трудно, потому что выгода зависитъ отъ цѣнъ на лѣсъ, существующихъ на мѣстѣ сбыта, въ г. Козмодемьянскѣ. Если цѣны такъ низки, то выработчикъ за деньги выигрываетъ, а исполщикъ проигрываетъ, и наоборотъ.

Выработкою и сплавомъ лѣса въ Ветлужскомъ уѣздѣ занимается не менѣе $^1/_3$ всего мужскаго населенія, именно крестьяне изъ всѣхъ почти волостей уѣзда, кромѣ Широковской, Хмѣлевицкой и др., живущихъ исключительно хлѣбопашествомъ. При такой распространенности промысла нельзя сказать, однако же, чтобы онъ вызывался для каждаго необходимостью и приносилъ бы каждому существенную пользу. Напротивъ, есть такіе выработчики, которымъ промыселъ скорѣе приноситъ вредъ, чѣмъ пользу. Мы говоримъ о домохозяевахъ одиночкахъ, имѣющихъ по одной лошади и выработывающихъ лѣса по тому или другому способу. Такой крестьянинъ, работая зиму въ лѣсу, вдали отъ дома, упускаетъ съ одной стороны своевременное заготовленіе зимнихъ запасовъ по своему домохозяйству, теряетъ непроизводительно отъ своей лошади навозъ, столь необходимый для удобренія полей, и къ полевымъ работамъ приступаетъ уже послѣ изнурительнаго труда для себя и для лошади, нерѣдко запаздывая, по случаю сплава лѣсовъ, не только ко времени посѣва яроваго хлѣба, но даже и покоса и, съ другой стороны, забравъ деньги впередъ на уплату оброка или выкупныхъ платежей и не имѣя правильнаго домашняго и полеваго хозяйства, живетъ почти круглый годъ, до пріисканія новыхъ лѣсныхъ заработковъ, въ долгу, который увеличивается съ каждымъ годомъ и въ концѣ концовъ доходитъ до того, что за неплатежъ повинностей или за неисполненіе обязательствъ съ лѣсовладѣльцемъ, выработчикъ лишается всего имущества и поступаетъ въ сгонщики лѣса (бурлаки). Вся бѣда одиночки крестьянина заключается въ томъ, что онъ, разъ втянувшись въ промыселъ по выработкѣ лѣса, не можетъ уже справиться съ своимъ хозяйствомъ и по неволѣ смотритъ на хозяйство, какъ на подспорье къ промыслу; тогда какъ тѣ, которые имѣютъ устроенное хлѣбопашество и смотрятъ на промыселъ наоборотъ, какъ на подспорье къ хозяйству, имѣютъ всегда очевидныя выгоды. Чтобъ устранить такія

безполезныя жертвы труда, полезно было бы ввести правильное артельное производство лѣсныхъ выработокъ, за круговою порукою; тогда бы во 1-хъ, цѣны на заработокъ болѣе уравнялись, чѣмъ теперь, во 2-хъ, слышалось бы меньше жалобъ со стороны лѣсохозяевъ на неисполненіе обязательствъ рабочими по условіямъ и производилось бы менѣе объ этомъ дѣлъ, и въ 3-хъ, неисправные работники были бы вынуждены волей-неволей обратиться къ обработкѣ земли, которая здѣсь, за небольшими исключеніями, не на столько еще дурна, чтобы ее не стоило обработывать. Доказательствомъ послѣдняго служатъ крестьяне волостей Широковской, Хмѣлевицкой, Тонигаевской, Ошминской, Новоуспенской, Зарѣчной, частію Вохомской, Какшинской, Пыщугской, живущіе исключительно землей безъ подспорья промысловъ. Всего же болѣе желательно, чтобы промыселъ этотъ съ истребленіемъ въ послѣднее время въ огромномъ количествѣ владѣльческихъ лѣсовъ, перешедшихъ въ торговыя руки, возможно уменьшился, какъ въ интересѣ сохраненія лѣсовъ, такъ и въ виду того, что онъ убійственно дѣйствуетъ на здоровье выработчиковъ, въ особенности на развитіе груди молодыхъ людей, какъ это выяснилось въ послѣдніе два набора, когда столько было забракованныхъ, что рекрутское присутствіе вынуждено было войти съ особымъ представленіемъ къ начальству объ изъятіи для Ветлужскаго уѣзда принятаго измѣренія груди для пріема въ рекруты.

2. Выгонка а) изъ береста дегтя, посредствомъ незатѣйливо устроенныхъ заводовъ, заключающихся въ желѣзныхъ котлахъ и б) изъ сосновыхъ смоляныхъ пеньковъ—смолы, посредствомъ чугунныхъ котловъ, называемыхъ козанами. Желѣзные котлы приготовляются изъ листоваго желѣза мѣстными кузнецами, а козаны въ г. Семеновѣ Нижегородской губерніи, по цѣнѣ до 25 р. за каждый. Деготь выкуривается больше изъ готоваго береста, покупаемаго заготовщиками въ казенныхъ и помѣщичьихъ дачахъ, посаженно, и раздаваемаго на заводы. Сажень готоваго береста покупается отъ 20 до 23 р., смола же заготовляется преимущественно въ казенныхъ дачахъ съ платою съ козана по 14 руб., сколько бы ни пошло матеріала и сколько бы ни выкурилось смолы. Задѣльная плата какъ за то, такъ и за другое, платится съ выкуреннаго пуда: дегтя отъ 15 до 20 к. съ дровами заводчика, а смолы, съ обязанностію корчевать пни, отъ 28 до 30 к. съ дровами заготовщика; дегтекуреніе производится на заводахъ, находящихся при селеніяхъ, смолокуреніе же внѣ селеній, въ дачахъ, гдѣ устраиваются зимнія землянки.

Деготь и смола заготовщиками продаются скупщикамъ, которые въ свою очередь перепродаютъ товаръ Дубовскимъ купцамъ, большею частію съ обязанностью доставки на собственныхъ судахъ по рр. Ветлугѣ и Волгѣ до пос. Дубовки. Вообще въ уѣздѣ выкуривается до 30 т. пудъ дегтя и столько же смолы. Производство дегтя, сравни-

тельно съ прошлыми годами, уменьшается, потому что становится меньше береста и нѣкоторые изъ крестьянъ добровольно оставили эти промыслы, находя для себя болѣе выгоднымъ заниматься лѣсорубкою.

3. Тканье рогожъ изъ привознаго, большею частью рыбинскими и ветлужскими купцами въ г. Ветлугу, мочала. До конца сороковыхъ годовъ эти издѣлія призводились изъ мочала мѣстныхъ дачъ, но съ уничтоженіемъ съ того времени липоваго лѣса, купцы привозятъ матеріалъ большею частью съ Нижегородской ярмарки. Изъ мѣстнаго же мочала, пріобрѣтаемаго въ владѣльческихъ и казенныхъ дачахъ, выдѣлывается самая незначительная часть рогожъ и кулья.

Выдѣланныя рогожи отправляются по рр. Ветлугѣ и Унжѣ на судахъ, для распродажи, въ Рыбинскъ и незначительная часть идетъ сухимъ путемъ въ Никольскій уѣздъ, на пристань Кудрино, и затѣмъ къ Архангельскому порту.

Исправный крестьянинъ, при небольшомъ семействѣ, заработывалъ въ зиму до 90 руб., а теперь можетъ выработать до 135 руб. Вообще перерабатывается мочала въ рогожи и кули въ уѣздѣ до 1.000,000 штукъ.

4. Извозъ въ зимнее время изъ г. Ветлуги въ г. Никольскъ, Вологодской губерніи, хлѣба и на р. Унжу рогожъ.

5. Свивка лѣсовъ и сгонъ ихъ на устье р. Ветлуги, къ г. Козмодемьянску; занимаются этимъ преимущественно крестьяне одиночки и не имѣющіе собственныхъ лошадей, получая за свивку и сгонку лѣса отъ Ветлуги до Козмодемьянска до 23 р.

Всѣ указанные промыслы существуютъ съ незапамятныхъ временъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ и производятся во время, свободное отъ полевыхъ работъ; выгоднѣйшіе изъ нихъ—выработка мочала, извозъ и частію дегтекуреніе, тамъ гдѣ близки отъ селеній дегтекуренные заводы, промыслы эти не отрываютъ крестьянъ отъ домашнихъ и полевыхъ работъ и служатъ достаточнымъ подспорьемъ для ихъ домашняго и полеваго хозяйства.

b) Нижегородское Ветлужье.

Жители нагорной стороны Заволжскую и особенно Ветлужскую сторону, Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, часто называютъ Сибирью, т. е., по ихъ понятію, страною печальною, лишенною всѣхъ удобствъ жизни. Видъ окрестностей можно очертать въ двухъ-трехъ словахъ: куда ни взглянешь, увидишь лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ. Этотъ безконечный лѣсъ, на ближайшемъ къ вамъ разстояніи, кажется густозеленаго цвѣта, далѣе—синяго, потомъ — темносиняго и, наконецъ, не*опредѣленнаго,* туманнаго цвѣта, сливающагося съ горизонтомъ. Раз*ыя по этому* лѣсу на нѣсколько десятковъ верстъ деревни суть

то же, что оазы въ песчаной степи. Надо приблизиться къ нимъ, чтобы замѣтить ихъ въ этомъ дремучемъ лѣсу.

Въ этомъ краю и природа, и люди какъ бы отмѣчены особыми красками. Почва вообще здѣсь песчаная, и въ нѣдрахъ земли слишкомъ скудны средства къ произведенію даже скудной растительности. Вы не увидите тамъ той бархатной зелени, которую привыкли видѣть. Вмѣсто мягкой, шелковистой зелени, вамъ представится на песчаной почвѣ рѣдкая и до того сожженная, скопляющимся между лѣсовъ, солнечнымъ зноемъ трава, что вы не замѣтите въ ней почти никакихъ признаковъ жизни, и опаленная почва невольно отвратитъ отъ себя ваше зрѣніе, привыкшее покоиться на муравѣ. Не говоря о дождливыхъ годахъ, когда и на самыхъ камняхъ прозябаетъ растительность, скажемъ только, что въ лѣто жаркое, хотя и не въ засуху, вы увидите не только на пустыхъ полянахъ, но даже на поемныхъ мѣстахъ, большею частію защищенныхъ отъ жара окружающимъ ихъ лѣсомъ, траву, несозрѣвшую еще, но уже изсохшую, пожелтѣлую, никуда негодную.

Мѣстный климатъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отъ климата горной стороны онъ такъ рѣзко отличается, что не знающій разстоянія, отдѣляющаго Ветлужскій край отъ горной стороны, подумаетъ, что не 50 верстъ, а цѣлый десятокъ градусовъ широты раздѣляетъ эти стороны. Это отличіе климата, мало, впрочемъ, замѣтное зимою, особенно чувствительно въ лѣтнее время. Главное свойство его — несносный жаръ днемъ, сырость и холодъ ночью. Причина такой непостоянности въ воздухѣ заключается въ песчаной почвѣ и во множествѣ окружающихъ лѣсовъ и болотъ. Въ здѣшней сторонѣ нѣтъ умѣренныхъ вѣтровъ, уменьшающихъ жаръ. Сплошная непроницаемая масса лѣса, со всѣхъ сторонъ плотно охватывающая небольшое пространство, занимаемое селеніемъ, не позволяетъ этимъ вѣтрамъ освѣжать его. Поэтому въ здѣшнемъ краѣ большею частью бываютъ или сильныя грозы, скопляющіяся надъ смолистымъ лѣсомъ, съ сильными вѣтрами, или совершенная неподвижность въ воздухѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ, песчаная почва и деревья въ лѣсу отъ лучей солнца разгорячаются до чрезвычайности, знойный воздухъ, не зыблемый ни малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра, лишенный всякой влаги, до костей проникаетъ и разслабляетъ человѣка. Днемъ все горячо, все сухо. Но лишь солнце начинаетъ склоняться къ западу, задержанные пары замѣтно начинаютъ отдѣляться изъ влажной болотистой почвы и, по закатѣ солнца, послѣ жаркаго дня, скопляясь, образуютъ туманъ, застилающій собою всѣ предметы и проникающій ихъ чувствительнымъ холодомъ. Въ это время воздухъ дѣлается влажнымъ и холоднымъ и вреденъ для здоровья. Всѣ огородныя растенія болѣе или менѣе терпятъ отъ этой перемѣны въ воздухѣ.

Но *это непостоянство* атмосферы втеченіе сутокъ, не причиняя

слишкомъ значительнаго вреда растеніямъ, не такъ страшно жителямъ, какъ несвоевременные морозы поздно весною или рано лѣтомъ, составляющіе истинное несчастіе жителей этой стороны, часто лишая ихъ и того скуднаго урожая, который возможенъ на тамошней плохой почвѣ. Изъ обыкновенныхъ полевыхъ растеній нѣкоторыя съ трудомъ могутъ вырости и созрѣть безъ поврежденія отъ этихъ морозовъ, рѣдкій годъ неслучающихся. Къ счастію, они рѣдко бываютъ и весною и лѣтомъ втеченіе одного года. Жители, привыкшіе къ непостоянству своего климата, но не зная, поздно ли весною или рано лѣтомъ случатся морозы,—при посѣвѣ гречи, растенія болѣе другихъ нѣжнаго, всегда и всѣ производятъ засѣвъ два раза: сперва въ обыкновенное для посѣва время, а потомъ въ другое, гораздо позднѣйшее, для того, чтобы изъ посѣяннаго сохранить хотя половину. И это не далѣе какъ въ 50 верстахъ отъ горной стороны, гдѣ, при благопріятномъ климатѣ, легко созрѣваютъ плоды болѣе южныхъ мѣстъ, какъ-то: сливы, груши и т. п.

Въ этой сторонѣ и вода имѣетъ свой особый цвѣтъ густоперепрѣлаго чая. Живущіе на правомъ берегу Волги обыкновенно называютъ ее *боровою водою*. Надо замѣтить, что боровая рѣчная вода, имѣя темно-красный цвѣтъ, не только не лишена прозрачности, но обладаетъ этимъ качествомъ въ высшей степени, такъ что на глубинѣ болѣе сажени, при песчаномъ днѣ, легко можно различить лежащіе на днѣ предметы. Рѣкъ большихъ здѣсь нѣтъ. Болѣе прочихъ р. Люнда, впадающая въ р. Ветлугу. Весною по ней иногда сплавляютъ лѣсъ въ Ветлугу; впрочемъ немногимъ удается благополучно окончить эту работу. Вода обыкновенно быстро разливается по лѣсу и долинамъ, прилегающимъ къ Люндѣ, затопляя иногда довольно значительныя пространства, верстъ на 6; но зато чрезъ недѣлю послѣ самаго большаго разлива вы увидите эту бурную, огромную рѣку спокойно струящеюся въ своемъ небольшомъ руслѣ. Такимъ образомъ сплавляемыя по рѣкѣ бревна, не достигнувъ своего назначенія, вязнутъ въ плотинахъ мельницъ или остаются разсѣянными по лѣсу и лугамъ: время, труды и матеріалъ гибнутъ. На поемныхъ лугахъ, окружающихъ Люнду, есть много озеръ съ водою совершенно почти черною. И въ рѣкѣ и въ озерахъ довольно разныхъ родовъ рыбы и всего болѣе щукъ и окуней. Но такъ какъ рыба держится большею частію въ омутахъ, заваленныхъ деревьями, то рыбной ловли въ лѣтнее время здѣсь не существуетъ.

Весною рыба идетъ въ *нероты*, сплетенныя изъ мочалъ въ видѣ конуса, съ отверстіемъ въ верхнемъ концѣ, спускающимся въ большой кошель, натянутый на обручи также конусообразно. Когда вода сходитъ съ луговъ, эти нероты ставятся у заплетенныхъ въ низменныхъ мѣстахъ *загородокъ*, противъ сдѣланныхъ въ нихъ отверстій. Вода, *вяясь съ луговъ* этими низменными мѣстами, увлекаетъ съ собой и

рыбу, которая, подойдя къ плетнямъ и видя одно только отверстіе, набивается въ нероту цѣлыми рунами. Когда Люнда войдетъ въ берега, и вода получитъ обыкновенную свою прозрачность, въ это время рыба идетъ и на удочку. Щуки и окуни ловятся въ это время на живую рыбку, насаженную на толстый, особаго устройства крючекъ, называемый *жерлицею*. Осенью рыбу бьютъ острогою, похожею на *трезубецъ*. Цвѣтъ здѣшней рыбы отличенъ отъ цвѣта волжской рыбы. Одни окуни сохранили свой настоящій цвѣтъ, и перья ихъ ни сколько не темнѣютъ отъ боровой воды.

Лѣсъ здѣсь состоитъ большею частью изъ еловыхъ и березовыхъ деревъ; сосновыя хотя и есть, но вообще они тонки, сини и негодны на строевой лѣсъ, что зависитъ отъ низменнаго положенія этого края, усѣяннаго болотами. Хорошій сосновый лѣсъ родится только на мѣстахъ высокихъ, а на низменныхъ хорошо ростутъ однѣ ели, между которыми почти всегда тянутся тонкія, чахлыя березы. Еловыя деревья встрѣчаются здѣсь иногда довольно большихъ размѣровъ, но вообще здѣшній лѣсъ далеко не таковъ, чтобъ своими размѣрами могъ приводить въ изумленіе. При недостаткѣ сосноваго лѣса, здѣсь строятъ дома большею частью изъ еловаго, предпочитая послѣдній первому какъ по бѣлизнѣ, такъ и по прочности.

Ягоды въ тамошнихъ лѣсахъ родятся въ большомъ изобиліи, хотя и не каждый годъ. Съ самой ранней весны до поздней осени однѣ ягоды смѣняются другими. Земляника разсыпана по всему лѣсу; малина ростетъ преимущественно по горѣлымъ мѣстамъ. Въ жаркіе дни можно утолить жажду костеникою, широкими, красивыми кистями устилающею лѣсистыя мѣста. На довольно высокихъ кустикахъ висятъ зрѣлыя, крупныя ягоды гонобобля, не отличающагося особенно пріятнымъ вкусомъ, но, какъ и костеника, легко утоляющаго жажду. На чахлой болотистой почвѣ вы увидите здоровую краснощекую клюкву, а на мѣстахъ нѣсколько возвышенныхъ — румяную бруснику, перемѣшанную съ черникою.

Въ лѣсахъ этого края есть одинъ источникъ, могущій служить если не обогащеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, удовлетвореніемъ нуждъ тамошнихъ жителей, если бы они захотѣли обратиться къ нему. Этотъ источникъ заключается въ изобиліи птицъ и звѣрей.

Многихъ птичьихъ породъ, извѣстныхъ на правомъ берегу Волги, въ этомъ краѣ вовсе нѣтъ; даже галокъ, неразлучныхъ, неугомонныхъ собесѣдницъ человѣка, на всемъ этомъ пространствѣ вовсе незамѣтно. Но зато соловьи въ такомъ множествѣ обитаютъ въ этой угрюмой сторонѣ около рѣчекъ, въ черномъ лѣсу, и такъ смѣлы, что весною вы услышете сотни могучихъ голосовъ, раздающихся нерѣдко рядомъ съ вами, надъ вашимъ ухомъ. Въ бору, изъ пѣвчихъ птицъ вы услышете одну кукушку, — настоящую хозяйку лѣсовъ; другихъ пѣвчихъ птицъ тамъ нѣтъ. Но этотъ недостатокъ съ избыткомъ вознаграж-

дается обиліемъ разнаго рода дичи: рябчики и тетерева въ бору, вальдшнепы, дупеля, бекасы и другая *красная* дичь въ черномъ лѣсу и по лугамъ составляютъ настоящую роскошь этой стороны.

Звѣри, обитающіе въ тамошнихъ лѣсахъ, принадлежатъ къ разнымъ породамъ. Въ глуши лѣсовъ встрѣчаются, хотя и не часто, медвѣди, появляющіеся иногда и на поляхъ, около молодаго ячменя и другихъ, любимыхъ ими хлѣбовъ. Въ этой сторонѣ есть и олени, и лоси. Лисицы здѣсь не слишкомъ большая рѣдкость, изрѣдка попадаются даже чернобурыя, серебристыя, самой высокой цѣны, лисицы. Самыя же многочисленныя звѣриныя породы здѣсь суть: бѣлки, зайцы и волки. Послѣдніе осенью и зимою рыщутъ здѣсь въ такомъ множествѣ и такъ бываютъ дерзки, что позднимъ вечеромъ или ночью они стаями разгуливаютъ около селеній, а иногда и въ самыхъ селеніяхъ, высматривая себѣ добычу: и часто съ гуломъ и свистомъ вѣтра сливается, непріятное для слуха, завываніе этихъ кровожадныхъ животныхъ. Голодные, они неразборчивы въ пищѣ и рѣжутъ не только коровъ и овецъ, но и собакъ, стерегущихъ дворы. Зайцы для волковъ суть тоже, что караси для щукъ. Зимою въ лѣсу подъ рѣдкимъ деревомъ вы не увидите пролитой крови этихъ бѣдныхъ жертвъ, а на лугахъ, у стоговъ, вамъ представится множество разметанныхъ заячьихъ лапокъ, хвостовъ и объѣденныхъ мордъ, — остатокъ пиршества кровожадныхъ волковъ.

Не смотря на множество птицъ и звѣрей разнаго рода, жители и не думаютъ обратить это богатство въ свою пользу. За птицами охотятся очень немногіе изъ крестьянъ и нѣкоторые, живущіе по близости, помѣщики. Звѣроловствомъ занимаются больше, но рѣдко мѣстные жители, а большею частью пріѣзжіе съ горной стороны; крестьяне не занимаются этимъ ремесломъ всю зиму до Пасхи. Зайцевъ волковъ и лисицъ ловятъ они обыкновенно капканами.

Разсмотримъ теперь описываемый край въ отношеніи къ земледѣлію. На поляхъ сѣются преимущественно: овесъ, просо, гречиха и горохъ; сѣется и рожь, но въ меньшемъ количествѣ; пшеницу сѣютъ немногіе, имѣющіе способы къ достаточному удобренію земли. По причинѣ песчаной почвы, не только пшеница, но и прочій хлѣбъ, безъ хорошаго удобренія земли, родится здѣсь весьма скудно. И на удобренной почвѣ самъ-пятъ считается рѣдкимъ урожаемъ; большею же частью родится самъ-третей и даже самъ-другъ, особенно это не рѣдкость въ жаркое лѣто. Случается, что нельзя собрать и высѣянное. Бѣднѣйшіе жители, не имѣя средствъ удабривать свои поля и не желая оставаться безъ куска хлѣба, обыкновенно дѣлаютъ такъ: оставляя свои полосы въ поляхъ, гдѣ истощенная земля дѣлается неспособною къ плодородію, они вырубаютъ въ извѣстномъ мѣстѣ лѣсъ и, сожегши его, *чищаютъ по возможности* это мѣсто. Урожаи на этой, вновь разра*ванной землѣ,* сначала бываютъ плохи, по невозможности съ перваго

раза хорошо обработать усѣянную пнями и переплетенную кореньями землю; но впослѣдствіи урожаи улучшаются до того, что сравниваются съ урожаями на удобренной полевой землѣ. Давая отдыхъ этимъ новымъ землямъ, можно поддержать въ нихъ плодородіе иногда до 10 лѣтъ.

При безплодной песчаной почвѣ и суровомъ, непостоянномъ климатѣ, нечего и думать о садоводствѣ и огородничествѣ. Первое тамъ вовсе не существуетъ, второе находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Обыкновенно садятъ въ огородахъ капусту, огурцы, картофель и другія, употребляемыя въ крестьянскомъ быту, овощи. Но все такъ худо родится, что собираемые въ маломъ количествѣ плоды и вкусомъ и видомъ мало похожи на овощи, покупаемыя въ городѣ. Охотники до садовъ дѣлали попытки выростить яблоки, но, при всемъ стараніи, выростили только нѣсколько чахлыхъ и неуклюжихъ дикихъ кустовъ, не приносящихъ ни одного яблока. О привитыхъ яблоняхъ нечего и говорить, онѣ не могутъ пережить и одного года. Грубая песчаная почва и климатъ суровый и непостоянный уничтожаютъ всѣ попытки развести садовыя растенія.

Спрашивается: чѣмъ же питаются тамошніе жители? Въ этомъ краѣ и у богатыхъ, и у бѣдныхъ два главные промысла: *заготовка лыкъ* и *тканье рогожъ*. Не можемъ положительно сказать, который изъ этихъ промысловъ прибыльнѣе; но первымъ занимаются больше, можетъ быть потому, что онъ не такъ сложенъ, и занятіе имъ не отнимаетъ рабочаго времени, что особенно важно для одиночекъ. Обыкновенно *лыки* дерутъ весною въ сокъ деревъ, распредѣляя эту работу или до запашки или между запашкой и посѣвами. Сдирка лыкъ производится въ чужихъ лѣсахъ по билетамъ. Одни бѣдняки, не имѣющіе способа достать билетъ, дерутъ иногда въ своемъ, по ихъ словамъ, лѣсу, въ которомъ мало липовыхъ деревъ. Высушенныя и связанныя въ пучки лыки продаются или въ с. Воскресенскомъ или въ г. Семеновѣ, а иногда и на мѣстѣ — закупщикамъ. Сбытъ *рогожъ* бываетъ или въ с. Лысковѣ, Макарьевскаго уѣзда, гдѣ, при весьма значительной торговлѣ хлѣбомъ, рогожи требуются въ большомъ количествѣ, — или же въ Нижнемъ. Большое число становъ, употребляемыхъ для тканья рогожъ, считается обыкновенно признакомъ, хотя и не всегда вѣрнымъ, хорошаго состоянія крестьянина. Мочало для рогожъ такъ же, какъ и лыки, идетъ изъ постороннихъ лѣсовъ, иногда далѣе чѣмъ за 100 верстъ. Дерутъ его весною и въ то же время на мѣстѣ кладутъ его въ *мочку;* осенью мочало привозятъ домой уже совершенно готовое. Управившись съ хлѣбомъ, крестьяне принимаются за тканье рогожъ или въ особыхъ теплыхъ избахъ, нарочно для сего устроенныхъ, или же въ подклѣтяхъ, т. е. нижнихъ жильяхъ избъ.

Какъ скоро приготовлено будетъ достаточное количество рогожъ, ихъ *сбываютъ* или на мѣстѣ закупщикамъ, или же въ Лысковѣ и

Нижнемъ. Смотря по движенію хлѣбной промышленности, иногда усиливающейся, иногда упадающей, и сбытъ рогожъ бываетъ не всегда одинаковъ. Часто, особенно бѣдные крестьяне, получаютъ не барышъ, а убытокъ отъ своего промысла. Но и при хорошемъ сбытѣ рогожи обогащаются немногіе. Бѣдные, которыхъ здѣсь 99%, не имѣя возможности, при однихъ собственныхъ средствахъ, сдѣлать обороты, необходимые при каждомъ родѣ промышленности, принуждены бываютъ съ своими нуждами обращаться къ богатымъ. Прежде чѣмъ крестьянинъ примется за работу, ему нуженъ матеріалъ, для пріобрѣтенія котораго требуется значительная сумма, безъ чего ему нельзя получить ни билета на дранье мочалъ, ни самыхъ мочалъ. Бѣдному, не имѣющему у себя ни копѣйки, остается или сидѣть зиму безъ работы, или просить помощи у богатыхъ. Не столько насущный кусокъ хлѣба, который часто испрашивается подъ окнами, сколько боязнь строгой отвѣтственности въ случаѣ неуплаты оброка, заставляетъ бѣдныхъ прибѣгать къ послѣднему, тяжкому для нихъ, средству — т. е. брать у богатыхъ или готовое мочало, или скупленные уже билеты на сдирку мочала. Богатые — кулаки охотно удовлетворяютъ просьбы бѣдныхъ своихъ собратовъ, получая за эту благотворительность не совсѣмъ христіанскіе проценты. По выработкѣ рогожъ, большая часть бѣдняковъ, особенно одиночекъ, опять состоитъ въ совершенной зависимости отъ богатыхъ. Работая *одними руками* и часто оставаясь на зиму безъ лошади, одни изъ нихъ, чтобы не пускаться самимъ въ неизвѣстную путину и не остановить работы, а другіе — по необходимости, за неимѣніемъ средствъ къ перевозкѣ рогожъ, вновь прибѣгаютъ къ великодушію своихъ кулаковъ и за новую милость ихъ платятъ не дешевле прежняго. Какъ за мочала или билеты брали съ нихъ слишкомъ высокую цѣну, такъ за издѣлія ихъ даютъ цѣну слишкомъ низкую. Но и этому рады бѣдняки, особенно если, за уплатою должныхъ за мочало денегъ, остается еще у нихъ количество, достаточное для уплаты слѣдующаго съ нихъ оброка. Сравнивая въ этомъ отношеніи *лычный* и *рогожный* промыселъ, нужно отдать преимущество первому, потому что онъ по дешевизнѣ билетовъ на сдирку лыкъ, по близости мѣста и удобству времени, гдѣ и когда работа производится, наконецъ, по постоянному требованію на лыки и выгодному во всякое время сбыту ихъ, рѣдко ставитъ бѣдныхъ въ зависимость отъ богатыхъ. По веснѣ нѣкоторые дерутъ корье; но этой работой занимаются только въ свободное время и всегда почти женщины. По малочисленности сосноваго лѣса, гонкою смолы здѣсь занимаются очень немногіе.

При этихъ ограниченныхъ средствахъ жители болѣе или менѣе жалкіе бѣдняки. Изъ бѣдняковъ нѣкоторые круглый годъ не видятъ мясной пищи и бѣлаго хлѣба; даже молоко, въ маломъ количествѣ *получаемое отъ* тамошнихъ мелкихъ и тощихъ коровъ, они сберегаютъ *только для дѣтей*, довольствуясь сами творогомъ, разведеннымъ водою.

Жалко смотрѣть на этихъ бѣдняковъ, всю жизнь проводящихъ въ борьбѣ съ горемъ и бѣдностью. Мнѣ мало встрѣчалось видѣть такихъ стариковъ, которые бы имѣли видъ людей, счастливо прожившихъ свой вѣкъ, съ лицами, цвѣтущими здоровьемъ и выражающими счастіе. Дряхлость, кажется, не составляетъ тамъ исключительной принадлежности старческаго возраста. Скорбь и униженіе съ раннихъ лѣтъ отъ первой милостыни, которую они испрашиваютъ со слезами на глазахъ и со страхомъ отказа, напечатлѣваются навсегда на ихъ лицахъ. Многіе изъ нихъ, уплативъ кое-какъ оброкъ, круглый годъ питаются подаяніемъ, испрашивать которое они посылаютъ одного или нѣсколькихъ членовъ семейства, всегда на горную сторону, изобильную хлѣбомъ. Лошадь, корова и прочій домашній скотъ не составляютъ необходимой принадлежности тамошняго крестьянина; напротивъ, у многихъ поля остаются незасѣянными, собственно за неимѣніемъ лошадей. Если поставить этихъ чахлыхъ, приземистыхъ бѣдняковъ лицомъ къ лицу съ жителями горной стороны, обыкновенно красивыми и крѣпкими отъ работы и здоровой, сытной пищи, то различіе ихъ было бы очевидно. Бѣлыя, здоровыя лица горныхъ жителей, съ болѣе или менѣе русыми и почти всегда мягкими волосами, съ перваго раза отличили бы ихъ отъ этихъ жалкихъ людей, съ смуглыми лицами и волосами большею частью темными, курчавыми или висящими подобно космамъ грубаго невычесаннаго льна, не видавшаго гребня. Самыя строенія той стороны обличаютъ крайнюю бѣдность ея жителей. Окруженные строевымъ лѣсомъ, они, несмотря на эту выгоду, живутъ большею частью въ хижинахъ, похожихъ болѣе на клѣтки, грязныя, какъ хлѣвъ и черныя до невозможности разсмотрѣть натуральный цвѣтъ стѣнъ. О дворахъ и говорить нечего. Дрянной заборишка или, лучше, — тычинки вокругъ хаты, съ кучею соломы и всякаго хлама наверху, составляютъ дворъ, въ которомъ мерзнетъ скотъ, и легко находитъ себѣ добычу хищный звѣрь. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: и дрянное строеніе служитъ въ пользу бѣднякамъ въ извѣстномъ отношеніи. Такъ напримѣръ, они не слишкомъ много терпятъ отъ пожаровъ, не рѣдкихъ здѣсь, при повсемѣстномъ употребленіи лучины, и самому пожару не даютъ распространяться, безъ большихъ усилій разрушая едва слѣпленныя и по большей части ветхія стѣны и крышу. Поэтому то, можетъ быть, въ этомъ краѣ и не думаютъ заводиться пожарными инструментами. Мужики рычажками разламываютъ горящія строенія, а ретивѣйшіе изъ нихъ работаютъ голыми руками и, благодаря непрочности ихъ маленькихъ хатъ, успѣваютъ затушить пожаръ въ самомъ скоромъ времени.

Нечего и говорить, что нечистота и бѣдность жилищъ тамошнихъ жителей гармонируетъ съ неопрятностью и бѣдностью ихъ одежды. Самымъ покроемъ одежда ихъ мало отличается отъ одежды жителей горной стороны. Мужики носятъ нижнее бѣлье синее или бѣлое, лѣтомъ

употребляется или обыкновенный домашняго сукна чапанъ, или кафтанъ, а зимою — тулупъ или полушубокъ, большею частью безъ сборокъ назади, изъ экономіи. Бабы на головахъ носятъ кокошники въ видѣ копыта, обращеннаго нижнею частью вверхъ, а дѣвушки — повязки, узкія кверху, похожія на шапочки монастырскихъ послушницъ.

Нарѣчіе тамошнихъ жителей, общее съ нарѣчіемъ жителей всего Ветлужскаго края, отличается отъ нарѣчія жителей горной стороны: 1) замѣною при произношеніи нѣкоторыхъ буквъ другими; такъ напр. вмѣсто *ц* всегда употребляется *ч*, и потому говорятъ не церковь, а черковь и т. п.; 2) весьма растянутымъ произношеніемъ слоговъ, имѣющихъ надъ собою удареніе, отчего происходитъ неровность въ рѣчи, весьма непріятная для слуха.

У жителей этого края есть много пословицъ, большею частью выражающихъ особенность ихъ края; такъ напр. безпокойство, которое они терпятъ лѣтомъ отъ множества крылатыхъ насѣкомыхъ, выражено въ пословицѣ: „хоть и холодно, да не оводно“. Есть у нихъ и свои особыя пѣсни, выражающія то сожалѣніе о быломъ лучшемъ, то нѣкотораго рода зависть къ жителямъ горной стороны. Послѣднее именно выражается въ пѣснѣ, начальныя слова которой слѣдующія: „За рѣкою то, за Волгой, жизнь весела сторона“.

Впрочемъ, подавленные бѣдностью, тамошніе жители чужды всякаго образованія, и грамотность служитъ тамъ исключительно принадлежностью конторскихъ писарей; остальные погружены въ мракъ глубокаго невѣдѣнія. Рѣдко посѣщая храмъ Божій, они не знаютъ даже коренныхъ началъ исповѣдуемой ими вѣры; они не могутъ различить таинствъ отъ обрядовъ и не разумѣютъ сущности и важности ни тѣхъ, ни другихъ.

5. Производство льна и льняныхъ издѣлій.

(общій очеркъ).

Ленъ разводится въ Россіи съ двоякою цѣлью: а) для полученія волоконъ и сѣмени и в) для полученія исключительно сѣмени. Воздѣлываніе льна на волокна и сѣмена производится въ западной полосѣ Россіи (губ. Лифляндская, Курляндская, Псковская, Витебская, Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Смоленская, Тверская, Новгородская) и въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ — Вятской, Вологодской, Костромской, Ярославской и Владимірской; въ послѣднее же время воздѣлываніе льна съ этою цѣлью производится и въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ, напр. въ Полтавской. Производство льна на волокно и сѣмена главнымъ образомъ сосредоточивается *въ губерніяхъ* Псковской (до 3.000,000 п.), Смоленской, Вологодской, *а также* въ Костромской, Владимірской и Лифляндской. Еже-

годное производство льна полагается болѣе 12 м. п., въ томъ числѣ 7.500,000 п. въ западномъ льняномъ пространствѣ, а 4.500,000 п.— въ сѣверо-восточномъ.

Воздѣлываніе льна исключительно на сѣмена производится въ южной полосѣ Россіи; въ землѣ Донскаго Войска, въ губ. Воронежской, Екатеринославской, Саратовской и Харьковской. Ежегодное производство льнянаго сѣмени въ южной полосѣ считается въ 750,000 четвертей, а въ западномъ и сѣверо-восточномъ льняныхъ пространствахъ— до 1.662,000 четв., значитъ, общая сумма годоваго производства льнянаго сѣмени — до 2.500,000 четвертей.

По количеству производства льна Россія, сравнительно съ другими европейскими государствами, стоитъ на первомъ мѣстѣ, по отношенію же къ населенію производство льна въ Россіи стоитъ на 2-мъ мѣстѣ, первое же занимаетъ Бельгія.

Въ обработкѣ льна въ Россіи въ послѣднее время вводятся различныя улучшенія; такъ въ Лифляндіи распространяется все болѣе и болѣе механическая трепка льна, имѣющая значительное преимущество передъ трепкою ручною; въ остальной Россіи обращено вниманіе на выборъ сѣмянъ и сортировку льна, производится полотье льна, вводится машинное мятье и трепанье.

Выгоды льновоздѣлыванія у насъ въ Россіи могутъ быть приняты отъ 60 до 70 руб. чистаго дохода съ десятины.

Торговля льномъ ведется внутренняя на наши бумагопрядильныя фабрики и заграничная. Внутренняя торговля производится въ нѣкоторыхъ торговыхъ пунктахъ тѣхъ губерній, гдѣ развито льновоздѣлываніе, заграничная же ведется черезъ наши главные порты, а также и сухимъ путемъ, черезъ западно-европейскую границу, частью же чрезъ прусскіе порты—Кенигсбергъ и Мемель. *Изъ Ярославской губерніи* (центръ с. Великое) ленъ направляется въ Архангельскъ и Петербургъ. *Изъ Костромской* — въ Кострому, Нерехту, Кинешму и Плесъ. *Изъ Тверской* — въ Ржевъ и Петербургъ. *Изъ Владимірской*— въ г. Меленки, Архангельскъ и Петербургъ. *Изъ Вологодской* и *Вятской* — въ Архангельскъ. Въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ ленъ сбывается крестьянами прямо въ города, гдѣ и покупается непосредственно купцами; въ западныхъ же губерніяхъ—чрезъ посредство коммиссіонеровъ (Псковской губ. булыни, въ сѣверо-западномъ краѣ — евреи — корчмари), покупающихъ ленъ впередъ. При продажѣ *ленъ сортируется* по своему качеству, причемъ сорты льна въ каждомъ портѣ имѣютъ свои особыя названія (въ Архангельскѣ — отборный, кронъ и забракъ; въ Петербургѣ—12-ти, 9-ти и 6—7-ми головчатый). Названія эти зависятъ отъ числа горстей или куколь льна, какое вяжется въ тюкъ.

Обыкновенное сѣмя идетъ черезъ Петербургъ, Ригу и черезъ южные порты, *посѣвное* — исключительно чрезъ порты сѣверные.

тельно съ прошлыми годами, уменьшается, потому что становится меньше береста и нѣкоторые изъ крестьянъ добровольно оставили эти промыслы, находя для себя болѣе выгоднымъ заниматься лѣсорубкою.

3. Тканье рогожъ изъ привознаго, большею частью рыбинскими и ветлужскими купцами въ г. Ветлугу, мочала. До конца сороковыхъ годовъ эти издѣлія призводились изъ мочала мѣстныхъ дачъ, но съ уничтоженіемъ съ того времени липоваго лѣса, купцы привозятъ матеріалъ большею частью съ Нижегородской ярмарки. Изъ мѣстнаго же мочала, пріобрѣтаемаго въ владѣльческихъ и казенныхъ дачахъ, выдѣлывается самая незначительная часть рогожъ и кулья.

Выдѣланныя рогожи отправляются по рр. Ветлугѣ и Унжѣ на судахъ, для распродажи, въ Рыбинскъ и незначительная часть идетъ сухимъ путемъ въ Никольскій уѣздъ, на пристань Кудрино, и затѣмъ къ Архангельскому порту.

Исправный крестьянинъ, при небольшомъ семействѣ, заработывалъ въ зиму до 90 руб., а теперь можетъ выработать до 135 руб. Вообще переработывается мочала въ рогожи и кули въ уѣздѣ до 1.000,000 штукъ.

4. Извозъ въ зимнее время изъ г. Ветлуги въ г. Никольскъ, Вологодской губерніи, хлѣба и на р. Унжу рогожъ.

5. Свивка лѣсовъ и сгонъ ихъ на устье р. Ветлуги, къ г. Козмодемьянску; занимаются этимъ преимущественно крестьяне одиночки и не имѣющіе собственныхъ лошадей, получая за свивку и сгонку лѣса отъ Ветлуги до Козмодемьянска до 23 р.

Всѣ указанные промыслы существуютъ съ незапамятныхъ временъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ и производятся во время, свободное отъ полевыхъ работъ; выгоднѣйшіе изъ нихъ—выработка мочала, извозъ и частію дегтекуреніе, тамъ гдѣ близки отъ селеній дегтекуренные заводы, промыслы эти не отрываютъ крестьянъ отъ домашнихъ и полевыхъ работъ и служатъ достаточнымъ подспорьемъ для ихъ домашняго и полеваго хозяйства.

b) Нижегородское Ветлужье.

Жители нагорной стороны Заволжскую и особенно Ветлужскую сторону, Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, часто называютъ Сибирью, т. е., по ихъ понятію, страною печальною, лишенною всѣхъ удобствъ жизни. Видъ окрестностей можно очертать въ двухъ-трехъ словахъ: куда ни взглянешь, увидишь лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ. Этотъ безконечный лѣсъ, на ближайшемъ къ вамъ разстояніи, кажется густозеленаго цвѣта, далѣе—синяго, потомъ — темносиняго и, наконецъ, неопредѣленнаго, туманнаго цвѣта, сливающагося съ горизонтомъ. Разбросанныя по этому лѣсу на нѣсколько десятковъ верстъ деревни суть

то же, что оазы въ песчаной степи. Надо приблизиться къ нимъ, чтобы замѣтить ихъ въ этомъ дремучемъ лѣсу.

Въ этомъ краю и природа, и люди какъ бы отмѣчены особыми красками. Почва вообще здѣсь песчаная, и въ нѣдрахъ земли слишкомъ скудны средства къ произведенію даже скудной растительности. Вы не увидите тамъ той бархатной зелени, которую привыкли видѣть. Вмѣсто мягкой, шелковистой зелени, вамъ представится на песчаной почвѣ рѣдкая и до того сожженная, скопляющимся между лѣсовъ, солнечнымъ зноемъ трава, что вы не замѣтите въ ней почти никакихъ признаковъ жизни, и опаленная почва невольно отвратитъ отъ себя ваше зрѣніе, привыкшее покоиться на муравѣ. Не говоря о дождливыхъ годахъ, когда и на самыхъ камняхъ прозябаетъ растительность, скажемъ только, что въ лѣто жаркое, хотя и не въ засуху, вы увидите не только на пустыхъ полянахъ, но даже на поемныхъ мѣстахъ, большею частію защищенныхъ отъ жара окружающимъ ихъ лѣсомъ, траву, несозрѣвшую еще, но уже изсохшую, пожелтѣлую, никуда негодную.

Мѣстный климатъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отъ климата горной стороны онъ такъ рѣзко отличается, что не знающій разстоянія, отдѣляющаго Ветлужскій край отъ горной стороны, подумаетъ, что не 50 верстъ, а цѣлый десятокъ градусовъ широты раздѣляетъ эти стороны. Это отличіе климата, мало, впрочемъ, замѣтное зимою, особенно чувствительно въ лѣтнее время. Главное свойство его — несносный жаръ днемъ, сырость и холодъ ночью. Причина такой непостоянности въ воздухѣ заключается въ песчаной почвѣ и во множествѣ окружающихъ лѣсовъ и болотъ. Въ здѣшней сторонѣ нѣтъ умѣренныхъ вѣтровъ, уменьшающихъ жаръ. Сплошная непроницаемая масса лѣса, со всѣхъ сторонъ плотно охватывающая небольшое пространство, занимаемое селеніемъ, не позволяетъ этимъ вѣтрамъ освѣжать его. Поэтому въ здѣшнемъ краѣ большею частью бываютъ или сильныя грозы, скопляющіяся надъ смолистымъ лѣсомъ, съ сильными вѣтрами, или совершенная неподвижность въ воздухѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ, песчаная почва и деревья въ лѣсу отъ лучей солнца разгорячаются до чрезвычайности, знойный воздухъ, не зыблемый ни малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра, лишенный всякой влаги, до костей проникаетъ и разслабляетъ человѣка. Днемъ все горячо, все сухо. Но лишь солнце начинаетъ склоняться къ западу, задержанные пары замѣтно начинаютъ отдѣляться изъ влажной болотистой почвы и, по закатѣ солнца, послѣ жаркаго дня, скопляясь, образуютъ туманъ, застилающій собою всѣ предметы и проникающій ихъ чувствительнымъ холодомъ. Въ это время воздухъ дѣлается влажнымъ и холоднымъ и вреденъ для здоровья. Всѣ огородныя растенія болѣе или менѣе терпятъ отъ этой перемѣны въ воздухѣ.

Но *это непостоянство* атмосферы втеченіе сутокъ, не причиняя

слишкомъ значительнаго вреда растеніямъ, не такъ страшно жителямъ, какъ несвоевременные морозы поздно весною или рано лѣтомъ, составляющіе истинное несчастіе жителей этой стороны, часто лишая ихъ и того скуднаго урожая, который возможенъ на тамошней плохой почвѣ. Изъ обыкновенныхъ полевыхъ растеній нѣкоторыя съ трудомъ могутъ вырости и созрѣть безъ поврежденія отъ этихъ морозовъ, рѣдкій годъ неслучающихся. Къ счастію, они рѣдко бываютъ и весною и лѣтомъ втеченіе одного года. Жители, привыкшіе къ непостоянству своего климата, но не зная, поздно ли весною или рано лѣтомъ случатся морозы,—при посѣвѣ гречи, растенія болѣе другихъ нѣжнаго, всегда и всѣ производятъ засѣвъ два раза: сперва въ обыкновенное для посѣва время, а потомъ въ другое, гораздо позднѣйшее, для того, чтобы изъ посѣяннаго сохранить хотя половину. И это не далѣе какъ въ 50 верстахъ отъ горной стороны, гдѣ, при благопріятномъ климатѣ, легко созрѣваютъ плоды болѣе южныхъ мѣстъ, какъ-то: сливы, груши и т. п.

Въ этой сторонѣ и вода имѣетъ свой особый цвѣтъ густоперепрѣлаго чая. Живущіе на правомъ берегу Волги обыкновенно называютъ ее *боровою водою*. Надо замѣтить, что боровая рѣчная вода, имѣя темно-красный цвѣтъ, не только не лишена прозрачности, но обладаетъ этимъ качествомъ въ высшей степени, такъ что на глубинѣ болѣе сажени, при песчаномъ днѣ, легко можно различить лежащіе на днѣ предметы. Рѣкъ большихъ здѣсь нѣтъ. Болѣе прочихъ р. Люнда, впадающая въ р. Ветлугу. Весною по ней иногда сплавляютъ лѣсъ въ Ветлугу; впрочемъ немногимъ удается благополучно окончить эту работу. Вода обыкновенно быстро разливается по лѣсу и долинамъ, прилегающимъ къ Люндѣ, затопляя иногда довольно значительныя пространства, верстъ на 6; но зато чрезъ недѣлю послѣ самаго большаго разлива вы увидите эту бурную, огромную рѣку спокойно струящеюся въ своемъ небольшомъ руслѣ. Такимъ образомъ сплавляемыя по рѣкѣ бревна, не достигнувъ своего назначенія, вязнутъ въ плотинахъ мельницъ или остаются разсѣянными по лѣсу и лугамъ: время, труды и матеріалъ гибнутъ. На поемныхъ лугахъ, окружающихъ Люнду, есть много озеръ съ водою совершенно почти черною. И въ рѣкѣ и въ озерахъ довольно разныхъ родовъ рыбы и всего болѣе щукъ и окуней. Но такъ какъ рыба держится большею частію въ омутахъ, заваленныхъ деревьями, то рыбной ловли въ лѣтнее время здѣсь не существуетъ.

Весною рыба идетъ въ *нероты*, сплетенныя изъ мочалъ въ видѣ конуса, съ отверстіемъ въ верхнемъ концѣ, спускающимся въ большой кошель, натянутый на обручи также конусообразно. Когда вода сходитъ съ луговъ, эти нероты ставятся у заплетенныхъ въ низменныхъ *мѣстахъ загородокъ*, противъ сдѣланныхъ въ нихъ отверстій. Вода, *сливаясь съ луговъ* этими низменными мѣстами, увлекаетъ съ собой и

рыбу, которая, подойдя къ плетнямъ и виля одно только отверстіе, набивается въ нероту цѣлыми рунами. Когда Люнда войдетъ въ берега, и вода получитъ обыкновенную свою прозрачность, въ это время рыба идетъ и на удочку. Щуки и окуни ловятся въ это время на живую рыбку, насаженную на толстый, особаго устройства крючекъ, называемый *жерлицею*. Осенью рыбу бьютъ острогою, похожею на *трезубецъ*. Цвѣтъ здѣшней рыбы отличенъ отъ цвѣта волжской рыбы. Одни окуни сохранили свой настоящій цвѣтъ, и перья ихъ ни сколько не темнѣютъ отъ боровой воды.

Лѣсъ здѣсь состоитъ большею частью изъ еловыхъ и березовыхъ деревъ; сосновыя хотя и есть, но вообще они тонки, сини и негодны на строевой лѣсъ, что зависитъ отъ низменнаго положенія этого края, усѣяннаго болотами. Хорошій сосновый лѣсъ родится только на мѣстахъ высокихъ, а на низменныхъ хорошо ростутъ однѣ ели, между которыми почти всегда тянутся тонкія, чахлыя березы. Еловыя деревья встрѣчаются здѣсь иногда довольно большихъ размѣровъ, но вообще здѣшній лѣсъ далеко не таковъ, чтобъ своими размѣрами могъ приводить въ изумленіе. При недостаткѣ сосноваго лѣса, здѣсь строятъ дома большею частью изъ еловаго, предпочитая послѣдній первому какъ по бѣлизнѣ, такъ и по прочности.

Ягоды въ тамошнихъ лѣсахъ родятся въ большомъ изобиліи, хотя и не каждый годъ. Съ самой ранней весны до поздней осени однѣ ягоды смѣняются другими. Земляника разсыпана по всему лѣсу; малина ростетъ преимущественно по горѣлымъ мѣстамъ. Въ жаркіе дни можно утолить жажду костеникою, широкими, красивыми кистями устилающею лѣсистыя мѣста. На довольно высокихъ кустикахъ висятъ зрѣлыя, крупныя ягоды гонобобля, не отличающагося особенно пріятнымъ вкусомъ, но, какъ и костеника, легко утоляющаго жажду. На чахлой болотистой почвѣ вы увидите здоровую краснощекую клюкву, а на мѣстахъ нѣсколько возвышенныхъ — румяную бруснику, перемѣшанную съ черникою.

Въ лѣсахъ этого края есть одинъ источникъ, могущій служить если не обогащеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, удовлетвореніемъ нуждъ тамошнихъ жителей, если бы они захотѣли обратиться къ нему. Этотъ источникъ заключается въ изобиліи птицъ и звѣрей.

Многихъ птичьихъ породъ, извѣстныхъ на правомъ берегу Волги, въ этомъ краѣ вовсе нѣтъ; даже галокъ, неразлучныхъ, неугомонныхъ собесѣдницъ человѣка, на всемъ этомъ пространствѣ вовсе незамѣтно. Но зато соловьи въ такомъ множествѣ обитаютъ въ этой угрюмой сторонѣ около рѣчекъ, въ черномъ лѣсу, и такъ смѣлы, что весною вы услышете сотни могучихъ голосовъ, раздающихся нерѣдко рядомъ съ вами, надъ вашимъ ухомъ. Въ бору, изъ пѣвчихъ птицъ вы услышете одну кукушку, — настоящую хозяйку лѣсовъ; другихъ пѣвчихъ птицъ тамъ нѣтъ. Но этотъ недостатокъ съ избыткомъ вознаграж-

дается обиліемъ разнаго рода дичи: рябчики и тетерева въ бору, вальдшнепы, дупеля, бекасы и другая *красная* дичь въ черномъ лѣсу и по лугамъ составляютъ настоящую роскошь этой стороны.

Звѣри, обитающіе въ тамошнихъ лѣсахъ, принадлежатъ къ разнымъ породамъ. Въ глуши лѣсовъ встрѣчаются, хотя и не часто, медвѣди, появляющіеся иногда и на поляхъ, около молодаго ячменя и другихъ, любимыхъ ими хлѣбовъ. Въ этой сторонѣ есть и олени, и лоси. Лисицы здѣсь не слишкомъ большая рѣдкость, изрѣдка попадаются даже чернобурыя, серебристыя, самой высокой цѣны, лисицы. Самыя же многочисленныя звѣриныя породы здѣсь суть: бѣлки, зайцы и волки. Послѣдніе осенью и зимою рыщутъ здѣсь въ такомъ множествѣ и такъ бываютъ дерзки, что позднимъ вечеромъ или ночью они стаями разгуливаютъ около селеній, а иногда и въ самыхъ селеніяхъ, высматривая себѣ добычу: и часто съ гуломъ и свистомъ вѣтра сливается, непріятное для слуха, завываніе этихъ кровожадныхъ животныхъ. Голодные, они неразборчивы въ пищѣ и рѣжутъ не только коровъ и овецъ, но и собакъ, стерегущихъ дворы. Зайцы для волковъ суть тоже, что караси для щукъ. Зимою въ лѣсу подъ рѣдкимъ деревомъ вы не увидите пролитой крови этихъ бѣдныхъ жертвъ, а на лугахъ, у стоговъ, вамъ представится множество разметанныхъ заячьихъ лапокъ, хвостовъ и объѣденныхъ мордъ, — остатокъ пиршества кровожадныхъ волковъ.

Не смотря на множество птицъ и звѣрей разнаго рода, жители и не думаютъ обратить это богатство въ свою пользу. За птицами охотятся очень немногіе изъ крестьянъ и нѣкоторые, живущіе по близости, помѣщики. Звѣроловствомъ занимаются больше, но рѣдко мѣстные жители, а большею частью пріѣзжіе съ горной стороны; крестьяне не занимаются этимъ ремесломъ всю зиму до Пасхи. Зайцевъ волковъ и лисицъ ловятъ они обыкновенно капканами.

Разсмотримъ теперь описываемый край въ отношеніи къ земледѣлію. На поляхъ сѣются преимущественно: овесъ, просо, гречиха и горохъ; сѣется и рожь, но въ меньшемъ количествѣ; пшеницу сѣютъ немногіе, имѣющіе способы къ достаточному удобренію земли. По причинѣ песчаной почвы, не только пшеница, но и прочій хлѣбъ, безъ хорошаго удобренія земли, родится здѣсь весьма скудно. И на удобренной почвѣ самъ-пятъ считается рѣдкимъ урожаемъ; большею же частью родится самъ-третей и даже самъ-другъ, особенно это не рѣдкость въ жаркое лѣто. Случается, что нельзя собрать и высѣянное. Бѣднѣйшіе жители, не имѣя средствъ удабривать свои поля и не желая оставаться безъ куска хлѣба, обыкновенно дѣлаютъ такъ: оставляя свои полосы въ поляхъ, гдѣ истощенная земля дѣлается неспособною къ плодородію, они вырубаютъ въ извѣстномъ мѣстѣ лѣсъ и, сожегши его, *очищаютъ по возможности* это мѣсто. Урожаи на этой, вновь разработанной землѣ, сначала бываютъ плохи, по невозможности съ перваго

раза хорошо обработать усѣянную пнями и переплетенную кореньями землю; но впослѣдствіи урожаи улучшаются до того, что сравниваются съ урожаями на удобренной полевой землѣ. Давая отдыхъ этимъ новымъ землямъ, можно поддержать въ нихъ плодородіе иногда до 10 лѣтъ.

При безплодной песчаной почвѣ и суровомъ, непостоянномъ климатѣ, нечего и думать о садоводствѣ и огородничествѣ. Первое тамъ вовсе не существуетъ, второе находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Обыкновенно садятъ въ огородахъ капусту, огурцы, картофель и другія, употребляемыя въ крестьянскомъ быту, овощи. Но все такъ худо родится, что собираемые въ маломъ количествѣ плоды и вкусомъ и видомъ мало похожи на овощи, покупаемыя въ городѣ. Охотники до садовъ дѣлали попытки выростить яблоки, но, при всемъ стараніи, выростили только нѣсколько чахлыхъ и неуклюжихъ дикихъ кустовъ, не приносящихъ ни одного яблока. О привитыхъ яблоняхъ нечего и говорить, онѣ не могутъ пережить и одного года. Грубая песчаная почва и климатъ суровый и непостоянный уничтожаютъ всѣ попытки развести садовыя растенія.

Спрашивается: чѣмъ же питаются тамошніе жители? Въ этомъ краѣ и у богатыхъ, и у бѣдныхъ два главные промысла: *заготовка лыкъ* и *тканье рогожъ*. Не можемъ положительно сказать, который изъ этихъ промысловъ прибыльнѣе; но первымъ занимаются больше, можетъ быть потому, что онъ не такъ сложенъ, и занятіе имъ не отнимаетъ рабочаго времени, что особенно важно для одиночекъ. Обыкновенно *лыки* дерутъ весною въ сокъ деревъ, распредѣляя эту работу или до запашки или между запашкой и посѣвами. Сдирка лыкъ производится въ чужихъ лѣсахъ по билетамъ. Одни бѣдняки, не имѣющіе способа достать билетъ, дерутъ иногда въ своемъ, по ихъ словамъ, лѣсу, въ которомъ мало липовыхъ деревъ. Высушенныя и связанныя въ пучки лыки продаются или въ с. Воскресенскомъ или въ г. Семеновѣ, а иногда и на мѣстѣ — закупщикамъ. Сбытъ *рогожъ* бываетъ или въ с. Лысковѣ, Макарьевскаго уѣзда, гдѣ, при весьма значительной торговлѣ хлѣбомъ, рогожи требуются въ большомъ количествѣ, — или же въ Нижнемъ. Большое число становъ, употребляемыхъ для тканья рогожъ, считается обыкновенно признакомъ, хотя и не всегда вѣрнымъ, хорошаго состоянія крестьянина. Мочало для рогожъ такъ же, какъ и лыки, идетъ изъ постороннихъ лѣсовъ, иногда далѣе чѣмъ за 100 верстъ. Дерутъ его весною и въ то же время на мѣстѣ кладутъ его въ *мочку;* осенью мочало привозятъ домой уже совершенно готовое. Управившись съ хлѣбомъ, крестьяне принимаются за тканье рогожъ или въ особыхъ теплыхъ избахъ, нарочно для сего устроенныхъ, или же въ подклѣтяхъ, т. е. нижнихъ жильяхъ избъ.

Какъ скоро приготовлено будетъ достаточное количество рогожъ, ихъ *сбываютъ или на* мѣстѣ закупщикамъ, или же въ Лысковѣ и

Нижнемъ. Смотря по движенію хлѣбной промышленности, иногда усиливающейся, иногда упадающей, и сбытъ рогожъ бываетъ не всегда одинаковъ. Часто, особенно бѣдные крестьяне, получаютъ не барышъ, а убытокъ отъ своего промысла. Но и при хорошемъ сбытѣ рогожи обогащаются немногіе. Бѣдные, которыхъ здѣсь 99%, не имѣя возможности, при однихъ собственныхъ средствахъ, сдѣлать обороты, необходимые при каждомъ родѣ промышленности, принуждены бываютъ съ своими нуждами обращаться къ богатымъ. Прежде чѣмъ крестьянинъ примется за работу, ему нуженъ матеріалъ, для пріобрѣтенія котораго требуется значительная сумма, безъ чего ему нельзя получить ни билета на дранье мочалъ, ни самыхъ мочалъ. Бѣдному, не имѣющему у себя ни копѣйки, остается или сидѣть зиму безъ работы, или просить помощи у богатыхъ. Не столько насущный кусокъ хлѣба, который часто испрашивается подъ окнами, сколько боязнь строгой отвѣтственности въ случаѣ неуплаты оброка, заставляетъ бѣдныхъ прибѣгать къ послѣднему, тяжкому для нихъ, средству — т. е. брать у богатыхъ или готовое мочало, или скупленные уже билеты на сдирку мочала. Богатые — кулаки охотно удовлетворяютъ просьбы бѣдныхъ своихъ собратовъ, получая за эту благотворительность не совсѣмъ христіанскіе проценты. По выработкѣ рогожъ, большая часть бѣдняковъ, особенно одиночекъ, опять состоитъ въ совершенной зависимости отъ богатыхъ. Работая *одними руками* и часто оставаясь на зиму безъ лошади, одни изъ нихъ, чтобы не пускаться самимъ въ неизвѣстную путину и не остановить работы, а другіе — по необходимости, за неимѣніемъ средствъ къ перевозкѣ рогожъ, вновь прибѣгаютъ къ великодушію своихъ кулаковъ и за новую милость ихъ платятъ не дешевле прежняго. Какъ за мочала или билеты брали съ нихъ слишкомъ высокую цѣну, такъ за издѣлія ихъ даютъ цѣну слишкомъ низкую. Но и этому рады бѣдняки, особенно если, за уплатою должныхъ за мочало денегъ, остается еще у нихъ количество, достаточное для уплаты слѣдующаго съ нихъ оброка. Сравнивая въ этомъ отношеніи *лычный* и *рогожный* промыселъ, нужно отдать преимущество первому, потому что онъ по дешевизнѣ билетовъ на сдирку лыкъ, по близости мѣста и удобству времени, гдѣ и когда работа производится, наконецъ, по постоянному требованію на лыки и выгодному во всякое время сбыту ихъ, рѣдко ставитъ бѣдныхъ въ зависимость отъ богатыхъ. По веснѣ нѣкоторые дерутъ корье; но этой работой занимаются только въ свободное время и всегда почти женщины. По малочисленности сосноваго лѣса, гонкою смолы здѣсь занимаются очень немногіе.

При этихъ ограниченныхъ средствахъ жители болѣе или менѣе жалкіе бѣдняки. Изъ бѣдняковъ нѣкоторые круглый годъ не видятъ мясной пищи и бѣлаго хлѣба; даже молоко, въ маломъ количествѣ *чаемое отъ тамошнихъ* мелкихъ и тощихъ коровъ, они сберегаютъ *о для дѣтей,* довольствуясь сами творогомъ, разведеннымъ водою.

Жалко смотрѣть на этихъ бѣднякевъ, всю жизнь проводящихъ въ борьбѣ съ горемъ и бѣдностью. Мнѣ мало встрѣчалось видѣть такихъ стариковъ, которые бы имѣли видъ людей, счастливо проживших свой вѣкъ, съ лицами, цвѣтущими здоровьемъ и выражающими счастіе. Дряхлость, кажется, не составляетъ тамъ исключительной принадлежности старческаго возраста. Скорбь и униженіе съ раннихъ лѣтъ отъ первой милостыни, которую они испрашиваютъ со слезами на глазахъ и со страхомъ отказа, напечатлѣваются навсегда на ихъ лицахъ. Многіе изъ нихъ, уплативъ кое-какъ оброкъ, круглый годъ питаются подаяніемъ, испрашивать которое они посылаютъ одного или нѣсколькихъ членовъ семейства, всегда на горную сторону, изобильную хлѣбомъ. Лошадь, корова и прочій домашній скотъ не составляютъ необходимой принадлежности тамошняго крестьянина; напротивъ, у многихъ поля остаются незасѣянными, собственно за неимѣніемъ лошадей. Если поставить этихъ чахлыхъ, приземистыхъ бѣдняковъ лицомъ къ лицу съ жителями горной стороны, обыкновенно красивыми и крѣпкими отъ работы и здоровой, сытной пищи, то различіе ихъ было бы очевидно. Бѣлыя, здоровыя лица горныхъ жителей, съ болѣе или менѣе русыми и почти всегда мягкими волосами, съ перваго раза отличили бы ихъ отъ этихъ жалкихъ людей, съ смуглыми лицами и волосами большею частью темными, курчавыми или висящими подобно космамъ грубаго невычесаннаго льна, не видавшаго гребня. Самыя строенія той стороны обличаютъ крайнюю бѣдность ея жителей. Окруженные строевымъ лѣсомъ, они, несмотря на эту выгоду, живутъ большею частью въ хижинахъ, похожихъ болѣе на клѣтки, грязныя, какъ хлѣвъ и черныя до невозможности разсмотрѣть натуральный цвѣтъ стѣнъ. О дворахъ и говорить нечего. Дрянной заборишка или, лучше, — тычинки вокругъ хаты, съ кучею соломы и всякаго хлама наверху, составляютъ дворъ, въ которомъ мерзнетъ скотъ, и легко находитъ себѣ добычу хищный звѣрь. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: и дрянное строеніе служитъ въ пользу бѣднякамъ въ извѣстномъ отношеніи. Такъ напримѣръ, они не слишкомъ много терпятъ отъ пожаровъ, не рѣдкихъ здѣсь, при повсемѣстномъ употребленіи лучины, и самому пожару не даютъ распространяться, безъ большихъ усилій разрушая едва слѣпленныя и по большей части ветхія стѣны и крышу. Поэтому то, можетъ быть, въ этомъ краѣ и не думаютъ заводиться пожарными инструментами. Мужики рычажками разламываютъ горящія строенія, а ретивѣйшіе изъ нихъ работаютъ голыми руками и, благодаря непрочности ихъ маленькихъ хатъ, успѣваютъ затушить пожаръ въ самомъ скоромъ времени.

Нечего и говорить, что нечистота и бѣдность жилищъ тамошнихъ жителей гармонируетъ съ неопрятностью и бѣдностью ихъ одежды. Самымъ покроемъ одежда ихъ мало отличается отъ одежды жителей горной стороны. *Мужики носятъ* нижнее бѣлье синее или бѣлое; лѣтомъ

употребляется или обыкновенный домашняго сукна чапанъ, или кафтанъ, а зимою — тулупъ или полушубокъ, большею частью безъ сборокъ назади, изъ экономіи. Бабы на головахъ носятъ кокошники въ видѣ копыта, обращеннаго нижнею частью вверхъ, а дѣвушки — повязки, узкія кверху, похожія на шапочки монастырскихъ послушницъ.

Нарѣчіе тамошнихъ жителей, общее съ нарѣчіемъ жителей всего Ветлужскаго края, отличается отъ нарѣчія жителей горной стороны: 1) замѣною при произношеніи нѣкоторыхъ буквъ другими; такъ напр. вмѣсто *ц* всегда употребляется *ч*, и потому говорятъ не церковь, а черковь и т. п.; 2) весьма растянутымъ произношеніемъ слоговъ, имѣющихъ надъ собою удареніе, отчего происходитъ неровность въ рѣчи, весьма непріятная для слуха.

У жителей этого края есть много пословицъ, большею частью выражающихъ особенность ихъ края; такъ напр. безпокойство, которое они терпятъ лѣтомъ отъ множества крылатыхъ насѣкомыхъ, выражено въ пословицѣ: „хоть и холодно, да не оводно“. Есть у нихъ и свои особыя пѣсни, выражающія то сожалѣніе о быломъ лучшемъ, то нѣкотораго рода зависть къ жителямъ горной стороны. Послѣднее именно выражается въ пѣснѣ, начальныя слова которой слѣдующія: „За рѣкою то, за Волгой, жизнь весела сторона“.

Впрочемъ, подавленные бѣдностью, тамошніе жители чужды всякаго образованія, и грамотность служитъ тамъ исключительно принадлежностью конторскихъ писарей; остальные погружены въ мракъ глубокаго невѣдѣнія. Рѣдко посѣщая храмъ Божій, они не знаютъ даже коренныхъ началъ исповѣдуемой ими вѣры; они не могутъ различить таинствъ отъ обрядовъ и не разумѣютъ сущности и важности ни тѣхъ, ни другихъ.

5. Производство льна и льняныхъ издѣлій.

(общій очеркъ).

Ленъ разводится въ Россіи съ двоякою цѣлью: а) для полученія волоконъ и сѣмени и в) для полученія исключительно сѣмени. Воздѣлываніе льна на волокна и сѣмена производится въ западной полосѣ Россіи (губ. Лифляндская, Курляндская, Псковская, Витебская, Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Смоленская, Тверская, Новгородская) и въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ — Вятской, Вологодской, Костромской, Ярославской и Владимірской; въ послѣднее же время воздѣлываніе льна съ этою цѣлью производится и въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ, напр. въ Полтавской. Производство льна на волокно и сѣмена главнымъ образомъ сосредоточивается *въ губерніяхъ* Псковской (до 3.000,000 п.), Смоленской, Вологодской, *а также* въ Костромской, Владимірской и Лифляндской. Еже-

годное производство льна полагается болѣе 12 м. п., въ томъ числѣ 7.500,000 п. въ западномъ льняномъ пространствѣ, а 4.500,000 п.— въ сѣверо-восточномъ.

Воздѣлываніе льна исключительно на сѣмена производится въ южной полосѣ Россіи; въ землѣ Донскаго Войска, въ губ. Воронежской, Екатеринославской, Саратовской и Харьковской. Ежегодное производство льнянаго сѣмени въ южной полосѣ считается въ 750,000 четвертей, а въ западномъ и сѣверо-восточномъ льняныхъ пространствахъ— до 1.662,000 четв., значитъ, общая сумма годоваго производства льнянаго сѣмени — до 2.500,000 четвертей.

По количеству производства льна Россія, сравнительно съ другими европейскими государствами, стоитъ на первомъ мѣстѣ, по отношенію же къ населенію производство льна въ Россіи стоитъ на 2-мъ мѣстѣ, первое же занимаетъ Бельгія.

Въ обработкѣ льна въ Россіи въ послѣднее время вводятся различныя улучшенія; такъ въ Лифляндіи распространяется все болѣе и болѣе механическая трепка льна, имѣющая значительное преимущество передъ трепкою ручною; въ остальной Россіи обращено вниманіе на выборъ сѣмянъ и сортировку льна, производится полотье льна, вводится машинное мятье и трепанье.

Выгоды льновоздѣлыванія у насъ въ Россіи могутъ быть приняты отъ 60 до 70 руб. чистаго дохода съ десятины.

Торговля льномъ ведется внутренняя на наши бумагопрядильныя фабрики и заграничная. Внутренняя торговля производится въ нѣкоторыхъ торговыхъ пунктахъ тѣхъ губерній, гдѣ развито льновоздѣлываніе, заграничная же ведется черезъ наши главные порты, а также и сухимъ путемъ, черезъ западно-европейскую границу, частью же чрезъ прусскіе порты—Кенигсбергъ и Мемель. *Изъ Ярославской губерніи* (центръ с. Великое) ленъ направляется въ Архангельскъ и Петербургъ. *Изъ Костромской* — въ Кострому, Нерехту, Кинешму и Плесъ. *Изъ Тверской* — въ Ржевъ и Петербургъ. *Изъ Владимірской*— въ г. Меленки, Архангельскъ и Петербургъ. *Изъ Вологодской* и *Вятской* — въ Архангельскъ. Въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ ленъ сбывается крестьянами прямо въ города, гдѣ и покупается непосредственно купцами; въ западныхъ же губерніяхъ—чрезъ посредство коммиссіонеровъ (Псковской губ. булыни, въ сѣверо-западномъ краѣ — евреи — корчмари), покупающихъ ленъ впередъ. При продажѣ *ленъ сортируется* по своему качеству, причемъ сорты льна въ каждомъ портѣ имѣютъ свои особыя названія (въ Архангельскѣ — отборный, кронъ и забракъ; въ Петербургѣ—12-ти, 9-ти и 6—7-ми головчатый). Названія эти зависятъ отъ числа горстей или куколь льна, какое вяжется въ тюкъ.

Обыкновенное сѣмя идетъ черезъ Петербургъ, Ригу и черезъ южные *порты, посѣвное* — исключительно чрезъ порты сѣверные.

Обработка льна и производство изъ него тканей ведется почти по всей Россіи, мануфактурная же его обработка имѣетъ мѣсто въ тѣхъ губерніяхъ, которыя отличаются наибольшимъ распространеніемъ льновоздѣлыванія. Обработка эта ведется двоякимъ образомъ: путемъ фабричнымъ (машиннымъ) и путемъ ручнымъ; первая имѣетъ мѣсто на льнопрядильныхъ и льноткацкихъ фабрикахъ, вторая принадлежитъ къ кустарной промышленности и производится непосредственно крестьянами на ручныхъ станкахъ. Фабричная обработка льна (на 11 м. р. с. при 111 фабрикахъ) сосредоточилась преимущественно въ слѣдующихъ губерніяхъ: Костромской, Владимірской, Ярославской, Петербургской, Тверской, Вологодской, Московской и Лифляндской.

Ткани, выдѣлываемыя на фабрикахъ, весьма разнообразнаго качества и свойства и носятъ различныя названія. Изъ нихъ имѣютъ наибольшее значеніе по своему потребленію и отпуску заграницу: фламское полотно и равентухъ; остальныя ткани (полотна, полотенца, скатерти, коломенка, канифасъ и пр.) имѣютъ лишь внутреннее потребленіе.

Ткани ручныя дѣлаются вообще изъ пряжи ручной и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр. Ярославской, Костромской, Тверской и Лифляндской губ.) крестьяне ткутъ холстъ изъ пряжи машинной. Ручныя льняныя ткани также выдѣлываются разныхъ сортовъ, но дѣлятся на слѣдующія четыре главныя категоріи: рубашку, подкладку, хрящъ или мѣшечный холстъ и рѣдно. Главными потребителями нашихъ льняныхъ издѣлій, какъ фабричныхъ, такъ и ручныхъ, являются наша армія и флотъ.

Что касается до отпуска заграницу, то ленъ идетъ туда главнымъ образомъ изъ нашихъ балтійскихъ портовъ, преимущественно же изъ Риги (около $^1/_2$ отпуска), затѣмъ онъ вывозится черезъ сухопутную западно-европейскую границу ($^1/_8$ часть) и черезъ порты Бѣлаго моря; количество же отпуска его изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей совершенно ничтожно. Большая часть вывозимаго льна идетъ въ Великобританію ($^2/_3$ всего отпуска), затѣмъ въ Пруссію ($^1/_8$ часть) и Голландію и Бельгію; количество же отпуска въ остальныя государства сравнительно незначительно. Въ 1874 г. вывезено заграницу льна на 48.295,000 р. с., льнянаго сѣмени на 31.767,000 р. с. Льняное сѣмя отпускается въ одинаковомъ почти количествѣ, какъ изъ портовъ Балтійскаго моря, такъ и изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Главнымъ образомъ оно идетъ въ Великобританію ($^2/_3$ всего отпуска). Полотно и холстъ идутъ заграницу главнымъ образомъ чрезъ балтійскіе порты и преимущественно въ Великобританію, а также въ Сѣверо-Американскіе Штаты ($^2/_5$ отпускаемаго холста).

Вообще главные пункты нашего отпуска всѣхъ продуктовъ льноводства и издѣлій изъ нихъ суть балтійскіе порты, изъ нихъ по отпуску льна — *Рига*, а всѣхъ остальныхъ льняныхъ предметовъ и издѣ-

лій — Петербургъ. Главнымъ же потребителемъ нашего льна и всѣхъ его продуктовъ и издѣлій является Великобританія.

6. Льноводство и ткачество льняныхъ издѣлій.

(Въ Костромской губерніи).

При слабомъ развитіи хлѣбопашества, разведеніе льна въ Костромской губерніи и выдѣлка изъ него полотенъ, скатертей, салфетокъ, платковъ и пр. имѣютъ важное значеніе. По достовѣрнымъ даннымъ, въ Костромской губерніи засѣвается до 370,000 п. льнянаго сѣмени и получается льна до 1.000,000 п. и до 550,000 п. льнянаго сѣмени. Посѣвка льна распространена преимущественно въ уѣздахъ Костромскомъ и Нерехотскомъ, а также и въ уѣздахъ по берегамъ Волги, Кинешемскомъ, Юрьевецкомъ и Макарьевскомъ. Въ самое послѣднее время въ нѣкоторыхъ волостяхъ Костромскаго уѣзда разведеніе льна усилилось до такой степени, что въ яровыхъ поляхъ встрѣчаются только изрѣдка полосы, засѣянныя овсомъ или ячменемъ; нѣкоторые же изъ мѣстныхъ крестьянъ начинаютъ сѣять ленъ даже въ паровомъ полѣ. Въ подобныхъ случаяхъ посѣвы льна производятъ недѣлей раньше обычнаго срока (Еленинъ день 21-го мая); около 20-го іюля ленъ стараются убрать съ полей, послѣ чего вывозятъ на полосы навозъ и, подготовивъ пашню, между 6 и 12 августа сѣютъ рожь. Одинъ четверикъ посѣяннаго льнянаго сѣмени, при хорошемъ удобреніи почвы, даетъ отъ 300 до 600 сноповъ, изъ которыхъ получается отъ 2 до 4 п. волокна и отъ 2 до 4 четвериковъ сѣмени. Принимая цѣну льна въ 4 руб. пудъ и четверика сѣмени—въ 1 рубль, получаемъ доходъ за собранный ленъ отъ 8—16 руб., за сѣмя отъ 2—4 р. и всего отъ 10—20 руб. Для посѣвовъ лучшіе хозяева покупаютъ Псковское сѣмя по цѣнѣ 2 р. 50 к. четверть; сѣмя это даетъ весьма хорошее волокно, хотя и скоро вырождается. Ленъ изъ Костромской губерніи частью отправляется заграницу черезъ Петербургъ до 50,000 пуд., а главнымъ образомъ потребляется на мѣстныхъ фабрикахъ, до 500,000 п. и, наконецъ, только въ небольшой части идетъ въ низовыя поволжскія губерніи на крестьянское ручное ткачество.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію льняныхъ издѣлій въ Костромской губерніи.

Ткачество льняныхъ издѣлій—полотна, скатертей, салфетокъ, платковъ и коломенки, распространено, какъ промыселъ, въ западной части Костромскаго уѣзда (почти повсемѣстно), въ южной половинѣ Кинешемскаго и въ Нерехотскомъ уѣздѣ, въ с. и сз. частяхъ его.

Центрами производства льняныхъ издѣлій въ означенныхъ мѣстностяхъ служатъ села: *Вычуга* (Кинешемскій у.), Апалиха., Ильин-

ское, Яковлевское, Саметь (Костромской у.) и с. Большое-Яковлевское (Нерехотскаго у.).

Существованіе ткачества льняныхъ издѣлій обусловливается здѣсь: 1) развитіемъ мѣстнаго льноводства, обезпечивающаго ткачамъ достаточное количество своей пряжи; 2) легкостію сбыта издѣлій на мѣстныхъ рынкахъ и на дому особымъ скупщикамъ; 3) удобствомъ закупки годовой пряжи на мѣстныхъ фабрикахъ. Зажиточные крестьяне закупаютъ пряжу на свой счетъ и сами же сбываютъ приготовленныя издѣлія; большая же часть ткачей работаетъ полотна, салфетки и скатерти по заказамъ фабрикантовъ и полотняныхъ торговцевъ, которые, черезъ посредство своихъ конторъ, коммиссіонеровъ или прикащиковъ, раздаютъ для нихъ и матеріалъ («хозяйскія основы»).

Ткачи, работающіе изъ своего матеріала, главнымъ образомъ сбываютъ издѣлія мѣстнымъ фабрикантамъ и богатымъ торговцамъ, или же на ближайшихъ рынкахъ, при участіи коммиссіонеровъ, а затѣмъ продажа полотенъ производится ими въ Костромѣ, Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ костромскіе ткачи разносятъ полотна по домамъ. Болѣе значительными партіями ткачи продаютъ свои издѣлія на ярмаркахъ въ Ростовѣ и въ с. Великомъ Ярославской губерніи.

Полотна сбываются преимущественно въ небѣленомъ видѣ, и при этомъ ручная пряжа въ полотнѣ цѣнится обыкновенно дороже фабричной по своей относительной прочности. Цѣны полотна отъ 18 до 35 к. за аршинъ. Салфетки за дюжину продаются большею частью по 3 руб., а скатерти отъ 85 к. до 10 руб.

Ткачи, работающіе изъ хозяйскихъ основъ, заработываютъ въ недѣлю отъ 1 р. 50 к. до 2 р., и средній заработокъ ткача въ годъ, считая отъ Петрова дня до весенняго Николина дня, простирается не болѣе 35 р.

Дѣти отъ 10 до 14 лѣтъ, занимающіеся мотаніемъ пряжи на шпули и цѣвки, имѣютъ средній годичный заработокъ отъ 10 до 12 р.

Тканье полотенъ, вслѣдствіе тѣсноты крестьянскихъ избъ, производится иногда въ такъ называемыхъ свѣтелкахъ, устраиваемыхъ обыкновенно становъ на 10 или 15; въ свѣтелкахъ этихъ работаютъ большею частью мущины, рѣдко женщины, съ платою за помѣщеніе владѣльцу свѣтелки отъ 2 до 3 р. въ годъ. Какъ на особенность льнянаго производства, можетъ быть указано на существованіе въ Костромскомъ и Нерехотскомъ уѣздахъ артельныхъ ткацкихъ заведеній (называемыхъ здѣсь также „свѣтелками“ и иногда „фабриками“), которыя содержатся обыкновенно на общій счетъ крестьянами извѣстнаго селенія и устраиваются становъ отъ 5 до 15; заведенія эти сообща отапливаются и освѣщаются.

Ткачество полотняныхъ издѣлій служитъ предметомъ занятія мѣстнаго населенія только въ періоды времени, свободные отъ земледѣлія, по отношенію къ которому оно составляетъ второстепенный источникъ

обезпеченія крестьянъ. Лицъ, спеціально посвящающихъ себя ткачеству, вообще весьма немного, и во всей губерніи только жители с. Апалиха, не имѣющіе пахотной земли, весь годъ работаютъ за станомъ.

---

7 Промыслы поволжскихъ крестьянъ.

Рыболовный промыселъ.

(Верхняго и средняго Поволжья).

I.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ промысловъ поволжскихъ крестьянъ, не особенно отдаленныхъ отъ Волги, мѣстностей, является рыболовство. Хотя въ большинствѣ мѣстъ средняго Поволжья, которое мы преимущественно будемъ имѣть въ виду, главные заработки крестьянъ заключаются въ доходахъ отъ хлѣбопашества; но хлѣбопашество въ этомъ отношеніи составляетъ основное, постоянное занятіе, изъ промысловъ же, какъ занятій спеціальныхъ, все-таки главнымъ должно быть признано рыболовство. Истыхъ рыболововъ, спеціалистовъ своего дѣла, въ поволжскихъ селеніяхъ немного. Промыселъ этотъ требуетъ капиталовъ для производства, при немъ необходимо, какъ говорятъ, „большое заведеніе", при немъ неизбѣжны затраты на покупку снастей, на наемъ ловцовъ, поэтому то онъ и не особенно многихъ привлекаетъ къ себѣ; но, съ другой стороны, при рыболовствѣ въ иное время необходимо большое соединеніе рабочихъ рукъ и силъ, а это-то и дѣлаетъ участниками въ немъ на Поволжьѣ почти всѣхъ; рѣдкій крестьянинъ поэтому въ поволжскихъ селеніяхъ не рыбакъ; почти всякій или былъ рыболовомъ или имѣетъ какія либо дѣла по рыболовству.

Въ настоящее время волжское рыболовство, по отзывамъ старожиловъ-рыбаковъ, далеко не то, что было прежде, и уловы пошли меньше, и „воды" стали дороже. Заниматься этимъ промысломъ стало крайне не легко, продержаться могутъ только истые капиталисты-рыболовы, маленькому же человѣку и браться теперь нельзя.

Воды для рыболовства сдаются на Волгѣ участками; самое важное для капиталиста-рыболова — забрать нѣсколько смежныхъ участковъ, тогда уже ничто не уйдетъ, какъ обыкновенно говорятъ рыболовы; особенно также важно для рыболова снять воды не на одинъ годъ; расчетъ при этомъ тотъ, что если въ одинъ годъ уловъ будетъ плохъ, то зато въ другой можетъ быть лучше; большинство поэтому арендуетъ волжскія воды на три года, такъ какъ далѣе этого срока не соглашаются отдавать въ аренду собственники водъ. Срокомъ начала и конца аренды служитъ обыкновенно новый годъ. Каждый, снявшій

большой участокъ водъ, дѣлитъ его обыкновенно на мелкія части, оставляя за собой лучшія мѣста, преимущественно *ямы*; изрѣдка сдаются участки арендъ въ право временнаго пользованія съ учетомъ пойманной рыбы.

Ловля рыбы въ Волгѣ, въ среднихъ ея частяхъ, бываетъ обыкновенно двоякая: ординарная, продолжающаяся цѣлый годъ, и экстроординарная—это такъ называемое громленіе ямъ.

Ординарная ловля начинается обыкновенно еще по льду; ловятъ въ это время иногда блесною, но вообще большихъ снастей не ставятъ. Во время половодья ловля начинается наиболѣе оживленная; въ это время ставятъ снасти преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыба идетъ. По спадѣ воды, начинается ловля въ мелкихъ озерахъ и болотцахъ, гдѣ хорошо ловится рыба, оставшаяся отъ половодья; все время до замерзанія ловятъ рыбу понемногу, смотря по силамъ.

У каждаго, держащаго извѣстный участокъ водъ на Волгѣ, содержится обыкновенно по 10—20 человѣкъ рабочихъ; плата имъ назначается по штучно съ пойманной рыбы; каждый изъ нихъ состоитъ обыкновенно на содержаніи нанимателя; мѣсячный заработокъ такихъ крестьянъ простирается отъ 8—12 рублей.

Самый разгаръ ловли — это громленіе ямъ; ямы особенно дорого цѣнятся рыболовами; въ нихъ рыба залегаетъ съ начала лѣта; этихъ глубокихъ мѣстъ при обыкновенной ловлѣ совсѣмъ не касаются и вообще ихъ громятъ не болѣе двухъ разъ въ лѣто. На это время рыболовъ собираетъ обыкновенно всѣ свои силы; въ ловлѣ участвуютъ чуть не всѣ прибрежные крестьяне; ловить всѣ начинаютъ въ одно время, разомъ (громить); такая ловля продолжается всего дня два — три; въ это-то время бываетъ и самый большой уловъ.

Рыболовствомъ занимаются чуть не всѣ возрасты; всю зиму, все свободное время отъ полевыхъ работъ, каждый, когда другихъ заработковъ нѣтъ, вяжетъ сѣти, готовитъ снасти, дѣлаетъ вентеря и т. п. Проѣзжая по волжскимъ деревнямъ зимой, вы замѣтите, что чуть не всѣ улицы заставлены колышками, на верху которыхъ придѣланы кольца, съ продернутыми сквозь нихъ нитками; нитки эти проходятъ въ отверстія, сдѣланныя въ окнахъ, въ избы, гдѣ мальчуганы, а иногда и взрослые, сидятъ и сучатъ; нерѣдко бываетъ и такъ, что изъ одной избы нитки проходятъ черезъ улицу въ другую, противоположную, тогда сучень производится съ обоихъ концовъ; старшіе вяжутъ сѣти.

Большинство крестьянъ, за отсутствіемъ другихъ заработковъ, хоть что нибудь этимъ заработываетъ. Съ наступленіемъ весны, начинается смоленіе сѣтей, съ наступленіемъ же лѣта — сѣти эти — снасти спускаются уже въ дѣло.

Истинный рыболовъ поволжскій — существо оригинальное. Его знаніе *Волги, опытность* и искусство при постоянномъ пребываніи на *водѣ—порой изумительны*. При непогодѣ, напр. при вѣтрѣ страшна

Волга: волны въ двѣ—три сажени здѣсь не рѣдкость.... Спросите рыболова, отправится ли онъ въ это время черезъ Волгу.

— Въ бударкѣ поѣду, отвѣтитъ онъ. А бударка—это ничто иное, какъ лодочка, которую каждый свободно можетъ переносить. Ее называютъ еще душегубкой. Помѣститься въ ней можетъ только одинъ. Ѣхать въ такой лодкѣ черезъ Волгу и въ хорошую погоду крайне небезопасно.

Плыветъ разъ по Волгѣ ведро... Буря сильная. Валы съ бѣлыми, пѣнистыми гребнями такъ и ходятъ, какой то рыболовъ-смѣльчакъ отправляется ловить его... отъѣзжаетъ онъ отъ берега саженъ на 50, и ни лодки, ни пловца не видно. Изрѣдка, изрѣдка между валовъ мелькнетъ что то черное, потомъ опять исчезнетъ. Вскорѣ, однако, смѣльчакъ, поймавши ведро, возвращается.

— Цѣлый гривенникъ выработалъ, говоритъ онъ съ радостью.

Переѣздъ черезъ Волгу съ хорошимъ рыболовомъ ни въ какую погоду не страшенъ. Сидитъ по обыкновенію такой рыболовъ на кормѣ, сидитъ молчаливый. Онъ ни слова не скажетъ въ это время... Вся мысль, все вниманіе въ немъ сосредоточено на одномъ: поставить какъ слѣдуетъ лодку. И будьте увѣрены, что онъ никогда не сдѣлаетъ ни малѣйшей ошибки въ поворотѣ, въ томъ поворотѣ, гдѣ самое незначительное неосторожное уклоненіе можетъ повести къ вѣрной гибели.

II.

Всѣ воды, въ которыхъ ловится рыба, принадлежатъ различнымъ вѣдомствамъ, казнѣ, городскимъ и сельскимъ обществамъ, удѣльному вѣдомству и частнымъ лицамъ. Казенная и общественная рыбныя ловли обыкновенно входятъ въ составъ оброчныхъ статей и отдаются промышленникамъ съ торговъ. Въ Волгѣ и Камѣ водятся слѣдующія породы: осетръ, бѣлуга, севрюга, стерлядь, лосось, сазанъ, щука, окунь, ершъ, карась, линь, сорожка, лещъ, язь, судакъ, сомъ, налимъ, плотва, ряпушка, бѣшенка (сельдь) и пр. Снасти для ловли слѣдующія: вантели, ванды, частухи, оханы, самоловы, ташковыя снасти, невода, бредни, удочки. Первыми ловится преимущественно небольшая рыба, щуки, окуни, лещи, судаки, самоловами и оханами—крупная, какъ то: бѣлуга, осетръ, иногда стерлядь, послѣдняя преимущественно терсонкомъ. Частухи распускаются между двухъ плывущихъ лодокъ; эта сѣть спускается на самое дно рѣки въ чистые плесы; когда кормщики почувствуютъ, что рыбы вошло довольно, сѣть тотчасъ вынимаютъ. Въ частухи попадаются чаще судаки, лещи, окуни, бѣшенка, иногда стерлядь. Неводами тянутъ рыбу осенью и зимою подъ льдомъ, въ затонахъ и заводяхъ. Снасти дѣлаются самими рыбаками, а нѣкоторыя самоловныя и *ташковыя* уды привозятъ изъ с. Безводнаго, Нижего-

родской губ. Шашковыхъ и самоловныхъ снастей обыкновенно при каждой лодкѣ два экземпляра затѣмъ, чтобы не было остановки въ работѣ, пока однѣ опрастываются и очищаются. Такія снасти лежатъ въ водѣ 4—7 дней.

Въ числѣ способовъ ловить рыбу упомянемъ еще слѣдующій: устраиваютъ такъ называемый *заколъ* или *язъ*; онъ дѣлается такимъ образомъ: поперегъ рѣки вбиваютъ сваи въ разстояніи 4-хъ арш. одна отъ другой; сваи эти связываются шестами; такимъ заборомъ устраиваютъ подъ водою родъ избы, величиною въ 3 кв. саж., три стѣны такой избы глухія, четвертая подземная, опускающаяся сама собой, когда войдетъ въ нее рыба, которая и вычерпывается сверху особымъ рѣшетомъ.

Рыболовствомъ занимаются всюду, гдѣ есть вода и рыба, но большею частью для собственнаго потребленія и рѣдко для розничной продажи на сельскихъ базарахъ. Рыболовство же, какъ коренной промыселъ, сосредоточено въ прибрежныхъ селеніяхъ, деревняхъ и нѣкоторыхъ городахъ по Камѣ и Волгѣ.

За домашнимъ потребленіемъ рыба сбывается обыкновенно прасоламъ. Рыбный промыселъ какъ по Волгѣ, такъ и по Камѣ чрезвычайно стѣсняется капиталистами по рыбной торговлѣ. Снимая въ оброкъ большія и лучшія пространства, они отдаютъ ихъ рыбакамъ на весьма выгодныхъ для себя условіяхъ: во первыхъ, берутъ съ нихъ вдвое болѣе за право ловли, чѣмъ сами платятъ на торгахъ, а во вторыхъ, обязываютъ продавать рыбу только себѣ и притомъ по низкимъ цѣнамъ.

По общему мнѣнію, ловъ рыбы сталъ теперь не такъ обиленъ, какъ въ прежнее время, лѣтъ 10—15 тому назадъ. Волга сильно заноситъ пескомъ прежнія свои ямы, бывшія преимущественно въ луговой сторонѣ, гдѣ водилось много рыбы; у праваго же берега хотя вода и глубже, но рыбѣ теперь здѣсь тоже неудобно пріютиться, потому что тутъ идетъ фарватеръ, бѣгаютъ пароходы, случаются обвалы береговъ.

Съ открытіемъ весны рыболовы съ своими семьями отправляются на ватаги, гдѣ устраиваютъ себѣ помѣщеніе на лѣто. Послѣ перваго улова всѣ лишніе расходятся по домамъ, а остаются одни рыбаки и живутъ до перваго льда въ своихъ дрянненькихъ хворостинныхъ шалашикахъ, или въ землянкахъ. Многіе изъ нихъ страстно любятъ свой промыселъ, сроднаются съ мѣстами, въ которыхъ столько приходится имъ терпѣть отъ непогоды; и не только что вѣтры, холодъ, дожди, но и плохой уловъ не заставляетъ покинуть мѣсто, въ которомъ иные промышляютъ лѣтъ 15 или 20.

Воды поволжскихъ губерній изобилуютъ рыбами въ значительномъ количествѣ, и потому рыбныя ловли производятся на всѣхъ населенныхъ пунктахъ Поволжья, на большихъ и малыхъ мутистыхъ рѣч-

кахъ, на полояхъ во время весенняго разлива, на обширныхъ чистыхъ озерахъ, на лѣсныхъ потокахъ и въ мельничныхъ, затянутыхъ тиною и различными водорослями, прудахъ. Собственно же промысловое рыболовство, отъ котораго рыба идетъ въ продажу, а не для одного только домашняго употребленія, существуетъ преимущественно въ западной части Костромской губерніи и принадлежитъ къ пространствамъ заливнымъ; это по преимуществу Костромской уѣздъ, приходъ Шунга. Всѣ рыболовные пункты этой мѣстности, принадлежащіе крестьянамъ Шунгенской волости, отдаются съ торговъ въ аренду рыбакамъ, большею частью на пять лѣтъ, для снятія которой составляется обыкновенно артель изъ зажиточныхъ крестьянъ.

Сбытъ рыбы въ живомъ видѣ производится рыбаками въ Кострому, большею же частію она продается на мѣстѣ скупщикамъ, пріѣзжающимъ изъ Костромы и Ярославля.

Рыбныя ловли въ Шунгѣ производятся во всякое время года, но самый лучшій ловъ бываетъ весной и осенью. Весною, въ концѣ марта, вмѣстѣ съ прибылью по рр. Волгѣ и Костромѣ воды, начинается ходъ рыбы, которая направляется противъ теченія метать икру къ истокамъ рѣкъ и рѣчекъ, въ полои, луга и лѣса, затопляемые водою. Собственно для выпусканія икры и оплодотворенія ея молоками, рыбы ищутъ затишій, въ которыхъ бы ихъ мало пугали. Для развитія икры необходима вода, содержащая въ себѣ много воздуха, не слишкомъ глубокая для того, чтобы воздухъ могъ быстро возобновляться, и присутствіе растеній, къ которымъ зерна икры могли бы прилѣпиться. Вотъ почему рыба, во время нароста, съ такою стремительностью бросается на разливъ, на свѣжую воду.

Ледъ въ Волгѣ и Костромѣ еще стоитъ, когда тронется рыба въ ходъ. Въ это время ловятъ ее подледными мережами. Подледная мережа вяжется съ рѣжомъ т. е. двойная, въ вышину она бываетъ до 5 ар. и въ длину до 40 саж. Подледныя мережи кладутся въ устьяхъ рѣкъ и рѣчекъ, гдѣ предполагается главный ходъ рыбы. Для опусканія мережи подъ ледъ, пробиваютъ обыкновенно пѣшней рядъ небольшихъ прорубокъ и черезъ нихъ, посредствомъ длиннаго шеста и багра, протягиваютъ мережу. Рыба идетъ въ эту мережу сравнительно съ другими снастями хотя и не въ значительномъ количествѣ, но за то довольно крупная и притомъ самая ранняя, преимущественно лещъ и щука.

При сильной весенней прибыли вода дѣлается чрезвычайно мутною, и въ это время рыбу начинаютъ ловить сѣжами. Сѣжа — это длинный конусообразный мѣшокъ, сначала рѣдкій, а къ концу весьма частый. Длиною онъ вяжется до 6 аршинъ, а въ окружности отверстія до 12. Сѣжа насаживается на черемховыя кольца и опускается на длинномъ шестѣ тоже подъ ледъ. Рыба въ сѣжу попадаетъ исключительно мелкая: ершъ, окунь, сорога, изрѣдка лещъ и щука.

родской губ. Шашковыхъ и самоловныхъ снастей обыкновенно при каждой лодкѣ два экземпляра затѣмъ, чтобы не было остановки въ работѣ, пока однѣ опрастываются и очищаются. Такія снасти лежатъ въ водѣ 4—7 дней.

Въ числѣ способовъ ловить рыбу упомянемъ еще слѣдующій: устраиваютъ такъ называемый *заколъ* или *язъ*; онъ дѣлается такимъ образомъ: поперегъ рѣки вбиваютъ сваи въ разстояніи 4-хъ арш. одна отъ другой; сваи эти связываются шестами; такимъ заборомъ устраиваютъ подъ водою родъ избы, величиною въ 3 кв. саж., три стѣны такой избы глухія, четвертая подземная, опускающаяся сама собой, когда войдетъ въ нее рыба, которая и вычерпывается сверху особымъ рѣшетомъ.

Рыболовствомъ занимаются всюду, гдѣ есть вода и рыба, но большею частью для собственнаго потребленія и рѣдко для розничной продажи на сельскихъ базарахъ. Рыболовство же, какъ коренной промыселъ, сосредоточено въ прибрежныхъ селеніяхъ, деревняхъ и нѣкоторыхъ городахъ по Камѣ и Волгѣ.

За домашнимъ потребленіемъ рыба сбывается обыкновенно прасоламъ. Рыбный промыселъ какъ по Волгѣ, такъ и по Камѣ чрезвычайно стѣсняется капиталистами по рыбной торговлѣ. Снимая въ оброкъ большія и лучшія пространства, они отдаютъ ихъ рыбакамъ на весьма выгодныхъ для себя условіяхъ: во первыхъ, берутъ съ нихъ вдвое болѣе за право ловли, чѣмъ сами платятъ на торгахъ, а во вторыхъ, обязываютъ продавать рыбу только себѣ и притомъ по низкимъ цѣнамъ.

По общему мнѣнію, ловъ рыбы сталъ теперь не такъ обиленъ, какъ въ прежнее время, лѣтъ 10—15 тому назадъ. Волга сильно заноситъ пескомъ прежнія свои ямы, бывшія преимущественно въ луговой сторонѣ, гдѣ водилось много рыбы; у праваго же берега хотя вода и глубже, но рыбѣ теперь здѣсь тоже неудобно пріютиться, потому что тутъ идетъ фарватеръ, бѣгаютъ пароходы, случаются обвалы береговъ.

Съ открытіемъ весны рыболовы съ своими семьями отправляются на ватаги, гдѣ устраиваютъ себѣ помѣщеніе на лѣто. Послѣ перваго улова всѣ лишніе расходятся по домамъ, а остаются одни рыбаки и живутъ до перваго льда въ своихъ дрянненькихъ хворостинныхъ шалашикахъ, или въ землянкахъ. Многіе изъ нихъ страстно любятъ свой промыселъ, сроднаются съ мѣстами, въ которыхъ столько приходится имъ терпѣть отъ непогоды; и не только что вѣтры, холодъ, дожди, но и плохой уловъ не заставляетъ покинуть мѣсто, въ которомъ иные промышляютъ лѣтъ 15 или 20.

Воды поволжскихъ губерній изобилуютъ рыбами въ значительномъ количествѣ, и потому рыбныя ловли производятся на всѣхъ населенныхъ пунктахъ Поволжья, на большихъ и малыхъ омутистыхъ рѣч-

кахъ, на полояхъ во время весенняго разлива, на обширныхъ чистыхъ озерахъ, на лѣсныхъ потокахъ и въ мельничныхъ, затянутыхъ тиною и различными водорослями, прудахъ. Собственно же промысловое рыболовство, отъ котораго рыба идетъ въ продажу, а не для одного только домашняго употребленія, существуетъ преимущественно въ западной части Костромской губерніи и принадлежитъ къ пространствамъ заливнымъ; это по преимуществу Костромской уѣздъ, приходъ Шунга. Всѣ рыболовные пункты этой мѣстности, принадлежащіе крестьянамъ Шунгенской волости, отдаются съ торговъ въ аренду рыбакамъ, большею частью на пять лѣтъ, для снятія которой составляется обыкновенно артель изъ зажиточныхъ крестьянъ.

Сбытъ рыбы въ живомъ видѣ производится рыбаками въ Кострому, большею же частію она продается на мѣстѣ скупщикамъ, пріѣзжающимъ изъ Костромы и Ярославля.

Рыбныя ловли въ Шунгѣ производятся во всякое время года, но самый лучшій ловъ бываетъ весной и осенью. Весною, въ концѣ марта, вмѣстѣ съ прибылью по рр. Волгѣ и Костромѣ воды, начинается ходъ рыбы, которая направляется противъ теченія метать икру къ истокамъ рѣкъ и рѣчекъ, въ нолои, луга и лѣса, затопляемые водою. Собственно для выпусканія икры и оплодотворенія ея молоками, рыбы ищутъ затишій, въ которыхъ бы ихъ мало пугали. Для развитія икры необходима вода, содержащая въ себѣ много воздуха, не слишкомъ глубокая для того, чтобы воздухъ могъ быстро возобновляться, и присутствіе растеній, къ которымъ зерна икры могли бы прилѣпиться. Вотъ почему рыба, во время нароста, съ такою стремительностью бросается на разливъ, на свѣжую воду.

Ледъ въ Волгѣ и Костромѣ еще стоитъ, когда тронется рыба въ ходъ. Въ это время ловятъ ее подледными мережами. Подледная мережа вяжется съ рѣжомъ т. е. двойная, въ вышину она бываетъ до 5 ар. и въ длину до 40 саж. Подледныя мережи кладутся въ устьяхъ рѣкъ и рѣчекъ, гдѣ предполагается главный ходъ рыбы. Для опусканія мережи подъ ледъ, пробиваютъ обыкновенно пѣшней рядъ небольшихъ прорубокъ и черезъ нихъ, посредствомъ длиннаго шеста и багра, протягиваютъ мережу. Рыба идетъ въ эту мережу сравнительно съ другими снастями хотя и не въ значительномъ количествѣ, но за то довольно крупная и притомъ самая ранняя, преимущественно лещъ и щука.

При сильной весенней прибыли вода дѣлается чрезвычайно мутною, и въ это время рыбу начинаютъ ловить сѣжами. Сѣжа — это длинный конусообразный мѣшокъ, сначала рѣдкій, а къ концу весьма частый. Длиною онъ вяжется до 6 аршинъ, а въ окружности отверстія до 12. Сѣжа насаживается на черемховыя кольца и опускается на длинномъ шестѣ тоже подъ ледъ. Рыба въ сѣжу попадаетъ исключительно мелкая: ершъ, окунь, сорога, изрѣдка лещъ и щука.

Прибыль воды весною, дойдя до извѣстной мѣры, останавливается и держится нѣсколько времени на опредѣленномъ горизонтѣ, т. е. не прибывая, не убывая. По мѣстному выраженію, вода стала на „станъ". Въ это время рыбу ловятъ переметами и лещевками. Переметъ состоитъ изъ длинной, нетолстой бичевки, на которую навязаны на разстояніи сажени другъ отъ друга 12-ти вершковые волосяные поводки, съ небольшими, остронаточенными удильными крючками. Черезъ каждые 15 или 20 крючковъ къ бичевкѣ привязывается камышекъ, опутанный липовыми лыками или хорошей мочалой. Полный переметъ состоитъ изъ 200 крючковъ. На крючки наживляется обыкновенно навозный червь, который рыба хватаетъ и попадаетъ на него. Ловится преимущественно язь, лещъ и сорога.

Лещевки это мережи съ весьма крупными ячеями; называются такъ потому, что въ нихъ попадаются одни лещи. Лещевки ставятся по разливу около кустовъ и по затопленному лѣсу.

Самый лучшій ловъ начинается тогда, когда значительно убудетъ вода и образуетъ на лугахъ полои. Со спадомъ воды, рыба громадными стаями направляется изъ лѣсовъ и лугомъ обратно въ большія рѣки. Рыбаки внимательно слѣдятъ за ходомъ рыбы и, улучивъ время, припираютъ ее въ удобныхъ мѣстахъ неводами.

Зимою подо льдомъ ловятъ рыбу духовиками въ тѣхъ озерахъ, въ которыхъ вода зимою портится, и рыба не въ состояніи выносить спертаго воздуха подо льдомъ. Въ такихъ озерахъ, близь берега, дѣлаютъ проруби и ставятъ въ нихъ морды. Рыба идетъ на свѣжій воздухъ и залѣзаетъ въ морды.

Способъ ловли колотомъ состоитъ въ слѣдующемъ: колотъ—это длинная, саженъ въ 200, мережа, имѣющая въ вышину не болѣе аршина. Она связывается обыкновенно изъ нѣсколькихъ сѣтей и имѣетъ ряжъ, какъ и у остальныхъ мережъ. Бросается колотъ въ прямую линію по мелкому мѣсту озера около травы. Затѣмъ, разъѣзжая неподалеку отъ сѣти въ легкомъ челнокѣ, рыбаки сильно колотятъ палкою въ доску, положенную поперегъ челна. Рыба, испуганная стукомъ, бросается изъ травы въ сѣть и запутывается въ ней. Проѣхавъ по всей линіи колота, сѣть вынимаютъ и выбираютъ изъ нея рыбу. Отъ колоченія палкой въ доску, сѣть и самый способъ лова получилъ названіе колота.

Изъ способовъ ловли заслуживаетъ еще вниманія снасть, извѣстная подъ именемъ охана или плавательной мережи. При 25-ти саженной длинѣ, оханъ имѣетъ до 6 ар. вышины и вяжется съ ряжемъ. Имъ ловятъ крупную рыбу не иначе, какъ въ двухъ лодкахъ, на которыхъ рыбаки держатъ въ рукахъ концы мережи. Плаваніе съ оханомъ совершается слѣдующимъ образомъ: оханъ спускается въ воду; лодки *разъѣзжаются* другъ отъ друга на всю его длину и потомъ ихъ *теченіемъ* внизъ, причемъ оханъ идетъ въ водѣ, какъ

стѣна: легкія грузила на нижней тетивѣ и поплавки на верхней удерживаютъ его въ такомъ положеніи. По движенію въ рукахъ мережки узнается, что рыба запуталась въ оханѣ; тогда его сейчасъ же выбираютъ, поднимая за верхнюю и нижнюю тетиву вдругъ, при чемъ лодки сталкиваются бортами вмѣстѣ.

Весенняя прибыль воды отъ таянія снѣговъ и стремящихся потоковъ поднимаетъ въ рѣкѣ ледъ, отдирая его отъ краевъ и образуя закраины. Мутная вода, ополаскивая грязные, глинистые берега, подмываетъ ихъ склоны большими рытвинами и обрывами. Въ иныхъ мѣстахъ теченіе заворачивается въ небольшіе водовороты, высверливая въ берегахъ глубокія котловины. Въ этихъ то котловинахъ, подъ береговыми обрывами, стѣною спускающимися въ глубину, любятъ толпиться крупные ельцы, сороги-красноглазки, ерши, подъязки и хищница щука, добычливо охотящаяся тутъ за мелкою рыбою. Причинъ скопленія рыбы въ этихъ мѣстахъ надо доискиваться въ ея стремленіи направляться въ весеннее время противъ теченія, для удобнаго выбрасыванія икры, которую она вытираетъ о неровности обрывистыхъ береговъ.

Изъ способовъ ловли, кромѣ уже упомянутыхъ, назовемъ ловлю *наметами*. Наметъ это ни что иное, какъ огромнѣйшей величины трехугольный сакъ, насаженный на длинное древко или рукоятку, идущую отъ средины основанія одной стороны трехугольника чрезъ вершину противуположнаго угла. Сѣтка сака вяжется изъ крѣпкихъ, но до того тонкихъ льняныхъ нитокъ, что, при мутности весенней воды, рыба ея совсѣмъ не замѣчаетъ. Наметомъ эта рыболовная снасть названа, безъ сомнѣнія, по самому дѣйствію ловли: сакъ закидывается, *наметывается* рыбакомъ на воду, погружается въ глубину и потомъ ведется тихо къ берегу, подъ самый его урѣзъ, загребая стоящую подъ нимъ рыбу. Въ иные года наметомъ ловится рыбы очень много, но никогда не попадаетъ крупной; впрочемъ, въ 6—7 фунтовъ щукъ выкидываютъ; болѣе же всего добываютъ этой снастью ершей, чрезвычайно крупнаго рода, уродливо раздутыхъ икрой.

Но вотъ вода выкатилась изъ береговъ и залила всѣ окрестности съ пожнями, яровыми полями, полоями, большими и маленькими логами, ручьями и рѣчками. Мелкіе кустарники по берегамъ, лиственные лѣса, растущіе то сплошными грядами, то отъемами, все понято водою: только синь синѣется во всѣ стороны. Весело бросилась рыба на свѣжую воду и разбрелась по широкому ея приволью. Она трется около кустовъ, въ чащѣ лѣса, въ густыхъ бечевникахъ и около грудъ плавающаго хвороста, выбивая изъ себя икру весенняго нароста. Въ эту пору множество рыбы ловится въ *заплеты кужами*. Еще съ осени приготовляются по склонамъ рѣчекъ и ручьевъ, въ логахъ и полояхъ, въ плоскодонныхъ оврагахъ, долочкахъ и перевалахъ, во всѣхъ извѣстныхъ *ходовыхъ* мѣстахъ, особаго рода огороды изъ тонкихъ *прутьевъ въ переплетъ*. Это и есть заплеты. Они располагаются

формѣ ломанной линіи, въ каждомъ изломѣ которой оставляется опредѣленной величины окошко, или ворота. Какъ только разольется вода и начнется ходъ рыбы, въ ворота заплетовъ ставятся кужи, особеннаго рода мережка съ горломъ, натянутая на вѣтвиняный остовъ, имѣющій форму кувшина. Ломанная линія заплета позволяетъ разставлять кужи въ ту или другую сторону отверстіями, такъ что съ которой бы стороны ни пошла рыба, она непремѣнно должна попасть въ кужу. Уловъ рыбы въ эти снасти годами бываетъ громадный, попадаютъ большіе, отъ 6 до 9 ф., лещи, язи, головли, щуки до 25 ф., окуни и пр.

Кромѣ того, весною по полямъ и перекатамъ воды ставятся *крылены* или *крылачи*, очень выразительное названіе снасти, состоящей также изъ мережи съ двумя горлами и имѣющей у отверстія большія растопыренныя приполки, въ родѣ крыльевъ. На текучей водѣ крылена опускается на дно съ камнемъ. Теченіемъ воды выравнивается и выправляется мережка, какъ ей слѣдуетъ быть, такъ что крылья, натянутыя на большую черемховую дугу, будутъ находиться въ стоячемъ положеніи. На тихой водѣ, при слабомъ теченіи, поводокъ не годится, а употребляются въ дѣло шестики, которыми и припирается крылена съ хвоста и съ отверстія.

Когда весенняя вода уляжется въ берега, тогда начинается ловля стерлядей *канатами*. Приготовляются изъ верченыхъ черемховыхъ вѣтвинъ въ три пряди канаты, длиною отъ 40 до 45 саж. Они вьются помощью деревянныхъ барановъ съ одного конца и деревянныхъ крюковъ, закручивающихъ отдѣльныя пряди съ другаго. Такой канатъ очень проченъ, дешевъ и скоро приготовляется. На глубокихъ мѣстахъ рѣки, изстари извѣстныхъ рыбакамъ по стерляжьему ходу, закидывается канатъ слѣдующимъ образомъ: одинъ конецъ его прикрѣпляется къ берегу, другой съ деревяннымъ якоремъ о трехъ рогаляхъ, между которыми опутаны для груза каменья, завозится въ рѣку и погружается на дно такъ, чтобы линія, по направленію каната, составляла къ берегу прямой уголъ. Затѣмъ, на черемховыхъ же поводкахъ, скрученныхъ въ двѣ пряди, прикрѣпляются къ канату вѣтвиняныя кужи, большіе съ обращенными внутрь горлами кувшины, сплетенные рѣдкою вязкою изъ ветловыхъ тоненькихъ прутиковъ. Такихъ кужъ на каждый канатъ навязывается не менѣе шести и не болѣе 8 штукъ на двухаршинномъ другъ отъ друга разстояніи. Быстриною воды ихъ пристилаетъ ко дну рѣки очень плотно, и стерлядь, стремящаяся, какъ и всякая другая рыба, въ своемъ ходѣ противъ теченія, заходитъ въ эти кувшины. Канаты смотрятъ съ лодки, переборомъ на корму. Были времена, когда стерлядь ловилась въ канаты въ огромнѣйшемъ количествѣ: не по одному десятку вдругъ вытаскивали изъ одной кужи разныхъ размѣровъ стерлядей, и между ними нерѣдко попадались 12

и 13 вершковыя. Теперь уловъ этими снастями сдѣлался до того скученъ, что не стоитъ ни хлопотъ, ни времени.

а) *Ловъ красной рыбы въ Саратовской губерніи.*

Отошелъ ловъ бѣлорыбицы, жереха, вешней стерляди, провалили тучи бѣшенки, волжской сельди, оселедца, какъ ее здѣсь обыкновенно называютъ, и затѣмъ рыболовство на Волгѣ въ Саратовской губерніи на время пріостановилось. Волга въ полномъ разливѣ: быстро прибываетъ вода; не по днямъ, а по часамъ ростетъ этотъ богатырь. Все выше и выше лѣзетъ на высокія крутыя горы праваго берега; смѣло, широко и свободно разливается по раздольнымъ, привольнымъ берегамъ лѣваго. На 10, на 12, на 15 верстъ разлилась она въ иныхъ мѣстахъ, и даже острый глазъ рыбака съ одного берега не видитъ другаго. Рыболовъ знаетъ, что въ это время красная рыба идетъ изъ моря въ Волгу, чтобы покормиться ея прѣсною водою; но взять рыбы ничѣмъ нельзя; очень глубока и быстра вода. Въ это время рыбакъ приготовляется къ будущему лову, посматриваетъ на Волгу и ждетъ, когда она пойдетъ на-убыль. Вотъ наконецъ вода перестаетъ прибывать, но и не убываетъ: вода задумалась! говоритъ рыбакъ. Мало по малу однако вода начинаетъ сбывать, и лишь только представляется малѣйшая возможность, ловцы спѣшатъ поселиться на тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ удобнѣе производить ловъ красной рыбы, и то мѣсто, гдѣ живутъ рыбаки цѣлое лѣто, называется станомъ. Для лова красной рыбы необходимо песчаное ровное дно, и потому всѣ станы располагаются на пескахъ, и вслѣдствіе той же причины, преимущественно на лѣвомъ берегу Волги, какъ болѣе песчаномъ.

Иногда еще только небольшой клочекъ песка обнажился изъ подъ воды, кругомъ его плещутъ волны, а ловцы ужъ поселяются на немъ. Но не думайте, чтобъ для этого нужны были какія нибудь особенныя сооруженія: простой русскій человѣкъ очень неприхотливъ и невзыскателенъ. Взглянувши на ловецкій станъ, никто бы не подумалъ, что здѣсь живетъ человѣкъ цѣлую половину года: терпитъ и солнечный зной, и жаръ, и сырость, а подъ конецъ осени и стужу.

Подъѣзжая къ стану, вы увидите нѣсколько лодокъ, причаленныхъ къ берегу: кое-какъ изъ тальника сдѣланные шалашики, козлы, на которыхъ развѣшаны сѣти и снасти; тагарки, т. е. треножникъ изъ трехъ жердочекъ, съ привязанными къ нему котелками, въ которыхъ варится пища; плетенныя изъ того же тальника особеннаго рода, въ видѣ усѣченнаго конуса, корзины съ крышками (чечни)—въ водѣ, для мелкой рыбы, и такія же чечни на берегу—для храненія немногосложныхъ хозяйственныхъ припасовъ; котелъ, врытый въ землю, подъ которымъ вѣчно дымится огонекъ и въ которомъ варятся дубовые прутья и дубовая кора для дубленія снасти и сѣтей, груды осокоревой коры для выдѣлки поплавковъ, и среди всей этой обстановки нѣсколько группъ ловцевъ, изъ которыхъ одни вяжутъ сѣти, другіе точатъ крючья снастей, третьи изъ тальника плетутъ самоловки для ловленія мелкой рыбы или вырѣзываютъ поплавки къ сѣтямъ; кругомъ нагой песокъ, на которомъ торчатъ только одни топкіе, гибкіе прутья таловъ, да вода, да небо надъ головами,—вотъ общая картина ловецкаго стана.

Пока вода еще не совсѣмъ сбыла, ловца не безпокоятъ по крайней мѣрѣ хоть мошки, но вмѣстѣ съ убылью воды ихъ появляется такое множество, что онѣ тучами носятся надъ головою, покрываютъ все лице, лѣзутъ въ глаза, въ носъ, въ ротъ, кусаютъ безъ милосердія. Впрочемъ рыбакъ остается къ нимъ

почти не чувствителенъ, говоритъ только: „Экъ ея, поганой мошки сколько показалось!“ и ограничиваетъ свою защиту развѣ только тѣмъ, что на ночь устраиваетъ себѣ пологъ: втыкаетъ въ песокъ согнутыя двѣ, три хворостинки, и обтягиваетъ ихъ холстомъ, дѣлая себѣ такимъ образомъ родъ кибитки, подъ которую надобно залѣзать на четвереньках. Есть, правда, защита отъ мошки— сѣтка, пропитанная дегтемъ или скипидаромъ, которая надѣвается на голову, но ловецъ и къ ней не прибѣгаетъ. На иномъ стану вы замѣтите нѣсколько лодокъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ другихъ, и нѣсколько ловцевъ, живущихъ отдѣльно, но принадлежащихъ къ тому же стану и ловящихъ рыбу вмѣстѣ съ прочими: это ловцы подрядные или *на уколъ*. Всякой хозяинъ, снявшій воды, имѣетъ у себя работниковъ-ловцовъ, которые обязаны ловить рыбу отъ вскрытія до замерзанія Волги, и которые поэтому называются вселѣтними. Они нанимаются къ хозяину за извѣстную плату и, не имѣя своихъ, производятъ ловъ хозяйскими рыболовными снарядами. Другіе ловцы, напротивъ, покупаютъ у хозяина право ловить въ его водахъ красную рыбу на своихъ лодкахъ и своими снарядами. Хозяину выгодно имѣть лишнія рабочія руки, а ловцу всегда нужны деньги, отсюда и происходитъ такое условіе: хозяинъ даетъ ловцу извѣстную сумму съ тѣмъ, чтобы ловецъ уплачивалъ эти наловленной имъ рыбой, по условленной цѣнѣ съ пуда; эта-то сумма и называется уколъ, а ловцы, нанявшіеся такимъ образомъ,— *ловцами на уколъ*.

Пока вода еще не совсѣмъ сбыла до такой степени, чтобы представлять возможность лова сѣтями, ловцы ставятъ снасти по займищамъ и полоямъ. *Займищемъ* называется вообще мѣсто, занимаемое водою во время половодья, *полои*—самый разливъ воды по ровнымъ луговымъ мѣстамъ лѣваго берега. Неохотно признается ловецъ, что онъ ловитъ рыбу снастями, подозрительно и недовѣрчиво посмотритъ на человѣка остриженнаго, обритаго и въ нѣмецкомъ платьѣ, который будетъ просить его показать, какъ ловится рыба снастью; иной, пожалуй, запрется и скажетъ, что такого снаряда вовсе не существуетъ, а если былъ прежде, то нынче запрещенъ и никѣмъ не употребляется. И потому-то очень недружелюбно смотрятъ ловцы на незнакомаго посѣтителя ихъ стана, пока снасти приводятся ими въ порядокъ и еще не опущены въ воду. Снасть—вещь запрещенная подъ строгимъ преслѣдованіемъ полиціи. Она бываетъ двухъ родовъ: крупная или *пучковая*, которою ловятъ красную рыбу и мелкая или *шашковая*, для лова стерлядей. Послѣдняя, какъ болѣе употребительная, составляетъ единственное орудіе лова стерляди въ иныхъ мѣстахъ, а слѣдовательно и единственное средство къ прокормленію рыбака. Крупныя снасти для красной рыбы устраиваются такимъ образомъ: изъ пеньки крутится длинная толстая веревка (*хребтина*); къ ней въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой привязываются тонкія веревки (*поводцы*), къ которымъ прикрѣпляются крючки, формою похожіе на уды,—съ длиннымъ и острымъ жаломъ, но безъ надрѣза, который обыкновенно бываетъ въ удахъ. Снасти варятся въ отварѣ дубовой коры и молодыхъ вѣтвей дуба—*дубятся* для того, чтобы не скоро портились отъ сырости; дубъ окрашиваетъ ихъ въ черную краску, отчего и произошло названіе черныхъ снастей или короче: черноснастокъ. Къ концамъ хребтины прикрѣпляются на двухъ толстыхъ веревкахъ четырехъ-лапые якорьки (кошки), которые дѣлаются для дешевизны изъ четырехъ деревянныхъ крючковъ съ помѣщеннымъ среди нихъ камнемъ, дающимъ кошкѣ надлежащую тяжесть. Снасть опускается на самое дно, кошки держатъ ее на одномъ и томъ же мѣстѣ, а чтобы хребтина не ложилась по дну и не всплывала кверху, оставляя черезъ то поводцы въ висячемъ положеніи, для того на нее вздѣвается, черезъ 5, 8, 10 крючковъ по нѣскольку (обыкновенно пять) поплавковъ, сдѣланныхъ изъ осокоровой коры и называющихся вообще *балберками*. Рядъ та-

кихъ поплавковъ, сидящихъ на хребтинѣ рядомъ, одинъ за другимъ, называется пучкомъ, отсюда и самая снасть носитъ названіе *пучковой*.

Чтобы означить мѣсто, гдѣ лежитъ снасть, къ одной изъ отногъ, на длинной веревкѣ привязывается наплавъ—деревянный шестъ, или просто толстая палка, которая и плаваетъ по водѣ.

Устройство мелкой снасти для лова стерляди точно такое же, какъ и крупныхъ, но съ тѣмъ только различіемъ, что въ первой привязывается крючекъ къ поводцу чернымъ волосянымъ силкомъ, и отъ каждаго крючка въ верхъ на особенномъ силкѣ привязывается маленькій поплавокъ, который называется шашка, а оттуда и самая снасть получила названіе шашковой. Такъ-какъ шашки здѣсь замѣняютъ балберки, то послѣднія уже не надѣваются на хребтину. Длина хребтины, а слѣдовательно и число крючковъ, навязываемыхъ на нее, зависитъ отъ мѣстныхъ удобствъ лова: въ иныхъ мѣстахъ бываетъ больше, въ другихъ меньше, но каждая отдѣльная хребтина съ поводцами и кошками, опущенная въ воду въ крупной снасти-счалъ, въ мелкой—перетяга.

Въ иныхъ водахъ красную рыбу ловятъ снастями только въ займищахъ и полояхъ во время весенняго разлива, когда рыба идетъ на луга *покормиться* пожируетъ, по ловецкому выраженію, и когда она мечетъ икру—*нароститься*. Затѣмъ ловъ рыбы снастями прекращается. Въ другихъ водахъ, смотря по удобству, ловятъ совмѣстно и сѣтями, и снастями. Снасть въ такомъ случаѣ ставится на тихихъ и не очень глубокихъ водахъ, около песка и преимущественно на приверхахъ, т. е. при оконечностяхъ островов.

Красная рыба сначала идетъ вверхъ противъ теченія воды, тогда она называется *ходовая*, а также *жаркая*, потому что ходъ ея совпадаетъ съ самыми іюньскими и іюльскими жарами. Воды тогда въ Волгѣ бываетъ вдоволь, рыба вездѣ находитъ себѣ и глубь, и прохладу. Но по мѣрѣ убыли водырыба ищетъ себѣ глубокихъ мѣстъ, идетъ внизъ по теченію и переходитъ, *перекатывается*, изъ ямы въ яму; тогда она называется *покатною*. И та, и другая, заходя въ тихія воды, попадаетъ на снасти. Снасть ставится поперегъ Волги, спинкой крючковъ противъ теченія, поводцы и крючки играютъ въ водѣ, рыба идетъ спокойно между ними, но стоитъ ей только сдѣлать неосторожное движеніе, едва дотронуться до одного изъ крючковъ, онъ вопьется въ рыбу своимъ острымъ жаломъ; ужаленная рыба начинаетъ биться, взмахнетъ хвостомъ, и новое жало подхватитъ его; тогда уже нѣтъ ей возможности уйти, она плѣнница счастливаго ловца.

Тамъ, гдѣ есть возможность производить ловъ сѣтями и въ то же время ставить снасти, существуютъ и лодки двухъ сортовъ: *плавныя* для сѣтей и *снастныя*. Разница между ними только въ одномъ названіи и предназначеніи, устройство одинаковое. Снасть обыкновенно кладется и не вынимается изъ воды втеченіе цѣлой недѣли, хотя и перебирается каждый день. При переборкѣ снасти, ловецъ, подъѣзжая къ наплаву, ищетъ въ водѣ снасть, имѣющуюся нарочно для этого кошкою и, найдя ее, ложится грудью на край лодки, перебираетъ хребтину руками и подвигается такимъ образомъ вмѣстѣ съ лодкой съ одного конца снасти до другаго. По истеченіи недѣли, снасть вынимается изъ воды, сушится и оттачиваются притупившіеся и заржавѣвшіе крючки, на мѣсто вынутой кладется другая. Совершенно новая, не бывшая въ дѣлѣ и еще не выдубленная снасть называется *голъё*. Не смотря на значительное употребленіе снастей, ими не добывается и четвертой доли красной рыбы сравнительно съ тѣмъ количествомъ, которое ловится сѣтями—*самоплавами*. Ловъ сѣтями вообще называется *плавня*. Самоплавъ состоитъ изъ двухъ сѣтей, помѣщеныхъ одна за другой, крупной—*рѣшъ*, спереди и мелкой—*частикъ*, сзади, изъ которыхъ первая вдвое крупнѣе второй. Онѣ обѣ вяжутся на одну веревку—*подбэра*, а потомъ собираются на другую—

посадная. При вязаньи сѣти употребляются только два инструмента: деревянная большая игла, на которой намотана нить,—*иглица*, и дощечка, на которую сажаютъ петлю и которая опредѣляетъ величину петли или глаза—*полка*. Стѣна сѣти много уменьшается въ длину, когда соберется на посадную; вышина стѣны отъ сажени до 4 аршинъ. Посадныхъ двѣ: верхняя и нижняя; на верхнюю надѣваютъ поплавки, опять тѣ же балберки, только гораздо меньшей величины, нежели въ снастяхъ, на нижнюю для тяжести—свинцовыя гайки. Самоплавъ состоитъ изъ двухъ половинокъ, каждая изъ нихъ отъ 120 до 170 саженъ въ длину. Судя по удобству мѣстности, ловятъ иногда одной половинкой, но большею частію обѣими, сшитыми вмѣстѣ. Къ каждому концу сѣти привязывается для тяжести по камню, а отъ верхнихъ концовъ идутъ двѣ веревки, *отноги*, изъ которыхъ къ одной причаленъ поплавокъ, боченокъ, выкрашенный въ черную краску, и называющійся *курень*, а другая совершенно свободная и назначается для того, чтобы причалить сѣть къ лодкѣ. Сѣть дубится корьемъ въ желтую краску. Вмѣсто рѣши употребляется иногда еще болѣе крупная сѣть—*глазунъ*.

Приготовивши такимъ образомъ самоплавъ, ловецъ укладываетъ его на палубу своей лодки такимъ образомъ, чтобъ удобнѣе было спускать его въ воду, *ссыпать*. Плавныя лодки невелики: сажени двѣ длины отъ носа до кормы и четвертей 6—7 ширины въ борту. Средняя часть лодки покрыта палубой, на которую и укладывается сѣть. На лодкѣ всегда два гребныхъ весла и одно правильное, въ видѣ лопатки, съ желѣзнымъ острымъ наконечникомъ; есть также мачта, которая по надобности можетъ вставляться и выниматься, парусъ и бичева. На каждой лодкѣ непремѣнно должно быть двое рабочихъ: самъ ловецъ, который въ то же время называется кормщикомъ, потому что въ его рукахъ правильное весло и весельникъ, обыкновенно мальчикъ, иногда лѣтъ 10, сынъ, племянникъ ловца, имѣющій впослѣдствіи самъ сдѣлаться ловцомъ и теперь уже добывающій себѣ трудовую копѣйку. Ловцы отправляются на ловъ поочередно, и смотря по обилію рыбы иногда одинъ, иногда и двое вдругъ, при чемъ одинъ держится берега, а другой плыветъ самымъ *стрежнемъ*, т. е. главнымъ теченіемъ воды.

— Деменьтьевъ, твой что-ли чередъ-отъ?—кричитъ прикащикъ, находящійся на стану и наблюдающій за ловомъ. Его сейчасъ отличишь по нарядной цвѣтной рубашкѣ и плисовому картузу, среди прочихъ рабочихъ въ синихъ пестрядныхъ рубахахъ.

— Мой, отвѣчаетъ Дементьевъ.

— Такъ чего зѣваешь? Петруха-то ужъ поднимается. Плыви!

Полдень. Въ воздухѣ знойно и тихо. Солнце свѣтитъ всѣмъ своимъ блескомъ и палитъ всей своей огненной силой. Песокъ раскалился до такой степени, что непривычная голая нога не выдержитъ его, а ловецъ усталый и пригрѣтый солнцемъ, съ голыми руками и ногами, нѣжится и дремлетъ на этой раскаленной лежанкѣ. Призывъ къ работѣ поднялъ его, и онъ бодро сѣлъ въ лодку вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ помощникомъ; оттолкнулись отъ берега; отплыли на нѣсколько саженъ, ловецъ начинаетъ ссыпать сѣть: вотъ булькнулъ камень, шлепнулся и закачался курень; весельникъ пересталъ грести. Лодка сама собою тихо поплыла по теченію. Волга не шелохнется, ни малѣйшею рябью не подернется ея широкое, свѣтлое лоно, только искрится и рдѣетъ отъ солнечныхъ лучей. Но ловецъ уже не дремлетъ, мурлычитъ себѣ подъ носъ пѣсню или молчитъ, поглядывая на курень. Если курень на водѣ, значитъ сѣть идетъ правильно, ни за что не задѣвая, но чуть онъ скрылся, значитъ сѣть за что нибудь зацѣпилась. Весельникъ отъ нечего дѣлать зѣваетъ по сторонамъ или строгаетъ балберки изъ кусковъ осокоревой коры, которая хранится подъ палубою лодки. Но поплыли извѣстное разстояніе, дошли до извѣстной примѣты, показываю-

щей конецъ плаву, ловецъ поднимается на ноги, надѣваетъ кожаный фартукъ, *запонъ*, отвязываетъ отногу, начинаетъ вытаскивать сѣть—поднимается. Струи воды льются съ мокрой сѣти на запонъ и голыя ноги. Сначала быстро идетъ дѣло, но вдругъ начинаетъ что-то какъ будто подергивать и тянуть изъ рукъ сѣть, ловецъ сталъ выбирать ее медленно и осторожно. Весельникъ настораживаетъ вниманіе, любопытство и ожиданіе невольно возбуждаются даже въ равнодушномъ и привычномъ къ этому зрѣлищу.

Вдругъ пловецъ быстро скакнулъ съ палубы на дно судна и перекинулся черезъ бортъ лодки: значитъ, попалась рыба; зоркій привычный глазъ его видитъ на глубинѣ аршина въ водѣ.

— Осетришко маленькій! проговорилъ ловецъ, какъ бы отвѣчая на собственное любопытство и ожиданіе. Осетръ проскочилъ было черезъ рѣшь, но завязъ въ частикѣ, хватился было назадъ, да нельзя: голова назадъ не проходитъ, вильнулъ хвостомъ и вовсе запутался въ передней крупной сѣти.

— Малъ, а боекъ! вишь ты, какъ закатался,—проговорилъ ловецъ, освобождая осетра отъ сѣтей. Тавань, тавань, Ванюшка,—обратился онъ къ весельнику, напоминая, чтобъ тотъ не давалъ лодкѣ подвигаться внизъ, а билъ веслами такъ, чтобъ лодка держалась на одномъ мѣстѣ.

Распутавши осетра, онъ тотчасъ продѣвалъ крѣпкую бичевку чрезъ ротъ и жабры рыбы и привязывалъ ее къ лодкѣ, опуская въ воду. Затѣмъ снова принялся вытаскивать сѣть. Опять что-то потянуло внизъ, но уже не такъ, какъ давеча.

— Надо быть карпа! промолвилъ рыбакъ и, дѣйствительно, вытащилъ деревянную корягу.

— Ишь ты, проговорилъ онъ, продолжая свою работу: недаромъ даве курень прятался. Ладно еще, сѣть не порвало.

Можетъ быть другую и третью вытащитъ ловецъ и довольный, спокойный возвращается въ станъ, помогая грести весельнику своимъ широкимъ, загребистымъ правильнымъ весломъ.

Любо бы было жить на свѣтѣ ловцу, какъ бы всегда стояла такая погода, да выходилъ такой счастливый ловъ; да то лихо, что часто бываетъ совсѣмъ другое.

Слыхали вы *о полосахъ* на Волгѣ? Это вихри, которые совершенно неожиданно и безъ всякихъ предзнаменованій на небѣ и въ воздухѣ врываются на Волгу черезъ глубокіе и длинные буераки, или *бараки*, какъ ихъ здѣсь называютъ, во множествѣ прорѣзывающіе гористый правый берегъ,—и вихри эти бороздятъ, вздымаютъ бурными волнами до появленія ихъ иногда совершенно гладкую поверхность Волги. Эти полосы страшны не только для рыбацкихъ лодокъ, но и для большихъ судовъ, когда они идутъ парусами. Налетая съ боку, ударяя въ судно и въ парусъ, не по тому направленію, котораго они держались, полоса можетъ сборвать парусъ, перешибить рею или райну, какъ это вообще называется на Волжскихъ судахъ, при сильномъ порывѣ вѣтра даже опрокинуть судно. Легко представить, какъ бываетъ положеніе ловецкаго челна, попавшаго въ полосу. Иногда самый легкій вѣтерокъ, едва замѣтной рябью подергиваетъ Волгу. Ловецъ спокойно плыветъ съ своею сѣтью, вынимаетъ ее, кончаетъ свое дѣло, и если вѣтерокъ ему попутный, разставляетъ парусъ, чтобы подняться до стана.

Всякая *хилинка* (самый легчайшій вѣтерокъ) въ силахъ надуть его парусъ и дать лодкѣ движеніе. Спокойно плыветъ ловецъ. Вдругъ страшный порывъ вѣтра со стороны бьетъ въ его парусъ, кладетъ лодку на бокъ, парусъ полощется въ воздухѣ, мгновенно вскипѣвшая волна хлещетъ черезъ бортъ. Еще мгновеніе—лодка опрокинется вверхъ дномъ. Одно спасеніе тогда: сильнымъ и ловкимъ ударомъ правильнаго весла поставить лодку по направленію полосы,

тогда она со всей своей силой подхватитъ ее и вынесетъ на противоположный берегъ. Но движеніе волны бываетъ иногда такъ сильно, сопротивленіе воды такъ велико, что правильное весло, при усиліи ловца поворотить лодку, переламывается, какъ лучинка, и тогда.... тогда ловецъ надѣйся только на то, что, онъ плаваетъ, какъ рыба.

Каждый день, кромѣ праздниковъ, продолжается ловъ. Пойманную рыбу тотчасъ же сажаютъ въ садки, а въ иныхъ мѣстахъ сначала въ *заструги* или *колдыбани*, гдѣ рыбѣ даютъ нѣсколько дней поотдохнуть, а потомъ пересаживаютъ въ садки. Застругами или колдыбанями называются ямы въ береговыхъ пескахъ, въ которыхъ послѣ весенняго разлива остается вода, а также и заливчики въ пескахъ, которые перегораживаются, чтобы запереть для рыбы выходъ въ Волгу. Заструги годятся только большія и глубокія, т. е. тѣ, въ которыхъ вода не скоро нагрѣвается, чтобы рыбѣ было гдѣ гулять и она не уснула отъ духоты.

Къ нимъ прибѣгаютъ особенно въ станахъ, отдаленныхъ отъ садковъ, но большею частью сажаютъ рыбу прямо въ послѣдніе. Садки бываютъ двухъ родовъ: естественные или озера и искусственные: пруды, вырытые нарочно для этой цѣли на проточныхъ ручьяхъ или ключахъ и деревянные огромные срубы, опущенные въ самую Волгу. Озера и пруды считаются болѣе удобными, нежели деревянные садки. Въ послѣднихъ рыба болѣе тощаетъ и чаще снетъ, но не вездѣ есть естественные садки, не вездѣ есть возможность вырыть пруды, а потому необходимость часто заставляетъ прибѣгать къ деревяннымъ садкамъ.

Каждый ловецъ на-уколъ, сажая свою рыбу въ садокъ, кладетъ на нее и свою особенную замѣтку: однъ обрѣзываетъ два уса, другой три, третій обрубаетъ правильное перо и т. п. По этимъ замѣткамъ впослѣдствіи узнаютъ, кѣмъ рыба поймана, что необходимо знать при расчетѣ съ хозяиномъ. Въ садкахъ рыба сидитъ до первыхъ зимнихъ морозовъ: тогда она вынимается изъ нихъ, морозится и отправляется въ Москву. Изъ озеръ и прудовъ рыба зимою высаживается неводомъ: для этого черезъ нѣсколько маленькихъ прорубокъ пропускаютъ неводъ подъ ледъ и тамъ ведутъ его черезъ весь садокъ къ большой проруби, въ которую неводъ и вытаскивается. Въ иныхъ мѣстахъ, лежащихъ по близости къ Саратову, рыба сидитъ въ садкахъ и удобныхъ застругахъ до Октября мѣсяца; тогда пріѣзжаютъ Саратовскіе купцы, покупаютъ ее и увозятъ въ прорѣзяхъ (прорѣзъ—судно, которое черезъ нарочно сдѣланныя въ днищѣ его дыры, наполняется водою и служитъ для перевоза по Волгѣ живой рыбы) въ городъ, гдѣ и продаютъ для мѣстнаго употребленія.

Въ это же время производится и приготовленіе икры, также для отправки въ Москву; въ прочее время лова она приготовляется трехъ сортовъ: малосольная, паюсная и средняя между ними, по крѣпости засола, *межеумокъ*. При этомъ замѣчается такое различіе въ цѣнахъ на икру: такъ какъ лѣтомъ происходитъ только мѣстная продажа, и сохраненіе малосольной икры затруднительно, то цѣнность икры опредѣляется количествомъ соли, такъ что напр. въ Цари- [illegible] малосольная икра стоитъ въ иной годъ около 10 к. сер., межеумокъ отъ 15 и до 20, а паюсная 30 к. сер.; напротивъ, зимою цѣна измѣняется обратно, и паюсная становится дешевле малосольной.

Красной рыбы солится на продажу въ Саратовской губерніи незначительное количество и только для мѣстнаго употребленія. Лѣтомъ солится только уснувшая. Промышленники находятъ болѣе выгоднымъ пускать рыбу въ продажу свѣжею. Главный ловъ красной рыбы Саратовской губерніи производится въ Царицынскомъ уѣздѣ, въ Камышинскомъ менѣе, въ Саратовскомъ и выше: въ Волгскомъ и Хвалынскомъ, сравнительно ловъ уже можетъ быть названъ весьма незначительнымъ. Эта разница въ количествѣ улова замѣчается тотчасъ при *первомъ взглядѣ на снаряды*, употребляемые ловцами. Напримѣръ въ Царицын-

скомъ уѣздѣ вы увидите только самоплавы и снасти, затѣмъ ловцу некогда и невыгодно прибѣгать ни къ какимъ другимъ способамъ лова: всякой другой рыбой, кромѣ красной, онъ гнушается, не дорожитъ даже сомомъ, расчитывая на избытокъ осетровъ, бѣлугъ и севрюгъ. Въ Камышинскомъ уѣздѣ, напротивъ, вы уже замѣтите въ иныхъ мѣстахъ другое устройство самаго самоплава, вы увидите, что онъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно самоплава, въ которомъ, впрочемъ, сѣти мельче и пришитаго къ нему въ одну стѣну—глазуна.

Такое устройство дано ему для того, чтобы вмѣстѣ съ красной рыбой, которую, смотря по величинѣ будетъ ловить глазунъ, въ сѣтяхъ удерживалась и мелкая, такъ называемая частиковая рыба, т. е. судакъ, щука, лещъ, сазанъ, налимъ, бершь и прочее. Здѣсь вы замѣтите въ большомъ употребленіи сомовники и увидите клоченье сома.

Сомовники имѣютъ форму снасти, только съ тѣмъ различіемъ, что у нихъ одинъ конецъ хребтины держится въ водѣ кошкой, а другой пускается по теченію; на крючки же или уды насаживается мелкая рыба (моль), ракушки, лягушки, которыя и служатъ приманкою для сомовъ, хватающихъ ихъ ртомъ, какъ обыкновенная рыба удочку съ наживленнымъ на нее червякомъ. Правда, употребляются сомовники и ниже по Волгѣ, только не тѣми ловцами, которые занимаются исключительно красноловомъ, а развѣ ловятъ ими гдѣ нибудь въ волошкахъ крестьяне, за незначительную плату купившіе себѣ въ нихъ право временнаго лова стерляди. Тѣмъ болѣе настоящій ловецъ красной рыбы не будетъ тратить времени на клоченье сома. Съ лодки, выѣхавшей на извѣстное разстояніе отъ берега, пускается сомовья уда, наживленная той же приманкой, которая употребляется въ сомовникахъ. Рыбакъ одной рукою держитъ веревку или силокъ, къ которому привязана уда, а другою бьетъ по водѣ (клочетъ) особенною деревяшкою, изъ вяза или яблони, сдѣланною въ видѣ изогнутаго ножа съ крючкомъ на концѣ, производя чрезъ то звукъ, похожій на тотъ, который дѣлаетъ сомъ, и который привлекаетъ его къ приманкѣ.

Вообще количество улова красной рыбы уменьшается по мѣрѣ возвышенія по Волгѣ. Очевидно, что главная причина такого явленія заключается въ томъ, что низовые ловцы не пропускаютъ рыбы вверхъ. Но достоинство водъ, относительно улова, на извѣстномъ пространствѣ, часто измѣняется: однѣ воды дѣлаются лучше, другія портятся. Причина этому лежитъ въ связи съ измѣненіемъ волжскаго фарватера. Главнымъ условіемъ лова красной рыбы служитъ ровное песчаное дно, но оно часто портится. Фарватеръ Волги въ Саратовской губерніи измѣняется всего болѣе отъ притока вешней воды изъ балокъ, которая несетъ и бревна и кусты, засаривая воду въ одномъ мѣстѣ, усиливаетъ бѣгъ ея въ другомъ. При этомъ всѣ видоизмѣненія береговъ отражаются на днѣ Волги. Напр.: Царицынскаго уѣзда при с. Пралейкахъ, нѣсколько лѣтъ назадъ были пески очень удобные для ловли рыбы. Потомъ вдругъ пески испортились, образовались ямы, и ловъ совершенно прекратился, воды потеряли свое достоинство и цѣнность. Спустя нѣсколько лѣтъ опять воды поправились и вотъ по какой причинѣ: подъ казачьей станицей, лежащей выше Пралейки, есть займище, которое прежде было покрыто лѣсомъ и вода не подмывала песчанаго берега, но лѣсъ вырубили, вода стала подмывать берегъ и скатывать его песокъ на Пралейскіе пески, которые мало по малу такимъ образомъ заровняла и исправила—и ловъ сталъ попрежнему хорошъ и удобенъ. По общему голосу ловцовъ, рыбы въ Саратовской губерніи ловится съ каждымъ годомъ меньше, но можетъ быть это уменьшеніе только кажущееся вслѣдствіе безпрестанно возрастающаго числа рыбопромышленниковъ; несомнѣнно, что рыба дорожаетъ съ каждымъ годомъ.

Ловецъ красной рыбы Саратовской губерніи не знаетъ въ ней вкуса, никогда

не употребляя ее въ пищу: такъ дорожитъ онъ ею. Пища его иногда бываетъ очень скудна. Во время хода стерляди, онъ не ѣстъ иной ухи, кромѣ стерляжьей, и его вкусная каша, *кавардакъ*, варится тогда на стерляжьемъ жиру; но въ иное время онъ бываетъ доволенъ и ухой изъ судака или *густерки*, мелкой костлявой рыбы. Ловцы сами должны заботиться о своемъ пропитаніи, употребляя на это свой досугъ, котораго очень мало; поэтому они ставятъ перетяжки для стерляди, судочники для судака и самоловки для густеры; и тѣмъ ограничиваютъ всѣ свои заботы о пропитаніи. Попадается что нибудь, онъ счастливъ и поѣстъ сладко, а неудача, и хлѣбомъ довольствуется съ какой нибудь жиденькой ушицей.

Судакъ въ Саратовской губерніи называется вообще *судокъ*, а потому и снарядъ, которымъ ловится онъ, толкуется *судовщикомъ*. Устройство его точно такое же, какъ сомовника, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ гораздо меньше размѣромъ и короче, спускается съ берега и причаливается на берегу къ шесту или палкѣ; на уды наживляется мелкая рыба (моль, малета, малева) *Самоловки*—конусообразныя плетенки изъ тальника, съ вогнутымъ внутрь основаніемъ, въ серединѣ котораго горло, какъ въ воронкѣ. Это горло намазываютъ хлѣбомъ и ставятъ самоловку на быстрыхъ водахъ.

Ловцы вообще славятся искусствомъ варить уху и кавардакъ. Надъ дымящейся теплиной ставится деревянный треножникъ (тагарки), къ которому на двухъ крючьяхъ подвѣшиваются котелки. Въ одномъ варится уха, въ другомъ засыпано просо съ небольшимъ количествомъ воды. По мѣрѣ того, какъ изъ стерляди, положенной для ухи очень щедрою рукою, выкипаетъ жиръ, его снимаютъ и кладутъ въ кашу, заботясь впрочемъ о томъ, чтобы и уха оставалась жирна. Потомъ вынимаютъ нѣсколько жирныхъ частей уварившейся стерляди, растираютъ ее ложкой, затѣмъ смѣшиваютъ съ кашей и даютъ ей поджариться на огнѣ до-красна. Приготовивъ кушанье, ловецъ сливаетъ бульонъ ухи въ особенную чашку, крошитъ въ нее хлѣбъ и такимъ образомъ придаетъ бульону кислоту. Рыбу изъ ухи ѣстъ особенно. Если нѣтъ стерляди, то замѣняютъ ее густерой, приготовляя уху и кашу такимъ же образомъ.

8. Село Лысково.

Макарьевская сторона нижегородскаго Приволжья раздѣляется Волгой на двѣ неравныя половины: нагорную, такъ назыв. *Горы*, и луговую, заволжскую или *Заволжье*. Въ *Горахъ*, тамъ гдѣ Волга, устремляя свои воды на юго-востокъ, вдругъ круто бросается на сѣверо-востокъ, лежитъ, при рѣчкахъ Сундовикѣ и Валавѣ, знаменитое село *Лысково*.

Въ настоящее время Лысково, замѣчательное по своей хлѣбной пристани, имѣетъ около 5,000 жителей, около 150 каменныхъ домовъ и до 1,000 деревянныхъ и до 140 амбаровъ для склада подвозимаго изъ окрестностей хлѣба, и скорѣе похоже на большой уѣздный городъ, а не на село, тѣмъ болѣе, что и всѣ власти г. Макарьева постоянно живетъ въ Лысковѣ; даже присутственныя мѣста, кромѣ полицейскаго управленія, находятся здѣсь, начиная съ мироваго съѣзда, земской управы и кончая почтовою конторой. Въ Лысковѣ есть хорошая гостинница, множество постоялыхъ дворовъ, аптека и была даже гимназія,

закрытая въ 1799 году. Лысково, въ административномъ отношеніи составляетъ центръ лысковой волости, считающей въ себѣ 16 сельскихъ обществъ.

Главное современное значеніе Лыскова заключается въ его хлѣбной пристани, къ которой втеченіе зимы, подвозится хлѣбъ не только изъ плодородныхъ мѣстностей Нижегородской губерніи, но и изъ ближайшихъ пунктовъ Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Казанской губерніи; зимою же производится и покупка хлѣба въ Лысковѣ; льняное сѣмя закупается здѣсь только осенью, вслѣдъ за окончаніемъ Нижегородской ярмарки. Изъ Нижегородской губерніи къ Лыскову направляется хлѣбъ изъ пунктовъ, расположенныхъ по всему протяженію восточной части всей нагорной стороны и важнѣйшаго въ этомъ отношеніи пункта — заштатнаго города, Починокъ, куда первоначально стягивается пензенскій и тамбовскій хлѣбъ, предназначаемый для Лыскова. Хлѣба, подвозимые къ Лыскову, суть: рожь, овесъ, ячмень, пшеница, кромѣ того — льняное сѣмя; здѣсь хлѣба большею частью перемѣшиваются; рожь превращается въ разные сорты муки, ячмень преимущественно выработывается въ солодъ, пшеница и льняное сѣмя остаются безъ всякой передѣлки. Хлѣбъ Лысковскій отправляется главнымъ образомъ къ Рыбинской пристани.

Не смотря на то, что въ послѣднее время Лысковская пристань нѣсколько упала, она все-таки должна считаться одною изъ крупнѣйшихъ на Волгѣ, что доказывается тѣмъ, что въ Лысковѣ собирается до 2.000,000 пудовъ хлѣба разнаго рода и 70,000 пудовъ льнянаго сѣмени. Весь этотъ грузъ, скупаемый частью лысковскими, но преимущественно нижегородскими купцами и отправляется главнымъ образомъ въ Рыбинскъ для Петербурга и на нижегородскую ярмарку. Кромѣ того Лысковскій хлѣбъ идетъ гужемъ, къ нижегородской станціи нижегородско-лысковской желѣзной дороги. Въ замѣнъ хлѣба лысковскаго съ ярмарки привозятъ желѣзо, соль и другіе необходимые для обихода товары.

Связь Лыскова съ нижегородской ярмаркой, по хлѣбной торговлѣ, заключается еще и въ томъ, что на ярмарку ежегодно отправляются изъ Лыскова, славящагося отличной выпечкой хлѣба, пекари, разсылающіе по всей ярмаркѣ, выпекаемый ими въ куреняхъ, на такъ называемыхъ Пескахъ, хлѣбъ. Содержателями этихъ являются не только спеціально — пекари, но лысковскіе торговцы хлѣбомъ — въ зернѣ. Извѣстный московскій пекарь Филипповъ муку преимущественно закупаетъ въ селѣ Лысковѣ. Съ лысковской хлѣбной торговлей тѣсно связанъ укоренившійся съ незапамятныхъ временъ въ Лысковѣ такъ наз. праховой промыселъ, своего рода коммиссіонерство, но коммиссіонерство, вредное особенно въ нравственномъ отношеніи какъ для производителей, такъ и для купцовъ и главное для ихъ потребителей. —

Прахи — это мѣстное названіе прасоловъ, кулаковъ и скупщиковъ

изъ другихъ мѣстностей. Самое названіе праха производятъ отъ того, что прахи „изъ праха деньги дѣлаетъ". Ихъ въ Лысковѣ, въ особенности мелкихъ, значительное число. Они пускаютъ къ себѣ во дворъ продавцовъ хлѣба, принимая содержаніе возчиковъ на свой счетъ и затѣмъ сводятъ ихъ съ покупателями, получая за это *извѣстный процентъ* съ *послѣднихъ* обыкновенно копѣекъ 10 съ четверти.

Такимъ образомъ вся лысковская торговля въ рукахъ праховъ, роль которыхъ набивать цѣну на хлѣбъ.

Кромѣ хлѣбной торговли въ Лысковѣ занимаются и производствомъ такъ наз. *игольнаго* товара, хоть и не въ большихъ размѣрахъ. Матеріалъ для игольнаго товара закупается на нижегородской ярмаркѣ. Товаръ этотъ состоитъ изъ наперстковъ, пуговицъ, запонокъ и колецъ, предназначаемыхъ для употребленія въ крестьянскомъ быту, что можно видѣть изъ цѣнъ на нѣкоторые сорты его: наперстокъ дамскій отъ 3 р. 50 к. до 5 р. за тысячу, серьги отъ 2 р. до 8 руб. за тысячу же, перстни отъ 10 руб. за тысячу и т. д. Годовое производство игольнаго товара опредѣляется приблизительно до 25,000 р. с. Главная продажа его бываетъ одинъ разъ въ году на нижегородской ярмаркѣ; нераспроданную его часть везутъ обратно въ Лысково, на такъ называемую маровскую ярмарку. Скупщики начинаютъ собирать товаръ въ Лысковѣ съ января мѣсяца. Эта маровская ярмарка производится въ селѣ Чернухѣ, въ семи верстахъ отъ Лыскова и тѣсно связана съ лысковскимъ торговымъ бытомъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1869 годъ на маровскую ярмарку привезено было товаровъ на 290 тысячъ и продано на 200 т. Главные предметы торговли: крупный рогатый скотъ, воскъ, медъ, пухъ, перо, тряпье и хмѣль, а также мурашкинскіе кожевенные и мѣховые товары, предметы крестьянской одежды и обуви, щепный товаръ, желѣзныя издѣлія нижегородской ярмарки и проч.

Сидящій противъ Лысково на голомъ пескѣ уѣздный городъ Макарьевъ имѣетъ и свои промыслы: дѣятельный, предпріимчивый и промышленный духъ Поволжья положилъ свою сильную печать и на жителяхъ города Макарьева, приносящихъ и свою долю труда на нижегородскую ярмарку въ видѣ сундуковъ.

Макарьевскіе сундуки выдѣлываются преимущественно изъ еловаго и ольховаго дерева, которое вырубается на Керженцѣ, сплавляется по нему на Волгу, къ Макарьеву и здѣсь покупается главными промышленниками: они его пилятъ, рядятъ рабочихъ изъ жителей города и посылаютъ выдѣланные сундуки на нижегородскую ярмарку. Собственно мастерскихъ для дѣланія сундуковъ въ Макарьевѣ нѣтъ: хозяева сдаютъ доски рабочимъ на руки; работа производится на дому, по штучно и по сортамъ сундуковъ: отъ двѣнадцати копѣекъ до одного рубля двадцати копѣекъ за штуку. Сундуки преимущественно на нижегородской

ярмаркѣ спускаются продаются или персіанамъ, или армянамъ и идутъ въ Астрахань, Кутаисъ, Тифлисъ и на средне-азіатскіе рынки.

Въ Макарьевѣ ежегодно выдѣлывается сундуковъ около 7,400 штукъ.

9) А. Рыбные промыслы бассейна Каспійскаго моря.

Рыбное богатство Каспійскаго моря. Причины изобилія рыбы. Перечисленіе породъ рыбъ, имѣющихъ промышленное значеніе. Ходъ рыбы изъ моря въ рѣки. Раздѣленіе Каспійскаго моря на рыболовныя области: a) Закавказская рыболовная область. b) Персидская рыболовная область. c) Западная рыболовная область. d) Уральская рыболовная область. e) Мангишлакская рыболовная область.

Въ Каспійскомъ морѣ, поверхность котораго составляетъ 6,200 кв. миль, водится едва ли не большее количество рыбы, чѣмъ во всѣхъ европейскихъ водныхъ бассейнахъ, имѣющихъ сравнительно одинаковое съ нимъ пространство. Море это снабжаетъ богатымъ рыбнымъ запасомъ вливающіяся въ него рѣки: Уралъ, Волгу, Терекъ, Куру и Сефидъ-рудъ, въ которыхъ рыболовство производится съ большою энергіею и въ громадныхъ размѣрахъ. Число морскихъ и рѣчныхъ ловцовъ ежегодно увеличивается, обильные уловы продолжаются, а между тѣмъ уменьшенія количества рыбы въ морѣ не замѣтно.

Обильные уловы постоянно встрѣчаются въ сѣверной и сѣверо-восточной частяхъ Каспія, гдѣ сосредоточенъ главный морской ловъ и выставлено безчисленное множество ставныхъ сѣтей и крючковой снасти; здѣсь, близь волжскихъ устьевъ, вылавливаютъ распорными неводами громадные косяки преимущественно частиковой рыбы. Въ октябрѣ 1873 г. одна неводная тяга г. Бремзена дала 80,000 лещей, такъ что четыре рыбницы были наполнены, а другая тяга выловила въ ноябрѣ того же года, 50,000 стерлядей средней величины. Въ то же время распорный неводъ г. Пальцева вытянулъ разомъ 40,000 стерлядей, изъ коихъ 22,000 штукъ были длиною не болѣе 5-ти вершковъ.

Волга всегда считалась очень рыбною рѣкою, и нерѣдко случалось, что одною неводною тягою ловилось около 40,000 лещей или судаковъ, или около 200,000 бѣшенки, т. е. астраханской сельди.

Причины изобилія рыбы въ Каспійскомъ морѣ заключаются въ мелководности и слабосоленности сѣверной его части и въ выгодныхъ для размноженія рыбы условіяхъ въ устьяхъ рѣкъ, преимущественно въ обширной волжской дельтѣ.

Въ южной и средней частяхъ моря глубина весьма значительна, въ сѣверной же трети она рѣдко превышаетъ 8 саженъ. Въ этомъ мелководномъ и слабосоленомъ, почти прѣсноводномъ бассейнѣ накопляется множество питательныхъ веществъ, приносимыхъ туда Ураломъ, Волгой и Терекомъ, и рыба, найдя богатую пищу, населяется здѣсь большими косяками.

Волжская дельта представляетъ безчисленное множество небольшихъ, мелкихъ, поросшихъ водяными растеніями, озеровидныхъ водовмѣстилищъ, называемыхъ *ильменями*, соединенныхъ какъ между собою, такъ и съ волжскими рукавами посредствомъ *ериковъ* т. е. мелкихъ протоковъ. Въ этихъ то ильменяхъ большая часть породъ частиковой рыбы и сомъ отыскиваютъ пищу и находятъ удобства для метанія икры и для вывода, защиты и прокормленія мальковъ.

Если принять во вниманіе цѣнность доставляемыхъ рыбою продуктовъ, то красная рыба, т. е. пять породъ осетроваго рода, именно: бѣлуга, осетръ, севрюга, шипъ и стерлядь, составляютъ главное богатство Каспія. Изъ породъ частиковой рыбы, называемой уральскими ловцами черною, имѣютъ значительную торговую важность судакъ, лещъ, вобла и сельдь; къ нимъ можно причислить и сома.

Сазанъ, щука, бѣлорыбица, лосось, шемая и минога представляютъ не столь значительный предметъ торговли. Другія же породы мелкой рыбы имѣютъ лишь небольшое значеніе.

Породы рыбъ, ловимыхъ въ Каспійскомъ морѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ, слѣдующія:

Бѣлуга достигаетъ нерѣдко 40 п. вѣса. Въ средней части моря, на мѣстахъ глубокихъ, большею частью ловится бѣлуга огромной величины; такую, впрочемъ, нерѣдко можно встрѣтить въ Уралѣ, Волгѣ и Курѣ. Въ 1813 г. поймана около Саратова 80 пудовая бѣлуга, въ которой было 16 пуд. икры.

Осетръ—средній вѣсъ его 35 фунтовъ. Осетръ чрезвычайно плодовитая рыба. Академикъ Бэръ насчиталъ въ одномъ небольшомъ осетрѣ 260,000 зрѣлыхъ зеренъ икры, а въ другомъ большемъ до 664,000.

Севрюга—составляетъ самый многочисленный видъ осетроваго рода; средній вѣсъ ея 15 фунт., а въ Курѣ достигаетъ одного пуда.

Шипъ—вѣсомъ въ $1^1/_2$ п. попадается довольно часто въ Уралѣ, въ другихъ же рѣкахъ вообще рѣдко водится.

Стерлядь водится преимущественно въ Волгѣ и притокахъ ея, изрѣдка попадается въ Уралѣ. Стерлядь рѣдко достигаетъ роста $3^1/_2$ футъ и вѣса одного пуда; обыкновенный вѣсъ ея отъ $^1/_2$—15 фунтовъ, длина же отъ одного до двухъ футъ.

Сомъ бываетъ длиною отъ 3—6 футъ и вѣсомъ отъ 2—6 пуд.; въ Курѣ нерѣдко попадается сомъ въ 8 пуд. На Божьемъ промыслѣ весною сомы толпятся въ невѣроятномъ множествѣ у плота, гдѣ производится приготовленіе пойманной красной рыбы; здѣсь головы и хвосты этихъ цѣнныхъ рыбъ отрубаются и бросаются въ воду подъ плотъ, на съѣденіе сомамъ.

Судакъ вѣсомъ отъ 3—5 ф.; въ морѣ и въ волжской дельтѣ достигаетъ иногда вѣса отъ 15—20 фунт. Въ Волгѣ и передъ устьями ея судакъ ловится въ значительномъ количествѣ.

Бѣшенка называется также *веселкою* и въ соленомъ видѣ въ торговлѣ—*астраханскою селедкою*. Огромными косяками входитъ она весною въ Волгу и ея притоки; а въ другихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское море, вовсе не встрѣчается. Бываетъ вѣсомъ отъ 1—1½ ф. 1,000 штукъ вѣсятъ отъ 20 до 25 пудъ.

Тарань изрѣдка встрѣчается въ рѣкахъ Каспійскаго бассейна. Подъ этимъ именемъ волжскіе рыбопромышленники разумѣютъ разную малоцѣнную рыбу, какъ напр. сопу, синецъ, плотву и пр.

Весною, обыкновенно въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, рыба изъ моря идетъ въ рѣки для метанія икры. Одна порода слѣдуетъ за другою. Въ Волгѣ сперва показывается вобла, преслѣдуемая бѣлугою, потомъ щука, лещъ и судакъ. Въ среднихъ числахъ апрѣля появляется огромными косяками бѣшенка, за нею идутъ севрюга, сомъ, стерлядь и, наконецъ, осетръ.

Весенній бѣлякъ, т. е. весенній ходъ красной рыбы въ Куру, Сефидъ-рудъ и Терекъ начинается иногда въ послѣднихъ числахъ марта, преимущественно же въ началѣ апрѣля, нѣсколько позже она идетъ въ Уралъ.

Лосось и шемая идутъ въ Куру и Терекъ въ сентябрѣ; бѣлорыбица и минога появляются въ Волгѣ въ декабрѣ и январѣ. Сомъ, лещъ и всѣ почти породы частиковой рыбы мечутъ икру въ ильменяхъ, на мелкихъ, травянистыхъ мѣстахъ; судакъ и лосось отыскиваютъ для этого мѣста съ песчанымъ грунтомъ, красная же рыба мечетъ икру на подводныхъ грядахъ, или вообще тамъ, гдѣ дно рѣчное твердо, каменисто.

Послѣ метанія икры, красная рыба, лосось, бѣлорыбица и бѣшенка возвращаются въ море.

Осенью рыба, преимущественно красная, опять идетъ въ рѣки, собственно на отдыхъ: она ложится тамъ въ глубокія ямы, называемыя ятовями. Это замѣчается преимущественно въ Уралѣ. Въ ятовяхъ, имѣющихъ нерѣдко до 7 саж. глубины, рыба ложится на зиму слоями, одинъ надъ другимъ; обыкновенно одна порода отдѣляется отъ другой; иногда встрѣчаются синецъ и сопа между красною рыбою. Поставленные у ятовей сторожа наблюдаютъ, въ какую изъ нихъ и въ какомъ количествѣ залегла рыба. Они такъ опытны, что приблизительно вѣрно опредѣляютъ, въ какой именно ятовѣ уловъ будетъ обильнѣе. Ятовая рыба выпускаетъ изъ себя слизь, покрывающую слегка всю ея поверхность. Это лежаніе или замираніе рыбы можетъ зависѣть какъ отъ холода, такъ и отъ малаго количества воздуха, слѣдовательно, отъ слабаго дыханія.

Съ точностью опредѣлить количество и цѣнность Каспійскихъ улововъ и рыбныхъ продуктовъ невозможно по неимѣнію точныхъ статистическихъ свѣдѣній; но приблизительно среднее количество ежегод-

ныхъ улововъ составляетъ не менѣе 13 милл. пудъ на сумму около 15 милл. рублей.

Каспійское море можно раздѣлить на 6 рыболовныхъ областей, именно: 1) Закавказскую, 2) Персидскую, 3) Западную, 4) Уральскую, 5) Мангишлакскую, 6) Область, подчиненную дѣйствію Устава Каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ.

1. *Закавказская рыболовная область* простирается вдоль морскаго берега, отъ южной границы бывшей Дербентской губерніи до границы Персидскихъ владѣній по всей р. Курѣ и значительной части р. Аракса. Нынѣ (1874 г.) въ составъ казенныхъ Закавказскихъ промысловъ входятъ участки: Сальянскій, Кизиль-Агачскій, Шемахинскій, Елисаветпольскій, Араксинскій, Аджи-Кабульскій и Кубинскій, а также и морской Бакинскій тюленій. Границею этихъ водъ вглубь моря принимается пятидесятиверстное разстояніе отъ берега. Изъ всѣхъ участковъ самые важные Сальянскій и Кизиль-Агачскій.

Такъ называемый Божій промыселъ, лежащій на р. Курѣ, въ 16-ти верстахъ отъ ея устьевъ, всегда славился, какъ и въ настоящее время, чрезвычайно богатыми уловами.

Съ 1-го іюля 1871 г. по 1-ое іюля 1879 г. Закавказскія воды, въ вышеозначенномъ составѣ, отданы московскому купцу Ананову за 393,000 р. въ годъ.

На Божьемъ промыслѣ во всю рѣку устроена забойка изъ толстыхъ кольевъ и свай, съ отверстіемъ въ 3 саж. ширины для прохода рыбы и судовъ вверхъ по Курѣ. Здѣсь ловятъ красную рыбу крючковою снастью, а шемаю и сома— плавными сѣтями. Передъ устьями Куры и въ морѣ выставляютъ сѣти и крючковую снасть. Съ 1-го іюля по 1-ое августа ловъ воспрещенъ; во все время ворота въ забойкѣ не должны быть ничѣмъ загораживаемы для того именно, чтобы рыба могла безпрепятственно подыматься вверхъ по Курѣ.

Въ случаѣ неисполненія этого, съ арендатора взыскивается штрафъ въ первый разъ 1000 руб., во второй—2000 р., а въ третій разъ заключенный контрактъ уничтожается. Если арендаторъ, безъ разрѣшенія правительства, произвольно устроитъ новую забойку, то весь, употребленный на постройку ея, матеріалъ конфискуется; при повтореніи этого произвола, съ арендатора взыскивается штрафъ въ первый разъ 2000 р., а во второй—4000 руб.

При дозволеніи устройства въ рѣкѣ новой забойки, кромѣ существующей уже, арендаторъ обязанъ одну треть всей ширины рѣки оставить свободною, если выше забойки другіе имѣютъ право лова рыбы,—или одну четверть ширины, если никто этого права не имѣетъ.

Въ рѣкахъ судоходныхъ невода, сѣти и другія рыболовныя орудія не должны занимать болѣе одной четверти ширины ихъ.

Дабы рыба могла свободно подниматься вверхъ по рѣкамъ, запре-

щается выметывать другой неводъ, пока первый, уже закинутый, не будетъ вытащенъ на берегъ.

Необходимое количество соли для приготовленія рыбы арендаторъ получаетъ изъ казенныхъ магазиновъ по цѣнѣ, установленной для частныхъ лицъ. Изъ соляныхъ озеръ, находящихся въ округѣ Бакинскихъ и Сальянскихъ промысловъ, соль отпускаютъ по 12 к. за пудъ, но не болѣе 130,000 пудъ. Если потребуется арендатору большее количество соли, то онъ можетъ купить ее въ Астрахани или въ другомъ мѣстѣ.

Въ настоящее время Закавказскіе промыслы находятся на откупѣ у московскаго купца Ананова. Этотъ откупщикъ устроилъ въ 1873 г. въ Курѣ, у Божьяго промысла, чугунную забойку, стоившую ему 120,000 руб. Устройство этой забойки слѣдующее: во всю ширину Куры устроены, наклонно перекрещивающіеся между собою, чугунные столбы, концы которыхъ входятъ въ дно рѣки на $1^1/_2$ ар. Къ этимъ столбамъ, сверху внизъ, прикрѣплены рельсы, по которымъ на цѣпяхъ спускаются желѣзныя рамы съ проволочной сѣткой, ячеи которой имѣютъ 1 вершокъ въ діаметрѣ. Рамы эти спускаются до дна рѣки, въ которое и упираются, придѣланными къ нимъ внизу, вилками. Для прохода лодокъ сдѣланы вблизи берега ворота, которыя, въ случаѣ надобности, открываются. На забойкѣ устроенъ деревянный мостъ.

Вдоль южнаго берега Каспійскаго моря, отъ рѣчки Астары до рѣки Атрека, простирается *Персидская рыболовная область*, состоящая изъ трехъ участковъ: Гилянскаго, Мазандеранскаго и Астрабадскаго. Главное рыболовство сосредоточено въ Гилянскомъ участкѣ, на р. Сефидъ-рудъ и при устьяхъ ея. Участки эти отдаются на откупъ Персидскимъ правительствомъ. Въ настоящее время (1874 г.) всѣ персидскія воды содержитъ астраханскій купецъ Ліонозовъ за 150,000 р. въ годъ. Здѣсь ежегодно добывается, кромѣ весьма значительнаго количества красной рыбы, кутума, сазана и судака, до 4000 пуд. икры и 50 пуд. клея.

Мусульманамъ по закону запрещается употреблять въ пищу рыбу осетровой породы, поэтому все количество ловимой красной рыбы и добываемыхъ изъ нея продуктовъ отправляется въ Астрахань и Нижній-Новгородъ.

Въ Западной рыболовной области производится исключительно морской ловъ сѣтями и крючковой снастью. Для охраненія этого лова въ открытомъ морѣ принято 50-ти верстное разстояніе отъ берега.

Вся Уральская рыболовная область принадлежитъ Уральскому казачьему войску. Съ давнихъ временъ установлены правила и порядокъ производства лова. Войсковое правленіе назначаетъ время, когда именно ловъ рыбы долженъ начинаться и когда оканчиваться.

Право участвовать въ рыболовствѣ предоставлено всѣмъ чинамъ Уральскаго войска, за исключеніемъ линейныхъ, т. е. состоящихъ на форпостахъ на дѣйствительной службѣ. Число казаковъ, пользующихся этимъ правомъ, простирается до 25,000 человѣкъ. Для надзора за порядкомъ лова рыбы назначаются, по выбору Наказнаго Атамана, чиновники, которые въ это время также называются атаманами.

Въ уральскихъ водахъ ловъ рыбы бываетъ три раза въ годъ: весною, называемый севрюжьимъ, потому что преимущественно ловится севрюга,—въ послѣднихъ двухъ числахъ сентября—плавня и въ декабрѣ мѣсяцѣ багренный и аханный. Съ начала іюня по 15 августа рыболовство строго воспрещается.

Весенній ловъ производится на протяженіи всего Урала, отъ Уральска до моря и въ морѣ передъ устьями Урала. Этотъ ловъ начинается со вскрытіемъ Урала и моря и назначается для красной рыбы. Въ рѣкѣ ловятъ двух-стѣнными плавнями, въ морѣ же—ставными сѣтями. Морской ловъ обыкновенно продолжается до 20 мая.

Осенній ловъ въ Уралѣ плавными сѣтями начинается обыкновенно съ 28 сентября. Осенній морской ловъ начинается съ 15 августа и производится ставными сѣтями. Для рѣчнаго осенняго лова употребляютъ мѣшкообразную плавную сѣть, такъ называемую ярыгу.

Во время весенней и осенней рѣчныхъ плавней опредѣляются такъ называемые рубежи, т. е. пространства, которыя рыболовы должны проходить въ сутки.

Когда всѣ, участвующіе въ этомъ рыболовствѣ, къ назначенному сроку соберутся на первый рубежъ, то наканунѣ дня лова опускаютъ на воду привезенныя на телегахъ бударки. На другой день всѣ рыболовы по данному атаманомъ сигналу, большею частію выстрѣломъ изъ пушки, садятся въ бударки и несутся по теченію Урала. При этомъ они стараются обогнать другъ друга, надѣясь, что впереди прочихъ ловъ изобильнѣе. За казаками—ловцами, плывущими въ бударкахъ, слѣдуютъ по берегу рѣки сухимъ путемъ купцы иногородніе или изъ казаковъ, покупающіе у ловцовъ пойманную рыбу, которую они здѣсь на берегу тотчасъ же солятъ.

Такимъ образомъ ловцы во время весенней плавни переходятъ изъ одного рубежа въ другой, осенью—отъ одной ятови къ другой.

Осеннею плавною занимаются до 8,000 козаковъ на 3,000 бударкахъ.

Для того чтобы рыба безпрепятственно входила въ Уралъ, запрещается передъ устьями его всякій ловъ.

Для производства морскаго лова назначены справа и слѣва отъ этихъ устьевъ грани, такъ называемыя бакенныя линіи, между которыми остается запретное для лова пространство въ 75 верстъ ширины. *Кромѣ этихъ* линій назначается еще третья вдоль западной границы *жихъ морскихъ* водъ.

Эти три линіи составляютъ три участка, въ которыхъ весною и осенью выставляются ставныя сѣти, вдоль этихъ линій.

Каждый казакъ имѣетъ право выставить, смотря по чину, отъ 9 до 48 сѣтей, участковый же атаманъ 80, а помощникъ его 40.

Осенью, по окончаніи плавни, ловятъ въ Уралѣ неводами на небольшомъ пространствѣ, верстъ на 20 выше Гурьева.

Зимою подо льдомъ производится красноловье въ Уралѣ баграми, въ морѣ же аханами т. е. ставными сѣтями. Черная рыба ловится неводами въ Черхальскомъ морцѣ.

Багренье, въ которомъ участвуетъ болѣе 7,000 казаковъ, производится на пространствѣ отъ уральской забойки, до станицы Антоновой. По данному сигналу, всѣ собравшіеся на берегу ловцы бѣгомъ спускаются на ледъ, каждый рыбачущій, прорубая его, опускаетъ въ воду багоръ и подцѣпляетъ имъ рыбу, лежащую въ ятови или поднимающуюся изъ нея. Казаки обыкновенно соединяются въ артели отъ 6 до 15 человѣкъ.

Въ первыхъ числахъ декабря начинается у забойки такъ называемое презентное багренье, продолжающееся всего одинъ день. Пойманную рыбу и добытую икру доставляютъ къ Высочайшему Двору. Такъ называемое малое багренье продолжается 5, большое же 8 дней.

Аханное рыболовство производится въ морѣ на 6 и 7—саженной глубинѣ. Аханщики отправляются въ саняхъ съ декабря или съ января въ море, гдѣ проводятъ около двухъ мѣсяцевъ.

Во время зимняго Черхальскаго лова употребляютъ невода, имѣющіе около отъ 1000 до 1600 маховыхъ саженъ длины. Такіе невода вытягиваются на берегъ лошадьми, припряженными къ воротамъ.

Рыболовство въ Уралѣ составляетъ прямой доходъ казачьяго войска и отдѣльно каждаго его члена. За право рыболовства каждый въ немъ участвующій вноситъ извѣстную сумму въ доходъ Войска. Бѣдный казакъ, не имѣющій средствъ завести свою бударку и сѣти, нанимается въ работники къ богатому.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Данилевскимъ, добывалось въ пятидесятыхъ годахъ изъ уральскихъ водъ до 140,000 пудовъ красной рыбы, до 900,000 пудовъ черной, около 14,500 пудовъ икры и до 300 пудовъ клея.

Средняя цѣнность улова за трехлѣтіе отъ 1851 по 1853 составляла около 1.500,000 рублей, въ 1852 году доходила до 1.200,000.

Мангишлакская рыболовная область лежитъ у Тюкъ-Караганскаго мыса, на 25 верстъ къ сѣверу и на столько же къ западу, считая отъ Этомыса, всего на пространствѣ 625 квадратныхъ верстъ. Здѣсь морской ловъ предоставляется однимъ лишь поселенцамъ Мангишлакскаго полуострова, которые исключительно занимаются красноловьемъ и боемъ тюленя на плавучихъ льдинахъ. На мѣстность эту сила *Устава о Каспійскомъ* рыболовствѣ не распространяется.

Обширная *рыболовная область, подчиненная дѣйствію Устава* Высочайше утвержденнаго 25 мая 1865 г., занимаетъ пространство приблизительно до 275,000 кв верстъ и заключаетъ морскія и рѣчныя рыболовныя воды.

Воды эти состоятъ въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, и для мѣстнаго завѣдыванія ими находится въ Астрахани Правленіе Рыбныхъ и Тюленьихъ Промысловъ, съ особою для надзора за рыболовствомъ и тюленьимъ промысломъ полиціею.

В. Рѣчныя рыболовныя воды.

Послѣдствія реформы по рыболовству. Заподрядъ ловцовъ и цѣны за трудъ. Пріемъ рыбы па промыслахъ. Способы приготовленія рыбы и ея продуктовъ: a) приготовленіе икры, b) клея, c) вязиги, d) балыка.

Рѣчныя рыболовныя воды, подчиненныя дѣйствію Устава, составляютъ: сѣверные рукава Терека и все низовье р. Волги, начиная отъ г. Камышина до моря.

Рѣка Волга со всѣми истоками, заливами и ильменями, отъ Камышина до моря, занимаетъ пространство въ 15,900 кв. вер. и принадлежитъ мѣстами казнѣ, частнымъ лицамъ, городскимъ и сельскимъ обществамъ и казачьимъ станицамъ. На этомъ пространствѣ всего 170 рѣчныхъ участковъ.

Всѣ казенные участки отдаются на откупъ съ торговъ, а большая часть прочихъ находится въ арендномъ содержаніи на разные сроки. Арендная сумма за всѣ рѣчныя воды къ 1 января простиралась до 427,615 р., а именно съ казенныхъ участковъ 252,405 р., общественныхъ и частныхъ владѣльцевъ 124,795 р. и съ казачьихъ 50,416 р. въ годъ. Городскія Астраханскія воды въ настоящее время отдаются также въ откупное содержаніе за 1,863 р. въ годъ, а воды, принадлежащія Приказу Общественнаго Призрѣнія, арендуются за 6155 рублей.

Казачьи воды находятся въ пользованіи Астраханскаго казачьяго войска. Зимнее рыболовство въ этихъ водахъ предоставляется собственно казакамъ станицъ, именно съ 15 ноября по 1-ое марта слѣдующаго года. На остальное же время года, съ 1 марта по 15 ноября, воды сдаются въ арендное содержаніе на нѣсколько лѣтъ.

На всемъ пространствѣ рѣчныхъ водъ, отъ Камышина до моря находится: ватагъ 175, неводныхъ тоней постоянныхъ 345, временныхъ 108, ловецкихъ становъ 195.

На расходы по общественному надзору за рыболовствомъ взимается особый сборъ; одна половина онаго поступаетъ съ морскихъ ловцовъ, *овременно съ билетнымъ* сборомъ, а другая съ владѣльцевъ и арен*ровъ рѣчныхъ* рыбныхъ ловель въ Волгѣ и ея истокахъ, отъ Ка-

мышина до устьевъ, и въ сѣверныхъ рукавахъ Терека. Размѣръ и раскладка этого сбора установляются Комитетомъ Рыбьихъ и Тюленьихъ Промысловъ.

Для лова рыбы въ рѣчныхъ водахъ употребляются, существующія нынѣ, рыболовныя орудія: невода, волокуши, плавныя сѣти, вентеря, ставныя сѣти и крючковая самоловная снасть, а зимою, кромѣ означенныхъ орудій, употребляются еще сидебки.

Для ловли этими орудіями постановлены слѣдующія ограниченія.

1) На каждой тонѣ дозволяется имѣть не болѣе двухъ неводовъ, которые могутъ быть произвольныхъ размѣровъ.

2) При каждомъ неводѣ допускается только одинъ комплектъ рабочихъ, полагая по одному человѣку на каждыя 20 саженъ длины невода, если онъ не ниже 8 саженъ, полагается по одному человѣку на каждыя 15 саженъ длины невода.

3) Запрещается устраивать тони въ разстояніи менѣе двухъ верстъ одна отъ другой, считая разстояніе это вдоль берега.

4) Въ мелкихъ мѣстахъ рѣки, гдѣ она заставлена съ обоихъ береговъ, на $^1/_3$ ширины ея, ставными орудіями, неводная тяга воспрещается.

5) Выставка ставныхъ орудій дозволяется не иначе, какъ на одну треть ширины рѣки отъ каждаго берега, такъ чтобы средина рѣки всегда оставалась свободною для прохода рыбы.

6) Запрещается устраивать забойки, перегородки и вообще всякія орудія лова, совершенно преграждающія ходъ рыбы вверхъ по рѣкамъ.

7) Съ 15 мая по 15 іюля запрещается всякое рыболовство въ р. Волгѣ и ея рукавахъ, отъ устьевъ до Камышина. Исключенія однако допущены слѣдующія: а) съ 15 іюня дозволенъ ловъ рыбы въ Волгѣ отъ г. Чернаго-Яра до моря, собственно для мѣстнаго продовольствія, только плавными сѣтями, имѣющими длины не болѣе 90 саженъ и ширины не болѣе одной сажени. б) Разрѣшенъ ловъ бѣшенки (сельди) на посолъ съ 15 мая по 10 іюня въ Волгѣ между гг. Енотаевскимъ и Камышинымъ, но съ тѣмъ, чтобы ловъ производился тѣми орудіями, которыя полагаются для лова бѣшенки, и в) во всякое время года и вездѣ дозволяется ловъ рыбы, для мѣстнаго продовольствія, ручными удочками и бреднями, длина которыхъ не превышаетъ 50 саженъ.

8) Запрещается всякое рыболовство отъ Камышина до моря съ 15 апрѣля по 15-е мая: въ рѣчныхъ заливахъ, озерахъ, ильменяхъ, полояхъ и въ соединяющихъ ихъ съ Волгою и рукавами ея постоянныхъ или временныхъ протокахъ и ерикахъ.

9) Жиротопленіе изъ бѣшенки ограничивается временемъ: отъ 15 апрѣля по 5 мая для мѣстъ ниже Астрахани лежащихъ, и отъ 20 апрѣля по 10 мая для мѣстъ выше Астрахани до Камышина. За нарушеніе постановленій о рѣчномъ рыболовствѣ опредѣлены слѣдующія взысканія:

1. За употребленіе на одной тонѣ болѣе двухъ неводовъ; a) за имѣніе при неводѣ болѣе одного комплекта рабочихъ и b) за устройство тоней ближе 2-хъ верстъ одна отъ другой — виновный подвергается взысканію по 100 руб. за каждое нарушеніе.

2. За употребленіе распорныхъ неводовъ штрафъ 100 руб. и сверхъ того самые невода конфискуются.

3. За занятіе ставными орудіями болѣе дозволенной $^1/_3$ ширины водовмѣстилища—взыскивается по 3 руб. за каждый выходящій порядокъ, а за занятіе водовмѣстилища до половины или болѣе—по 25 руб. за каждый порядокъ.

4. За устройство въ рѣкахъ забоекъ, совершенно нерегражданющихъ ходъ рыбы, виновный подвергается взысканію 100 руб. съ каждой сажени длины забойки; сверхъ того все устройство уничтожается на счетъ виновнаго, а матеріалъ конфискуется.

5. За ловъ въ запрещенное время, какъ въ рѣкахъ и протокахъ, такъ и въ стоячей водѣ, какими бы то ни было орудіями, виновный подвергается двойному взысканію противъ постановленнаго за противузаконное употребленіе тѣхъ орудій въ дозволенное время, и вся наловленная рыба конфискуется. При этомъ плавныя сѣти считаются за неводъ.

6. За топленіе жира изъ бѣшенки въ недозволенное время налагается штрафъ по 25 рублей за каждый день, какъ предшествующіе дозволенію жиротопленія, такъ и слѣдующіе за окончаніемъ срока, когда открыто нарушеніе; при этомъ не принимается во вниманіе, прекращалось или производилось жиротопленіе въ промежуточные дни.

7. За оставленіе незарытыми въ землю остатковъ отъ жиротопленія послѣ срока, виновный подвергается взысканію 25 рублей, а за выбрасываніе этихъ остатковъ въ воду, когда бы то ни было—100 р.

8. За топленіе жира изъ цѣлыхъ рыбъ, кромѣ бѣшенки, взыскивается 100 рублей и всѣ, употребляемыя при этомъ, орудія конфискуются.

9. За употребленіе вновь придуманнаго способа лова безъ разрѣшенія Комитета Рыбныхъ и Тюленьихъ Промысловъ, виновный подвергается взысканію 25 рублей.

Введеніе въ морѣ вольнаго и бакеннаго лова, раздѣленіе казенныхъ рѣчныхъ водъ на мелкіе участки и вообще постановленія, относящіяся до рыболовства, оказали благотворное вліяніе какъ на развитіе самой рыбопромышленности, такъ и на положеніе ловцовъ. Отдаваемыя прежде въ арендное содержаніе, морскія прибрежныя казенныя воды, на всемъ пространствѣ отъ водъ графа Кушелева-Безбородко до водъ Терскихъ казаковъ, вмѣстѣ съ ними и рѣчныя казенныя воды, а также морскія воды, находящіяся въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, прилегающія къ *ихъ землямъ, доставляли* выгоды однимъ лишь капиталистамъ-арендорамъ, *которые* подряжали ловцовъ по крайне дешевымъ цѣнамъ, и

простой классъ народа, имѣя по мѣстнымъ условіямъ края, почти единственный способъ заработковъ — рыболовство, былъ вынужденъ соглашаться на предлагаемыя условія, чтобы имѣть средства къ существованію.

Открытое море и Эмбенскія воды, составляющія нынѣ вольный промыселъ, хотя и составляли воды, свободныя отъ откупной системы, но такимъ рыболовствомъ не многіе изъ ловцовъ могли воспользоваться, такъ какъ снаряженіе большой морской лодки, со всѣми принадлежностями для лова, наймомъ рабочихъ и обезпеченіемъ для нихъ продовольствія, требовало значительныхъ затратъ, невозможныхъ при тогдашнихъ средствахъ ловцовъ.

Существующій же нынѣ вольный и баканный ловъ далъ полную возможность рыболовствовать всѣмъ и не только заподряжаться на выгодныхъ условіяхъ, но и начать свой собственный промыселъ. Такимъ образомъ выдвинулись для оборотовъ капиталы лицъ, прежде мало извѣстныхъ, и вмѣсто бывшихъ пяти или шести промысловыхъ конторъ, образовались сотни отдѣльныхъ хозяйствъ; развилась конкуренція, цѣны на заподрядъ ловцовъ увеличились болѣе чѣмъ вдвое и съ каждымъ годомъ возрастаютъ; монополія утратила свое значеніе и, чтобы не лишиться рабочихъ рукъ, арендаторы вынуждены, подчиняясь развитію промышленности, подряжать ловцовъ по тѣмъ цѣнамъ, которыя существуютъ, не устанавливая своихъ, что прежде было возможно при малочисленности промысловыхъ конторъ. Условія при сдачѣ рыбы измѣнились также съ выгодою для ловцовъ.

Подряжающіеся ловцы бываютъ двухъ родовъ: одни получаютъ условленную плату за каждый сортъ рыбы и притомъ различную по времени года, а другіе получаютъ опредѣленное жалованье за цѣлый годъ или за извѣстное время года, осеннюю или весеннюю путину; первые производятъ рыболовство своими лодками и рыболовными орудіями и на своемъ содержаніи, а вторые все имѣютъ отъ нанявшаго ихъ хозяина. Ловцы состоятъ преимущественно изъ мѣстныхъ жителей разныхъ селъ и деревень, расположенныхъ по берегамъ рѣки Волги и рукавамъ ея, а также изъ приморскихъ селеній, гдѣ живутъ не одни только крестьяне Астраханской губерніи, но и разныя сословія другихъ губерній, имѣющія здѣсь уже свою осѣдлость; заподряжаются на ловъ и мѣщане преимущественно изъ города Астрахани и Краснаго-Яра.

Подряжающіеся ловцы получаютъ билеты изъ Правленія Рыбныхъ Промысловъ и плату за нихъ вносятъ сами или ихъ наниматели, смотря по уговору, ловцы же, нанимающіеся за общую годовую, или полугодовую плату, всегда имѣютъ билетъ своего хозяина.

Всѣ ловцы при наймѣ ихъ получаютъ впередъ большіе задатки, или такъ называемую справу, которую должны заловить; обязательство это относится и къ тѣмъ ловцамъ, которые подряжаются за плату со

штуки. Морскіе ловцы получаютъ справу въ гораздо большемъ размѣрѣ противъ рѣчныхъ.

Для рѣчнаго лова неводами ловцы подряжаются у арендаторовъ или владѣльцевъ водъ на годъ или на путину. Весенняя путина считается съ 15 марта по 15 мая, осенняя же—съ 1 сентября по 6 декабря; годовой срокъ съ іюля по іюль слѣдующаго года. Плата полагается слѣдующая: годовая неводчику отъ 150 руб. до 200 рублей, пятчику отъ 120 до 150 рублей, рабочему отъ 80 до 100 рублей; путинная осенняя и весенняя—неводчику отъ 35 до 45 рублей; пятчику отъ 30 до 40 рублей; рабочему отъ 25 до 30 рублей, женщинѣ же работницѣ платится весною отъ 18 до 22 рублей, а осенью отъ восемнадцати до двадцати четырехъ рублей. Продовольствіе, рыболовныя орудія и всѣ прочія принадлежности, такіе рабочіе получаютъ отъ хозяина; кромѣ того неводчикамъ выдаются на время лова кожанныя: бахилы, полубахилы, рукавицы, поршни и кожаны. Продовольствіе рабочаго, состоящее изъ хлѣба, пшена, калмыцкаго чая, не считая рыбы, которой онъ употребляетъ сколько нужно, стоитъ въ мѣсяцъ отъ трехъ рублей пятидесяти копѣекъ до четырехъ рублей пятидесяти копѣекъ. Независимо опредѣленной платы, выдаются еще такъ называемыя порыбныя деньги, то есть условленное вознагражденіе съ извѣстнаго количества частиковой рыбы и со штуки красной, смотря по сортамъ рыбы.

Служащіе на промысловыхъ заведеніяхъ бываютъ постоянные и нанимаются погодно, плата имъ различная, смотря по величинѣ промысла и значенію его въ рыболовномъ отношеніи, а именно: промысловый смотритель завѣдываетъ нѣсколькими промыслами и получаетъ жалованья отъ шести сотъ до тысячи двѣсти рублей и болѣе; надзиратель промысла — отъ двух-сотъ пятидесяти до пяти сотъ рублей; матеріальный надзиратель—отъ двух-сотъ до трех-сотъ пятидесяти рублей; разъѣздной—отъ ста до полутораста рублей; помощникъ надзирателя промысла или матеріальнаго—отъ ста двадцати до двух-сотъ рублей; солельщикъ—отъ полутораста до двух-сотъ рублей; икряникъ—отъ двух-сотъ до пяти сотъ рублей; клеевщикъ—отъ полутораста до двух-сотъ рублей и жиротопъ—отъ 100 до 150 рублей. Кромѣ этой платы всѣ означенныя лица получаютъ отъ хозяина опредѣленное договорами содержаніе и живутъ въ особыхъ для нихъ помѣщеніяхъ, пользуясь хозяйскимъ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

Владѣльцы и арендаторы нерѣдко отдаютъ небольшіе участки своихъ водъ въ оброчное содержаніе другимъ лицамъ или за опредѣленную плату, или получаютъ отъ 30 до 40% съ рубля вырученной суммы, а иногда съ половины пойманной рыбы и при этомъ всѣ расходы по найму рабочихъ и пріобрѣтенію рыболовныхъ орудій бываютъ на счетъ съемщика. Уловленная рыба приготовляется на промыслахъ владѣльца или арендатора, на счетъ съемщика или на станьяхъ его, подъ надзоромъ со стороны отдавателя; и, по изготовленіи, продается

или отдѣльно, или въ общей партіи со всѣмъ уловомъ, и тогда дѣлается расчетъ.

Пойманная подрядными ловцами рыба привозится или на хозяйскіе промыслы и принимается тамъ мѣрою, т. е. опредѣленною величиною, отъ половины глаза до краснаго пера. Сообразно съ этой мѣрой, ловцы, подряженные по-рыбно, получаютъ плату.

Частиковая же рыба принимается обыкновенно счетомъ. За икру изъ частиковой рыбы ловцы не получаютъ никакой платы, и въ прежнее время икра эта не собиралась; но въ послѣднее время икра эта составляетъ немаловажную отрасль промышленности. При рѣзкѣ рыбы, икра эта вынимается ястыками и въ такомъ видѣ солится.

Промысловымъ заведеніемъ или ватагою называются всѣ зданія и постройки, необходимыя для производства рыбнаго промысла и для жилья служащихъ и рабочихъ. Ватаги, построенныя на морскихъ берегахъ или недалеко отъ моря, называются морскими, а въ рѣчныхъ водахъ—рѣчными; послѣднія строятся преимущественно среди участковъ, по близости главныхъ тоней и въ мѣстахъ, удобныхъ для привоза туда во всякое время года наловленной рыбы.

На ватагахъ существуютъ: жилыя помѣщенія для надзирателя, рабочихъ и прочихъ служащихъ, а иногда для самого владѣльца или арендатора водъ; холодныя, какъ то: амбары и лабазы для храненія рыболовныхъ принадлежностей, рыбнаго товара, разныхъ матеріаловъ, продовольственныхъ припасовъ и для склада соли, и наконецъ, особыя постройки, плоты и выходы, гдѣ принимаютъ и солятъ рыбу, приготовляютъ икру, клей и вязигу; затѣмъ есть еще постройки для жиротопленія; эти послѣднія не всегда находятся при самыхъ промыслахъ; но большею частію на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ловится преимущественно бѣшенка.

Плотъ, па которомъ принимается и раздѣлывается пойманная рыба, устраивается при берегѣ на сваяхъ, вбитыхъ въ дно рѣки; на нѣсколько футъ выше поверхности воды находится деревянный полъ; такіе плоты огорожены со всѣхъ сторонъ, подъ крышею, и имѣютъ по двое или по четверо широкихъ воротъ, изъ которыхъ половина обращена къ рѣкѣ, для пріема чрезъ нихъ рыбы, а другая часть—къ берегу, для вывоза распластанной и раздѣланной рыбы. Къ плоту пристаютъ ловецкія лодки; для входа же ловцовъ на плотъ устраивается отъ него къ водѣ такъ называемый волокъ, то есть досчатый скатъ со ступенями по бокамъ; по этому волоку втаскиваютъ изъ лодокъ красную рыбу и сома на плотъ, гдѣ ее раскладываютъ и пластаютъ; частиковая же рыба изъ лодокъ выкидывается на плотъ просто баграми. Промысловый прикащикъ повѣряетъ количество привезенной рыбы и ведетъ ей отдѣльный счетъ по сортамъ.

Выпотрашенная, раздѣланная и вычищенная рыба, назначенная къ посолу, отвозится или въ выхода или лабазы.

ныхъ улововъ составляетъ не менѣе 13 милл. пудъ на сумму около 15 милл. рублей.

Каспійское море можно раздѣлить на 6 рыболовныхъ областей, именно: 1) Закавказскую, 2) Персидскую, 3) Западную, 4) Уральскую, 5) Мангишлакскую, 6) Область, подчиненную дѣйствію Устава Каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ.

1. *Закавказская рыболовная область* простирается вдоль морскаго берега, отъ южной границы бывшей Дербентской губерніи до границы Персидскихъ владѣній по всей р. Курѣ и значительной части р. Аракса. Нынѣ (1874 г.) въ составъ казенныхъ Закавказскихъ промысловъ входятъ участки: Сальянскій, Кизиль-Агачскій, Шемахинскій, Елисаветпольскій, Араксинскій, Аджи-Кабульскій и Кубинскій, а также и морской Бакинскій тюленій. Границею этихъ водъ вглубь моря принимается пятидесятиверстное разстояніе отъ берега. Изъ всѣхъ участковъ самые важные Сальянскій и Кизиль-Агачскій.

Такъ называемый Божій промыселъ, лежащій на р. Курѣ, въ 16-ти верстахъ отъ ея устьевъ, всегда славился, какъ и въ настоящее время, чрезвычайно богатыми уловами.

Съ 1-го іюля 1871 г. по 1-ое іюля 1879 г. Закавказскія воды, въ вышеозначенномъ составѣ, отданы московскому купцу Ананову за 393,000 р. въ годъ.

На Божьемъ промыслѣ во всю рѣку устроена забойка изъ толстыхъ кольевъ и свай, съ отверстіемъ въ 3 саж. ширины для прохода рыбы и судовъ вверхъ по Курѣ. Здѣсь ловятъ красную рыбу крючковою снастью, а шемаю и сома— плавными сѣтями. Передъ устьями Куры и въ морѣ выставляютъ сѣти и крючковую снасть. Съ 1-го іюля по 1-ое августа ловъ воспрещенъ; во все время ворота въ забойкѣ не должны быть ничѣмъ загораживаемы для того именно, чтобы рыба могла безпрепятственно подыматься вверхъ по Курѣ.

Въ случаѣ неисполненія этого, съ арендатора взыскивается штрафъ въ первый разъ 1000 руб., во второй—2000 р., а въ третій разъ заключенный контрактъ уничтожается. Если арендаторъ, безъ разрѣшенія правительства, произвольно устроитъ новую забойку, то весь, употребленный на постройку ея, матеріалъ конфискуется; при повтореніи этого произвола, съ арендатора взыскивается штрафъ въ первый разъ 2000 р., а во второй—4000 руб.

При дозволеніи устройства въ рѣкѣ новой забойки, кромѣ существующей уже, арендаторъ обязанъ одну треть всей ширины рѣки оставить свободною, если выше забойки другіе имѣютъ право лова рыбы,—или одну четверть ширины, если никто этого права не имѣетъ.

Въ рѣкахъ судоходныхъ невода, сѣти и другія рыболовныя орудія не должны занимать болѣе одной четверти ширины ихъ.

Дабы рыба могла свободно подниматься вверхъ по рѣкамъ, запре-

щается выметывать другой неводъ, пока первый, уже закинутый, не будетъ вытащенъ на берегъ.

Необходимое количество соли для приготовленія рыбы арендаторъ получаетъ изъ казенныхъ магазиновъ по цѣнѣ, установленной для частныхъ лицъ. Изъ соляныхъ озеръ, находящихся въ округѣ Бакинскихъ и Сальянскихъ промысловъ, соль отпускаютъ по 12 к. за пудъ, но не болѣе 130,000 пудъ. Если потребуется арендатору большее количество соли, то онъ можетъ купить ее въ Астрахани или въ другомъ мѣстѣ.

Въ настоящее время Закавказскіе промыслы находятся на откупѣ у московскаго купца Ананова. Этотъ откупщикъ устроилъ въ 1873 г. въ Курѣ, у Божьяго промысла, чугунную забойку, стоившую ему 120,000 руб. Устройство этой забойки слѣдующее: во всю ширину Куры устроены, наклонно перекрещивающіеся между собою, чугунные столбы, концы которыхъ входятъ въ дно рѣки на $1^1/_2$ ар. Къ этимъ столбамъ, сверху внизъ, прикрѣплены рельсы, по которымъ на цѣпяхъ спускаются желѣзныя рамы съ проволочной сѣткой, ячеи которой имѣютъ 1 вершокъ въ діаметрѣ. Рамы эти спускаются до дна рѣки, въ которое и упираются, придѣланными къ нимъ внизу, вилками. Для прохода лодокъ сдѣланы вблизи берега ворота, которыя, въ случаѣ надобности, открываются. На забойкѣ устроенъ деревянный мостъ.

Вдоль южнаго берега Каспійскаго моря, отъ рѣчки Астары до рѣки Атрека, простирается *Персидская рыболовная область*, состоящая изъ трехъ участковъ: Гилянскаго, Мазандеранскаго и Астрабадскаго. Главное рыболовство сосредоточено въ Гилянскомъ участкѣ, на р. Сефидъ-рудъ и при устьяхъ ея. Участки эти отдаются на откупъ Персидскимъ правительствомъ. Въ настоящее время (1874 г.) всѣ персидскія воды содержитъ астраханскій купецъ Ліонозовъ за 150,000 р. въ годъ. Здѣсь ежегодно добывается, кромѣ весьма значительнаго количества красной рыбы, кутума, сазана и судака, до 4000 пуд. икры и 50 пуд. клея.

Мусульманамъ по закону запрещается употреблять въ пищу рыбу осетровой породы, поэтому все количество ловимой красной рыбы и добываемыхъ изъ нея продуктовъ отправляется въ Астрахань и Нижній-Новгородъ.

Въ Западной рыболовной области производится исключительно морской ловъ сѣтями и крючковой снастью. Для охраненія этого лова въ открытомъ морѣ принято 50-ти верстное разстояніе отъ берега.

Вся Уральская рыболовная область принадлежитъ Уральскому казачьему войску. Съ давнихъ временъ установлены правила и порядокъ производства лова. Войсковое правленіе назначаетъ время, когда именно ловъ рыбы долженъ начинаться и когда оканчиваться.

Право участвовать въ рыболовствѣ предоставлено всѣмъ чинамъ Уральскаго войска, за исключеніемъ линейныхъ, т. е. состоящихъ на форпостахъ на дѣйствительной службѣ. Число казаковъ, пользующихся этимъ правомъ, простирается до 25,000 человѣкъ. Для надзора за порядкомъ лова рыбы назначаются, по выбору Наказнаго Атамана, чиновники, которые въ это время также называются атаманами.

Въ уральскихъ водахъ ловъ рыбы бываетъ три раза въ годъ: весною, называемый севрюжьимъ, потому что преимущественно ловится севрюга,—въ послѣднихъ двухъ числахъ сентября—плавня и въ декабрѣ мѣсяцѣ багренный и аханный. Съ начала іюня по 15 августа рыболовство строго воспрещается.

Весенній ловъ производится на протяженіи всего Урала, отъ Уральска до моря и въ морѣ передъ устьями Урала. Этотъ ловъ начинается со вскрытіемъ Урала и моря и назначается для красной рыбы. Въ рѣкѣ ловятъ двух-стѣнными плавнями, въ морѣ же—ставными сѣтями. Морской ловъ обыкновенно продолжается до 20 мая.

Осенній ловъ въ Уралѣ плавными сѣтями начинается обыкновенно съ 28 сентября. Осенній морской ловъ начинается съ 15 августа и производится ставными сѣтями. Для рѣчнаго осенняго лова употребляютъ мѣшкообразную плавную сѣть, такъ называемую ярыгу.

Во время весенней и осенней рѣчныхъ плавней опредѣляются такъ называемые рубежи, т. е. пространства, которыя рыболовы должны проходить въ сутки.

Когда всѣ, участвующіе въ этомъ рыболовствѣ, къ назначенному сроку соберутся на первый рубежъ, то наканунѣ дня лова опускаютъ на воду привезенныя на телегахъ бударки. На другой день всѣ рыболовы по данному атаманомъ сигналу, большею частію выстрѣломъ изъ пушки, садятся въ бударки и несутся по теченію Урала. При этомъ они стараются обогнать другъ друга, надѣясь, что впереди прочихъ ловъ изобильнѣе. За казаками—ловцами, плывущими въ бударкахъ, слѣдуютъ по берегу рѣки сухимъ путемъ купцы иногородніе или изъ казаковъ, покупающіе у ловцовъ пойманную рыбу, которую они здѣсь на берегу тотчасъ же солятъ.

Такимъ образомъ ловцы во время весенней плавни переходятъ изъ одного рубежа въ другой, осенью—отъ одной ятови къ другой.

Осеннею плавною занимаются до 8,000 козаковъ на 3,000 бударкахъ.

Для того чтобы рыба безпрепятственно входила въ Уралъ, запрещается передъ устьями его всякій ловъ.

Для производства морскаго лова назначены справа и слѣва отъ этихъ устьевъ грани, такъ называемыя бакенныя линіи, между которыми остается запретное для лова пространство въ 75 верстъ ширины. *Кромѣ этихъ* линій назначается еще третья вдоль западной границы *уральскихъ морскихъ* водъ.

Эти три линіи составляютъ три участка, въ которыхъ весною и осенью выставляются ставныя сѣти, вдоль этихъ линій.

Каждый казакъ имѣетъ право выставить, смотря по чину, отъ 9 до 48 сѣтей, участковый же атаманъ 80, а помощникъ его 40.

Осенью, по окончаніи плавни, ловятъ въ Уралѣ неводами на небольшомъ пространствѣ, верстъ на 20 выше Гурьева.

Зимою подо льдомъ производится красноловье въ Уралѣ баграми, въ морѣ же аханами т. е. ставными сѣтями. Черная рыба ловится неводами въ Черхальскомъ морцѣ.

Багренье, въ которомъ участвуетъ болѣе 7,000 казаковъ, производится на пространствѣ отъ уральской забойки, до станицы Антоновой. По данному сигналу, всѣ собравшіеся на берегу ловцы бѣгомъ спускаются на ледъ, каждый рыбачущій, прорубая его, опускаетъ въ воду багоръ и подцѣпляетъ имъ рыбу, лежащую въ ятови или поднимающуюся изъ нея. Казаки обыкновенно соединяются въ артели отъ 6 до 15 человѣкъ.

Въ первыхъ числахъ декабря начинается у забойки такъ называемое презентное багренье, продолжающееся всего одинъ день. Пойманную рыбу и добытую икру доставляютъ къ Высочайшему Двору. Такъ называемое малое багренье продолжается 5, большое же 8 дней.

Аханное рыболовство производится въ морѣ на 6 и 7—саженной глубинѣ. Аханщики отправляются въ саняхъ съ декабря или съ января въ море, гдѣ проводятъ около двухъ мѣсяцевъ.

Во время зимняго Черхальскаго лова употребляютъ невода, имѣющіе около отъ 1000 до 1600 маховыхъ саженъ длины. Такіе невода вытягиваются на берегъ лошадьми, припряженными къ воротамъ.

Рыболовство въ Уралѣ составляетъ прямой доходъ казачьяго войска и отдѣльно каждаго его члена. За право рыболовства каждый въ немъ участвующій вноситъ извѣстную сумму въ доходъ Войска. Бѣдный казакъ, не имѣющій средствъ завести свою бударку и сѣти, нанимается въ работники къ богатому.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Данилевскимъ, добывалось въ пятидесятыхъ годахъ изъ уральскихъ водъ до 140,000 пудовъ красной рыбы, до 900,000 пудовъ черной, около 14,500 пудовъ икры и до 300 пудовъ клея.

Средняя цѣнность улова за трехлѣтіе отъ 1851 по 1853 составляла около 1.500,000 рублей, въ 1852 году доходила до 1.200,000.

Мангишлакская рыболовная область лежитъ у Тюкъ-Караганскаго мыса, на 25 верстъ къ сѣверу и на столько же къ западу, считая отъ Этомыса, всего на пространствѣ 625 квадратныхъ верстъ. Здѣсь морской ловъ предоставляется однимъ лишь поселенцамъ Мангишлакскаго полуострова, которые исключительно занимаются красноловьемъ и боемъ тюленя на плавучихъ льдинахъ. На мѣстность эту сила *Устава о Каспійскомъ* рыболовствѣ не распространяется.

Обширная *рыболовная область, подчиненная дѣйствію Устава* Высочайше утвержденнаго 25 мая 1865 г., занимаетъ пространство приблизительно до 275,000 кв верстъ и заключаетъ морскія и рѣчныя рыболовныя воды.

Воды эти состоятъ въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, и для мѣстнаго завѣдыванія ими находится въ Астрахани Правленіе Рыбныхъ и Тюленьихъ Промысловъ, съ особою для надзора за рыболовствомъ и тюленьимъ промысломъ полиціею.

В. Рѣчныя рыболовныя воды.

Послѣдствія реформы по рыболовству. Заподрядъ ловцовъ и цѣны за трудъ. Пріемъ рыбы на промыслахъ. Способы приготовленія рыбы и ея продуктовъ: a) приготовленіе икры, b) клея, c) вязиги, d) балыка.

Рѣчныя рыболовныя воды, подчиненныя дѣйствію Устава, составляютъ: сѣверные рукава Терека и все низовье р. Волги, начиная отъ г. Камышина до моря.

Рѣка Волга со всѣми истоками, заливами и ильменями, отъ Камышина до моря, занимаетъ пространство въ 15,900 кв. вер. и принадлежитъ мѣстами казнѣ, частнымъ лицамъ, городскимъ и сельскимъ обществамъ и казачьимъ станицамъ. На этомъ пространствѣ всего 170 рѣчныхъ участковъ.

Всѣ казенные участки отдаются на откупъ съ торговъ, а большая часть прочихъ находится въ арендномъ содержаніи на разные сроки. Арендная сумма за всѣ рѣчныя воды къ 1 января простиралась до 427,615 р., а именно съ казенныхъ участковъ 252,405 р., общественныхъ и частныхъ владѣльцевъ 124,795 р. и съ казачьихъ 50,416 р. въ годъ. Городскія Астраханскія воды въ настоящее время отдаются также въ откупное содержаніе за 1,863 р. въ годъ, а воды, принадлежащія Приказу Общественнаго Призрѣнія, арендуются за 6155 рублей.

Казачьи воды находятся въ пользованіи Астраханскаго казачьяго войска. Зимнее рыболовство въ этихъ водахъ предоставляется собственно казакамъ станицъ, именно съ 15 ноября по 1-ое марта слѣдующаго года. На остальное же время года, съ 1 марта по 15 ноября, воды сдаются въ арендное содержаніе на нѣсколько лѣтъ.

На всемъ пространствѣ рѣчныхъ водъ, отъ Камышина до моря находится: ватагъ 175, неводныхъ тоней постоянныхъ 345, временныхъ 108, ловецкихъ становъ 195.

На расходы по общественному надзору за рыболовствомъ взимается *особый сборъ*; одна половина онаго поступаетъ съ морскихъ ловцовъ, *одновременно съ билетнымъ* сборомъ, а другая съ владѣльцевъ и арен*даторовъ рѣчныхъ* рыбныхъ ловель въ Волгѣ и ея истокахъ, отъ Ка-

мышина до устьевъ, и въ сѣверныхъ рукавахъ Терека. Размѣръ и раскладка этого сбора установляются Комитетомъ Рыбьихъ и Тюленьихъ Промысловъ.

Для лова рыбы въ рѣчныхъ водахъ употребляются, существующія нынѣ, рыболовныя орудія: невода, волокуши, плавныя сѣти, вентеря, ставныя сѣти и крючковая самоловная снасть, а зимою, кромѣ означенныхъ орудій, употребляются еще сидебки.

Для ловли этими орудіями постановлены слѣдующія ограниченія.

1) На каждой тонѣ дозволяется имѣть не болѣе двухъ неводовъ, которые могутъ быть произвольныхъ размѣровъ.

2) При каждомъ неводѣ допускается только одинъ комплектъ рабочихъ, полагая по одному человѣку на каждыя 20 саженъ длины невода, если онъ не ниже 8 саженъ, полагается по одному человѣку на каждыя 15 саженъ длины невода.

3) Запрещается устраивать тони въ разстояніи менѣе двухъ верстъ одна отъ другой, считая разстояніе это вдоль берега.

4) Въ мелкихъ мѣстахъ рѣки, гдѣ она заставлена съ обоихъ береговъ, на $^1/_3$ ширины ея, ставными орудіями, неводная тяга воспрещается.

5) Выставка ставныхъ орудій дозволяется не иначе, какъ на одну треть ширины рѣки отъ каждаго берега, такъ чтобы средина рѣки всегда оставалась свободною для прохода рыбы.

6) Запрещается устраивать забойки, перегородки и вообще всякія орудія лова, совершенно преграждающія ходъ рыбы вверхъ по рѣкамъ.

7) Съ 15 мая по 15 іюля запрещается всякое рыболовство въ р. Волгѣ и ея рукавахъ, отъ устьевъ до Камышина. Исключенія однако допущены слѣдующія: а) съ 15 іюня дозволенъ ловъ рыбы въ Волгѣ отъ г. Чернаго-Яра до моря, собственно для мѣстнаго продовольствія, только плавными сѣтями, имѣющими длины не болѣе 90 саженъ и ширины не болѣе одной сажени. б) Разрѣшенъ ловъ бѣшенки (сельди) на посолъ съ 15 мая по 10 іюня въ Волгѣ между гг. Енотаевскимъ и Камышинымъ, но съ тѣмъ, чтобы ловъ производился тѣми орудіями, которыя полагаются для лова бѣшенки, и в) во всякое время года и вездѣ дозволяется ловъ рыбы, для мѣстнаго продовольствія, ручными удочками и бреднями, длина которыхъ не превышаетъ 50 саженъ.

8) Запрещается всякое рыболовство отъ Камышина до моря съ 15 апрѣля по 15-е мая: въ рѣчныхъ заливахъ, озерахъ, ильменяхъ, полояхъ и въ соединяющихъ ихъ съ Волгою и рукавами ея постоянныхъ или временныхъ протокахъ и ерикахъ.

9) Жиротопленіе изъ бѣшенки ограничивается временемъ: отъ 15 апрѣля по 5 мая для мѣстъ ниже Астрахани лежащихъ, и отъ 20 апрѣля по 10 мая для мѣстъ выше Астрахани до Камышина. За нарушеніе постановленій о рѣчномъ рыболовствѣ опредѣлены слѣдующія взысканія:

1. За употребленіе на одной тонѣ болѣе двухъ неводовъ; a) за имѣніе при неводѣ болѣе одного комплекта рабочихъ и b) за устройство тоней ближе 2-хъ верстъ одна отъ другой — виновный подвергается взысканію по 100 руб. за каждое нарушеніе.

2. За употребленіе распорныхъ неводовъ штрафъ 100 руб. и сверхъ того самые невода конфискуются.

3. За занятіе ставными орудіями болѣе дозволенной $^1/_3$ ширины водовмѣстилища—взыскивается по 3 руб. за каждый выходящій порядокъ, а за занятіе водовмѣстилища до половины или болѣе—по 25 руб. за каждый порядокъ.

4. За устройство въ рѣкахъ забоекъ, совершенно преграждающихъ ходъ рыбы, виновный подвергается взысканію 100 руб. съ каждой сажени длины забойки; сверхъ того все устройство уничтожается на счетъ виновнаго, а матеріалъ конфискуется.

5. За ловъ въ запрещенное время, какъ въ рѣкахъ и протокахъ, такъ и въ стоячей водѣ, какими бы то ни было орудіями, виновный подвергается двойному взысканію противъ постановленнаго за противузаконное употребленіе тѣхъ орудій въ дозволенное время, и вся наловленная рыба конфискуется. При этомъ плавныя сѣти считаются за неводъ.

6. За топленіе жира изъ бѣшенки въ недозволенное время налагается штрафъ по 25 рублей за каждый день, какъ предшествующіе дозволенію жиротопленія, такъ и слѣдующіе за окончаніемъ срока, когда открыто нарушеніе; при этомъ не принимается во вниманіе, прекращалось или производилось жиротопленіе въ промежуточные дни.

7. За оставленіе незарытыми въ землю остатковъ отъ жиротопленія послѣ срока, виновный подвергается взысканію 25 рублей, а за выбрасываніе этихъ остатковъ въ воду, когда бы то ни было—100 р.

8. За топленіе жира изъ цѣлыхъ рыбъ, кромѣ бѣшенки, взыскивается 100 рублей и всѣ, употребляемыя при этомъ, орудія конфискуются.

9. За употребленіе вновь придуманнаго способа лова безъ разрѣшенія Комитета Рыбныхъ и Тюленьихъ Промысловъ, виновный подвергается взысканію 25 рублей.

Введеніе въ морѣ вольнаго и бакеннаго лова, раздѣленіе казенныхъ рѣчныхъ водъ на мелкіе участки и вообще постановленія, относящіяся до рыболовства, оказали благотворное вліяніе какъ на развитіе самой рыбопромышленности, такъ и на положеніе ловцовъ. Отдаваемыя прежде въ арендное содержаніе, морскія прибрежныя казенныя воды, на всемъ пространствѣ отъ водъ графа Кушелева-Безбородко до водъ Терскихъ казаковъ, вмѣстѣ съ ними и рѣчныя казенныя воды, а также морскія воды, находящіяся въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, прилегающія къ *ихъ землямъ, доставляли* выгоды однимъ лишь капиталистамъ-арендаторамъ, *которые* подряжали ловцовъ по крайне дешевымъ цѣнамъ, и

простой классъ народа, имѣя по мѣстнымъ условіямъ края, почти единственный способъ заработковъ — рыболовство, былъ вынужденъ соглашаться на предлагаемыя условія, чтобы имѣть средства къ существованію.

Открытое море и Эмбенскія воды, составляющія нынѣ вольный промыселъ, хотя и составляли воды, свободныя отъ откупной системы, но такимъ рыболовствомъ не многіе изъ ловцовъ могли воспользоваться, такъ какъ снаряженіе большой морской лодки, со всѣми принадлежностями для лова, наймомъ рабочихъ и обезпеченіемъ для нихъ продовольствія, требовало значительныхъ затратъ, невозможныхъ при тогдашнихъ средствахъ ловцовъ.

Существующій же нынѣ вольный и бакенный ловъ далъ полную возможность рыболовствовать всѣмъ и не только заподряжаться на выгодныхъ условіяхъ, но и начать свой собственный промыселъ. Такимъ образомъ выдвинулись для оборотовъ капиталы лицъ, прежде мало извѣстныхъ, и вмѣсто бывшихъ пяти или шести промысловыхъ конторъ, образовались сотни отдѣльныхъ хозяйствъ; развилась конкуренція, цѣны на заподрядъ ловцовъ увеличились болѣе чѣмъ вдвое и съ каждымъ годомъ возрастаютъ; монополія утратила свое значеніе и, чтобы не лишиться рабочихъ рукъ, арендаторы вынуждены, подчиняясь развитію промышленности, подряжать ловцовъ по тѣмъ цѣнамъ, которыя существуютъ, не устанавливая своихъ, что прежде было возможно при малочисленности промысловыхъ конторъ. Условія при сдачѣ рыбы измѣнились также съ выгодою для ловцовъ.

Подряжающіеся ловцы бываютъ двухъ родовъ: одни получаютъ условленную плату за каждый сортъ рыбы и притомъ различную по времени года, а другіе получаютъ опредѣленное жалованье за цѣлый годъ или за извѣстное время года, осеннюю или весеннюю путину; первые производятъ рыболовство своими лодками и рыболовными орудіями и на своемъ содержаніи, а вторые все имѣютъ отъ нанявшаго ихъ хозяина. Ловцы состоятъ преимущественно изъ мѣстныхъ жителей разныхъ селъ и деревень, расположенныхъ по берегамъ рѣки Волги и рукавамъ ея, а также изъ приморскихъ селеній, гдѣ живутъ не одни только крестьяне Астраханской губерніи, но и разныя сословія другихъ губерній, имѣющія здѣсь уже свою осѣдлость; заподряжаются на ловъ и мѣщане преимущественно изъ города Астрахани и Краснаго-Яра.

Подряжающіеся ловцы получаютъ билеты изъ Правленія Рыбныхъ Промысловъ и плату за нихъ вносятъ сами или ихъ наниматели, смотря по уговору, ловцы же, нанимающіеся за общую годовую, или полугодовую плату, всегда имѣютъ билетъ своего хозяина.

Всѣ ловцы при наймѣ ихъ получаютъ впередъ большіе задатки, или такъ называемую справу, которую должны заловить; обязательство это относится и къ тѣмъ ловцамъ, которые подряжаются за плату со

штуки. Морскіе ловцы получаютъ справу въ гораздо большемъ размѣрѣ противъ рѣчныхъ.

Для рѣчнаго лова неводами ловцы подряжаются у арендаторовъ или владѣльцевъ водъ на годъ или на путину. Весенняя путина считается съ 15 марта по 15 мая, осенняя же — съ 1 сентября по 6 декабря; годовой срокъ съ іюля по іюль слѣдующаго года. Плата полагается слѣдующая: годовая неводчику отъ 150 руб. до 200 рублей, пятчику отъ 120 до 150 рублей, рабочему отъ 80 до 100 рублей; путинная осенняя и весенняя—неводчику отъ 35 до 45 рублей; пятчику отъ 30 до 40 рублей; рабочему отъ 25 до 30 рублей, женщинѣ же работницѣ платится весною отъ 18 до 22 рублей, а осенью отъ восемнадцати до двадцати четырехъ рублей. Продовольствіе, рыболовныя орудія и всѣ прочія принадлежности, такіе рабочіе получаютъ отъ хозяина; кромѣ того неводчикамъ выдаются на время лова кожанныя: бахилы, полубахилы, рукавицы, поршни и кожаны. Продовольствіе рабочаго, состоящее изъ хлѣба, пшена, калмыцкаго чая, не считая рыбы, которой онъ употребляетъ сколько нужно, стоитъ въ мѣсяцъ отъ трехъ рублей пятидесяти копѣекъ до четырехъ рублей пятидесяти копѣекъ. Независимо опредѣленной платы, выдаются еще такъ называемыя порыбныя деньги, то есть условленное вознагражденіе съ извѣстнаго количества частиковой рыбы и со штуки красной, смотря по сортамъ рыбы.

Служащіе на промысловыхъ заведеніяхъ бываютъ постоянные и нанимаются погодно, плата имъ различная, смотря по величинѣ промысла и значенію его въ рыболовномъ отношеніи, а именно: промысловый смотритель завѣдываетъ нѣсколькими промыслами и получаетъ жалованья отъ шести сотъ до тысячи двѣсти рублей и болѣе; надзиратель промысла — отъ двух-сотъ пятидесяти до пяти сотъ рублей; матеріальный надзиратель — отъ двух-сотъ до трех-сотъ пятидесяти рублей; разъѣздной—отъ ста до полутораста рублей; помощникъ надзирателя промысла или матеріальнаго—отъ ста двадцати до двух-сотъ рублей; солельщикъ—отъ полутораста до двух-сотъ рублей; икряникъ—отъ двух-сотъ до пяти сотъ рублей; клеевщикъ—отъ полутораста до двух-сотъ рублей и жиротопъ—отъ 100 до 150 рублей. Кромѣ этой платы всѣ означенныя лица получаютъ отъ хозяина опредѣленное договорами содержаніе и живутъ въ особыхъ для нихъ помѣщеніяхъ, пользуясь хозяйскимъ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

Владѣльцы и арендаторы нерѣдко отдаютъ небольшіе участки своихъ водъ въ оброчное содержаніе другимъ лицамъ или за опредѣленную плату, или получаютъ отъ 30 до 40% съ рубля вырученной суммы, а иногда съ половины пойманной рыбы и при этомъ всѣ расходы по найму рабочихъ и пріобрѣтенію рыболовныхъ орудій бываютъ на счетъ съемщика. Уловленная рыба приготовляется на промыслахъ владѣльца или арендатора, на счетъ съемщика или на станьяхъ его, *подъ надзоромъ со* стороны отдавателя; и, по изготовленіи, продается

или отдѣльно, или въ общей партіи со всѣмъ уловомъ, и тогда дѣлается расчетъ.

Пойманная подрядными ловцами рыба привозится или на хозяйскіе промыслы и принимается тамъ мѣрою, т. е. опредѣленною величиною, отъ половины глаза до краснаго пера. Сообразно съ этой мѣрой, ловцы, подряженные по-рыбно, получаютъ плату.

Частиковая же рыба принимается обыкновенно счетомъ. За икру изъ частиковой рыбы ловцы не получаютъ никакой платы, и въ прежнее время икра эта не собиралась; но въ послѣднее время икра эта составляетъ немаловажную отрасль промышленности. При рѣзкѣ рыбы, икра эта вынимается ястыками и въ такомъ видѣ солится.

Промысловымъ заведеніемъ или ватагою называются всѣ зданія и постройки, необходимыя для производства рыбнаго промысла и для жилья служащихъ и рабочихъ. Ватаги, построенныя на морскихъ берегахъ или недалеко отъ моря, называются морскими, а въ рѣчныхъ водахъ—рѣчными; послѣднія строятся преимущественно среди участковъ, по близости главныхъ тоней и въ мѣстахъ, удобныхъ для привоза туда во всякое время года наловленной рыбы.

На ватагахъ существуютъ: жилыя помѣщенія для надзирателя, рабочихъ и прочихъ служащихъ, а иногда для самого владѣльца или арендатора водъ; холодныя, какъ то: амбары и лабазы для храненія рыболовныхъ принадлежностей, рыбнаго товара, разныхъ матеріаловъ, продовольственныхъ припасовъ и для склада соли, и наконецъ, особыя постройки, плоты и выходы, гдѣ принимаютъ и солятъ рыбу, приготовляютъ икру, клей и вязигу; затѣмъ есть еще постройки для жиротопленія; эти послѣднія не всегда находятся при самыхъ промыслахъ; но большею частію на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ловится преимущественно бѣшенка.

Плотъ, на которомъ принимается и раздѣлывается пойманная рыба, устраивается при берегѣ на сваяхъ, вбитыхъ въ дно рѣки; на нѣсколько футъ выше поверхности воды находится деревянный полъ; такіе плоты огорожены со всѣхъ сторонъ, подъ крышею, и имѣютъ по двое или по четверо широкихъ воротъ, изъ которыхъ половина обращена къ рѣкѣ, для пріема чрезъ нихъ рыбы, а другая часть—къ берегу, для вывоза распластанной и раздѣланной рыбы. Къ плоту пристаютъ ловецкія лодки; для входа же ловцовъ на плотъ устраивается отъ него къ водѣ такъ называемый волокъ, то есть досчатый скатъ со ступенями по бокамъ; по этому волоку втаскиваютъ изъ лодокъ красную рыбу и сома на плотъ, гдѣ ее раскладываютъ и пластаютъ; частиковая же рыба изъ лодокъ выкидывается на плотъ просто баграми. Промысловый прикащикъ повѣряетъ количество привезенной рыбы и ведетъ ей отдѣльный счетъ по сортамъ.

Выпотрашенная, раздѣланная и вычищенная рыба, назначенная къ посолу, отвозится или въ выхода или лабазы.

Выхода устраиваются большею частію въ буграхъ и имѣютъ видъ подвала; при выходѣ по обѣимъ сторонамъ находятся амбары для храненія соли, употребляемой для соленія рыбы. По серединѣ выхода между высокими столбами, по длинѣ его, идетъ съ одного конца до другаго корридоръ, по обѣ стороны котораго расположены деревянные ящики, называемые ларями, въ крышѣ надъ корридоромъ устроены окна, хорошо освѣщающія весь выходъ; кромѣ того на морскихъ промыслахъ въ крышѣ выхода оставляется большое отверстіе, чрезъ которое по досчатому скату спускаютъ въ выходъ большую красную рыбу. Между стѣнами выхода и боками ларей, съ трехъ сторонъ у каждаго ларя, оставлены значительныя пустыя пространства, которыя набиваются льдомъ. Температура воздуха въ выходѣ въ лѣтнее время бываетъ отъ 3 до 11 градусовъ по Реомюру.

Лари устраиваются отъ 2 до 3 съ половиною саж., шириною отъ 1 до 2 саж. и глубиною отъ 2 до 4 съ половиной аршинъ.

Въ лари, имѣющіе 3 аршина глубины, 4 аршина ширины и 8 аршинъ длины помѣщается до 100,000 штукъ сельдей, или до 45,000 лещей, до 30,000 штукъ судака, а красной рыбы до 2,000 пудовъ. Кромѣ ларей въ выходахъ устраиваются еще чанья, имѣющія до $4^1/_2$ аршинъ въ діаметрѣ и до $3^1/_2$ аршинъ глубины; въ нихъ помѣщается до 45,000 сельдей, или 20,000 штукъ лещей. Число ларей и чаньевъ въ выходахъ бываетъ различное, смотря по величинѣ выхода. Кромѣ того рыба солится еще въ колодахъ, то есть небольшихъ ларяхъ, вмѣщающихъ частиковой рыбы до 1,200 пудовъ.

На Петропавловской ватагѣ, лежащей выше Астрахани верстахъ въ 50, устроены 4 большіе выхода, преимущественно для посола сельдей, и въ каждомъ выходѣ отъ 30 до 40 ларей.

Лабазы или выхода безъ льда устраиваются изъ лѣса или камыша, съ продольными и боковыми воротами; въ нихъ находятся лари, чанья и получанья, исключительно для посола частиковой рыбы и притомъ въ меньшихъ размѣрахъ противъ устраиваемыхъ въ выходахъ. Чанья имѣютъ въ діаметрѣ 3 аршина, а глубины $3^1/_2$ аршина и вмѣщаютъ до 20,000 частиковой рыбы.

Въ лабазахъ температура воздуха равняется внѣшней, и для вентеляціи отворяются всѣ двери.

На промыслахъ Куринскихъ и Персидскихъ нѣтъ ни выходовъ, ни лабазовъ, а вмѣсто нихъ на плоту устраиваются или длинные, узкіе деревянные ящики, или выдолбленные дубки — кулазы, въ которыхъ солится рыба.

Въ Уральской рыболовной области нѣтъ ни ватагъ, ни плотовъ, ни выходовъ, ни лабазовъ; тамъ всякій ловецъ-казакъ или самъ выдѣлываетъ свою добычу, или тотчасъ послѣ лова продаетъ все пойманное купцамъ, которые слѣдуютъ за ловцами во время.

Способъ приготовленія рыбы и ея продуктовъ.

Принятую на плотъ красную рыбу рѣзальщикъ разрѣзаетъ съ брюха — *тешки* на двѣ половины, соединяющіяся только спиннымъ хребтомъ, и вынувъ внутренности, передаетъ клеевщику плавательный пузырь — *кутырь*, а икрянику—молокии яичники — *ястыки*, затѣмъ дѣлаетъ въ хрящевомъ позвоночномъ столбѣ небольшой разрѣзъ и выдергиваетъ хрящъ на подобіе длинной ленты.

Матерую бѣлугу, имѣющую до 15 четвертей длины, разрѣзаютъ на пять частей, или *мѣста*, именно: на двѣ боковыя, или *мякотныя*, тешу, *хрящевикъ*, или спинъ и *мохалку* отъ нароста; изъ головы—*башки* такой бѣлуги вырѣзывается *тумакъ*, то есть языкъ съ небомъ.

Раздѣленная на плоту, красная рыба свозится въ холодные выхода и солится въ ларяхъ. Но прежде соленія, рыбу раскладываютъ на помосты надъ ларями выхода, часовъ на шесть и болѣе, пока не остынетъ и не приметъ одинаковую температуру съ тузлукомъ, предварительно приготовленнымъ въ ларяхъ. По надлежащемъ охлажденіи рыба укладывается дня на три въ тузлукъ, послѣ чего ее вымываютъ, сортируютъ и перекладываютъ рядами въ порожніе лари, покрывая каждый рядъ рыбы толстымъ слоемъ соли. Только $^2/_3$ ларя наполняютъ рыбою, а треть оставляютъ для образующагося изъ рыбы тузлука, или разсола.

На промыслахъ Астраханской губерніи употребляютъ соли на пудъ бѣлуги 15 фунтовъ, осетра 12 фунтовъ, севрюги 10 фунтовъ, шипа 8 фунтовъ и стерляди до 8 фунтовъ. Среднее количество соли на пудъ рыбы осетровой породы составляетъ весною и осенью 10 фунтовъ, въ жаркое же время года 13 фунтовъ.

Красная рыба весенняго лова остается въ ларяхъ до сентября мѣсяца, а осенняго лова—до апрѣля. Приготовленная въ ларяхъ рыба называется *коренною*.

Изъ пуда свѣжей рыбы получается коренной: бѣлуги 30 фунтовъ, осетра 29, севрюги 27 и шипа 25 фунтовъ. Красная рыба, совершенно пропитанная солью и затвердѣвшая, вынимается изъ ларей, обмывается и укладывается въ большія бочки—*тары*, вмѣщающія до 30 пудовъ рыбы. На пересыпку рыбы, при отправкѣ ея въ верховые города, въ тарахъ, полутарахъ и корняхъ, употребляютъ, смотря по времени года, на пудъ отъ 1 четверти до 1 фунта самой чистой соли.

Эмбенскіе ловцы солятъ красную рыбу на своихъ большихъ судахъ, раскладывая ее въ трюмѣ и совершенно покрывая каждый рядъ солью. Такую рыбу они привозятъ въ Астрахань и складываютъ въ выхода, въ ожиданіи отправки ея вверхъ по Волгѣ.

Тёши бѣлужьи и осетровыя также солятся, полагая на каждую по

полуфунта соли: на пудъ же бѣлужьихъ языковъ и головъ употребляется соли до 12 фунтовъ.

Стерлядь большею частью солится въ тузлукѣ крѣпостію въ 30 градусовъ, въ которомъ остается до 2 мѣсяцевъ.

Для приготовленія сома употребляютъ на пудъ мяса по 16 фунтовъ соли; башку отрубаютъ и солятъ отдѣльно, а *плесъ*, или хвостъ, оставляютъ при рыбѣ; кутырь вырѣзывается для приготовленія клея. Посоленный сомъ остается въ ларяхъ не менѣе шести мѣсяцевъ.

Бѣлорыбицу пластаютъ по спинѣ и солятъ въ особенныхъ чанахъ, въ которыхъ она лежитъ не болѣе одного мѣсяца. На пудъ бѣлорыбицы употребляется 12 фунтовъ соли. Въ копченомъ видѣ рыба эта весьма вкусна и цѣнится дороже обыкновенной соленой.

Лосось, который въ значительномъ количествѣ ловится исключительно только въ Сальянскихъ и Терскихъ водахъ, приготовляется большею частію на малосолъ, коптится же рѣдко.

Приготовленіе лосося производится такимъ образомъ: подъ жабрами прорѣзаютъ довольно большое отверстіе, черезъ которое вынимаются внутренности и наполняютъ рыбу солью, употребляя по 4 фунта на каждую. Для копченія оставляютъ лосося недѣли на три въ коптильняхъ.

Вся вообще частиковая рыба до соленія очищается отъ внутренности, одна только бѣшенка, или волжская сельдь, солится неразрѣзанною и невыпотрошенною.

Средній вѣсъ частиковой рыбы безъ внутренности въ тысячи штукъ бываетъ слѣдующій: судака и щуки до 100 пудовъ, сазана средней величины до 120 пудовъ, берша до 55, леща до 50, жереха до 50, окуня до 35, крупной тарани до 32, крупной сопы до 30 и сельди до 25 пудовъ.

Количество соли, употребляемой для посола тысячи частиковой рыбы, зависитъ отъ величины самой рыбы, времени года и состоянія погоды.

Въ весеннее время эта рыба, за исключеніемъ сельди, приготовляется въ солено-сушеномъ видѣ; въ осеннее время идетъ на малосолъ.

Судакъ, называемый въ торговлѣ *колодкою*, распластывается по тёшѣ; большіе судаки нанизываются послѣ рѣзки на мочальную веревку, большіе по два, мелкіе же по четыре.

Судака солятъ въ ларяхъ, полагая на каждую тысячу по 25 пудовъ соли, оставляя тамъ его дней на 30, затѣмъ вынимаютъ и, обмывъ въ прѣсной водѣ, вѣшаютъ на имѣющіяся для этого вѣшала, устроенныя на открытыхъ солнцу мѣстахъ.

Такъ называемый судакъ *пластъ* рѣжется на спинѣ, солится въ ларяхъ, изъ которыхъ, по прошествіи не болѣе пяти дней, вынимается и разстилается дней на шесть для сушенія на камышъ, а потомъ скла-

дывается въ небольшія кучи, въ которыхъ до отправки въ верховые города совершенно высыхаетъ. На 1000 судака, приготовляемаго на *пластъ*, употребляютъ соли по 13 пудовъ, на малосолъ же 18 пудовъ. Малосольнаго судака отправляютъ въ тарахъ, вмѣщающихъ отъ 230 до 250 штукъ.

Леща—*корбовку* разрѣзаютъ по брюху, дѣлаютъ на спинѣ 3 разрѣза, нанизываютъ по 4 штуки на мочальную веревку и солятъ въ ларяхъ. Дней черезъ 8 лещъ вынимается, обмывается въ тузлукѣ и вывѣшивается недѣли на три на вѣшала; на 1000 корбованнаго леща употребляютъ соли 8 пудовъ, а на леща—*кородку* не менѣе 10 пудовъ и оставляютъ въ ларяхъ 15 дней. Лещъ—*пластъ* рѣдко приготовляется весной. На 1000 леща, назначеннаго на малосолъ, употребляютъ 7 пудовъ соли. Малосольнаго леща укладываютъ въ тару отъ 700 до 1000 штукъ.

Сазанъ всегда распластывается по спинѣ, нанизывается по парно на мочальную веревку и, послѣ соленія, сушится на камышахъ, или хворостѣ. На 1000 сазана, назначеннаго для вяленія, употребляютъ отъ 28 до 30 пудовъ, а для малосола отъ 24 до 25 пудовъ соли. Въ ларяхъ сазанъ лежитъ 15 дней; въ тару укладывается малосольнаго сазана средней величины отъ 150 до 200 штукъ.

Жерехъ приготовляется большею частію на малосолъ, и на 1000 употребляется 10 пудовъ соли; въ тару вмѣщается по 400 штукъ. Въ солено-сушеномъ видѣ жереха весною мало приготовляютъ.

Вобла рѣжется по брюху, дѣлаютъ на спинѣ нѣсколько разрѣзовъ, нанизываютъ на мочалу по шести штукъ и солятъ въ ларяхъ, употребляя на 1000 до $2^1/_2$ пудовъ соли. Въ ларяхъ остается не болѣе 10 дней, потомъ сушится на вѣшалахъ. Вобла—*копченка* солится не выпотрошенною, и на 1000 полагается 1 пудъ 30 фунтовъ соли; она лежитъ въ ларяхъ до 5 дней; ее приготовляютъ также и въ копченомъ видѣ.

Тарань весною корбуется и приготовляется колодкою; на 1000 употребляютъ 5 пудовъ соли; въ ларяхъ она остается не болѣе шести дней; осенью солится въ тарахъ на малосолъ, полагая на 1000 штукъ два съ половиною пуда соли.

Сельдь солится въ ларяхъ и чаньяхъ, въ которыхъ остается не менѣе полутора мѣсяца; соли кладется семь пудовъ на 1000. Сельдь для продажи въ верховые города отправляется въ тарахъ и полутарахъ; въ первыя укладывается отъ 800 до 1000 штукъ, а послѣднія вмѣщаютъ отъ 400 до 500 штукъ. До 1854 года сельдь употреблялась почти исключительно для вытапливанія жира, но потомъ, по убѣжденію начальника бывшей въ Астрахани ученой экспедиціи, Академика Бэра, и ее начали солить. Съ того времени астраханская сельдь стала болѣе и болѣе распространяться въ торговлѣ и сдѣлалась зна-

чительною отраслью рыбопромышленности, а топленіе жира изъ нея постепенно уменьшаться.

Въ 1855 году посолены сельди до десяти милліоновъ, въ 1856 году поступило въ продажу гораздо болѣе двадцати милліоновъ, въ 1857 году до пятидесяти милліоновъ, въ 1871 году было приготовлено до сто сорока милліоновъ, въ 1872 году до ста шестидесяти милліоновъ, а въ 1873 году до ста восьмидесяти милліоновъ штукъ.

Кутумъ, ловимый только въ персидскихъ водахъ и особенно весною въ громадномъ количествѣ, солится въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ; приготовляемый въ корень, онъ оставляется въ кувшинѣ мѣсяца на два, а малосольный не болѣе двѣнадцати дней, потомъ его вынимаютъ, моютъ, связываютъ попарно и развѣшиваютъ въ контильнѣ, гдѣ онъ остается отъ пятнадцати до двадцати пяти дней.

Шемая, которая ловится только въ Терекѣ и Курѣ, цѣликомъ солится въ ларяхъ или кулазахъ, на дно которыхъ насыпаютъ чистой мелкой соли, затѣмъ каждый рядъ рыбы покрываютъ солью, полагая на штуку не менѣе полу-фунта; если же солятъ въ небольшомъ количествѣ, то на каждыя три штуки кладутъ 1 фунтъ соли. Въ такомъ видѣ оставляютъ ее въ ларяхъ отъ 6 до 10 дней; потомъ коптятъ въ самомъ легкомъ дыму не менѣе одного мѣсяца.

Соль, употребляемая на приготовленіе рыбы и ея продуктовъ, у Уральскихъ казаковъ вольная; имъ дано въ безпошлинное пользованіе Индерское озеро соленое, и хотя не всякій казакъ самъ ее добываетъ, а многіе покупаютъ у другихъ, но и тутъ платятъ обыкновенно за одинъ провозъ, и пудъ обходится не дороже трехъ копѣекъ; астраханскіе же рыбопромышленники платятъ акцизъ по 30 коп. съ пуда соли и разработываютъ ее на свой счетъ. Въ настоящее время на промыслахъ Астраханской губерніи потребляется соли до 2.500,000 пудовъ въ годъ; цѣну ея можно опредѣлить до 40 коп. за пудъ.

Приготовленіе икры.

Приготовляемая изъ красной рыбы икра извѣстна въ торговлѣ подъ четырьмя названіями: зернистой или жидкой, паюсной или твердой, жаркой и ястычной.

Для приготовленія зернистой икры, рыбьи яичники—*ястыки* кладутъ на *грохотъ*, т. е. раму съ натянутою мелкоячейною сѣткою и слегка протираютъ надъ чаномъ или другимъ сосудомъ, такъ что отдѣлившіяся изъ ястыковъ зерна проходятъ сквозь ячейки, а слизистыя оболочки и жировыя частицы яичниковъ остаются на грохотѣ. Накопившуюся въ сосудѣ массу икры посыпаютъ мелко-истолченною лучшаго достоинства солью и перемѣшиваютъ деревянными широкими вилками о 6 и 9 зубцахъ.

Количество соли, употребляемое для зернистой икры, зависитъ отъ

времени года. Съ 15 августа по сентябрь на пудъ икры кладутъ 5 ф., въ сентябрѣ отъ $3^1/_2$ до 4, въ октябрѣ отъ 2—$2^1/_2$, а съ ноября по 15 февраля по $1^1/_4$ фунта. Икра чѣмъ менѣе солона, тѣмъ она выше цѣнится. Зернистую икру вливаютъ въ липовые боченки, вмѣщающіе до 5 пудъ.

За границу, въ особенности въ Вѣну, Дрезденъ и Берлинъ, изъ астраханскихъ промысловъ отправляется ежегодно до 15,000 п. зернистой икры, которая солится крѣпче обыкновенной.

Лучшею икрою считается бѣлужья, какъ самая крупно-зернистая, и потому всегда приготовляется отдѣльно; севрюжью, осетровую и шиповую смѣшиваютъ, а стерляжья икра, самая мелко-зернистая, рѣдко идетъ въ продажу.

Для приготовленія паюсной икры употребляютъ тузлукъ крѣпостью въ 32 градуса, нарочно для этого кипяченный въ чугунныхъ котлахъ и сохраняемый въ дубовыхъ бочкахъ. Зерна икры, падающія сквозь грохотъ въ чанъ, наполненный до половины тузлукомъ, мѣшаются лопаткой въ одну сторону, впродолженіе десяти минутъ, для того, чтобы онѣ равномѣрно напитались солью, и въ это время икряникъ безпрестанно беретъ въ руку икру и сжимаетъ ее. Если икра перестала отдѣлять молоко, а отдаетъ одну воду, оставаясь при этомъ твердою, то значитъ, она поспѣла. Послѣ этого выливаютъ ее на волосяное сито, даютъ тузлуку стечь и затѣмъ складываютъ въ рогоженные кульки, вмѣщающіе до трехъ пудъ. Эти кульки кладутъ подъ прессъ, чтобы выдавить лишній тузлукъ; при этомъ икра теряетъ до 15 ф. на пудъ. Изъ кульковъ она перекладывается въ бочки, выстилаемыя нерѣдко салфеточнымъ холстомъ, почему и называется въ торговлѣ *салфеточною* или *мѣшечною*.

Паюсная икра, приготовляемая на закавказскихъ промыслахъ и отправляемая въ большомъ количествѣ въ Кахетію, укладывается въ бурдюки, по $4^1/_2$ п. въ каждый. Для этого разрѣзаютъ икру на длинные куски, мѣсятъ ихъ, скатываютъ въ катки и, укладывая въ бурдюки, мнутъ еще ногами, чтобы икра плотно улеглась.

Жаркая икра приготовляется въ жаркое время года, съ 8 іюля по 15 августа. Въ это время рыба привозится на плотъ обыкновенно въ нѣсколько испорченномъ видѣ, и ястыки ея кладутся сперва въ тузлукъ, потомъ протираются на грохотѣ; полученная икра тотчасъ складывается въ боченки.

Самый низкій сортъ икры извѣстенъ въ торговлѣ подъ названіемъ *ястычной*. Если ястыки по мягкости своей уже не могутъ быть протираемы чрезъ грохотъ, то ихъ складываютъ недѣли на двѣ прямо въ тузлукъ, оставшійся отъ приготовленія паюсной икры. Когда ястыки въ тузлукѣ окрѣпнутъ, то ихъ вынимаютъ и складываютъ въ дубовыя бочки, прибавляя по 6 фунтовъ соли на каждую бочку.

Пробойки отъ икры, оставшіяся на грохотѣ вмѣстѣ съ жировыми

частями, также солятся. Обыкновенно употребляютъ на пудъ пробоекъ по 5 ф. соли. Пробоекъ получается: отъ тысячи бѣлугъ приблизительно 75 п., а отъ такого же количества осетровъ, севрюги и шипа 25 пудъ.

Бѣлужьи и осетровыя молоки также идутъ въ соленіе, при этомъ употребляется на пудъ молокъ 8 ф. соли.

Количество добываемой изъ рыбы икры весьма различно. По показаніямъ опытныхъ икряниковъ, матерая бѣлуга даетъ отъ 6 до 12 пудъ икры, мѣрная же 35 ф., мѣрный осетръ до 15 ф.. полумѣрный обыкновенно безъ икры; мѣрная же севрюга даетъ не болѣе 8 фунтовъ.

Икра, приготовляемая изъ ястыковъ судака, леща, воблы и тарани, въ послѣднее время въ значительномъ колнчествѣ, не менѣе 160,000 пудовъ въ годъ, расходится исключительно въ Турціи и Греціи, гдѣ она называется *галаганомъ* и *тарантою*. Пріѣзжающіе въ Астрахань греки покупаютъ на ватагахъ ястыки названныхъ рыбъ, кладутъ ихъ въ ларь или бочку, посыпаютъ каждый рядъ достаточнымъ количествомъ соли (обыкновенно по 7 ф. на пудъ) и, покрывъ всю массу досками или камышемъ, накладываютъ камни. Втеченіе мѣсяца ястыки совершенно пропитываются солью, послѣ чего вынимаются и перекладываются въ девятипудовыя бочки.

Приготовленіе рыбьяго клея.

Рыбій клей приготовляется изъ плавательнаго пузыря красной рыбы, а также сома и сазана.

Рыбій пузырь состоитъ изъ двухъ слоевъ: внутренняго, называемаго *клеиною* и наружнаго, извѣстнаго подъ названіемъ *сдирка*.

Вырѣзанный изъ рыбы пузырь клеевщикъ сперва кладетъ на нѣсколько дней въ воду, чтобы очистить его отъ жировыхъ и кровяныхъ частей, потомъ, разрѣзавъ его ножницами вдоль, опять кладетъ въ воду на нѣсколько часовъ и затѣмъ разстилаетъ его на лубкѣ, непремѣнно клеиною вверхъ, выставляя ее такимъ образомъ дѣйствію солнца и воздуха. Черезъ нѣсколько часовъ достаточно высохшіе пузыри снимаютъ съ лубковъ и осторожно отдѣляютъ сдирокъ отъ клеины, затѣмъ кладутъ очищенныя клеины одну на другую, перекладывая ихъ при этомъ холстомъ и помѣщаютъ подъ прессъ или какую либо тяжесть для того, чтобы онѣ постепенно высыхали и не коробились. Со сдирокъ соскабливаютъ оставшіяся частицы клея, которыя мнутъ на подобіе тѣста, дѣлятъ на кусочки и, раскладывая ихъ на лубкахъ, даютъ форму кружковъ, величиною въ двухкопѣечную монету. Въ такомъ видѣ плитки эти, называемыя *крошками*, высыхаютъ; продаются онѣ какъ низшій сортъ клея.

Совершенно высохшія клеины клеевщикъ сортируетъ и связываетъ въ пачки. Осетровый клей обыкновенно смѣшивается съ севрюжьимъ, а бѣлужій всегда связывается отдѣльно. Хорошій клей долженъ быть бѣлъ, чистъ, гладокъ, полупрозраченъ и имѣть перламутровый блескъ. Лучшій сортъ клея осетровый. Въ Астрахани пудъ этого клея продаютъ отъ 120 до 180 р. Также приготовляютъ клей изъ плавательнаго пузыря сазана, сома и даже изъ чешуи частиковой рыбы. Рыбій клей употребляется для очистки разныхъ жидкостей, для составленія нѣжной и тонкой клеевой краски; имъ наводятъ лоскъ на разныя ткани, составляютъ въ аптекахъ пластыри и употребляютъ въ поварномъ искусствѣ для приготовленія разныхъ сортовъ желе.

Приготовленіе вязиги.

Вязигой называется засушенный на воздухѣ спинной хрящъ красной рыбы. При раздѣлываніи этой рыбы рѣзальщикъ передаетъ, выдранный изъ нея на подобіе длинной ленты, спинной хрящъ клеевщику, который вымываетъ его въ водѣ и, отдѣливъ наружный мягкохрящеватый слой, называемый *скрипомъ*, просушиваетъ впродолженіе 3—8 дней въ сушильнѣ. Совершенно высушенную вязигу связываютъ въ пучки. Пудъ вязиги стоитъ отъ 15—25 рублей.

По показаніямъ опытнаго клеевщика, изъ тысячи бѣлугъ средней величины получается до 5 пудъ вязиги, изъ такого же количества осетровъ, севрюги и шипа, получается вязиги только 1 пудъ.

Приготовленіе балыка.

Балыкъ приготовляется изъ рыбъ осетровой породы. Особые мастера— *балычники* выбираютъ жирную и крупную рыбу, отрубаютъ голову и хвостъ, отрѣзаютъ брюхо и боковыя части, оставляя одну лишь спину, которую кладутъ въ деревянный чанъ, обсыпая ее солью. Спинки эти всегда укладываютъ такъ, чтобы онѣ не касались ни между собою, ни краевъ чана; безъ этой предосторожности онѣ непремѣнно испортятся. Въ чанѣ оставляютъ ихъ отъ 9—15 дней, и къ соли прибавляютъ нѣсколько селитры, дающей балыку красноватый цвѣтъ. Вынувъ изъ чана, вымачиваютъ ихъ дня по два въ водѣ и потомъ вывѣшиваютъ спѣть недѣли на 4 или на 6, сперва на солнцѣ, чтобъ провяли, а потомъ провѣтриваютъ въ тѣни.

Хорошій балыкъ долженъ быть мягокъ и нѣженъ, имѣть просвѣчивающій, красноватый или темно-красный цвѣтъ, не имѣть ни гнилости, ни горечи и не долженъ быть очень солонъ. Приготовляемый въ мартѣ мѣсяцѣ балыкъ считается лучшимъ, пудъ его продаютъ не дешевле 18 рублей.

Приготовленіе рыбьяго жира.

Рыбій жиръ приготовляютъ или изъ жирныхъ частей внутренности красный рыбы и судака, или изъ цѣлой рыбы, именно бѣшенки.

Въ первомъ случаѣ обмываютъ жирные обрѣзки, очищаютъ ихъ отъ жилистыхъ частей, складываютъ въ полубочки, пересыпаютъ солью, полагая на полубочку около 15 фунтовъ, и перемѣшиваютъ всю массу, которую потомъ перекладываютъ въ корыто, гдѣ ее изрубаютъ на мелкія части, а затѣмъ кладутъ въ котелъ и посредствомъ пара вытапливаютъ жиръ. Чистый жиръ свѣтло-желтаго цвѣта, сливается въ дубовыя бочки и употребляется въ пищу.

Добываніе жира изъ бѣшенки производится слѣдующимъ образомъ: въ открытыя сверху бочки наваливаютъ рыбу и обдаютъ ее нѣсколько разъ кипяткомъ, перемѣшивая всю массу. Дня черезъ два рыба, отъ дѣйствія теплоты, воздуха и воды приходитъ въ гнилое броженіе и отдѣляетъ жиръ, который всплываетъ на поверхность, снимается и выливается въ бочки.

Жиръ этотъ требуется для мыловаренныхъ заводовъ, для разведенія красокъ и для освѣщенія.

10) Тюленій промыселъ близь устьевъ Волги и въ Каспійскомъ морѣ.

Организація промысла. Описаніе промысла. Бой тюленя на островахъ. Гонка тюленя. Приготовленіе продуктовъ промысла.

Каспійскій тюлень встрѣчается въ морѣ во всякое время года; лѣто проводитъ въ глубинѣ, осенью же приплываетъ большими косяками преимущественно въ сѣверо-восточную часть моря, гдѣ ледъ раньше становится. Тюлени питаются частиковою рыбою и объѣдаютъ одну только тешку, оставляя другія части морскимъ чайкамъ, постоянно летающимъ надъ тюленьимъ косякомъ. Они преслѣдуютъ пловучія льдины, ложатся и нѣжатся на нихъ; если же заходятъ или случайно попадаютъ подъ сплошной ледъ, то выдуваютъ изъ подъ него отверстіе въ видѣ воронки, такъ называемый *продухъ*, и, высунувъ морду, дышатъ воздухомъ. Они имѣютъ чрезвычайно тонкое чутье и вообще бываютъ очень трусливы; малѣйшаго шума, даже хлопанья веселъ достаточно, чтобы испугать цѣлый косякъ и заставить его уйти въ открытое море; молодые бываютъ, однако, смѣлѣе: плавая обыкновенно по одиночкѣ, они близко подходятъ къ лодкамъ. Интересно смотрѣть, какъ тюлени спятъ; лежа спиною на водѣ, они укачиваются волненіемъ какъ въ колыбели, и только водяныя брызги отъ дыханія летятъ сверкая во всѣ стороны.

Для добыванія тюленя, промышленники снаряжаютъ морскія лодки, на которыхъ бываетъ лоцманъ съ рабочими; лоцманомъ всегда назначается хорошій морякъ и опытный тюленебоецъ. Добываніе тюленя бываетъ весеннее и годовое, первое добыватели называютъ *весничами*, а второе— *зимовичами*.

По открытіи навигаціи, весничи отправляются на весенній бой тюленя и, вышедши въ море, отправляются къ островамъ Святому и Подгорному, лежащимъ вдоль берега Мангышлакскаго полуострова и состоящимъ въ завѣдываніи Астраханскаго Правленія рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ; на эти острова тюлень, какъ только ледъ растаялъ въ морѣ, выходитъ для залежекъ и линянія; окончивъ бой на островахъ, весничи собираютъ по морю плавающаго мертваго тюленя и возвращаются къ сроку въ Астрахань. Годовые тюленебойцы отправляются изъ Астрахани на промыселъ свой въ августѣ, въ сентябрѣ, октябрѣ, и ноябрѣ мѣсяцахъ, прямо къ островамъ, куда тюлень выходитъ для залежекъ, хотя гораздо въ меньшемъ количествѣ въ сравненіи съ весной, а зимой торопятся на мѣста своихъ зимовокъ. Главная зимовка на островѣ Кулалы, но многіе зимуютъ въ Александровскомъ фортѣ и на островѣ Чечнѣ, принадлежащемъ Терскому казачьему войску. Съ 1 февраля отважные тюленебойцы смѣло пускаются съ мѣстъ своихъ зимовокъ на лодкахъ въ море за добываніемъ тюленя на плавучихъ льдинахъ. Окончивъ этотъ опасный промыселъ, зимовичи отправляются къ островамъ, куда тюлень, какъ выше сказано, по растаяніи льда выходитъ для залежекъ и линянія; затѣмъ они, какъ и весничи, собираютъ по морю мертваго тюленя и наконецъ возвращаются къ сроку въ Астрахань. Весенній срокъ для всѣхъ почти тюленьщиковъ — 9-ое мая или, какъ они говорятъ, Вешній Никола (Святителя Николая).

Между принимающими участіе въ тюленьемъ промыслѣ существуютъ слѣдующія отношенія: лоцманы нанимаются не изъ жалованья, а из пая т. е. если лоцманъ самъ четвертъ (лодка тоже считается въ паю), онъ получаетъ пятый пай или пятую часть изъ добытаго тюленя; если же онъ самъ пятъ, то получаетъ шестой пай и т. д. Доля, ежегодно выпадающая на пай, весьма различна. Такъ въ 1873 г. лоцманъ астраханскаго армянина Мизандронцова зимовалъ на островѣ Чечнѣ и получилъ до 800 рублей.

Что же касается рабочихъ, то они на жалованьѣ; весною каждый рабочій получаетъ отъ 25 до 35 руб., а годовой — отъ 60 до 100 руб., смотря по опытности и искусству въ тюленебойствѣ. Провизія имъ выдается отъ хозяина. Бываютъ случаи, что рабочимъ даются *пудовыя* т. е. съ пуда убитаго тюленя, каждому рабочему по 10 или 15 к. сверхъ жалованья. Это дѣлается для поощренія, но не всегда, а при особенныхъ обстоятельствахъ.

Тюлень на Каспійскомъ морѣ составляетъ важный предметъ промысла, какъ вдоль сѣвернаго прибрежья близъ устьевъ Волги и Урала,

такъ и вдоль западнаго берега, преимущественно у острова Чечня, а также въ южной части моря, близь островов, лежащихъ около Апшеронскаго полуострова. Главное поприще этого промысла составляетъ, однако, группа *тюленьихъ островов* — Кулалы, Морской, Святой, Подгорный, Долгій, Круглый и Орловъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Мангышлакскаго полуострова, на разстояніи 25 верстъ отъ Тюкъ—Караганскаго мыса и 250 верстъ отъ Астрахани. Въ особенности въ прежнее время на этихъ островахъ труды промышленниковъ всегда вознаграждались чрезвычайно богатою добычею; бывали случаи, что здѣсь убивали до 10,000 тюленей въ одну весеннюю ночь. И въ настоящее время убиваютъ здѣсь наибольшее количество тюленя, но исключительно только на островахъ Святомъ и Подгорномъ; прочіе же острова совершенно оставлены тюленями.

Тюленій промыселъ производится троякимъ образомъ, именно: боемъ на островахъ, гонкою въ ставныя сѣти и боемъ на льду.

Бой тюленя на островахъ составляетъ самую обильную отрасль этой промышленности. Для этого тюленебойщики собираются на островѣ Кулалы, гдѣ устроены для нихъ казармы и домикъ для тюленьяго смотрителя, командируемаго сюда Правленіемъ Рыбныхъ и Тюленьихъ Промысловъ на восемь мѣсяцевъ. Число зимующихъ на Кулалахъ тюленепромышленниковъ доходитъ до 300 человѣкъ. Смотритель обязанъ слѣдить за ними и за порядкомъ производства промысла. По уставу, бой тюленя долженъ начинаться всѣми промышленниками вмѣстѣ заразъ, для чего они обязаны собраться, въ условленное время, къ одному избранному ими пункту и извѣстить объ этомъ заблаговременно смотрителя, который къ назначенному дню долженъ прибыть на тотъ пунктъ. Отъ сборнаго пункта всѣ промышленники отправляются вмѣстѣ съ смотрителемъ на мѣсто боя.

Весною и осенью тюлени выходятъ на острова, чтобы грѣться на солнцѣ и отдыхать. Сторожащія ихъ лодки принимаютъ всегда предосторожность быть подъ вѣтромъ, а не на вѣтрѣ у тюленей, такъ какъ ихъ обоняніе очень тонко и даютъ знать, когда тюлень въ большомъ количествѣ вышелъ на островъ. Тогда тюленебойщики на лодкахъ приближаются къ берегу и ночью выходятъ на островъ. Они вооружены баграми, ножами и *колотушками* или *чекушами*, т. е. толстыми палками, усаженными на одномъ концѣ желѣзными шпильками и окованными до половины желѣзомъ. Предводитель тюленебойщиковъ называется *забойщикомъ* или *атаманомъ* и выбирается всегда изъ опытныхъ и отважныхъ промышленниковъ.

Вооруженные такимъ образомъ, тюленебойщики ползкомъ подкрадываются къ тюленьему косяку и выравниваются въ линію, стараясь при этомъ занять мѣсто между косякомъ и моремъ. По сигналу, данному забойщикомъ, каждый съ поднятою колотушкою бросается къ ближайшему тюленю и, убивъ его ловкимъ ударомъ въ самую морду,

тотчасъ же откидываетъ его багромъ назадъ, а за нимъ другаго, третьяго и т. д. Такимъ образомъ убиваютъ передовыхъ тюленей, изъ которыхъ образуется валъ, въ которомъ остальные встревоженные тюлени, по неловкости своей, находятъ непреодолимую преграду, тѣснятся около него и, попадая подъ дѣйствующую колотушку, становятся до единаго добычею промышленниковъ.

Съ разсвѣтомъ начинаютъ раздѣлывать убитыхъ тюленей; отрубаютъ голову, распарываютъ животъ и вынимаютъ внутренности, которыя вмѣстѣ съ костями и другими остатками или зарываются глубоко въ землю, или бросаются въ море на далекомъ разстояніи отъ берега. Тюленья шкура вмѣстѣ съ толстымъ въ ладонь слоемъ сала отвозится съ поля битвы къ кусовымъ лодкамъ, складывается въ трюмъ и солится для отправки въ Астрахань.

Весенній тюленій бой оканчивается къ 1 іюня, осенній же начинается съ 15 августа.

Промыселъ этотъ производится преимущественно у восточныхъ устьевъ Волги, образующихъ своимъ соединеніемъ прѣсноводный заливъ, извѣстный подъ именемъ Синяго морца. Для этого промышленники собираются на лодкахъ, числомъ не менѣе 24, и избираютъ изъ среды своей двухъ *атамановъ*, изъ которыхъ одинъ называется *черневымъ*, или береговымъ, а другой — морскимъ. Въ каждой *гонной* лодкѣ находятся два гребца и кормщикъ, которые имѣютъ при себѣ, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, по два *ахана* и нѣсколько шестовъ. Каждый аханъ т. е. ставная сѣть съ ячеями въ $4^1/_2$ вершка въ квадратѣ, имѣетъ 15 саж. въ длину и 2 саж. въ ширину. Лодка черневаго атамана всегда держится параллельно берегу на разстояніи закроя лодки, между тѣмъ какъ лодка морскаго атамана удаляется въ море, другія же лодки плывутъ между атаманскими, стараясь держаться на дистанціи не менѣе 150 саж. одна отъ другой. Какъ только одинъ изъ атамановъ замѣтитъ вынырнувшихъ тюленей и надъ ними летающихъ морскихъ чаекъ, что служитъ вѣрнымъ признакомъ того, что плыветъ косякъ тюленей, морской атаманъ тотчасъ поднимаетъ флагъ, вслѣдствіе чего береговой атаманъ уменьшаетъ ходъ своей лодки; тогда первый старается какъ можно скорѣе окружить то мѣсто, гдѣ видѣлъ тюленей и соединиться съ черневымъ атаманомъ, то же дѣлаютъ и лодки ловцовъ; такимъ образомъ оба атамана съ присоединившимися къ нимъ лодками, составивъ полукругъ, съ шумомъ, крикомъ и ударами колотушекъ по лодкамъ, гонятъ тюленя отъ берега въ море. Въ это время восемь бударокъ средней величины, называемыя *замѣтными*, видя, что атаманы гонятъ тюленя, спѣшатъ выставить аханы съ середины, или съ морской стороны, на встрѣчу плывущему тюленьему косяку. Эта самая середина называется *морскимъ зобомъ* и выбивается въ двѣ стѣны на четыре ахана или на 60 саж. для того, чтобы удержать напоръ тюленя; двѣ лодки остаются на концахъ двойной стѣны,

а остальныя, по заведенному порядку, смѣняя другъ друга, очень скоро выбиваютъ съ обѣихъ сторонъ *аханный* или *сѣтный дворъ*, оставивъ къ сторонѣ берега, т. е. къ сторонѣ гонщиковъ, открытое пространство на четыре ахана, называемое *воротами*; двѣ лодки остаются у воротъ и называются *запорными*. Какъ только тюлень прошелъ ворота и вошелъ въ устроенный аханный дворъ, гонщики спѣшатъ туда же за тюленемъ и *запорныя лодки* немедленно запираютъ ворота т. е. загораживаютъ ихъ аханами. Войдя во дворъ, лодки становятся по аханамъ и *выбагриваютъ* запутавшихся въ нихъ тюленей. Если тюлень плохо путается въ аханы, то гонятъ его къ *зобу* и дворъ перегораживаютъ аханами въ разныхъ направленіяхъ, такъ что тюлень, куда не бросится, путается въ сѣти, откуда и выбагриваютъ его, а плавающихъ бьютъ сандовьями. Гонщики передаютъ убитыхъ тюленей на *подъѣздную* лодку и, собравъ аханы, снова пускаются, тѣмъ же порядкомъ, для дальнѣйшей добычи.

Въ прежнее время промышленники, подъ начальствомъ опытнаго вожака—*атамана*, въ январѣ мѣсяцѣ, отправлялись на саняхъ въ море, къ окраинѣ льда, удаляясь нерѣдко отъ берега верстъ на 70 и болѣе, находили тюленьихъ самокъ съ дѣтенышами, лежащихъ на льду, и, не давъ имъ уйти въ *лазки*, убивали ихъ изъ ружей или ударами колотушекъ въ голову.

Въ настоящее же время зимній бой строго воспрещенъ, потому что убивались преимущественно молодые дѣтеныши *бѣленькіе*, изъ за нѣжнаго и бѣлаго мѣха, который принимаетъ всякую окраску. Да и самый промыселъ былъ весьма опасенъ. Нерѣдко отважный охотникъ не замѣчалъ, какъ поднявшійся гибельный для него вѣтеръ отдѣлялъ его отъ сплошной массы льда и на оторванной льдинѣ уносилъ далеко въ море, и такимъ образомъ дѣлался жертвою своей отваги.

Сало и кожа составляютъ тѣ продукты, изъ-за которыхъ производится охота на тюленей.

Изъ сала приготовляютъ жиръ. Для этого соскабливаютъ съ кожи сало скобками, т. е. ножами, имѣющими форму пологой дуги, къ обоимъ концамъ которой придѣланы деревянныя ручки. Соскобленное сало оставляютъ стекать на солнцѣ, что даетъ первый сортъ жира—*самотекъ*. Послѣ этого его кладутъ въ желѣзные котлы, на дно которыхъ налито немного воды, чтобы сало не пригорало, и вытапливаютъ на огнѣ. Этотъ тюленій жиръ имѣетъ свѣтло-коричневый цвѣтъ и составляетъ второй сортъ. Изъ одного пуда сыраго сала выходитъ весною 20 ф. чистаго жиру, осенью же отъ 22 до 24 фунтовъ.

На трехъ заводахъ, устроенныхъ купцами Власовымъ, Солинымъ и Орѣховымъ на правомъ берегу Волги, противъ города Астрахани, и на заводѣ гг. братьевъ Сапожниковыхъ, устроенномъ на промыслѣ Икряномъ, въ 35 верстахъ ниже Астрахани, вытапливается тюленье *сало паромъ*, и это производство устроено въ огромныхъ размѣрахъ.

Заведеніе на Икряномъ можетъ доставить болѣе 100,000 п. тюленьяго жира. Приготовленіе жира производится здѣсь только весною. Часть привезенныхъ сюда *обѣленныхъ* тюленей (безъ башки и тушки) тотчасъ идетъ въ разработку, другая же часть солится и слкадывается для сохраненія въ выходъ, который вмѣщаетъ до 50,000 п. такого тюленя. Въ выходѣ устроены 5 огромныхъ чановъ, дно и бока которыхъ выложены свинцовымъ листомъ; каждый чанъ вмѣщаетъ до 7,000 п. жира. Полъ выхода, отлого понижающійся къ чанамъ, способствуетъ тому, что жиръ, истекающій изъ тюленей, нагроможденныхъ по сторонамъ вплоть до потолка, самъ собою наполняетъ чаны.

Чтобы кожа не могла портиться отъ прилегающаго къ ней сала, тюленей солятъ.

Тюленій жиръ отправляется въ верховые города, преимущественно въ Москву, гдѣ его употребляютъ на мыловареніе и выдѣлку кожъ.

Тюленьи кожи, очищенныя отъ жира, для предохраненія отъ порчи, солятъ, при этомъ идетъ отъ $2^1/_2$ до 4 фунт. соли на кожу. Десять кожъ обыкновенно вѣсятъ 1 пудъ.

Кожи бѣльковъ подкрашиваются и выдѣлываются въ довольно красивые и мягкіе мѣха, а кожи взрослыхъ тюленей идутъ преимущественно для обивки сундуковъ и другихъ предметовъ и на ранцы.

Статистика.

1) Тюленьяго промысла.

а) *Количество добытаго тюленя.*

Въ	1867	году	143,107	штукъ	тюленя.
„	1868	„	135,550	„	„
„	1869	„	119,403	„	„
„	1870	„	147,350	„	„
„	1871	„	79,442	„	„
„	1872	„	159,479	„	„
„	1873	„	174,628	„	„

Среднее количество составляетъ 136,994 штуки.

Средняя цѣнность привозимаго въ Астрахань тюленя 1 р. 40 к. за пудъ.

b) *Количество вывезеннаго тюленьяго жира и шкуръ.*

1867	года	93,395	пудъ;	шкуръ	131,723	штукъ.
1868	„	104,161	„	„	150,947	„
1869	„	81,979	„	„	128,701	„
1870	„	78,790	„	„	137,030	„
1871	„	59,154	„	„	90,468	„
1872	„	103,236	„	„	150,759	„
1873	„	113,308	„	„	167,345	„

Среднее за 7 лѣтіе 92,008 пудъ и *137,567* штукъ.

Средній доходъ казны отъ пошлины съ жира 36,188 р., отъ пошлины со шкуръ *4,032 р.*

Въ 1873 году доходъ казны съ Каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ былъ *911,469 р. 61 к.* Изъ нихъ рѣчныхъ Волжскихъ—*252,435 р. 93 к.* Съ морскихъ рыбныхъ и тюленьихъ: *188,313 р.* Съ Закавказскихъ (Сальянскихъ) *393,000 р.* Съ промысловъ, состоящихъ въ завѣдываніи Астраханскаго Правленія рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ *490,469 р. 61 к.*

11. Виноградники и винодѣліе въ Астраханской губерніи.

Описаніе мѣстности, гдѣ разводятся виноградные сады.

Городъ Астрахань лежитъ подъ 46° 21′ с. ш. и 65° 42′ в. д. и по образованію почвы принадлежитъ къ такъ называемой Каспійской формаціи. Площадь города представляетъ ровную мѣстность, по которой изрѣдка разбросаны бугры глинистые и песчано-глинистые съ значительною частью органическихъ веществъ, а частью съ примѣсью разныхъ солей. Вершины бугровъ хотя годны къ воздѣлыванію, но въ почвѣ ихъ, самой по себѣ, не принимается ни одно культурное растеніе. Почву бугровъ слѣдуетъ приготовлять для каждаго дерева, для каждаго растенія, вырывая соразмѣрную яму, наполняемую приготовленною землею.

Зимы въ Астрахани малоснѣжныя и умѣренныя, весна теплая и вѣтренная, лѣто жаркое и сухое, осень большею частью теплая. Навигація открывается въ началѣ марта и закрывается въ концѣ ноября, а втеченіе года среднее число дней, въ которые рѣка покрывается льдомъ, не превышаетъ 101.

Средняя годичная температура +7, 4°, средняя высшая +28, 5°, *средняя низшая—12, 6°*, преобладающіе вѣтры SO и NO.

Абсолютная наибольшая температура бываетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ +32° Р.

Астрахань омывается р. Волгою и рукавами ея, рр. Болдою и Кутумомъ, прорѣзывающимъ городъ на двѣ части. Городская площадь занимаетъ 4,608 десятинъ, изъ которыхъ подъ садами числится 89 ½ дес. Вообще въ здѣшнемъ климатѣ ничего не растетъ безъ поливки, которая производится вѣтряными поливальными мельницами. Хорошій садъ, будучи запущенъ, погибаетъ въ самое короткое время, и мѣстность, которая была имъ занята, представляетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ голую степь.

Культура винограда.

Виноградныя лозы сажаются съ фруктовыми деревьями, занимая въ садахъ отдѣльную мѣстность, по обѣимъ покатостямъ бугровъ, большая часть которыхъ расположена при запрудахъ, гдѣ задерживается вода послѣ розлива рѣки. Мѣсто, занятое извѣстнымъ числомъ виноградныхъ кустовъ, называется *солмакомъ*. Иногда въ верхней части бугра сажаютъ виноградъ, немного ниже—фруктовыя деревья, а на самомъ низу—овощь. Солмаки бываютъ величиною отъ 10—80 кв. с. и, напримѣръ, въ солмакѣ до 40 саж. бываетъ до 10 бороздъ, въ каждой бороздѣ садится до 10 кустовъ винограда.

При наступленіи теплыхъ дней, большею частью около Благовѣщенія, отрываютъ виноградную лозу изъ бороздъ, въ которыхъ она зарывалась на зиму, прикрытая отъ стужи сѣномъ, чаканомъ и землею. Затѣмъ подвязываютъ лозы мочальными петлями къ горизонтальнымъ шестамъ; эти шесты соединяются между собою продольными жердями, привязываемыми къ верхушкамъ шестовъ.

По окончаніи этой работы, борозды ровняются, очищаются отъ сѣна и другаго сора, а чрезъ нѣсколько времени подбивается трава.

Передъ посадкою новыхъ виноградныхъ лозъ, на предназначенныхъ мѣстахъ вырываются ямы, глубиною отъ 1—1½ ар., которыя наполняются унавоженнымъ суглинкомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ старые кусты винограда подвертываются и вновь обсыпаются унавоженнымъ суглинкомъ.

Виноградныя лозы сажаются прямыми рядами въ борозды, глубиною въ 8 вершковъ, съ разстояніемъ между кустами отъ 1¼ — 1¾ аршина.

Виноградъ отводится осенью однолѣтними лозами, называемыми *чебуками*, которые или отрѣзываются отъ куста или отдѣляются отъ него. Въ послѣднемъ случаѣ отводится прутъ, который сгибается колѣнцемъ, зарывается въ удобренную землю и только отрѣзывается на слѣдующій годъ.

Лоза принимается въ то же лѣто и черезъ четыре года приноситъ плодъ.

частями, также солятся. Обыкновенно употребляютъ на пудъ пробоекъ по 5 ф. соли. Пробоекъ получается: отъ тысячи бѣлугъ приблизительно 75 п., а отъ такого же количества осетровъ, севрюги и шипа 25 пудъ.

Бѣлужьи и осетровыя молоки также идутъ въ соленіе, при этомъ употребляется на пудъ молокъ 8 ф. соли.

Количество добываемой изъ рыбы икры весьма различно. По показаніямъ опытныхъ икряниковъ, матерая бѣлуга даетъ отъ 6 до 12 пудъ икры, мѣрная же 35 ф., мѣрный осетръ до 15 ф.. полумѣрный обыкновенно безъ икры; мѣрная же севрюга даетъ не болѣе 8 фунтовъ.

Икра, приготовляемая изъ ястыковъ судака, леща, воблы и тарани, въ послѣднее время въ значительномъ количествѣ, не менѣе 160,000 пудовъ въ годъ, расходится исключительно въ Турціи и Греціи, гдѣ она называется *галаганомъ* и *тарантою*. Пріѣзжающіе въ Астрахань греки покупаютъ на ватагахъ ястыки названныхъ рыбъ, кладутъ ихъ въ ларь или бочку, посыпаютъ каждый рядъ достаточнымъ количествомъ соли (обыкновенно по 7 ф. на пудъ) и, покрывъ всю массу досками или камышемъ, накладываютъ камни. Втеченіе мѣсяца ястыки совершенно пропитываются солью, послѣ чего вынимаются и перекладываются въ девятипудовыя бочки.

Приготовленіе рыбьяго клея.

Рыбій клей приготовляется изъ плавательнаго пузыря красной рыбы, а также сома и сазана.

Рыбій пузырь состоитъ изъ двухъ слоевъ: внутренняго, называемаго *клеиною* и наружнаго, извѣстнаго подъ названіемъ *сдирка*.

Вырѣзанный изъ рыбы пузырь клеевщикъ сперва кладетъ на нѣсколько дней въ воду, чтобы очистить его отъ жировыхъ и кровяныхъ частей, потомъ, разрѣзавъ его ножницами вдоль, опять кладетъ въ воду на нѣсколько часовъ и затѣмъ разстилаетъ его на лубкѣ, непремѣнно клеиною вверхъ, выставляя ее такимъ образомъ дѣйствію солнца и воздуха. Черезъ нѣсколько часовъ достаточно высохшіе пузыри снимаютъ съ лубковъ и осторожно отдѣляютъ сдирокъ отъ клеины, затѣмъ кладутъ очищенныя клеины одну на другую, перекладывая ихъ при этомъ холстомъ и помѣщаютъ подъ прессъ или какую либо тяжесть для того, чтобы онѣ постепенно высыхали и не коробились. Со сдирокъ соскабливаютъ оставшіяся частицы клея, которыя мнутъ на подобіе тѣста, дѣлятъ на кусочки и, раскладывая ихъ на лубкахъ, даютъ форму кружковъ, величиною въ двухкопѣечную монету. Въ такомъ видѣ плитки эти, называемыя *крошками*, высыхаютъ; продаются онѣ какъ низшій сортъ клея.

Совершенно высохшія клеины клеевщикъ сортируетъ и связываетъ въ пачки. Осетровый клей обыкновенно смѣшивается съ севрюжьимъ, а бѣлужій всегда связывается отдѣльно. Хорошій клей долженъ быть бѣлъ, чистъ, гладокъ, полупрозраченъ и имѣть перламутровый блескъ. Лучшій сортъ клея осетровый. Въ Астрахани пудъ этого клея продаютъ отъ 120 до 180 р. Также приготовляютъ клей изъ плавательнаго пузыря сазана, сома и даже изъ чешуи частиковой рыбы. Рыбій клей употребляется для очистки разныхъ жидкостей, для составленія нѣжной и тонкой клеевой краски; имъ наводятъ лоскъ на разныя ткани, составляютъ въ аптекахъ пластыри и употребляютъ въ поварномъ искусствѣ для приготовленія разныхъ сортовъ желе.

Приготовленіе вязиги.

Вязигой называется засушенный на воздухѣ спинной хрящъ красной рыбы. При раздѣлываніи этой рыбы рѣзальщикъ передаетъ, выдранный изъ нея на подобіе длинной ленты, спинной хрящъ клеевщику, который вымываетъ его въ водѣ и, отдѣливъ наружный мягкохрящеватый слой, называемый *скрипомъ*, просушиваетъ впродолженіе 3—8 дней въ сушильнѣ. Совершенно высушенную вязигу связываютъ въ пучки. Пудъ вязиги стоитъ отъ 15—25 рублей.

По показаніямъ опытнаго клеевщика, изъ тысячи бѣлугъ средней величины получается до 5 пудъ вязиги, изъ такого же количества осетровъ, севрюги и шипа, получается вязиги только 1 пудъ.

Приготовленіе балыка.

Балыкъ приготовляется изъ рыбъ осетровой породы. Особые мастера— *балычники* выбираютъ жирную и крупную рыбу, отрубаютъ голову и хвостъ, отрѣзаютъ брюхо и боковыя части, оставляя одну лишь спину, которую кладутъ въ деревянный чанъ, обсыпая ее солью. Спинки эти всегда укладываютъ такъ, чтобы онѣ не касались ни между собою, ни краевъ чана; безъ этой предосторожности онѣ непремѣнно испортятся. Въ чанѣ оставляютъ ихъ отъ 9—15 дней, и къ соли прибавляютъ нѣсколько селитры, дающей балыку красноватый цвѣтъ. Вынувъ изъ чана, вымачиваютъ ихъ дня по два въ водѣ и потомъ вывѣшиваютъ спѣть недѣли на 4 или на 6, сперва на солнцѣ, чтобъ провяли, а потомъ провѣтриваютъ въ тѣни.

Хорошій балыкъ долженъ быть мягокъ и нѣженъ, имѣть просвѣчивающій, красноватый или темно-красный цвѣтъ, не имѣть ни гнилости, ни горечи и не долженъ быть очень солонъ. Приготовляемый въ мартѣ мѣсяцѣ балыкъ считается лучшимъ, пудъ его продаютъ не дешевле 18 рублей.

Приготовленіе рыбьяго жира.

Рыбій жиръ приготовляютъ или изъ жирныхъ частей внутренности красный рыбы и судака, или изъ цѣлой рыбы, именно бѣшенки.

Въ первомъ случаѣ обмываютъ жирные обрѣзки, очищаютъ ихъ отъ жилистыхъ частей, складываютъ въ полубочки, пересыпаютъ солью, полагая на полубочку около 15 фунтовъ, и перемѣшиваютъ всю массу, которую потомъ перекладываютъ въ корыто, гдѣ ее изрубаютъ на мелкія части, а затѣмъ кладутъ въ котелъ и посредствомъ пара вытапливаютъ жиръ. Чистый жиръ свѣтло-желтаго цвѣта, сливается въ дубовыя бочки и употребляется въ пищу.

Добываніе жира изъ бѣшенки производится слѣдующимъ образомъ: въ открытыя сверху бочки наваливаютъ рыбу и обдаютъ ее нѣсколько разъ кипяткомъ, перемѣшивая всю массу. Дня черезъ два рыба, отъ дѣйствія теплоты, воздуха и воды приходитъ въ гнилое броженіе и отдѣляетъ жиръ, который всплываетъ на поверхность, снимается и выливается въ бочки.

Жиръ этотъ требуется для мыловаренныхъ заводовъ, для разведенія красокъ и для освѣщенія.

10) Тюленій промыселъ близь устьевъ Волги и въ Каспійскомъ морѣ.

Организація промысла. Описаніе промысла. Бой тюленя на островахъ. Гонка тюленя. Приготовленіе продуктовъ промысла.

Каспійскій тюлень встрѣчается въ морѣ во всякое время года; лѣто проводитъ въ глубинѣ, осенью же приплываетъ большими косяками преимущественно въ сѣверо-восточную часть моря, гдѣ ледъ раньше становится. Тюлени питаются частиковою рыбою и объѣдаютъ одну только тешку, оставляя другія части морскимъ чайкамъ, постоянно летающимъ надъ тюленьимъ косякомъ. Они преслѣдуютъ пловучія льдины, ложатся и нѣжатся на нихъ; если же заходятъ или случайно попадаютъ подъ сплошной ледъ, то выдуваютъ изъ подъ него отверстіе въ видѣ воронки, такъ называемый *продухъ*, и, высунувъ морду, дышатъ воздухомъ. Они имѣютъ чрезвычайно тонкое чутье и вообще бываютъ очень трусливы; малѣйшаго шума, даже хлопанья веселъ достаточно, чтобы испугать цѣлый косякъ и заставить его уйти въ открытое море; молодые бываютъ, однако, смѣлѣе: плавая обыкновенно по одиночкѣ, они близко подходятъ къ лодкамъ. Интересно смотрѣть, какъ тюлени спятъ; лежа спиною на водѣ, они укачиваются волненіемъ какъ въ колыбели, и только водяныя брызги отъ дыханія летятъ сверкая во всѣ стороны.

Для добыванія тюленя, промышленники снаряжаютъ морскія лодки, на которыхъ бываетъ лоцманъ съ рабочими; лоцманомъ всегда назначается хорошій морякъ и опытный тюленебоецъ. Добываніе тюленя бываетъ весеннее и годовое, первое добыватели называютъ *весничами*, а второе— *зимовичами*.

По открытіи навигаціи, весничи отправляются на весенній бой тюленя и, вышедши въ море, отправляются къ островамъ Святому и Подгорному, лежащимъ вдоль берега Мангышлакскаго полуострова и состоящимъ въ завѣдываніи Астраханскаго Правленія рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ; на эти острова тюлень, какъ только ледъ растаялъ въ морѣ, выходитъ для залежекъ и линянія; окончивъ бой на островахъ, весничи собираютъ по морю плавающаго мертваго тюленя и возвращаются къ сроку въ Астрахань. Годовые тюленебойцы отправляются изъ Астрахани на промыселъ свой въ августѣ, въ сентябрѣ, октябрѣ, и ноябрѣ мѣсяцахъ, прямо къ островамъ, куда тюлень выходитъ для залежекъ, хотя гораздо въ меньшемъ количествѣ въ сравненіи съ весной, а зимой торопятся на мѣста своихъ зимовокъ. Главная зимовка на островѣ Кулалы, но многіе зимуютъ въ Александровскомъ фортѣ и на островѣ Чечнѣ, принадлежащемъ Терскому казачьему войску. Съ 1 февраля отважные тюленебойцы смѣло пускаются съ мѣстъ своихъ зимовокъ на лодкахъ въ море за добываніемъ тюленя на плавучихъ льдинахъ. Окончивъ этотъ опасный промыселъ, зимовичи отправляются къ островамъ, куда тюлень, какъ выше сказано, по растаяніи льда выходитъ для залежекъ и линянія; затѣмъ они, какъ и весничи, собираютъ по морю мертваго тюленя и наконецъ возвращаются къ сроку въ Астрахань. Весенній срокъ для всѣхъ почти тюленьщиковъ — 9-ое мая или, какъ они говорятъ, Вешній Никола (Святителя Николая).

Между принимающими участіе въ тюленьемъ промыслѣ существуютъ слѣдующія отношенія: лоцманы нанимаются не изъ жалованья, а из пая т. е. если лоцманъ самъ четвертъ (лодка тоже считается въ паю), онъ получаетъ пятый пай или пятую часть изъ добытаго тюленя; если же онъ самъ пятъ, то получаетъ шестой пай и т. д. Доля, ежегодно выпадающая на пай, весьма различна. Такъ въ 1873 г. лоцманъ астраханскаго армянина Мизандронцова зимовалъ на островѣ Чечнѣ и получилъ до 800 рублей.

Что же касается рабочихъ, то они на жалованьѣ; весною каждый рабочій получаетъ отъ 25 до 35 руб., а годовой — отъ 60 до 100 руб., смотря по опытности и искусству въ тюленебойствѣ. Провизія имъ выдается отъ хозяина. Бываютъ случаи, что рабочимъ даются *пудовыя* т. е. съ пуда убитаго тюленя, каждому рабочему по 10 или 15 к. сверхъ жалованья. Это дѣлается для поощренія, но не всегда, а при особенныхъ обстоятельствахъ.

Тюлень на Каспійскомъ морѣ составляетъ важный предметъ промысла, какъ вдоль сѣвернаго прибрежья близь устьевъ Волги и Урала,

такъ и вдоль западнаго берега, преимущественно у острова Чечня, а также въ южной части моря, близь островов, лежащихъ около Апшеронскаго полуострова. Главное поприще этого промысла составляетъ, однако, группа *тюленьихъ островов* — Кулалы, Морской, Святой, Подгорный, Долгій, Круглый и Орловъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Мангышлакскаго полуострова, на разстояніи 25 верстъ отъ Тюкъ—Караганскаго мыса и 250 верстъ отъ Астрахани. Въ особенности въ прежнее время на этихъ островахъ труды промышленниковъ всегда вознаграждались чрезвычайно богатою добычею; бывали случаи, что здѣсь убивали до 10,000 тюленей въ одну весеннюю ночь. И въ настоящее время убиваютъ здѣсь наибольшее количество тюленя, но исключительно только на островахъ Святомъ и Подгорномъ; прочіе же острова совершенно оставлены тюленями.

Тюленій промыселъ производится троякимъ образомъ, именно: боемъ на островахъ, гонкою въ ставныя сѣти и боемъ на льду.

Бой тюленя на островахъ составляетъ самую обильную отрасль этой промышленности. Для этого тюленебойщики собираются на островѣ Кулалы, гдѣ устроены для нихъ казармы и домикъ для тюленьяго смотрителя, командируемаго сюда Правленіемъ Рыбныхъ и Тюленьихъ Промысловъ на восемь мѣсяцевъ. Число зимующихъ на Кулалахъ тюленепромышленниковъ доходитъ до 300 человѣкъ. Смотритель обязанъ слѣдить за ними и за порядкомъ производства промысла. По уставу, бой тюленя долженъ начинаться всѣми промышленниками вмѣстѣ заразъ, для чего они обязаны собраться, въ условленное время, къ одному избранному ими пункту и извѣстить объ этомъ заблаговременно смотрителя, который къ назначенному дню долженъ прибыть на тотъ пунктъ. Отъ сборнаго пункта всѣ промышленники отправляются вмѣстѣ съ смотрителемъ на мѣсто боя.

Весною и осенью тюлени выходятъ на острова, чтобы грѣться на солнцѣ и отдыхать. Сторожащія ихъ лодки принимаютъ всегда предосторожность быть подъ вѣтромъ, а не на вѣтрѣ у тюленей, такъ какъ ихъ обоняніе очень тонко и даютъ знать, когда тюлень въ большомъ количествѣ вышелъ на островъ. Тогда тюленебойщики на лодкахъ приближаются къ берегу и ночью выходятъ на островъ. Они вооружены баграми, ножами и *колотушками* или *чекушами*, т. е. толстыми палками, усаженными на одномъ концѣ желѣзными шпильками и окованными до половины желѣзомъ. Предводитель тюленебойщиковъ называется *забойщикомъ* или *атаманомъ* и выбирается всегда изъ опытныхъ и отважныхъ промышленниковъ.

Вооруженные такимъ образомъ, тюленебойщики ползкомъ подкрадываются къ тюленьему косяку и выравниваются въ линію, стараясь при этомъ занять мѣсто между косякомъ и моремъ. По сигналу, данному забойщикомъ, каждый съ поднятою колотушкою бросается къ ближайшему тюленю и, убивъ его ловкимъ ударомъ въ самую морду,

тотчасъ же откидываетъ его багромъ назадъ, а за нимъ другаго, третьяго и т. д. Такимъ образомъ убиваютъ передовыхъ тюленей, изъ которыхъ образуется валъ, въ которомъ остальные встревоженные тюлени, по неловкости своей, находятъ непреодолимую преграду, тѣснятся около него и, попадая подъ дѣйствующую колотушку, становятся до единаго добычею промышленниковъ.

Съ разсвѣтомъ начинаютъ раздѣлывать убитыхъ тюленей; отрубаютъ голову, распарываютъ животъ и вынимаютъ внутренности, которыя вмѣстѣ съ костями и другими остатками или зарываются глубоко въ землю, или бросаются въ море на далекомъ разстояніи отъ берега. Тюленья шкура вмѣстѣ съ толстымъ въ ладонь слоемъ сала отвозится съ поля битвы къ кусовымъ лодкамъ, складывается въ трюмъ и солится для отправки въ Астрахань.

Весенній тюленій бой оканчивается къ 1 іюня, осенній же начинается съ 15 августа.

Промыселъ этотъ производится преимущественно у восточныхъ устьевъ Волги, образующихъ своимъ соединеніемъ прѣсноводный заливъ, извѣстный подъ именемъ Синяго морца. Для этого промышленники собираются на лодкахъ, числомъ не менѣе 24, и избираютъ изъ среды своей двухъ *атамановъ*, изъ которыхъ одинъ называется *черневымъ*, или береговымъ, а другой — морскимъ. Въ каждой *гонной* лодкѣ находятся два гребца и кормщикъ, которые имѣютъ при себѣ, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, по два *ахана* и нѣсколько шестовъ. Каждый аханъ т. е. ставная сѣть съ ячеями въ $4^1/_2$ вершка въ квадратѣ, имѣетъ 15 саж. въ длину и 2 саж. въ ширину. Лодка черневаго атамана всегда держится параллельно берегу на разстояніи закроя лодки, между тѣмъ какъ лодка морскаго атамана удаляется въ море, другія же лодки плывутъ между атаманскими, стараясь держаться на дистанціи не менѣе 150 саж. одна отъ другой. Какъ только одинъ изъ атамановъ замѣтитъ вынырнувшихъ тюленей и надъ ними летающихъ морскихъ чаекъ, что служитъ вѣрнымъ признакомъ того, что плыветъ косякъ тюленей, морской атаманъ тотчасъ поднимаетъ флагъ, вслѣдствіе чего береговой атаманъ уменьшаетъ ходъ своей лодки; тогда первый старается какъ можно скорѣе окружить то мѣсто, гдѣ видѣлъ тюленей и соединиться съ черневымъ атаманомъ, то же дѣлаютъ и лодки ловцовъ; такимъ образомъ оба атамана съ присоединившимися къ нимъ лодками, составивъ полукругъ, съ шумомъ, крикомъ и ударами колотушекъ по лодкамъ, гонятъ тюленя отъ берега въ море. Въ это время восемь бударокъ средней величины, называемыя *замѣтными*, видя, что атаманы гонятъ тюленя, спѣшатъ выставить аханы съ середины, или съ морской стороны, на встрѣчу плывущему тюленьему косяку. Эта самая середина называется *морскимъ зобомъ* и выбивается въ двѣ стѣны на четыре ахана или на 60 саж. для того, чтобы удержать напоръ тюленя; двѣ лодки остаются на концахъ двойной стѣны,

а остальныя, по заведенному порядку, смѣняя другъ друга, очень скоро выбиваютъ съ обѣихъ сторонъ *аханный* или *сѣтный дворъ*, оставивъ къ сторонѣ берега, т. е. къ сторонѣ гонщиковъ, открытое пространство на четыре ахана, называемое *воротами*; двѣ лодки остаются у воротъ и называются *запорными*. Какъ только тюлень прошелъ ворота и вошелъ въ устроенный аханный дворъ, гонщики спѣшатъ туда же за тюленемъ и *запорныя лодки* немедленно запираютъ ворота т. е. загораживаютъ ихъ аханами. Войдя во дворъ, лодки становятся по аханамъ и *выбагриваютъ* запутавшихся въ нихъ тюленей. Если тюлень плохо путается въ аханы, то гонятъ его къ *зобу* и дворъ перегораживаютъ аханами въ разныхъ направленіяхъ, такъ что тюлень, куда не бросится, путается въ сѣти, откуда и выбагриваютъ его, а плавающихъ бьютъ сандовьями. Гонщики передаютъ убитыхъ тюленей на *подъѣздную* лодку и, собравъ аханы, снова пускаются, тѣмъ же порядкомъ, для дальнѣйшей добычи.

Въ прежнее время промышленники, подъ начальствомъ опытнаго вожака—*атамана*, въ январѣ мѣсяцѣ, отправлялись на саняхъ въ море, къ окраинѣ льда, удаляясь нерѣдко отъ берега верстъ на 70 и болѣе, находили тюленьихъ самокъ съ дѣтенышами, лежащихъ на льду, и, не давъ имъ уйти въ *лазки*, убивали ихъ изъ ружей или ударами колотушекъ въ голову.

Въ настоящее же время зимній бой строго воспрещенъ, потому что убивались преимущественно молодые дѣтеныши *бѣленькіе*, изъ за нѣжнаго и бѣлаго мѣха, который принимаетъ всякую окраску. Да и самый промыселъ былъ весьма опасенъ. Нерѣдко отважный охотникъ не замѣчалъ, какъ поднявшійся гибельный для него вѣтеръ отдѣлялъ его отъ сплошной массы льда и на оторванной льдинѣ уносилъ далеко въ море, и такимъ образомъ дѣлался жертвою своей отваги.

Сало и кожа составляютъ тѣ продукты, изъ-за которыхъ производится охота на тюленей.

Изъ сала приготовляютъ жиръ. Для этого соскабливаютъ съ кожи сало скобками, т. е. ножами, имѣющими форму пологой дуги, къ обоимъ концамъ которой придѣланы деревянныя ручки. Соскобленное сало оставляютъ стекать на солнцѣ, что даетъ первый сортъ жира—*самотекъ*. Послѣ этого его кладутъ въ желѣзные котлы, на дно которыхъ налито немного воды, чтобы сало не пригорало, и вытапливаютъ на огнѣ. Этотъ тюленій жиръ имѣетъ свѣтло-коричневый цвѣтъ и составляетъ второй сортъ. Изъ одного пуда сыраго сала выходитъ весною 20 ф. чистаго жиру, осенью же отъ 22 до 24 фунтовъ.

На трехъ заводахъ, устроенныхъ купцами Власовымъ, Солинымъ и Орѣховымъ на правомъ берегу Волги, противъ города Астрахани, и на заводѣ гг. братьевъ Сапожниковыхъ, устроенномъ на промыслѣ Икряномъ, въ 35 верстахъ ниже Астрахани, вытапливается тюленье сало паромъ, и это производство устроено въ огромныхъ размѣрахъ.

Заведеніе на Икряномъ можетъ доставить болѣе 100,000 п. тюленьяго жира. Приготовленіе жира производится здѣсь только весною. Часть привезенныхъ сюда *обпленныхъ* тюленей (безъ башки и тушки) тотчасъ идетъ въ разработку, другая же часть солится и слкадывается для сохраненія въ выходъ, который вмѣщаетъ до 50,000 п. такого тюленя. Въ выходѣ устроены 5 огромныхъ чановъ, дно и бока которыхъ выложены свинцовымъ листомъ; каждый чанъ вмѣщаетъ до 7,000 п. жира. Полъ выхода, отлого понижающійся къ чанамъ, способствуетъ тому, что жиръ, истекающій изъ тюленей, нагроможденныхъ по сторонамъ вплоть до потолка, самъ собою наполняетъ чаны.

Чтобы кожа не могла портиться отъ прилегающаго къ ней сала, тюленей солятъ.

Тюленій жиръ отправляется въ верховые города, преимущественно въ Москву, гдѣ его употребляютъ на мыловареніе и выдѣлку кожъ.

Тюленьи кожи, очищенныя отъ жира, для предохраненія отъ порчи, солятъ, при этомъ идетъ отъ $2^1/_2$ до 4 фунт. соли на кожу. Десять кожъ обыкновенно вѣсятъ 1 пудъ.

Кожи бѣльковъ подкрашиваются и выдѣлываются въ довольно красивые и мягкіе мѣха, а кожи взрослыхъ тюленей идутъ преимущественно для обивки сундуковъ и другихъ предметовъ и на ранцы.

Статистика.

1) Тюленьяго промысла.

а) *Количество добытаго тюленя.*

Въ	1867	году	143,107	штукъ	тюленя.
„	1868	„	135,550	„	„
„	1869	„	119,403	„	„
„	1870	„	147,350	„	„
„	1871	„	79,442	„	„
„	1872	„	159,479	„	„
„	1873	„	174,628	„	„

Среднее количество составляетъ 136,994 штуки.

Средняя цѣнность привозимаго въ Астрахань тюленя 1 р. 40 к. за пудъ.

b) *Количество вывезеннаго тюленьяго жира и шкуръ.*

1867	года	93,395	пудъ;	шкуръ	131,723	штукъ.
1868	„	104,161	„	„	150,947	„
1869	„	81,979	„	„	128,701	„
1870	„	78,790	„	„	137,030	„
1871	„	59,154	„	„	90,468	„
1872	„	103,236	„	„	150,759	„
1873	„	113,308	„	„	167,345	„

Среднее за 7 лѣтіе 92,008 пудъ и *137,567* штукъ.

Средній доходъ казны отъ пошлины съ жира 36,188 р., отъ пошлины со шкуръ *4,032 р.*

Въ 1873 году доходъ казны съ Каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ былъ *911,469 р. 61 к.* Изъ нихъ рѣчныхъ Волжскихъ—*252,435 р. 93 к.* Съ морскихъ рыбныхъ и тюленьихъ: *188,313 р.* Съ Закавказскихъ (Сальянскихъ) *393,000 р.* Съ промысловъ, состоящихъ въ завѣдываніи Астраханскаго Правленія рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ *490,469 р. 61 к.*

11. Виноградники и винодѣліе въ Астраханской губерніи.

Описаніе мѣстности, гдѣ разводятся виноградные сады.

Городъ Астрахань лежитъ подъ 46° 21′ с. ш. и 65° 42′ в. д. и по образованію почвы принадлежитъ къ такъ называемой Каспійской формаціи. Площадь города представляетъ ровную мѣстность, по которой изрѣдка разбросаны бугры глинистые и песчано-глинистые съ значительною частью органическихъ веществъ, а частью съ примѣсью разныхъ солей. Вершины бугровъ хотя годны къ воздѣлыванію, но въ почвѣ ихъ, самой по себѣ, не принимается ни одно культурное растеніе. Почву бугровъ слѣдуетъ приготовлять для каждаго дерева, для каждаго растенія, вырывая соразмѣрную яму, наполняемую приготовленною землею.

Зимы въ Астрахани малоснѣжныя и умѣренныя, весна теплая и вѣтренная, лѣто жаркое и сухое, осень большею частью теплая. Навигація открывается въ началѣ марта и закрывается въ концѣ ноября, а втеченіе года среднее число дней, въ которые рѣка покрывается льдомъ, не превышаетъ 101.

Средняя годичная температура +7, 4°, средняя высшая +28, 5°, *средняя низшая—12, 6°*, преобладающіе вѣтры SO и NO.

Абсолютная наибольшая температура бываетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ +32° Р.

Астрахань омывается р. Волгою и рукавами ея, рр. Болдою и Кутумомъ, прорѣзывающимъ городъ на двѣ части. Городская площадь занимаетъ 4,608 десятинъ, изъ которыхъ подъ садами числится 89 $^1/_2$ дес. Вообще въ здѣшнемъ климатѣ ничего не растетъ безъ поливки, которая производится вѣтряными поливальными мельницами. Хорошій садъ, будучи запущенъ, погибаетъ въ самое короткое время, и мѣстность, которая была имъ занята, представляетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ голую степь.

Культура винограда.

Виноградныя лозы сажаются съ фруктовыми деревьями, занимая въ садахъ отдѣльную мѣстность, по обѣимъ покатостямъ бугровъ, большая часть которыхъ расположена при запрудахъ, гдѣ задерживается вода послѣ розлива рѣки. Мѣсто, занятое извѣстнымъ числомъ виноградныхъ кустовъ, называется *солмакомъ*. Иногда въ верхней части бугра сажаютъ виноградъ, немного ниже—фруктовыя деревья, а на самомъ низу—овощь. Солмаки бываютъ величиною отъ 10—80 кв. с. и, напримѣръ, въ солмакѣ до 40 саж. бываетъ до 10 бороздъ, въ каждой бороздѣ садится до 10 кустовъ винограда.

При наступленіи теплыхъ дней, большею частью около Благовѣщенія, отрываютъ виноградную лозу изъ бороздъ, въ которыхъ она зарывалась на зиму, прикрытая отъ стужи сѣномъ, чаканомъ и землею. Затѣмъ подвязываютъ лозы мочальными петлями къ горизонтальнымъ шестамъ; эти шесты соединяются между собою продольными жердями, привязываемыми къ верхушкамъ шестовъ.

По окончаніи этой работы, борозды ровняются, очищаются отъ сѣна и другаго сора, а чрезъ нѣсколько времени подбивается трава.

Передъ посадкою новыхъ виноградныхъ лозъ, на предназначенныхъ мѣстахъ вырываются ямы, глубиною отъ 1—1 $^1/_2$ ар., которыя наполняются унавоженнымъ суглинкомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ старые кусты винограда подвертываются и вновь обсыпаются унавоженнымъ суглинкомъ.

Виноградныя лозы сажаются прямыми рядами въ борозды, глубиною въ 8 вершковъ, съ разстояніемъ между кустами отъ 1 $^1/_4$ — 1 $^3/_4$ аршина.

Виноградъ отводится осенью однолѣтними лозами, называемыми *чебуками*, которые или отрѣзываются отъ куста или отдѣляются отъ него. Въ послѣднемъ случаѣ отводится прутъ, который сгибается колѣнцемъ, зарывается въ удобренную землю и только отрѣзывается на слѣдующій годъ.

Лоза принимается въ то же лѣто и черезъ четыре года приноситъ плодъ.

Виноградники, со времени посадки до зрѣлости, съ апрѣля по августъ мѣсяцъ, поливаются около семи разъ, смотря, впрочемъ, по грунту земли.

Раньше всѣхъ сортовъ цвѣтетъ скороспѣлый виноградъ, въ концѣ мая, послѣ—дербентскій бѣлый, кишмишь, толстокорый, сафьяный и, наконецъ, осенній.

По окончаніи цвѣтенія, въ іюнѣ и въ началѣ іюля листы на виноградныхъ лозахъ прищипываются для того, чтобы солнечные лучи прямо ударяли на кисти, отъ чего виноградъ скорѣе созрѣваетъ.

Зрѣлый виноградъ срѣзывается кистями, укладывается въ боченки, вѣсомъ отъ 10—20 ф. въ каждомъ, пересыпается просомъ и въ такомъ видѣ отправляется для продажи.

Въ началѣ октября мѣсяца, по окончаніи уборки винограда, срѣзываются лишніе прутья и оставляются на каждомъ кустѣ, смотря по сорту винограда, нѣсколько главныхъ прутьевъ, отъ 4 до 6.

Въ Астрахани разводится около 30 сортовъ винограда, въ томъ числѣ и разновидностей. Винограду сильно вредятъ весенніе морозы, бывающіе иногда въ началѣ апрѣля, а изъ насѣкомыхъ—червь, который, впрочемъ, особенно сильнаго вліянія на произростаніе винограда не имѣетъ. Болѣе всего винограду вредятъ птицы, которыхъ отгоняютъ стрѣльбою, пугалами, шумомъ и пр.

Вообще виноградъ въ Астрахани отъ частой поливки водянистъ, и изъ него выдѣлывается плохое вино. Въ 1874 г. было только 52 виноградника, тогда какъ въ началѣ текущаго столѣтія—124, слѣдовательно, впродолженіе 70 лѣтъ виноградники уменьшились болѣе чѣмъ въ 2 раза.

Всего винограда, за мѣстнымъ потребленіемъ, отсылается въ верховыя губерніи на сумму до 35,000 руб. ежегодно, но сумма эта то повышается, то понижается, смотря по степени урожая.

Въ садахъ изъ первыхъ рукъ виноградъ продается отъ 50 к. до 2 р. 50 к. за пудъ, а съ укладкою въ ящики и засыпкою просомъ до 4 р. за пудъ. Вообще можно сказать, что виноградники приносятъ дохода не болѣе 6% и только въ томъ случаѣ, когда самъ хозяинъ присматриваетъ и работаетъ,—отъ 8 — 15%. Расходы и хлопоты по содержанію виноградника весьма значительны. Садоводъ въ здѣшней мѣстности долженъ прежде всего озаботиться устроить и поправить водоподъемныя машины, конныя и вѣтряныя, прочистить по саду борозды, по которымъ проходитъ вода, устроить резервуаръ для храненія воды, подвязать виноградныя лозы мочальными петлями и пр. Расходы еще увеличиваются наймомъ работниковъ, которые на своей пищѣ получаютъ отъ 15—20 р. въ мѣсяцъ, или же отъ 30—60 к. въ сутки.

Винодѣліе.

Въ настоящее время приготовленіе вина изъ здѣшняго винограда производится только нѣсколькими лицами, пользующимися не только мѣстнымъ продуктомъ, но и виноградомъ, привозимымъ съ Кавказа, большею частью изъ Кизляра.

Сборъ винограда въ прессованіе на винодѣліе производится втеченіе сентября, и кисти, срѣзанныя по сортамъ, укладываются въ лукошки и развозятся въ винодѣльное заведеніе, гдѣ, уложенныя въ чаны, подвергаются прессовкѣ ручнымъ способомъ. На винодѣліе употребляется преимущественно кишмишь, венгерскій бѣлый и синій и толстокорый, прессуемые особо, остальные же сорта давятся вмѣстѣ.

Большею частью виноградъ разныхъ породъ, предназначенный на винодѣліе, складывается въ садахъ въ большія кадушки, гдѣ онъ мнется и прѣетъ.

Для полученія лучшаго вина, такъ называемаго изъ вяленныхъ ягодъ, срѣзанныя виноградныя кисти укладываются въ одинъ рядъ на веревочныя рѣшета и въ такомъ положеніи остаются на открытомъ воздухѣ трое сутокъ, чтобы солнце вытянуло сырость.

Иногда срѣзанныя кисти укладываются въ одинъ рядъ на рогожкахъ, разосланныхъ въ закрытыхъ сараяхъ, съ сквознымъ теченіемъ воздуха, и кисти переворачиваются каждый день впродолженіе трехъ недѣль, и затѣмъ виноградъ прессуется. Полученное вино, разлитое въ бутылки, зарывается на одинъ годъ въ песокъ.

Особыхъ аппаратовъ для выжимки вина нѣтъ въ употребленіи. Вино продается въ сыромъ видѣ ведрами отъ 2 р. до 2 р. 50 к., а бутылками отъ 30 до 60 к.

Изъ заведеній, выдѣлывающихъ вино изъ астраханскаго винограда, преимущественно извѣстно одно—купца Николая Зварыкина. Въ 1872 г. имъ приготовлено 2,700 ведеръ и 3,000 бутылокъ шампанскаго на 8,550 р. Въ 1873 г.—26,000 бут. обыкновеннаго вина и 3,200 бут. шампанскаго, всего на 14,920 р.

12) О соляныхъ промыслахъ въ Россіи.

а) Общій очеркъ.

Поваренная соль—соединеніе натрія съ хлоромъ, составляетъ одинъ изъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ для людей и скота и она же употребляется на заготовленіе въ прокъ мяса, рыбы, овощей и другихъ запасовъ народнаго продовольствія, — на производство соды, мыла, стекла и многихъ иныхъ фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ издѣлій и пр.

Въ природѣ соль встрѣчается въ трехъ видахъ: въ твердомъ— *каменная*, залегаетъ въ нѣдрахъ земли, на глубинѣ отъ 2 аршинъ до 100 и болѣе саженъ, пластами огромнѣйшихъ размѣровъ; *озерная*, осѣвшая искони мелкими кристаллами въ углубленіяхъ, составлявшихъ нѣкогда морское дно,—и *вываpочная*, добываемая изъ источниковъ. Прѣсныя воды, проникая въ нѣдра земли до пластовъ каменной соли, проходятъ по тѣмъ пластамъ и, напитавшись солью, извергаются на поверхность въ видѣ соляныхъ ключей сами собой, или извлекаются искусственно, посредствомъ углубляемыхъ въ землю трубъ, въ родѣ артезіанскихъ колодцевъ. Изъ морской воды соль добывается двумя способами: искусственно, выпаркою разсоловъ на заводахъ, посредствомъ огня и натурально—испареніемъ морской воды, при содѣйствіи солнечныхъ лучей, въ устраиваемыхъ нарочно для того бассейнахъ.

Оба полушарія изобилуютъ солью всѣхъ означенныхъ водъ; на материкѣ Европы особенно богата солью Россія, гдѣ предгоріе Урала, по направленію отъ Сѣвернаго океана до южнаго рубежа Имперіи, бассейны рѣкъ: Сѣверной Двины, Вычегды, Печоры, Камы, Урала, Волги и Дона и прибрежья морей: Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго переполнены соляными источниками, залежами каменной и самосадочной соли, которая можетъ продовольствовать безконечно народонаселеніе всей Европы. Также изобилуютъ солью въ Австріи подножіе Карпатовъ и берега Адріатики; въ Англіи—графство Ворчестерское и окрестности Ливерпуля; во Франціи прибрежья Средиземнаго моря и Атлантическаго океана и нѣдра Пиренеевъ.

Количество добываемой ежегодно въ Европѣ соли простирается до 260 мил. пудъ.

Акцизные сборы съ добычи туземной соли, таможенные сборы съ привозной соли непостоянны и колеблются отъ 100 до 300% дѣйствительной ея цѣны. У насъ въ Россіи акцизъ съ пуда добываемой соли 38 коп.

Изъ европейскихъ государствъ соляная промышленность во всѣхъ видахъ достигла обширнѣйшаго развитія и высокаго совершенства въ Англіи, которая, не довольствуясь разработкою собственныхъ своихъ сольниковъ, покупаетъ соль въ другихъ странахъ и, улучшая ея качество, посредствомъ фабрикаціи, снабжаетъ этимъ жизненнымъ продуктомъ многія другія страны.

Вообще тамъ, гдѣ выше акцизъ, менѣе употребляется соли, въ ущербъ государственныхъ и народныхъ интересовъ, и наоборотъ, гдѣ нѣтъ акциза, расходъ соли увеличивается во много разъ и благотворно отражается на улучшеніи земледѣлія и скотоводства, на развитіи различныхъ отраслей фабричнаго и заводскаго производства, промышленности и торговли и на улучшеніи матеріальнаго быта народонаселенія.

Важнѣйшіе соляные промыслы въ Россіи расположились исключительно почти по оконечности восточнаго рубежа Европы, отъ Бѣлаго до Каспійскаго моря и Чернаго и подраздѣляются на три рода: *соль выварочную, соль каменную и соль самосадочную озерную.* Большая часть этихъ промысловъ принадлежитъ казнѣ, остальные хотя и составляютъ частную собственность, но въ отношеніи производства и сбыта соли, находятся подъ надзоромъ правительства и уплачиваютъ установленный акцизъ.

Изъ солеваренныхъ заводовъ замѣчательны заводы Пермскіе, они находятся въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, по теченію р. Камы; часть ихъ принадлежитъ казнѣ (Дедюхинскій заводъ), а большая часть принадлежитъ частнымъ лицамъ (гр. Строгоновымъ, князьямъ Голицынымъ, Лазаревымъ, княгинѣ Бутеро и проч.)

Дедюхинскій казенный заводъ, по своему положенію на берегу судоходной р. Камы, по изобилію и богатству разсоловъ, по дешевизнѣ добычи соли, относится къ первокласнымъ. Онъ принадлежалъ прежде Строгоновымъ, которыми и былъ основанъ еще въ XVI ст.; въ половинѣ XVIII (1764 г.) поступилъ въ собственность казны. Ежегодно вывариваетъ соли до 2.000,000 пудъ. Къ этому заводу приписано земли и лѣсу до 30,000 десятинъ. Работы производятся вольнонаемными людьми (до 2,000 рабочихъ). Соль сплавляется по рр. Камѣ и Вычегдѣ и расходится между народонаселеніемъ преимущественно губерній Пермской, Вятской и Вологодской.

Частные заводы Пермскіе. Новоусольскіе и Ленвенскіе заводы гр. Строгоновыхъ, князей Голицыныхъ, княгини Бутеро и Лазаревыхъ. Къ заводамъ приписано земель и лѣса до 280,000 десятинъ, причислено было крестьянъ до 12,000 человѣкъ. Теперь всѣ работы производятся вольнонаемными людьми. Заводы расположены по лѣвому берегу Камы, въ долинѣ, имѣющей въ ширину до 10 верстъ. При полномъ и безпрерывномъ дѣйствіи всѣхъ варницъ (99), выварка соли впродолженіе года могла бы дать до 14 м. пудъ; но какъ въ дѣйствіяхъ варницъ бываютъ періодическія остановки, то ежегодную выварку на промыслахъ полагаютъ отъ 8 до 10 мил. пудъ.

Соликамскія варницы. Соликамскіе частные соляные промыслы находятся въ г. Соликамскѣ и его окрестностяхъ. Соли вываривается до 1 мил. пудъ.

Балахнинскіе частные заводы по времени своего основанія самые древнѣйшіе въ Россіи. Соли добывается до 200,000 пудъ.

Соль каменная. Каменная соль до сихъ поръ открыта въ пяти мѣстахъ: въ Оренбургской губерніи, въ Астраханской и Эриванской, въ Сибири и въ Екатеринославской въ 1873 г.

Илецкая каменная соль добывается въ Оренбургской губерніи близь города Илецка, въ 66 вер. отъ Оренбурга.

Озерная соль самосадочная. Соляныя озера въ Россіи распростра

нены на громадномъ протяженіи и въ безчисленномъ множествѣ. Соляныя озера двухъ родовъ: одни—обширнѣйшія, содержатъ соль, осѣвшую искони вѣковъ въ несмѣтномъ количествѣ, превосходнаго качества, а другія осаждаютъ соль періодически — въ лѣтніе мѣсяцы, въ количествѣ, зависящемъ отъ климатическихъ условій, нерѣдко въ смѣшеніи съ солями горькими и веществами, негодными въ пищу и вредными для здоровья.

Озера перваго вида представляютъ разработки впродолженіе круглаго года такимъ же способомъ, какъ добывается соль каменная, съ однимъ только необходимымъ условіемъ—промывки въ рапѣ (въ соляной жидкости), безъ чего она имѣетъ грязный видъ, а потому добыча таковая должна быть производима въ лѣтніе мѣсяцы, когда на соляномъ пластѣ или флецѣ находится достаточное количество жидкости для промывки выламываемой соли.

Изъ озеръ перваго разряда болѣе извѣстны два: *Элтонское* и *Баскунчакское*.

Элтонское озеро лежитъ въ Астраханской губерніи Царевскаго уѣзда, въ 132 верст. отъ Николаевской пристани на Волгѣ. Имѣетъ площадь до 160 кв. верстъ.

Рапа (соляная жидкость) покрываетъ соляной флецъ т. е. пластъ, въ началѣ лѣта, отъ 1—4 вершковъ. Толщина соляного флеца еще не изслѣдована. При производствѣ въ этомъ отношеніи опытовъ, оказалось, что соль залегаетъ пластами, которые, по мѣрѣ углубленія, дѣлаются толще и тверже.

Чѣмъ старѣе эти пласты, тѣмъ доброкачественнѣе соль, и потому при добычѣ отдѣляются верхніе три слоя; особенно же новосадка, такъ называемый боскаъ, который хотя и имѣетъ бѣлый цвѣтъ, но, по горькому вкусу, для употребленія въ пищу не годится.

Въ озеро вливаются восемь рѣчекъ, изъ которыхъ замѣчательна только одна, Хорезахъ, имѣющая въ длину до 40 вер.; остальныя лѣтомъ пересыхаютъ. Вода во всѣхъ этихъ рѣкахъ соленая и служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ соляной рапы въ озерѣ; утверждаютъ, что рѣчки эти, также какъ и вода въ озерѣ, не замерзаютъ въ самые сильные морозы, а только густѣютъ въ видѣ соленаго тѣста. Рапа, кромѣ поваренной соли, содержитъ хлористое магни и сѣрнокислую магнезію. Во время жаровъ на поверхности Элтона въ рапѣ примѣтны соляныя частицы въ видѣ звѣздочекъ, которыя, соединяясь между собою, по тяжести падаютъ на дно. Это озеро неистощимо: впродолженіе 126 лѣтъ, хотя извлечено уже до 500 мил. пуд., но не только не замѣтно на этомъ мѣстѣ никакой убыли, а напротивъ, послѣдовали еще замѣчательныя приращенія.

Выломка соли производится вольнонаемными рабочими людьми, которые въ указанныхъ для разработки мѣстахъ разбиваютъ пластъ соли желѣзными пѣшнями и лопатками и, по промывкѣ ея въ рапѣ, скла-

дываютъ въ небольшія конусообразныя кучки и, по просушкѣ, вывозятъ на берегъ и складываютъ въ пирамидальные бугры, примѣрнаго вѣса отъ 100,000 до 500,000 пуд., изъ которыхъ отпускается покупателямъ чрезъ конторы (особаго устройства механическіе вѣсы).

Для обезпеченія исправной перевозки соли, по повелѣнію Великой Екатерины переселено было въ окрестности Элтона малороссовъ до 26,000 чел.; отмежеваны особые солевозные тракты: одинъ по направленію къ Покровской пристани противъ г. Саратова на 240 вер., и другой въ 81 вер. отъ Николаевской пристани, противъ г. Камышина, на 130 вер., каждый въ ширину по 40 вер. съ 15-ти верстнымъ по оконечностямъ пространствомъ выгоновъ; сами же перевозчики надѣлены были огромнымъ количествомъ земли, освобождены отъ всякихъ денежныхъ, натуральныхъ повинностей и рекрутства.

Для предупрежденія дальнѣйшаго вреда отъ недостатковъ соли, саратовскіе солеторговцы, многіе капиталисты мѣстной администраціи, представляли различные проэкты на постройку желѣзной дороги отъ Элтона до р. Волги, но къ сожалѣнію, вопросъ о желѣзной дорогѣ остается до сихъ поръ неразрѣшеннымъ.

Элтонская соль состоитъ изъ крупныхъ кристалловъ хлористаго натрія, которые, для употребленія въ пищу, размельчались частью самими употребителями, частью же—промышленниками, на обыкновенныхъ ручныхъ жерновахъ. Со времени открытія добычи и продажи очищенной элтонской соли, операція эта приняла болѣе обширный видъ, и для перемола соли устроены въ городахъ Саратовѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Рыбинскѣ мельницы.

Благопріятное условіе, въ которомъ находится элтонское соляное озеро въ отношеніи количества и качества соли и дешевизна ея добычи, ставитъ это озеро въ рядъ первоклассныхъ государственныхъ запасовъ самаго необходимаго жизненнаго продукта—соли, а положеніе его вблизи р. Волги и не въ далекомъ разстояніи отъ Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги даетъ возможность какъ въ Саратовѣ, такъ и по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ въ многолюдныхъ и торговыхъ пунктахъ, устроить оптовые склады соли и обезпечить этимъ жизненнымъ продуктомъ половину населенія Европейской Россіи.

Озеро Баскунчакское. Оно находится въ Черноярскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи, въ 50 верстахъ отъ притока р. Волги, Ахтубы, простирается до 80 кв. верстъ. Видъ озера и качество соли однообразны съ Элтонскимъ. Въ 1866 г. изъ него добыто было до 3 мил. пудъ. При Баскунчакскомъ озерѣ возвышается гора Богдо, на южной сторонѣ которой находятся признаки сѣры, гипса и другихъ минераловъ.

Астраханскія и ставропольскія озера. Астраханскихъ и ставропольскихъ озеръ считается 711 и солончаковъ 1,327; въ томъ числѣ озеръ, болѣе важныхъ по величинѣ своей, по удобству для добычи и перевозкѣ соли въ магазины, 19, изъ коихъ представляется возмож-

ность извлекать ежегодно соли до 5.000,000 п. Ломка соли обыкновенно начинается съ половины августа и оканчивается въ послѣднихъ числахъ сентября.

Астраханскія и ставропольскія озера имѣютъ только мѣстное значеніе, для обезпеченія солью туземнаго народонаселенія и для удовлетворенія потребностей на посолъ рыбы нижневолжскихъ и прикаспійскихъ промысловъ.

Озера крымскія и черноморскіе лиманы. Группа соляныхъ озеръ, разсѣянныхъ въ Таврической губерніи, извѣстны подъ общимъ наименованіемъ крымскихъ; лиманы тождественны съ астраханскими озерами. Они занимаютъ площадь отъ полверсты до 10 верстъ и производство соли изъ нихъ непосредственно зависитъ отъ климатическихъ условій: въ сухіе лѣтніе мѣсяцы осаждается болѣе, а въ дождливые—менѣе; продуктъ получается качества низкаго, подъ названіемъ *бузуна*; употребляется въ пищу простонародьемъ и частью на посолъ рыбы и въ кормъ скота. Количество добываемой соли простирается отъ 7 до 17 мил. пудъ.

Озера казачьихъ войскъ: Донскаго, Уральскаго и Кубанскаго. Для снабженія солью казачьихъ войскъ: Донскаго, Уральскаго и Кубанскаго отведены въ пользованіе ихъ значительныя озера: *Маныч-ское, Илдычерское* и др., изъ которыхъ добываемая соль употребляется безакцизно исключительно въ войсковыхъ предѣлахъ, приблизительно до 2 м. пудъ.

Закавказскіе соляные промыслы. Эти промыслы относятся также къ числу изобильныхъ, они не только обезпечиваютъ вполнѣ туземное народонаселеніе и богатые рыбные промыслы устьевъ р. Куры и прибрежьевъ Каспійскаго моря, но и отпускаютъ значительное количество въ Персію и Турцію.

Сибирскія и средне-азіятскія мѣсторожденія соли. Сибирь вообще и среднеазіятскія области въ особенности богаты разнаго рода солью и обезпечиваютъ вполнѣ продовольствіе туземнаго народонаселенія.

Соляныя операціи Привислянскихъ губерній. Въ Привислянскихъ губерніяхъ соль употребляется четырехъ видовъ: туземная, добываемая на заводахъ, принадлежащихъ Польскому Банку; иностранная, доставляемая изъ Австріи изъ Бохніи и Велички; изъ Пруссіи и Остзейскихъ губерній (привозимая изъ Англіи) и русская, проникающая изъ губерній западныхъ, Волынской и Гродненской.

b) Элтонъ.

(Изъ путевыхъ очерковъ).

Элтонское озеро находится въ 90 вер. къ сѣверо-востоку отъ Царева. Пространство его 161 кв. вер. Видъ озера овальный; наибольшая длина 19½ вер., на 15 вер. Оно лежитъ на ровной степной площади, состоящей изъ раз-

наго рода глинъ и песка, проникнутыхъ въ иныхъ мѣстахъ до того солью, что образуются солончаки. Растительность на этой площади бѣдна; всѣ виды растеній принадлежатъ къ семействамъ солянковыхъ. Въ озеро вливаются 8 рѣкъ, изъ коихъ замѣчательна только одна—*Хорезахъ*, имѣющая длину до 40 вер.; остальныя лѣтомъ пересыхаютъ. Вода во всѣхъ этихъ рѣкахъ соленая и служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ соленой рапы въ озерѣ. Кромѣ Элтона въ Астраханской губерніи еще до 700 соляныхъ озеръ, раскинутыхъ преимущественно по всему морскому прибрежью въ Красноярскомъ и Астраханскомъ уѣздахъ.

„Ничѣмъ не задержанное, путешествіе наше продолжалось часовъ четырнадцать *); скоро по выѣздѣ изъ послѣдняго почтоваго умета мы примѣтили на восточномъ краю горизонта какъ будто легкій темноватый паръ. „Тамъ Элтонъ“, объявилъ намъ ямщикъ и тутъ же объяснилъ, что киргизы за сто верстъ и болѣе примѣчаютъ Элтонъ, потому что изъ него будто бы подымается черный дымъ. По мѣрѣ приближенія къ озеру, растительность начинаетъ исчезать, и кругомъ озера верстъ на пять солонцовая земля почти совершенно безплодна. Скоро завиднѣлась и свинцовая поверхность озера, окаймленная бѣлою, какъ снѣгъ, блестящею полосою. Элтонское поселеніе или пристань лежитъ на юго-западномъ берегу озера, саженяхъ во ста отъ края озера; вся мѣстность совершенно плоская и почти на одномъ уровнѣ съ поверхностью озера. Первое впечатлѣніе чрезвычайно грустно: небольшое поселеніе почти стушевывается среди огромной плоскости, желтобурая земля безъ признака зелени, кое гдѣ какъ бы политая бѣловатыми струйками соли, грязный берегъ озера, точно посыпанный искорками соли, а по краямъ покрытый сплошь бѣлымъ слоемъ, невыносимо сверкающимъ на солнцѣ; матовая, красновато-лиловая поверхность озера, слегка колеблющаяся при вѣтрѣ, но колеблющаяся плавно, мертво, безъ брызговъ, безъ ряби; противоположный берегъ, скрывшійся въ мглистомъ туманѣ, огромные, бѣловато-грязные бугры соли, наваленной на берегу, и къ этому — зной безъ тѣни и вихри ѣдкой пыли, — вотъ главныя черты образовавшейся предъ нами картины, невольно напомнившей „Богомъ сожженную“ страну Мертваго моря.

Но если природа не дала этому мѣсту богатствъ растительности, за то наградила его неистощимымъ запасомъ одного изъ драгоцѣннѣйшихъ для человѣка матеріаловъ—прекрасной, чистой, какъ снѣгъ бѣлой соли.

Элтонъ по всей площади своей одинаково богатъ солью. Глубина воды по всему озеру одинакова и можетъ, при тихой погодѣ, повсемѣстно считаться вершковъ въ двѣнадцать, такъ что озеро поднимаетъ только мелкія плоскодонныя лодки (дощаники); въ вѣтеръ глубина различныхъ частей озера быстро измѣняется; густая, сильно насыщенная минеральными частицами, вода отгоняется вѣтромъ отъ одного берега

---

*) Отъ Николаевской слободы на Волгѣ.

и приливаетъ къ противоположному: на одномъ берегу дно озера обнажается или, по крайней мѣрѣ, глубина воды уменьшается до 1, 2 и 3 вершковъ, на другомъ—она возростаетъ до 17, 20 и болѣе вершковъ. Говоря „дно", мы разумѣемъ твердый соляной слой, лежащій подъ водою, а какъ глубоко находится настоящее, почвенное дно озера, объ этомъ кажется, никто не знаетъ. Обыкновенно, лежащій подъ водою, соляной пластъ выламывается не болѣе какъ на аршинъ глубины; далѣе ломка дѣлается затруднительною вслѣдствіе чрезвычайной крѣпости окристаллизовавшейся соли; говорятъ, пробовали когда то пробить, сколь возможно глубже, соляной слой, но далѣе 1½ сажени опытъ не могъ продолжаться. Намъ разсказывали, что будто бы гдѣ то на озерѣ есть два или три провала недосягаемой глубины, извергающіе постоянно холодную, прозрачную воду, но провѣрить этотъ разсказъ намъ не удалось.

Элтонъ не выпускаетъ ни одного истока, но принимаетъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, всѣ съ горько-соленою водою; всѣ эти рѣчки коротки, и ихъ верховья въ сосѣдствѣ озера.

Образованіе (сàдка) соляныхъ слоевъ происходитъ, такъ сказать, на глазахъ зрителя: насыщенная солями, озерная вода, называемая здѣсь техническимъ именемъ *рапы*, подъ вліяніемъ воздуха и солнца, безпрерывно осаждаетъ на дно соляныя частицы, увлекающія съ собою и черноватыя частицы ила, которымъ проникнута рапà; вѣроятно, этотъ илъ образуется изъ постоянно носящейся надъ озеромъ, какъ и надъ всей степью, густой пыли и изъ грязи, наносимой въ озеро рѣчками и весенними и осенними потоками. Замѣчательно, что выломанный кусокъ соли, имѣющій обыкновенно цвѣтъ и видъ грязнаго льда, полежавъ на солнцѣ, очищается и бѣлѣетъ безъ всякой обмывки или очистки; прекрасные, бѣло-мраморной чистоты, куски соляныхъ кристалловъ, которые намъ показывали, были сперва грязно синяго цвѣта и получали чистый бѣлый цвѣтъ, только полежавъ нѣсколько дней на солнцѣ.

Такъ какъ наносъ ила бываетъ главнымъ образомъ разъ въ году, по стаяніи снѣговъ, то соляные слои одного года замѣтно отдѣляются отъ слоевъ другаго года болѣе грязною полосою соли. Лучшимъ и удобнѣйшимъ для ломки слоемъ считается прошлогодній, затѣмъ третьегодній; слой, образовавшійся за три года, считается уже не столь выгоднымъ для разработки, по трудности выломки, а слой текущаго года недостаточно сплоченъ и крѣпокъ. Толщина, осаждающагося втеченіе года, слоя различна; доходитъ, говорятъ, до 1½ и 2 вершковъ; тотъ, который мы видѣли (періода 1867 г.), былъ немного болѣе вершка; среднею толщиной можно, вѣроятно, считать одинъ вершокъ. Принимая эту толщину, можно предполагать, что весь, осаждаемый втеченіе года, соляной слой образуетъ на 160-ти верстной площади озера, въ среднемъ расчетѣ, до 20 мил. куб. аршинъ, а если положить въ кубическомъ аршинѣ 20 пудъ осадки (Элтонское управленіе

принимаетъ, на основаніи опытовъ, въ кубическомъ аршинѣ усохшей въ буграхъ соли 26 пудъ), то годовая осадка можетъ составить до 400 мил. пуд.; въ этой массѣ можно считать до 75%, т. е. до 300 мил. пудъ чистой соли.

Рапа̀ во время осажденія соли довольно мутна и слегка пузырится, точно кипитъ; цвѣтъ ея въ стаканѣ не отличается отъ цвѣта обыкновенной мутноватой озерной воды, но въ озерѣ, при легкомъ вѣтрѣ, обыкновенный свинцовый цвѣтъ поверхности измѣняется въ розовато-лиловый, а при сильномъ вѣтрѣ дѣлается грязно-малиновымъ, почему нѣкоторые заключаютъ о присутствіи въ рапѣ инфузорій. Не входя въ обсужденіе вѣроятности этого предположенія, замѣтимъ только, что ни въ илѣ, ни въ соляныхъ пластахъ ничего близкаго къ тому цвѣту нѣтъ. Сильное насыщеніе рапы минеральными частицами замѣтно и на вкусъ, и на осязаніе. Противный, чрезвычайно ѣдкій вкусъ ея соединяетъ въ себѣ горечь, солоноватость и кислоту; острота раствора такова, что на языкѣ и губахъ остается впечатлѣніе обжога, и если продержать воду только минуту во рту, то навѣрное сойдетъ кожа; окунутая въ рапу на минуту, рука покрывается соляной корой, и долго чувствуешь на кожѣ сухость и какое то стягиваніе. Опущенная въ воду, вещь, вѣтка или нитка быстро покрывается соляными кристаллами; мы видѣли, что на тонкихъ бичевкахъ и палочкахъ въ сутки или двое образуется правильный и весьма красивый наростъ кристалловъ въ полвершка толщиною, имѣющій видъ толстой стеариновой свѣчи, покрытой рѣзьбою. Густота рапы такъ велика, что рабочіе на аршинной глубинѣ передвигаются медленно и съ трудомъ; дощаники слабо слушаются руля. Озеро никогда не замерзаетъ, хотя зимніе морозы доходятъ до 25° по Р. и болѣе, но рапа становится въ это время только гуще и ѣдче, такъ что соприкосновеніе ея съ обнаженнымъ тѣломъ во время морозовъ не безопасно: кожа мгновенно обжигается и мертвѣетъ. Намъ разсказывали, что однажды подобная случайность имѣла слѣдствіемъ потерю члена, пораженнаго гангреной.

Соль Элтонскаго озера въ томъ видѣ, какъ вынимается изъ озера, неудобна въ пищу; ей необходимо полежать нѣсколько мѣсяцевъ на открытомъ воздухѣ, чтобы вполнѣ очиститься отъ постороннихъ примѣсей; обыкновенно вынутая соль лежитъ на берегу годъ и болѣе; никакихъ другихъ средствъ очистки употреблять не нужно. Послѣ годовой лежки соль дѣлается изъ сине-грязной бѣлою и блестящею, какъ снѣгъ, совершенно годною къ употребленію и пріятною на вкусъ.

Откуда получаетъ озерная вода, насыщающія ее, частицы? Здѣшніе жители держатся вообще того мнѣнія, что соляныя части извлекаются изъ окружающей мѣстности весенними водами, стекающими въ озеро. Дѣйствительно, земля кругомъ озера содержитъ много соли; но, однако, не думаемъ, чтобъ она могла стекать въ такомъ огромномъ количествѣ, какое нужно для насыщенія озера; къ тому же, по достовѣрны

наблюденіямъ, ни глубина рапы, ни уровень солянаго дна, втеченіе многихъ лѣтъ, не потерпѣли замѣтныхъ измѣненій, тогда какъ при постоянномъ сильномъ притокѣ соли извнѣ, соляные пласты должны бы наростать и подниматься, особенно въ тѣхъ мѣстахъ озера, на которыхъ никогда не производилась ломка соли, т. е. на девяти десятыхъ поверхности озера. Другіе полагаютъ, что солянымъ растворомъ питаютъ озеро глубокіе внутренніе источники его, о которыхъ мы упоминали выше, но самое существованіе этихъ источниковъ ничѣмъ еще не подтверждено. Среднее и, вѣроятно, болѣе близкое къ истинѣ мнѣніе заключается въ томъ, что часть соли доставляется въ озеро береговыми весенними водами, а другая — раствореніемъ запасовъ соли, лежащихъ въ самомъ озерѣ. Какъ бы то ни было, но ежегодное образованіе новой осадки не подлежитъ сомнѣнію. Преданіе, и то весьма сомнительной достовѣрности, говоритъ, что на памяти людей былъ только одинъ годъ, въ который ни рапы, ни садки соли въ озерѣ не было.

Казна, въ отношеніи Элтонскаго озера, имѣетъ двойственный интересъ хозяина-собственника и сборщика солянаго акциза. Интересы эти прямо противоположны одинъ другому: интересъ хозяина подрывается интересомъ акцизнаго сбора, сокращающаго потребленіе соли и стѣсняющаго свободное добываніе и движеніе добытой соли. Противорѣчіе это, въ дѣйствительности, смягчается и почти уничтожается тѣмъ, что интересъ хозяина-собственника совершенно подавляется интересомъ акцизнаго сбора: все устройство дѣла, всѣ правила соляной операціи, все управленіе его направлены къ извлеченію и обезпеченію акцизнаго сбора; этотъ характеръ дѣла достаточно опредѣляется уже однимъ тѣмъ, что хозяйственный доходъ казны отъ продажи Элтонской соли (попудная плата) установленъ однообразно въ 1 коп. съ пуда, а акцизная пошлина въ 38 к. съ пуда; слѣдовательно, въ общей суммѣ годоваго дохода отъ элтонскаго промысла хозяйственный доходъ можетъ составлять только до $3\frac{1}{4}\%$, менѣе $\frac{1}{30}$ доли.

Цифры казенной добычи соли на Элтонѣ за послѣдніе годы казеннаго хозяйства были слѣдующія:

За	1858	500,000	пудъ.
„	1859	5.000,000	„
„	1860	3.000,000	„
„	1861	4.000,000	„
„	1862	4.000,000	„
„	1874	1.083,281	„

По прекращеніи казеннаго хозяйства, въ 1863 г. оставались на мѣстѣ значительные запасы соли, и добываніе ея, передъ переходомъ въ частныя руки, остановилось до ликвидаціи казенныхъ запасовъ. Съ 1865

года началась добывка и развозка соли частными лицами, на основаніи особыхъ правилъ и условій съ казной.

Результаты частной добычи были слѣдующіе:

За 1865 годъ	1.770,000	пудъ.
„ 1866 „	5.850,000	„
„ 1867 „	7.350,000	„

Въ 1868 году, по мнѣнію соледобывателей, добыча должна быть менѣе 1867 года, вслѣдствіе избытка въ предложеніи, зависящаго какъ отъ накопленія запасовъ въ предыдущіе годы, такъ и отъ соперничества астраханскихъ промысловъ.

По оффиціальнымъ даннымъ, печатаемыхъ въ приложеніяхъ къ государственной росписи, было оплачено акцизомъ и попудной платой въ 1866 году до 1.400,000 пудъ и въ 1867 г. до 2.360,000 пудъ. Въ 1866 году еще, кажется, оставались для продажи запасы казенной соли. Дѣйствительный выпускъ соли въ 1867 г., вѣроятно, былъ болѣе показанной цифры, такъ какъ значительная часть акциза отсрочивается за залоги.

Существующее устройство промысла, правила и способы добычи соли и контроль операціи мы изложимъ въ общей связи.

На очень близкомъ разстояніи отъ береговъ соль добывать невыгодно, вслѣдствіе сильной примѣси ила, малой глубины рапы и невозможности проводить на столь малой глубинѣ дощаники въ мѣстахъ склада. Добываніе начинается въ полуверстѣ, верстѣ, даже въ трехъ - четырехъ верстахъ отъ береговаго материка. Чтобы доставить выломанную соль на лодкѣ къ мѣстамъ складки, находящимся довольно далеко на береговомъ материкѣ, отъ этихъ мѣстъ устроены канавы, врѣзывающіяся въ озеро до того пункта, гдѣ глубина вода уже достаточно значительна для подъема дощаника. Бока канавъ, вдающихся саженъ на 80 и болѣе въ берегъ, обдѣланы и укрѣплены; канавы идутъ параллельно одна другой и перпендикулярно къ береговой линіи озера; длинные полуостровки береговой линіи земли, остающіеся между канавами, служатъ для склада добытой соли и называются *точкáми*. Для удобства развозки соли точки прорѣзаны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боковыми канавами. Добыча соли дозволяется только на той части озера, гдѣ устроены канавы и точки. Всѣхъ канавъ и точкòвъ десять; каждая канава со своимъ точкомъ образуетъ особый участокъ (канавой точка считается находящаяся съ правой его стороны). Канавы и точки устроены только на одной части берега, юго-западной, прямо противъ пристани, и всѣ вмѣстѣ занимаютъ по прямой линіи берега 1357 погонныхъ саженъ протяженія, т. е. не болѣе $^1/_{16}$ части всего протяженія береговой линіи озера (22,000 саж.). Ширина канавъ достаточна только для того, чтобы разойтись двумъ

дощаникамъ, т. е. отъ $1^1/_2$—2 саженъ, средняя глубина до 11 вершковъ. Ширина точковъ различна, измѣняясь отъ 70 до 180 саженъ. Каждому участку отводится на озерѣ площадь для ломки насупротивъ канавы участка или, по крайней мѣрѣ, по возможности ближе къ ней; ширина отводимой площади приблизительно соотвѣтствуетъ ширинѣ участковъ по береговой линіи, а углубленіе этой площади въ озеро номинально считается до средины его, на дѣлѣ же едва ли когда доходитъ далѣе $3^1/_2$ верстъ отъ берега. Границы участковъ на озерѣ хотя и указываются управленіемъ, но на дѣлѣ мало наблюдаются, такъ какъ, во первыхъ, при огромномъ, далеко превышающемъ потребность, содержаніи соли въ участкахъ, въ строгомъ наблюденіи общей и частныхъ границъ нѣтъ никакой надобности; во вторыхъ, наибольшее удобство и выгода работы преимущественно зависятъ отъ направленія и силы вѣтра, а не отъ свойства дна, вездѣ одинаково изобильнаго солью. Мы уже замѣтили выше, что вѣтеръ совершенно измѣняетъ глубину рапы: при очень низкой рапѣ невозможно ни промывать выломанную соль, ни вести дощаники. При очень глубокой рапѣ, густота ея дѣлаетъ выломку и выемку соли очень тяжелою, а стояніе рабочихъ въ ѣдкомъ растворѣ выше пояса нестерпимо и вредно вліяетъ на здоровье. Поэтому взаимное соглашеніе соледобывателей безпрепятственно дозволяетъ хозяевамъ одного участка работать въ извѣстныхъ случаяхъ на площади, числящейся въ другомъ участкѣ, и наоборотъ. Въ тихую погоду всякому выгоднѣе работать на своемъ участкѣ, но тихая погода рѣдка въ плоской степи, гдѣ вѣтеръ ходитъ безпрепятственно.

Устройство участка т. е. вырытіе и укрѣпленіе канавы и обдѣлка точка могутъ обойтись приблизительно отъ 8—15 тысячъ рублей. Нынѣшніе участки устроены казной издавна и, правду сказать, кажутся уже въ довольно ветхомъ видѣ.

Казна дозволяетъ добычу соли въ означенныхъ десяти участкахъ тѣмъ лицамъ, которыя приняли ихъ въ содержаніе. Въ другихъ мѣстахъ озера и другимъ лицамъ не дозволено не только добывать соль, но даже переходить за кардонную линію.

Участки отдаются въ содержаніе ежегодно, предъ началомъ весны, лицамъ, изъявившимъ на то желаніе. Обязательныя условія, кромѣ соблюденія общихъ правилъ торговли и промысловъ, заключаются въ непремѣнной выломкѣ не менѣе 200,000 пудъ на участокъ и въ платежѣ, при выпускѣ соли изъ пристани, 38 к. съ каждаго пуда (37 к. акциза и одна копѣйка попудной платы за соль). Разсрочки платежа допускаются на общихъ основаніяхъ платежа акцизовъ. Управленіе даетъ мѣсто для помѣщенія рабочихъ и для складки соли въ бугры, пользованіе подножнымъ кормомъ, колодцами и пріютъ для заболѣвшаго рабочаго скота въ уметахъ.

Подробныя правила отдачи участковъ публикуются ежегодно.

Въ 1868 году пять участковъ достались промышленникамъ-купцамъ и пять —крестьянскимъ артелямъ.

Добываніе соли обыкновенно начинается съ половины мая. Ломщики соли подряжаются заблаговременно. Всѣ они исключительно изъ крестьянъ Пензенской губерніи, волостей Нижнеломовскаго, Наровчатскаго и Керенскаго уѣздовъ, издавна занимающихся этой работой. Въ назначенный для начала работъ день, съ пяти часовъ утра поднимается флагъ на казенномъ дворѣ, и партіи рабочихъ отправляются на дощаникахъ на отведенныя для ломки мѣста. Каждая партія рабочихъ дѣлится на три части: ломщики, сойдя съ ломомъ въ воду, часто выше колѣна, ломаютъ соль желѣзными пешнями и большіе куски, неудобные для подъема, раздробляютъ; другіе подхватываютъ разбитую соль на лопаты, перевертываютъ ее нѣсколько разъ въ водѣ для отмывки грязи и сбрасываютъ на дощаникъ; по нагруженіи дощаника, третья часть рабочихъ отвозитъ соль къ точку и, сбросивъ ее тамъ, возвращается за новымъ грузомъ. Партія въ десять рабочихъ, съ тремя дощаниками, при благопріятной глубинѣ рапы, доставляетъ въ обычный дневной срокъ работы до 10 грузовъ на точокъ. Относительно вѣса соли, погружаемой на одинъ дощаникъ, мнѣнія различны: по отзыву рабочихъ артельщиковъ, на дощаникъ наваливается отъ 300—500 пудъ, а по отзыву хозяевъ, купцовъ и чиновниковъ, отъ 100—250 пудъ. Полагаемъ, что цифра 250 пудъ будетъ наиболѣе вѣроятною среднею.

Съ полудня до двухъ часовъ работа прекращается, и послѣ обѣда соледомка производится мало, а идутъ болѣе другія работы: перелопачиванье, перевозка въ бугры и кладка бугровъ.

По привозѣ на точки, соль перебрасывается и переворачивается, чтобы лучше осушилась и очистилась (перелопачивается, по мѣстному выраженію), сваливается въ кучи и ожидаетъ перевозки на материкъ, къ мѣсту, назначенному для складки бугровъ, вообще по возможности близкому къ точкамъ. Кладка бугровъ требуетъ особеннаго вниманія промышленниковъ, такъ какъ бугры должны образовать правильную геометрическую фигуру, доступную для вычисленія объема и нормальнаго вѣса солянаго бугра. Плотность и вѣрность кладки и даже величина бугра, могутъ имѣть существенное вліяніе на исчисленіе акциза, какъ увидимъ ниже. Величина бугровъ различна: 50, 80, 100,000 и болѣе пудъ, т. е. по нормальному вѣсу 26 пудъ въ кубическомъ аршинѣ, отъ 70—150 куб. саженъ.

Кладкою соли въ бугры заканчивается первая часть соляной операціи: соль въ бугрѣ лежитъ нѣсколько мѣсяцевъ, большею частью не менѣе года, а нерѣдко и болѣе, провѣтривается, сохнетъ, постепенно очищается, а затѣмъ уже обращается въ продажу. Въ буграхъ соль ничѣмъ не охранена отъ пыли и дождей и скоро покрывается толстою, грязною корою, ни на что не годною; на квадратную сажень пове

ности потеря на корѣ можетъ составлять отъ 5—10 пудъ, приблизительно отъ 2—5% всей соли, лежащей въ бугрѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ о рабочихъ-солеломцахъ, которыхъ дѣло оканчивается ссыпкою соли.

Работа ломщиковъ очень тяжела: она идетъ цѣлые часы на палящемъ солнцѣ, въ постоянно наклонномъ, согнутомъ положеніи тѣла, почти по поясъ въ ѣдкой рапѣ; если время благопріятно, то отдыха нѣтъ ни въ праздники, ни въ воскресенья. Несмотря на то, что ноги защищены сапогами и смоленою дерюгою, поверхность даже здоровой кожи часто изъязвляется, открываются старыя раны и язвы, а тѣмъ болѣе незажившія недавнія поврежденія кожи. Помѣщенія для рабочихъ суть не что иное, какъ отвратительныя земляныя норы, душныя въ засуху, сырыя и смрадныя въ дождь, населенныя тарантулами и посѣщаемыя ядовитыми фаланками; о другихъ насѣкомыхъ и говорить уже нечего. Пища дается, повидимому довольно изобильная, но свѣжую провизію на Элтонѣ имѣть трудно, а въ посты и невозможно; вяленая, часто попортившаяся уже рыба и прошлогодній проросшій уже картофель составляютъ главное кушанье. Вода для питья солоноватая, изъ колодцевъ, едва ли здоровая; купаться нѣтъ ни малѣйшей возможности. Не мудрено, что лихорадочныя и изнурительныя болѣзни нерѣдки. По крайней мѣрѣ, впрочемъ, для больныхъ есть помощь: съ 1868 г. при госпиталѣ находится врачъ.

Работа, на которую не пойдетъ никто, кромѣ свыкшихся съ ней отъ малыхъ лѣтъ, работа тяжелая и нездоровая, казалось бы, должна хорошо вознаграждаться; но, къ удивленію нашему, мы услышали, что заработная плата почти та же, какъ вообще для чернорабочаго средней и сѣверной полосы Россіи, т. е. отъ 40—60 руб. за рабочій періодъ—съ мая по октябрь. Крестьяне объясняютъ это тѣмъ, что соляная работа, при недостаточности земель, есть единственный привычный имъ промыселъ для поддержанія семействъ и, главное, для платежа податей и сборовъ; что хозяева элтонскихъ участковъ договариваются съ рабочими въ то время, когда послѣдніе наиболѣе нуждаются въ деньгахъ, въ сроки требованія казенныхъ сборовъ, и даютъ тѣмъ болѣе задатку, чѣмъ менѣе назначается заработная плата, что самая потребность въ рабочихъ по годамъ крайне неравномѣрна, и многіе изъ крестьянъ боятся дорожиться, чтобъ не остаться безъ работы и, слѣдовательно, не лишиться единственнаго источника дохода. При вздорожаніи цѣны рабочаго, солепромышленникъ можетъ найти для себя выгоднымъ сократить добычу соли до обязательнаго минимума, т. е. до 200,000 пудъ. Для этого размѣра добычи достаточно 30—40 рабочихъ въ лѣто, а для 10 участковъ 300—400; остальные же 400—500 рабочихъ, занимающихся солеломкой, остались бы въ такомъ случаѣ безъ заработковъ. Возможно, что на пониженіе цѣнъ

отъ вліяніе и не вездѣ еще исчезнувшіе обычаи волостныхъ стар-

шинъ и писарей, такъ какъ всѣ рабочіе контрактуются на мѣстѣ жительства, и изъ задатковъ, при самомъ заключеніи контрактовъ, уплачиваются сборы.

Мы упомянули выше, что нѣкоторые соляные участки снимаются крестьянами. Эти съемщики изъ тѣхъ же пензенцевъ, которые работаютъ на озерѣ. Обыкновенно участокъ снимается артелью, хотя бы номинально и считалось хозяиномъ одно лицо. Нѣтъ сомнѣнія, что при съемкѣ участка людьми, въ тонкости знающими дѣло и въ одно время хозяевами и работниками, добываніе соли можетъ идти успѣшнѣе, и издержки производства должны уменьшиться; казенное управленіе, съ своей стороны, не требуя никакихъ особенныхъ обезпеченій при отдачѣ участка, дѣлаетъ пріобрѣтеніе ихъ доступнымъ всѣмъ безъ различія, и лучшее тому доказательство—содержаніе половины промысла крестьянами. Тѣмъ не менѣе результаты нынѣшняго положенія дѣла во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительны. Совершенное отсутствіе оборотнаго капитала заставляетъ съемщика — крестьянина ограничивать до крайности число рабочихъ, которыхъ ему не на что содержать, и добывать деньги крайне невыгодною, иногда раззорительною запродажею будущей соли. Работа на крестьянскихъ участкахъ, гдѣ въ ней неотлучно участвуютъ и хозяинъ, и его пайщики, гораздо тяжеле, чѣмъ на купеческихъ участкахъ, а содержаніе рабочихъ хуже. Участокъ совершенно въ рукахъ торговцевъ, кредитующихъ артель въ счетъ платы за соль; всѣ выгоды артельной работы идутъ не въ пользу хозяина участка, артельщиковъ или рабочихъ, а въ пользу онтоваго кунца или кулака коммиссіонера. Достаточно сказать, что въ 1868 году одинъ изъ съемщиковъ крестьянъ запродалъ свою соль за 0,8 к. съ пуда, не считая, конечно, акциза и попудныхъ, тогда какъ однѣ издержки добывки и свалки въ бугры составляютъ здѣсь отъ 0,6 до 1,5 к. съ пуда.

Можно думать, что арендованіе участковъ крестьянскими артелями имѣетъ значительное вліяніе и на пониженіе заработной платы, и на ухудшеніе содержанія рабочихъ. Артельщики, сами и хозяева и работники, не жалѣютъ себя ни въ работѣ, ни въ пищѣ, ни въ помѣщеніи, лишь бы сберечь лишнюю копѣйку; никакія жалобы и протесты въ артельной работѣ невозможны, равно какъ и принудительныя мѣры. Примѣръ крестьянскихъ участковъ естественно имѣетъ вліяніе и на положеніе купеческихъ участковъ.

Переходимъ къ другой части соляной операціи. Соль лежитъ годъ — другой въ бугрѣ, просохла, очистилась, неприкосновенно сохранена двойнымъ надзоромъ акцизной стражи и участковаго хозяина; наступило время пускать ее въ продажу. Большею частью соледобыватели, не производя сами торговли солью, продаютъ ее купцамъ большими партіями, прямо изъ бугровъ съ тѣмъ, чтобы покупщикъ принялъ на себя какъ уплату акциза и попудныхъ казнѣ, такъ и перевозку сол

ность извлекать ежегодно соли до 5.000,000 п. Ломка соли обыкновенно начинается съ половины августа и оканчивается въ послѣднихъ числахъ сентября.

Астраханскія и ставропольскія озера имѣютъ только мѣстное значеніе, для обезпеченія солью туземнаго народонаселенія и для удовлетворенія потребностей на посолъ рыбы нижневолжскихъ и прикаспійскихъ промысловъ.

Озера крымскія и черноморскіе лиманы. Группа соляныхъ озеръ, разсѣянныхъ въ Таврической губерніи, извѣстны подъ общимъ наименованіемъ крымскихъ; лиманы тождественны съ астраханскими озерами. Они занимаютъ площадь отъ полверсты до 10 верстъ и производство соли изъ нихъ непосредственно зависитъ отъ климатическихъ условій: въ сухіе лѣтніе мѣсяцы осаждается болѣе, а въ дождливые—менѣе; продуктъ получается качества низкаго, подъ названіемъ *бузуна*; употребляется въ пищу простонародьемъ и частью на посолъ рыбы и въ кормъ скота. Количество добываемой соли простирается отъ 7 до 17 мил. пудъ.

Озера казачьихъ войскъ: Донскаго, Уральскаго и Кубанскаго. Для снабженія солью казачьихъ войскъ: Донскаго, Уральскаго и Кубанскаго отведены въ пользованіе ихъ значительныя озера: *Маныч-ское, Илдычерское* и др., изъ которыхъ добываемая соль употребляется безакцизно исключительно въ войсковыхъ предѣлахъ, приблизительно до 2 м. пудъ.

Закавказскіе соляные промыслы. Эти промыслы относятся также къ числу изобильныхъ, они не только обезпечиваютъ вполнѣ туземное народонаселеніе и богатые рыбные промыслы устьевъ р. Куры и прибрежьевъ Каспійскаго моря, но и отпускаютъ значительное количество въ Персію и Турцію.

Сибирскія и средне-азіятскія мѣсторожденія соли. Сибирь вообще и среднеазіятскія области въ особенности богаты разнаго рода солью и обезпечиваютъ вполнѣ продовольствіе туземнаго народонаселенія.

Соляныя операціи Привислянскихъ губерній. Въ Привислянскихъ губерніяхъ соль употребляется четырехъ видовъ: туземная, добываемая на заводахъ, принадлежащихъ Польскому Банку; иностранная, доставляемая изъ Австріи изъ Бохніи и Велички; изъ Пруссіи и Остзейскихъ губерній (привозимая изъ Англіи) и русская, проникающая изъ губерній западныхъ, Волынской и Гродненской.

b) Элтонъ.

(Изъ путевыхъ очерковъ).

Элтонское озеро находится въ 90 вер. къ сѣверо-востоку отъ Царева. Пространство его 161 кв. вер. Видъ озера овальный; наибольшая длина 19½ вер., *ширина 15 вер. Оно* лежитъ на ровной степной площади, состоящей изъ раз-

наго рода глинъ и песка, проникнутыхъ въ иныхъ мѣстахъ до того солью, что образуются солончаки. Растительность на этой площади бѣдна; всѣ виды растеній принадлежатъ къ семействамъ солянковыхъ. Въ озеро вливаются 8 рѣкъ, изъ коихъ замѣчательна только одна—*Хорезахъ*, имѣющая длину до 40 вер.; остальныя лѣтомъ пересыхаютъ. Вода во всѣхъ этихъ рѣкахъ соленая и служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ соленой рапы въ озерѣ. Кромѣ Элтона въ Астраханской губерніи еще до 700 соляныхъ озеръ, раскинутыхъ преимущественно по всему морскому прибрежью въ Красноярскомъ и Астраханскомъ уѣздахъ.

„Ничѣмъ не задержанное, путешествіе наше продолжалось часовъ четырнадцать *); скоро по выѣздѣ изъ послѣдняго почтоваго умета мы примѣтили на восточномъ краю горизонта какъ будто легкій темноватый паръ. „Тамъ Элтонъ“, объявилъ намъ ямщикъ и тутъ же объяснилъ, что киргизы за сто верстъ и болѣе примѣчаютъ Элтонъ, потому что изъ него будто бы подымается черный дымъ. По мѣрѣ приближенія къ озеру, растительность начинаетъ исчезать, и кругомъ озера верстъ на пять солонцовая земля почти совершенно безплодна. Скоро завиднѣлась и свинцовая поверхность озера, окаймленная бѣлою, какъ снѣгъ, блестящею полосою. Элтонское поселеніе или пристань лежитъ на юго-западномъ берегу озера, саженяхъ во ста отъ края озера; вся мѣстность совершенно плоская и почти на одномъ уровнѣ съ поверхностью озера. Первое впечатлѣніе чрезвычайно грустно: небольшое поселеніе почти стушевывается среди огромной плоскости, желтобурая земля безъ признака зелени, кое гдѣ какъ бы политая бѣловатыми струйками соли, грязный берегъ озера, точно посыпанный искорками соли, а по краямъ покрытый сплошь бѣлымъ слоемъ, невыносимо сверкающимъ на солнцѣ; матовая, красновато-лиловая поверхность озера, слегка колеблющаяся при вѣтрѣ, но колеблющаяся плавно, мертво, безъ брызговъ, безъ ряби; противоположный берегъ, скрывшійся въ мглистомъ туманѣ, огромные, бѣловато-грязные бугры соли, наваленной на берегу, и къ этому — зной безъ тѣни и вихри ѣдкой пыли, — вотъ главныя черты образовавшейся предъ нами картины, невольно напомнившей „Богомъ сожженную“ страну Мертваго моря.

Но если природа не дала этому мѣсту богатствъ растительности, за то наградила его неистощимымъ запасомъ одного изъ драгоцѣннѣйшихъ для человѣка матеріаловъ—прекрасной, чистой, какъ снѣгъ бѣлой соли.

Элтонъ по всей площади своей одинаково богатъ солью. Глубина воды по всему озеру одинакова и можетъ, при тихой погодѣ, повсемѣстно считаться вершковъ въ двѣнадцать, такъ что озеро поднимаетъ только мелкія плоскодонныя лодки (дощаники); въ вѣтеръ глубина различныхъ частей озера быстро измѣняется; густая, сильно насыщенная минеральными частицами, вода отгоняется вѣтромъ отъ одного берега

---

*) Отъ Николаевской слободы на Волгѣ.

и приливаетъ къ противоположному; на одномъ берегу дно озера обнажается или, по крайней мѣрѣ, глубина воды уменьшается до 1, 2 и 3 вершковъ, на другомъ—она возростаетъ до 17, 20 и болѣе вершковъ. Говоря „дно", мы разумѣемъ твердый соляной слой, лежащій подъ водою, а какъ глубоко находится настоящее, почвенное дно озера, объ этомъ кажется, никто не знаетъ. Обыкновенно, лежащій подъ водою, соляной пластъ выламывается не болѣе какъ на аршинъ глубины; далѣе ломка дѣлается затруднительною вслѣдствіе чрезвычайной крѣпости окристаллизовавшейся соли; говорятъ, пробовали когда то пробить, сколь возможно глубже, соляной слой, но далѣе $1\frac{1}{2}$ сажени опытъ не могъ продолжаться. Намъ разсказывали, что будто бы гдѣ то на озерѣ есть два или три провала недосягаемой глубины, извергающіе постоянно холодную, прозрачную воду, но провѣрить этотъ разсказъ намъ не удалось.

Элтонъ не выпускаетъ ни одного истока, но принимаетъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, всѣ съ горько-соленою водою; всѣ эти рѣчки коротки, и ихъ верховья въ сосѣдствѣ озера.

Образованіе (са̀дка) соляныхъ слоевъ происходитъ, такъ сказать, на глазахъ зрителя: насыщенная солями, озерная вода, называемая здѣсь техническимъ именемъ *рапы*, подъ вліяніемъ воздуха и солнца, безпрерывно осаждаетъ на дно соляныя частицы, увлекающія съ собою и черноватыя частицы ила, которымъ проникнута рапа̀; вѣроятно, этотъ илъ образуется изъ постоянно носящейся надъ озеромъ, какъ и надъ всей степью, густой пыли и изъ грязи, наносимой въ озеро рѣчками и весенними и осенними потоками. Замѣчательно, что выломанный кусокъ соли, имѣющій обыкновенно цвѣтъ и видъ грязнаго льда, полежавъ на солнцѣ, очищается и бѣлѣетъ безъ всякой обмывки или очистки; прекрасные, бѣло-мраморной чистоты, куски соляныхъ кристалловъ, которые намъ показывали, были сперва грязно синяго цвѣта и получали чистый бѣлый цвѣтъ, только полежавъ нѣсколько дней на солнцѣ.

Такъ какъ наносъ ила бываетъ главнымъ образомъ разъ въ году, по стаяніи снѣговъ, то соляные слои одного года замѣтно отдѣляются отъ слоевъ другаго года болѣе грязною полосою соли. Лучшимъ и удобнѣйшимъ для ломки слоемъ считается прошлогодній, затѣмъ третьегодній; слой, образовавшійся за три года, считается уже не столь выгоднымъ для разработки, по трудности выломки, а слой текущаго года недостаточно сплоченъ и крѣпокъ. Толщина, осаждающагося втеченіе года, слоя различна; доходитъ, говорятъ, до $1\frac{1}{2}$ и 2 вершковъ; тотъ, который мы видѣли (періода 1867 г.), былъ немного болѣе вершка; среднею толщиной можно, вѣроятно, считать одинъ вершокъ. Принимая эту толщину, можно предполагать, что весь, осаждаемый втеченіе года, соляной слой образуетъ на 160-ти верстной площади озера, въ среднемъ расчетѣ, до 20 мил. куб. аршинъ, а если положить въ кубическомъ аршинѣ 20 пудъ осадки (Элтонское управленіе

принимаетъ, на основаніи опытовъ, въ кубическомъ аршинѣ усохшей въ буграхъ соли 26 пудъ), то годовая осадка можетъ составить до 400 мил. пуд.; въ этой массѣ можно считать до 75%, т. е. до 300 мил. пудъ чистой соли.

Рапа̀ во время осажденія соли довольно мутна и слегка пузырится, точно кипитъ; цвѣтъ ея въ стаканѣ не отличается отъ цвѣта обыкновенной мутноватой озерной воды, но въ озерѣ, при легкомъ вѣтрѣ, обыкновенный свинцовый цвѣтъ поверхности измѣняется въ розовато-лиловый, а при сильномъ вѣтрѣ дѣлается грязно-малиновымъ, почему нѣкоторые заключаютъ о присутствіи въ рапѣ инфузорій. Не входя въ обсужденіе вѣроятности этого предположенія, замѣтимъ только, что ни въ илѣ, ни въ соляныхъ пластахъ ничего близкаго къ тому цвѣту нѣтъ. Сильное насыщеніе рапы минеральными частицами замѣтно и на вкусъ, и на осязаніе. Противный, чрезвычайно ѣдкій вкусъ ея соединяетъ въ себѣ горечь, солоноватость и кислоту; острота раствора такова, что на языкѣ и губахъ остается впечатлѣніе обжога, и если продержать воду только минуту во рту, то навѣрное сойдетъ кожа; окунутая въ рапу на минуту, рука покрывается соляной корой, и долго чувствуешь на кожѣ сухость и какое то стягиваніе. Опущенная въ воду, вещь, вѣтка или нитка быстро покрывается соляными кристаллами; мы видѣли, что на тонкихъ бичевкахъ и палочкахъ въ сутки или двое образуется правильный и весьма красивый наростъ кристалловъ въ полвершка толщиною, имѣющій видъ толстой стеариновой свѣчи, покрытой рѣзьбою. Густота рапы такъ велика, что рабочіе на аршинной глубинѣ передвигаются медленно и съ трудомъ; дощаники слабо слушаются руля. Озеро никогда не замерзаетъ, хотя зимніе морозы доходятъ до 25° по Р. и болѣе, но рапа становится въ это время только гуще и ѣдче, такъ что соприкосновеніе ея съ обнаженнымъ тѣломъ во время морозовъ не безопасно: кожа мгновенно обжигается и мертвѣетъ. Намъ разсказывали, что однажды подобная случайность имѣла слѣдствіемъ потерю члена, пораженнаго гангреной.

Соль Элтонскаго озера въ томъ видѣ, какъ вынимается изъ озера, неудобна въ пищу; ей необходимо полежать нѣсколько мѣсяцевъ на открытомъ воздухѣ, чтобы вполнѣ очиститься отъ постороннихъ примѣсей; обыкновенно вынутая соль лежитъ на берегу годъ и болѣе; никакихъ другихъ средствъ очистки употреблять не нужно. Послѣ годовой лежки соль дѣлается изъ сине-грязной бѣлою и блестящею, какъ снѣгъ, совершенно годною къ употребленію и пріятною на вкусъ.

Откуда получаетъ озерная вода, насыщающія ее, частицы? Здѣшніе жители держатся вообще того мнѣнія, что соляныя части извлекаются изъ окружающей мѣстности весенними водами, стекающими въ озеро. Дѣйствительно, земля кругомъ озера содержитъ много соли; но, однако, не думаемъ, чтобъ она могла стекать въ такомъ огромномъ количествѣ, какое нужно для насыщенія озера; къ тому же, по достовѣрны

наблюденіямъ, ни глубина рапы, ни уровень солянаго дна, втеченіе многихъ лѣтъ, не потерпѣли замѣтныхъ измѣненій, тогда какъ при постоянномъ сильномъ притокѣ соли извнѣ, соляные пласты должны бы наростать и подниматься, особенно въ тѣхъ мѣстахъ озера, на которыхъ никогда не производилась ломка соли, т. е. на девяти десятыхъ поверхности озера. Другіе полагаютъ, что солянымъ растворомъ питаютъ озеро глубокіе внутренніе источники его, о которыхъ мы упоминали выше, но самое существованіе этихъ источниковъ ничѣмъ еще не подтверждено. Среднее и, вѣроятно, болѣе близкое къ истинѣ мнѣніе заключается въ томъ, что часть соли доставляется въ озеро береговыми весенними водами, а другая — раствореніемъ запасовъ соли, лежащихъ въ самомъ озерѣ. Какъ бы то ни было, но ежегодное образованіе новой осадки не подлежитъ сомнѣнію. Преданіе, и то весьма сомнительной достовѣрности, говоритъ, что на памяти людей былъ только одинъ годъ, въ который ни рапы, ни садки соли въ озерѣ не было.

Казна, въ отношеніи Элтонскаго озера, имѣетъ двойственный интересъ хозяина-собственника и сборщика солянаго акциза. Интересы эти прямо противоположны одинъ другому: интересъ хозяина подрывается интересомъ акцизнаго сбора, сокращающаго потребленіе соли и стѣсняющаго свободное добываніе и движеніе добытой соли. Противорѣчіе это, въ дѣйствительности, смягчается и почти уничтожается тѣмъ, что интересъ хозяина-собственника совершенно подавляется интересомъ акцизнаго сбора: все устройство дѣла, всѣ правила соляной операціи, все управленіе его направлены къ извлеченію и обезпеченію акцизнаго сбора; этотъ характеръ дѣла достаточно опредѣляется уже однимъ тѣмъ, что хозяйственный доходъ казны отъ продажи Элтонской соли (попудная плата) установленъ однообразно въ 1 коп. съ пуда, а акцизная пошлина въ 38 к. съ пуда; слѣдовательно, въ общей суммѣ годоваго дохода отъ элтонскаго промысла хозяйственный доходъ можетъ составлять только до $3^1/_4$ %, менѣе $^1/_{30}$ доли.

Цифры казенной добычи соли на Элтонѣ за послѣдніе годы казеннаго хозяйства были слѣдующія:

За	1858	500,000	пудъ.
„	1859	5.000,000	„
„	1860	3.000,000	„
„	1861	4.000,000	„
„	1862	4.000,000	„
„	1874	1.083,281	„

По прекращеніи казеннаго хозяйства, въ 1863 г. оставались на мѣстѣ значительные запасы соли, и добываніе ея, передъ переходомъ въ частныя руки, остановилось до ликвидаціи казенныхъ запасовъ. Съ 1865

года началась добывка и развозка соли частными лицами, на основаніи особыхъ правилъ и условій съ казной.

Результаты частной добычи были слѣдующіе:

За 1865 годъ	1.770,000	пудъ.
„ 1866 „	5.850,000	„
„ 1867 „	7.350,000	„

Въ 1868 году, по мнѣнію соледобывателей, добыча должна быть менѣе 1867 года, вслѣдствіе избытка въ предложеніи, зависящаго какъ отъ накопленія запасовъ въ предыдущіе годы, такъ и отъ соперничества астраханскихъ промысловъ.

По оффиціальнымъ даннымъ, печатаемыхъ въ приложеніяхъ къ государственной росписи, было оплачено акцизомъ и попудной платой въ 1866 году до 1.400,000 пудъ и въ 1867 г. до 2.360,000 пудъ. Въ 1866 году еще, кажется, оставались для продажи запасы казенной соли. Дѣйствительный выпускъ соли въ 1867 г., вѣроятно, былъ болѣе показанной цифры, такъ какъ значительная часть акциза отсрочивается за залоги.

Существующее устройство промысла, правила и способы добычи соли и контроль операціи мы изложимъ въ общей связи.

На очень близкомъ разстояніи отъ береговъ соль добывать невыгодно, вслѣдствіе сильной примѣси ила, малой глубины рапы и невозможности проводить на столь малой глубинѣ дощаники въ мѣстахъ склада. Добываніе начинается въ полуверстѣ, верстѣ, даже въ трехъ - четырехъ верстахъ отъ береговаго материка. Чтобы доставить выломанную соль на лодкѣ къ мѣстамъ складки, находящимся довольно далеко на береговомъ материкѣ, отъ этихъ мѣстъ устроены канавы, врѣзывающіяся въ озеро до того пункта, гдѣ глубина вода уже достаточно значительна для подъема дощаника. Бока канавъ, вдающихся саженъ на 80 и болѣе въ берегъ, обдѣланы и укрѣплены; канавы идутъ параллельно одна другой и перпендикулярно къ береговой линіи озера; длинные полуостровки береговой линіи земли, остающіеся между канавами, служатъ для склада добытой соли и называются *точкáми*. Для удобства развозки соли точки прорѣзаны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боковыми канавами. Добыча соли дозволяется только на той части озера, гдѣ устроены канавы и точки. Всѣхъ канавъ и точкòвъ десять; каждая канава со своимъ точкомъ образуетъ особый участокъ (канавой точка считается находящаяся съ правой его стороны). Канавы и точки устроены только на одной части берега, юго-западной, прямо противъ пристани, и всѣ вмѣстѣ занимаютъ по прямой линіи берега 1357 погонныхъ саженъ протяженія, т. е. не болѣе $^1/_{16}$ части всего протяженія береговой линіи озера (22,000 саж.). Ширина канавъ достаточна только для того, чтобы разойтись двумъ

дощаникамъ, т. е. отъ $1^1/_2$—2 саженъ, средняя глубина до 11 вершковъ. Ширина точковъ различна, измѣняясь отъ 70 до 180 саженъ. Каждому участку отводится на озерѣ площадь для ломки насупротивъ канавы участка или, по крайней мѣрѣ, по возможности ближе къ ней; ширина отводимой площади приблизительно соотвѣтствуетъ ширинѣ участковъ по береговой линіи, а углубленіе этой площади въ озеро номинально считается до средины его, на дѣлѣ же едва ли когда доходитъ далѣе $3^1/_2$ верстъ отъ берега. Границы участковъ на озерѣ хотя и указываются управленіемъ, но на дѣлѣ мало наблюдаются, такъ какъ, во первыхъ, при огромномъ, далеко превышающемъ потребность, содержаніи соли въ участкахъ, въ строгомъ наблюденіи общей и частныхъ границъ нѣтъ никакой надобности; во вторыхъ, наибольшее удобство и выгода работы преимущественно зависятъ отъ направленія и силы вѣтра, а не отъ свойства дна, вездѣ одинаково изобильнаго солью. Мы уже замѣтили выше, что вѣтеръ совершенно измѣняетъ глубину рапы: при очень низкой рапѣ невозможно ни промывать выломанную соль, ни вести дощаники. При очень глубокой рапѣ, густота ея дѣлаетъ выломку и выемку соли очень тяжелою, а стояніе рабочихъ въ ѣдкомъ растворѣ выше пояса нестерпимо и вредно вліяетъ на здоровье. Поэтому взаимное соглашеніе соледобывателей безпрепятственно дозволяетъ хозяевамъ одного участка работать въ извѣстныхъ случаяхъ на площади, числящейся въ другомъ участкѣ, и наоборотъ. Въ тихую погоду всякому выгоднѣе работать на своемъ участкѣ, но тихая погода рѣдка въ плоской степи, гдѣ вѣтеръ ходитъ безпрепятственно.

Устройство участка т. е. вырытіе и укрѣпленіе канавы и обдѣлка точка могутъ обойтись приблизительно отъ 8—15 тысячъ рублей. Нынѣшніе участки устроены казной издавна и, правду сказать, кажутся уже въ довольно ветхомъ видѣ.

Казна дозволяетъ добычу соли въ означенныхъ десяти участкахъ тѣмъ лицамъ, которыя приняли ихъ въ содержаніе. Въ другихъ мѣстахъ озера и другимъ лицамъ не дозволено не только добывать соль, но даже переходить за кардонную линію.

Участки отдаются въ содержаніе ежегодно, предъ началомъ весны, лицамъ, изъявившимъ на то желаніе. Обязательныя условія, кромѣ соблюденія общихъ правилъ торговли и промысловъ, заключаются въ непремѣнной выломкѣ не менѣе 200,000 пудъ на участокъ и въ платежѣ, при выпускѣ соли изъ пристани, 38 к. съ каждаго пуда (37 к. акциза и одна копѣйка попудной платы за соль). Разсрочки платежа допускаются на общихъ основаніяхъ платежа акцизовъ. Управленіе даетъ мѣсто для помѣщенія рабочихъ и для складки соли въ бугры, пользованіе подножнымъ кормомъ, колодцами и пріютъ для заболѣвшаго рабочаго скота въ уметахъ.

Подробныя правила отдачи участковъ публикуются ежегодно.

Въ 1868 году пять участковъ достались промышленникамъ-купцамъ и пять —крестьянскимъ артелямъ.

Добываніе соли обыкновенно начинается съ половины мая. Ломщики соли подряжаются заблаговременно. Всѣ они исключительно изъ крестьянъ Пензенской губерніи, волостей Нижнеломовскаго, Наровчатскаго и Керенскаго уѣздовъ, издавна занимающихся этой работой. Въ назначенный для начала работъ день, съ пяти часовъ утра поднимается флагъ на казенномъ дворѣ, и партіи рабочихъ отправляются на дощаникахъ на отведенныя для ломки мѣста. Каждая партія рабочихъ дѣлится на три части: ломщики, сойдя съ ломомъ въ воду, часто выше колѣна, ломаютъ соль желѣзными пешнями и большіе куски, неудобные для подъема, раздробляютъ; другіе подхватываютъ разбитую соль на лопаты, перевертываютъ ее нѣсколько разъ въ водѣ для отмывки грязи и сбрасываютъ на дощаникъ; по нагруженіи дощаника, третья часть рабочихъ отвозитъ соль къ точку и, сбросивъ ее тамъ, возвращается за новымъ грузомъ. Партія въ десять рабочихъ, съ тремя дощаниками, при благопріятной глубинѣ рапы, доставляетъ въ обычный дневной срокъ работы до 10 грузовъ на точокъ. Относительно вѣса соли, погружаемой на одинъ дощаникъ, мнѣнія различны: по отзыву рабочихъ артельщиковъ, на дощаникъ наваливается отъ 300—500 пудъ, а по отзыву хозяевъ, купцовъ и чиновниковъ, отъ 100—250 пудъ. Полагаемъ, что цифра 250 пудъ будетъ наиболѣе вѣроятною среднею.

Съ полудня до двухъ часовъ работа прекращается, и послѣ обѣда соледомка производится мало, а идутъ болѣе другія работы: перелопачиванье, перевозка въ бугры и кладка бугровъ.

По привозѣ на точки, соль перебрасывается и переворачивается, чтобы лучше осушилась и очистилась (перелопачивается, по мѣстному выраженію), сваливается въ кучи и ожидаетъ перевозки на материкъ, къ мѣсту, назначенному для складки бугровъ, вообще по возможности близкому къ точкамъ. Кладка бугровъ требуетъ особеннаго вниманія промышленниковъ, такъ какъ бугры должны образовать правильную геометрическую фигуру, доступную для вычисленія объема и нормальнаго вѣса солянаго бугра. Плотность и вѣрность кладки и даже величина бугра, могутъ имѣть существенное вліяніе на исчисленіе акциза, какъ увидимъ ниже. Величина бугровъ различна: 50, 80, 100,000 и болѣе пудъ, т. е. по нормальному вѣсу 26 пудъ въ кубическомъ аршинѣ, отъ 70—150 куб. саженъ.

Кладкою соли въ бугры заканчивается первая часть соляной операціи: соль въ бугрѣ лежитъ нѣсколько мѣсяцевъ, большею частью не менѣе года, а нерѣдко и болѣе, провѣтривается, сохнетъ, постепенно очищается, а затѣмъ уже обращается въ продажу. Въ буграхъ соль ничѣмъ не охранена отъ пыли и дождей и скоро покрывается толстою, грязною корою, ни на что не годною; на квадратную сажень поверх-

ности потеря на корѣ можетъ составлять отъ 5—10 пудъ, приблизительно отъ 2—5% всей соли, лежащей въ бугрѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ о рабочихъ-солеломцахъ, которыхъ дѣло оканчивается ссыпкою соли.

Работа ломщиковъ очень тяжела: она идетъ цѣлые часы на палящемъ солнцѣ, въ постоянно наклонномъ, согнутомъ положеніи тѣла, почти по поясъ въ ѣдкой рапѣ; если время благопріятно, то отдыха нѣтъ ни въ праздники, ни въ воскресенья. Несмотря на то, что ноги защищены сапогами и смоленою дерюгою, поверхность даже здоровой кожи часто изъязвляется, открываются старыя раны и язвы, а тѣмъ болѣе незажившія недавнія поврежденія кожи. Помѣщенія для рабочихъ суть не что иное, какъ отвратительныя земляныя норы, душныя въ засуху, сырыя и смрадныя въ дождь, населенныя тарантулами и посѣщаемыя ядовитыми фаланками; о другихъ насѣкомыхъ и говорить уже нечего. Пища дается, повидимому довольно изобильная, но свѣжую провизію на Элтонѣ имѣть трудно, а въ посты и невозможно; вяленая, часто попортившаяся уже рыба и прошлогодній проросшій уже картофель составляютъ главное кушанье. Вода для питья солоноватая, изъ колодцевъ, едва ли здоровая; купаться нѣтъ ни малѣйшей возможности. Не мудрено, что лихорадочныя и изнурительныя болѣзни нерѣдки. По крайней мѣрѣ, впрочемъ, для больныхъ есть помощь: съ 1868 г. при госпиталѣ находится врачъ.

Работа, на которую не пойдетъ никто, кромѣ свыкшихся съ ней отъ малыхъ лѣтъ, работа тяжелая и нездоровая, казалось бы, должна хорошо вознаграждаться; но, къ удивленію нашему, мы услышали, что заработная плата почти та же, какъ вообще для чернорабочаго средней и сѣверной полосы Россіи, т. е. отъ 40—60 руб. за рабочій періодъ—съ мая по октябрь. Крестьяне объясняютъ это тѣмъ, что соляная работа, при недостаточности земель, есть единственный привычный имъ промыселъ для поддержанія семействъ и, главное, для платежа податей и сборовъ; что хозяева элтонскихъ участковъ договариваются съ рабочими въ то время, когда послѣдніе наиболѣе нуждаются въ деньгахъ, въ сроки требованія казенныхъ сборовъ, и даютъ тѣмъ болѣе задатку, чѣмъ менѣе назначается заработная плата, что самая потребность въ рабочихъ по годамъ крайне неравномѣрна, и многіе изъ крестьянъ боятся дорожиться, чтобъ не остаться безъ работы и, слѣдовательно, не лишиться единственнаго источника дохода. При вздорожаніи цѣны рабочаго, солепромышленникъ можетъ найти для себя выгоднымъ сократить добычу соли до обязательнаго минимума, т. е. до 200,000 пудъ. Для этого размѣра добычи достаточно 30—40 рабочихъ въ лѣто, а для 10 участковъ 300—400; остальные же 400—500 рабочихъ, занимающихся солеломкой, остались бы въ такомъ случаѣ безъ заработковъ. Возможно, что на пониженіе цѣнъ имѣютъ вліяніе и не вездѣ еще исчезнувшіе обычаи волостныхъ стар-

шинъ и писарей, такъ какъ всѣ рабочіе контрактуются на мѣстѣ жительства, и изъ задатковъ, при самомъ заключеніи контрактовъ, уплачиваются сборы.

Мы упомянули выше, что нѣкоторые соляные участки снимаются крестьянами. Эти съемщики изъ тѣхъ же пензенцевъ, которые работаютъ на озерѣ. Обыкновенно участокъ снимается артелью, хотя бы номинально и считалось хозяиномъ одно лицо. Нѣтъ сомнѣнія, что при съемкѣ участка людьми, въ тонкости знающими дѣло и въ одно время хозяевами и работниками, добываніе соли можетъ идти успѣшнѣе, и издержки производства должны уменьшиться; казенное управленіе, съ своей стороны, не требуя никакихъ особенныхъ обезпеченій при отдачѣ участка, дѣлаетъ пріобрѣтеніе ихъ доступнымъ всѣмъ безъ различія, и лучшее тому доказательство—содержаніе половины промысла крестьянами. Тѣмъ не менѣе результаты нынѣшняго положенія дѣла во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительны. Совершенное отсутствіе оборотнаго капитала заставляетъ съемщика — крестьянина ограничивать до крайности число рабочихъ, которыхъ ему не на что содержать, и добывать деньги крайне невыгодною, иногда раззорительною запродажею будущей соли. Работа на крестьянскихъ участкахъ, гдѣ въ ней неотлучно участвуютъ и хозяинъ, и его пайщики, гораздо тяжеле, чѣмъ на купеческихъ участкахъ, а содержаніе рабочихъ хуже. Участокъ совершенно въ рукахъ торговцевъ, кредитующихъ артель въ счетъ платы за соль; всѣ выгоды артельной работы идутъ не въ пользу хозяина участка, артельщиковъ или рабочихъ, а въ пользу оптоваго купца или кулака коммиссіонера. Достаточно сказать, что въ 1868 году одинъ изъ съемщиковъ крестьянъ запродалъ свою соль за 0,8 к. съ пуда, не считая, конечно, акциза и попудныхъ, тогда какъ однѣ издержки добывки и свалки въ бугры составляютъ здѣсь отъ 0,6 до 1,5 к. съ пуда.

Можно думать, что арендованіе участковъ крестьянскими артелями имѣетъ значительное вліяніе и на пониженіе заработной платы, и на ухудшеніе содержанія рабочихъ. Артельщики, сами и хозяева и работники, не жалѣютъ себя ни въ работѣ, ни въ пищѣ, ни въ помѣщеніи, лишь бы сберечь лишнюю копѣйку; никакія жалобы и протесты въ артельной работѣ невозможны, равно какъ и принудительныя мѣры. Примѣръ крестьянскихъ участковъ естественно имѣетъ вліяніе и на положеніе купеческихъ участковъ.

Переходимъ къ другой части соляной операціи. Соль лежитъ годъ—другой въ бугрѣ, просохла, очистилась, неприкосновенно сохранена двойнымъ надзоромъ акцизной стражи и участковаго хозяина; наступило время пускать ее въ продажу. Большею частью соледобыватели, не производя сами торговли солью, продаютъ ее купцамъ большими партіями, прямо изъ бугровъ съ тѣмъ, чтобы покупщикъ принялъ на себя какъ уплату акциза и попудныхъ казнѣ, такъ и перевозку со-

на Волгу и дальнѣйшую доставку ея, куда пожелаетъ. Для отвоза соли изъ бугровъ предварительно нанимаются извощики. Соль возится не иначе, какъ на парныхъ воловыхъ подводахъ; пара воловъ запрягается въ большую, крѣпко устроенную фуру, имѣющую сходство съ ломовыми дрогами, употребляемыми въ городахъ, но гораздо шире и выше. Фуры, волы и погонщики нанимаются въ хуторахъ и селеніяхъ Астраханской степи—у поселившихся тамъ издавна хохловъ. Въ предложеніи подводъ, повидимому, недостатка не бываетъ. Подвода поднимаетъ отъ 40—110 пуд. соли, въ среднемъ же расчетѣ—до 60 пудъ и совершаетъ съ этимъ грузомъ переѣздъ до Волги дней въ 6, 7 и даже болѣе, смотря по состоянію дороги и кормовъ, такъ что одна подвода можетъ втеченіе пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ мая до октября, доставить къ Волгѣ до 10 грузовъ или, среднимъ числомъ, до 600 пудъ соли. Плата за перевозку условливается по-пудно; весною, когда дорога не грязна и, главное, подножнаго корму вездѣ достаточно, съ пуда берется 5—7 коп., по мѣрѣ выгоранія и выбиванія травы, цѣна провоза возрастаетъ до 10, 12 и иногда доходитъ до 18 копѣекъ съ пуда.

Какъ скоро условія между покупщикомъ и соледобывателемъ кончены, подводы наняты, покупщикъ или самъ соледобыватель предъявляетъ объ отпускѣ соли изъ назначеннаго бугра мѣстному акцизному начальству, съ представленіемъ квитанцій въ уплатѣ акциза или взносѣ узаконенныхъ залоговъ на требуемое количество соли, и приводитъ нанятыя имъ подводы для предварительной перевѣски пустыхъ фуръ. Перевѣска фуръ и, впослѣдствіи, самой соли дѣлается весьма быстро на такъ называемыхъ кантарныхъ вѣсахъ. На Элтонской пристани нынѣ шесть кантарей; каждый кантарный сарай имѣетъ двое вѣсовъ, съ двумя особыми воротами при каждыхъ; на площадкѣ между вѣсами помѣщается чиновникъ, записывающій вѣсъ каждой фуры по показанію вѣсовыхъ стрѣлокъ. По взвѣсѣ и выпускѣ фуръ, вощики отправляются къ буграмъ, предъявляютъ контрмарку на число взвѣшанныхъ фуръ, ломаютъ и грузятъ соль и, по нагрузкѣ, возвращаются къ кантарямъ для перевѣски груза и выпуска изъ пристани. По взвѣшиваніи фуръ съ грузомъ исчисляется вѣсъ, взятой изъ бугра, соли, и исчисленіе это служитъ основаніемъ для расчета акциза. За тѣмъ транспортъ получаетъ накладную и выпускается изъ пристани, но непремѣнно по направленію солевознаго тракта, на учрежденный въ началѣ тракта, верстахъ въ 3-хъ отъ пристани, повѣрочный пунктъ. Число фуръ повѣряется въ этомъ пунктѣ съ накладными, и затѣмъ транспортъ выпускается на дальнѣйшее слѣдованіе, которое уже совершенно зависитъ отъ воли хозяевъ, а пропущенная соль становится предметомъ свободнаго развоза и торга.

Такимъ образомъ, по прибытіи на Волжскую пристань, соль получаетъ слѣдующую стоимость, по издержкамъ производства: *наимень-*

шая стоимость: $^1/_2$ к. съ пуда за добычу и складку въ бугры; 5 к. съ пуда за провозъ; $^1/_2$ к. на разныя мелочныя издержки, на убыль въ буграхъ, на раструску въ пути и т. п., всего 6 к. на пудъ; *наибольшая* стоимость: $1^1/_2$ к. съ пуда за добычу и складку, 17 к. за провозъ, $^1/_2$ к. на прочія издержки—всего 19 к. съ пуда; *среднею* можно считать 10 — 12 к. на пудъ, а съ попудной платой 11—13 к. за пудъ. Далѣе надо опредѣлить сумму акцизной пошлины; хотя она и положена въ 38 к. съ пуда соли, но способы исчисленія могутъ въ дѣйствительности нѣсколько измѣнить нормальную цифру.

Мѣры, принятыя противъ корчемства на Элтонѣ, кажутся вполнѣ достаточными, пожалуй даже съ излишкомъ. Мѣстность въ высшей степени благопріятна для отвращенія корчемства. Озеро лежитъ въ открытой, голой, безлюдной степи, кругомъ нѣтъ ни одного селенія, постоянная стража вдоль всего берега озера имѣетъ обязанность самую простую, удобоисполнимую: не пропускать *никого* на берегъ озера; тутъ не можетъ быть ни ошибки, ни недоразумѣнія кого пропустить и кого не пропустить; ясные слѣды на солонцовато-илистомъ грунтѣ обличатъ всякое ночное похожденіе, хотя бы и скрывшееся отъ ночнаго дозора, да и что можно украсть ночью изъ озера безъ пособія дощаниковъ, канавъ и инструментовъ? пудъ, два грязной и на половину негодной къ употребленію соли, самое свойство которой послужитъ къ вѣрнѣйшему обличенію вора. Одинъ изъ смотрителей непрерывно объѣзжаетъ кордонную линію для повѣрки стражи. Единственный открытый путь къ Элтону по солевозному тракту обезпеченъ вполнѣ сосредоточеніемъ на небольшомъ пространствѣ всей дѣятельности надзора. Ни одна фура, ни одна пара воловъ не можетъ оставаться въ предѣлахъ пристани по спущеніи вечерняго флага и до поднятія утренняго; бугры и точки охраняются караульными; ни одна фура не можетъ придти днемъ брать соль, не будучи предварительно взвѣшена и отмѣчена и неполуча контрмарки отъ смотрителя, завѣдующаго кантаремъ; ни одна нагрузившаяся фура не можетъ миновать кантаря и не можетъ пройти чрезъ повѣрочную заставу безъ записки въ накладную. Не говоря о томъ, что личный составъ управленія, по общему единогласному отзыву, исключаетъ даже всякую мысль о послабленіи, злоупотребленія, сколько нибудь значительныя, невозможны уже и потому, что для нихъ необходимо было бы полное соглашеніе и всѣхъ лицъ, составляющихъ акцизный надзоръ, отъ управляющаго до вахтера, и всѣхъ солепромышленниковъ, вощиковъ и торговцевъ, зорко слѣдящихъ другъ за другомъ. Замѣчательно, что въ ближайшихъ къ Элтону мѣстностяхъ мы не встрѣчали въ употребленіи элтонской соли, по крайней мѣрѣ въ небогатомъ классѣ, составляющемъ большинство населенія. Употребляется обыкновенно какая то нечистая, грубая соль, Богъ вѣсть откуда и какъ попадающая въ торговлю и потребленіе, но, конечно, продающаяся гораздо дороже элтонской.

Всѣ, изложенныя наблюденія, сводятся въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему:

Во первыхъ, огромный соляной бассейнъ, могущій при ничтожныхъ издержкахъ добыванія ($^1/_2$—1 к. на пудъ), давать ежегодно десятки, а пожалуй и сотни милліоновъ пудовъ чистой, прекрасной соли, лежащій вблизи главнаго водянаго пути центральной и восточной полосы Имперіи, выпускаетъ въ торговый оборотъ и въ народное потребленіе два, много три милліона пудъ. Между тѣмъ большинство населенія этой полосы принуждено ограничивать до крайняго предѣла употребленіе соли въ пищу и лишено возможности пользоваться солью для потребностей сельскаго хозяйства.

Во вторыхъ, мѣстныя условія элтонскаго промысла, въ высшей степени благопріятныя для точнаго и правильнаго сбора акцизной пошлины, вполнѣ обезпечиваютъ казну отъ соляной контрабанды, при самыхъ незначительныхъ издержкахъ на надзоръ. Всякій пудъ выпущенной съ Элтона соли непремѣнно положитъ свои 38 к. въ казну.

И благосостояніе населенія, и доходы государственной казны, при такихъ условіяхъ дѣла, настоятельно требуютъ развитія элтонскаго промысла, разумной и широкой разработки драгоцѣннаго источника, не даромъ названнаго Киргизами *золотою горой* *).

---

13. Торговое движеніе по Волжско-Маріинскому пути.

Подъ именемъ Волжскаго бассейна, въ смыслѣ экономическомъ, подразумѣвается пространство, лежащее по Волгѣ и ея притокамъ, связывающимъ Волгу съ Петербургскимъ портомъ.

Производительность этого басейна представляетъ двѣ рѣзкія характеристическія особенности: Юго-Востокъ богатъ хлѣбомъ, солью и металлами, а Сѣверо-Западъ по преимуществу лѣсной, скудно надѣленъ средствами къ жизни, и населеніе его обречено на промыслы и заработки на фабрикахъ и заводахъ.

Подъ вліяніемъ этихъ особенностей создалась такимъ образомъ торговая связь Юго-Востока съ Сѣверо-Западомъ, и главная артерія, посредствомъ которой совершается взаимный обмѣнъ произведеній этого бассейна, есть, безъ сомнѣнія, Волжско-Маріинскій водяной путь.

Справедливость этого вполнѣ подтверждается нижеслѣдующими данными:

Изъ всѣхъ произведеній Волги, Оки, Суры и Камы съ притоками, идущихъ отъ Рыбинска далѣе къ верху, на Маріинскій путь прихо-

---

Таковъ, слышали мы, смыслъ слова *Элтонъ*.

дится 66%, тогда какъ на Тихвинскій — всего только 7%, а на Вышневолоцкій и вообще на количество грузовъ, идущихъ по Волгѣ выше Рыбинска, остальные 27%.

Волжско-Маріинскій путь представляетъ двѣ характеристическія части: одну—отъ Астрахани до Рыбинска, а другую — отъ Рыбинска до Петербурга. Первая заключаетъ въ себѣ воды свободныя, по которымъ идутъ суда громадныхъ размѣровъ, а другая представляетъ много каналовъ и шлюзовъ, а потому и размѣръ судовъ невеликъ и подъемная ихъ сила не превышаетъ 20,000 п. Такимъ образомъ Рыбинскъ является пунктомъ перегрузки товаровъ и служитъ гранью дѣленія судоходства и торговли Волжскаго бассейна на двѣ вѣтви: 1) на низовую—между Астраханью и Рыбинскомъ, 2) верховую—между Рыбинскомъ и Петербургомъ.

Между Астраханью и Рыбинскомъ перевозятся преимущественно слѣдующіе товары: хлѣбъ, соль, рыба, металлы, льняное сѣмя, сало, въ общей сложности на 126.000,000 р., тогда какъ обратно, изъ Рыбинска въ Астрахань, товаровъ отправляется только на 42.000,000 р. Преобладающее значеніе имѣетъ хлѣбъ, который перевозится съ низовыхъ пристаней къ Рыбинску въ количествѣ 76.000,000 п., за нимъ уже—соль, металлы и рыба.

Для перевозки этихъ грузовъ на Волгѣ существуетъ нѣсколько пароходныхъ обществъ (въ 1874 г. было 6), нѣсколько крупныхъ фирмъ и много другихъ частныхъ лицъ изъ купцовъ, изъ дворянъ и изъ крестьянъ, имѣющихъ не только суда, но и буксирные пароходы.

Суда, употребляемыя на Волгѣ для погрузки товаровъ, называются преимущественно баржами.

Баржи ведутся (буксируются) пароходами, онѣ весьма легки на ходу, имѣютъ палубу, такихъ баржъ въ настоящее время до 1,200. Ихъ постройка производится по рр. Шекснѣ, Камѣ, а также близь Городца, на Волгѣ, недалеко отъ Нижняго. Замѣчено что $^3/_4$ всѣхъ грузовъ, идущихъ по Волгѣ, перевозится на этихъ баржахъ.

Лѣсной товаръ и лѣсныя издѣлія перевозятся на такъ называемыхъ «бѣлянахъ», которыя съ рр. Ветлуги и Камы направляютъ свой путь къ Саратову, Царицыну и Астрахани.

Пароходы, употребляемые для товарнаго движенія на Волгѣ, ведутъ грузы преимущественно на буксирѣ и именуются «буксирными» пароходами. Всѣ эти пароходы имѣютъ ходъ колесный; скорость хода ихъ отъ 50 до 100 верстъ въ сутки, смотря по состоянію воды на фарватерѣ и по времени года. Въ 1871 г. всѣхъ такихъ буксирныхъ пароходовъ было 318.

Что касается до бурлачества на Волгѣ, то теперь нѣтъ о немъ и помину.

Движеніе судоходства на Волгѣ начинается тотчасъ же съ открытіемъ навигаціи и самое оживленное происходитъ въ первую половину

Всѣ, изложенныя наблюденія, сводятся въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему:

Во первыхъ, огромный соляной бассейнъ, могущій при ничтожныхъ издержкахъ добыванія ($^1/_2$—1 к. на пудъ), давать ежегодно десятки, а пожалуй и сотни милліоновъ пудовъ чистой, прекрасной соли, лежащій вблизи главнаго водянаго пути центральной и восточной полосы Имперіи, выпускаетъ въ торговый оборотъ и въ народное потребленіе два, много три милліона пудъ. Между тѣмъ большинство населенія этой полосы принуждено ограничивать до крайняго предѣла употребленіе соли въ пищу и лишено возможности пользоваться солью для потребностей сельскаго хозяйства.

Во вторыхъ, мѣстныя условія элтонскаго промысла, въ высшей степени благопріятныя для точнаго и правильнаго сбора акцизной пошлины, вполнѣ обезпечиваютъ казну отъ соляной контрабанды, при самыхъ незначительныхъ издержкахъ на надзоръ. Всякій пудъ выпущенной съ Элтона соли непремѣнно положитъ свои 38 к. въ казну.

И благосостояніе населенія, и доходы государственной казны, при такихъ условіяхъ дѣла, настоятельно требуютъ развитія элтонскаго промысла, разумной и широкой разработки драгоцѣннаго источника, не даромъ названнаго Киргизами *золотою горой* *).

---

13. Торговое движеніе по Волжско-Маріинскому пути.

Подъ именемъ Волжскаго бассейна, въ смыслѣ экономическомъ, подразумѣвается пространство, лежащее по Волгѣ и ея притокамъ, связывающимъ Волгу съ Петербургскимъ портомъ.

Производительность этого басейна представляетъ двѣ рѣзкія характеристическія особенности: Юго-Востокъ богатъ хлѣбомъ, солью и металлами, а Сѣверо-Западъ по преимуществу лѣсной, скудно надѣленъ средствами къ жизни, и населеніе его обречено на промыслы и заработки на фабрикахъ и заводахъ.

Подъ вліяніемъ этихъ особенностей создалась такимъ образомъ торговая связь Юго-Востока съ Сѣверо-Западомъ, и главная артерія, посредствомъ которой совершается взаимный обмѣнъ произведеній этого бассейна, есть, безъ сомнѣнія, Волжско-Маріинскій водяной путь.

Справедливость этого вполнѣ подтверждается нижеслѣдующими данными:

Изъ всѣхъ произведеній Волги, Оки, Суры и Камы съ притоками, идущихъ отъ Рыбинска далѣе къ верху, на Маріинскій путь прихо-

---

*) Таковъ, слышали мы, смыслъ слова *Элтонъ*.

дится 66%, тогда какъ на Тихвинскій — всего только 7%, а на Вышневолоцкій и вообще на количество грузовъ, идущихъ по Волгѣ выше Рыбинска, остальные 27%.

Волжско-Маріинскій путь представляетъ двѣ характеристическія части: одну—отъ Астрахани до Рыбинска, а другую — отъ Рыбинска до Петербурга. Первая заключаетъ въ себѣ воды свободныя, по которымъ идутъ суда громадныхъ размѣровъ, а другая представляетъ много каналовъ и шлюзовъ, а потому и размѣръ судовъ невеликъ и подъемная ихъ сила не превышаетъ 20,000 п. Такимъ образомъ Рыбинскъ является пунктомъ перегрузки товаровъ и служитъ гранью дѣленія судоходства и торговли Волжскаго бассейна на двѣ вѣтви: 1) на низовую—между Астраханью и Рыбинскомъ, 2) верховую—между Рыбинскомъ и Петербургомъ.

Между Астраханью и Рыбинскомъ перевозятся преимущественно слѣдующіе товары: хлѣбъ, соль, рыба, металлы, льняное сѣмя, сало, въ общей сложности на 126.000,000 р., тогда какъ обратно, изъ Рыбинска въ Астрахань, товаровъ отправляется только на 42.000,000 р. Преобладающее значеніе имѣетъ хлѣбъ, который перевозится съ низовыхъ пристаней къ Рыбинску въ количествѣ 76.000,000 п., за нимъ уже—соль, металлы и рыба.

Для перевозки этихъ грузовъ на Волгѣ существуетъ нѣсколько пароходныхъ обществъ (въ 1874 г. было 6), нѣсколько крупныхъ фирмъ и много другихъ частныхъ лицъ изъ купцовъ, изъ дворянъ и изъ крестьянъ, имѣющихъ не только суда, но и буксирные пароходы.

Суда, употребляемыя на Волгѣ для погрузки товаровъ, называются преимущественно баржами.

Баржи ведутся (буксируются) пароходами, онѣ весьма легки на ходу, имѣютъ палубу, такихъ баржъ въ настоящее время до 1,200. Ихъ постройка производится по рр. Шекснѣ, Камѣ, а также близь Городца, на Волгѣ, недалеко отъ Нижняго. Замѣчено что $^3/_4$ всѣхъ грузовъ, идущихъ по Волгѣ, перевозится на этихъ баржахъ.

Лѣсной товаръ и лѣсныя издѣлія перевозятся на такъ называемыхъ «бѣлянахъ», которыя съ рр. Ветлуги и Камы направляютъ свой путь къ Саратову, Царицыну и Астрахани.

Пароходы, употребляемые для товарнаго движенія на Волгѣ, ведутъ грузы преимущественно на буксирѣ и именуются «буксирными» пароходами. Всѣ эти пароходы имѣютъ ходъ колесный; скорость хода ихъ отъ 50 до 100 верстъ въ сутки, смотря по состоянію воды на фарватерѣ и по времени года. Въ 1871 г. всѣхъ такихъ буксирныхъ пароходовъ было 318.

Что касается до бурлачества на Волгѣ, то теперь нѣтъ о немъ и помину.

Движеніе судоходства на Волгѣ начинается тотчасъ же съ открытіемъ навигаціи и самое оживленное происходитъ въ первую полови-

лѣта съ хлѣбными грузами, которые исключительно направляются къ Рыбинску.

Условія на перевозку товаровъ по Волгѣ начинаютъ обыкновенно выясняться на Нижегородской ярмаркѣ, и тогда же заключаются контракты на предстоящую навигацію.

Въ контрактахъ обыкновенно опредѣляется фрахтовая цѣна на извѣстное разстояніе (т. е. цѣна за перевозку груза), срокъ доставки, неустойка, отвѣтственность за грузъ, срокъ выплаты денегъ за доставку и пр. Цѣна за перевозку грузовъ зависитъ отъ спроса и отъ сроковъ доставки товаровъ; такъ напр., съ начала навигаціи, когда перевозится наибольшее количество товаровъ и когда полноводье затрудняетъ путь парохода, то и цѣну за перевозку грузовъ берутъ дороже, копѣекъ 12 съ пуда, а въ остальное время коп. 8, 10.

Успѣхъ и развитіе судоходства и торговли, на пространствѣ между Рыбинскомъ и Астраханью, зависитъ не столько отъ удобствъ и затрудненій на Волгѣ, но и также отъ условій сплава по р. Волгѣ. Къ крайнему сожалѣнію, Волга представляетъ громадное затрудненіе для судоходства. На ней встрѣчается много песчаныхъ мелей, которыя тѣмъ болѣе неудобны, что измѣняютъ мѣстоположеніе, а, слѣдовательно, измѣняется и фарватеръ.

Сравнительное достоинство водяныхъ искусственныхъ путей сообщенія.

Водяные пути, идущіе кверху отъ Рыбинска, могутъ быть охарактеризованы такъ:

Маріинскій путь для хода грузовъ открытъ втеченіе всей навигаціи, судоходство по немъ возможно какъ взводное, такъ и спускное. Стоимость доставки, сравнительно съ другими путями, недорога, времени на нее затрачивается около двухъ мѣсяцевъ. Вся длина Маріинской системы 909 вер.

Мысль о соединеніи р. Ковжи съ р. Вытегрою, принадлежитъ Петра Великому, который лично обозрѣвалъ эту мѣстность послѣ устройству Вышневолоцкой системы; при немъ же, въ 1710 и въ 1714 г. были производимы изысканія мѣстности иностранцами Перри и Вестри. Исполненіе этого проэкта осуществлено Императоромъ Александромъ I въ 1808 г. Система этаполучила названіе Маріинской въ честь Императрицы Маріи Ѳеодоровны, принимавшей живое участіе въ осуществленіи великой мысли Петра. Маріинская система имѣетъ важнѣйшее торговое значеніе, черезъ нее проходитъ большая часть грузовъ изъ Волги къ Петербургу и въ сѣверныя губерніи и изъ Петербурга на Волгу (66 %).

По Вышневолоцкому пути судоходство возможно только въ одну сторону—къ Петербургу, по причинѣ препятствій въ порогахъ на рѣкѣ Мстѣ. Протяженіе его 806 вер. Судоходство производится не во все

время навигаціи, а только въ три пріема: весною идутъ суда, нагруженныя еще зимою на пристаняхъ: Новоторжской, Тверской и Гжатской; лѣтомъ проходятъ суда изъ Рыбинска, грузившіяся весною на низовыхъ пристаняхъ Волги. Съ помощью выпускной воды изъ резервуаровъ, горизонтъ системы въ это время дѣлается на всемъ протяженіи судоходнымъ. Устройство Вышневолоцкой системы начато Императоромъ Петромъ Великимъ. Доставка товаровъ (27%) стоитъ дороже, чѣмъ по Маріинскому.

Тихвинская судоходная система имѣетъ преимущество передъ двумя предшествующими, въ отношеніи скорости доставки (около мѣсяца), судоходство по ней возможно въ обѣ стороны, но зато стоимость доставки по этому пути сравнительно дорога.

Мысль соорудить Тихвинскую систему принадлежитъ также Императору Петру Великому, который въ 1710 г. послалъ англійскаго инженера, Джона Перри, для изысканія судоходной линіи. Открыта она была только въ 1811 г. при Александрѣ Благословенномъ. По этой системѣ плаваютъ особыя суда, которыя называются *тихвинками* и *соминками*.

Тихвинская система имѣетъ протяженіе 666 вер., а отъ устья Мологи до Петербурга 831 вер.

Значеніе Рыбинска какъ хлѣбнаго рынка. До начала XVIII столѣтія Рыбинскъ велъ незначительную торговлю; мимо него проходили только суда, шедшія по Волгѣ снизу вверхъ и обратно; съ построеніемъ С.-Петербурга эта дѣятельность стала усиливаться, а съ проведеніемъ каналовъ Маріинской, Тихвинской и Вышневолоцкой системъ, Рыбинскъ сдѣлался центральнымъ пунктомъ для всѣхъ судовъ, идущихъ не только съ низовьевъ Волги, но и изъ Петербурга. Здѣсь грузы съ большемѣрныхъ судовъ должны перегружаться на маломѣрныя для того, чтобы слѣдовать по Шекснѣ, Мологѣ и Тверцѣ, а съ маломѣрныхъ на большемѣрныя для слѣдованія внизъ по Волгѣ.

Значеніе Рыбинска какъ хлѣбнаго рынка создалось вообще подъ вліяніемъ экономическихъ и торговыхъ условій всего приволжскаго края и въ зависимости отъ расположенія и свойства путей.

Богатыя хлѣбомъ, Низовыя губерніи, какъ извѣстно, тотчасъ съ открытіемъ навигаціи направляютъ свои избытки къ сѣверо-западу Россіи, и главнымъ проводникомъ этого направленія служитъ рѣка Волга. Характеристическое свойство этой артеріи заключается въ томъ, какъ сказано было выше, что удобное по ней движеніе на судахъ большаго размѣра кончается у г. Рыбинска, и, для дальнѣйшей транспортировки, товары тамъ перегружаются на суда меньшихъ размѣровъ; почему и пунктъ этотъ сдѣлался естественнымъ предѣломъ низовой вѣтви судоходства.

Кромѣ того отъ Рыбинска вверхъ главный (Волжскій) путь хлѣбнаго движенія подраздѣляется на 4 вѣтви, по которымъ производится,

такъ сказать, питаніе Тверской, Новгородской, Олонецкой и др. губерній, а также Финляндіи и столицы съ ея портомъ.

Не мало также содѣйствовали образованію изъ Рыбинска рынка отдаленность и затрудненія для непосредственныхъ торговыхъ сношеній между странами, производящими и потребляющими хлѣбъ. Такимъ образомъ въ силу всѣхъ сказанныхъ обстоятельствъ Рыбинскъ въ настоящее время представляетъ собою во время навигаціи, а въ особенности въ первую ея половину, такъ сказать, громадный базаръ хлѣба Нижне-волжскаго, Камскаго и частью Окскаго бассейновъ. Къ этому времени туда съѣзжается низовое и верховое купечество;—первое для продажи, а второе—для покупки. Относительно водянаго транзита здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что хлѣбъ, заготовленный на низовыхъ пристаняхъ и направленный въ путь, не всегда достигаетъ Петербурга въ одну навигацію и зачастую складывается на зимовку въ разныхъ пунктахъ по пути его слѣдованія (напр. въ складахъ, устроенныхъ въ Рыбинскѣ, въ Вознесеньи и пр.). Зимовки эти вызываются преимущественно коммерческими соображеніями; такъ, если въ Петербургѣ запасы велики, если заграничный спросъ слабъ и если цѣны низки, то обыкновенно хлѣбопромышленники складываютъ свои запасы въ выше сказанныхъ пунктахъ, въ ожиданіи болѣе выгодныхъ условій продажи, и уже въ слѣдующую навигацію доставляютъ ихъ къ мѣсту назначенія.

Хлѣбъ, вступающій въ Верхне-волжскій бассейнъ, подвозится преимущественно со стороны Нижняго и Москвы и только незначительное его количество слѣдуетъ со стороны Гжатска, Холма и Вологды. Вся его масса 50½ м. пуд. направляется къ Петербургу и только самое ничтожное количество, менѣе 1.000,000 п., уклоняется къ Вологдѣ и въ При-ладожскую часть Финляндіи.

Для нагрузки хлѣба, въ Рыбинскѣ лѣтомъ формируются артели крючниковъ изъ крестьянъ губ. Ярославской, Тверской, Нижегородской, Владимірской и изъ отставныхъ военныхъ. Каждая артель составляется изъ 12 человѣкъ и находится въ полномъ распоряженіи подрядчиковъ, съ которыми заключаются условія на все лѣто. Всѣхъ крючниковъ собирается въ Рыбинскѣ отъ трехъ, а иногда и до пяти тысячъ человѣкъ.

Все пространство отъ Рыбинска до Петербурга, въ отношеніи проводки и тяги судовъ, подраздѣляется на шесть участковъ: 1) отъ Рыбинска до Бѣлозерска, 2) до г. Вытегры, 3) до Вознесенья, 4) до При-ладожскихъ каналовъ, 5) до г. Шлиссельбурга, 6) до Петербурга.

Сдѣлки между купечествомъ совершаются въ Рыбинскѣ на биржѣ, а также въ трактирахъ—за чаемъ. Условія, заключаемыя при этомъ, бываютъ самаго разнообразнаго свойства, что зависитъ отъ положенія денежнаго рынка и отъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ. Цѣны на хлѣбъ даже одного и того же достоинства и въ одинъ и

тотъ же день бываютъ различны, смотря по тому, покупается ли онъ на наличныя деньги или же съ разсрочкою на извѣстное время; причемъ даже размѣръ задатка и кредитъ покупателя имѣютъ большое вліяніе на установленіе цѣнъ при сдѣлкѣ.

Цѣны Рыбинскаго рынка можно назвать *регуляторомъ* цѣнъ для всего волжскаго бассейна. За возвышеніемъ цѣнъ въ Рыбинскѣ слѣдуетъ повышеніе ихъ во всѣхъ частяхъ бассейна и обратно. Движеніе хлѣбныхъ цѣнъ на Рыбинскомъ рынкѣ вполнѣ *подчиняется указаніямъ столичной биржи.*

Главныя условія, управляющія движеніемъ цѣнъ на Петербургской биржѣ, (которыя общи и для Рыбинска) суть слѣдующія: 1) состояніе портовыхъ и иностранныхъ хлѣбныхъ рынковъ и виды на большій или меньшій заграничный спросъ. 2) Виды на урожай въ низовыхъ и частью въ замосковныхъ губерніяхъ. 3) Степень обезпеченія народнаго продовольствія и урожай въ Финляндіи, въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, Верхне-волжскихъ и въ прочихъ мѣстностяхъ. Такъ что, по мѣрѣ увеличенія отпуска хлѣба изъ Петербургскаго порта и цѣны на его рынкѣ и въ Рыбинскѣ возвышались и обратно.

Вообще физіономія Рыбинскаго рынка представляетъ весьма оживленную картину въ первую половину лѣта. Биржа почти цѣлый день полна народу. Купечество на ней формируетъ отдѣльныя группы по мѣстностямъ, изъ которыхъ оно съѣзжается; такъ напр. Тихвинцы, Новоторы (Торжковское купечество), Тверско-Ржевское и т. д. Рабочій же народъ распредѣляется на биржѣ по спеціальностямъ: крючники составляютъ особый кружокъ, лоцмана—особый и т. д.

Общій приходъ хлѣба въ Рыбинскъ достигаетъ въ самое послѣднее время до 60.000,000 пуд. на сумму около 50.000,000 р. с., и почти вся эта масса составляетъ предметъ сдѣлокъ его рынка.

---

14. Нижегородская ярмарка.

(Историко-статистическій очеркъ).

Едва ли найдется на всей нашей государственной территоріи пунктъ болѣе важный по всей совокупности своихъ географическихъ условій, чѣмъ то мѣсто, на которомъ происходитъ нынѣ Макарьевская ярмарка. Это мѣсто—уголъ, образуемый сліяніемъ Оки съ Волгою. Здѣсь Волга, приближающаяся своими истоками къ бассейну Балтійскаго моря и даже искусственно соединенная съ нимъ, принимаетъ въ себя одинъ изъ двухъ главнѣйшихъ своихъ притоковъ, Оку, протекающую по губерніямъ съ самымъ разнообразнымъ характеромъ мѣстности. Не такъ

далеко отъ впаденія Оки въ Волгу находится устье и другаго самаго великаго притока Волжскаго бассейна—Камы, соединяющей этотъ пунктъ съ самыми дальними сѣверными и сѣверовосточными краями Россіи, съ Ураломъ и Сибирью. Такимъ образомъ нынѣшнее мѣсто Макарьевской ярмарки болѣе или менѣе соединено, посредствомъ водяныхъ сообщеній, съ самыми противоположными и отдаленными краями Россіи, а водяныя сообщенія пока преобладаютъ надъ всѣми другими путями внутреннихъ нашихъ сообщеній и опредѣляютъ собою направленіе всѣхъ нашихъ коммерческихъ путей. Непосредственно принадлежа къ бассейну Волги, издавна и до сихъ поръ первенствующей во всей водяной системѣ Россіи, это мѣсто вмѣстѣ съ тѣмъ представляется пунктомъ наиболѣе *срединнымъ* въ отношеніи ко всѣмъ остальнымъ нашимъ бассейнамъ и находится въ непосредственной связи съ первенствующимъ внутреннимъ коммерческимъ и промышленнымъ центромъ—*Москвой*, которая также принадлежитъ къ Окской системѣ, и откуда прямой путь къ государственному центру и къ балтійскимъ портамъ.

Но не однѣ воды, какъ способъ переѣзда людей и перевозки товаровъ, благопріятствуютъ нынѣшнему мѣсту Макарьевской ярмарки: это мѣсто лежитъ въ средоточіи самаго населеннаго и самаго бойкаго, какъ въ промышленномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, пространства Волжскаго бассейна. Здѣсь, приблизительно между границами Костромской и Казанской губерній (отъ Юрьевца до Казани), и въ особенности между Окой и Камой, происходитъ самое сильное встрѣчное движеніе судоходства вверхъ и внизъ по Волгѣ; здѣсь она течетъ посреди самыхъ энергическихъ промышленныхъ и коммерческихъ поселеній во всемъ ея бассейнѣ, пересѣкаетъ самую мануфактурную область Россіи, и здѣсь же, на этомъ пространствѣ теченія Волги, разыгрывались знаменательнѣйшія движенія въ исторіи сложенія Русскаго государства.

Происхожденіе Макарьевской ярмарки можетъ быть отнесено къ глубочайшей древности; ея начало надо искать въ Великой Болгаріи на Волгѣ и Камѣ. Съ самыхъ древнихъ временъ Болгаре были особенно знамениты какъ народъ коммерческій; ихъ главное становище—*Болгары* — на Волгѣ, ниже Камы, съ незапамятныхъ временъ славилось, какъ складочное мѣсто товаровъ. Географическое положеніе Болгарскаго царства чрезвычайно благопріятствовало развитію его коммерческой дѣятельности: съ одной стороны, Волга связывала ихъ съ Хозарами, торговавшими съ Средней Азіей, Персіей и Индіей; съ другой стороны, посредствомъ Камы и Вятки, Болгарія соприкасалась съ *Біармией* (гдѣ славился издревле торговлей Чердынь), съ сѣверо-двинскимъ коммерческимъ путемъ (Холмогоры); сюда съ сѣвера проникали Норманы, сюда же впослѣдствіи распространилась колонизаціонная и торговая дѣятельность Великаго Новгорода, съ которымъ связывало Болгарію и верхнее теченіе Волги. Такимъ образомъ, черезъ Волжскую Болгарію один изъ всемірныхъ коммерческихъ путей, шедшій по всѣмъ

окраиннымъ и пограничнымъ пространствамъ между Азіей и Европой, и соединяющій эти двѣ части свѣта, югъ съ сѣверомъ и востокъ съ западомъ. Болгарское царство мало по малу падаетъ подъ натисками возникающаго Русскаго государства и потомъ подъ ударами Монголовъ; на развалинахъ его образуется Казанское царство, въ которомъ болгарское племя, слившись съ тюрко-татарскими племенами, исчезаетъ изъ исторіи, и коммерческое значеніе Болгаріи въ концѣ XIV вѣка переходитъ къ Казани, гдѣ, на такъ называемомъ *Арскомъ полѣ*, происходилъ въ лѣтніе мѣсяцы важный ярмарочный торгъ, на который сходились купцы Азіи, Россіи и, кажется, даже Западной Европы. Уже съ этихъ временъ Татары начинаютъ отличаться коммерческимъ духомъ, который мало по малу поглощаетъ въ себя ихъ воинственныя наклонности. Эта ярмарка, происходившая на Арскомъ полѣ, очевидно перешла въ Казань изъ Болгаріи, она славилась преимущественно втеченіе XV столѣтія и до начала XVI.

Вслѣдствіе умерщвленія русскихъ купцовъ на одной изъ ярмарокъ на Арскомъ полѣ, по распоряженію казанскаго хана, Махметъ Аминя, въ концѣ царствованія Іоанна III, Василій III воспретилъ московскимъ купцамъ торговать въ Казани и учредилъ въ 1524 г. ярмарку въ крайнемъ восточномъ пунктѣ Московскаго государства, на Волгѣ же, въ Василь-Сурскѣ, куда онъ думалъ перетянуть Арскую ярмарку изъ подъ владычества Татаръ.

Этотъ періодъ въ исторіи нашей ярмарки самый темный; сколько можно судить по существующимъ историческимъ извѣстіямъ, ярмарка слабо принялась въ Василь-Сурскѣ и все еще продолжалась въ Казани, когда, наконецъ, съ покореніемъ ея, восточный ярмарочный торгъ перешелъ мало по малу съ Арскаго поля къ окрестностямъ Макарьевскаго монастыря.

Съ переходомъ ярмарки къ Макарьевскому Желтоводскому монастырю, на лѣвомъ или луговомъ берегу Волги, въ 80 верстахъ ниже Нижняго, насупротивъ знаменитаго с. Лысково, начинается для нея новый періодъ.

Желтоводскій монастырь (при урочищѣ Желтыя воды) былъ построенъ въ первой половинѣ XII ст. Макаріемъ, уроженцемъ Н. Новгорода и инокомъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Этотъ монастырь, на самомъ пути какъ торговаго движенія по Волгѣ, такъ и завоевательныхъ движеній Русскихъ противъ инородцевъ, былъ посѣщаемъ многочисленными поклонниками и здѣсь, какъ всюду у насъ, въ мѣстѣ, связанномъ съ религіозными вѣрованіями, преданіями и церковными обрядами народа, торговля нашла благопріятныя для себя условія.

Вскорѣ, однако, послѣ своего основанія (1439 г.) Желтоводскій монастырь былъ разрушенъ казанскимъ ханомъ, Улу-Махметомъ. Самъ св. Макарій съ своими учениками удалился послѣ этого погрома на

Унжу, въ Костромской губерніи, гдѣ и скончался въ 1504 г. Но память о св. Макаріи и по уничтоженіи монастыря не пресѣклась въ окрестномъ народонаселеніи. Въ 1624 г. при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Муромскій инокъ, Авраамій, возобновилъ Желтоводскій или Макарьевскій монастырь, и день кончины св. Макарія, 25 іюля, дѣлается днемъ огромнаго стеченія поклонниковъ и днемъ ярмарки, которая, подъ наименованіемъ Макарьевской, становится уже окончательно правильной ежегодной ярмаркой. Всѣ пошлинные доходы отъ ярмарки отданы были царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ монастырю на свѣчи, ладанъ и церковное строеніе и братіи на пропитаніе. Вся ярмарочная администрація и даже полиція были сосредоточены въ лицѣ архимандрита. Всѣ ярмарочныя помѣщенія были монастырскія. Монастырскія привилегіи по сбору доходовъ съ ярмарки были уничтожены Императоромъ Петромъ Великимъ. Въ 1816 г., когда пожаръ уничтожилъ казенный гостинный дворъ, ярмарка была переведена въ Нижній Новгородъ, который уже издавна славился своимъ коммерческимъ значеніемъ, служа складочнымъ мѣстомъ товаровъ для Волги и всего востока, и гдѣ, при устьѣ Оки, представлялось столько благопріятныхъ географическихъ условій. Нижній Новгородъ былъ уже давно, по своимъ торговымъ оборотамъ и по судоходству, въ тѣсной связи съ Макарьевскимъ торгомъ; притомъ онъ ближе къ Москвѣ, чѣмъ Макарьевъ. Эта близость къ Москвѣ, дѣлающейся болѣе и болѣе распорядительницей и хозяйкой на Макарьевской ярмаркѣ, была однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, указанныхъ правительствомъ при переводѣ ярмарки.

Торговые обороты Нижегородской ярмарки развиваются съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе. Въ 1870 г. товаровъ было привезено на 142.914,000, въ 1871 г.—на 157.563,000; въ 1872 г.—на 177.522,000; въ 1873 г.—158.089,000; въ 1874 г.—на 180.201,000, въ 1875 г.—на 169.768,000; и, наконецъ въ 1876 г. товаровъ привезено было на 169.359,000.

Главное значеніе Нижегородской ярмарки заключается прежде всего и болѣе всего въ распредѣленіи товаровъ внутренняго нашего потребленія между такъ называемыми *городовыми покупателями*, закупающими товары изъ первыхъ рукъ, т. е. у самихъ фабрикантовъ или гуртовщиковъ. Съѣздъ городовыхъ покупателей къ Макарію для закупокъ, вотъ важнѣйшая часть нижегородскаго торга, далеко преобладающая надъ всѣми другими его элементами. Расплата городовыхъ и всякаго званія розничныхъ торговцевъ, торгующихъ на мѣстахъ, за товаръ, забранный на предъидущихъ ярмаркахъ, покупка ими новыхъ товаровъ, количество привезенныхъ ими съ собою наличныхъ денегъ, размѣры и сроки выпрашиваемыхъ ими кредитовъ, остатки непроданнаго ими товара—вотъ что составляетъ главный интересъ Нижегородской ярмарки. Нижегородская ярмарка есть важнѣйшій экономическій фактъ русской жизни, стоящій въ ближайшей связи съ положеніемъ русской

промышленности вообще и съ экономическимъ и финансовымъ положеніемъ Россіи въ частности. Существенное ея значеніе заключается еще и въ томъ, что здѣсь отыскивается сбытъ товаровъ, производимыхъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, здѣсь всякій, кому нужно купить, найдетъ то, что ему требуется, всякій, кому нужно продать, найдетъ покупателя, здѣсь, наконецъ, что всего важнѣе, устанавливается цѣна на товаръ.

На Нижегородской ярмаркѣ торгуютъ, какъ говорится, *„всѣми, обращающимися въ торговлѣ, предметами“*; но главныя особенности ея заключаются въ сдѣлкахъ по слѣдующимъ статьямъ: хлопокъ и хлопчато-бумажные товары, чай, металлы, рыба, соль, хлѣбъ, мѣха, вина. Обороты касаются четырехъ главныхъ группъ товаровъ: русскаго сырья, русскихъ фабрикатовъ, иностранныхъ европейскихъ и колоніальныхъ товаровъ и иностранныхъ азіятскихъ.

Прежде чайная торговля считалась на Нижегородской ярмаркѣ важнѣйшею, такъ что цѣна на чай устанавливала цѣны на другія первостатейныя статьи ярмарочной торговли; чай на все цѣну ставитъ, говорили на ярмаркѣ; но начиная съ 1862 года, когда дозволено было ввозить къ намъ кантонскій чай и когда правительство предприняло рядъ мѣръ противъ монополій въ кяхтинской торговлѣ, первенство чайнаго дѣла на Нижегородской ярмаркѣ потерпѣло сильное крушеніе, такъ что въ настоящее время ярмарочная торговля начинается *продажей хлопчато-бумажнаго товара, а не продажей чаевъ.*

I. ТОРГОВЛЯ ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫМЪ ТОВАРОМЪ.

Важная роль хлопчато-бумажныхъ товаровъ въ торговлѣ на Нижегородской ярмаркѣ видна изъ слѣдующихъ цифръ:

Въ 1874 г. привезено было бумажныхъ товаровъ на 36.500,000 р.
„ 1876 „ „ „ „ 24.200,000 „

Хлопчато-бумажный товаръ идетъ на ярмарку главнымъ образомъ изъ трехъ районовъ его производствъ — Владимірскаго, Московскаго и Костромскаго. Нижегородская ярмарка для этихъ губерній настоящая кормилица. Если красный товаръ на ней шелъ хорошо, зимою будетъ работа на фабрикахъ, если плохо, — многимъ рабочимъ придется весьма жутко.

Главнѣйшими представителями русской хлопчато-бумажной промышленности служатъ города: Иваново-Вознесенскъ и Москва. Для Иваново-Вознесенска Нижегородская ярмарка значитъ весьма много, начать съ того, что на нее ѣздятъ рѣшительно всѣ ивановцы, и самые богатые, и самые бѣдные; она настоящая наша кормилица, говорятъ обыкновенно о ней ивановцы. Завершеніе коммерческаго года и начало новаго для ивановскихъ торговцевъ заключается въ Нижегородской ярмаркѣ; она значитъ для Иваново-Вознесенска болѣе, чѣмъ всѣ другіе

Холуйская, Ростовская, Украйнскія. Значеніе Нижегородской ярмарки для ивановцевъ увеличивается еще и потому, что въ это время, когда она въ разгарѣ, дѣлается извѣстнымъ отъ пріѣхавшихъ на ярмарку— хорошъ или дуренъ урожай текущаго года въ разныхъ концахъ Россіи, а отъ хорошаго урожая зависитъ главнымъ образомъ хорошій сбытъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ, какъ на самой ярмаркѣ, такъ и послѣ, ибо ивановскій ситцевый товаръ по преимуществу товаръ, назначаемый для крестьянъ и имъ запасаются главнымъ образомъ крестьяне. Деревня и уѣздный городъ—главный рынокъ для сбыта ивановскаго ситца. По свѣдѣніямъ, Иваново-Вознесенскъ производитъ до 2.000,000 кусковъ ситца. Наконецъ, на Нижегородской ярмаркѣ ивановцы ведутъ значительную торговлю съ Сибирью и Закавказьемъ; но самое важное, что $^1/_3$ всей выработки товаровъ въ Иваново-Вознесенскѣ и его окрестностяхъ распродается на Нижегородской ярмаркѣ. На послѣдней есть особые ряды, такъ называемые ивановскіе (старые и новые).

Кромѣ Иваново-Вознесенска, хлопчато-бумажные товары высылаютъ города: Тверь, Москва, Петербургъ, Шуя и Вычуга.

II. Торговля чаями.

По общепринятому мнѣнію, чайная торговля одна изъ важнѣйшихъ на ярмаркѣ; самая цифра привоза какъ нельзя болѣе подтверждаетъ это: такъ въ 1874 г. привезено было чаю на 9.015,000 р. и изъ этой суммы кяхтинскаго чаю на 4.620,000, кирпичнаго на 1.477,000, остальная сумма 2.918,000 падаетъ на чай кантонскій, который впервые является на ярмаркѣ въ 1862 году. Въ 1876 г. чаю было привезено на 8.750,000 р. Чай съ Нижегородской ярмарки шелъ и идетъ повсюду; почти 50,000 цибиковъ привозится его на ярмарку и размѣщается на такъ называемой сибирской пристани. Складъ его, говоритъ одинъ изслѣдователь Нижегородской ярмарки, очень интересенъ. Въ концѣ этой сибирской пристани, позади ободьевъ, трепья, поташу и шадрику, тянутся по обѣ стороны балахнинской дороги, укутанные рогожами, цибики съ чаемъ. Они поставлены въ ряды на длинныхъ рядахъ. По одну сторону отъ нихъ течетъ Волга, по другую—обширное поле. Здѣсь одинъ изъ крайнихъ предѣловъ ярмарки. Отъ всемірнаго торжища долетаютъ сюда одни неясные звуки. Тамъ шумъ и гамъ, здѣсь тихо и мирно. Въ концѣ каждаго склада находится баракъ, покрытый рогожами, гдѣ помѣщаются прикащики. Это люди большею частью бывалые, много видавшіе на своемъ вѣку, нѣкоторые изъ нихъ торгуютъ своимъ собственнымъ чаемъ, только въ незначительномъ количествѣ. Сюда то пріѣзжаютъ чайные торговцы посмотрѣть чай и достать совками пробы. Тутъ повѣряется чайная фактура. Каждый чайный коммиссіонеръ имѣетъ у себя отъ тѣхъ лицъ, чай которыхъ сданъ *на продажу*, особое описаніе каждаго цибика чая, съ означеніемъ

его вѣса, сорта и достоинства. Такія описанія на торговомъ языкѣ называются *фактурами*. Каждый купецъ, желающій совершить покупку чая по этимъ фактурамъ, выбираетъ себѣ чай по желанію.

Для узнанія достоинства чая, крупные торговцы держатъ особыхъ прикащиковъ. Эти знатоки сортовъ чая окружены всегда стаканами и умѣютъ отлично распознавать достоинство того или другаго сорта; такъ какъ дѣло это первостепенной важности, то прикащики эти получаютъ отличное содержаніе.

Привезенный чай на ярмарку распредѣляется для продажи между коммиссіонерами, такъ какъ сами его владѣльцы не всѣ пріѣзжаютъ въ Нижній. Коммиссіонеры имѣютъ на ярмаркѣ болѣе значенія, чѣмъ сами купцы, ни одинъ чайный торговецъ не можетъ обойтись безъ посредства коммиссіонеровъ, потому что невозможно одному подобрать всѣ сорты чая, а между тѣмъ въ розничной торговлѣ необходимы всѣ сорта его.

III. Торговля желѣзомъ.

Отъ хода торговли желѣзомъ на ярмаркѣ зависитъ заводская уральская промышленность. Торговля металломъ играетъ на ярмаркѣ громадную роль. Въ 1876 г. металлу привезено было болѣе чѣмъ на 17.000,000 руб. сер. Желѣзо доставляется на ярмарку караванами по рр. Чусовой, Бѣлой, по Камѣ и Волгѣ, въ коломенкахъ, межеумкахъ и баркахъ. На ярмаркѣ оно помѣщается на Окѣ, въ особой, такъ называемой желѣзной линіи. До прибытія на ярмарку, желѣзный караванъ дѣлаетъ въ маѣ мѣсяцѣ большую станцію у г. Лаишева, Казанской губерніи, гдѣ въ это время бываетъ настоящая ярмарка. Желѣзо привозится въ Лаишевъ съ заводовъ гг. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Яковлевыхъ, Пастуховыхъ, Пашкова, Расторгуева, Строгоновыхъ, Лазаревыхъ, Демидова (желѣзо котораго считается лучшимъ и др.). Всего въ Лаишевъ приходитъ до 400 барокъ и до 100 косныхъ лодокъ, приходящихъ изъ разныхъ приволжскихъ губерній за грузомъ желѣза. Караванныя барки располагаются по берегу Камы, на протяженіи 4-хъ верстъ. Выгрузка желѣза въ Лаишевѣ представляетъ самую оживленную картину неутомимой дѣятельности рабочихъ. Тысячи людей, съ ношей на плечахъ, переносятъ желѣзо съ барокъ на берегъ, по подмосткамъ или перегружаютъ его съ берега въ косныя лодки. Кромѣ мужчинъ, здѣсь трудятся и женщины, получая отъ 30 до 40 к. въ день. Караваны другъ отъ друга отдѣляются баркой, на мачтѣ которой поднятъ двухцвѣтный флагъ, и такимъ образомъ глазамъ зрителя представляется цѣлый лѣсъ мачтъ съ флагами и безъ флаговъ, а по самому фарватеру Камы разбросаны тамъ и сямъ косныя лодки, ожидающія груза. Торговыя сдѣлки производятся въ мѣстныхъ трактирахъ, расположенныхъ по берегу Камы. Оборотъ торговли бо

2.000,000 р. с. Въ Лаишевъ привозится желѣза до 5.000,000 пудъ. Большая часть его сплавляется въ низовыя поволжскія губерніи, а оттуда слѣдуетъ въ Ростовъ на Дону, на Кавказъ а также на Нижегородскую ярмарку, гдѣ оно располагается въ нарочно для того построенныхъ деревянныхъ балаганахъ. Сами заводчики рѣдко бываютъ на Нижегородской ярмаркѣ и все дѣло находится въ рукахъ коммиссіонеровъ и прикащиковъ. Желѣзо на ярмаркѣ переходитъ изъ рукъ въ руки. Заводчики продаютъ его такъ называемымъ первымъ рукамъ (т. е. оптовымъ торговцамъ), эти послѣдніе — городовымъ купцамъ и, наконецъ, послѣдніе,—мелкимъ покупателямъ, такъ что мелкому покупателю приходится иногда купить листовое желѣзо рублемъ дороже, чѣмъ его купили на той же ярмаркѣ оптовые торговцы. Переходя въ руки городовыхъ покупателей, желѣзо съ ярмарки идетъ въ сосѣднія промышленныя губерніи, а также въ Москву, Петербургъ, Ригу, Кіевъ и Одессу. На ярмарку, кромѣ уральскаго желѣза, привозится желѣзо съ заводовъ губерній Нижегородской и Владимірской.

Изъ г. Тулы везутъ на Нижегородскую ярмарку всевозможныя желѣзныя и стальныя издѣлія, какъ-то: дверные замки, дверныя скобы, задвижки, петли, крючки, винты для рамъ, желѣзные циркули, подпилки, сапожные молотки, бурава и проч. Не даромъ же про туляка сложилась пословица, что туляки на цѣпь блоху посадили.

Тульскій товаръ вообще тщательной отдѣлки, а потому и цѣна его дороже. Въ свою очередь туляки запасаются на Нижегородской ярмаркѣ желѣзомъ, солью, мѣхами и рыбой. Тула отправляетъ на Нижегородскую ярмарку самовары, ружья, гармоники и пряники. Черезъ посредство Нижегородской ярмарки тульскіе самовары расходятся по средней Азіи, идутъ въ Бухару, Хиву и пр. Кромѣ ружей и самоваровъ, изъ Тулы везутъ на Нижегородскую ярмарку гармоники, которыя стали находить себѣ покупателей среди жителей Востока. Персіяне и армяне покупаютъ ежегодно на ярмаркѣ значительное число гармоникъ.

IV. Шерстяныя издѣлія.

Въ 1876 г. шерстяныхъ и суконныхъ издѣлій привезено было на 23.043,000 р. сер. Извѣстно, что торговля шерстью главнымъ образомъ сосредоточивается у насъ на украинскихъ ярмаркахъ, а именно въ гг. Харьковѣ, Екатеринославлѣ и Полтавѣ. На Нижегородскую ярмарку шерсть привозится изъ городовъ: Самары, Симбирска, Оренбурга, Уфы, Троицка и Уральска. Она закупается московскими, сибирскими суконными фабрикантами.

Фабричныя сукна, привозимыя на Нижегородскую ярмарку, приготовляются преимущественно въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, а также въ губерніяхъ: Кіевской, Черниговской, Харьковской, Казанской и

Симбирской, Лифляндской и въ Привислянскихъ. Симбирскія и Казанскія сукна толстыя солдатскія, Московскія и Рижскія — тонкія. Первыя покупаются преимущественно въ казну, а также армянами и бухарцами.

V. Торговля мѣхами.

Мѣховъ и мѣховыхъ издѣлій привезено было на ярмарку 1876 г. на 8.607,000. На Нижегородской ярмаркѣ сосредоточивается преимущественно торговля выдѣланными мѣхами, тогда какъ невыдѣланные покупаются болѣе на Ирбитской, гдѣ запасаются мѣхами не только всѣ крупные торговцы въ пушномъ ряду на Нижегородской ярмаркѣ, но даже лейпцигскіе купцы. На Нижегородскую ярмарку привозятся слѣдующіе мѣха: 1) собольи — сибирскими и московскими купцами; 2) бѣличьи. Бѣлка ловится по Оби, Енисею, Ленѣ, соболь же преимущественно якутами. 3) Сибирскіе волки и медвѣди; они привозятся изъ внутреннихъ областей и изъ степей. 4) Горностаи ловятся какъ за Ураломъ, такъ и въ Мезенской тундрѣ. 5) Заячьи шкурки. Онѣ добываются во всей средней полосѣ Россіи. 6) Мерлушки. Продаваемая на Нижегородской ярмаркѣ, мерлушка бываетъ трехъ сортовъ: русская, украинская и крымская. Русская мерлушка выдѣлывается во внутреннихъ губерніяхъ, особенно въ с. Мурашкинѣ, Княгининскаго уѣзда Нижегородской губерніи. 7) Кошки. Кошки скупаются по городамъ и деревнямъ, выдѣлываются и красятся особыми ремесленниками, которыхъ много особенно въ Костромской губерніи. Съ Нижегородской ярмарки мѣха расходятся по всей Россіи, особенно много ихъ идетъ на Украйну.

VI. Рыбный товаръ.

Въ 1876 г. рыбнаго товара привезено было на ярмарку почти на 4.000,000 р. Изъ поволжскихъ городовъ наиболѣе заинтересованы на Нижегородской ярмаркѣ Астрахань, которая отправляетъ на ярмарку рыбу, икру, рыбій жиръ, рыбій клей и виноградъ. На Нижегородскую ярмарку обыкновенно привозится болѣе половины всей добытой рыбы въ низовьяхъ Волги и въ Каспійскомъ морѣ. Весь рыбный товаръ на ярмаркѣ помѣщается въ баржахъ, откуда онъ выкладывается на такъ называемой *гребновской* пристани. На ярмарку идутъ изъ Астрахани преимущественно слѣдующіе сорта рыбы: сухой судакъ, лещъ, севрюга, бѣлуга, осетрина, сазанъ, сельдь волжская, а также Астрахань вмѣстѣ съ Дономъ доставляетъ до 4000 п. балыка.

VII. Торговля кожами и кожевенным товаромъ.

Кожевеннаго товара привезено было на ярмарку 1876 г. на 6.691,000 р. с. Кожа на Нижегородской ярмаркѣ является во всѣхъ видахъ, начиная отъ сырья и кончая самыми изящными издѣліями изъ кожи. На ярмаркѣ находятся цѣлые ряды съ выдѣланными кожами, носящіе названіе отъ мѣстъ, выславшихъ ихъ сюда. Таковы ряды богородскіе, городецкіе, спасскіе и катунскіе. Юфть идетъ изъ Казани, изъ Слободскаго, Сызрани, а также изъ Мурома и съ заводовъ Московской губерніи. Бычачьи кожи и коровьи—изъ Рязанской, Вятской, Симбирской, Владимірской, Костромской и Московской, а также изъ Арзамаса Нижегородской губ. Опоекъ привозится на ярмарку преимущественно изъ с. Катунокъ (Балахнинскаго у. Нижегород. губ.). Катунскій опоекъ славится во всей Россіи и привозится даже на украинскія ярмарки. Козловыя кожи привозятся преимущественно изъ Казани, гдѣ выдѣлкою ихъ занимаются до 2000 рабочихъ въ пригородныхъ слободахъ.

Сапоги, галоши, башмаки и всевозможная обувь преимущественно привозятся изъ Костромской губерніи, а также и изъ Тверской (с. Кимры).

VIII. Шелковые товары и полушелковые.

Въ 1876 г. привезено было на ярмарку на 7.328,000 р. сер. Русскія шелковыя матеріи, продающіяся на Нижегородской ярмаркѣ, большею частью произведенія фабрикъ г. Москвы и Богородскаго уѣзда Московской губерніи. Онѣ привозятся на Нижегородскую ярмарку какъ самими фабрикантами, такъ и купцами. Слѣдующіе сорты шелковыхъ товаровъ привозятъ на ярмарку: парчи, штофы, бархаты, атласъ, тафту, разныя узорчатыя и полосатыя матеріи, шали, чулки, зонтики, кушаки, ленты, сученый шелкъ, бахрому и проч. Шелкъ привозится на ярмарку изъ Закавказья, Персіи и Бухары.

IX. Вина.

Виноградное вино, называемое *чихиремъ*, привозится на ярмарку на пароходахъ, преимущественно изъ Кизляра, армянами. На Нижегородскую ярмарку привозится среднимъ числомъ кизлярскаго вина ежегодно отъ 7—10,000 бочекъ, а вообще же винъ всѣхъ сортовъ въ 1876 г. привезено было на 3.148,000 р. с. Крымскихъ винъ привозится на ярмарку небольшое количество.

X. Лѣсъ и лѣсная торговля.

Ежегодный оборотъ лѣсной торговли на Нижегородской ярмаркѣ простирается слишкомъ до 2.000,000 р. с., не считая при этомъ заграничнаго и кавказскаго лѣса, орѣха и пальмы, привозимаго въ большомъ количествѣ и продаваемаго на вѣсъ. Наибольшее значеніе въ торговлѣ лѣсными издѣліями имѣютъ: мочала, кули и рогожи. Ихъ продается ежегодно на 1.000,000 р. с. Мочала болѣе всего привозится изъ Уфимской губерніи, также изъ Казанской, Вятской, Пермской и Оренбургской. Мочала, привезенныя на ярмарку, складываютъ на Сибирской пристани въ огромные, поражающіе своей величиной, бунты. Количество привозимаго мочала среднимъ числомъ равняется до 900,000 пудъ, (отъ 48 к. до 1 р. за пудъ). Главная масса его отправляется вверхъ по Окѣ и ея притокамъ, къ Москвѣ и въ губерніи Рязанскую и Тамбовскую. Кулей ежегодно привозится до 1.500,000 штукъ, болѣе всего изъ Уфимской, а затѣмъ изъ Пермской, Казанской и Вятской губерній. Цѣна ихъ зависитъ отъ урожая на хлѣбъ. Рогожъ привозится до 1.000,000 штукъ и изъ тѣхъ же мѣстностей. Къ мочальнымъ издѣліямъ принадлежатъ еще мочальныя шлеи, хомуты, уздечки и пр. Макарьевскій уѣздъ Костромской губерніи и Семеновскій Нижегородской доставляютъ на ярмарку разнаго рода деревянную посуду: ушаты, кадки, лохани, ведр, корыта и пр.

Строеваго лѣса приплавляется ежегодно до 150,000 бревенъ и наибольшее его количество идетъ изъ Костромской и Вологодской губ. (Никольскаго у.) Досокъ привозится до 130,000 штукъ. Ежегодная ломка всевозможныхъ построекъ на самой ярмаркѣ постоянно поддерживаетъ требованіе на строительный матеріалъ и въ особенности на тесъ, а также много его отправляется въ Москву.

Говоря о лѣсной торговлѣ на Нижегородской ярмаркѣ, нельзя обойти молчаніемъ покупку и продажу судовъ. На Волгѣ, соединяющей своими притоками и каналами сѣверъ и югъ нашего отечества, является безчисленное множество судовъ разныхъ размѣровъ, и Нижегородская ярмарка, получая и отправляя большую часть своихъ товаровъ водяными путями, естественно привлекаетъ къ своимъ пристанямъ не малое ихъ число. Въ настоящее время, при усиливающемся развитіи пароходства, наиболѣе важное значеніе имѣютъ баржи. Но эти цѣнныя суда строятся только по заказу, и перепродажа ихъ изъ рукъ въ руки встрѣчается рѣдко. Предметомъ же оживленной торговли являются барки разныхъ величинъ и названій (подчалки, гусянки, коломенки, паромы и пр.).

XI. Льняныя и пеньковыя издѣлія.

Льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій привезено было на ярмарку въ 1876 г. на 4.610.000 р. с., изъ Костромской и Ярославской губерній преимущественно, а также изъ Владимірской (пестрядь и тикъ).

XII. Торговля хлѣбомъ.

Хлѣба привезено было на ярмарку въ 1876 г. на 7.270,000 р. с. Большая часть хлѣба не выгружается на берегѣ, а остается на баржахъ, которыя располагаются по правому берегу Оки. Преимущественно привозятся рожь и пшеница, ржаная мука и овесъ.

XIII. Стеклянныя, фарфоровыя и фаянсовыя издѣлія.

Въ 1876 г. привезено было на ярмарку на 6.500,000 р. с. Стеклянным производствомъ славится въ особенности губернія Рязанская, а также Московская. Изъ Рязанской губерніи привозятъ на Нижегородскую ярмарку стекла съ извѣстныхъ заводовъ Мальцева. Мальцеву принадлежатъ въ Рязанской губ. Касимовскаго уѣзда 7 стеклянныхъ заводовъ. Главными покупателями являются бухарцы, персіяне и сибиряки. Изъ Рязанской же губерніи привозятъ на Нижегородскую ярмарку зеркала съ завода Смольянинова.

XIV. Соль.

Соль, въ торговлѣ которой весьма крупное участіе постоянно принимаетъ Нижній Новгородъ, идетъ на ярмарку главнымъ образомъ пермская (съ заводовъ кн. Голицына, Строгоновыхъ и Лазаревыхъ), а также илецкая; менѣе всего на ярмаркѣ элтонской соли, которой выгоднѣе направляться въ мѣстности, лежащія гораздо южнѣе Нижегородской ярмарки. Соли среднимъ числомъ привозится на 3.500,000 р. с.

XV. Торговля сундуками.

Ни одна ярмарка не производитъ такого обширнаго торга сундуками, какъ Нижегородская. Въ 1866 г. ихъ привезено было на 630.000 р. с., болѣе чѣмъ 200,000 штукъ, по показанію же другихъ изслѣдователей—до полумилліона. Сундуки ежегодно въ громадномъ количествѣ отправляются въ среднюю Азію, Бухару, Хиву, Кабулъ, Туркестанъ и пр. Сундучный товаръ привозится на Нижегородскую ярмарку обыкновенно водою изъ губерній: Владимірской Муромскаго уѣзда, а также Нижегородской—Макарьевскаго и Горбатовскаго уѣздовъ.

Торговля москотельнымъ и аптекарскимъ товаромъ простирается на ярмаркѣ до 4.000.000 р. с. Благовонными товарами—до 1.150.000 р. с. Иностранныхъ модныхъ товаровъ на 1.440.000 р. с. Серебрянныхъ издѣлій—на 1.820,000 р. с. Сахару петербугскихъ и украинскихъ завоовъ на 2.397.000 р. с. Часовъ и музыкальныхъ инструментовъ на 1.245,000 р. с. Игольныхъ товаровъ—на 1.850,000 р. с. и пр.

Знаменитая Нижегородская ярмарка отражаетъ въ себѣ самыя разнообразныя стороны нашего быта общественнаго, торговаго, промышленнаго и домашняго. Она служитъ важнѣйшею, послѣ Москвы, ареною торговыхъ отправленій центральной Россіи. Она служитъ центромъ притяженія Окскаго бассейна, Камскаго, всего Поволожья, а также Сибири и Кавказа. Даже Донъ, и тотъ по старой поговоркѣ, тянетъ къ Макарію. Извѣстно, что съ Дона Нижегородская ярмарка получаетъ балыки и вино. Воронежская губернія закупаетъ въ Нижнемъ желѣзный товаръ, различнаго рода мѣха и щепной товаръ. Ближайшее отношеніе къ Нижегородской ярмаркѣ имѣютъ губерніи: Московская, Нижегородская, Ярославская, Костромская, Владимірская, Тверская, Рязанская, Казанская и Пермская. Эти губерніи главнымъ образомъ и отправляютъ свои товары па ярмарку. Мало того, южная часть Вологодской губерніи, а также губерніи: Калужская, Черниговская, Екатеринбургская, Лифляндская, Гродненская имѣютъ также торговое тяготѣніе къ Нижегородской ярмаркѣ. Такъ, изъ Вологодской губ. привозятся на ярмарку полотно, полотенца, столовое бѣлье и писчая бумага. Черниговская доставляетъ сукна, а также табакъ. Рига и Гродно также высылаютъ сукна. Калужская доставляетъ писчую бумагу и выдѣланные мѣха. Екатеринбургская, въ числѣ другихъ товаровъ, везетъ издѣлія изъ уральскихъ минераловъ, прессъ-папье, печати, подсвѣчники, запонки, шкатулки, чернильницы, вазы, пепельницы. Кавказъ доставляетъ серебряныя издѣлія, запонки, браслеты, пояса, а также шелковыя и шерстяныя ткани. Но всему тонъ и содержаніе даетъ Москва, которая вполнѣ владычествуетъ на Нижегородской ярмаркѣ.

15. Нижегородская ярмарка.

(Бытовой очеркъ).

Нижегородская ярмарка въ полномъ разгарѣ. На двухъ башняхъ китайской архитектуры, обращенныхъ къ Окѣ и выстроенныхъ на ея берегу, выкинуто два флага; въ гостинномъ дворѣ нѣтъ ни одного пустаго номера. Всѣ они наполнились произведеніями всѣхъ возможныхъ русскихъ городовъ; здѣсь и кяхтинскіе чаи и сибирское желѣзо, московскіе и ивановскіе сукна и ситцы; ярославскія, кинешемскія и вятскія полотна; романовскія и слободскія овчины, казанскіе козлы и другая кожа, торжковскіе шитые сапожки, башмаки и туфли, кимвровсв

московскіе сапоги всѣхъ сортовъ и достоинствъ; орловскія, тульскія и др. яблоки и вязниковскія вишни, кіевскія варенья и сушеные фрукты; петербургскій сахаръ; желѣзные сундуки и подносы на азіятскій вкусъ и бухарскую руку; тульскія стальныя издѣлія и самовары; углицкое копченое мясо; крымскія и кизлярскія вина, имѣющія потомъ превратиться въ иностранныя, преимущественно французскія; польскія сукна, сибирскіе и камчатскіе пушные звѣри галицкой и московской выдѣлки; уральская икра; оренбургскіе и донскіе балыки, астраханская и пермская соль, подгородныя крестьянскія издѣлія и мосальскіе хрусталь и фарфоровая посуда; нѣжинскій листовой табакъ и корешки, и чуднаго рисунка ковры фабрики князя Енгалычева, и проч., По дорогамъ, идущимъ къ Нижнему, рѣже тянутся обозы, застилавшіе прежде весь путь и мѣшавшіе проѣзду тарантасовъ съ хозяевами. Всѣ эти обозы направляются въ Нижній и рѣдко назадъ. За Окой на огромной песчаной косѣ, обрамленной съ другой стороны жолтыми водами Волги, выстроился новый городъ, рѣшительно не имѣющій нужды и ничего общаго съ тѣмъ, который чудною панорамою раскинулся на горахъ противоположнаго берега. Въ этомъ городѣ все свое, начиная отъ собора, армянской церкви и мечети до мѣстопребыванія губернатора, почтовой и ярмарочной конторъ, и оканчивая возможными удобствами обыденной жизни. Самый Нижній на время переселился сюда, призакрывши свой гостинный дворъ и ежедневно отправляя за Оку чуть-ли не половину своего населенія. И хотя кратковременна жизнь этого новаго и временнаго города, уничтожаемаго волнами бурливой рѣки во время весенняго розлива, но тѣмъ не менѣе жизнь эта своеобразна и полна интереса. Вся Россія собралась сюда, чтобы положить свою долю вліянія. Трудно, даже кажется и невозможно, представить себѣ хоть одинъ самый дальній уголокъ нашего обширнаго отечества, который не прислалъ бы сюда своего представителя. Мостъ, соединяющій городъ съ ярмаркою, даже уже наведенъ и во всю длину его на цѣлую версту разставлены оренбургскіе казаки, обязанные крикомъ: «легче»! останавливать и ретивый бѣгъ пары лошадей пріѣзжаго собственника и легонькую побѣжку съ перебоемъ лошаденки извощика: нижегородскаго, костромскаго, владимірскаго на пролеткахъ, непремѣнно на лежачихъ рессорахъ и заѣзжаго Казанца на своей оригинальной долгушкѣ. Положимъ, что мы уже на серединѣ моста: поспѣшимъ обернуться назадъ и полюбоваться чуднымъ видомъ Нижняго Новгорода, который уступитъ въ этомъ отношеніи только Кіеву, но превосходитъ всѣ города Россіи. Городъ весь раскинулся на высокихъ горахъ. Далеко отъ насъ влѣво, за самую высокую гору, цѣпляется зубчатая стѣна древняго Кремля, помнящаго доблестный подвигъ Кузьмы Минина. Ближе къ ярмаркѣ широкой змѣей вьется длинный подъемъ въ городъ; еще правѣе прилѣпились къ горѣ старинныя церкви и зданія стариннаго мужскаго монастыря; нѣсколько выше прикрѣплены полуразрушенные деревянные домики бѣдныхъ обы-

вателей, раздѣленные густою зеленью садовъ, которые далеко отошли отъ домовъ ихъ владѣльцевъ. Дальше и выше за горою весь Нижній со своими оригинальными домами, стѣны которыхъ большею частью выкрашены красною, подъ кирпичъ, краскою; но самаго города уже не видать съ моста и только часть его, «Нижній Базаръ», имѣющій большое отношеніе къ ярмаркѣ, составляетъ красивую, сплошь каменную, набережную Оки, надъ которою выносится Строгоновская, необыкновенно красивая и оригинальная, церковь на каменной, довольно высокой насыпи. Обернемся направо, и цѣлый сплошной рядъ мачтъ судовъ со всякимъ товаромъ бросается въ глаза, мѣшая проникнуть дальше. Кажется, всѣ суда Волги и Оки, всѣ эти расшивы, барки, кладныя, шитики, завозни, струги, уянки, сурскіе межеумки, суновки, соминки, собрались сюда, чтобы запрудить устье и всю Волгу на право и на лѣво отъ города и щегольнуть разнохарактерными пестрыми флагами съ изображеніемъ цѣлыхъ картинъ, въ родѣ похищенія Прозерпины, прогулки Нептуна съ огромною свитою Нереидъ и Тритоновъ, или ловли кита, бросающаго огромный столбъ воды въ лодку звѣропромышленниковъ. Тутъ васъ прежде всего поражаетъ пестрота, безвкусіе и безграмотность въ надписяхъ; самыя суда отъ верху до низу размалеваны всѣми цвѣтами радуги и, кажется, въ этой пестротѣ спорятъ другъ передъ другомъ. Оглянемся на лѣво: широкая, глубокая чорная, бездна Оки потянулась вдоль въ своихъ крутыхъ берегахъ. Кое-гдѣ мелькаютъ по ней лодки, перевозящія пѣшеходовъ и управляемыя русскими мужиками въ оригинальныхъ шляпахъ грешневикомъ. Не увидимъ только дощаниковъ, до послѣдняго нельзя заставленныхъ лошадьми и экипажами и всегда управляемыхъ Татарами, въ бѣлыхъ круглыхъ валеныхъ шляпахъ. На мѣсто ихъ перекинулся мостъ и перевелъ ихъ трудовую, тяжолую, ломовую дѣятельность на Волгу, съ другой стороны города Нижняго.

Между тѣмъ мы подвигаемся дальше впередъ, все ближе къ самой ярмаркѣ. мостъ какъ будто кончился, т. е. уже не видно подъ нимъ черной Оки, которую смѣнили пески, разстилающіеся подъ ногами, на право и на лѣво застроенные амбарами безъ складу хлѣба и лѣса, постоялыми дворами для извощиковъ или такъ называемымъ „кругомъ“ и тѣми пекарнями, которыя снабжаютъ всю ярмарку ржанымъ хлѣбомъ. По количеству этого хлѣба - какъ извѣстно—опредѣляется приблизительное число ярмарочныхъ посѣтителей. На право — пестрѣютъ раскрашенные садки для рыбы. Здѣсь любители лакомятся настоящей, неподдѣльной и диковинной стерляжьей ухой.

Толкотню на мосту встрѣчающихся экипажей смѣняетъ новая толкотня, не менѣе затрудняющая проходъ и проѣздъ. Толпятся огромныя кучи мужиковъ оборванныхъ, съ изнуренными, страшно загорѣлыми лицами. Всмотримся въ нихъ и увидимъ слѣды трудовой, ломовой работы; прислушаемся къ разговорамъ и подивимся разнообразію выговора. Здѣсь на мосту мы рѣшительно можемъ прислушаться ко всѣ

нарѣчіямъ и встрѣтить ихъ представителей: тутъ и родимый ростовецъ и частобай тверякъ, который подчасъ дзекнетъ не хуже своихъ сосѣдей—бѣлоруссовъ, въ лицѣ какого нибудь зубчовскаго купца—молодца или Бѣжечанина, котораго рици цисце въ свиту нѣту.

Сколько есть у Волги притоковъ, столько и губерній всей внутренней Россіи—столько же и разнообразія въ представителяхъ этихъ губерній на ярмарочныхъ толкунахъ и площадкахъ: а такихъ только губерній мы свободно можемъ насчитать 21 съ двѣнадцатью инородческими сосѣдями, которые и портили и измѣняли родной языкъ великоруссовъ. Не диво бывало прежде, если прогонятъ черезъ мостъ цѣлый гуртъ быковъ мужики въ измаранныхъ дегтемъ рубашкахъ, которые, сгоняя непослушныхъ длинною палкою въ кучу, кричали на чистомъ малороссійскомъ нарѣчіи и въ созерцательномъ молчаніи шли за ними слѣдомъ, словно развинченные, въ перевалку, и ни на что не обращая вниманія. Теперь этого стало не видно, съ тѣхъ поръ какъ чугунки стали ломать наружный видъ и внутреннее достоинство и свойства древней Макарьевской ярмарки.

Толпа кинулась къ чему-то бѣлому и массивному, двигающемуся отъ ярмарки по направленію къ городу, и, вскорѣ окруживъ верблюда, толпой провожала его за мостъ. Всѣ эти кучки на мосту людей по видимому праздныхъ, но на самомъ дѣлѣ временно праздныхъ—бурлаки. пришедшіе наниматься въ нынѣшній годъ уже на вторую путину. Завтра же, можетъ быть, они по зову урядчика и найму хозяевъ судовъ, которымъ всегда нуженъ и дорогъ работникъ, накинутъ на плечи лямку и тяжолымъ, перевалистымъ шагомъ побредутъ по луговой сторонѣ матушки Волги, въ предшествіи вѣчнаго своего шишки—человѣка болѣе другихъ изможденнаго, но болѣе другихъ знающаго мѣстность. Запоютъ они свои завѣтныя пѣсни, которыя такъ хороши на Волгѣ и такъ богаты содержаніемъ. Только-бы-съ ноги не сбиваться, да подхватывать въ разъ, а за словами у нихъ не стоитъ дѣло. Тамъ придутъ они на завѣтный бугорокъ, гдѣ-нибудь на Телячьемъ броду, достанутъ изъ чередоваго мѣшечка горсточокъ пятокъ крупицы, да вольютъ въ котелокъ ведерко воды кормилицы — Волги, и сытъ бурлакъ—трудовой человѣкъ и опять онъ ломаетъ свою путину все дальше и дальше, все туже и туже. Не страшатъ его бѣды незнаемыя, лихорадки и самая немощь отъ усилія въ трудѣ и упорства въ лишеніяхъ; тѣмъ же настойчивымъ шагомъ подвигается онъ и при концѣ путины, какимъ шолъ въ началѣ. Недоволенъ онъ только грязью послѣ дождей, да вѣтромъ противнымъ. Пожалуй онъ и безъ особеннаго удовольствія переѣзжаетъ на судно, когда того требуетъ мѣстность и особая непогодь. Если бы только кончить скорѣе долгую путину, да добиться до честнаго и безотлагательнаго расчета, а за себя онъ не стоитъ.

ъ еще не кончился, но начался уже рядъ лавокъ, въ кото-

рыхъ хотя и производится торговля, но мелочная: шапками, картузами, телятами, сапогами, и прочимъ добромъ, необходимымъ въ быту крестьянскомъ и бурлацкомъ.

Между тѣмъ къ концу моста окончательно начинаетъ поражать близость ярмарки: со всѣхъ сторонъ тянутся на встрѣчу длинные обозы, затирающіе проходъ дальше. Толпа дѣлается гуще и разнообразнѣе; говоръ становится громче и сильнѣе и нѣсколько напоминаетъ базаръ въ какомъ-нибудь маленькомъ дальномъ городкѣ или торговомъ селеніи. Но еще нѣсколько десятковъ шаговъ и мы уже на самой ярмаркѣ. Длинная, широкая улица потянулась съ моста, образуемая досчатыми балаганами, выстроенными на скоро, на живую нитку. Какъ бы для того, чтобы скрыть ихъ вопіющій недостатокъ, всѣ они выкрашены сѣренькой краской, но тутъ пока только старое платье, зазывныя приглашенія въ родѣ апраксинскихъ или гостинодворскихъ московскихъ съ тѣми-же неудачными приглашеніями купить то, что уже у насъ есть и съ такою же настойчивостью. И здѣсь также готовы ухватить за руки и силою втащить въ лавку, если только найдется хоть малѣйшій поводъ къ тому. Мужиковъ и бабъ подгородныхъ торгаши просто таскаютъ за руки силой.

Вотъ двѣ дороги—одна на лѣво, мимо грудъ дынь и арбузовъ къ центру ярмарки: двумъ завѣтнымъ флагамъ и такъ называемому Главному Дому; другая прямо,—къ театру. Выберемъ послѣднюю и будемъ имѣть удовольствіе видѣть Новинское или Исакіевскую площадь во время Святой недѣли и Масляницы. Цѣлая площадь обстроена балаганами съ заманчивыми картинами и вывѣсками. Тамъ намалевано цѣлое поле сраженія; здѣсь цѣлая пирамида людей, исковерканныхъ въ различныхъ фантастическихъ положеніяхъ. Изъ нѣкоторыхъ балагановъ раздаются выстрѣлы; одинъ — сильнѣе прочихъ: проходившая толпа праздныхъ мужиковъ ухаетъ, останавливается. Мужики переглянутся, улыбнутся, отпустятъ доморощенную остроту и пройдутъ дальше. На самокатахъ раздается однотонная музыка, которую и можно слышать только на народныхъ гуляньяхъ. Здѣсь — цѣлая ватага горничныхъ, отпущенныхъ господами, мѣщанокъ, раздобывшихъ двугривенный на какомъ-нибудь шитьѣ или вязаньѣ, сосѣдскихъ деревенскихъ орженушекъ, доставляющихъ себѣ удовольствіе на проданныя торговкамъ ягоды, и проч., Все это катается въ самокатахъ на слонѣ, на конькахъ, колясках и на другихъ разнаго рода и вида сидѣньяхъ, и всѣ они крайне довольны и собой, и ярмаркой, и людьми, которые дали имъ на то средства.

Тутъ же, напротивъ самокатовъ, или какъ обыкновенно называютъ ихъ здѣсь— кружалъ, вѣчно сидятъ торговки,—бабы съ орѣхами, подсолнечниковыми и арбузными сѣмячками, моченымъ горохомъ, гнилыми яблоками, услаждающими вкусъ катальщиковъ. Въ страшный восторгъ приходитъ вся эта ватага, когда главное лицо начнетъ подбирать рифы

въ отвѣтъ своему старостѣ-командиру, или когда на него напяливаютъ мундиръ вверхъ ногами. Онъ жмется и ежится и что то кричитъ; его не хотятъ слушать, но когда четыре мускулистыя руки, окончательно надѣвши мундиръ, начинаютъ его встряхивать, какъ бы въ мѣшкѣ, народъ кричитъ:

— Шибче, ашшо встряхни: небось уколотится!

Но когда новаго солдата ставятъ на ученье и даютъ ему въ руки ружье, и онъ вмѣсто «на плечо», кричитъ «горячо», вмѣсто «отъ ноги», брякнетъ во все горло «погоди»!— толпа гремитъ тѣмъ неистовымъ смѣхомъ, который только ей одной и подъ силу. Толпа ждетъ не дождется того антракта, когда послѣ показа актеровъ, участвующихъ въ слѣдующихъ представленіяхъ, является давно ожидаемый скоморохъ-утѣшитель. Кажется и самъ онъ мало думаетъ о себѣ и тоже въ свою очередь не дождется антракта, того послѣдняго антракта, послѣ котораго онъ со всѣхъ ногъ бѣжитъ въ ближайшую деревянную будку, съ елкой и съ лаконическою какою-нибудь надписью: „Мечетная выставка, № 10“. Это какой-нибудь портняжка, пьющій запоемъ, но во время охмѣленія работающій за четверыхъ. Онъ отбился отъ всѣхъ рукъ, въ какія только не бросала его судьба и отъ какихъ представлялась ему возможность отбиваться. Онъ и теперь, можетъ быть, убѣжалъ отъ хозяина на время ярмарки изъ страсти къ своему веселому ремеслу, которое влечетъ за собою огромное количество водки, притупляющей въ немъ всякую щекотливость къ побоямъ. Кончится ярмарка, портняга опять придетъ къ старому хозяину послѣ долгаго-долгаго похмѣлья, и начнетъ подводить:

— Что такъ какъ-де довольны оченно вашею милостью, то не примете ли опять на верстакъ; заслужимъ, чѣмъ могимъ, а о другомъ прочемъ не сумлѣвайтесь: все оченно пойдетъ прекрасно. Сядетъ онъ опять на верстакѣ подхвативши подъ себя ноги, если только не до конца разсердилъ и этого хозяина. Сидитъ онъ до перваго запоя, но уже передъ ярмаркой опять улизнетъ, не спросясь и постаравшись всѣми неправдами забрать свои деньги впередъ. Глядишь: онъ опять гдѣ нибудь на балаганномъ балконѣ подъ Новинскимъ. На великій постъ фигляръ опять пропадаетъ, но на Святой онъ опять тутъ какъ тутъ, если только не успѣетъ его изломать запой, какъ вещь лишнюю и ненужную на этомъ свѣтѣ. Народъ гудитъ въ восторгѣ отъ его остротъ, но никто не спроситъ, никто не пожалѣетъ его, если явится другой съ тѣмъ же искреннимъ желаніемъ насмѣшить толпу и потѣшить. На ярмаркѣ въ Нижнемъ онъ тутъ какъ тутъ, но уже на цѣлое лѣто. Раевщикъ—тоже человѣкъ, обрекшій себя на потѣху, но уже рѣшительно инаго характера: онъ даже, если хотите, враждебно смотритъ на паяцовъ, которые, привлекая толпу къ себѣ, отвлекаютъ отъ его театра. Вотъ почему онъ всегда выбираетъ мѣстечко подальше отъ кружалъ, но всегда видное и, по возможности, кое. Ясно, что и здѣсь зрителей у него немного. Съ большою ра-

достью пускаетъ онъ за какой-нибудь пятакъ въ складчинѣ цѣлую кучу ребятишекъ. Рѣдко-рѣдко навернется на него и здѣсь такой любитель, который, желая потѣшить себя приговорами, броситъ ему полтинникъ и отойдя на приличное разстояніе не смотря въ стеклушки, слушаетъ вранье сказочника, которое въ Нижнемъ вращается на остротахъ и насмѣшкахъ надъ купцами: „купцы продаютъ рубцы, сѣно съ хрѣномъ, суконные пироги съ навозомъ“ и проч.

— Вотъ бы и ярмарочное дѣло теперь,—говоритъ онъ любопытствующему знать о положеніи дѣлъ и ходѣ его торговли, — а что? Лучше бы и не трогаться изъ Москвы. Всѣ барыши отбиваютъ у нашего брата эти кружала проклятыя, и Петрушкой стучишь и «ватрушками» и разными приговорами трогаешь. Оглянется къ тебѣ весь народъ — отъ этотъ, да и опять на паяца зѣваетъ. Тутъ не токмо что, а и кіятра-то не окупишь. Вотъ одинъ этотъ маленькій 20 рублевъ стоитъ, да два раза въ годъ окрась его, да надпись подбери позаманистѣй, что вотъ-де «сія панорама показываетъ разные виды городовъ и селеній»—такъ и будешь знать, какъ себя прокормить. А потаскай-ко ее на плечахъ, такъ и дастъ она тебѣ знать себя, хоть и не вѣска—всего только два пуда будетъ — да зато занозиста: всѣ тебѣ плечи пообширкаетъ. Только вотъ одинъ работникъ и выручаетъ еще кое-что: не то поглаголистѣй онъ, не то кіятеръ-то у него большой. Одного вѣсу въ кіятрѣ будетъ пудовъ 18; самъ и картины подлаживаешь, коли не унаровишь достать большую. Тутъ вѣдь ширины одной два съ половиной аршина; есть на чемъ поразовраться, особо когда хмѣлькомъ заберешься, тутъ ужъ врешь и самъ не вѣдаешь что!—прихвастнетъ раевщикъ.

Неправда въ его словахъ только одна: не поѣдетъ же онъ даромъ за четыреста верстъ, не расчитавъ и не испытавъ барыша зараньше. Никогда не пойдетъ въ раевщики мужикъ, привыкшій трудомъ зашибать копѣйку; всегда ужъ это какой-нибудь аферистъ, прошедшій огонь и воду, и вотъ теперь ударившійся въ скоморошество и всегда съ вѣрною, заранѣе расчитанною цѣлью. Знаетъ онъ очень хорошо, что такихъ досужихъ людей, какъ онъ самъ, едва-ли насчитывается въ обѣихъ столицахъ до десятка. Всѣ они знаютъ другъ-друга, и всѣ они, по большей части, прикащики одного какого-нибудь достаточнаго хозяина, который посылаетъ ихъ въ другое время по дворамъ для потѣхи дѣтей и ихъ нянюшекъ.

Еще нѣсколько шаговъ впередъ и передъ вами большое сѣрое зданіе театра, все облѣпленное афишами, на которыхъ буквами въ вершокъ обозначены имена заѣзжихъ столичныхъ артистовъ. Тѣ же афиши пестрятъ всѣ городскіе фонарные столбы съ верху до низу, но публики привлекаютъ, противъ ожиданія, мало: внутренность театра неудобна, освѣщена дурно какими-нибудь тремя десятками свѣчей, неудобно при-

лѣпленныхъ къ ложамъ; всюду сквозитъ вѣтеръ, музыканты играютъ, хотя и старательно, но всегда фальшиво. На сценѣ ставятся плохія пьесы провинціальнаго репертуара, большею частію трагическія и драматическія съ всегдашнимъ враньемъ на афишахъ того, что не покажутъ, да подчасъ и показать не могутъ. Пьесы къ тому же и разыгрываются плохо, съ весьма немногими исключеніями. Отсюда вы можете отправиться въ желѣзный рядъ, самый длинный изъ всѣхъ, гдѣ выставляютъ на показъ иногда вещи удивительныя. Мы видѣли цѣлый домъ, сдѣланный изъ желѣза въ одинъ этажъ: весь онъ складывается нѣсколькими рабочими въ двое сутокъ, но разбирается весьма скоро, чуть-ли не въ 10 часовъ или того меньше, Въ домѣ этомъ пять комнатъ: прихожая, контора, зало, спальня и кухня. Хозяинъ цѣнилъ его въ полторы тысячи; говорилъ, что въ немъ вѣсу восемьсотъ пудовъ, и въ расчетахъ ошибся, потому что ярмарка — не выставка: издѣліе его никто не купилъ.

Обогнувши театръ и повернувши немного на лѣво, мы вскорѣ очутились въ самомъ центрѣ ярмарки, который можно считать у Главнаго Дома. Отъ него прямо потянулись ряды каменныхъ корпусовъ гостиннаго двора, раздѣленныхъ между собою на двѣ половины узенькимъ бульваромъ, еще достаточно необросшимъ. Сейчасъ на лѣво, самое почотное и видное мѣсто отведено было строителемъ ярмарки (при Александрѣ 1-мъ) Бетанкуромъ—книжной торговлѣ. Но ея нѣтъ и слѣда: все лавки модныхъ и иныхъ ходовыхъ товаровъ. А книги на ярмаркѣ не товаръ (дешовыя картины еще туда-сюда); книжному торговцу передъ всѣми другими оптовыми нельзя и признаться. За то всѣ другіе ряды и линіи честно и буквально сохранили за собою свои старыя названія: москательные, бакалейные, бумажные, кожевенные и даже колокольный. Бульваръ ведетъ до огромнаго ярмарочнаго собора съ одной стороны, а съ другой примыкаетъ къ главному корпусу, въ которомъ временно помѣщается ярмарочное управленіе: начиная отъ квартиры губернатора и лицъ, нарочно командируемыхъ на этотъ случай, и кончая почтовымъ отдѣленіемъ. Середину нижняго этажа этого корпуса занимаетъ огромная зала, образованная четырьмя меньшими на подобіе креста, середина котораго занята нѣсколько возвышеннымъ помостомъ для помѣщенія оркестровъ военной музыки. Залы эти отчасти напоминаютъ москвичу его Голицынскую галлерею, а петербургскому жителю пассажъ, съ которымъ онъ, кажется, и имѣетъ большое сходство, если только присоединить къ тому запахъ пригорѣлаго масла, который врывается сюда изъ смежной трактирной залы. Подъ Главнымъ Домомъ помѣщаются магазины персидскихъ товаровъ, со своими горбоносыми, смуглыми, краснощекими хозяевами, въ пестрыхъ халатахъ, съ длинными ни къ чему не нужными рукавами и въ высокихъ мерлушчатыхъ шапкахъ. Тутъ же, въ одномъ углу, пріютились издѣлія Екатеринбурга:

эти топазовыя, аметистовыя, сердоликовыя печатки, вазы изъ ор-

лиза, тарелки и чашечки изъ калганской яшмы, крестики изъ горнаго хрусталя, запонки изъ тяжоловѣсовъ и дымчатаго топаза, цѣлыя иконы и картины изъ всевозможныхъ яшмъ, и изъ нихъ же прессъ — папье и т. под. Попадаются на глаза и небольшіе шкапчики, въ которыхъ пріѣзжій оптикъ разложилъ свои инструменты и мѣстный токарь—свои бездѣлушки. По вечерамъ здѣсь играетъ музыка и бродятъ толпы городскихъ фатовъ и иногородныхъ заѣзжихъ гостей, между кучами сундуковъ, ящиковъ, на которыхъ чинно, важно сидятъ уставшіе. Вамъ предстоитъ пріятное удовольствіе задѣвать за чужія ноги, или до невыносимой боли ушибить колѣно объ выставившійся уголъ ящика, на каждомъ шагу наталкиваясь на новый приливъ гуляющихъ, толпы которыхъ, какъ тѣни, шатаются изъ угла въ уголъ. Разойтись тутъ рѣшительно негдѣ и слово гулять приличнѣе было бы замѣнить въ этомъ случаѣ словомъ толкаться. И все-таки находятся охотники: чуть-ли не цѣлый Нижній является сюда для прогулки, и какъ-бы для того, чтобы въ сытость насладиться удобствами ярмарки (которой и вѣку-то всего только два мѣсяца) и потомъ на цѣлыхъ десять мѣсяцевъ замкнуться въ свой завѣтный кружокъ.

Одинъ выходъ изъ Главнаго Дома ведетъ къ Окѣ. Онъ, съ двухъ сторонъ окруженъ цѣлымъ рядомъ извощиковъ, потому-что это главный подъѣздъ отъ города, а другой выходитъ на бульваръ; къ нему извощиковъ не подпускаютъ. Отъ бульвара Главный Домъ отдѣленъ небольшой площадкой, на которой постоянно толкутся продавцы-ношатые: господинъ неопредѣленнаго вида, въ длинной чистенькой, сибиркѣ съ цѣлою связкою ящиковъ и коробочекъ за плечами. Та, которая въ рукахъ, открыта: онъ показываетъ пряникъ и называетъ послѣдній заманчивымъ именемъ вяземскаго. Зная о близости Городца, богатаго села здѣшней губерніи, расположеннаго на берегу Волги въ балахнинскомъ уѣздѣ, давно уже получившаго извѣстность въ дѣлѣ печенья пряниковъ, можно усумниться.

— Да вжежъ усѣ у Вязьмѣ пекли: городецкіе-то на меду, а наши на сахарѣ.—Наши разсыпчатые, съ цукатомъ!—выкрикнетъ намъ въ отвѣтъ продавецъ и не обманетъ. Мы должны ему повѣрить, если не на слово—по крайней мѣрѣ за произношеніе, которому онъ остался вѣренъ и на нижегородской площадкѣ. Это чистый Смолякъ, прикащикъ или родственникъ какого-нибудь вяземскаго пекаря, который разложилъ свой товаръ, гдѣ-нибудь въ гостинномъ дворѣ, въ какомъ-нибудь бакалейномъ ряду, подъ какою-нибудь литерою И или К. И повѣрьте, что надпись на пряникѣ, гласящая, что «Сей пряникъ спеченъ въ Вязьмѣ» или «сія ковришка вяземска», какъ нельзя больше справедлива и неподдѣльна. При этомъ (если есть досугъ и время) Смолякъ готовъ намъ забраковать и охаять городецкіе пряники, называя ихъ „перепечами“ поджаренными на сковородкѣ въ маслѣ. Ихъ-де передъ ярмаркой щотками оттираютъ, медомъ да масломъ приправляютъ для

скусу; они всѣ поржаные ополамъ съ мякиной; медовики, суха
сусленики". — „Они и идутъ то только на масляницѣ да на Свя
недѣлѣ подъ кулакъ ребятамъ фабричнымъ по пятаку на перешибъ
десятокъ". .

Тутъ же, какъ изъ подъ земли возмется, подступаетъ казанс
или симбирскій Татаринъ, подосланный съ бракованнымъ, рѣдко д
ротнымъ мѣхомъ изъ крымскихъ барашковъ или воротникомъ часто
стоящаго камчатнаго бобра, рѣдко польскаго съ подкрашенными
динками. Также какъ и вездѣ, вѣрный себѣ самому, Татаринъ зап
ситъ страшную сумму и уступитъ за половину, по нѣскольку разъ
ходя въ сторону, упуская покупателя иногда далеко изъ виду, и оп
выходя откуда-нибудь изъ за угла или подсылая товарища, если замѣт
стойкость въ назначенной цѣнѣ и упорство.

— Купи, баринъ, у меня мѣхъ! — говоритъ подосланный и по
жетъ тотъ же мѣхъ, который уже видѣлъ покупатель, и немного с
витъ цѣны противъ прежняго. Нонче дорогъ крымскій баранъ
стоящій, баринъ! Тебѣ не убытка, а намъ деньга нужна!... Слы
баринъ: — тебѣ добра хочимъ. При дальнѣйшемъ упорствѣ, онъ е
пожалуй, нѣсколько сбавитъ цѣны и, если видитъ хоть маленькій
рышъ себѣ и хозяину, при надбавкѣ, непремѣнно уступитъ мѣхъ:
за большимъ не гонится, какъ и тѣ его родичи, которые прода
въ столицахъ халаты, платки и мыло и покупаютъ всякую рва
старые штаны и голенища, треугольныя шляпы и изломанныя ши
и сабли.

Вообще сказать, эта площадка между Главнымъ Домомъ и бул
ромъ — мѣсто сходки всѣхъ мелочныхъ торгашей: тутъ и мальчишка
лакей, стащившій у барина нѣсколько томовъ журналовъ стар
годовъ, и человѣкъ, приплевшійся изъ Москвы продавать свою ва
которая способна сдѣлать сапоги наши на цѣлую недѣлю чище зерк
и не боится ни дождя, ни грязи, ни пыли; а въ сущности дря
какую только себѣ можно представить. Тутъ же протискается впер
и казанскій татаринъ съ коробкой мыла, способнаго въ два пр
сгонять загаръ и выводить веснушки. Всѣ эти люди, съ утра вы
щившіеся изъ своихъ конуръ гдѣ нибудь въ подвалѣ Кунавина, на
нають обыкновенно свое путешествіе по трактирамъ.

Всюду видно кропотливое желаніе продать, навязать товаръ, к
это встрѣчается на любомъ толкунѣ въ столицахъ. Но этого торгов
движенія цѣлой Россіи, движенія нѣсколькихъ милліоновъ рублей, с
ственно предполагаемой ярмарки, въ томъ значеніи, какъ мы привы
понимать по образцамъ другихъ губернскихъ городовъ, съ ярмарка
рѣшительно, противъ ожиданія, не видно, не замѣтно. Ярмарка
лицо, но гдѣ ея торговля, движеніе? Мелочныя покупки въ лавк
нижегородскихъ жителей рѣшительно ничего не значатъ. Ничего
доказываютъ и это множество лавокъ, которыя цѣлый день, по ви

мому, стоятъ отпертыми безъ цѣли, и эти хозяева, которые пьютъ чай рѣшительно въ невозмутимомъ спокойствіи, заботясь, кажется, только о томъ, чтобы во время передать горячій стаканъ изъ одной руки въ другую и не обжечь себѣ ладони и пальцевъ. Весь гостинный дворъ пройдешь изъ конца въ конецъ, и не замѣтишь предполагаемаго движенія ярмарки; удивитъ незначительное движеніе, на много больше того, какое встрѣчается въ любомъ гостинномъ дворѣ любаго губернскаго города. Нерѣдко, впрочемъ, видѣнъ передъ рядами, въ которыхъ производится оптовая продажа, десятокъ возовъ, которые нагружаются шерстью, цыбиками чаю, бочками: сахару, винъ и пряностей.

При этомъ, всегда и неизбѣжно, замѣтны, какъ и на перевозѣ, широкія, богатырскія спины Татаръ и ихъ изрытыя оспою лица: вся ломовая работа производится этими коренастыми, здоровыми Татарами здѣшней и сосѣднихъ губерній. Татары приходятъ сюда недѣли за три — четыре до начала ярмарки цѣлыми артелями. Начальникомъ артели въ такихъ случаяхъ отъ нанимающихъ хозяевъ назначается довѣренный русскій, котораго иногда не трудно и замѣтить тутъ же въ синей сибиркѣ, съ большою палкою.

Съ нимъ легко свыкается рабочій Татаринъ, дѣлается ему, по видимому, безропотно послушенъ, скоро выучивается и водку пить и при первомъ случаѣ просить на чай за работу, даже острить и глупить не хуже другаго рабочаго изъ русскихъ подгородныхъ мужиковъ. Только плохо еще говоритъ Татаринъ по-русски, но во всякомъ случаѣ дѣлается далеко не похожъ на своего единовѣрца, напримѣръ обитателя дальнихъ уѣздовъ Вятской губерніи, на оренбургскаго, а въ особенности на сибирскаго Татарина.

Возы эти, нагружаемые Татариномъ, даютъ вамъ еще нѣкоторое право заключить о близости коммерческихъ сдѣлокъ, но вглядишься въ то же время въ дороги, ведущія отъ Нижняго на Вятку, Кострому, Рязань и Москву, и тогда уже дѣлается несомнѣннымъ полный разгаръ ярмарки. Нѣтъ, кажется, никакой возможности продраться никакому экипажу между безконечными вереницами возовъ, уставившихъ въ своемъ медленномъ движеніи всю дорогу, съ своими неизмѣнными мужиками по сторонамъ — владѣтелями лошадей и длинной телѣги, жителями или подгородныхъ деревень или по большей части, муромскаго уѣзда Владимірской губерніи. Молча плетутся они по сторонамъ, страдая отъ всѣхъ перемѣнъ прихотливой погоды, и только по привычкѣ перенося скуку однообразнаго пути, на который обрекли они себя по нуждѣ и по обычаю отцовъ и дѣдовъ.

Три — четыре раза успѣваютъ они отправить довѣренный имъ товаръ на своемъ страхѣ и полной отвѣтственности за его цѣлость. Хозяева отпускаютъ съ ними только одного прикащика, а сами ѣдутъ уже въ концѣ ярмарки въ вагонахъ, каютахъ, но всего больше на тройкѣ, въ тарантасѣ и въ компаніи пяти-шести человѣкъ, изъ кото-

рыхъ трое главныхъ сидятъ въ главномъ мѣстѣ, одинъ молодецъ на козлахъ, двое другихъ назади, въ какомъ то мѣшкѣ изъ рогожъ, отличающихся всевозможными неудобствами и неуклюжестью.

Вернемся на ярмарку и подивимся всѣмъ удобствамъ, которыя представлены здѣсь торговому классу, начиная отъ подземнаго корридора кругомъ всей ярмарки, до избушекъ, сколоченныхъ наскоро изъ досокъ и торчащихъ на каждомъ главномъ углѣ. Корридоръ подземный — отхожія мѣста, выстроенныя Бетанкуромъ такъ, что особымъ токомъ воды они прочищаются почти во мгновеніе ока и служатъ, при чистотѣ своей, помѣщеніями и для курящихъ, такъ какъ курить въ рядахъ и на бульварахъ запрещено. Надпись на одной изъ избушекъ ясно говоритъ вамъ, что здѣсь:

Иксъ соменованой палибъ мастеръ и фельтшалъ Ивановъ, въ новъ пріѣхадшей изъ Москвы.

Такихъ не одна, а около десятка.

Выставленные въ окнахъ другаго домика портреты даютъ вамъ знать, что тутъ фотографія, прибывшая изъ Петербурга, изъ Москвы, спустившаяся изъ города Нижняго на время ярмарки.

Невольно поражаетъ безграмотность московской вывѣски, съ претензіями на подробное исчисленіе всего, что можетъ сдѣлать хозяинъ и краткой, почти лаконической вывѣски петербургскаго человѣка, вывѣски, которая большею частью пишется на двухъ, часто на трехъ языкахъ и уже съ гораздо меньшимъ числомъ орфографическихъ промаховъ. Въ Москвѣ: „продажа, торговля, лавка и т. п. разныхъ овощныхъ и колоніальныхъ товаровъ, табаку, цыгаръ, чаю, сахару, кофе, купца Ивана К.“,—въ Петербургѣ: овощная лавка, „мелочная лавка № 1“. Московскія вывѣски словно дали вѣковой зарокъ ссориться съ грамматикой: въ Петербургѣ только уже черезъ-чуръ перехитрившій маляръ поддается соблазну и перевретъ, но за то въ остальномъ преимущество далеко на сторонѣ Петербурга. Та же безграмотность замѣчается и въ гостинномъ дворѣ, большая часть котораго наполнена пріѣзжими Москвичами; рѣдко, весьма рѣдко заберется между ними пріѣзжій изъ Петербурга, Варшавы или Одессы. За доказательствами ходить весьма не далеко: стоитъ обойти кругомъ ярмарки и пересчитать, сколько на этомъ пространствѣ выстроено различныхъ трактировъ, харчевень, ресторацій и другихъ заведеній подобнаго рода. Чья прихоть развела ихъ въ такомъ огромномъ числѣ, при такой величинѣ самаго помѣщенія, какъ не прихоть Москвича, который не откажется по десяти разъ на день пить чай въ прикуску, со сливками и безъ сливокъ, съ лимономъ, съ медомъ, съ изюмомъ. А между тѣмъ эти трактиры едва-ли не главный притонъ для всѣхъ коммерческихъ сдѣлокъ. По чистотѣ и убранству, наконецъ по самому названію этихъ заведеній, можно, кажется, судить объ относительномъ количествѣ совершаемыхъ въ нихъ сдѣлокъ. Здѣсь то, можно сказать, заключается

корень ярмарки, какъ выражаются сами купцы. Сюда-то сходятся они, чтобы заключить послѣднее условіе, сказать другъ-другу послѣднее слово: „да или нѣтъ“.

Дѣло обыкновенно производится слѣдующимъ образомъ: купецъ, желающій купить по мелочи, является къ тому, у котораго есть то, что ему нужно. Покупщикъ кланяется, улучаетъ свободную минуту; нѣсколько времени мѣшкаетъ, переминается: онъ не знакомъ съ продавцемъ, тотъ спѣшитъ предупредить его и спрашиваетъ.

— Что вамъ угодно, почтеннѣйшій?

— Да вотъ-съ желательно-бы изъ суконъ-съ недорогихъ... ситцовъ московскаго производства... дардедаму...

Отъ какихъ и до какихъ цѣнъ?—спрашиваетъ продавецъ. Но покупщикъ желаетъ видѣть самый товаръ. Продавецъ приказываетъ прикащикамъ снять товары съ полки, и, когда покупщикъ займется самымъ внимательнымъ разглядываньемъ ихъ, онъ спѣшитъ съ нимъ разговориться; допрашиваетъ, изъ какой губерніи онъ родомъ, гдѣ производитъ торговлю и кто его рекомендовалъ ему. При получаемыхъ отвѣтахъ, Москвичъ придакиваетъ:

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ, знаемъ Ивана Спиридоныча. Отчего же вы по прошлогоднему не обратились къ Андрею Ѳектистычу? — У нихъ товаръ безъ обману; сами въ фабричномъ дѣлѣ обиходъ держатъ... на нѣсколько тысячъ товару производствуютъ.

Покупатель, человѣкъ не впервые имѣющій дѣло, знаетъ, къ чему ведетъ рѣчь продавецъ и потому тотчасъ же спѣшитъ разсѣять сомнѣніе и, если намѣренъ покупать на чистыя деньги, не нуждаясь въ кредитѣ, отвѣчаетъ прямо.

Слово за словомъ, и покупщикъ уже назначаетъ количество нужнаго ему товара, а за тѣмъ:

— Позвольте уже, выходитъ, утрудить ваше досужество на коевремя попросить въ заведеніе чайкомъ побаловаться.

Продающій соглашается, отдаетъ нужныя приказанія прикащику вдвоемъ, а самъ отправляется въ ближайшій трактиръ. На пути, первый спѣшитъ заговорить со своимъ покупателемъ. При этомъ кстати пожалуется на времена тугія, упомянетъ вскользь, что и онъ потерпѣлъ убытку на нѣсколько сотенъ; разскажетъ какой нибудь несчастный случай на перевозкѣ, гдѣ отъ водополья и недостатка въ перевощикахъ подмочило у него товаръ рублей на триста и болѣе. Тутъ же сошлется на трудность найти и придержаться за честнаго, довѣреннаго прикащика. Къ слову прихвастнетъ, что за всѣмъ свой глазъ нуженъ; безъ того хоть въ гробъ ложись.

Но вотъ они уже въ заведеніи, гдѣ ихъ встрѣчаютъ поклоны хозяина трактира, буфетчика, двухъ прикащиковъ, приставленныхъ для надзора за служителями. Съ радостью видитъ Москвичъ во всемъ обстановку любаго московскаго трактира. Тѣ же маленькіе столики съ вѣчно-

мокрыми и сомнительной чистоты скатертями, накрываемые маленькой салфеткой: тѣ же полоскательныя чашки на столахъ; тотъ же песокъ на полу и морсъ на середнемъ большомъ столѣ, всегда готовый къ услугамъ даромъ, безъ платежа пошлины; тѣже завѣтныя парочки и вѣчный кувшинчикъ сливокъ, таже даровая закуска къ водкѣ, состоящая изъ куска ветчины или соленой рыбы съ двумя огурцами и наконецъ тѣ же половые въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ полотенцомъ на одномъ плечѣ, бойкіе—ребята-ярославцы, охотники прислушаться къ вашему разговору и по мѣрѣ средствъ и возможности вмѣшаться въ него, надѣясь вполнѣ, что ихъ не оставятъ безъ вниманія. Привычные люди, знакомые гости—Москвичи всегда готовы подразнить половаго какимъ-нибудь нелюбимымъ имъ словомъ, разговориться съ нимъ и отвѣчать на всѣ его замѣчанія, высказываемыя всегда отборными выраженіями, большею частью заимствованныя у своего же брата, который знаетъ грамотѣ, въ досужій часъ почитываетъ романы московскаго издѣлія, и вслухъ читаетъ новыя газеты, кривотолкомъ объясняя мѣста темныя.

Кучкой, расправляя бороды и разглядывая до послѣдней нитки своихъ гостей, стояли половые подлѣ стола, когда вошли новые гости. Мгновенно всѣ они перемѣшались, засуетились, хватаясь какъ угорѣлые за кучу салфетокъ, пока одинъ, побойчѣе прочихъ, не отдѣлился впередъ. Подойдя къ столу, онъ разложилъ салфетку, оправилъ ее, безсознательно повернулъ полоскательную чашку, вытеръ, поставилъ ее на салфетку и вопросительно перебѣжалъ взглядомъ съ одного гостя на другаго.

— Три парочки чайку, да смотри хорошенькаго: самаго, знаешь, лучшаго! — говоритъ покупатель.

— Лансену что ли? спрашиваетъ нѣсколько грубо привычный половой. Чашекъ-то двѣ принести, лимону, али сливокъ?

— Вели собрать цвѣточнаго, да лимонцу два кусочка принеси, хорошенькаго — отвѣчаетъ заказывающій.

При этомъ онъ самодовольно потираетъ руки и начинаетъ общолкивать пальцы въ то время, какъ продавецъ безсознательно обглядываетъ со всѣхъ сторонъ полоскательную чашку, и Богъ знаетъ съ какою цѣлью, щолкаетъ въ ея донушко своими пятью ноготками. Видимо они еще не освоились, а продолжать давишній разговоръ, прекращонный отвѣтными поклонами хозяину заведенія и его прикащикамъ, находятъ теперь уже рѣшительно излишнымъ.

Не проходитъ пяти минутъ, половой уже мчится на всѣхъ парусахъ, растопыривъ руки и живо передергивая плечами. Въ одной изъ рукъ мотается приподнятый выше головы подносъ съ чашками и двумя чайниками, которые, Богъ вѣсть какимъ чудомъ, не падаютъ на полъ и, кажется, только чисто-акробатической ловкости служителя обязаны этимъ спасеніемъ. Половой не поставилъ, а ловко бросилъ подносъ на

столъ, причемъ посуда страшно зазвенѣла, но къ удивленію осталась цѣла. Онъ отскочилъ и опять далъ знать о своемъ присутствіи подлѣ стола, мѣтко бросивъ серебряную ложечку прямо въ чайную чашку, причемъ ложечка жалобно завизжала и раза три перевернулась съ боку на бокъ. Половой опять отошелъ на свое мѣсто къ столу, и обкусывая бороду и подпершись локоткомъ, изкоса наблюдаетъ за своими гостями.

Покупатель долилъ чайникъ, всполоснулъ чашки, налилъ ихъ и, придвинувъ блюдечко съ тремя парами сахару къ гостю, проситъ его угощаться. Гость снялъ одинъ кусочекъ, перекрестился, налилъ чаю изъ чашки, растопырилъ свою пятерню въ видѣ рогульки и, умѣстивъ на нее блюдечко, начинаетъ пить, прищолкивая сахаромъ рѣшительно въ гомеопатическихъ пріемахъ. Половой продолжаетъ обкусывать бороду и наблюдать своихъ гостей. Оба они выпили чай. Одинъ закрылъ чашку и положилъ на ея донушко оставшійся въ рукахъ кусокъ сахару. Тотъ, который заказывалъ, сбросилъ сахаръ и вскрылъ чашку, сухо промолвивъ:

— Не въ одолженіе!... уважьте еще чашечкой! И тотчасъ же спѣшитъ долить послѣднюю чаемъ.

Половой продолжаетъ наблюдать и видитъ, что у купцовъ дѣло совсѣмъ не ладится. Его привычному взгляду не трудно угадать въ нихъ продающаго и покупающаго. Половой переступилъ съ ноги на ногу, перекинулъ полотенцо съ одного плеча на другое, оправилъ рубашку и, отодвинувшись немного отъ стола, начинаетъ опять наблюдать за ними. И вотъ наконецъ къ крайнему его удовольствію, заказывавшій догадался и подозвавъ его сначала звономъ въ полоскательную чашку, а потомъ пальцемъ, говоритъ ему:

— Принеси-ко молодецъ, графинчикъ очищенной... али какую вы болѣе уважаете? продолжалъ онъ, обращаясь къ своему гостю.

— Что до насъ, то все, едино-единственно, какую прикажите-съ! отвѣчалъ тотъ и замѣтно повеселѣлъ.

— Такъ ужъ поуважительнѣе покрайности графинъ принеси, да и рюмочекъ-то, знаешь, хозяйскихъ подай!...

Съ тѣми же ловкими порывами и громкимъ звономъ поставилъ половой на кончикъ стола требуемый графинъ съ кускомъ ветчины и двумя огурцами на тарелкѣ. Затѣмъ онъ опять скрылся, чтобъ принести ножъ и вилку, разрѣзать закуску и вывалить цѣлую ложку крѣпкой сарептской горчицы, отъ которой у купцовъ зажжетъ во рту и захватитъ дыханіе. Половой опять станетъ наблюдать и, если не позовутъ его на новую услугу уважить парочкой чайку или порціей селяночки, онъ замѣтитъ за своими гостями большую перемѣну: послѣ первой же рюмки, сопровождаемой кряканьемъ и обтираніемъ бородъ, они дѣлаются замѣтно разговорчивѣе. Первымъ начинаетъ покупатель.

— Такъ-какъ намъ очень нужно товаръ этотъ получить во (

[illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

Полный приступитъ каблукомъ, монотонно, скороговорки объявитъ буфетчику о желаніи купить и мелкою дробью сыпитъ съ лѣстницы въ то время, когда покупатель успѣетъ опять напомнить о назначеніи цѣны.

— Безъ лишняго, почтеннѣйшій, отвѣтитъ ему продавецъ. Для-ради перваго знакомства сдѣлаемъ и уступку. Вотъ, положа руку на сердце, если вамъ на чистыя—по полутораста цѣлковыхъ за партію, и то продамъ дороже!...

Покупщикъ не соглашается, даетъ свою цѣну; продавецъ долго кряхтитъ, говоритъ, что нынче и матеріалъ и рабочіе стали дороже: почти-что-десять не изъ-чего и биться. Но вѣдь и покупщика-стараго воробья на мякинѣ не обманешь; онъ подается лѣнивѣе самаго продавца.

Сделка между тѣмъ съѣдена; графинъ опростанъ, но купцы еще лоботе: окончательно не сошлись въ цѣнѣ. Только къ концу чая они втно подаются, и мало-по-малу убѣждаются въ томъ, что нельзя

же одному продать безъ барыша, а другому купить съ убыткомъ. Къ тому же цѣны и тому и другому извѣстны хорошо, такъ хорошо, что принимая во вниманіе и самое время и другія, зависящія отъ него, обстоятельства, они другъ предъ другомъ не останутся въ большихъ барышахъ, а свое возьмутъ безобидно.

— На угощеньи благодаримъ покорно! говоритъ продавецъ, берясь за шляпу и раскланиваясь.

— Просимъ не прогнѣваться! отвѣчаютъ ему. Ужъ выходитъ, тепереча, извольте и задаточекъ получить....

— Обойдемся и безъ онаго, отвѣчаетъ продавецъ—милости просимъ тепереча товаръ получить; а мы во всякое время готовы, пожалуйте.

Отдавши товаръ новому хозяину, онъ обязанъ въ свою очередь, для поддержанія знакомства на будущее время угостить его, по окончаніи сдѣлки, покрайней мѣрѣ обѣдомъ, если что называется не расхарчится на большее. Впрочемъ тутъ частую и большую роль играетъ шампанское, обыкновенно тотинское (Тотина), которое сплошь и рядомъ уходитъ за Клико и Редереръ.

Вотъ вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ цѣлые десятки трактировъ, окружающихъ гостинный дворъ, всегда полны народомъ и нѣтъ, кажется, ни одного мѣста, которое бы въ такомъ количествѣ зашибало копѣйку, какъ заведенія подобнаго рода, если не принимать въ расчетъ тѣ, которыя расположены за московскимъ шоссе. Не даромъ же хозяева трактировъ употребляютъ всѣ возможныя средства для тароватыхъ хозяевъ, у которыхъ, кромѣ главной мысли о торговлѣ, замѣчаются и другія наклонности, сродныя иному человѣку въ минуту прилива денегъ. Въ нѣсколькихъ трактирахъ для услажденія слуха посѣтителей реветъ цѣлый хоръ московскихъ цыганъ съ гикомъ и дикимъ выкрикомъ, который рѣшительно заглушаетъ тринканье гитары или торбана. Издали онъ кажется вамъ простымъ крикомъ пьяныхъ пѣвцовъ, вблизи дѣлается довольно сноснымъ или, покрайней мѣрѣ, поражаетъ нѣкоторою стройностью голосовъ, согласно аккомпанирующихъ другъ другу послѣ хоровыхъ вскрикиваній. Но отходите дальше отъ этого буйнаго хора, если у васъ нѣтъ особеннаго желанія истребить все заготовленное хозяиномъ трактира количество бутылокъ шампанскаго. Предоставьте это тѣмъ, которые изподтишка отъ отцовъ и хозяевъ бурливо тратятъ свободное время.

Въ нѣкоторыхъ трактирахъ поютъ даже знаменитости, сошедшія со сцены, но уже растерявшія извѣстность по всевозможнымъ ярмаркамъ: и голоса съ изъянцемъ и поютъ они весьма фальшиво, хотя съ большою бойкостью и навыкомъ. Неприхотливый вкусъ посѣтителей въ другихъ трактирахъ легко удовлетворяется испорченнымъ органомъ или даже просто шарманкой, которая шипитъ имъ камаринскую или щелкаетъ какую-нибудь: „жилъ-былъ у бабушки сѣренькій козлъ

и т. п. мало по духу и политическому настроенію общественной столичной жизни, съ перевѣсомъ и преимущественнымъ вліяніемъ Москвы.

Настаетъ пора обѣда. По разнымъ чаще стали попадаться расчинки, но не въ такомъ огромномъ числѣ, какъ въ московскомъ или въ здѣшнемъ гостинномъ дворѣ. Причиною тому, вѣроятно, та же близость трактировъ, изъ которыхъ одинъ обязанъ прихлынувшагося огромныя московскія пирогіи кушаньевъ, изъ которыхъ одна въ состояніи насытить васъ, а одинъ обѣдъ всегда подается двумъ посѣтителямъ, но и тутъ, кажется, трудно обойтись безъ остатковъ. Если прискучатъ жирныя трактирныя кушанья и хочется отыскать разнообразія и притомъ тутъ-же на ярмаркѣ, не дѣлая шагу дальше—къ услугамъ оригинальныя армянскія кухни. Стоитъ пройти мимо этихъ мастерскихъ на свѣжомъ воздухѣ, въ которыхъ перемывается старое платье и мыются личные сапоги, и глазамъ являются два балагана, изъ которыхъ клубами несется масляный дымъ. Внутри балагана простыя деревянныя скамейки, накрытыя коврами, передъ маленькими столиками, на которыхъ пока еще ничего нѣтъ. Это-то и есть армянскія кухни. Войдите туда, если хотите, но имѣйте терпѣніе перенести духоту, которая наполняетъ балаганъ,—и не обращайте вниманія на господствующую тамъ нечистоту, какая только и можетъ попадаться въ учрежденіяхъ такого рода. Безъ подобной рѣшительности вы откажете себѣ въ удовольствіи ѣсть пилавъ, кебабъ, тяшлыки и другія національныя армянскія кушанья. Если нечистота эта сильно поражаетъ и непонятно, какимъ образомъ можно сидѣть тутъ и ѣсть эти жирныя кушанья,—оглянитесь кругомъ и успокойтесь. Съ тою же цѣлью пришли сюда всѣ эти господа, не только прилично, но даже роскошно одѣтые, всѣ эти Грузины, Персіяне, Армяне, привезшіе въ Нижній свой шолкъ шемаханскій, свои платки и матеріи шолковыя: бурсу, канаусъ, ковры и кизлярскія вина, и т. д.

Какой-то аферистъ, оренбургскій Татаринъ, каждогодно пригоняетъ сюда штукъ до пяти кобылъ, сухихъ, изможденныхъ, и сверхъ того привозитъ нѣсколько бочонковъ, съ заранѣе заквашеннымъ кумысомъ. Пройдя китайскій рядъ съ его оригинальными кіосками и цѣлыми грудами цибиковъ чаю, вы вступите на мостъ, съ котораго открывается съ одной стороны сибирская пристань на Волгѣ, а съ другой за широкимъ Мещерскимъ озеромъ—поле и дальнее село за чернымъ лѣсомъ. На этомъ-то полѣ, на мыску, образованномъ озеромъ, палатка, около которой привязаны приведенныя Татариномъ кобылицы и воза три съ бочонками кумыса. Гугнивый Татаринъ раскинетъ подъ ноги коверъ; вы должны сѣсть и поджать ноги, иначе рискуете ушибиться головой о козла палатки, которая крайне узка и низка. Татаринъ продаетъ кумысъ въ бутылкахъ и штофахъ; наливаетъ его въ деревянныя чашки; хвастается тѣмъ, что цѣлаго штофа не выпьешь — и при этомъ пока-

значала на голову и покачаетъ ей, а потомъ на ноги, прибавивъ:

— Не можно, а садись, а ноги неможно... Онъ видимо радъ угостить своимъ добромъ, увѣряя, что кумысъ не свѣжій, а уже достаточно выбродившійся, что напитокъ этотъ очень здоровъ и при этомъ разскажетъ случай, какъ одинъ баринъ изъ Петербурга пріѣзжалъ къ нимъ пить кумысъ эдакимъ (Татаринъ показалъ валяющуюся на коврѣ соломинку), а на зиму уѣхалъ вотъ какимъ (Татаринъ распахнулъ руками на сколько можно было въ его узенькой палаткѣ). Вы подчуете его папироской, онъ беретъ, но не куритъ.

— Отчего?

— Жена... бранитъ! говоритъ онъ въ отвѣтъ, указывая на свою старуху, почти всю укутанную въ какую-то темнаго цвѣта тряпицу. Татарка въ это время доитъ кобылицу.

Мимо мечети и рядовъ, наполненныхъ цѣлыми кучами невыдѣланныхъ кожъ, гдѣ хозяевами сидятъ исключительно одни Татары, можно пройти на сибирскую пристань, съ которой во время ярмарки производится отправка пароходовъ всѣхъ четырехъ обществъ, которыя и имѣютъ здѣсь, по этому случаю, свои временныя конторы. Но здѣсь кромѣ огромныхъ грудъ всякаго товару, безчисленнаго множества возовъ, то и дѣло прибывающихъ и отъѣзжающихъ, ничего не встрѣтишь, но зато ясно видится результатъ ярмарки. Это, кажется, единственное мѣсто, гдѣ она принимаетъ свой настоящій видъ. Тутъ уже нѣтъ тишины, тутъ уже не видно прогуливающихся какъ въ гостинномъ дворѣ, но все это трудъ. Здѣсь суетливость не безполезна, но направлена къ извѣстной, прямо—положительной цѣли. Если утомителенъ этотъ однообразный видъ ломовой работы, видъ рогожъ, веревокъ, крючьевъ — поспѣшите на ярмарку,—тамъ вѣроятно уже играетъ по рядамъ музыка, направляющаяся къ главной цѣли своей (на цѣлый вечеръ) подъ арки Главнаго Дома. Но пройдите всѣ ряды два-три, нѣсколько разъ назадъ и впередъ, и здѣсь не найдете ничего оригинальнаго, рѣзко-бросающагося въ глаза. Всюду страшное однообразіе, къ какому привыкаетъ столичный житель и какое дня на три - четыре еще можетъ занять провинціала, незнакомаго съ разнообразіями суетливой, дѣятельной жизни. Здѣсь тѣ-же наряды и то-же гулянье, тѣ-же перерыванья въ лавкахъ, однимъ словомъ все тоже, какъ и вездѣ, и Нижній въ этомъ случаѣ не представляетъ ничего самобытнаго. Вотъ проскакалъ на лихой парѣ сосѣдній богатый помѣщикъ, который привезъ съ собой много денегъ для покупки и другихъ экстренныхъ расходовъ. Вотъ рыщетъ цѣлая компанія нижегородскихъ чиновниковъ, явившаяся погулять до поздняго вечера, чтобы потомъ въ общественномъ, неуклюжемъ омнибусѣ выбраться на подъемъ въ городѣ и разбрестись по всѣмъ этимъ Варваркамъ, Покровкамъ, Печоркамъ... Вотъ отца семерыхъ дѣтей вытащила его хозяйка, нарядивъ въ праздничную сибирку и заставивъ расчесать сѣдую бороду. Вотъ вырядившійся по послѣдней

модѣ прикащикъ вышелъ кстати изъ своего магазина людей посмотрѣть и себя показать.

Магазины, по всѣмъ главнымъ линіямъ, хорошо обряжены, съ тѣми-же огромными зеркальными стеклами, за которыми выставлены всевозможныя приманки для гуляющихъ покупщиковъ. Вотъ, наконецъ, и этотъ человѣкъ, всегда небритый, вѣчно общипанный, всегда веселый шутникъ и всеобщее посмѣшище, безъ котораго едва-ли въ состояніи обойтись хоть одинъ въ свѣтѣ гостинный дворъ; для него шутникъ едва-ли не столько же необходимъ, какъ и разнощикъ съ лоткомъ, наполненнымъ всякою снѣдью. Человѣкъ этотъ, или лучше жизнь его достойна подробнаго описанія, потому что это одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ молодости подаютъ кое-какія надежды, но къ старости, въ зрѣлыя лѣта, дѣлаются ни къ чему негодными и достойно заслуживаютъ осмѣянія и шутокъ порядочнаго человѣка. Эти люди въ частностяхъ не похожи другъ на друга, но въ общемъ поражаютъ васъ изумительнымъ сходствомъ. Главная цѣль ихъ добыть, вымолить у васъ возможными шутками небольшое количество денегъ, достаточныхъ для того, чтобы къ вечеру быть пьянымъ. Это какой-нибудь прощалыга, забубенный забулдыга, по выраженію простаго народа, — кабацкій завсегдатель, попрошайка, вотъ какъ-бы, напримѣръ, и этотъ человѣкъ, котораго вы каждый годъ встрѣтите на Нижегородской ярмаркѣ. Безъ него даже сомнительна кажется полнота ярмарочныхъ удовольствій для торгующаго класса. Пріѣхалъ онъ, за весьма сходную цѣну. Переночевавъ гдѣ-нибудь въ канавѣ, онъ на другой же день спѣшитъ отправиться для обревизованія ярмарочныхъ трактировъ и находитъ ихъ рѣшительно набитыми посѣтителями. Забулдыга самодовольно улыбнулся, отошелъ въ сторону, вытащилъ изъ кармана берестяную ветлужскаго производства тавлинку и угостилъ себя до слезъ костромскимъ зеленчакомъ, потомъ отправился и подошелъ къ первому столу.

— Бѣдному прохожему! говоритъ онъ, протягивая руку.

Его и не слушаютъ, а если и слышатъ, то не даютъ ничего. Онъ направляется къ другому столу и уже успѣваетъ обдумать новую фразу для просьбы. Лицо его искривляется улыбкой: онъ кладетъ голову на плечо, дѣлаетъ возможно смѣшную гримасу, руки прячетъ назадъ и разбитымъ голосомъ говоритъ гостямъ, которые пьютъ водку:

— Попросилъ бы я у вашихъ степенствъ рюмку водки, да вѣдь, поди, не дадите. Шутка попала прямо въ цѣль съ полнымъ успѣхомъ: шутъ крякнулъ, выпивъ рюмку, и начинаетъ опять:

— Вотъ теперь такъ хоть на споръ готовъ идти, съ кѣмъ угодно, что не дадите другую!...

И эта шутка удается ему какъ-нельзя лучше: съ нимъ начинаютъ шутить, надъ нимъ смѣются; онъ входитъ въ свою роль и, будьте покойны, не останется въ накладѣ, т. е. получаетъ третью, иногда четвертую рюмку, послѣ чего ему уже сердито и грозно приказываютъ

отойти прочь. Онъ громко стучитъ ногами, повертывается на каблукахъ, руками ниобко ударяетъ по боку и маршируетъ съ выкрикомъ: «разъ, два, сѣно—солома», къ сосѣднему столу, передъ которымъ вытягивается въ струнку и выкрикиваетъ громовымъ голосомъ:

— Здравія желаемъ, господа—купцы именитые, благотворительные! Жертвуй-же старому кавалеру пяти-алтынный на подметки!...

По окончаніи такой рѣчи онъ спѣшитъ даже показать свои изношенные сапожищи и, получивъ просимое, дѣлаетъ опять налѣво кругомъ и такимъ-образомъ обходитъ всѣ столы, передъ каждымъ придумывая новыя шутки. Къ вечеру онъ уже что-называется готовъ, и валяется гдѣ-нибудь за рядами до новаго утра, съ котораго опять начинается его побирайство.

Въ срединѣ ярмарки, человѣкъ этотъ Богъ-вѣсть откуда успѣетъ набрать цѣлый оркестръ музыкантовъ, состоящій изъ двухъ татарчонковъ со скрипками, разбитыми и ни къ чему не годными. Но забулдыга объ этомъ нисколько не заботится. Онъ самъ беретъ лукошко, обтягиваетъ его кожей на подобіе барабана, барабанъ этотъ ставитъ подъ ноги, въ руки беретъ гармонику, садится на стулъ, татарчонкамъ велитъ играть, что имъ придетъ въ голову; самъ-же гудитъ разладицу. Татарченки пляшутъ, онъ вздергиваетъ плечами и свищетъ; нескладная музыка гудитъ, пищитъ, щолкаетъ. Оркестръ готовъ. Самъ капельмейстеръ играетъ разомъ на трехъ инструментахъ; товарищи его играютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пляшутъ—чего-же лучше? Цѣль достигнута, всѣ смѣются его выдумкѣ до тѣхъ-поръ, пока она достаточно не наскучитъ и бросаютъ въ шляпу подставного мальчишки - попрошайки трехкопѣечники, пятачки, гривенники, а въ счастливый часъ и полтинникъ. Мальчишки дни на два сыты, самъ капельмейстеръ пьянъ и всѣ, стало-быть, остались при своемъ и не въ убыткѣ.

Между-тѣмъ незамѣтно настанетъ вечеръ; густой мракъ опустился на всю ярмарку и ея окрестности; ярче другихъ мѣстъ освѣщены площадки передъ Главнымъ Домомъ, гдѣ толпятся неопредѣленныя тѣни, съ одной стороны для найма извощиковъ въ городъ, съ другой съ таинственною цѣлью. По бульвару шмыгаютъ взадъ и впередъ другія тѣни; нѣкоторыя сидятъ на скамейкахъ, — сколько позволяетъ различить это тусклый свѣтъ фонарей, слабо мерцающихъ у гостиннаго двора, который весь уже запертъ, кромѣ пяти—шести чередовыхъ магазиновъ. Хозяева ихъ забрались на верхъ своихъ номеровъ, гдѣ въ маленькихъ комнатахъ пьютъ въ десятый разъ чай и ужинаютъ вмѣстѣ съ главными прикащиками. Хозяева скоро лягутъ спать, прикащики... но не трудно сказать, какъ они проводятъ время отдыха въ ту пору, когда хозяева ихъ спятъ непробуднымъ сномъ: прикащики закатываются въ Кунавино въ мѣста подешевле, чтобы не столкнуться съ «самими».

Вотъ уже въ рѣдкихъ окнахъ надъ лавками мерцаютъ огоньки,

бросающіе свой слабый свѣтъ на бульваръ и мостовыя. Подъ арками Главнаго Дома еще гремитъ нѣкоторое время музыка и толкается огромная масса гуляющихъ. Музыка къ десяти часамъ кончится. Персіяне и Армяне къ одинадцати часамъ спѣшатъ напиться чаю и, закусивъ въ сухомятку, запереть свои магазины, чтобы тутъ-же улечься спать до другаго утра, когда нужно вставать рано.

Толпы гуляющихъ, послѣ ухода музыкантовъ, дѣлаются все рѣже и рѣже, подъ арками становится тише, огонь гасится. Сквозь отворенную дверь къ Окѣ несется прохлада, слышенъ стукъ сторожей въ доски, дальній лай собакъ изъ города и послѣдній звукъ рожка отъѣзжающаго омнибуса.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Почему у нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ или на югъ, правый берегъ высокъ, а лѣвый низменъ (Законъ К. Бэра).

Извѣстно, что Уралъ, Донъ и Днѣпръ имѣютъ западные берега высокіе и обрывистые, восточные же низменные. Обратно у рѣкъ, текущихъ на сѣверъ, восточный берегъ выше западнаго. Въ обоихъ случаяхъ высокій и обрывистый берегъ есть правый, потому что мы должны воображать себя стоящими лицомъ по теченію, чтобы различать берега во всѣхъ изгибахъ постоянно одинаково. Рѣка напираетъ всегда на болѣе обрывистый берегъ; отъ этого продолжительнаго напора онъ и сдѣлался таковымъ. Такъ напримѣръ: говорятъ, что Якутскъ, находящійся на лѣвомъ берегу Лены, отстоитъ уже теперь на нѣсколько верстъ отъ главнаго русла рѣки, несмотря на то, что городъ вовсе не старый. Обратно, Тобольскъ, на правомъ берегу рѣки Оби, находится въ опасности быть подмытымъ. То же явленіе обнаруживается и у меньшихъ рѣкъ, текущихъ съ сѣвера на югъ или съ юга на сѣверъ. Напримѣръ Волховъ, Мокша, Сура, направляющіяся къ сѣверу. Ворона и Хоперъ, текущія на югъ, имѣютъ правый берегъ высокій, а лѣвый низменный. Тоже замѣчается даже въ отдѣльныхъ частяхъ рѣкъ, если только почва береговъ такова, что болѣе сильный напоръ на правую сторону дѣлается замѣтнымъ. Исключенія рѣдки, причиною же ихъ бываютъ особенныя геологическія формаціи, мѣшающія развитію главнаго правила.

Уже знаменитый путешественникъ Палласъ выражаетъ нѣкоторое удивленіе, что въ Россіи правый берегъ рѣкъ почти всегда выше лѣваго; но по видимому онъ не нашелъ физической причины такого правила. Ясно, что это явленіе не можетъ быть случайное и что оно не зависитъ отъ поперечнаго уклона поверхности земли, потому что у со-

сѣднихъ рѣкъ западные или восточные берега высоки, смотря потому, текутъ ли онѣ отъ сѣвера къ югу или обратно, отъ юга къ сѣверу, напр. Волга и побочная ея рѣка Сура.

Причину этого напора воды по направленію къ западу ищу я въ общемъ физическомъ законѣ. Такъ какъ не можетъ быть случайностью, что всѣ рѣки Россіи имѣютъ высокій правый и низменный лѣвый берегъ, то и объясненіе этого должно искать въ слѣдующей общедѣйствующей причинѣ. Земля, какъ извѣстно, обращается вокругъ своей оси по направленію отъ запада къ востоку. Очевидно, что каждое мѣсто земной поверхности тѣмъ скорѣе должно обращаться, чѣмъ оно ближе къ экватору, потому что каждое мѣсто подъ экваторомъ должно совершать въ сутки наибольшій путь въ 5,400 географическихъ миль. Мѣсто подъ 60 градусомъ широты обращается вдвое медленнѣе, а мѣсто подъ полюсомъ остается при этомъ неподвижнымъ. При томъ и каждое тѣло на землѣ имѣетъ ту же скорость движенія, какъ мѣсто, на которомъ оно находится. Это въ физикѣ давно извѣстное дѣло, которое, слѣдовательно, не требуетъ доказательства; напоминаю только, что мы всѣ должны бы были мчаться къ ближайшей западной стѣнѣ, еслибы не обращались вмѣстѣ съ землею, а одна она бы вертѣлась къ востоку. Если поэтому движимое тѣло имѣетъ направленіе къ сѣверу, или югу, то оно кромѣ того удерживаетъ еще и первоначальное, отъ кругообращенія земли ему данное стремленіе къ востоку и будетъ удерживать это движеніе, пока не встрѣтитъ значительной опоры. И такъ, если вода течетъ отъ экватора по направленію къ полюсамъ, то она уноситъ съ собою болѣе значительное стремленіе къ востоку, нежели текущая въ мѣстахъ меньшей широты,—слѣдовательно первая вода въ руслѣ своемъ стремится къ восточному берегу. Но вода, текущая по направленію къ экватору, имѣетъ въ обращеніи меньшую скорость, нежели сколько нужно по мѣрѣ приближенія къ экватору, отъ чего она отстаетъ къ востоку или, что одно и тоже, она стремится къ западу. Въ нашемъ сѣверномъ полушаріи у рѣкъ, текущихъ по направленію къ полюсу, восточный, а у текущихъ къ экватору, западный берегъ составляетъ правый, слѣдовательно, вода во всѣхъ рѣкахъ, не направляющихся по параллелямъ, должна стремиться къ правому берегу.

Но на рѣки, текущія прямо отъ востока къ западу или наоборотъ, кругообращеніе земли не имѣетъ такого вліянія. Такъ напримѣръ замѣтно при Курѣ, что крутизна береговъ измѣняется при каж-

домъ оборотѣ, то на правую, то на лѣвую сторону, и именно берегъ высокъ напротивъ изгиба. Гидравлика давно уже признала это явленіе за положительный законъ, но никто еще, кажется, не указалъ на вліяніе обращенія земли и это тѣмъ удивительнѣе, что всѣ физики давно уже признали дѣйствіе обращенія земли на вѣтра, т. е. на движеніе воздуха.

Оставимъ частныя извилины, свойственныя каждой рѣкѣ, ибо главное направленіе всегда господствуетъ, и предложимъ себѣ вопросъ: бываетъ ли напоръ воды къ востоку и западу,—происходящій отъ обращенія земли,—достаточно силенъ, чтобы сдѣлаться замѣтнымъ, и гдѣ именно этотъ напоръ дѣйствуетъ сильнѣе, гдѣ слабѣе?

Само собою разумѣется, что уклонъ поверхности земли и стремленіе воды занять болѣе низменныя мѣста производитъ сильнѣйшій напоръ. Но такъ какъ движущаяся вода стремится сохранять скорость соотвѣтствующую вращательной скорости параллели ея истока, то она, направляясь къ полюсу, должна нѣсколько уклонятся къ востоку, обратно же вода, текущая къ экватору, уклоняется къ западу. Она движется, какъ физики выражаются, по діагонали двухъ силъ, изъ которыхъ малая, боковая, не иначе можетъ быть уменьшена или уничтожена, какъ отъ какого нибудь мѣстнаго сопротивленія. Если правый берегъ очень твердый, то боковая сила уничтожается въ каждый моментъ, но, направляясь далѣе къ сѣверу или къ югу, въ каждый же моментъ она вновь является и дѣйствуетъ такимъ образомъ безпрерывно. Вообще говоря, обыкновенно напоръ равенъ, или чаще, меньше сопротивленія. При усиливающемся теченіи, усилится въ томъ же отношеніи и боковой напоръ; коль скоро берегъ не въ состояніи будетъ сопротивляться этой силѣ, то онъ обрушится. Обрушеніе береговъ и показываетъ, что напоръ сильнѣе сопротивленія. Такъ напримѣръ встрѣчаются мѣста, гдѣ высокій берегъ ежегодно обрушивается, между тѣмъ, какъ въ другихъ мѣстахъ это рѣдко случается. На Волгѣ сопротивляется верхній твердый, глинистый слой берега, а размывается нижній, песчаный. Вотъ почему части глинистыхъ слоевъ, потерявши свою опору, обрушиваются отъ времени до времени. Напоръ бываетъ сильнѣе вообще въ тѣхъ рѣкахъ, въ коихъ разница между низкою и высокою водами болѣе; ясно, что онъ дѣйствуетъ тѣмъ разрушительнѣе, чѣмъ слабѣе береговая формація, т. е. когда эта послѣдняя, песчаная, глинисто-песчаная или болотная. При твердой почвѣ, напротивъ, боковая сила

уничтожается ежеминутно, не производя никакого видимаго дѣйствія. Въ Россіи неравность береговъ такъ поразительна потому, что на югѣ у насъ почва степная, на сѣверѣ болотная, а въ средней части часто рыхлая.—Далѣе кажется мнѣ несомнѣннымъ, что чѣмъ шире площадь воды въ рѣкѣ во время полноводія, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ и боковая сила. Тутъ она достигаетъ при сильномъ теченіи наибольшаго развитія, потому что по обѣ стороны находится вода, представляющая боковой силѣ наименьшее сопротивленіе. И дѣйствительно замѣчено, что при полноводіи самое быстрое теченіе значительно ближе къ высокимъ берегамъ, чѣмъ во время малой воды. Скорость теченія имѣетъ въ томъ только отношеніи вліяніе на боковую силу (назовемъ такъ для краткости дѣйствія вращеніе земли), что чѣмъ сильнѣе теченіе къ сѣверу, тѣмъ сильнѣе будетъ и отклоненіе къ востоку. Если теченіе усилится противъ прежняго въ десять разъ, то и отклоненіе увеличится въ десять разъ, потому что послѣднее есть только слѣдствіе перваго. Боковая сила зависитъ отъ угла, составляемаго направленіемъ теченія съ меридіаномъ, т. е. теченіе на сѣверо-западъ производитъ боковую силу около $^1/_2$ меньшую, чѣмъ равносильное теченіе, простирающееся по меридіану. Наибольшее же вліяніе на величину боковой силы имѣетъ географическая широта. Въ разныхъ широтахъ она пропорціональна косинусамъ этихъ широтъ. Доказать это весьма легко. Всѣ точки каждой параллели проходятъ въ 24 часа черезъ небесный меридіанъ; слѣдовательно, скорости вращенія различныхъ точекъ земной поверхности относятся между собою, какъ окружности параллелей, пропорціональны ихъ радіусамъ; широту же мы считаемъ отъ экватора къ полюсамъ—значитъ радіусы параллелей суть косинусы широтъ. Косинусы малыхъ широтъ уменьшаются медленно; косинусы ихъ же большихъ широтъ весьма быстро. Разность между скоростями вращенія разныхъ точекъ земной поверхности производитъ это боковое движеніе; слѣдовательно это послѣднее, ничтожное около экватора, возрастаетъ съ увеличеніемъ широты. Такъ напримѣръ, эта боковая сила за градусъ до полюса въ 100 разъ больше, чѣмъ у экватора. И вотъ еще причина, почему дѣйствіе этой силы въ Россіи замѣтнѣе, чѣмъ въ большей части прочихъ государствъ.

Если вычислить эту боковую силу, то найдемъ, что она очень мала относительно его движенія по меридіану, отъ котораго она про-

исходитъ. Даже въ большихъ широтахъ она еще такъ мала, что можетъ показаться сомнительнымъ, будетъ ли она въ состояніи произвести ощутительное дѣйствіе. Но если мы вообразимъ, что она одна только дѣйствуетъ, то это совершенно ложно. Ясно, что главное дѣйствіе происходитъ отъ паденія рѣки, боковая же сила даетъ ему только направленіе къ правому берегу.

84 4 INSST2 53 005 88 1 8533

Stanford University Libraries
3 6105 012 397 647

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305